Lapl
C 71

1фи ~~Ф 6509~~
№ 11684.
С-71 Спенсер
Социальная статистика
3р
№ 11684
Опис

Служебный каталог
1фл
С-71 | 31
С 71
9
1фл
301
С. 71.
КНИГА ПЕРЕУЧТЕНА.
ПБФ
№ 483

Гербертъ Спенсеръ

Соціальная статика

Изложеніе соціальныхъ законовъ, обусловливающихъ счастье человѣчества

БИБЛІОТЕКА СЕМИПАЛАТИНСКАГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ
Инвент. № 483
Систем. № 6
3 отдѣла 31 №
Инв 483
ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛІОТЕКИ ИМ. Н. В. ГОГОЛЯ
№ 11684

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906.—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

Проверено

Типографія Л. В. Гутмана. Калашниковскій пр., д. № 15.

Проверено

Предисловіе автора къ американскому изданію.

Авторъ желаетъ, чтобы новое изданіе «Соціальной Статики», которое выпускается теперь въ свѣтъ для американской публики, не принималось за вполнѣ точное выраженіе его настоящихъ взглядовъ на вещи. Ученіе, изложенное въ этомъ сочиненіи четырнадцать лѣтъ тому назадъ, при первоначальномъ его обнародованіи, значительно развилось въ сознаніи автора въ теченіе этого времени и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже видоизмѣнилось. Авторъ и въ настоящее время считаетъ справедливыми руководящія начала, развитыя на страницахъ этой книги, но онъ не во всѣхъ случаяхъ раздѣляетъ примѣненіе этихъ началъ въ частностяхъ.

Основныя начала нравственности, изложенныя въ первой части и въ начальныхъ главахъ второй, онъ считаетъ только предварительнымъ очеркомъ того, что по его мнѣнію составляетъ сущность и истинный смыслъ нравственныхъ принциповъ. Во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ выводы развиты, они по существу вѣрны, но разработаны слишкомъ недостаточно и составляютъ только часть тѣхъ основаній, на которыхъ должна быть построена научная система этики.

Выводы, сдѣланные во второй части, почти во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ согласны съ современными взглядами автора; но если бы ему пришлось въ настоящее время излагать свои мысли по этимъ предметамъ, то онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выразилъ бы ихъ совершенно иначе. Въ особенности главы «о правахъ женщинъ» и «о правахъ дѣтей» подверглись бы такимъ измѣненіямъ, которыя, сохраняя положенія и выводы въ прежней ихъ силѣ, придали бы другой видъ ихъ логическому построенію.

То же можно сказать и о выводахъ, сдѣланныхъ въ третьей части. Авторъ раздѣляетъ и до настоящаго времени выраженные въ ней общіе взгляды на политическія права, на государственныя отправленія и на предѣлы, въ которыхъ должна вращаться государственная дѣятельность. Но если бы ему пришлось излагать все это вновь, онъ обратилъ бы несравненно больше вниманія на то, что всѣ политическія учрежденія имѣютъ только временное значеніе, и что вслѣдствіе этого нѣкоторыя изъ подобныхъ установленій, если и имѣютъ относительныя достоинства, то не могутъ имѣть никакихъ притязаній на абсолютное совершенство.

Если спросятъ автора, почему онъ не измѣнилъ своего сочиненія такъ, чтобы оно вполнѣ выражало его современныя мнѣнія, ему останется отвѣтить, что онъ не могъ бы исполнить этого удовлетворительно не приложивъ къ нему такого количества труда, которое заставило бы его прекратить на время свои работы надъ «Системою Философіи». Если ему удастся достигнуть заключительныхъ томовъ этой системы, онъ разовьетъ въ нихъ выводы, относительно которыхъ «Соціальная Статика» будетъ только общимъ очеркомъ.

Лондонъ, 16 ноября 1864 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тонъ и способъ изложенія, принятый мѣстами на послѣдующихъ страницахъ, можетъ быть, вызоветъ замѣчанія критики, потому что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, непохожъ на предшествовавшія ему работы по тому же предмету. Исходъ дѣла покажетъ, благоразумно ли поступилъ авторъ, внося нововведенія въ сферу установленнаго прежними пріемами. Онъ не отступалъ отъ стараго безъ достаточныхъ причинъ; и если онъ это дѣлалъ, то дѣлалъ именно въ томъ убѣжденіи, что книга предназначена имѣть вліяніе на дѣятельность людей, и что, слѣдовательно, самый лучшій способъ для ея сочиненія тотъ, которымъ всего болѣе достигается такая цѣль.

Проявленія чувства, допущенныя мѣстами въ этомъ сочиненіи, могутъ непріятно поразить и показаться неумѣстными при чисто научномъ изложеніи: не слѣдуетъ однако же упускать изъ виду, что на той ступени развитія, на которой мы находимся, люди рѣдко руководствуются исключительно логическими соображеніями. Соображенія эти для того, чтобы произвести впечатлѣніе, должны быть подкрѣплены явными или скрытыми обращеніями къ чувству. Если обращенія къ чувству *дополняютъ*, но не *замѣняютъ* логическихъ выводовъ, то противъ нихъ нельзя сдѣлать никакого основательнаго возраженія. Читатель увидитъ, что различные выводы, предложенные на его обсужденіе въ этомъ сочиненіи, имѣютъ въ своемъ основаніи исключительно общее и безличное мышленіе, и *только* съ этой точки зрѣнія они могутъ быть разсматриваемы. Если, для усиленія ихъ впечатлѣнія на большинство, дѣлаются здѣсь посредственныя обращенія къ его симпатіямъ, то этимъ не только не ослабляется, но скорѣе увеличивается сила аргументовъ.

Можетъ быть, легкое изложеніе, допущенное въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будетъ признано несоотвѣтствующимъ важности предмета. Въ оправданіе такого пріема можно сказать, что сухая сжатость и точность, принятая, по обычаю, въ философскихъ сочиненіяхъ, порождаетъ въ нихъ монотонность, неодолимую для большинства читателей. Авторъ согласенъ, что строгое изложеніе имѣетъ свои преимущества, но онъ предпочелъ пожертвовать отчасти этими достоинствами въ надеждѣ сдѣлать сочиненіе интереснымъ для большаго числа читателей.

Лондонъ, декабрь 1850 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Утилитарная философія.

§ 1. «Дайте намъ руководителя,—кричатъ люди философу,—мы хотимъ вырваться изъ этой жалкой обстановки, среди которой мы погрязаемъ. Въ нашемъ воображеніи постоянно зарождаются образы лучшаго, и мы скорбимъ о нихъ, но всѣ наши усилія обратить ихъ въ дѣйствительность остаются безплодными. Насъ утомляютъ эти постоянныя ошибки; укажите намъ пути, которыми мы можемъ достигнуть исполненія нашихъ желаній».

«Что полезно, то справедливо»,—вотъ одинъ изъ послѣднихъ, въ числѣ многихъ, отвѣтовъ на этотъ призывъ.

«Совершенно вѣрно,—возражаютъ вопросители,—для божества с п р а в е д л и в о с т ь и п о л ь з а, безъ сомнѣнія, однозначащія выраженія; но для насъ остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ, которое изъ нихъ предшествуетъ и которое должно служить выводомъ. Если согласиться съ вашимъ предположеніемъ, что справедливость составляетъ неизвѣстную величину, а польза—извѣстную и данную, то предложеніе ваше можетъ послужить дѣлу. Но въ томъ-то и бѣда, что горькій опытъ убѣдилъ насъ, что обѣ эти величины одинаково неизвѣстны и неопредѣленны. Наконецъ, въ насъ зарождается подозрѣніе, что опредѣленіе справедливости даже легче, чѣмъ опредѣленіе пользы, и что удобнѣе было бы ваше предложеніе преобразить въ противоположное и выразить такъ: что справедливо, то полезно».

«Держитесь правила наибольшаго счастія для наибольшаго числа людей»,—такъ разрѣшаетъ сомнѣніе другой авторитетъ.

Ему отвѣчаютъ, что «это, точно такъ же какъ и предъидущее, нельзя даже вовсе и называть руководящимъ правиломъ: это скорѣе выраженіе задачи, подлежащей разрѣшенію. Ваше «наибольшее счастіе»—это именно и есть то, что мы такъ долго и такъ безплодно разыскиваемъ; мы только не давали этого названія предмету нашихъ желаній. Вы не говорите намъ ничего новаго, вы только придумываете слова, чтобы выразить нашу потребность. То, что вы называете отвѣтомъ, это нашъ вопросъ, выраженный въ обратной формѣ. Если такова ваша философія, то она, безъ сомнѣнія, одно суетное и ничтожное разглагольствованіе; она не болѣе какъ эхо, повторяющее вопросы».

«Имѣйте же немного терпѣнія,—возражаетъ моралистъ,—дайте мнѣ высказать мое мнѣніе о томъ, какимъ образомъ можно обезпечить наибольшее счастіе за наибольшимъ числомъ изъ живущихъ».

«Опять-таки вы не понимаете нашего требованія,—восклицаютъ возражающіе,—намъ нужны не личныя мнѣнія, а что-нибудь другое. Этими мнѣніями мы уже пресытились. Вся масса пустого прожектёрства касательно общаго блага была основана на личныхъ мнѣніяхъ; у насъ нѣтъ ни малѣйшей гарантіи, что вашъ планъ не прибавитъ новаго звена къ перечню прежнихъ ошибокъ. Придумали ли вы способъ для составленія безошибочнаго сужденія? Если нѣтъ, то мы видимъ одно, что вы настолько же пребываете во тьмѣ, насколько и мы. Совершенно справедливо, что вы пріобрѣли болѣе ясный взглядъ на цѣль, къ которой мы должны стремиться; что же касается до пути, которымъ мы должны идти, то ваше предложеніе высказать м н ѣ н і е показываетъ уже, что вы въ этомъ отношеніи не знаете ничего болѣе опредѣленнаго, чѣмъ мы. Мы сомнѣваемся въ вашемъ положеніи, потому что оно не заключаетъ въ себѣ того, въ чемъ мы нуждаемся, т. е. руководителя; мы сомнѣваемся въ немъ потому, что оно не указываетъ ни одного вѣрнаго способа для обезпеченія за нами предмета нашихъ стремленій; мы сомнѣваемся потому, что оно не создаетъ veto по отношенію къ ложной политикѣ; оно настолько же допускаетъ хорошій, насколько и дурной образъ дѣйствія, если только дѣйствующіе признаютъ его ведущимъ къ достиженію предписанной цѣли. Ваши ученія о пользѣ, объ общемъ благѣ, о наи-

большемъ счастіи наибольшаго числа людей не заключаютъ въ себѣ единообразнаго предписанія, удобнаго для примѣненія въ практической жизни. Пусть правители будутъ убѣждены или сумѣютъ подать видъ, что они убѣждены, что ихъ мѣры послужатъ ко благу общества, и ваша философія останется нѣмою въ виду самаго крайняго безразсудства и самыхъ мрачныхъ преступленій. Это не можетъ насъ удовлетворить. Мы ищемъ ученія, которое бы намъ давало положительный отвѣтъ, когда мы спросимъ его о проступкѣ: «хорошо это или нѣтъ?» Намъ не нужно міровоззрѣнія, которое бы намъ отвѣчало подобно вамъ: «да, это хорошо, если оно способно насъ облагодѣтельствовать». Мы вамъ будемъ благодарны, когда вы для насъ создадите именно то, чего мы ищемъ, когда вы намъ дадите аксіомы, изъ которыхъ мы въ состояніи будемъ выводить рядъ заключеній до тѣхъ поръ, пока съ математическою точностью не разрѣшимъ всѣ наши затрудненія. Если вы не въ состояніи дать намъ такого міровоззрѣнія, мы должны будемъ искать его въ другомъ мѣстѣ».

Въ свою защиту философы говорятъ, что такое требованіе неблагоразумно. Они подвергаютъ сомнѣнію возможность научно-точныхъ правилъ нравственности. Независимо отъ этого они утверждаютъ, что ихъ система достаточна для практическихъ цѣлей. Они ясно опредѣлили цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться. Они изучили пространство, которое лежитъ между этой цѣлью и нами. Они полагаютъ, что отыскали лучшую дорогу. Наконецъ, они добровольно приняли на себя роль піонеровъ. Послѣ этого они думаютъ, что ими сдѣлано все, что можно отъ нихъ требовать, что критику оппозиціи они могутъ считать придирчивою и возраженія ея пустыми. Вникнемъ внимательно въ этотъ споръ.

§ 2. Правило, принципъ или аксіома имѣютъ значеніе только тогда, когда слова, которыми они выражены, заключаютъ въ себѣ точно опредѣленную мысль. Это справедливо даже и тогда, когда подобное правило или аксіома будутъ удовлетворительны въ другихъ отношеніяхъ. Выраженія, употребленныя въ этомъ случаѣ, должны имѣть въ языкѣ точный и притомъ одинъ и тотъ же всѣми признанный смыслъ; въ противномъ случаѣ предложеніе будетъ подвержено столькимъ разнообразнымъ толкованіямъ, что оно утратитъ всякое право называться правиломъ. Такимъ образомъ, когда фило-

софъ провозгласилъ правило «наибольшаго счастія для наибольшаго числа живущихъ» и признавалъ его руководителемъ общественной нравственности, то онъ долженъ былъ предполагать, что понятіе «наибольшаго счастія» опредѣляется всѣмъ человѣчествомъ единообразно и точно.

Такое предложеніе однако же заключало въ себѣ одну изъ самыхъ злополучныхъ ошибокъ; мѣрка, которою люди мѣряютъ счастіе, безконечно разнообразна,—это фактъ, доказанный самымъ осязательнымъ образомъ. Во всѣ времена, между всѣми народами и у каждаго класса людей на этотъ предметъ существовали свои особые взгляды. Для странствующаго цыгана домашній очагъ осѣдлаго человѣка скученъ и отвратителенъ; швейцарецъ былъ бы несчастливъ безъ такого очага. Прогрессъ необходимъ для благополучія англосаксонца; эскимосъ доволенъ своею грязною бѣдностью, не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ желаній и остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ во времена Тацита. Ирландецъ находитъ удовольствіе въ строю; китайцу нужны процессіи и церемоніи; вялый и апатичный житель Явы приходитъ въ шумный восторгъ при видѣ нѣтушьяго боя. Рай еврея—это «градъ, наполненный златомъ и драгоцѣнными камнями, обладающій сверхъестественнымъ изобиліемъ въ хлѣбѣ и винѣ»; рай турка—это гаремъ, обитаемый гуріями; рай краснокожаго Америки—это «благодатная для охоты мѣстность»; въ скандинавскомъ раю каждый день сраженіе, и раны излечиваются чудотворною силою; австраліецъ надѣется, что послѣ смерти онъ «обгонитъ бѣлаго и будетъ имѣть множество мелкой монеты». Если мы отъ народовъ перейдемъ къ отдѣльнымъ личностямъ, то увидимъ, что Людовикъ XVI признавалъ «высшимъ счастіемъ» размышлять за механическимъ занятіемъ; а его преемникъ считалъ такимъ счастіемъ—читать, создавая имперіи. Ликургъ находилъ, что для человѣческаго счастія болѣе всего необходимо полнѣйшее физическое развитіе; Плотинъ, напротивъ, былъ до того идеаленъ въ своихъ стремленіяхъ, что стыдился своего тѣла. Множество противорѣчащихъ отвѣтовъ, данныхъ греческими мыслителями на вопросъ о томъ, въ чемъ заключается счастіе, подавало поводъ къ устарѣвшимъ и опошлившимся нынѣ сравненіямъ. Но и теперь мы не находимъ между нами въ этомъ отношеніи большаго единомыслія. Для скупаго Эльва

копить деньги составляло единственную радость жизни; Дай, человѣколюбивый авторъ «Сандофора и Мертона», находилъ въ раздачѣ денегъ единственное пріятное изъ нихъ употребленіе. Сельское уединеніе, книги и другъ составляютъ пожеланія поэта; хлыщъ стремится напротивъ къ обширному кругу знатныхъ знакомыхъ, къ ложѣ въ оперѣ. Стремленія купца и артиста менѣе всего похожи другъ на друга; если бы мы сравнили воздушные замки философа и земледѣльца, мы бы нашли большую разницу въ ихъ архитектурѣ.

Обобщая эти факты, мы найдемъ, что личная мѣра «наибольшаго счастія» имѣетъ такъ же мало опредѣленнаго, какъ и другія проявленія человѣческой природы. Несходство въ мнѣніяхъ по этому предмету между различными націями достаточно очевидно. Сравнивая современныхъ евреевъ съ евреями временъ патріарховъ, можно убѣдиться, что идеалъ благополучія измѣняется и въ средѣ той же самой расы. Люди одного общества несогласны между собою по этому вопросу. Наконецъ, если мы сравнимъ желаніе жаднаго школьника съ стремленіями презирающаго земныя блага трансценденталиста, въ котораго онъ впослѣдствіи превратится, то не найдемъ въ этомъ отношеніи и тѣни постоянства въ одномъ и томъ же индивидуумѣ. Можно сказать, что не только каждая эпоха и каждый народъ имѣютъ свои понятія о счастіи, но что едва ли возможно найти двухъ человѣкъ, которые имѣли бы на этотъ предметъ тожественные взгляды: далѣе можно утверждать, что понятія объ этомъ предметѣ различны у одного и того же человѣка въ различные періоды жизни.

Выводъ изъ всего этого довольно простъ. Счастіе состоитъ въ удовлетвореномъ состояніи всѣхъ способностей. Удовлетвореніе способности заключается въ ея упражненіи. Чтобы это упражненіе было пріятно, необходимо, чтобы оно соотвѣтствовало силѣ способности; недостаточное упражненіе производитъ неудовольствіе, чрезмѣрное порождаетъ утомленіе. Итакъ для полнаго счастія необходимо, чтобы всѣ способности упражнялись соразмѣрно со степенью ихъ развитія; идеально совершенное расположеніе обстоятельствъ такимъ образомъ, чтобы обезпечить именно такое упражненіе всѣхъ способностей, и порождаетъ мѣру «наибольшаго счастія»; нѣтъ однако же двухъ людей, умы которыхъ представляли бы для

этого тожественную комбинацію элементовъ. Двойниковъ нѣтъ на свѣтѣ. У каждаго человѣка желанія имѣютъ свой собственный вѣсъ. Условія, приспособленныя къ тому, чтобы породить наибольшее благополучіе одного, не могутъ дать вполнѣ тотъ же результатъ по отношенію къ другому. Слѣдовательно, и понятіе о счастіи должно измѣняться сообразно съ характеромъ и расположеніемъ людей; ясно, что оно должно измѣняться до безконечности.

Все это приводитъ насъ къ неизбѣжному заключенію, что истинное понятіе о томъ, въ чемъ должна заключаться человѣческая жизнь, возможно только для идеальнаго человѣка. Мы можемъ дѣлать объ этомъ предметѣ только приблизительно вѣрныя заключенія; для полнаго пониманія, въ чемъ должны заключаться истинныя человѣческія стремленія, необходимо, чтобы человѣкъ, составляющій себѣ это понятіе, имѣлъ въ своей душѣ всѣ чувства и способности въ совершенно нормальныхъ пропорціяхъ. Подобныхъ людей на свѣтѣ теперь не существуетъ, а потому и невозможно достигнуть вполнѣ правильнаго во всѣхъ подробностяхъ понятія о наибольшемъ счастіи. Поэтому не мудрено, если Палеи и Бентамы дѣлали безплодныя попытки создать въ этомъ отношеніи правильное опредѣленіе. Вопросъ этотъ заключаетъ въ себѣ одну изъ тѣхъ загадокъ, въ смыслѣ которыхъ люди постоянно стремятся проникнуть, но гдѣ они постоянно обрываются. Это та неразрѣшимая задача, которую созданное воображеніемъ древнихъ сфинксоподобное существо задаетъ каждому новому пришельцу для того, чтобы пожрать его, не получивъ отвѣта. Тутъ до сихъ поръ еще не появлялось Эдипа, и нѣтъ даже и признаковъ его будущаго появленія.

Конечно можно утверждать, что все это слишкомъ большія тонкости, и что для практическихъ цѣлей мы достаточно хорошо понимаемъ, что значитъ «наибольшее счастіе». Такое мнѣніе однако легко, хотя и безполезно, опровергнуть, потому что спорщикамъ, высказывающимся подобнымъ образомъ, не трудно указать множество вопросовъ, гдѣ людьми менѣе всего обнаруживается это предполагаемое въ нихъ единомысліе. Напримѣръ:

— Какимъ образомъ нужно опредѣлить удовлетвореніе между душевными и тѣлесными потребностями для того, чтобы достигнуть «наибольшаго счастія»? Есть предѣлъ, до кото-

КНИГА ЦЕНТРАЛЬНАЯ

раго счастіе увеличивается возвышеніемъ душевной дѣятельности; за этимъ предѣломъ такая дѣятельность производитъ болѣе страданій, чѣмъ удовольствія. Гдѣ же этотъ предѣлъ? Есть люди, которые, кажется, полагаютъ, что развитіе интеллектуальныхъ силъ и удовольствія, которыя отъ этого происходятъ, едва ли могутъ быть поведены слишкомъ далеко. Другіе же утверждаютъ, что въ средѣ образованныхъ классовъ общества душевное возбужденіе зашло уже слишкомъ далеко, и что можно было бы достигнуть большей мѣры удовольствія, если бы больше времени посвящалось удовлетворенію животныхъ отправленій. Если придерживаться правила достиженія «наибольшаго счастія», то необходимо рѣшить, которое изъ этихъ мнѣній заключаетъ въ себѣ истину; затѣмъ нужно обозначить точный предѣлъ между нормальнымъ употребленіемъ и злоупотребленіемъ каждой способности.

— Что составляетъ болѣе существенный элементъ желаемаго счастія, удовлетвореніе или стремленіе? Обыкновенно считаютъ несомнѣннымъ, что счастіе заключается въ удовлетвореніи. Удовлетвореніе считается наиболѣе существеннымъ для благосостоянія. Есть однако же люди, которые утверждаютъ, что не существуй неудовлетворенія,—мы были бы до сихъ поръ дикими. Но ихъ мнѣнію неудовлетвореніе—величайшій стимулъ для прогресса. Они утверждаютъ даже, что если бы удовольствіе было общимъ правиломъ, то общество тотчасъ же начало бы приходить въ упадокъ. Необходимо согласить эти противорѣчія.

— Затѣмъ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ «польза», этимъ синонимомъ выраженія «наибольшее счастіе»? Милліоны отнесутъ это слово къ тѣмъ предметамъ, которые посредственно или непосредственно удовлетворяютъ тѣлеснымъ потребностямъ, они заключатъ его въ предѣлы народной поговорки «помогите наполнить горшокъ для пищи» («help to get something to put in the pot»). Другіе полагаютъ, что умственное развитіе носитъ цѣль въ самомъ себѣ, независимо отъ такъ называемыхъ практическихъ результатовъ; они стремятся преподавать астрономію, сравнительную анатомію, этнографію и подобныя науки наряду съ логикой и метафизикой. Нѣкоторые изъ римскихъ писателей считали художества положительно вредными, теперь же многіе находятъ полезнымъ занятіе поэзіею, живописью, скульптурой, декоративнымъ

искусствомъ и вообще всѣмъ тѣмъ, что развиваетъ вкусъ и дѣлаетъ его утонченнымъ. Существуетъ крайняя партія, которая утверждаетъ, что на одну степень съ ними слѣдуетъ поставить музыку, танцы, драматическое искусство и все то, что называется обыкновенно развлеченіями. Вмѣсто всей этой разноголосицы мы должны бы имѣть единогласіе.

— Слѣдуетъ ли намъ держаться ученія людей, которые находятъ счастіе въ томъ, чтобы въ возможно большихъ размѣрахъ пользоваться благами и удовольствіями этой жизни, или мы должны примкнуть къ людямъ, которые ищутъ его въ томъ, чтобы предвкусить блаженство будущей жизни? Если мы захотимъ примирить эти два направленія и скажемъ, что нужно стремиться и къ тому и къ другому, то въ какихъ же размѣрахъ нужно сообразовать свою дѣятельность съ каждымъ изъ этихъ направленій?

— Что должны мы думать о нашемъ вѣкѣ, жадномъ до богатства? Какъ должны мы смотрѣть на то, что у насъ все время и вся энергія поглощаются дѣловою жизнью, что умъ нашъ дѣлается рабомъ для удовлетворенія потребностей тѣла, что мы растрачиваемъ всю жизнь лишь для того, чтобы пріобрѣсти средства жить? Слѣдуетъ ли все это считать наибольшимъ счастіемъ и дѣйствовать сообразно съ такимъ мнѣніемъ? Или мы должны руководствоваться предположеніемъ, что на все это слѣдуетъ смотрѣть какъ на прожорливость куколки, уподобляющей матеріалъ для развитія насѣкомаго?

Подобныхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ можно задавать безконечное множество. Слѣдовательно, съ теоретической точки зрѣнія не только невозможно достигнуть согласія относительно средствъ для доставленія людямъ «наибольшаго счастія», но ясно также, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые требуютъ опредѣленныхъ понятій объ этомъ наибольшемъ счастіи, люди другъ съ другомъ вполнѣ расходятся.

Такимъ образомъ нашъ кормчій, направляя нашъ путь къ этому такъ называемому «наибольшему счастію наибольшаго числа живущихъ», не допускаетъ до нашего слуха обѣтованное слово и не исполняетъ возбужденныхъ имъ надеждъ. То, что онъ показываетъ въ свой телескопъ, это fata morgana, а не обѣтованная земля. Истинная пристань, къ которой мы стремимся, лежитъ далеко за горизонтомъ, и никто еще не видалъ ея. Она за предѣломъ зрѣнія всякаго наблю-

дателя, какъ бы онъ ни былъ дальнозорокъ. Не зрѣніе, а вѣра должна быть нашимъ руководителемъ. Мы не можемъ оставаться безъ компаса.

§ 3. Основныя положенія философіи пользы даже и тогда имѣли бы слабыя стороны, если бы они не уничтожались неопредѣленностью ихъ выраженій. Если даже предположить, что цѣль пожеланій, т. е. «наибольшее счастіе», правильно понимается, что всѣ одинаково разумѣютъ и его сущность и его природу, что направленіе, въ которомъ она находится, удовлетворительно опредѣлено, даже и въ такомъ случаѣ остается неразрѣшеннымъ вопросъ, возможно ли человѣческому уму, предоставленному самому себѣ, опредѣлить, какими путями онъ можетъ достигнуть этой цѣли, и возможна ли для такого опредѣленія хотя сколько-нибудь удовлетворительная точность. Ежедневный опытъ показываетъ, что та же самая неопредѣленность существуетъ какъ относительно цѣли, которая должна быть достигнута, такъ и относительно истинно вѣрныхъ пріемовъ, которые должны быть употреблены для этого достиженія, если цѣль извѣстна. Во время своего стремленія къ постепенному достиженію различныхъ частей великаго цѣлаго, которое называется «наибольшимъ счастіемъ», люди менѣе всего имѣли удачу; мѣры, которыя обѣщали всего больше хорошаго, обыкновенно превращались въ величайшія ошибки. Возьмемъ нѣсколько случаевъ изъ дѣйствительности.

Въ Баваріи было сдѣлано постановленіе, что ни одинъ бракъ не можетъ быть дозволенъ между лицами, не имѣющими капитала, за исключеніемъ случаевъ, когда власти убѣдятся, что желающіе жениться «имѣютъ основательную надежду обезпечить своихъ дѣтей». Такое правило, безъ всякаго сомнѣнія, имѣло въ виду общественное благо и хотѣло положить предѣлъ легкомысленнымъ союзамъ и чрезмѣрному увеличенію населенія. Цѣль эту многіе политики признаютъ похвальною, а средство они найдутъ вполнѣ приспособленнымъ къ ея достиженію. Это, повидимому, остроумное средство однако же менѣе всего привело къ цѣли; оказалось, что въ главномъ городѣ государства, въ Мюнхенѣ, наполовину родилось незаконныхъ дѣтей!

Весьма важныя причины и вполнѣ достаточныя основанія побудили наше правительство создать на берегахъ Африки

Къ чему приводить отдѣльные случаи? Развѣ опытъ всѣхъ народовъ не показываетъ тщетность эмпирическихъ попытокъ для пріобрѣтенія счастія? Развѣ собраніе нашихъ статутовъ (законовъ) заключаетъ въ себѣ что-либо иное, кромѣ перечня подобныхъ несчастныхъ покушеній, сдѣланныхъ наугадъ? Развѣ исторія не есть разсказъ о неудачномъ исходѣ всѣхъ этихъ мѣръ? Далеко ли мы ушли на этомъ пути въ настоящее время? Развѣ наше правительство не завалено и въ настоящее время работой до того, что можно было бы подумать, что фабрикація законовъ началась только со вчерашняго дня? Развѣ оно сдѣлало какой-нибудь очевидный шагъ къ окончательному установленію соціальныхъ порядковъ? Развѣ оно не запутывается съ каждымъ годомъ все болѣе въ сѣтяхъ имъ же созданнаго законодательства, и развѣ оно не вноситъ съ каждымъ годомъ все большій безпорядокъ въ эту разнокалиберную массу постановленій? Можно сказать, что каждое новое дѣйствіе парламента заключаетъ въ себѣ прикрытое признаніе своей некомпетентности. Нѣтъ почти ни одного закона, который бы не былъ озаглавленъ такъ: «Указъ, въ отмѣну указа». Послѣ словъ «такъ какъ», которыми эти законы начинаются, слѣдуетъ мотивъ, который заключаетъ въ себѣ ни болѣе ни менѣе, какъ исторію неудачи прежняго законоположенія. Измѣненія, разъясненія и отмѣны законовъ—вотъ занятія каждаго парламентскаго засѣданія. Всѣ наши великія парламентскія агитаціи имѣли цѣлью отмѣну учрежденій, создававшихся для общественнаго блага. Доказательствомъ могутъ служить агитаціи для отмѣны законовъ, удалявшихъ католиковъ отъ должностей, отмѣны Test and Corporation Acts; движенія въ пользу эманципаціи католиковъ, для отмѣны хлѣбныхъ законовъ; къ настоящее время къ нимъ можно присовокупить агитацію относительно отдѣленія церкви отъ государства. Исторія всѣхъ этихъ явленій совершенно единообразна. Сначала затѣвается законъ, потомъ онъ испытывается, далѣе оказывается негоднымъ; тогда въ немъ дѣлается измѣненіе, и еще разъ слѣдуетъ неудача; затѣмъ является на свѣтъ то безтолковая начкотня для исправленія испорченнаго дѣла, то неспособныя къ жизни попытки. Наконецъ, все отмѣняется, и является на мѣсто стараго совершенно новый планъ, которому предназначено пройти по тому же пути и испытать ту же судьбу.

Философія пользы игнорируетъ этотъ міръ съ его поучительными явленіями. Люди постоянно обманывались при своихъ попыткахъ обезпечить путемъ законодательства какую-либо изъ частей великаго цѣлаго, называющагося «наибольшимъ счастіемъ»; несмотря на это, она продолжаетъ вѣрить безпомощному сужденію государственныхъ людей. Она не добивается руководителя; она не имѣетъ эклектическаго принципа; она не отыскиваетъ узла, чтобы можно было распутать запутанную сѣть соціальнаго существованія и раскрыть его законы. Она предполагаетъ, что правительства, по изслѣдованіи явленій, изъ которыхъ слагается народная жизнь, достаточно приготовлены для всякихъ полезныхъ мѣропріятій. Ей кажется философское изслѣдованіе человѣческой жизни столь легкимъ: соціальная организація представляется ей такою несложною; побудительныя причины, которыми руководствуется народъ въ своихъ дѣйствіяхъ, по ея мнѣнію, такъ очевидны, что для представителей такъ называемой «общественной мудрости» общее изслѣдованіе этихъ предметовъ достаточно, чтобы сдѣлать ихъ способными къ изданію законовъ. Она считаетъ человѣческій интеллектъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ. Она считаетъ его способнымъ къ точному и вѣрному изслѣдованію проявленій человѣческой природы въ общественной жизни людей; она полагаетъ, что онъ можетъ сдѣлать вѣрную оцѣнку свойствъ общества и отдѣльныхъ личностей и дѣйствія, которое производятъ на людей религія, обычаи, предразсудки, предубѣжденія, что онъ можетъ точно оцѣнить умственное направленіе вѣка, опредѣлить значеніе случайностей будущаго и т. д. Ей кажется, что онъ можетъ соединить въ своемъ воображеніи въ единое цѣлое всѣ разнообразныя явленія этого вѣчно взволнованнаго, вѣчно мѣняющагося моря жизни и почерпнуть изъ этого цѣлаго тѣ познанія, тѣ принципы управленія, которые сдѣлаютъ его способнымъ рѣшать, какое вліяніе на людей будетъ имѣть та или другая мѣра, и приведетъ ли она къ «наибольшему счастію наибольшаго числа».

Представьте себѣ, что Ньютонъ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать свойства земли, прямо приступилъ бы къ изученію небесной механики. Съ телескопомъ въ рукахъ, онъ употребилъ бы многіе годы на опредѣленіе разстояній небесныхъ тѣлъ, ихъ величины, движенія, наклонности оси, формы

орбиты, возмущенія и т. д. Онъ записалъ бы эту массу собранныхъ наблюденій и началъ бы выводить изъ нихъ основные законы равновѣсія планетъ и звѣздъ. Онъ копался бы до безконечности и не пришелъ бы ни къ какому результату.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такой пріемъ изслѣдованія не имѣлъ бы смысла, но онъ былъ бы все-таки гораздо раціональнѣе попытки раскрыть принципы общественной жизни путемъ непосредственныхъ наблюденій надъ этой поражающей своею запутанностью комбинаціей, которую называютъ обществомъ. Нисколько неудивительно, если законодательство, основанное на теоріяхъ, выработанныхъ такимъ способомъ, дѣлаетъ ошибки. Скорѣе можно было бы крайне удивляться, если бы его дѣятельность оказывалась успѣшною. Наше понятіе о человѣкѣ самое несовершенное, а между тѣмъ *человѣка*—орудіе, которымъ дѣйствуетъ законодательство, и предметъ, для котораго оно создается. Полное знаніе отдѣльнаго *человѣка* было бы однако же только первою ступенью для изученія массы людей, называемой о б щ е с т в о м ъ. Послѣ этого совершенно ясно, что выводъ началъ истинной философіи общественной жизни изъ безконечно развѣтвленныхъ комбинацій всемірнаго человѣчества составляетъ задачу, которая выше способностей ограниченной души, поэтому и составленіе правилъ для достиженія «наибольшаго счастія» на подобномъ основаніи недоступно этимъ способностямъ.

§ 4. Еще одно возраженіе, гибельное для философіи пользы, заключается въ томъ, что она предполагаетъ вѣчное существованіе управленія. Несомнѣнная ошибка предполагать, что управленіе должно существовать всегда. Учрежденіе это характеризуетъ извѣстное состояніе человѣческой цивилизаціи, оно естественно для извѣстнаго фазиса человѣческаго развитія. Оно принадлежитъ къ разряду явленій случайныхъ, а не неизбѣжныхъ. У бушменовъ мы находимъ состояніе, предшествующее гражданскому устройству; возможно и такое положеніе общества, гдѣ гражданское устройство угаснетъ. Оно уже и теперь потеряло отчасти свое значеніе. Было время, когда исторія народа состояла изъ исторіи его правительства. Теперь мы видимъ совершенно иное. Когда-то общераспространенный деспотизмъ былъ проявленіемъ крайней необходимости въ стѣсненіяхъ. Феодальная система, крѣпостная зависимость, рабство, всѣ эти деспотическія учрежденія суть

не что иное, какъ крайне сильные образы правленія, которыхъ необходимость вытекала изъ испорченности человѣка. Прогрессъ, по отношенію къ этимъ учрежденіямъ, приводилъ во всѣхъ случаяхъ къ одному и тому же — къ ослабленію власти правленія. Къ этой цѣли направлены и конституціонныя формы, и политическая свобода, и демократія. Общества, ассоціаціи, товарищества заключаютъ въ себѣ новыя формы для достиженія цѣлей, которыя въ болѣе варварскія времена и въ странахъ, стоящихъ на болѣе низкой ступени цивилизаціи, нуждаются въ дѣятельности правительства. У насъ законодательная власть ослабляется болѣе новыми и могущественными силами,—она перестаетъ быть господиномъ и дѣлается слугою. Давленіе извнѣ достигло теперь того, что уже признается окончательнымъ источникомъ правленія. Торжество лиги противъ хлѣбныхъ законовъ ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ образцовъ новыхъ пріемовъ управленія; значеніе общественнаго мнѣнія беретъ верхъ надъ прежнимъ двигателемъ, надъ силою. Все это заставляетъ предполагать, что зависимость законодателя отъ мыслителя сдѣлается общепризнаннымъ началомъ. Число приверженцевъ власти государства уменьшается со дня на день. Даже «Times» видитъ, что «общественными перемѣнами, окружающими насъ, установляются истины, которыя менѣе всего подаютъ законодательной власти поводъ возгордиться»: она замѣчаетъ, что «пути, по которымъ направляется прогрессъ, зависятъ не отъ биллей, предлагаемыхъ въ парламентѣ, не отъ законовъ, которые издаются, не отъ того, что происходитъ въ области политики или государства, а отъ непосредственной дѣятельности общества и отъ той связи, въ которой эта дѣятельность находится съ успѣхами искусствъ и наукъ, отъ природныхъ вліяній и многихъ другихъ подобныхъ причинъ, вовсе не политическаго свойства» *). Такимъ образомъ государственная власть упадаетъ въ той же степени, въ какой развивается цивилизація. Власть эта необходима для дурныхъ людей, для хорошихъ она излишняя. Это — стѣсненіе, которое создастъ для себя народная слабость, и стѣсненіе это прямо пропорціонально степени слабости. Существованіе власти доказываетъ, что еще не пришелъ конецъ варварства. Законъ

*) См. «Times», Oct. 12, 1846.

для узкаго эгоиста — то же, что для дикаго звѣря клѣтка. Ограниченіе необходимо для дикаго, для грабителя, для склоннаго къ насилію; для человѣка справедливаго, доброжелательнаго, великодушнаго оно излишне. Всякая потребность во внѣшней силѣ указываетъ на болѣзненное состояніе. Тюрьма нужна для преступника, сумасшедшая рубашка для помѣшаннаго, костыли для хромого, корсетъ для страдающаго слабостью позвоночнаго хребта, для безхарактернаго нуженъ распорядитель, для ограниченнаго руководитель; но ничего подобнаго не нужно для человѣка, у котораго здоровая душа находится въ здоровомъ тѣлѣ. Тюрьмы были бы излишни, если бы не было воровъ и убійцъ. Арміи у насъ существуютъ только потому, что тиранія господствуетъ теперь на землѣ. Адвокаты, судьи присяжные, всѣ орудія закона, необходимы только по причинѣ существованія плутовства. Судебная власть есть послѣдствіе соціальной порочности; полиція и преступникъ это—цѣлое, въ которомъ одна часть служитъ необходимымъ дополненіемъ другой. Такимъ образомъ то, что мы называемъ правительствомъ, есть не что иное, какъ неизбѣжное зло.

Каково же должно быть наше мнѣніе о системѣ нравственности, для которой эти преходящія учрежденія служатъ основаніемъ, которая предполагаетъ ихъ вѣчными и создаетъ въ этомъ предположеніи длинный рядъ заключеній? Матеріалами для своей постройки она избираетъ парламентскія постановленія, а государственныхъ людей обращаетъ въ своихъ зодчихъ. Таковъ образъ дѣйствій философіи пользы. Она избираетъ правительство себѣ въ товарищи, даетъ ему полное право контроля надъ своимъ дѣломъ; но мнѣнію этой системы все должно быть предоставлено сужденію правительства; однимъ словомъ, она дѣлаетъ изъ правительства жизненный принципъ, существо и душу своего ученія. Если Палей утверждаетъ, что интересы всего общества обязательны для каждой его части, то слѣдовательно онъ предполагаетъ существованіе власти, которая бы опредѣляла, въ чемъ долженъ заключаться этотъ интересъ всего общества. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ свою мысль еще яснѣе, — онъ утверждаетъ, что воля отдѣльнаго лица должна уступить, когда дѣло идетъ объ интересѣ всей націи; интересъ же націи опредѣляется законодательною властью. Бентамъ выражается

еще рѣшительнѣе, онъ утверждаетъ, что счастіе отдѣльныхъ личностей, изъ которыхъ составляется общество, ихъ радости, ихъ спокойствіе и ихъ безопасность, — вотъ единственная цѣль, которую законодательство должно имѣть въ виду; законодательство въ предѣлахъ, въ которыхъ это отъ него зависитъ, должно заставлять отдѣльныя личности сообразовать свое поведеніе съ этимъ единственнымъ руководящимъ правиломъ. Эти мѣста изъ сочиненій упомянутыхъ философовъ избраны не произвольно, они вытекаютъ изъ самаго основанія, на которомъ построена ихъ система. По ихъ мнѣнію «польза» должна вести къ благу массъ, а не къ благу отдѣльнаго лица; она должна вести къ благу какъ настоящихъ, такъ и будущихъ поколѣній. Ясно, при такомъ положеніи, что кто-нибудь долженъ же рѣшать, какіе пути должны вести къ такому благу. Взгляды на пользу той или другой мѣры до такой степени различны, что они дѣлаютъ управленіе существенно необходимымъ. Относительно запретительныхъ тарифовъ, государственной церкви, смертной казни, законовъ о бѣдныхъ существуютъ прямо противоположныя мнѣнія; способствуютъ ли эти учрежденія общему благу или нѣтъ, на этотъ вопросъ даются такіе различные отвѣты, что дѣло не подвинулось бы ни на шагъ до конца временъ, если бы въ этомъ нельзя было ничего сдѣлать прежде, чѣмъ воспослѣдуетъ единодушное согласіе всѣхъ. Если бы, независимо отъ государственной власти, каждый приводилъ въ исполненіе свои взгляды на то, что онъ считаетъ лучшимъ обезпеченіемъ для «наибольшаго счастія наибольшаго числа живущихъ», въ обществѣ очень скоро водворилось бы безысходное замѣшательство. Если ученіе о нравственности основано на правилахъ, которыя при практическомъ примѣненіи порождаютъ споры и противоположные взгляды, то понятно, что необходима для его осуществленія извѣстная власть, которая имѣла бы право окончательнаго рѣшенія, т. е. законодательство. Безъ такой власти нравственное ученіе должно оставаться недѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ дѣло ставится вотъ въ какое положеніе. Система нравственной философіи должна заключать въ себѣ собраніе истинъ и руководящихъ правилъ для опредѣленія направленій человѣческой дѣятельности, — правилъ, приспособленныхъ для руководства какъ наилучшихъ, такъ и наи-

худшихъ членовъ человѣческаго рода. Если они истинны, то они должны быть способны руководить человѣчество и по постиженіи наибольшаго совершенства, какое мы можемъ себѣ представить. Правительство же есть учрежденіе, порожденное человѣческимъ несовершенствомъ; всѣми признано, что учрежденіе это порождено необходимостью ограждать себя отъ зла; это—учрежденіе, отъ котораго можно было бы избавиться, если бы міръ былъ населенъ несебялюбивыми, добросовѣстными и доброжелательными людьми; однимъ словомъ, это учрежденіе—несовмѣстимое съ упомянутымъ «крайнимъ предѣломъ человѣческаго совершенства». Послѣ этого, можно ли признать систему нравственной философіи истинною, если необходимость правительства лежитъ въ основаніи этой системы?

§ 5. Итакъ; первое, что можно сказать о философіи пользы, это то, что она не имѣетъ права на научное значеніе,—она не основана на аксіомахъ, а выражаетъ только задачи, которыя подлежатъ разрѣшенію.

Если даже согласиться, что ея основныя положенія заключаютъ въ себѣ аксіомы, и въ такомъ случаѣ ими нельзя удовольствоваться, потому что онѣ выражены словами, не имѣющими единаго, всѣми признаннаго смысла.

Если бы философія «пользы» была удовлетворительна во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то она все-таки будетъ лишена всякаго значенія до тѣхъ поръ, пока для ея практическаго примѣненія необходимо будетъ всевѣдѣніе.

Если мы даже не обратимъ вниманія на всѣ другія возраженія, то мы все-таки вынуждены будемъ отказать въ нашемъ признаніи ученію, которое въ одно и то же время стремится создать совершенное и принимаетъ несовершенство себѣ въ основаніе.

Ученіе о нравственномъ чувствѣ.

§ 1. Для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе объ обществѣ, необходимо изслѣдовать природу индивидуумовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Чтобы понять человѣче-

ство, во всей его сложности, необходимо сначала анализировать отдѣльные его элементы; для пониманія сложнаго необходимо обратиться къ простѣйшимъ составнымъ его частямъ. Не трудно понять, что каждое проявленіе въ собраніи людей истекаетъ изъ извѣстнаго рода свойствъ отдѣльнаго человѣка. Немного нужно размышленія, чтобы понять, что самое существованіе общества доказываетъ въ отдѣльныхъ его членахъ извѣстную естественную наклонность къ такому союзу. Ясно, что если бы человѣчество не обладало способностью управлять и подвергаться управленію, то правительство было бы невозможно. До безконечности сложная организація человѣческихъ отношеній выросла подъ вліяніемъ извѣстныхъ стремленій, существующихъ въ каждомъ изъ насъ. Религіозныя учрежденія вызваны были къ жизни извѣстными нашими чувствами, къ которымъ они обращаются.

Разсматривая все это со вниманіемъ, мы найдемъ, что мы не можемъ составить себѣ объ этихъ предметахъ другого понятія. Проявленія личностей въ составѣ общества не могутъ происходить отъ случайностей комбинаціи, они должны быть послѣдствіемъ извѣстныхъ свойствъ, прирожденныхъ ихъ существу. Совершенно справедливо, что проявленія эти вызываются именно соединеніемъ людей въ одно общество; при этомъ обнаруживается то, что прежде оставалось незамѣченнымъ; общественная жизнь вызываетъ дѣятельность способностей, которыя оставались въ неразвитомъ состояніи: но очевидно, что она не создаетъ ихъ. Если въ отдѣльныхъ членахъ общества не существуетъ способности для произведенія извѣстнаго явленія общественной жизни, то явленіе это вовсе не можетъ имѣть мѣста.

Во всей природѣ мы видимъ тотъ же самый фактъ: свойства массы зависятъ отъ особенностей каждой изъ составныхъ ея частей. Дальтонъ показалъ намъ, что въ химическихъ соединеніяхъ нѣсколькихъ элементовъ сродство существуетъ между отдѣльными атомами. Вѣсъ тѣла есть не что иное какъ сумма силы тяготѣнія всѣхъ отдѣльныхъ его частичекъ. Твердость куска металла есть произведеніе силы сцѣпленія всѣхъ отдѣльныхъ его составныхъ частей. Притягательная сила магнита есть сложный результатъ притягательнаго свойства каждаго отдѣльнаго атома, изъ которыхъ онъ состоитъ. Точно такъ же каждое соціальное явленіе должно

имѣть своимъ источникомъ извѣстныя свойства индивидуумовъ. Сила тяготѣнія и химическое сродство скрыты въ отдѣльныхъ частицахъ, и проявляются только тогда, когда атомы эти сближаются другъ съ другомъ; точно такъ же въ отдѣльныхъ личностяхъ извѣстныя силы остаются безъ проявленія до тѣхъ поръ, пока эти люди не приходятъ въ соприкосновеніе со своими ближними.

Всѣ эти соображенія, повидимому совершенно излишнія, имѣютъ однако же большое значеніе для нашего предмета. Они показываютъ путь, которымъ мы должны идти, отыскивая истинныя начала соціальной философіи. Они убѣждаютъ насъ, что нравственный законъ общества, точно такъ же, какъ и другіе его законы, имѣетъ своимъ источникомъ извѣстныя свойства человѣческой природы. Они не дозволятъ намъ построить наше ученіе на основаніи, которое неизбѣжно предполагаетъ существованіе общества, какъ напр. основаніе «наибольшаго счастія наибольшаго числа людей». Вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ, что основные нравственные принципы, которыми должно руководствоваться человѣчество въ составѣ общества, слѣдуетъ отыскивать у человѣка, въ качествѣ отдѣльной личности,—нравственныя силы, на которыхъ основывается соціальное равновѣсіе, заключаются въ каждомъ соціальномъ атомѣ, т. е. въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ; если мы хотимъ понять природу соціальныхъ силъ и законы соціальнаго равновѣсія, мы должны усмотрѣть ихъ въ устройствѣ отдѣльнаго человѣка.

§ 2. Если бы мы не имѣли для ѣды другого побужденія, кромѣ выгодъ и удобствъ, которыя могутъ отъ этого происходить, то едва ли можно было бы ожидать, чтобы мы о нашемъ тѣлѣ заботились такъ хорошо, какъ мы заботимся теперь. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы мы были лишены того настоятельнаго стимула, который называется аппетитомъ, и если бы мы въ этомъ случаѣ должны были руководствоваться исключительно какими-нибудь разумными правилами, то дѣло вышло бы гораздо менѣе удовлетворительнымъ. Самая лучшая философія,—вполнѣ ясная очевидность преимуществъ насыщенія—можетъ только самымъ неудовлетворительнымъ образомъ замѣнить чувство голода. Представимъ себѣ, что вмѣсто могущественной привязанности, которая заставляетъ людей питать и защищать своихъ дѣтей,

существуетъ только отвлеченное убѣжденіе, что полезно и необходимо поддерживать населеніе земного шара. Въ такомъ случаѣ весьма легко могло бы быть, что ожидаемая отъ воспитанія дѣтей польза не перевѣсила бы непріятностей, заботъ и издержекъ, сопряженныхъ съ воспитаніемъ будущаго поколѣнія, и дѣло кончилось бы быстрымъ исчезновеніемъ рода человѣческаго. Предположимъ, что, кромѣ нуждъ тѣла и потребностей расы, всѣ другія требованія нашей природы также удовлетворялись бы не иначе, какъ чрезъ посредство и вслѣдствіе дѣятельности нашего интеллекта; предположимъ, что мы пріобрѣтаемъ собственность, свободу, знанія, доброе имя, друзей и пр. не иначе, какъ по требованію нашего разума. Что же вышло бы изъ этого? Наши изслѣдованія были бы такъ безконечны, наши обсужденія такъ сложны, рѣшенія для насъ такъ затруднительны, что вся наша жизнь проходила бы въ собираніи доказательствъ, и мы только бы и дѣлали, что взвѣшивали вѣроятности пользы и вреда. При такомъ положеніи утилитарная философія имѣла бы за себя важные доводы въ природѣ вещей; она прямо прилагала бы къ обществу ту же самую систему, которою руководствовались бы отдѣльные люди,—систему расчета для опредѣленія окончательнаго результата дѣйствій.

Природа въ настоящее время поступаетъ совершенно иначе. Для каждаго дѣйствія, которое намъ нужно совершить, мы находимъ въ насъ стимулъ, который называется желаніемъ; чѣмъ существеннѣе для насъ дѣйствіе, тѣмъ могущественнѣе проявляется побужденіе къ его исполненію, тѣмъ больше удовольствіе доставляетъ намъ удовлетвореніе потребности. Стремленія къ пищѣ, ко сну, къ теплу неотразимы и совершенно независимы отъ предусмотрительнаго расчета выгодъ. Продолженіе расы обезпечено другими, не менѣе сильными потребностями; потребностямъ этимъ человѣкъ слѣдуетъ не только во имя разума, но часто наперекоръ здравому разсудку. Существованіе скаредности доказываетъ, что человѣкъ накопляетъ средства для своего существованія не только потому, что онъ имѣетъ въ виду пользу, отъ этого происходящую. У скряги любовь къ пріобрѣтенію приводитъ къ пренебреженію цѣлями, которымъ оно должно служить. Точно такой же образъ дѣйствій природы мы встрѣчаемъ и по отношенію нашего поведенія съ себѣ подобными. Для того,

чтобы мы вели себя по отношенію къ обществу самымъ пріятнымъ для него образомъ, мы обладаемъ любовью къ похваламъ. Желательно, чтобы сходились между собою въ обществѣ люди, которые всего болѣе созданы другъ для друга, и вотъ мы имѣемъ чувство дружбы. Уваженіе, которое человѣкъ чувствуетъ къ тому, кто его превосходитъ, создано, чтобы обезпечить преобладаніе лучшаго.

Вслѣдствіе этого здравый смыслъ заставляетъ насъ предполагать, что мы найдемъ подобные же стимулы, которые бы побуждали насъ слѣдовать тѣмъ правиламъ, соблюденіе которыхъ обыкновенно называется нравственностью. Всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что мы для обезпеченія нашего тѣлеснаго благосостоянія руководствуемся инстинктами; изъ инстинктовъ исходятъ тѣ домашнія отношенія, которыя приводятъ къ достиженію другихъ важныхъ цѣлей; подобные же дѣятели опредѣляютъ и общественное поведеніе, и во многихъ случаяхъ обезпечиваютъ такимъ образомъ посредственно наше благополучіе. Мы видимъ, что каждый разъ, когда мы можемъ сводить наше поступки къ ихъ источнику, мы находимъ источникомъ этимъ естественный стимулъ; поэтому весьма вѣроятно, что тотъ же самый душевный механизмъ дѣйствуетъ и во всѣхъ случаяхъ. Если самыя существенныя потребности нашего существа удовлетворяются путемъ инстинктивныхъ побужденій, называемыхъ желаніями, то весьма вѣроятно, что такимъ же образомъ удовлетворяются и менѣе важныя. Честное поведеніе каждаго отдѣльнаго человѣка необходимо для общаго счастія, поэтому существуетъ стимулъ, который побуждаетъ къ подобному поведенію. Однимъ словомъ, мы обладаемъ «нравственнымъ чувствомъ», которое побуждаетъ насъ къ прямодушію во взаимныхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого честное и искреннее поведеніе доставляетъ намъ удовольствіе, и въ насъ является чувство справедливости.

Въ опроверженіе этого вывода замѣчаютъ, что если бы существовалъ такой двигатель, которымъ опредѣлялось бы поведеніе одного человѣка по отношенію къ другому, то вліяніе этого двигателя было бы для насъ повсюду замѣтно. Люди слѣдовали бы предполагаемымъ внушеніямъ этого нравственнаго чувства съ готовностью, которой мы въ нихъ вовсе не замѣчаемъ. Между мнѣніями людей о справедливости и не-

справедливости дѣйствій существовало бы несравненно большее единообразіе. Намъ не приходилось бы видѣть, какъ мы видимъ теперь, что одинъ человѣкъ или одинъ народъ признаетъ добродѣтелью то, что со стороны другого признается порокомъ. Малаецъ хвалится морскимъ разбоемъ, презираемымъ всѣми цивилизованными племенами. Тугъ видитъ исполненіе религіозной обязанности въ убійствѣ, передъ которымъ европеецъ отступаетъ съ ужасомъ; русскій находитъ достоинство въ успѣшномъ обманѣ (?); краснокожій индѣецъ величается обычаемъ неумирающей мести,—все это дѣла, которыми среди насъ менѣе всего возможно хвалиться.

Это возраженіе, повидимому,—весьма сильное; но его ошибочность сдѣлается достаточно ясною, если мы вглядимся въ то положеніе, въ которое мы будемъ поставлены при послѣдовательномъ его развитіи. Никто не будетъ отрицать инстинктъ, о которомъ было говорено выше и который заставляетъ насъ отыскивать пищу, необходимую, для поддержанія нашей жизни; никто не будетъ оспаривать, что инстинктъ этотъ крайне благодѣтеленъ и, по всей вѣроятности, существенно необходимъ для поддержанія нашего бытія. Несмотря на это, проявленія такого инстинкта приводятъ къ безчисленнымъ бѣдствіямъ и неудобствамъ. Всѣмъ извѣстно, что аппетитъ вовсе не можетъ служить правильнымъ руководителемъ въ выборѣ пищи, какъ по отношенію къ ея качеству, такъ и по отношенію къ количеству. Точно такъ же невозможно утверждать, чтобы инстинктъ этотъ порождалъ единообразныя побужденія. Стоитъ только вспомнить безконечное разнообразіе, порождаемое имъ во мнѣніяхъ относительно вкуса. Одно указаніе на обжорство и пьянство можетъ убѣдить всякаго, что побужденія, порождаемыя аппетитомъ, не всегда хороши. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ уродливые носы, мертвенныя лица, вонючее дыханіе, сырыя тѣла; страданія головы, желудка и сердца, кошмары и безчисленные другіе припадки, произведенные разстройствомъ пищеваренія, возбуждаютъ безпрерывно наше соболѣзнованіе. Столько же неправильныхъ отправленій представляетъ намъ и всѣми признанное чувство родительской любви. Благодѣтельное его дѣйствіе довольно единообразно въ нашей средѣ; но на Востокѣ дѣтоубійство въ такомъ же ходу, какъ и было всегда. Во время классической древности мы встрѣчаемъ

обыкновеніе предоставлять младенцевъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Въ Спартѣ всѣ новорожденные, не одобренные комитетомъ стариковъ, который засѣдалъ для опредѣленія ихъ достоинствъ, бросались въ предназначенную для этой цѣли общественную яму, Если отрицать существованіе въ насъ чувства, стремящагося установить правильность и справедливость во взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ, и основываться при этомъ на отсутствіи единообразія во взглядахъ людей на нравственность и на слабости и недостаточности въ проявленіяхъ этого чувства, то слѣдуетъ также утверждать, что не существуетъ аппетита и родительской привязанности, потому что проявленія этихъ чувствъ обнаруживаются точно такъ же неправильно въ дѣйствіяхъ людей по отношенію къ пищѣ и къ своему потомству. Такое заключеніе было бы неосновательно въ послѣднемъ случаѣ, слѣдовательно его нельзя сдѣлать и въ первомъ. Несмотря на всѣ недостатки въ проявленіяхъ нравственнаго чувства, мы должны допустить, что существованіе такого чувства и возможно, и вѣроятно.

§ 3. Мы обладаемъ такимъ чувствомъ, и это лучше всего доказывается словами тѣхъ, которые утверждаютъ, что его не существуетъ. Безъ сомнѣнія странно видѣть, какъ Бентамъ, выводя свои первоначальныя положенія, невольно прибѣгаетъ къ оракулу, котораго существованіе онъ отрицаетъ и осмѣиваетъ, когда на него ссылаются другіе. Говоря о Шафтсбёри, онъ замѣчаетъ: «Человѣкъ утверждаетъ, что въ немъ есть орудіе, которое должно ему указывать, что справедливо и что несправедливо; орудіе это онъ назвалъ нравственнымъ чувствомъ; и вотъ онъ совершенно спокойно приступаетъ къ дѣлу, и объявляетъ объ одномъ, что оно справедливо, а о другомъ, что нѣтъ. На чемъ же однако онъ основываетъ свое мнѣніе? Ему, видите ли, это сообщено его нравственнымъ чувствомъ.» Однако же и Бентамъ для своихъ положеній не имѣетъ другого авторитета, кромѣ того же нравственнаго чувства, и это—довольно неудобное для него обстоятельство. Если мы это положеніе предоставимъ на разсмотрѣніе здравой критики, то скоро раскроемъ, гдѣ тутъ истина. Сдѣлаемъ же попытку.

«Итакъ, вы полагаете,—говоритъ патрицій,—что цѣлью нашего управленія должно быть наибольшее счастіе наибольшаго числа».

«Это наше мнѣніе», отвѣчаетъ проситель изъ плебеевъ.

«Посмотримъ, въ чемъ заключается вашъ принципъ. Предположимъ то, что очень часто случается,—что люди обнаружили разнородныя желанія насчетъ одного и того же предмета; предположимъ, что посредствомъ извѣстнаго направленія дѣятельности большинство изъ нихъ желаетъ получить извѣстную долю счастія; въ то же время меньшинство желаетъ получить ту же долю счастія посредствомъ дѣятельности въ совершенно противоположномъ направленіи. Если принципъ «наибольшаго счастія» долженъ нами руководить въ этомъ случаѣ, то слѣдовательно большинство должно имѣть предпочтеніе?»

«Конечно».

«Итакъ, если вы, народъ, составляете сто, а насъ девяносто девять, то предпочтеніе должно быть для вашего счастія, даже и въ томъ случаѣ, когда наши желанія были бы прямо противоположны, когда сумма удовлетворенія, полученная каждой личностью той и другой стороны отъ исполненія ея желанія, была бы совершенно одинакова.»

«Совершенно такъ—это выводъ изъ нашей аксіомы».

«Такимъ образомъ вы рѣшаете между двумя партіями на основаніи численнаго большинства, а слѣдовательно вы предполагаете, что счастіе каждаго члена одной партіи столь же важно, какъ и счастіе каждаго члена другой».

«Безъ сомнѣнія».

«Ваше ученіе, въ самой простой формѣ, можетъ быть выражено такъ: «всякій человѣкъ имѣетъ одинаковое право на счастіе»: примѣняя это къ личностямъ, я скажу, что вы имѣете столько же права на счастіе, сколько и я».

«Я имѣю такое право—это не подлежитъ сомнѣнію».

«Позвольте васъ однакоже спросить, кто вамъ сказалъ, что вы имѣете столько же права на счастіе, сколько и я?»

«Кто мнѣ это сказалъ? Я въ этомъ увѣренъ; я это знаю; я это чувствую; я...»

«Это ничего не значитъ. Укажите мнѣ вашъ авторитетъ. Скажите мнѣ, кто вамъ это сообщилъ, какъ вы въ этомъ убѣдились, откуда вы это заключили?»

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ раціональнаго объясненія, нашъ проситель вынужденъ будетъ сознаться, что у него нѣтъ другого авторитета, кромѣ его собственнаго чувства—

это просто прирожденное его убѣжденіе; другими словами, это сообщено ему его «нравственнымъ чувствомъ».

Правильно ли такое указаніе нравственнаго чувства, это не подлежитъ здѣсь разсмотрѣнію. Здѣсь имѣлось въ виду только обнаружить фактъ, что, послѣ внимательнаго разбора дѣла, даже и ученикамъ Бентама, при изысканіи основанія для ихъ системы, останется одно—обратиться къ внушеніямъ того же нравственнаго чувства, которое было ими такъ осмѣяно.

§ 4. Только человѣкъ, предубѣжденный ложной теоріей, можетъ не замѣтить дѣйствія подобной способности. Признаки существованія этой способности мы находимъ, начиная отъ самой глубокой древности и до настоящаго времени. Признаки эти, по счастью, умножаются, какъ скоро мы начинаемъ приближаться къ нашимъ днямъ. Статьи Великой Хартіи выражаютъ протестъ нравственнаго чувства противъ притѣсненій, и его требованія по отношенію къ водворенію справедливости. Его инціатива послужила причиною уничтоженія рабства. Нравственное чувство придало Виклефу, Гуссу, Лютеру и Кноксу мужество въ ихъ борьбѣ противъ папства: оно побудило гугенотовъ, пресвитеріанъ, моравовъ отстаивать свободу сужденія въ дѣлахъ вѣры. Оно внушило Мильтону его «опытъ о свободѣ печати». Оно направило отцовъ пилигримовъ въ Новый Свѣтъ. Оно поддерживало послѣдователей Георга Фокса, угрожаемыхъ пенями и тюрьмою. Оно внушало духъ сопротивленія пресвитеріанскому духовенству 1662 г. Оно же, въ болѣе позднее время, породило тѣ чувства, которыя подточили и уничтожили политическія ограниченія по отношенію къ католикамъ. Чрезъ посредство ораторовъ, проповѣдывавшихъ противъ рабства, оно сломило сопротивленіе эгоизма, смягчило сердца добрыхъ и способствовало очищенію нашей націи. Лучи его теплоты взростили въ насъ симпатіи къ полякамъ и возбудили въ нашей душѣ негодованіе противъ ихъ притѣснителей. Долго скоплялся въ насъ возбужденный имъ жаръ, шумнымъ взрывомъ разразился онъ надъ старинной несправедливостью и породилъ кипучую агитацію реформы. Изъ поднявшагося тогда пламени вылетѣли искры, которыя уничтожили теоріи протекціонистовъ, и возгорѣлся свѣтъ, который открылъ намъ истину свободной торговли. Внутренняя сила этого чувства возбудила соціальный элек-

трическій токъ, который раздѣляетъ людей на партіи, который порождаетъ въ народѣ его положительный и отрицательный полюсы,—радикальные и консервативные элементы. Теперь то же чувство порождаетъ ассоціаціи противъ государственной церкви, и обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ разнородныхъ обществахъ, направленныхъ къ увеличенію власти народа. Оно строитъ памятники мученикамъ политической дѣятельности, оно агитируетъ за допущеніе евреевъ въ парламентъ, оно распространяетъ книги о правахъ женщинъ, подаетъ петиціи противъ сословнаго законодательства, угрожаетъ возстать противъ конскрипціи ополченія, отказывается платить приходскіе (церковные) сборы, отмѣняетъ притѣсненія, тельные законы о должникахъ, оплакиваетъ печальныя судьбы Италіи и вызываетъ симпатіи къ венгерцамъ *). Изъ него-какъ изъ корня, возростаютъ наши стремленія къ соціальной правдивости, оно порождаетъ изреченія въ родѣ слѣдующихъ: «Поступай съ другими такъ, какъ бы ты желалъ, чтобы поступали съ тобою»—«Честность—лучшая политика»—«Сначала справедливость, а потомъ великодушіе»;—вотъ его цвѣтъ, а плоды его—справедливость, свобода и безопасность.

§ 5. Меня спросятъ, какимъ образомъ чувство можетъ имѣть понятіе?—Какимъ образомъ инстинктивное стремленіе можетъ породить нравственное чувство, способность нравственнаго смысла?—Не заключается ли тутъ смѣшенія между интеллектуальной дѣятельностью и ощущеніемъ? Дѣло чувства получать впечатлѣнія, а не опредѣлять образъ дѣйствій; въ то же время дѣло инстинкта порождать извѣстный образъ дѣйствій, но не получать впечатлѣнія. Между тѣмъ въ предъидущемъ изложеніи способность побужденія и сила представленія сосредоточиваются въ одномъ и томъ же дѣятелѣ.

Это замѣчаніе можетъ имѣть видъ весьма серьезнаго возраженія, и если бы нужно было термины «чувство или смыслъ» понимать въ точномъ ихъ значеніи, оно могло бы привести къ рѣшительному опроверженію. Но въ настоящемъ случаѣ терминъ «чувство» выражаетъ то же, что онъ означаетъ и во многихъ другихъ, а именно то чувство, съ ко-

*) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что все это написано было въ сороковыхъ годахъ; теперь, когда венгерецъ изъ притѣсненнаго обратился въ притѣснителя, его судьба вовсе не симпатична. *Прим. перев.*

торымъ инстинктъ смотритъ на предметы и дѣйствія, входящіе въ его сферу, или, лучше сказать, то сужденіе объ этихъ дѣйствіяхъ и предметахъ, къ которому онъ побуждаетъ интеллектуальную силу посредствомъ извѣстнаго рода рефлективнаго вліянія. Объяснить это нужно примѣромъ: мы выберемъ страсть къ экономіи, — она дастъ намъ возможность удовлетворительно разъяснить дѣло.

Мы найдемъ, что, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ пріобрѣтенію собственности, она составитъ то, что мы назовемъ чувствомъ или смысломъ цѣны собственности. Мы найдемъ, что сила этого чувства измѣняется сообразно силѣ побужденія. Противопоставимъ скрягу и расточителя. Преслѣдуемый своимъ постояннымъ желаніемъ копить, скряга имѣетъ совершенно ненормальный взглядъ на цѣну денегъ. Самая крайняя экономія кажется ему добродѣтелью; самыя обыкновенныя, издержки могутъ представиться ему предосудительными, а щедрость внушаетъ ему полнѣйшее отвращеніе. Все, что способствуетъ къ увеличенію его запаса, кажется ему хорошимъ; все, что его уменьшаетъ, кажется ему дурнымъ. Если минутная вспышка благороднаго чувства по какому-нибудь случаю заставитъ его развязать свой кошелекъ, то онъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что впослѣдствіи будетъ порицать себя за это, какъ за дурной поступокъ. Съ другой стороны и расточитель не можетъ правильно опредѣлять настоящую цѣну собственности, потому что ему не достаетъ инстинкта пріобрѣтенія; это не идетъ къ нему, онъ не имѣетъ для этого надлежащей наклонности. Подъ вліяніемъ совершенно другихъ чувствъ, онъ смотритъ съ презрѣніемъ на привычки экономіи; онъ въ расточительности видитъ благородное свойство. Теперь ясно, что этотъ противоположный взглядъ на достоинства и недостатки извѣстнаго поведенія проистекаетъ не изъ разсудка, а изъ чувства, изъ способностей ощущенія. Если бы разсудокъ дѣйствовалъ у нихъ не подъ вліяніемъ желаній и инстинктивныхъ стремленій, то онъ показалъ бы имъ, что въ образѣ дѣйствій скряги такъ же мало мудрости, какъ и въ образѣ дѣйствій расточителя. Дѣйствуя же подъ вліяніемъ инстинктивныхъ желаній, разсудокъ каждому изъ нихъ представляетъ другого дуракомъ, въ то время, какъ страсть не даетъ ему возможности замѣтить собственное дурачество.

Этотъ самый законъ дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ. Каждая наклонность сопровождается чувствомъ справедливости тѣхъ дѣйствій, которыя способствуютъ ея удовлетворенію; она стремится создать понятіе о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ, которое бы соотвѣтствовало тѣмъ удовольствіямъ или страданіямъ, которыя они для нея производятъ. Если бы она не встрѣчала оппозиціи, ей бы дѣйствительно удалось распространить убѣжденія, согласныя съ ея стремленіями. Но такъ какъ наклонности находятся между собою въ постоянномъ противорѣчіи и антагонизмъ между нѣкоторыми изъ нихъ продолжается всю жизнь, то изъ этого выходитъ прямо соотвѣтствующее этимъ противорѣчіямъ противоположное стремленіе при составленіи взглядовъ на вещи — между этими взглядами является подобное же столкновеніе и соотвѣтствующій ему антагонизмъ. Вотъ почему связь, существующую между инстинктомъ и мнѣніями, изъ него вытекающими, можно ясно увидать только тогда, когда одно инстинктивное стремленіе окончательно преобладаетъ, или когда не существуетъ противоположнаго побужденія инстинкта.

Примѣненные къ нашему предмету эти факты показываютъ, какимъ образомъ изъ инстинктивнаго побужденія дѣйствовать въ томъ направленіи, которое мы называемъ справедливымъ, можетъ произойти понятіе, что такъ должно дѣйствовать, и убѣжденіе, которое заставляетъ эти дѣйствія считать хорошими. Этотъ инстинктъ или чувство, которое удовлетворяется справедливымъ поступкомъ и оскорбляется несправедливымъ, заставляетъ насъ хвалить справедливое, и чувствовать отвращеніе къ дурному; отсюда непосредственно вытекаетъ мнѣніе, что одинъ родъ поступковъ добродѣтеленъ, а другой пороченъ. Возвращаясь къ приведенному примѣру мы можемъ сказать, что если страсть къ пріобрѣтенію собственности сопровождается чувствомъ цѣны собственности, то страсть къ справедливому образу дѣйствія сопровождается чувствомъ справедливости. Если мы слово «чувство» употребимъ исключительно для выраженія этого явленія, то не будетъ никакой ошибки, если мы тому же дѣятелю припишемъ и способность побужденія, и способность производить понятіе.

Здѣсь нужно опровергнуть еще слѣдующее возраженіе. Выше было объяснено, что каждое чувство стремится поро-

дить понятія о справедливомъ и несправедливомъ въ предѣлахъ своей впечатлительности; нравственность же опредѣляетъ справедливое по отношенію ко всѣмъ отраслямъ нашего поведенія, поэтому не слѣдуетъ относить терминъ «нравственное чувство» къ способности одного только порядка. Это совершенно справедливо. Несмотря на это, мы должны принять въ соображеніе, что наше поведеніе по отношенію другъ къ другу составляетъ самую важную часть всего нашего поведенія, и кромѣ того ту часть, къ которой мы всего легче способны ошибаться. Способность нравственнаго чувства исключительно и непосредственно нравственна въ своихъ стремленіяхъ. Кромѣ того мы скоро увидимъ, что одни предписанія этого чувства способны быть выраженными въ точной формѣ. Вотъ почему мы можемъ продолжать не безъ нѣкотораго основанія употреблять этотъ терминъ въ вышеизъясненномъ ограниченномъ его значеніи.

§ 6. Если мы предположимъ въ человѣкѣ существованіе способности, побуждающей его къ справедливымъ поступкамъ относительно себѣ подобныхъ, если мы предположимъ, что эта способность порождаетъ въ немъ извѣстные непосредственные *) взгляды на эти поступки, то должно показаться совершенно правильнымъ, если мы въ этихъ непосредственныхъ внушеніяхъ и будемъ отыскивать элементы для нравственнаго кодекса. Попытки построить на этомъ основаніи нравственный кодексъ дѣлались уже отъ времени до времени. Такія попытки сдѣланы были Шафтсбёри и Гутчисономъ въ сочиненіи «о здравомъ разсудкѣ», Прайсомъ «о разумѣ», Кларкомъ въ сочиненіи «о пригодности», Гравилемъ Шарпомъ «о естественной справедливости», «естественномъ правѣ», «законахъ разума», «здравомъ разумѣ» и т. д. Попытки всѣхъ этихъ писателей развить философское ученіе о нравственности были неудачны; но если только вышеизложенныя разсужденія справедливы, то слѣдуетъ сказать, что они обратились къ настоящему источнику. Хотя имъ и не удалось систематически и ясно выразить то, что они могли бы изъ него почерпнуть, но имъ можетъ быть поставлено въ заслугу

*) Это слово слѣдуетъ понимать въ обыкновенномъ, а не въ метафизическомъ смыслѣ. *Авт.* У Спенсера употреблено слово «intuitions», которое и переведено согласно его указанію. *Перев.*

то, что они сдѣлали попытку. Анализъ того, что слѣдуетъ считать справедливымъ и несправедливымъ, сдѣланный на такомъ основаніи, нельзя признать ни окончательнымъ, ни самымъ глубокимъ. Но мы увидимъ, что онъ согласуется съ подобнымъ окончательнымъ анализомъ, какъ въ исходной своей точкѣ, такъ и по результатамъ.

Противъ кодексовъ подобнаго происхожденія возражаютъ, что они во всякомъ случаѣ не могутъ имѣть никакой цѣны, потому что у ихъ основныхъ положеній нѣтъ твердаго основанія. «Такъ называемое «нравственное чувство»—говорятъ возражающіе—не имѣетъ никакого постоянства, не даетъ никакихъ единообразныхъ отвѣтовъ; оно говоритъ въ Европѣ одно, а въ Азіи другое; оно порождаетъ различныя понятія объ обязанностяхъ въ каждомъ возрастѣ, въ каждой расѣ, въ каждомъ индивидуумѣ; какимъ же образомъ можетъ оно быть надежнымъ основаніемъ для систематическаго взгляда на нравственность,—а между тѣмъ всѣ признающіе его писатели обращаются къ нему или посредственно или непосредственно?—Что можетъ быть нелѣпѣе—искать точныхъ правилъ справедливости въ отвѣтахъ такого шаткаго авторитета?»

Если допустить, что невозможно выйти изъ этого затрудненія, если предположить, что не существуетъ никакого способа для извлеченія изъ этого источника нравственной философіи, свободной отъ такого роковаго несовершенства, то изъ этого однако же слѣдовало бы только то, что отысканіе истины этимъ путемъ сопряжено съ тѣми же затрудненіями, которыя представляются и при всѣхъ другихъ предложенныхъ способахъ. Если признать этого руководителя несостоятельнымъ, потому что его предписанія измѣнчивы и непостоянны, то по той же причинѣ слѣдуетъ отвергнуть и утилитаризмъ. Если Бентамъ правъ, отвергая «нравственное чувство» на томъ основаніи, что оно дастъ «принципы анархическіе и произвольные, основанные исключительно на внутреннихъ и личныхъ чувствахъ», въ такомъ случаѣ его собственныя ученія должны быть признаны вдвое болѣе шаткими.—Развѣ его идея «наибольшаго счастія» не есть произвольная идея? Развѣ она не основана такъ же исключительно «на внутреннихъ и личныхъ чувствахъ»? (см. стр. 9). Оставляя даже въ сторонѣ все прочее, не слѣдуетъ ли при-

знать, что его идея «наибольшаго счастія» — принципъ анархическій, потому что онъ допускаетъ безпредѣльную разногласицу по отношенію къ средствамъ для его осуществленія? Всякая утилитарная философія подвержена обвиненію въ неопредѣленности, потому что тутъ приходится все снова обращаться къ старому, неразрѣшенному вопросу: что такое польза? Изъ каждой газеты мы можемъ убѣдиться, что этотъ вопросъ подаетъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ—оспаривается полезность каждой поставленной цѣли, оспаривается годность средствъ къ ея достиженію. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ научной точности, философія, основанная на «нравственномъ чувствѣ», нисколько не хуже всѣхъ другихъ извѣстныхъ системъ.

§ 7. Къ счастью она имѣетъ за себя еще одно рѣшительное обстоятельство. Можно вполнѣ согласиться съ силою сдѣланнаго выше возраженія, и это все-таки ни въ какомъ случаѣ не приведетъ къ паденію теоріи. На основаніи нравственнаго чувства можно построить ученіе о нравственности съ чисто синтетическими пріемами, хотя, повидимому, это и кажется невозможнымъ; ученіе это будетъ такого рода, что оно будетъ безопасно отъ всякой подобной критики.

Упомянутыя выше ошибки имѣли своимъ основаніемъ не сущность ученія, а его примѣненіе. Тѣ, которыми сдѣланы были эти ошибки, исходили не изъ ложнаго принципа, но не попали на настоящую дорогу при выводѣ изъ этого источника отыскиваемыхъ заключеній. Писатели школы Шафтсбёри ошиблись не по отношенію къ оракулу, къ которому они обращались, но они вступили на ложный путь при выборѣ метода для истолкованія его изреченій. Они смѣшали отправленіе чувства и разсудка, и требовали отъ чувства то, что должно быть предоставлено разуму. Они были правы, предполагая, что въ насъ существуетъ извѣстный руководящій инстинктъ, который заставляетъ насъ одобрять поступки, называемые хорошими, и чувствовать отвращеніе къ тѣмъ, которые мы считаемъ дурными. Но они не имѣли никакого основанія предполагать, что всякая нравственная задача можетъ быть рѣшена этимъ инстинктомъ по вдохновенію. Чтобы сдѣлать такое предположеніе, нужно было утверждать, что нравственное чувство можетъ замѣнить логику.

Чтобы лучше объяснить этотъ предметъ, мы возьмемъ

аналогическій примѣръ изъ математики или одной изъ ея частей—изъ геометріи. Въ человѣческой душѣ есть способность составлять себѣ понятіе объ измѣряемыхъ величинахъ—понятіе это мы для нашей аналогіи назовемъ геометрическимъ чувствомъ. Съ помощью этого чувства мы опредѣляемъ длину линій, величину плоскостей, объемъ тѣла и составляемъ себѣ понятіе о ихъ взаимномъ отношеніи. Какъ скоро мы пожелаемъ придать научное значеніе всѣмъ свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ такимъ образомъ, мы найдемъ, что нельзя полагаться на рѣшенія геометрическаго чувства, предоставленнаго самому себѣ, потому что оно порождаетъ изъ различныхъ личностяхъ совершенно несогласныя между собою сужденія. Если мы сравнимъ эти сужденія, то мы найдемъ, что есть нѣсколько простыхъ истинъ, относительно которыхъ мы всѣ согласны. Такъ напр. «двѣ величины, равныя третьей, равны между собою»—«цѣлое больше своей части»; соглашаясь съ этими положеніями, мы ихъ называемъ аксіомами—эти основныя истины познаются нашимъ геометрическимъ чувствомъ; опираясь на нихъ, мы найдемъ, что возможно рядомъ логическихъ выводовъ разрѣшить всѣ спорные пункты, и рѣшать съ точностью задачи самаго сложнаго свойства *). Моралисты, которые покусились разрѣшить всѣ нравственныя задачи путемъ одного нравственнаго чувства, сдѣлали такую же ошибку, какую бы сдѣлали геометры, если бы они не прибѣгнули къ тому методу, о которомъ сказано выше, и упорно стремились бы разрѣшить путемъ геометрическаго чувства всѣ вопросы, касающіеся линій, угловъ, четыреугольниковъ, круговъ и т. п., если бы они путемъ одного впечатлѣнія старались опредѣлить, равны ли три угла треугольника двумъ прямымъ или нѣтъ, или равняются ли площади подобныхъ многоугольниковъ отношенію ихъ сторонъ, возвышенному въ квадратную степень.

Читатель пойметъ заключеніе, къ которому должна при-

*) Мы можемъ принять взгляды Локка или Канта на существо и на природу того, что здѣсь для цѣлей аналогіи названо геометрическимъ чувствомъ,—вопросъ отъ этого не измѣнится. Но поддающееся анализу основаніе точныхъ наукъ заключается въ первоначальныхъ понятіяхъ—вотъ что намъ необходимо сознать въ настоящемъ случаѣ; каково происхожденіе этихъ понятій, это для нашей цѣли безразлично.

вести эта аналогія; способность составлять себѣ понятіе о первоначальныхъ законахъ величинъ имѣетъ то же отношеніе къ математикѣ, какое инстинктъ справедливости имѣетъ къ системѣ нравственности. Дѣло геометрическаго чувства создать геометрическую аксіому, изъ которой логическимъ путемъ можетъ быть выведена наука геометріи; точно такъ же дѣло нравственнаго чувства создать нравственную аксіому, изъ которой логическимъ путемъ можно вывести систему нравственности.

Развивая далѣе, путемъ сравненія, нашу мысль, мы найдемъ, что въ механикѣ создано было множество ложныхъ взглядовъ, основанныхъ на механическомъ чувствѣ, предоставленномъ самому себѣ, напр., что большія тѣла падаютъ быстрѣе, чѣмъ малыя *), что вода поднимается въ насосъ путемъ всасыванія, что возможно вѣчное движеніе; всѣ эти убѣжденія были опровергнуты синтетическими выводами, сдѣланными изъ первоначальныхъ законовъ вещества, усмотрѣнныхъ механическимъ чувствомъ. Мы имѣемъ право надѣяться, что множество противоположныхъ взглядовъ на человѣческія обязанности, созданныхъ нравственнымъ чувствомъ, предоставленнымъ самому себѣ, будетъ устранено научными выводами изъ извѣстныхъ первоначальныхъ законовъ человѣческой природы, указанныхъ нравственнымъ чувствомъ.

§ 8. Возвращаясь къ основаніямъ ученія о нравственномъ чувствѣ, мы находимъ, что есть апріористическая причина для отысканія первоначальныхъ принциповъ общественной нравственности въ извѣстныхъ чувствахъ, силахъ и способностяхъ отдѣльной личности. Вполнѣ соотвѣтствуетъ этому убѣжденіе, что инстинктивное желаніе, по всей вѣроятности, есть главное побужденіе всѣхъ нашихъ дѣйствій, потому что мы находимъ его источникомъ всѣхъ тѣхъ нашихъ дѣйствій, мотивы которыхъ легко анализировать; поэтому мы должны предположить, что инстинктивнымъ желаніемъ опредѣляется поведеніе, которое мы называемъ нравственнымъ, точно такъ же, какъ и всякій другой образъ дѣйствій. Сверхъ того мы находимъ, что даже великій принципъ утилитарной философіи предполагаетъ въ человѣкѣ извѣстное стремленіе къ спра-

*) Ученіе, признанное Аристотелемъ и его учениками.

ведливымъ отношеніямъ къ себѣ подобнымъ и соотвѣтствующее ему понятіе о томъ, въ чемъ эта справедливость заключается. Въ прошедшей и въ настоящей соціальной жизни, мы встрѣчаемъ разныя явленія, которыя вполнѣ показываютъ существованіе предполагаемаго здѣсь нравственнаго чувства, и объяснить ихъ какой-либо другой гипотезой невозможно. Предполагая существованіе такой способности, мы имѣемъ причину думать, что ея внушенія способны предоставить надлежащее основаніе для системы нравственности. На возраженіе, что измѣнчивость этихъ внушеній дѣлаетъ ихъ негодными для этой цѣли, слѣдуетъ отвѣтить, что противъ основаній всякой другой системы можно сдѣлать по меньшей мѣрѣ то же возраженіе. Наконецъ, мы находимъ, что это затрудненіе только кажущееся, что оно вовсе не существенно. Несмотря на то, что рѣшенія этого нравственнаго чувства неточны и противорѣчивы въ предоставленныхъ на его усмотрѣніе сложныхъ случаяхъ, оно можетъ быть все-таки способно къ произведенію вѣрнаго основного начала, и начало это можетъ быть логическимъ путемъ развито до научнаго ученія о нравственности.

Лемма первая.

§ 1. Съ перваго взгляда кажется весьма раціональнымъ повѣрять правило, предложенное для руководства во время общественной дѣятельности, задавая вопросы въ родѣ слѣдующихъ: Какое дѣйствіе должно произвести это правило? Какіе результаты дастъ эта теорія, примѣненная къ дѣлу, если мы возьмемъ людей такихъ, какими мы ихъ знаемъ, а учрежденія—какими мы ихъ встрѣчаемъ въ дѣйствительности?—Этотъ пріемъ изслѣдованія, который считается весьма здравымъ, употребляется въ весьма многихъ случаяхъ, когда люди составляютъ себѣ понятія о нравственности и политикѣ. Обсуждая извѣстную систему, люди стараются опредѣлить, кажется ли она примѣнимою, согласна ли она съ тѣмъ или другимъ общественнымъ учрежденіемъ, приспособлена ли она къ тому, что имъ извѣстно о человѣческой природѣ. Они

составили себѣ извѣстное понятіе о томъ, что такое человѣкъ, и чѣмъ должно быть общество; и ихъ рѣшеніе по отношенію къ каждому нравственному ученію зависитъ отъ того, согласно ли оно или не согласно съ вышеупомянутыми ихъ понятіями.

Такой способъ разрѣшенія нравственныхъ вопросовъ, конечно, долженъ подвергаться той же самой критикѣ, которая оказывается гибельною для утилитарной философіи. Мы неспособны руководиться въ отдѣльныхъ нашихъ поступкахъ путемъ взвѣшиванія и опредѣленія всѣхъ ихъ послѣдствій, и эта неспособность совершенно послѣдовательно должна дѣлать насъ неспособными къ обсужденію основныхъ началъ, если мы будемъ примѣнять къ нимъ ту же методу. Кромѣ того, есть еще одна причина отвергать подобнаго рода изслѣдованіе и признавать его неимѣющимъ основанія,—оно могло бы имѣть значеніе только тогда, когда бы свойства человѣчества не измѣнялись. Если система нравственности принимается или отвергается только потому, что она согласна или несогласна съ тѣмъ, что мы знаемъ о людяхъ и вещахъ, то слѣдовательно предполагается, что люди и вещи всегда будутъ такими же, какими мы ихъ теперь видимъ. Нелѣпо мѣрить измѣняющейся мѣрой. Если существующее человѣчество должно быть основной мѣрой для опредѣленія истины, то мѣра эта—т. е. существующее человѣчество—должна быть неизмѣнна.

Что въ немъ нѣтъ этой неизмѣнности, это достаточно очевидно безъ всякаго доказательства—это такъ очевидно, что доказывать это могло бы казаться даже смѣшнымъ. Къ несчастію, существуетъ такое множество людей, которые, по предразсудку, придерживаются иного мнѣнія, что нельзя не привести доказательствъ. Для опроверженія ихъ скептицизма нужно привести факты; насколько бы это ни показалось скучнымъ читателю-философу, но нужно на это рѣшиться.

§ 2. Сначала мы разсмотримъ невѣроятность предполагаемаго постоянства человѣческой природы. Уже давно было замѣчено, что измѣнчивость есть законъ всѣхъ вещей; это замѣчаніе одинаково справедливо по отношенію къ каждому отдѣльному предмету и ко всей вселенной. Природа, въ ея безконечной сложности, постоянно стремится къ новому развитію. Каждый послѣдовательный результатъ порождаетъ но-

ваго дѣятеля для измѣненія въ извѣстной степени всѣхъ послѣдующихъ произведеній. Всякая новая нить, которая входитъ въ составъ безконечной ткани, сотканной на шумномъ станкѣ времени, измѣняетъ ея рисунокъ въ болѣе или менѣе значительной степени. Такъ было съ начала временъ. Если мы обратимся къ страницамъ первобытной исторіи земли,—если мы будемъ разбирать гіероглифы, въ которыхъ сохранились происшествія неизвѣстнаго прошедшаго, мы найдемъ ту же самую вѣчно возобновляющуюся, никогда не прекращающуюся цѣпь движеній и перемѣнъ. Мы видимъ то же самое и въ органической и въ неорганической природѣ, въ разложеніи старыхъ и въ появленіи новыхъ комбинацій матеріи, и въ постоянно мѣняющихся формахъ животной и растительной жизни. Старыя формаціи разлагаются, новыя осаждаются. Лѣса и болота обращаются въ каменноугольныя копи, и скала нынѣ огненнаго происхожденія была когда-то осадочною. Атмосфера мѣняется, температура понижается, и земля и море постоянно производятъ новыя породы насѣкомыхъ, растеній и животныхъ. Повсюду произошла метаморфоза, раковины инфузорій превратились въ мѣлъ и въ кремень, песокъ превратился въ камень, камень сдѣлался хрящемъ. Пласты покоробились внутренними силами, налились моря, земля то поднималась, то опускалась. Тамъ, гдѣ когда-то бездонный океанъ катилъ свои волны, теперь возвышаются покрытыя снѣгомъ вершины надъ обширной, роскошной страной, исполненной жизни. Тамъ, гдѣ когда-то широко раскинувшись высились материки, тамъ теперь лишь нѣсколько пустынныхъ коралловыхъ острововъ указываютъ на могилу опустившихся въ волны горъ. То же самое мы видимъ среди міровъ. Орбиты измѣнили свои формы, оси свое наклоненіе, небесныя тѣла свой свѣтъ. Неподвижныя только по имени звѣзды постоянно измѣняютъ свое взаимное отношеніе. Отъ времени до времени внезапно появляются новыя, растутъ и потухаютъ; солнца, планеты и спутники, входящія въ составъ туманныхъ пятенъ, въ вѣчно вращательномъ движеніи, всѣ вмѣстѣ летятъ впередъ къ неизвѣданную даль безпредѣльнаго пространства.

Странно было бы, если бы среди этого всеобщаго движенія одинъ человѣкъ оставался постояннымъ и неизмѣннымъ. Нѣтъ, это не такъ. Онъ такъ же подлежитъ закону безпредѣльной перемѣны. Обстоятельства, его окружающія, постоянно

мѣняются и онъ постоянно къ нимъ приспособляется. Безчисленныя степени различій существуютъ между нагимъ, бездомнымъ дикаремъ, и Шекспирами или Ньютонами цивилизованнаго государства. Различіе между расами по ихъ нравственнымъ и интеллектуальнымъ свойствамъ не менѣе значительно, чѣмъ различіе во внѣшнихъ формахъ, въ цвѣтѣ кожи и въ чертахъ лица. Превосходство зрѣнія бушмена, который простымъ глазомъ можетъ видѣть далѣе, чѣмъ европеецъ въ зрительную трубу, вполнѣ уравновѣшивается болѣе совершеннымъ умственнымъ зрѣніемъ жители Европы. Калмыкъ превосходитъ бѣлаго человѣка утонченнымъ обоняніемъ, краснокожій индѣецъ остротою слуха, но это превосходство далеко не такъ значительно, какъ превосходство бѣлаго въ нравственной чуткости. Каждый возрастъ, каждый народъ, каждый климатъ показываетъ намъ измѣненную форму человѣчества; большія или меньшія перемѣны происходили во всѣ времена и между всѣми народами.

Невозможно найти болѣе поразительнаго примѣра упорства, съ которымъ люди способны держаться извѣстнаго убѣжденія несмотря на подавляющую массу доказательствъ противнаго; а между тѣмъ мнѣніе о единообразіи человѣческой природы даже преобладаетъ. Повидимому, человѣку невозможно употреблять свое зрѣніе и свой слухъ не убѣждаясь, что человѣчество безконечно разнообразно по своимъ инстинктамъ, по своимъ нравственнымъ свойствамъ, по мнѣніямъ, по вкусамъ, по умственнымъ силамъ, однимъ словомъ—во всѣхъ отношеніяхъ. Стоитъ пройти по ближайшему музеуму, чтобы убѣдиться въ дѣйствіи извѣстныхъ законовъ измѣненія. Обратите вниманіе на уродливыя фрески египтянъ или на китайскія картины безъ тѣней. Неужели сравненіе этой живописи съ произведеніями европейскихъ артистовъ не указываетъ на различную впечатлительность расъ? Сравните ваяніе Аѳинъ, Индостана и Мексики. Неужели у однихъ нельзя замѣтить болѣе развитаго чувства прекраснаго, чѣмъ у другихъ?— Перейдемъ къ болѣе знаменательнымъ фактамъ, которые намъ передаются историками и путешественниками; что мы должны подумать, когда мы прочтемъ, что у грековъ и римлянъ существовало божество, которое освящало и защищало всевозможныя несправедливости? Или когда мы узнаемъ, что въ Полинезіи есть племена, которыя полагаютъ, что ихъ

боги питаются душами умершихъ?—Свойства людей, на которыя указываютъ подобныя понятія о божествѣ, безъ сомнѣнія нѣсколько отличаются отъ нашихъ! Безъ сомнѣнія, мы имѣемъ право на нѣкоторое существенное превосходство по сравненію съ татарами, которые оставляли слабыхъ родителей на произволъ голодной смерти въ степи, и надъ островитянами о. Фиджи, гдѣ члены одного и того же семейства должны были ограждаться отъ взаимныхъ обмановъ. Англичанинъ не имѣетъ обыкновенія насыщаться поджареннымъ мясомъ плѣннаго, подобно каранбамъ; онъ не будетъ ѣсть подобно жителю Абиссиніи трепещущій кусокъ ляжки живого быка. Онъ не въ состояніи, подобно краснокожему индѣйцу, наслаждаться корчами жертвы на кострѣ. Онъ неспособенъ подобно жителю Индостана сжечь свою жену, чтобы она въ видѣ привидѣнія преслѣдовала его врага.

Въ какомъ же отношеніи можно утверждать, что человѣческая природа всегда одинакова?—Не по отношенію ли къ раціональности?—Почему Анаксагоръ долженъ былъ бѣжать изъ своей страны, такъ какъ онъ дозволилъ себѣ кощунство утверждая, что солнце не есть колесница божества Геліосъ, тогда какъ ребенокъ часто безпокоитъ старшихъ вопросомъ, кто сдѣлалъ Бога?—Не по отношенію ли къ справедливости?—Нѣтъ. Скверно обращались въ наше время съ рабами, но никогда, подобно спартанцамъ, не возбуждали подкарауливать въ засадѣ и убивать илотовъ для упражненія.—Не по отношенію ли къ честности?—Какимъ же образомъ мы читаемъ, что «морской разбой былъ упражненіемъ, промысломъ, славою и добродѣтелью юношества Скандинавіи», въ то время, какъ между нами частное пиратство порицается даже во время войны?—Не по отношенію ли къ милосердію?—Нисколько: хотя австрійская бойня и обезславила Европу, но она не можетъ быть сравнима съ дѣяніями Чингисъ-Хана, который ознаменовалъ первую свою побѣду тѣмъ, что бросилъ семьдесятъ плѣнныхъ въ котлы съ кипящей водой; или съ поступками Тимура, который велѣлъ умертвить сто тысячъ плѣнныхъ индійцевъ и построилъ пирамиду изъ девяноста тысячъ человѣческихъ головъ въ виду дымившихся развалинъ Багдада; ее нельзя также приравнять къ Аттилѣ, который окончательно уничтожилъ и срылъ семьдесятъ городовъ.—Или можетъ быть между людьми равенство по отношенію къ

мстительности?—Менѣе всего: съ одной стороны мы имѣемъ Бегумъ Сумро, которая велѣла одну изъ своихъ танцовщицъ замуровать въ стѣнѣ и поставить у этого мѣста свою кровать, чтобы она могла слышать предсмертные вопли своей жертвы, а съ другой—нашу королеву, которая просила, чтобы человѣкъ, стрѣлявшій въ нее, не былъ наказанъ тѣлесно. Гдѣ же между людьми тожество?—Мы видѣли, что его нѣтъ въ дѣйствіяхъ.—Но можетъ быть въ правахъ и во взглядахъ на вещи?—Навѣрное нѣтъ. Въ наше время общество очень дурно приняло бы мужчину или женщину, о которыхъ было бы извѣстно, что они отравили своихъ враговъ; въ Италіи же было время, когда подобные поступки не внушали презрѣнія. Ни одно семейство въ настоящее время не послѣдуетъ примѣру Висконти и не выберетъ змѣю эмблемою своего герба. Въ девятнадцатомъ столѣтіи мы не найдемъ ничего похожаго на германскаго начальника наемниковъ, который надписалъ у себя серебряными буквами: «Герцогъ Вернеръ, начальникъ великой дружины, врагъ милосердія, жалости и Бога».

Зачѣмъ искать далеко доказательствъ человѣческой измѣнчивости?—Развѣ мы не имѣемъ достаточно примѣровъ у себя дома?—Въ прежнія времена полагали, что для дворянина совершенно достаточно трубить въ рогъ и ловко держать своего сокола, а ученіе и научное развитіе предоставляли дѣтямъ народа; въ то время люди искали безопасности за толстыми стѣнами и за глубокими рвами, тогда женщины носили кинжалы; можно полагать, что въ тѣ времена свойства людей были не вполнѣ такія же, какъ теперь. Между тѣмъ, какъ всѣ номинально исповѣдывали ту же вѣру которую исповѣдуемъ мы; пограничный житель всего усерднѣе обращался къ своему молитвеннику, когда онъ отправлялся въ набѣгъ; имена святыхъ были боевымъ кличемъ; епископы благословляли своихъ послѣдователей на войну, и умерщвленіе сарацынъ считалось верхомъ благочестія. Не слѣдуетъ ли допустить, что наша природа до извѣстной степени измѣнилась, если мы ту же самую религію обратили въ религію мира, религію филантропическихъ усилій всякаго рода, религію миссіонерскихъ подвиговъ, въ защитницу умѣренности, производящую изслѣдованія надъ участью «рабочаго и бѣднаго»?—Развѣ агитація въ пользу отмѣны смертной

казни не показываетъ преобразованія въ человѣческихъ чувствахъ съ того времени, когда тѣло Кромвеля было вырыто и его голова воткнута передъ Темплемъ? Развѣ не замѣтно перемѣны съ того времени, когда людей колесовали, четвертовали и вѣшали? Развѣ не замѣтно перемѣны съ тѣхъ поръ, когда былъ въ народѣ ропотъ, потому что Стаффорду позволили умереть прежде, чѣмъ онъ увидалъ собственныя свои кишки сожженными передъ его глазами,—съ того времени, когда скрипъ висѣлицъ былъ повсемѣстенъ въ странѣ,—съ того времени, когда церковныя двери были покрыты кожами людей, совершившихъ святотатство?—Мы читаемъ, что Джону Гаукинсу воздавалась почесть за то, что онъ первый началъ торговлю рабами—за это въ его гербѣ прибавлено было «полъ-негра, связаннаго надлежащимъ образомъ веревкою»—не слѣдуетъ ли заключить, что характеръ народа съ того времени измѣнился, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ нашъ вѣкъ изъ симпатіи къ неграмъ 300,000 человѣкъ рѣшились отказаться отъ употребленія всякихъ произведеній Вестъ-Индіи?

Наконецъ въ самомъ дѣлѣ нужно придти къ тому, что нелѣпо приводить доказательства для убѣжденія въ подобной истинѣ. Тѣ, которые утверждаютъ неизмѣняемость человѣческой природы, безпрерывно сами себя опровергаютъ. Они постоянно доказываютъ свою непослѣдовательность говоря о различіи національныхъ свойствъ, объ отличительныхъ чертахъ душевнаго настроенія ихъ друзей и объ особенностяхъ въ ихъ собственныхъ вкусахъ и чувствахъ. Подобный признанія, сдѣланныя ими невольно и случайно, совершенно уничтожаютъ ихъ ученіе. Но даже и въ такихъ признаніяхъ нѣтъ необходимости. Для этого не нужно сравненія между обычаями разныхъ расъ, между человѣкомъ каковъ онъ есть и какимъ онъ былъ, между характерами и талантами различныхъ индивидуумовъ. Человѣкъ, обладающій хотя нѣкоторой проницательностью, убѣдится въ безконечной измѣнчивости человѣчества, дѣлая наблюденія только надъ самимъ собой; онъ мѣняется, сообразно обстоятельствамъ, изо дня въ день и изъ году въ годъ,—въ немъ измѣняются и чувства, и способности, и желанія.

§ 3. Если человѣчество непредѣленно измѣнчиво, то оно не можетъ служить мѣрой для оцѣнки нравственныхъ истинъ.

Мы видимъ, что учрежденія, которыя оказывались неприложимыми въ извѣстное время, процвѣтали впослѣдствіи; что законы и обычаи, которые оказывались когда-то спасительными, сдѣлались зловредными, и у насъ много основаній предполагать, что подобныя измѣненія будутъ имѣть мѣсто и впослѣдствіи. Несообразность съ состояніемъ людей и вещей, которая дѣлаетъ извѣстные принципы повидимому неприемлемыми, можетъ впослѣдствіи исчезнуть: принципы, которые въ настоящее время кажутся вполнѣ приспособленными къ нашему соціальному положенію, могутъ впослѣдствіи быть съ нимъ въ дисгармоніи. Если бы мы сдѣлали ничѣмъ неоправдываемое предположеніе, что природа человѣческая, которая до сихъ поръ была измѣнчивою, впредь останется неизмѣнною, то и въ такомъ случаѣ мы не могли бы опровергать систему этики на томъ основаніи, что она несогласна съ современнымъ состояніемъ человѣчества.

Такое опроверженіе было бы менѣе всего основательнымъ; на подобное обнаружившееся несогласіе мы не только не можемъ смотрѣть съ предубѣжденіемъ, но мы должны его ожидать; мы должны смотрѣть на него скорѣе какъ на доказательство истинности системы, чѣмъ какъ на указаніе ея ложности. Нелѣпо ожидать тожественности между абсолютными истинами нравственности и недостатками нравовъ и характеристическихъ свойствъ современнаго состоянія! Мы уже сказали выше, что система нравственности заключаетъ въ себѣ собраніе правилъ, способныхъ руководить человѣчество въ самомъ совершенномъ его состояніи, какое мы только можемъ себѣ представить. Всеобщее примѣненіе его правилъ предполагаетъ идеальное общество. Какимъ же образомъ можно ожидать, чтобы они были въ гармоніи съ идеями, дѣйствіями и учрежденіями современныхъ людей?—Если мы говоримъ, что люди порочны, слабы, не стойки, то мы просто утверждаемъ, что они не въ состояніи исполнять нравственныхъ правилъ. «Несовершенство»—это просто другое слово, которое употребляется для обозначенія понятія, что поведеніе не сообразуется съ нравственными требованіями. Согласіе между истиннымъ ученіемъ объ обязанностяхъ и несовершеннымъ состояніемъ человѣчества невозможно, оно по природѣ вещей заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Тотъ, кто въ пользу своей системы этики приведетъ возможность ея полнаго и немедлен-

наго примѣненія,—этимъ самымъ неизбѣжно докажетъ ея ложность. Истинные руководящіе принципы для человѣческой дѣятельности дѣлаются примѣнимыми только по мѣрѣ того, какъ люди дѣлаются совершенными; выражаясь съ болѣе правильной послѣдовательностью мыслей, должно сказать: человѣкъ дѣлается тѣмъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ болѣе онъ способенъ слѣдовать нравственнымъ правиламъ.

На послѣдующихъ страницахъ мы разовьемъ ученіе, которое можетъ быть найдено вполнѣ несогласнымъ съ учрежденіями, среди которыхъ мы живемъ. Читатель долженъ приготовиться къ тому, что подобное несогласіе не только не противорѣчитъ ихъ истинности, но дѣлаетъ эту истинность болѣе вѣроятною.

Лемма вторая.

§ 1. Какъ бы ни была велика неспособность несовершеннаго человѣка исполнять совершенный законъ, но для него нѣтъ другого закона. Передъ нимъ открыта только одна истинная дорога, и онъ или долженъ слѣдовать по ней, или переносить послѣдствія своего отступленія. Условія существованія не перемѣнятся ради его испорченности, не смягчатся въ виду его слабости. Если имъ нарушены будутъ эти законы, то для него не сдѣлано будетъ никакого исключенія, и наказаніе, которое должно слѣдовать, послѣдуетъ неизбѣжно. «Повинуйся или терпи»—вотъ вѣчно снова представляющійся человѣку выборъ; за отступленіемъ непремѣнно послѣдуетъ кара, тутъ не бываетъ помилованія.

Между тѣмъ мы встрѣчаемъ любимую поговорку извѣстнаго рода народной философіи—что нѣтъ правила безъ исключенія; поговорка эта имѣетъ такое же значеніе, какъ и всѣ другія поговорки, употребляющіяся наряду съ нею. Она окажется довольно справедливою, если ее примѣнить къ постановленіямъ государственной политики, къ соціальнымъ учрежденіямъ, къ правиламъ карманной мудрости, къ законамъ грамматики, искусствъ и этикета или къ тѣмъ общеупотребительнымъ аѳоризмамъ, которые въ грубой формѣ

выражаютъ опытъ ежедневной жизни; но она будетъ безусловно невѣрна, если ее примѣнить къ основнымъ принципамъ вещей, общества и людей.

Законы природы напротивъ не имѣютъ исключеній. Кажущіяся исключенія только кажутся таковыми и не существуютъ въ дѣйствительности. Они показываютъ, что мы или не нашли истиннаго закона, или не сумѣли его вполнѣ выразить. Притяженіе земли опредѣляется такимъ образомъ: «это есть стремленіе всѣхъ свободныхъ тѣлъ къ центру земли»—противъ этого дѣлается побѣдоносное возраженіе «всѣхъ свободныхъ тѣлъ за исключеніемъ воздушнаго шара».—Однако же оказывается, что воздушный шаръ вовсе не составляетъ исключенія. Онъ поднимается вверхъ именно вслѣдствіе той же силы притяженія, вслѣдствіе которой падаетъ камень. Мы не нашли исключенія въ законѣ, мы доказали только, что его опредѣленіе не вполнѣ ему соотвѣтствуетъ. Противъ закона, что упражненіе увеличиваетъ силу, мы можемъ замѣтить, что если это правило вообще справедливо, то оно несправедливо по отношенію къ больнымъ и увѣчнымъ, для этихъ упражненіе можетъ быть гибельнымъ; правило это примѣнимо только къ здоровымъ и то въ извѣстныхъ предѣлахъ. Совершенная правда. Но эти ограниченія были бы напишши, если бы законъ былъ вполнѣ правильно выраженъ. Если бы было сказано, что упражненіе увеличиваетъ силу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возстановляющая дѣятельность способна возмѣстить утраты, произведенныя этимъ упражненіемъ—тогда невозможно было бы отыскать никакихъ ограниченій. Такъ называемыя исключенія находятся въ насъ самихъ, а не въ природѣ вещей. Они показываютъ, что законъ или ускользаетъ отъ нашего пониманія, или недоступенъ нашему умѣнью его выразить.

При правильномъ пониманіи дѣла, мы придемъ къ убѣжденію, что прогрессъ отъ самаго грубаго невѣжества до самой высокой степени просвѣщенія есть не что иное, какъ восхожденіе отъ ступени полнаго игнорированія законовъ природы до убѣжденія, что законъ всеобщъ и неизбѣженъ. Расширяющійся кругъ свѣдѣній и постоянныя индукціи все болѣе и болѣе ограничиваютъ старыя идеи о специальной причинности. Каждое новое открытіе въ наукѣ, каждое новое разъясненіе аномалій утверждаютъ людей въ убѣжденіи, что

всѣ явленія происходятъ отъ общихъ единообразныхъ силъ. Наконецъ, путемъ постоянно повторяющихся наблюденій, они начинаютъ убѣждаться, что дѣйствіе этихъ силъ не прекращается даже и во избѣжаніе самыхъ ужасныхъ переворотовъ. Они видятъ, что равновѣсіе атмосферы возстановляется несмотря на то, что вслѣдствіе бури цѣлые флоты погружаются на дно морское. Они видятъ, что земля не ослабитъ свою притягательную силу, чтобы спасти деревню отъ лавины, которая ей угрожаетъ. Они видятъ, что электричество слѣдуетъ по пути наименьшаго сопротивленія несмотря на то, что при этомъ разрушена будетъ церковь или взлетитъ на воздухъ судно. Они видятъ, что химическое сродство дѣйствуетъ не обращая вниманія на то, что этимъ цѣлый городъ обращенъ будетъ въ груду пепла: оно подѣйствуетъ и тогда, когда отъ изверженія огнедышащей горы половина страны будетъ засыпана и затоплена, и тогда, когда чрезъ это погибнутъ сотни тысячъ людей вслѣдствіе эпидеміи. Всякое приращеніе въ нашихъ знаніяхъ показываетъ, что постоянство есть существенный признакъ законовъ природы. Эта неизмѣнность дѣлаетъ возможнымъ опредѣленіе съ совершенной точностью затменія, отстоящаго отъ насъ на цѣлое столѣтіе! Но причинѣ такой безусловной неизмѣнности законовъ природы, мы ихъ и находимъ безусловно хорошими. Сдѣлать міръ обитаемымъ—вотъ великая задача. Сравнительно малое зло, которое происходитъ отъ неизмѣнности дѣйствія этихъ законовъ, ничтожно, если его сопоставить съ безконечнымъ обезпеченнымъ имъ благомъ. Намъ нѣтъ надобности разсуждать о томъ, возможно или невозможно было устранить это зло. Для насъ довольно знать, что неизмѣнность—это законъ, и намъ остается только предположить, что это наилучшій изъ всѣхъ законовъ.

§ 2. Такою представляется намъ физическая природа—такою же представится и нравственная. Между людьми начинаетъ распространяться убѣжденіе, которое до сихъ поръ оказывалось еще мало установившимся и недостаточно разъясненнымъ; начинаютъ понимать, что и въ нравственной жизни существуетъ неразрывная связь между причиной и слѣдствіемъ, неизбѣжная судьба—«законъ, который не измѣняется».—Сбитые съ толку разнообразными и вѣчно новыми формами человѣческой жизни, люди естественно не могли

понять неизмѣнное свойство законовъ природы. Увеличивающаяся масса свѣдѣній постепенно распространяетъ убѣжденіе, что все, что дѣлается въ нравственномъ мірѣ, въ основаніи своемъ столь же мало случайно, какъ и то, что мы видимъ въ мірѣ матеріальномъ. Все это идетъ извѣстнымъ неизбѣжнымъ путемъ и подъ вліяніемъ неизбѣжныхъ силъ. Во всѣ времена эта истина или предчувствовалась, или понималась, и опытъ все съ большею и большею точностью обрисовываетъ ее передъ нашими глазами. Даже и теперь всякій такъ или иначе свидѣтельствуетъ о своемъ согласіи съ подобнымъ убѣжденіемъ. Всякая новая вѣра служитъ подтвержденіемъ этой истины. Развѣ нравственные кодексы магометанъ, браминовъ, буддистовъ не заключаютъ въ себѣ столько же признаній неизбѣжной связи между поведеніемъ и его результатами?—Не говоритъ ли вамъ каждый изъ нихъ—не дѣлайте того или другого, потому что это произведетъ зло; вамъ слѣдуетъ дѣлать то-то и то-то, потому что отъ этого произойдетъ добро?—Признаніе этого начала очевидно, несмотря на то, что проповѣдники вышеупомянутыхъ вѣроученій не сумѣли отъ результатовъ дойти до настоящаго ихъ источника, и такимъ образомъ ввели ложь въ свое ученіе нравственности;—они ясно обнаружили убѣжденіе, что въ человѣческихъ дѣлахъ существуетъ неизмѣнный законъ причинности, что законъ этотъ люди должны изучать, и съ нимъ они должны сообразоваться. Самая высшая изъ извѣстныхъ религій, христіанская—развѣ она не преподаетъ намъ то же ученіе? Развѣ христіанство не учитъ насъ, что извѣстные поступки навѣрное приведутъ къ извѣстнымъ результатамъ,—злыя дѣла поведутъ къ наказанію, добрыя къ наградѣ, и что эти вещи неизбѣжно и неразрывно связаны?—Вѣру въ подобный неизбѣжный законъ мы обнаруживаемъ въ ежедневныхъ нашихъ разговорахъ, въ нашихъ правилахъ жизни, въ наставленіяхъ, которыя мы даемъ, въ воспитаніи нашихъ дѣтей, въ совѣтахъ нашимъ друзьямъ. Обсуживая вещи и людей, мы инстинктивно восходимъ къ извѣстнымъ признаннымъ нами принципамъ. Мы предсказываемъ, что то или другое правило будетъ имѣть хорошія или дурныя послѣдствія, потому что мы въ немъ видимъ согласіе или противорѣчіе извѣстнымъ понятіямъ о законахъ жизни, которыя нами составлены. Даже мелкій крючкотворъ, несмотря на ст

поверхностный эмпиризмъ, несмотря на его проповѣди презрѣнія ко всѣмъ отвлеченнымъ принципамъ, и тотъ имѣетъ тайное сознаніе извѣстныхъ неизмѣнныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ предыдущихъ происшествій;—въ сущности онъ убѣжденъ въ неизбѣжной силѣ той благодѣтельной необходимости, которая привязываетъ къ каждому дѣйствію неизмѣнно однообразный результатъ. Если бы это было не такъ, то въ чемъ заключалась бы мысль предлагаемыхъ имъ мѣръ, его проектовъ законовъ? Онъ вовсе не считаетъ ихъ азартной игрой, которая можетъ произвести и тотъ и другой результатъ. Если бы онъ былъ такого мнѣнія, онъ бы легко согласился со всякимъ планомъ. Ясно, что онъ понимаетъ, что тутъ дѣйствуютъ постоянныя причины, что изъ каждаго обстоятельства и изъ каждаго столкновенія обстоятельствъ выходятъ неизбѣжныя послѣдствія, что одинаковыя условія порождаютъ всегда одинаковые результаты.

Итакъ, если всѣ увѣрены въ постоянствѣ подобныхъ второстепенныхъ законовъ, то они безъ всякаго сомнѣнія должны быть тѣмъ болѣе убѣждены въ неизмѣнности законовъ основныхъ, на которыхъ зиждется человѣческое существованіе и изъ которыхъ должны исходить обыденныя, необходимыя для насъ истины. Признавая вѣтви, мы не можемъ отвергать корень. Если таково существо вещей, то мы вынуждены признать эту «благодѣтельную необходимость». Мы не имѣемъ другого выбора. Соціальная жизнь или имѣетъ законы, или не имѣетъ ихъ. Если она ихъ не имѣетъ, то не можетъ быть ни порядка, ни опредѣленности, ни системы въ ея проявленіяхъ. Если она ихъ имѣетъ, то, подобно другимъ законамъ вселенной, они должны быть вѣчно-дѣйствующими, точными и неизмѣнными,—они не могутъ имѣть исключеній.

§ 3. Безпредѣльно важно для насъ удостовѣриться, въ чемъ законы эти заключаются, и удостовѣрившись повиноваться имъ безусловно! Если они существуютъ дѣйствительно, то успѣха въ нашей дѣятельности мы можемъ ожидать только тогда, когда мы имъ подчинимся. Равновѣсіе можетъ имѣть мѣсто только въ той степени, въ которой наше поведеніе будетъ согласно съ правилами нравственности. Мы можемъ выстроить наше соціальное зданіе со всевозможнымъ стараніемъ и искусствомъ, мы можемъ крѣпко связать его хитропридуманными законами, но если у него во взаимныхъ отно-

длиность онъ самъ признаетъ; онъ самъ раздѣляетъ убѣжденіе, что эти нравственныя правила въ извѣстной степени могутъ служить лучшимъ руководителемъ. Онъ однако же полагаетъ, что его интересы побуждаютъ его отъ времени до времени дѣлать исключенія.—Всѣ люди поступаютъ такимъ образомъ, и вотъ результаты.

§ 5. Можемъ ли мы когда-нибудь быть увѣренными, что отступленіе отъ нравственности въ видѣ исключенія п р и н е с е т ъ ожидаемое добро?—Тотъ, кто, такимъ образомъ, временно отступаетъ отъ руководителя, признаннаго имъ самимъ законнымъ, тотъ не долженъ забывать, что онъ возвращается къ утилитарной гипотезѣ, которой ложность выше была доказана. Онъ изъявляетъ этимъ претензію на совершенное знакомство съ людьми, съ обществомъ, съ учрежденіями, съ обстоятельствами дѣла, со всѣми сложными и вѣчно мѣняющимися явленіями человѣческаго существованія; мало этого, онъ долженъ предполагать въ себѣ силу души, которая на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ способна знать, что будетъ въ будущемъ. Однимъ словомъ, онъ претендуетъ на то всевѣдѣніе, которое, какъ мы видѣли выше, необходимо для успѣшнаго примѣненія подобной системы. Онъ не отступаетъ передъ такой громадной нескромностью. Посмотрите же, въ какія онъ себя ставитъ условія.—Онъ отступаетъ отъ правила, имъ самимъ признаваемаго вообще вѣрнымъ руководителемъ для человѣческаго поведенія, и слѣдуетъ такому, которое очень трудно понять, котораго направленіе неопредѣленно, котораго послѣдствія сомнительны.

Если нужны факты для объясненія нелѣпости подобнаго поведенія, то ихъ можно найти подъ руками сколько угодно. Уже выше (см. стр. 15) были даны примѣры постоянныхъ ошибокъ, къ которымъ приводятъ правила, созданныя безъ помощи нравственныхъ принциповъ. Теперь мы укажемъ на нѣсколько фактовъ, спеціально относящихся до настоящаго предмета,—мы приведемъ случаи, гдѣ предполагались благодѣтельныя послѣдствія отъ образа дѣйствія прямо противоположнаго подобнымъ принципамъ; примѣры, гдѣ людямъ казалось неудобнымъ идти по пути, провозглашающему честность лучшей политикой, и гдѣ они избрали побочную дорожку несправедливости въ надеждѣ легче достигнуть такимъ образомъ своихъ цѣлей.

Порабощеніе неграмъ служитъ для этого хорошимъ примѣромъ. Мало совѣстливые жители колоній разсуждали объ этомъ предметѣ такимъ образомъ, что нельзя было придумать болѣе убѣдительнаго, чѣмъ ихъ заключенія. Тутъ была и богатая почва, и великолѣпный климатъ, и обширный рынокъ для продажи произведеній. Если при этихъ условіяхъ ввести и обратить въ рабство достаточное число рабочихъ, то какъ велики будутъ выгоды ихъ владѣльцевъ! Какой огромный барышъ должны будутъ дать эти работники, если они будутъ стоить дешево и будутъ принуждаемы къ тяжелой и продолжительной работѣ! Это былъ неистощимый источникъ богатства!—Прекрасно: плантаторы начали дѣйствовать такъ, какъ они думали. Хотя по ихъ мнѣнію такой пріемъ и не отличался вполнѣ справедливостью, но настолько, насколько возможно было усмотрѣть, это была, повидимому, наилучшая политика. Несмотря на это ихъ золотыя мечты далеко не осуществились. Относительная бѣдность—удѣлъ всѣхъ рабовладѣльческихъ странъ на землѣ. Хотя Ямайка когда-то доставила намъ нѣсколькихъ отъѣвшихся набобовъ, зато исторія Вестъ-Индіи была исторіею бѣдности и свѣтованій, несмотря на постоянную помощь и искусственныя преимущества. Южные штаты Америки по благосостоянію своему стоятъ несравненно ниже своихъ сѣверныхъ сосѣдей—одинъ за другимъ они вынуждены оставлять рабство вслѣдствіе его разорительныхъ результатовъ. Итакъ дѣло никоимъ образомъ не оправдало возлагаемыхъ на него надеждъ. Рабъ не принесъ своему господину ожидаемыхъ большихъ барышей, несмотря на то, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ работалъ шестнадцать часовъ въ сутки, что для его содержанія было достаточно въ день пинты муки и соленой селедки, что онъ принуждался къ работѣ розгами. Мало этого, оказалось, что что при одинаковыхъ условіяхъ свободный трудъ гораздо дешевле. Независимо отъ этого разочарованія явились результаты, которыхъ никто не предвидѣлъ. Рабство повлекло за собою множество золъ болѣзненнаго состоянія общества; это было царство взаимной ненависти и взаимнаго страха; всеобщаго растлѣнія и порочной лѣни; отчаянныхъ мѣръ и дурно воздѣланныхъ земель; истощенныхъ почвъ и заложенныхъ имѣній; несостоятельностей и бѣдности. Послѣ всего этого ясно, что нравственный законъ былъ бы наилучшимъ руководителемъ.

Филиппъ Валуа обязалъ служащихъ на монетномъ дворѣ присягою скрывать низкопробность монеты и всячески стараться увѣрять купцовъ въ полноцѣнности золотыхъ и серебряныхъ его денегъ; при этомъ онъ безъ сомнѣнія полагалъ, что такая мѣра, несмотря на свою безнравственность, должна принести ему большія выгоды. Такимъ же образомъ думали и другіе короли, которые въ доброе старое время дѣлали то же самое. Они обманулись точно такъ же, какъ обманываются всѣ послѣдователи подобныхъ правилъ. Правда, что ихъ долги уменьшились соразмѣрно уменьшенію цѣны ходячей монеты, но ихъ доходы уменьшились въ томъ же размѣрѣ. Между тѣмъ, утративъ репутацію честности, они впослѣдствіи могли занимать деньги только за сравнительно высокіе проценты, и должны были платить за увеличившійся рискъ заимодавца. Они не только потеряли по отношенію къ своимъ заимодавцамъ настолько же, насколько они выиграли по отношенію къ своимъ должникамъ, но они поставили себя на будущее время въ весьма неблагопріятное положеніе. Послѣ столѣтняго опыта, купленнаго дорогою цѣною, обычай этотъ былъ отвергнутъ съ негодованіемъ, и теперь подобные пріемы изгнаны всюду и признаются самоубійственными,—они дѣйствительно именно настолько самоубійственны, насколько самоубійственны всѣ нарушенія правилъ справедливости.

Вспомнимъ также несчастную попытку нашу воспользоваться насчетъ нашихъ американскихъ колоній и гибельные результаты, къ которымъ эта попытка привела. Наши правители полагали, что для метрополіи будетъ весьма выгодно, если колоніи будутъ вынуждены торговать при ея посредствѣ. Исходя изъ такого убѣжденія, они не только воспретили поселенцамъ этихъ колоній покупать извѣстныя произведенія у кого-либо помимо Англіи, но они даже отвергали ихъ право производить подобныя вещи для себя самихъ! Какъ и всегда, подобный пріемъ оказался болѣе, чѣмъ неудобнымъ. Издержки, необходимыя для того, чтобы не быть вынужденнымъ закрыть эту національную торговую лавочку, оказались столь значительными, что онѣ превзошли доходы. Это были не только потерянныя, но хуже, чѣмъ потерянныя издержки; онѣ показали, что торговля, доставленная странѣ такимъ искусственнымъ образомъ, убыточна для обѣихъ сторонъ. Затѣмъ послѣдовало наказаніе, сопротивленіе поселенцевъ, война за

независимость, и сто слишкомъ милліоновъ, прибавленныхъ къ нашимъ національнымъ тягостямъ!

Исторія нашей остъ-индской компаніи представляетъ поразительный образецъ того, какимъ образомъ вѣчные законы природы порождаютъ несостоятельность всякой безчестности! Эта олигархія эгоистическая, безразличная въ своихъ пріемахъ, свѣтски-мудрая въ своей политикѣ и обладавшая неограниченной силой, изъ году въ годъ, неусыпно стремилась къ своему возвеличенію. Она покоряла одну провинцію за другою; она облагала данью одного государя за другимъ; она предъявляла непомѣрныя требованія къ смежнымъ владѣльцамъ, и отказомъ пользовалась для открытія непріязненныхъ дѣйствій; она сдѣлалась единственнымъ владѣльцемъ земли и въ видѣ оброка требовала почти половину всѣхъ произведеній; она вполнѣ монополизировала торговлю; такимъ образомъ, она сдѣлала изъ себи завоевателя, правителя, поземельнаго собственника и купца. Послѣ того, какъ она соединила въ своихъ рукахъ столько способовъ извлекать для себя пользу, могла ли она ожидать для себя чего-либо, кромѣ благосостоянія?—Какія несказанныя богатства должны были стекаться въ ея рукахъ въ видѣ добычи отъ побѣдоносныхъ войнъ, въ видѣ ренты отъ милліоновъ акровъ земли, въ видѣ дани отъ зависимыхъ государей, въ видѣ барышей монокольной торговли! Сколько доходовъ! Какая переполненная богатствами казна!—Увы!—Компанія теперь должна слишкомъ пятьдесятъ милліоновъ фунтовъ стерл.

Запретительные тарифы много разъ доказали неполитичность несправедливости. Подобный примѣръ мы уже находимъ нѣсколько столѣтій тому назадъ въ исторіи шерстяной промышленности; но выберемъ для доказательства болѣе новое дѣло шелковаго производства. Шелковая мануфактура была свободна отъ иностраннаго соперничества подъ защитою пынѣ къ счастью отвергнутой протекціонной системы для національной промышленности. Искусственно были возвышены цѣны, и вся нація должна была ихъ платить. Капиталисты, получивъ, такимъ образомъ, обширный рынокъ и большіе барыши, считали благосостояніе свое обезпеченнымъ. Однакоже и тутъ имъ суждено было разочароваться. Вмѣсто торговли живой и постоянно развивающейся имъ выпала въ удѣлъ вялая и ограниченная. Эта отрасль мануфактуры, которая

должна была бы быть образцомъ промышленнаго величія, послужила примѣромъ жалкой бѣдности, обратившимся въ поговорку. При такомъ грустномъ положеніи вещей, предложеніе возвратиться къ справедливости путемъ понижения пошлинъ должно было показаться совершенною нелѣпостью. Въ какой степени должны были быть непрактичными тѣ люди, которые признавали монополію несправедливою и поэтому желали уже совершенно разорившихся производителей подвергнуть новымъ затрудненіямъ иностраннаго совмѣстничества. Можно ли было найти болѣе противорѣчія съ здравымъ смысломъ?—Тутъ, безъ всякаго сомнѣнія, отвлеченные принципы должны были уступить передъ видами политики.—Нисколько: даже въ этомъ случаѣ, лучшее, что можно было сдѣлать, это слѣдовать нравственному закону. Возставшіе противъ него были наказаны тѣмъ, что собрали вокругъ себя злополучіе; подчинившіеся ему были отчасти вознаграждены увеличившимся благосостояніемъ. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ послѣ понижения пошлинъ торговля болѣе, чѣмъ удвоилась; въ теченіе этого времени она распространилась болѣе, чѣмъ въ теченіе цѣлаго предшествовавшаго столѣтія. Тѣ, которые за нѣсколько времени передъ тѣмъ были совершенно неспособны выносить французское соперничество на своихъ домашнихъ рынкахъ, не только стали конкуррировать съ нимъ въ заграничной торговлѣ, но большіе запасы своихъ произведеній посылали въ самую Францію.

Это нѣсколько образчиковъ, взятыхъ изъ всемірнаго опыта. Если мы внимательно прослѣдимъ результаты всѣхъ попытокъ слѣдовать политикѣ наперекоръ справедливости, то мы увидимъ, что онѣ всѣ приводили къ подобному же концу. Люди, которые достаточно неблагоразумны, чтобы воображать, что они могутъ безнаказанно нарушать основные законы справедливости, должны видѣть свою будущую участь въ подобныхъ злополучіяхъ и неудачахъ. Основательное изслѣдованіе покажетъ намъ, что всякое малое зло и всякая великая катастрофа тѣмъ или другимъ путемъ, но всегда происходятъ изъ несправедливости. Денежные кризисы, обманутыя надежды по дѣлу южнаго океана, маніи желѣзныхъ дорогъ, ирландскія возстанія, французскія революціи,—всѣ эти явленія, со всѣми сопровождавшими ихъ бѣдствіями, ни болѣе, ни менѣе, какъ скопившіеся результаты безчестности. Тяжкій

опытъ научаетъ слишкомъ поздно каждаго человѣка, что самое мудрое, что онъ можетъ сдѣлать—это подчиниться нравственному закону, какъ въ національныхъ, такъ и въ частныхъ своихъ дѣлахъ. Даже Наполеонъ кончилъ тѣмъ, что высказалъ убѣжденіе, что «нѣтъ силы безъ справедливости»— и это несмотря на его кажущійся успѣхъ, несмотря на его глубокомысленную государственную мудрость и несмотря на его дальновидную политику.

И все-таки люди всегда читали безъ пользы этотъ комментарій нравственнаго кодекса — его исторію, если можно такъ выразиться. Разсматривая микроскопическими глазами знаки, которыми эта скрижаль написана, они оставляли безъ вниманія великіе изображенные въ ней факты. Они болтаютъ о государственныхъ интригахъ, объ осадахъ и сраженіяхъ, о придворныхъ скандалахъ, о преступленіяхъ высокихъ лицъ, о раздорахъ партій, о рожденіяхъ, смерти и бракахъ королей и тому подобномъ вздорѣ, и все это вмѣсто того, чтобы собирать факты для разъясненія важнѣйшаго изъ вопросовъ,— вопроса о законахъ, которыми опредѣляются народный успѣхъ и народныя неудачи, равновѣсіе и революціи?—Они изучаютъ, анализируютъ и толкуютъ съ видомъ знатока о мелочахъ, о ничтожныхъ подробностяхъ, о безплодныхъ и мишурныхъ явленіяхъ прошлой жизни, о вещахъ, имѣющихъ только второстепенное значеніе для человѣческаго существованія; и въ то же время они слѣпы къ тѣмъ грознымъ явленіямъ дѣйствительности, которыми каждый вѣкъ переплетаетъ ткань событій; они не видятъ этихъ страшныхъ истинъ, которыя грозно глядятъ на насъ сквозь мракъ прошедшаго. Среди слоевъ, осажденныхъ исторіею, они усердно выбираютъ ярко-цвѣтные отрывки, хватаются за все свѣтящееся и возбуждающее ихъ любопытство. Какъ дѣти, они восхищаются своими блестящими пріобрѣтеніями, и въ то же время богатые источники мудрости, развѣтвившіеся среди этого ничтожества, остаются въ совершенномъ пренебреженіи. Жадно набираются докучливыя массы ненужнаго сору, и въ то же время огромное количество драгоцѣнной руды оставляется безъ вниманія,—не видятъ того, что именно слѣдовало бы эксплуатировать и изъ чего можно было бы извлечь золотыя истины.

§ 6. Къ чему однако же это тщательное изслѣдованіе, слѣдуетъ или не слѣдуетъ допускать исключенія въ признан-

ныхъ законахъ этики?—Самый вопросъ заключаетъ въ себѣ нелѣпость. Какую мысль выражаетъ человѣкъ, если онъ говоритъ, что это справедливо въ теоріи, что это вѣрно въ принципѣ, что это истинно въ абстрактѣ? Онъ выражаетъ этимъ, что онъ признаетъ высказанную мысль согласною съ закономъ природы, до познанія котораго онъ дошелъ тѣмъ или другимъ путемъ. Если онъ согласенъ, что извѣстный поступокъ справедливъ по теоріи, то ясно, что по его мнѣнію это именно тотъ поступокъ, который слѣдовало совершить при строгомъ исполненіи обязанности. Если онъ утверждаетъ, что поступокъ такой правиленъ по принципу, то онъ признаетъ его въ гармоніи съ предписанными намъ правилами поведенія. Если онъ называетъ извѣстное поведеніе абстрактно истиннымъ или справедливымъ, то онъ выражаетъ этимъ убѣжденіе, что оно ведетъ по пути къ человѣческому счастью. Уклоненіе въ этомъ случаѣ невозможно. Подобное выраженіе или должно имѣть этотъ смыслъ, или оно не имѣетъ никакого. Затѣмъ, когда онъ на практикѣ предлагаетъ не слѣдовать правилу, онъ явно имѣетъ надежду исправить ошибку этого руководителя! Итакъ, сказавъ сначала, что такова-то истинная дорога къ счастью, онъ потомъ выражаетъ мнѣніе, что онъ знаетъ болѣе близкую. На молчаливое повелѣніе природы «дѣлай это» онъ отвѣчаетъ, что, сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ полагаетъ, что онъ можетъ поступить лучше! Сомнѣваться въ предупредительности и въ дѣйствительности законовъ природы и предполагать, съ безконечной самоувѣренностью, что человѣческое сужденіе можетъ быть болѣе безошибочнымъ,—вотъ настоящая невѣрность, вотъ истинный атеизмъ. Когда человѣкъ оставитъ свою неумѣстную претензію критиковать великій міръ Божій съ точки зрѣнія своего кусочка мозга,—когда онъ пойметъ, что существуетъ дѣйствительно истинный законъ, хотя законъ этотъ и лежитъ пока за предѣлами, доступными его разсудку,—что его существо прекрасно,—что назначеніе человѣка въ этомъ случаѣ состоитъ только въ томъ, чтобы сообразоваться съ закономъ міра и слѣдовать ему въ благоразумномъ молчаніи, не оспаривая его, но повинуясь ему, какъ закону несомнѣнному» *).

*) Совѣтъ, который, между прочимъ, могъ бы быть въ настоящее время удобно удержанъ совѣтчикомъ при себѣ. *Примѣч. америк. изд.*

§ 7. Повторимъ результаты всего вышеизложеннаго. Мы сначала обратили вниманіе на то, что законы природы отличаются постоянствомъ и всеобщностью, и есть полное основаніе предполагать то же самое относительно законовъ нравственныхъ. Затѣмъ выведено было заключеніе, что если это такъ, то единственное для насъ спасеніе заключается въ полномъ повиновеніи имъ, даже несмотря на то, что намъ чрезъ это, повидимому, будетъ угрожать зло. Заключеніе это подтверждено соображеніями, изъ которыхъ видно, что всякое отступленіе отъ принципа, съ цѣлью избѣгнуть извѣстнаго зла, будетъ заключать въ себѣ возвращеніе къ утилитарному ученію, котораго ошибочность уже доказана. Затѣмъ, оно еще подтверждено тѣмъ обстоятельствомъ, что безчисленныя попытки упрямой свѣтской мудрости облагодѣтельствовать путемъ отступленія отъ нравственныхъ правилъ всѣ оказались неудачными. Наконецъ, въ подтвержденіе обращается еще вниманіе на то, что мнѣніе, будто бы мы можемъ сдѣлать лучше, отступая отъ указаннаго намъ пути, заключаетъ въ себѣ странное покушеніе на всевѣдѣніе.

По мѣрѣ того, какъ читатель будетъ знакомиться съ содержаніемъ книги, онъ все яснѣе будетъ видѣть причины, почему мы особенно настаивали на необходимости безусловнаго повиновенія. Въ числѣ заключеній, прямо выводимыхъ изъ признанныхъ принциповъ, онъ, по всей вѣроятности, встрѣтитъ такія, которыми будетъ непріятно пораженъ. Нѣкоторыя изъ нихъ покажутся ему странными, другія непримѣнимыми. Могутъ встрѣтиться одинъ или два вывода, которые покажутся читателю совершенно несходными съ его понятіями о долгѣ. Несмотря на это, если онъ только признаетъ ихъ логически правильнымъ выводомъ изъ основной истины, то ему останется одно—признать ихъ правилами для своего поведенія и слѣдовать имъ безъ всякаго исключенія. Если вышеприведенныя соображенія имѣютъ дѣйствительно нѣкоторый вѣсъ, то высшая мудрость заключается въ томъ, чтобы вполнѣ и безъ страха подчиниться тому пути, кото-

рымъ ведетъ нравственное ученіе, признанное «отвлеченно справедливымъ», несмотря на то, что извѣстное примѣненіе будетъ, повидимому, непрактично, опасно и даже оскорбительно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Опредѣленіе нравственности.

§ 1. Нѣтъ никакого установившагося мнѣнія о томъ, что должна заключать въ себѣ нравственная философія. Моралисты или вовсе не начинали своихъ изысканій съ точнаго опредѣленія того, что имъ предстояло сдѣлать, или составляли опредѣленія весьма неточнаго свойства. Вмѣсто того, чтобы ограничиться раскрытіемъ и примѣненіемъ нѣкоторыхъ существенныхъ принциповъ справедливаго поведенія, они пытались преподавать правила для всевозможныхъ дѣйствій, при всевозможныхъ обстоятельствахъ. При правильномъ пониманіи дѣла предметъ изслѣдованія окажется ограниченнымъ сравнительно тѣсными предѣлами; моралисты, не замѣчая этого, входили въ разсмотрѣніе множества вопросовъ, которые будутъ прямо признаны нами лежащими за предѣлами нашего предмета.

§ 2. Нравственный законъ, какъ уже сказано было выше (стр. 23—24), долженъ быть закономъ совершеннаго человѣка,—совершенство именно и состоитъ въ слѣдованіи этому закону. Мы можемъ выбирать только между двумя путями. Мы можемъ утверждать, что нравственность заключаетъ въ себѣ правила поведенія, приспособленныя къ человѣку, котораго мы видимъ въ дѣйствительности,—это законъ, который признаетъ существующіе недостатки человѣческаго характера и принимаетъ ихъ въ соображеніе; или мы должны признавать нравственность закономъ для опредѣленія поведенія въ средѣ такихъ людей, какими они должны быть. Относительно перваго предположенія мы должны сказать, что всякое нравственное ученіе само осуждаетъ себя, если оно

признаетъ существующіе недостатки людей и заключаетъ въ себѣ правила, необходимыя ради этихъ недостатковъ. Поведеніе, которое объясняется подобной гипотезой недостатковъ, не можетъ быть наилучшимъ поведеніемъ; слѣдовательно оно не вполнѣ справедливо, оно не вполнѣ нравственно и слѣдовательно нравственность, которая допускаетъ подобное поведеніе, не будетъ вовсе нравственностью именно въ томъ размѣрѣ, въ которомъ она дѣлаетъ послабленіе. Избавиться отъ этого противорѣчія мы можемъ только тѣмъ, что примемъ противоположный взглядъ и согласимся, что нравственный законъ игнорируетъ всѣ порочныя свойства, слабость и неспособность человѣческую и предписываетъ правила поведенія для идеальнаго человѣчества. Только одно чистое и абсолютное прямодушіе можетъ входить въ его составъ. Онъ долженъ имѣть своимъ предметомъ опредѣленіе отношеній, въ которыхъ люди д о л ж н ы быть другъ къ другу,—онъ долженъ указать принципы дѣйствій въ нормальномъ обществѣ. Онъ долженъ стремиться, рядомъ послѣдовательныхъ заключеній, создать систематическое изложеніе условій, при которыхъ люди могутъ жить вмѣстѣ, въ полномъ согласіи; но для достиженія этой цѣли ему необходимо принять за основаніе, что люди эти совершенны. Мы можемъ назвать эту науку наукою соціальной жизни; такая наука, точно такъ же, какъ и всякая другая, предполагаетъ совершенство въ законахъ, съ которыми она имѣетъ дѣло.

§ 3. При такомъ взглядѣ на отвлеченные принципы справедливаго поведенія и на выводы, которые должны быть сдѣланы изъ нихъ, система чистой нравственности не можетъ признавать зла и ни одного изъ тѣхъ условій, которыя вытекаютъ изъ зла. Она вполнѣ игнорируетъ заблужденія, несправедливости и преступленія, она не указываетъ, что слѣдуетъ дѣлать, если подобные поступки совершены. Она игнорируетъ преступленіе закона, потому что она излагаетъ только то, въ чемъ заключается существо закона. Она говоритъ только: вотъ начала, на основаніи которыхъ люди должны дѣйствовать; и если начала эти нарушены, то она можетъ сказать только, что они нарушены. Если ее кто-нибудь спроситъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, если его ошибутъ съ ногъ, то она не дастъ отвѣта; она можетъ только отвѣтить, что нападеніе заключаетъ въ себѣ нарушеніе закона и пораж-

даетъ ложное отношеніе. Она не говоритъ, какимъ образомъ нужно обращаться съ воромъ; все, что она говоритъ, это то, что воровство заключаетъ въ себѣ нарушеніе соціальнаго равновѣсія. Изъ нея мы узнаемъ, что долгъ заключаетъ въ себѣ нарушеніе нравственнаго кодекса; но она не можетъ рѣшить, слѣдуетъ или не слѣдуетъ заключать должника въ тюрьму. На всѣ вопросы, которые предполагаютъ извѣстное, предшествовавшее незаконное дѣйствіе, совершенный законъ не можетъ дать отвѣта, потому что онъ не признаетъ такого предположенія. Такимъ образомъ онъ не дастъ отвѣта на вопросы: Слѣдуетъ ли адвокату защищать человѣка, котораго онъ считаетъ виновнымъ? Долженъ ли человѣкъ не исполнять клятву, которою онъ обязался сдѣлать что-нибудь дурное? Хорошо ли оглашать дурные поступки нашего ближняго? Стараясь разрѣшать подобные вопросы чисто нравственными принципами, моралисты пытались сдѣлать невозможное. Это такъ же не раціонально, какъ если бы они попытались разрѣшить математическимъ путемъ рядъ задачъ, относящихся до изогнутыхъ линій и ломаныхъ кривыхъ, или стали бы выводить изъ теоремъ механики лучшій способъ для приведенія въ порядокъ испортившейся машины. Ни одинъ выводъ не можетъ почитаться абсолютно истиннымъ, кромѣ того, который самъ основывается на абсолютныхъ истинахъ. Точность въ заключеніи можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда предложеніе, изъ котораго оно выведено, само по себѣ точно. Геометръ требуетъ, чтобы прямыя линіи, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, были дѣйствительно прямыя; чтобы его круги, эллипсы и параболы согласовались съ точными опредѣленіями и соотвѣтствовали бы вполнѣ и неизмѣнно равнялись опредѣленнымъ величинамъ. Если вы обратитесь къ нему съ вопросомъ, въ которомъ эти условія не соблюдены, онъ вамъ скажетъ, что онъ не можетъ вамъ отвѣтить. Таково же положеніе и философствующаго моралиста. Онъ разсуждаетъ только о прямомъ человѣкѣ. Онъ опредѣляетъ свойства прямого человѣка; онъ разъясняетъ, какимъ образомъ ведетъ себя прямой человѣкъ; онъ показываетъ, въ какихъ отношеніяхъ этотъ человѣкъ находится къ другимъ прямымъ людямъ; онъ показываетъ, какимъ образомъ устроено общество прямыхъ людей. Онъ вынужденъ вполнѣ игнорировать всякое отступленіе отъ совершенной прямизны. Эти отступленія не могутъ

быть приняты въ число его основаній безъ того, чтобы не сдѣлать невѣрными всѣ его заключенія Для него неразрѣшима задача, въ которую кривой человѣкъ войдетъ элементомъ. Онъ можетъ выразить свое мнѣніе объ этой задачѣ, можетъ дать приблизительное рѣшеніе, но болѣе для него ничего невозможно. Его рѣшеніе это будетъ только мнѣніе, оно не будетъ имѣть научнаго и повелительнаго характера.

Можетъ быть здѣсь будетъ весьма кстати усилить сдѣланные выводы, разъяснивъ существо науки о нравственномъ человѣкѣ примѣромъ науки о человѣкѣ животномъ. Физіологію опредѣляютъ систематическимъ изложеніемъ явленій тѣлесной жизни. Она имѣетъ своимъ предметомъ отправленія различныхъ органовъ въ нормальномъ ихъ состояніи. Она разъясняетъ взаимныя отношенія частей тѣла, она указываетъ ихъ соотносительныя функціи, показываетъ, какъ дѣйствуютъ эти функціи и для чего онѣ необходимы. Она освѣщаетъ взаимную зависимость жизненныхъ отправленій; опредѣляетъ, какимъ образомъ они могутъ быть удерживаемы въ равновѣсіи, и излагаетъ условія совершеннаго здоровья. Она не признаетъ болѣзненнаго состоянія и не можетъ рѣшить ни одного изъ относящихся до него вопросовъ. Она не дастъ отвѣта на вопросы: Что служитъ причиною лихорадки? Какое лучшее средство для излеченія простуды? Все это внѣ ея сферы. Если бы она отвѣтила, то она не была бы уже болѣе физіологія, а была бы патологія или терапія. Точно то же можно сказать объ истинной нравственности, — ее довольно правильно можно назвать нравственной физіологіей. Ея дѣло просто изложить принципы нравственнаго здоровья. Подобно аналогической съ нею наукѣ, она вовсе не касается болѣзненныхъ дѣйствій и разстроенныхъ отправленій. Она имѣетъ дѣло только съ законами нормальнаго человѣчества и не можетъ признавать несправедливыхъ, растлѣнныхъ и безпорядочныхъ отношеній.

Отсюда ясно, что моралисты, которые обсуждали право собственности и несправедливость дуэлей, признавая эти предметы частями той же самой науки, смѣшали вещи существенно различныя. Вопросъ: въ чемъ заключаются истинные принципы человѣческаго поведенія? — это предметъ одного рода; а вопросъ: какъ слѣдуетъ поступать, когда принципы

эти нарушены?—это вопросъ другого рода, и весьма отъ него различный. Допускаетъ ли этотъ послѣдній вопросъ какое-либо рѣшеніе? Возможно ли развить научную систему нравственной патологіи и нравственной терапіи,—это дѣло весьма сомнительнаго свойства. Но какъ бы то ни было, все-таки весьма ясно, что система чистой этики—предметъ совершенно отдѣльный. Предметъ этотъ и будетъ разсматриваться такимъ образомъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

ГЛАВА II.

Исчезновеніе зла.

§ 1. Все зло происходитъ оттого, что устройство предметовъ не приспособлено къ условіямъ, въ которыхъ они существуютъ. Это справедливо по отношенію ко всему живущему. Почему дерево не можетъ развиться на дурной почвѣ? Почему оно чахнетъ, если оно не имѣетъ свѣта? Почему оно гибнетъ окончательно, если оно будетъ перенесено въ холодный климатъ?—Все это оттого, что разрушена гармонія между его организаціею и условіями, въ которыхъ оно существуетъ. Опыты, сдѣланные надъ домашними животными и въ звѣринцахъ, показываютъ, что страданія, болѣзни и смерть, причиняемыя животнымъ извѣстнаго рода обращеніемъ съ ними, всѣ могутъ быть подводимы подъ тотъ же законъ. Если доходить до первоначальныхъ причинъ, то можно убѣдиться, что каждое страданіе, причиненное человѣческому тѣлу, начиная отъ головной боли и до смертельныхъ болѣзней,—начиная отъ ожога и вывиха и до случайной смерти, причиняется исключительно тѣмъ, что тѣло поставлено было въ условія, не соотвѣтствующія его силамъ и свойствамъ. То же самое можно сказать не только о физическомъ, но и о нравственномъ злѣ. Почему сострадательный человѣкъ чувствуетъ скорбь при видѣ бѣдствія? Почему холостякъ несчастливъ, если его средства не позволяютъ ему жениться? Почему мать оплакиваетъ потерянное ею дитя? Почему эмигрантъ горюетъ, оставляя свою родину? — Одни страдаютъ оттого, что имъ приходится проводить жизнь въ непріятномъ занятіи, другіе оттого, что вовсе не имѣютъ занятія. Все это объясняется такими же причинами. Какова бы ни была

спеціальная причина зла, но общая причина страданія неизмѣнно одна и та же—это отсутствіе согласія между способностью и сферою ея дѣйствія.

§ 2. Точно такъ же справедливо, что зло постоянно стремится къ исчезновенію. Въ силу существеннаго принципа жизни несоотвѣтствіе между организмомъ и условіями его существованія постоянно исправляется все болѣе; или одно изъ двухъ или оба вмѣстѣ измѣняются постоянно до тѣхъ поръ, пока они вполнѣ приспособятся другъ къ другу. Все, что одарено жизненной силой, начиная отъ первоначальной клѣточки и до человѣка, слѣдуетъ этому закону. Проявленія этого закона мы видимъ при акклиматизаціи растеній, при измѣненіи свойствъ домашнихъ животныхъ и въ различныхъ особенностяхъ нашей собственной породы. Сибирскія растенія, привыкшія къ короткому арктическому лѣту, поднимаются и цвѣтутъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, и такъ же быстро созрѣваютъ ихъ сѣмена. Подъ вліяніемъ морозовъ сѣверной зимы животныя умѣреннаго климата получаютъ болѣе густую шерсть и пухъ и дѣлаются бѣлыми. Борзая собака, перенесенная на горныя равнины Андовъ, не можетъ тамъ охотиться по слабости груди, но въ теченіе поколѣній она пріобрѣтаетъ тамъ лучшія легкія. Скотъ, который въ дикомъ состояніи давалъ молоко только въ теченіе короткаго періода, теперь дастъ его почти постоянно. Иноходь — бѣгъ, несвойственный лошади, но есть въ Америкѣ породы, которыя бѣгаютъ такимъ образомъ прямо и ихъ нѣтъ надобности къ нему пріучать.

Люди обнаруживаютъ ту же самую способность приспособляться. Подъ вліяніемъ температуры у нихъ мѣняется цвѣтъ кожи, — въ одномъ мѣстѣ они питаются рисомъ, въ другомъ китовымъ жиромъ,—у нихъ увеличиваются органы пищеваренія, если они ѣдятъ непитательную пищу, — они пріобрѣтаютъ способность долго голодать, если ихъ образъ жизни неправильный, и теряютъ ее, если они постоянно имѣютъ достаточно пищи, — въ дикомъ состояніи они проворны и ловки и неповоротливы при городской жизни,— когда это требуется условіями ихъ жизни, у нихъ развиваются зрѣніе, слухъ и обоняніе, и снова тупѣютъ, когда потребность въ нихъ уменьшается. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти перемѣны дѣлаются для того, чтобы

приспособиться къ окружающимъ обстоятельствамъ. Самый крайній скептикъ долженъ сознаться, что дѣйствуетъ извѣстный законъ приспособленія, если онъ видитъ, что житель болотъ существуетъ въ атмосферѣ, которая окажется смертельною для всякаго постороннаго, что индѣецъ лежитъ и спитъ подъ тропическимъ солнцемъ въ то время, какъ его бѣлый господинъ едва можетъ вздремнуть при спущенныхъ сторахъ, при охлажденіи воздуха водою и т. д., — если онъ видитъ, какъ гренландецъ и неаполитанецъ удобно питаются каждый своей пищей — китовымъ жиромъ и макаронами, и какъ бы они были несчастны, если бы имъ пришлось помѣняться,—если онъ видитъ, что и въ другихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто точно такое же приспособленіе къ пищѣ, къ климату, къ условіямъ жизни. Мало этого, если онъ правильно будетъ объяснять факты, то найдетъ, что дѣйствіе подобнаго закона можно услѣдить въ мельчайшихъ подробностяхъ жизни отдѣльнаго человѣка. Можно замѣтить, какъ человѣческій организмъ постепенно пріобрѣтаетъ все большую способность противодѣйствовать вреднымъ вліяніямъ, если наблюдать пьяницу, которому постоянно нужно все болѣе выпивать спиртныхъ напитковъ для того, чтобы быть пьянымъ, или человѣка, употребляющаго опіумъ, который постоянно долженъ принимать все большія дозы для того, чтобы испытывать то же самое впечатлѣніе. Точно то же могутъ замѣтить тѣ, которые курятъ, нюхаютъ табакъ или часто принимаютъ лекарства. Всякое постоянное измѣненіе въ состояніи и въ способностяхъ тѣла можетъ быть объясняемо тѣмъ же самымъ принципомъ.

Точно такой же общій законъ, какой существуетъ для физической измѣняемости тѣла, существуетъ и для нравственной. Разнообразныя измѣненія способностей и наклонностей, которыя въ теченіе времени встрѣчаются у индѣйской, африканской, монгольской и кавказской расъ и у ихъ различныхъ подраздѣленій, должны быть всѣ приписаны наклонности приспособляться въ каждомъ случаѣ къ окружающимъ обстоятельствамъ. Вышеприведенные примѣры (стр. 44) значительныхъ противоположностей въ свойствахъ людей, принадлежащихъ къ разнымъ націямъ и къ разнымъ эпохамъ, не допускаютъ другого объясненія. Откуда происходятъ всѣ эти отступленія отъ общаго первоначальнаго типа?

Чѣмъ же они произведены, если не произведены способностью людей приспособляться къ обстоятельствамъ?

Нѣтъ данныхъ, которыми бы возможно было это ученіе опровергнуть на сколько-нибудь твердомъ основаніи; всѣ опровергавшіе употребляли доказательства, которыя скорѣе могутъ служить въ пользу справедливости этого мнѣнія. Даже тѣ, которые имѣютъ крайнее предубѣжденіе противъ теоріи безпредѣльной способности человѣка къ приспособленію, постоянно невольно обнаруживаютъ свою вѣру въ нее. Они это дѣлаютъ каждый разъ, когда различіе національныхъ свойствъ приписываютъ различію въ обычаяхъ и въ соціальномъ устройствѣ,—каждый разъ, когда они говорятъ о силѣ привычки,—каждый разъ, когда они обсуждаютъ вліяніе, которое извѣстная мѣра можетъ имѣть на общественную нравственность. То же они дѣлаютъ и тогда, когда совѣтуютъ упражняться для увеличенія своей способности къ какому-нибудь дѣлу, и тогда, когда они извѣстныя занятія признаютъ способствующими развитію, а другія понижающими нравственный уровень, и наконецъ тогда, когда они защищаютъ извѣстную систему нравственной дисциплины. Они обнаруживаютъ согласіе съ этимъ ученіемъ каждый разъ, когда они проповѣдуютъ, что добродѣтель всегда кончаетъ тѣмъ, что возбуждаетъ къ себѣ симпатію, и когда они предостерегаютъ отъ продолжительнаго поощренія порочныхъ наклонностей.

Если мы ближе разсмотримъ дѣло, то убѣдимся, что даже невозможно себѣ представить другого порядка вещей. Мы должны принять одно изъ трехъ предположеній. Или мы должны утверждать, что существо человѣка вовсе не измѣняется отъ вліяній или, какъ мы выражаемся, отъ дѣйствующей на него обстановки; или мы должны полагать, что оно постоянно стремится сдѣлаться все болѣе и болѣе несоотвѣтствующимъ этой обстановкѣ; или, наконецъ, что оно приспособляется къ ней. Если справедливо первое положеніе, то всѣ способы воспитанія и управленія, всѣ соціальныя реформы, всѣ пріемы, посредствомъ которыхъ предполагается дѣйствовать на людей, окажутся совершенно безполезными, потому что они не могутъ имѣть вовсе никакого вліянія. Если второе предположеніе справедливо, то человѣка нужно пріучать къ порочности для того, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ,

и наоборотъ. Такъ какъ оба эти предположенія нелѣпы, то мы должны принять третье.

§ 3. Мы должны имѣть въ виду, во-первыхъ, что все зло происходитъ оттого, что устройство предмета не приспособлено къ условіямъ, въ которыхъ онъ существуетъ; и во-вторыхъ, что вездѣ, гдѣ существуетъ такое несоотвѣтствіе, оно постоянно уменьшается чрезъ измѣненіе предмета, приспособляющагося къ условіямъ,—и тогда мы будемъ способны понять настоящее положеніе человѣческаго рода!

Увеличеніе населенія сдѣлало необходимымъ то состояніе, которое мы называемъ обществомъ. Люди, которые живутъ въ этомъ состояніи, страдаютъ отъ многихъ золъ. Принимая вышеизложенную гипотезу, мы должны заключать, что ихъ свойства не вполнѣ приспособлены къ такому состоянію.

Въ какомъ же отношеніи они не приспособлены? Какія же особенныя свойства требуются для человѣка отъ положенія его въ обществѣ?

Требуется, чтобы каждая отдѣльная личность имѣла только такія желанія, которыя могутъ быть вполнѣ удовлетворены, не уменьшая точно такого же полнаго удовлетворенія всѣхъ желаній всякой другой личности. Если желанія каждаго человѣка не ограничены такимъ образомъ, то или всѣ будутъ имѣть желанія неудовлетворенныя, или нѣкоторые получатъ удовлетвореніе насчетъ другихъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ неизбѣжно послѣдуетъ страданіе, и люди окажутся неприспособленными къ обстоятельствамъ.

Но почему же люди не приспособлены къ жизни въ обществѣ?

Исключительно потому, что они отчасти еще имѣютъ свойства, приспособленныя къ жизни въ состояніи, предшествовавшемъ обществу. Человѣкъ не приспособленъ къ обществу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ немъ остаются еще свойства, приспособленныя къ его первобытной хищнической жизни. Обстоятельства прежней его жизни требовали, чтобы онъ жертвовалъ благосостояніемъ другихъ для своего собственнаго; современная его обстановка требуетъ совершенно другого. Онъ настолько именно неспособенъ къ жизни въ обществѣ, насколько прежнія свойства въ немъ остались неистребленными. Вотъ гдѣ причина всѣхъ проступковъ людей по отношенію другъ къ другу; она дѣйствуетъ и въ людо-

ѣдствѣ каранба, и въ злодѣяніяхъ и корыстныхъ дѣйствіяхъ, которыми мы окружены. Преступленія чрезъ которыя наполняются наши тюрьмы, мошенничества въ торговлѣ, ссоры между народами и между различными классами общества, испорченность учрежденій, зависть и недовѣріе между сословіями, салонные скандалы — все вытекаетъ изъ того же источника.

Обсуждая современное состояніе человѣческаго рода, мы должны придти къ заключенію, что люди въ первобытномъ состояніи нуждались въ нравственномъ настроеніи, которое приспособляло бы ихъ къ ихъ положенію, и что они нуждаются въ другомъ, чтобы приспособиться къ ихъ теперешней жизни; что они находились, находятся и долго еще будутъ находиться въ состояніи приспособленія. Подъ словомъ цивилизація мы разумѣемъ приспособленіе, которое уже имѣло мѣсто. Измѣненія, которыя называются прогрессомъ, составляютъ постепенные переходы къ нему. Вѣра въ способность человѣческой природы къ усовершенствованію приводитъ къ убѣжденію, что силою этого прогресса люди наконецъ придутъ къ тому, что они совершенно приспособятся къ своимъ теперешнимъ формамъ жизни.

§ 4. Если вышеприведенныя заключенія дѣйствительно убѣдительны, то выраженная здѣсь надежда должна считаться основательной. Она не можетъ имѣть претензію на безспорность, пока подтверждена только свидѣтельствами, взятыми изъ исторіи. Если сдѣлано было наблюденіе, что до сихъ поръ прогрессъ былъ правиломъ, и если изъ этого выведено заключеніе, что прогрессъ будетъ правиломъ и на будущее время, то это конечно можетъ быть названо только благовидной мыслью. Но если будетъ доказано, что этотъ прогрессъ происходитъ отъ дѣйствія всеобщаго закона, что въ силу этого закона онъ долженъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока достигнуто будетъ совершенство, то будущій фактъ достиженія совершенства изъ области вѣроятностей будетъ уже перенесенъ въ область несомнѣннаго. Если кто-нибудь въ этомъ сомнѣвается, пусть онъ укажетъ, гдѣ тутъ ошибка. Вотъ постепенный выводъ заключенія.

Всякое несовершенство заключается въ недостаткѣ приспособленія къ условіямъ существованія.

Этотъ недостатокъ долженъ заключаться или въ чрез-

мѣрности одного или нѣсколькихъ свойствъ, или недостаточности также одного или нѣсколькихъ свойствъ, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ.

Чрезмѣрна та способность, для которой условія существованія не представляютъ достаточнаго круга дѣятельности; неудовлетворительна та способность, отъ которой условія существованія требуютъ болѣе, чѣмъ она можетъ совершить.

Существенный принципъ жизни заключается въ томъ, что способность, которая по обстоятельствамъ не имѣетъ полнаго круга дѣятельности, ослабляется; а способность, отъ которой требуется усиленіе дѣятельности, возрастаетъ.

Это ослабленіе и возрастаніе должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать чрезмѣрность и недостаточность.

Наконецъ всякая чрезмѣрность и всякая недостаточность должны исчезнуть, т. е. всякая неприспособленность должна прекратиться и всякое несовершенство должно найти свой конецъ.

Такимъ образомъ, окончательное развитіе идеальнаго человѣка логически достовѣрно, оно такъ же достовѣрно, какъ всякое другое заключеніе, которому мы довѣряемъ безусловно,—какъ мы вѣримъ напр. заключенію, что всѣ люди смертны. Откуда мы заключаемъ, что всѣ люди смертны? Исключительно изъ того обстоятельства, что въ безчисленномъ множествѣ предыдущихъ случаевъ смерть единообразно имѣла мѣсто. Точно такимъ же образомъ, опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, опытъ, который выразился въ употребительныхъ правилахъ, поговоркахъ, нравственныхъ сентенціяхъ, опытъ, который доказывается біографіями и исторіею, убѣждаетъ, что органы, способности, силы и свойства всякихъ наименованій растутъ отъ употребленія и ослабляются отъ бездѣйствія,—поэтому выводится заключеніе, что это явленіе будетъ имѣть мѣсто и впослѣдствіи. Если это заключеніе несомнѣнно, то не подлежитъ сомнѣнію и сдѣланный изъ него выводъ, что человѣчество наконецъ совершенно приспособится къ условіямъ своей жизни.

Слѣдовательно прогрессъ есть не случайность, а необходимость. Цивилизація не есть что-нибудь искусственное, но это необходимое условіе мірового существованія, точно такъ же, какъ и развитіе зародыша и цвѣтка. Измѣненія, послѣдо-

явленія въ человѣчествѣ, имѣющія мѣсто до сихъ поръ, вытекаютъ изъ закона, которому подчиняется вся органическая природа. Если родъ человѣческій будетъ продолжать свое существованіе и устройство вещей останется такое же, то эти измѣненія должны кончиться совершенствомъ. Точно такъ же несомнѣнно, что человѣкъ сдѣлается совершеннымъ, какъ несомнѣнно то, что одинокое дерево разростается, а дерево въ группѣ развивается менѣе,—какъ несомнѣнно, то, что то же самое животное принимаетъ формы возовой и скаковой лошади, смотря по тому, чего требуютъ условія ея жизни—силы или скорости,—какъ несомнѣнно, что рука кузнеца крѣпнетъ, а кожа на рукахъ земледѣльца толстѣетъ,—какъ несомнѣнно, что глазъ матроса дѣлается дальнозоркимъ, а глазъ ученаго близорукимъ; это такъ же безспорно, какъ безспорно, что слѣпой пріобрѣтаетъ болѣе совершенное осязаніе, что канцеляристъ выучивается скоро писать и считать; что музыкантъ открываетъ ошибку въ полутонѣ тамъ, гдѣ другіе слышатъ только смѣшеніе звуковъ; оно безспорно, какъ безспорно, что страсть развивается отъ послабленія и уменьшается отъ стѣсненій,—что внутреннее сознаніе добра и зла дѣлается инертнымъ, какъ скоро на него не обращаютъ вниманія, и дѣятельнымъ, когда ему слѣдуютъ; оно вѣрно, какъ вѣрно, что воспитаніе имѣетъ дѣйствительное вліяніе на человѣка, что выраженія: привычка, обычай, обыкновеніе имѣютъ дѣйствительный смыслъ. Точно такъ же вѣрно и то, что человѣческія свойства будутъ вполнѣ приспособлены къ общественной жизни, что исчезнетъ все то, что мы называемъ зломъ и безнравственностью.

ГЛАВА III.

Божественная идея и условія ея осуществленія.

§ 1. Если бы Бентамъ, не предлагая свою идею «наибольшаго счастія» въ видѣ правила для человѣческаго поведенія, сталъ просто утверждать, что наибольшее счастіе—цѣль творенія, то его положеніе было бы довольно вѣрно. Почти всѣ люди такъ или иначе утверждаютъ то же самое. Были однако же времена, когда подобное убѣжденіе было вовсе не всеобщимъ. Если бы такое положеніе было высказано Симеону Столпнику, когда онъ стоялъ на своемъ столбѣ, то онъ вѣроятно бы съ нимъ не согласился. Вѣроятно хлысты тринадцатаго столѣтія (Flagellants) такъ же думали иначе. Возможно предположить, что и до настоящаго времени факиры Индіи придерживаются противнаго мнѣнія. Справедливо, что дикій аскетизмъ приписываетъ божеству такое же варварство, какимъ онъ самъ отличается, и представляетъ себѣ, что оно можетъ находить наслажденіе въ человѣческихъ жертвахъ; правда, что и въ нашей средѣ сохранился еще тотъ же взглядъ и выражается въ постахъ и покаяніяхъ; несмотря на это, немногіе между цивилизованными народами способны отвергать, что человѣческое благополучіе вполнѣ согласно съ желаніемъ божіимъ: можетъ быть такого народа даже и вовсе не найдется. Ученіе это преподается всѣми нашими религіозными проповѣдниками; его придерживаются всѣ писатели о нравственности; его, безъ сомнѣнія, можно разсматривать какъ общепринятую истину.

Большая разница между мнѣніемъ, что наибольшее счастіе есть цѣль творенія, и мнѣніемъ, что наибольшее счастіе есть непосредственная цѣль человѣка. Роковая ошибка утилитарной философіи состояла въ томъ, что она смѣшала эти положенія. Философы этой школы упустили изъ виду, что истина тутъ имѣетъ двѣ стороны—божественную и человѣческую и что весьма важно опредѣлить, которую изъ нихъ мы будемъ разсматривать. Наибольшее счастіе и нравственность—это лицевая и оборотная сторона одного и того же явленія: то, что написано на одной сторонѣ, недоступно нашему анализу; то, что написано на другой, мы довольно удобно можемъ анализировать.

Оставивъ метафоры и говоря философскимъ языкомъ, мы можемъ сказать, что наше дѣло должно состоять въ опредѣленіи условій, съ которыми намъ слѣдуетъ сообразоваться для того, чтобы наибольшее счастіе могло быть достигнуто. Мы не должны основываться на предположеніяхъ, мы не должны дѣлать то или другое, потому что это кажется намъ полезнымъ; но мы должны разрѣшить, каково дѣйствительно должно быть наше поведеніе для того, чтобы оно привело къ желаемому концу. Въ природѣ вещей должны быть, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстныя, точныя и опредѣленныя предварительныя условія для успѣха. Человѣкъ—это видимое и осязаемое существо, имѣющее свойства. Въ условіяхъ, которыя его окружаютъ, существуетъ извѣстнаго рода неизмѣнная необходимость. Жизнь зависитъ отъ выполненія извѣстныхъ особенныхъ отправленій, а счастіе есть извѣстнаго рода жизнь. Не подлежитъ сомнѣнію, что если мы хотимъ знать, какъ долженъ жить человѣкъ среди этихъ данныхъ условій для того, чтобы жизнь его привела къ результату наибольшаго счастія, мы должны сначала опредѣлить, въ чемъ заключается существо этихъ условій. Если мы хотимъ разрѣшить эту задачу, то мы можемъ сдѣлать это, обращаясь только къ существеннымъ ея условіямъ и подчиняясь имъ. Предполагать, что мы можемъ не знать этихъ условій и не обращать на нихъ вниманія, а достигнуть успѣха путемъ какихъ-нибудь случайныхъ соображеній—это полнѣйшая нелѣпость. Желаемая цѣль можетъ быть достигнута только однимъ путемъ. Путь этотъ долженъ зависѣть отъ основныхъ, необходимыхъ условій нашего поло-

женія. Если мы хотимъ открыть этотъ путь, то должны сначала опредѣлить эти необходимыя условія.

§ 2. Во главѣ тутъ стоитъ непреложный фактъ—это жизнь среди общества. Вслѣдствіе рокового хода вещей люди размножались до тѣхъ поръ, пока они были вынуждены жить болѣе или менѣе въ виду другъ у друга. Такое размноженіе необходимо для достиженія наибольшей массы жизни на землѣ, и потому кажется весьма вѣроятнымъ, что такое предварительное условіе необходимо для достиженія наибольшей суммы счастія. Какъ бы то ни было, но мы находимъ этотъ порядокъ въ дѣйствительности; мы поставлены въ необходимость существовать въ этихъ условіяхъ; и слѣдовательно мы должны разсматривать такое положеніе какъ одно изъ условій, съ которымъ намъ слѣдуетъ сообразоваться и которое намъ необходимо признать, создавая для себя правила къ достиженію наибольшаго счастія.

Въ жизни общественной кругъ дѣятельности каждой личности ограничивается сферой дѣятельности другихъ личностей; изъ этого слѣдуетъ, что люди, которые хотятъ создать наибольшую сумму счастія, должны быть такими людьми, изъ которыхъ каждый можетъ получить полное благополучіе въ своей сферѣ дѣятельности, не уменьшая сферу дѣятельности, необходимую другимъ для достиженія ихъ счастія. Ясно, что если всѣ эти люди или кто-нибудь изъ нихъ не можетъ достигнуть полнаго счастія, не стѣсняя сферы дѣятельности одного или нѣсколькихъ изъ остающихся людей, то онъ или самъ не получитъ полнаго счастія, или кто-нибудь или нѣсколько остальныхъ людей будутъ лишены такого благополучія; слѣдовательно, при подобныхъ обстоятельствахъ общая сумма счастія не можетъ достигнуть наибольшихъ размѣровъ, доступныхъ нашему пониманію, т. е. осуществленіе наибольшаго счастія сдѣлается невозможнымъ. Вотъ первое изъ условій, необходимыхъ для достиженія наибольшаго счастія, которое создается ненабѣжностью общественной жизни для человѣка. Исполненіе этого условія мы выражаемъ словомъ справедливость.

Рядомъ съ этимъ, самымъ существеннымъ условіемъ мы находимъ дополнительное, подобнаго же рода. Мы видимъ, что люди могутъ вести себя такъ, что ихъ поведеніе будетъ

производить въ другихъ болѣзненныя ощущенія, хотя они этимъ и не будутъ ограничивать сферу ихъ дѣятельности. Если кто-нибудь имѣетъ чувства, которыя побуждаютъ его поступать такимъ образомъ, то ясно, что общій размѣръ счастія не будетъ такъ великъ, какимъ бы онъ былъ, если бы люди были лишены подобныхъ чувствъ. Итакъ, для достиженія наибольшаго счастія человѣкъ долженъ быть такъ устроенъ, чтобы онъ могъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ требованіямъ своей природы, не только не уменьшая сферу дѣятельности другихъ людей, но и не производя для другихъ людей несчастія, ни прямымъ, ни посредственнымъ путемъ. Мы тотчасъ увидимъ, что это условіе слѣдуетъ вполнѣ отдѣлить отъ предыдущаго. Соблюденіе этого условія можно назвать отрицательнымъ облаготвореніемъ или отрицательнымъ проявленіемъ симпатіи.

Есть еще одно требованіе, исполненіе котораго неопредѣленно увеличитъ счастіе, происходящее отъ осуществленія вышеизложенныхъ условій. Какъ скоро извѣстный родъ существъ будетъ устроенъ такимъ образомъ, что каждая отдѣльная особь будетъ въ состояніи вполнѣ удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ, не уменьшая удовлетворенія, получаемаго другими особями, то мы будемъ имѣть состояніе, при которомъ сумма отдѣльнаго счастія особи достигнетъ наибольшихъ, доступныхъ нашему пониманію размѣровъ. Но если эти самыя существа будутъ устроены такимъ образомъ, что каждое изъ нихъ, кромѣ пріятныхъ ощущеній, получаемыхъ отъ личнаго удовлетворенія, будетъ еще участвовать посредствомъ сочувствія въ пріятныхъ ощущеніяхъ, получаемыхъ другими, то общая сумма ихъ счастія значительно увеличится. Итакъ, къ первоначальному требованію, что всякій долженъ быть способенъ пріобрѣтать для себя полное счастіе, не уменьшая счастія другихъ, мы должны присоединить новое, а именно, что всякій долженъ быть способенъ къ такому душевному настроенію, при которомъ видъ чужого счастія увеличивалъ бы его собственное. Удовлетвореніе этому условію можно назвать положительнымъ облаготвореніемъ или положительнымъ проявленіемъ симпатіи.

Наконецъ, для произведенія наибольшаго счастія требуется соблюденіе еще одного условія: каждый, выполняя надлежа-

щимъ образомъ вышеизложенныя условія, долженъ еще дѣлать все, что необходимо для увеличенія его собственнаго частнаго счастія.

Итакъ, вотъ эти необходимыя условія. Они основаны не на какомъ-нибудь мнѣніи, но на неизмѣнныхъ фактахъ. Отвергать ихъ невозможно, потому что всякое другое положеніе будетъ противорѣчить самому себѣ. Не существуетъ иной возможности: созданія, которыя должны осуществить божественную идею, должны быть именно такимъ образомъ устроены. Каждый человѣкъ долженъ соотвѣтствовать этимъ условіямъ прежде, чѣмъ наибольшее счастіе можетъ быть осуществлено; каждый шагъ, приближающій къ наибольшему счастію, предполагаетъ предварительный шагъ къ удовлетворенію этимъ условіямъ. Системы управленія и культуры, которыя ихъ игнорируютъ, необходимо должны быть нелѣпыми въ своемъ существѣ. Сообразно своему соотвѣтствію или разногласію съ этими условіями, все, что сюда относится, должно считаться хорошимъ или дурнымъ, правильнымъ или ошибочнымъ. Намъ нѣтъ надобности запутываться въ изслѣдованіяхъ о пользѣ каждой мѣры путемъ опредѣленія всѣхъ ея крайнихъ результатовъ съ ихъ безконечными развѣтвленіями; это дѣло, за которое и приниматься нелѣпо. Мы должны только изслѣдовать, соотвѣтствуетъ ли извѣстная мѣра вполнѣ вышеизложеннымъ основнымъ условіямъ или нѣтъ, и мы должны быть увѣрены, что ея годность или негодность будетъ прямо опредѣляться этимъ. Всѣ наши обязанности заключаются въ томъ, чтобы мы старались жить согласно съ этими необходимыми условіями. Хорошо, если мы находимъ удовольствіе, поступая такимъ образомъ; если мы его не находимъ, мы должны добиваться того, чтобы его найти. Наибольшаго счастія можно достигнуть только тогда, когда его условіямъ подвергаются охотно, потому что ограниченіе желаній порождаетъ стремленіе къ неисполненію этихъ условій и причиняетъ этимъ страданіе или уменьшеніе наибольшаго счастія. Кромѣ того мы должны пріучиться къ исполненію этихъ условій, такъ скоро, какъ только это для насъ возможно. Жизнь въ обществѣ составляетъ необходимость. Условія наибольшаго счастія при такомъ состояніи неизмѣнны. Измѣняться могутъ только наши свойства. Итакъ они должны быть приспособлены къ этимъ условіямъ. Все

кое нравственное ученіе, всякая нравственная дисциплина должны стремиться къ ускоренію этого процесса.

§ 3. Противъ вышеизложенной классификаціи условій, необходимыхъ для наибольшаго счастія, можно возразить, что она до извѣстной степени искусственна. Можно утверждать, что различіе между справедливостью и проявленіями симпатіи (или облаготвореніемъ) не можетъ быть оправдано, потому что они незамѣтно переходятъ другъ въ друга. Можно возразить, что нѣтъ никакой существенной разницы между правильнымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ другимъ и по отношенію къ себѣ самому, потому что дѣйствія, которыя обыкновенно разсматриваются какъ поступки чисто частные, въ сущности имѣютъ такое вліяніе на другихъ, что они чрезъ это пріобрѣтаютъ характеръ публичныхъ: въ примѣръ можно привести вліяніе пьянства и самоубійства. Можно также доказывать, что всякая нравственность должна разсматриваться какъ частное дѣло; потому что для нормально организованнаго и нравственнаго человѣка справедливое поведеніе по отношенію къ другимъ совпадаетъ съ требованіями его собственной природы.

Въ каждомъ изъ этихъ мнѣній много справедливаго; и нельзя отрицать, что при окончательномъ анализѣ всѣ вышеизложенныя различія должны исчезнуть. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобныя возраженія можно сдѣлать по отношенію ко всякой классификаціи. На такомъ же основаніи можно утверждать, что законы теплоты не слѣдуетъ отдѣлять отъ законовъ механики, потому что теплота, примѣненная къ водѣ, порождаетъ механическую силу. По такимъ же причинамъ оптика должна быть объединена съ химіею; потому что при фотографическомъ процессѣ свѣтъ дѣлается химическимъ дѣятелемъ. Такъ какъ мускулы сокращаются подъ вліяніемъ гальваническаго тока, то слѣдуетъ изъ физіологіи и изъ электричества составить одну науку. Мы не должны даже различать растительную жизнь отъ животной, потому что онѣ исходятъ изъ одного общаго начала и по отношенію къ низшимъ организаціямъ трудно рѣшить, къ которому изъ этихъ двухъ подраздѣленій они принадлежатъ. Поэтому или нужно допустить, что ботаника и зоологія должны быть разсматриваемы какъ одна наука и что всѣ разграниченія между естественными науками должны быть

уничтожены, или слѣдуетъ допустить аналогическую классификацію и въ наукахъ нравственныхъ. Слѣдуетъ допустить, что хотя подобныя разграниченія въ извѣстномъ смыслѣ искусственны, но они составляютъ неизбѣжное начало для всякаго систематическаго изслѣдованія. Ограниченная сила пониманія заставляетъ насъ раздѣлять на группы явленія природы и изучать каждую группу отдѣльно. Та же самая ограниченность вынуждаетъ насъ къ отдѣленію поступковъ людей, имѣющихъ мѣсто при непосредственныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, отъ такихъ, которые не приводятъ ихъ въ столкновеніе. Отдѣленіе это должно имѣть мѣсто несмотря на невозможность точнаго разграниченія. Разрабатывая одно изъ этихъ отдѣленій—развивая принципы справедливаго поведенія по отношенію къ другимъ, окажется необходимымъ опять-таки сдѣлать разграниченіе, точно такъ же, какъ сдѣлано было выше, и отдѣлить основной и самый настоятельный принципъ отъ второстепеннаго и менѣе настоятельнаго. Такое разграниченіе придется сдѣлать несмотря на то, что они исходятъ изъ одного корня.

§ 4. Такъ какъ осуществленіе божественной идеи сводится къ исполненію извѣстныхъ условій, то наука нравственности должна подробно разъяснить, какимъ образомъ слѣдуетъ направить жизнь для того, чтобы она согласовалась съ этими условіями. На основаніи каждой изъ безспорныхъ истинъ этого порядка можетъ быть построенъ цѣлый рядъ выводовъ, прямо относящихся къ ежедневнымъ нашимъ поступкамъ; или наоборотъ—каждый поступокъ находится въ извѣстномъ отношеніи къ этимъ истинамъ. Тѣмъ или другимъ путемъ, всегда будетъ возможно разрѣшить вопросъ, согласуется ли извѣстный поступокъ съ этими истинами, или нѣтъ. Когда сдѣланъ рядъ такихъ выводовъ и разрѣшенъ рядъ такихъ задачъ, тогда дѣло моралиста кончено.

Изъ каждой подобной аксіомы можетъ и, какъ уже объяснено было выше, долженъ быть сдѣланъ отдѣльный рядъ выводовъ. Выводы, относящіеся къ каждой изъ этихъ аксіомъ, составляютъ независимыя части нравственной науки и должны быть развиты въ порядкѣ естественной своей послѣдовательности. Вслѣдствіе этого, наше вниманіе будетъ теперь ограничено первой и самой существенной изъ этихъ истинъ. Личная и частная нравственность не войдетъ въ составъ

того, что будетъ изложено на послѣдующихъ страницахъ, такъ какъ она отдѣлена нами отъ соціальной и публичной. Тутъ равнымъ образомъ не будетъ разъясняться ничего, относящагося до того, что выше названо было терминами положительнаго и отрицательнаго проявленія симпатіи *). Мы теперь займемся различными выводами изъ первоначальнаго условія наибольшаго счастія, изъ того условія, котораго соблюденіе обозначается вообще словомъ справедливость. Цѣль наша развить изъ этого условія систему справедливости; обозначить предѣлы круга дѣятельности каждаго человѣка, раздѣляющіе его отъ подобныхъ сферъ другихъ людей; опредѣлить отношенія, которыя необходимо произойдутъ отъ признанія подобныхъ разграниченій; другими словами—здѣсь мы разовьемъ принципы соціальной статики.

*) Эти два отдѣла можетъ быть будутъ разработаны впослѣдствіи, если представится случай и обстоятельства будутъ благопріятны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА IV.

Первоначальный источникъ основного начала.

§ 1. Можетъ быть апріористическія соображенія, изложенныя въ предшествующихъ главахъ, многимъ покажутся слишкомъ отвлеченными для яснаго пониманія. Впрочемъ можно и не обращаться къ такимъ отвлеченіямъ и все-таки найти путь къ основному началу нравственной науки, изъ котораго мы теперь будемъ дѣлать наши выводы. Путь этотъ мы желаемъ указать въ настоящемъ изложеніи. Исходя снова отъ признанной уже истины, что счастіе человѣческое заключаетъ въ себѣ волю Божію, мы вглядимся въ средства, приличныя для достиженія этого счастія, и разсмотримъ, какія ими предполагаются условія.

Счастіе есть извѣстное состояніе сознанія. Это состояніе производится дѣйствіемъ на сознаніе извѣстныхъ видоизмѣняющихъ его вліяній,—извѣстныхъ возбужденій. Всякое возбужденіе сознанія мы называемъ ощущеніемъ. Слѣдовательно тѣ возбужденія, которыя составляютъ счастіе, должны быть ощущеніями.

Какимъ образомъ мы получаемъ ощущенія? — Ощущенія получаются нами путемъ такъ-называемыхъ способностей. Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ не можетъ видѣть безъ глазъ. Точно такъ же не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не можетъ получить какого бы то ни было рода впечатлѣніе, если онъ не одаренъ силой, способной къ воспринятію этого впечатлѣнія, т. е. если онъ не имѣетъ соотвѣтствующей ему способности. Всѣ душевныя состоянія, которыя мы

называемъ чувствами и идеями, суть ни болѣе, ни менѣе, какъ возбужденія сознанія посредствомъ подобныхъ способностей,—это ощущенія которыя производятся въ сознаніи этими способностями.

Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ, при какихъ обстоятельствахъ способности производятъ тѣ ощущенія, изъ которыхъ состоитъ счастіе? Отвѣтъ—если ихъ упражняютъ. Всякое удовольствіе происходитъ отъ дѣятельности одной или многихъ изъ этихъ способностей. Пріятное ощущеніе соединяется съ здоровымъ отправленіемъ всякой духовной и тѣлесной способности. Это пріятное ощущеніе можно получить только тогда, когда совершается отправленіе, т. е. когда соотвѣтствующая ему способность упражняется. Каждая способность, въ свою очередь, доставляетъ свое особое ощущеніе; и сумма этихъ ощущеній составляетъ счастіе.

Все это можетъ быть выражено вкратцѣ такимъ образомъ. Желаніе показываетъ потребность въ извѣстнаго рода ощущеніи. Ощущеніе можетъ быть произведено только упражненіемъ способности; итакъ всякое желаніе можетъ быть удовлетворено только дѣятельностью способности. Счастіе состоитъ въ надлежащемъ удовлетвореніи всѣхъ желаній; слѣдовательно счастіе состоитъ въ надлежащемъ упражненіи всѣхъ способностей.

§ 2. Если Богъ желаетъ человѣческаго счастія, а человѣческое счастіе можно получить только упражненіемъ способностей, то слѣдовательно Богъ желаетъ, чтобы человѣкъ упражнялъ свои способности. Итакъ обязанность человѣка—упражнять свои способности, потому что обязанность требуетъ исполненія воли Божьей. Обязанность человѣка упражнять свои способности доказывается еще тѣмъ, что, пренебрегая этимъ упражненіемъ, онъ навлекаетъ на себя страданіе. Нормальная дѣятельность каждой способности производитъ удовольствіе, а постоянное отсутствіе дѣятельности тяжкое ощущеніе. Точно такъ, какъ желудокъ ощущаетъ голодъ, когда ему нужно переваривать пищу,—также всякій душевный и тѣлесный дѣятель чувствуетъ голодъ, когда ему нужна дѣятельность, для которой онъ предназначенъ. Если мы не удовлетворимъ желанію способности пищеваренія, то мы произведемъ страданіе и точно такое же страданіе мы произведемъ, если мы не удовлетворимъ требованіямъ всякой другой спо-

собности; страданіе это будетъ пропорціонально значенію способности. Такъ какъ Богъ желаетъ человѣческаго счастія, то слѣдовательно поведеніе, которое производитъ несчастіе, противно его волѣ. Поэтому не упражнять своихъ способностей значитъ дѣйствовать противъ его воли. Этимъ путемъ мы опять приходимъ къ тому, что упражненіе способностей есть воля Божья и обязанность человѣческая.

Исполненіе этой обязанности неизбѣжно предполагаетъ свободу дѣйствій. Человѣкъ не можетъ упражнять своихъ способностей, не имѣя извѣстной степени простора. Онъ долженъ имѣть свободу движенія, свободу видѣть, чувствовать, говорить и дѣйствовать; онъ долженъ имѣть свободу пріобрѣтать пищу, одежду, кровъ и удовлетворять всѣмъ потребностямъ своей природы. Онъ не долженъ быть стѣсняемъ при исполненіи всего того, что посредственно или непосредственно требуется для надлежащаго удовлетворенія каждой изъ его духовныхъ или тѣлесныхъ нуждъ. Безъ этого онъ не можетъ исполнять своей обязанности или воли Божьей. Если онъ не можетъ исполнять воли Божьей безъ такой свободы, то слѣдовательно Богъ приказываетъ ему взять эту свободу.— Итакъ онъ имѣетъ Божеское уполномочіе требовать эту свободу. — Богъ предназначилъ его для этой свободы, слѣдовательно онъ имѣетъ на нее право.

Кажется нѣтъ возможности избѣгнуть такого заключенія. Повторимъ рядъ выводовъ, которымъ мы до него доходимъ. Богъ желаетъ человѣческаго счастія. Человѣческое счастіе можетъ быть достигнуто только упражненіемъ всѣхъ способностей. Слѣдовательно Богъ желаетъ, чтобы человѣкъ упражнялъ свои способности. Но для того, чтобы упражнять свои способности, ему нужна свобода дѣлать все, къ чему его естественнымъ образомъ побуждаютъ способности. Итакъ Богъ желаетъ, чтобы онъ имѣлъ эту свободу. Слѣдовательно онъ имѣетъ право на эту свободу.

§ 3. Это право принадлежитъ однако же не только одному, но всѣмъ. Всѣ имѣютъ способности. Всѣ обязаны исполнять волю Божью, т. е. упражнять ихъ. Слѣдовательно всѣ должны имѣть свободу дѣлать то, что необходимо для ихъ упражненія. Итакъ всѣ должны имѣть право на свободу дѣйствій.

Такимъ образомъ неизбѣжно является ограниченіе. Если всѣ люди имѣютъ одинаковое право на свободу, необходимую

для упражненія ихъ способностей, то свобода каждаго должна быть ограничена одинаковою свободою всѣхъ. Если, преслѣдуя свои цѣли, два индивидуума сталкиваются между собою, то движенія каждаго изъ нихъ остаются свободными лишь настолько, насколько они не стѣсняются подобными же движеніями другого. Условія существованія, въ которыя мы поставлены, не представляютъ полнаго простора для нестѣсненной дѣятельности всѣхъ; но всѣ такъ устроены, что имѣютъ одинаковое право на неограниченную дѣятельность, — слѣдовательно остается одно изъ неизбѣжныхъ ограниченій: удѣлить каждому по равной части. Такимъ образомъ мы приходимъ къ основному положенію, что каждый человѣкъ можетъ требовать полнѣйшую свободу для упражненія своихъ способностей, если свобода эта совмѣстна съ подобной же свободой каждаго другого человѣка.

§ 4. При одностороннемъ взглядѣ, законъ этотъ можетъ показаться подлежащимъ опроверженію. Можетъ показаться болѣе удобнымъ ограничить право каждаго человѣка упражнять свои способности тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ не вредили никому другому, чтобы онѣ не причиняли никому другому страданія. Хотя на первый взглядъ подобное выраженіе закона кажется такъ же удовлетворительнымъ, но оно допускаетъ ложные выводы. Справедливо, что люди не могутъ употреблять своихъ способностей, оскорбляя другъ друга, если они хотятъ удовлетворить условіямъ наибольшаго счастія, постановленнымъ въ предыдущей главѣ. Но несправедливо, что всякій, во избѣжаніе страданій другого, долженъ воздерживаться отъ полнаго упражненія своихъ способностей; а слѣдуетъ достигнуть, чтобы у каждаго способности были таковы, чтобы ихъ полное упражненіе не стѣсняло другого. Въ этомъ именно и заключается различіе. Причиненіе страданій можетъ имѣть двѣ причины. Съ одной стороны, ненормально устроенный человѣкъ можетъ сдѣлать что-нибудь непріятное для нормальныхъ чувствъ его сосѣда,—въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ дурно; съ другой, поведеніе нормально устроеннаго человѣка можетъ ожесточить ненормальныя чувства его сосѣдей. Въ этомъ случаѣ недостатокъ не со стороны его поведенія, а со стороны свойствъ его сосѣдей. При такихъ обстоятельствахъ надлежащее отправленіе его способностей справедливо, хотя оно и причиняетъ страданіе; и непра-

вленіе зла должно заключаться въ измѣненіи тѣхъ ненормальныхъ чувствъ, которыми страданіе причинено.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ для объясненія этого различія. Честный человѣкъ открываетъ мошенника въ своемъ другѣ, котораго онъ считалъ хорошей личностью. У него есть извѣстные возвышенные инстинкты, которые внушаютъ ему отвращеніе къ мошенничеству. Онъ дастъ полную свободу этимъ инстинктамъ и прекращаетъ знакомство съ недостойнымъ. Хотя онъ такимъ образомъ и причиняетъ страданіе, но онъ не преступаетъ закона. Зло не должно быть приписано неправильному употребленію его способностей, но безнравственности человѣка, который страдаетъ. Протестантъ, въ католической странѣ, отказывается обнажать свою голову, когда проходитъ процессія съ пасхальнымъ агнцемъ. Повинуясь такимъ образомъ внушенію извѣстнаго чувства, онъ возбуждаетъ неудовольствіе въ зрителяхъ; если бы приведенное выше выраженіе закона было правильно, его бы слѣдовало за это порицать. Но вина тутъ не на его сторонѣ, а на сторонѣ тѣхъ, которые оскорбляются. Вина заключается не въ томъ, что онъ обнаруживаетъ такимъ образомъ свое убѣжденіе, а въ томъ, что они обладаютъ такою деспотическою нетерпимостью по отношенію къ убѣжденіямъ другихъ. Сынъ женится, къ крайнему неудовольствію своего отца и своего семейства, на женщинѣ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной, но не имѣющей приданаго. Слѣдуя такимъ образомъ стремленіямъ своей природы, онъ можетъ причинить много горя своимъ родственникамъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что его поведеніе дурно,—скорѣе слѣдуетъ, что тѣ чувства дурны, которыя оскорблены его поведеніемъ.

Подобные случаи встрѣчаются постоянно,—стѣснять тутъ дѣятельность способности для того, чтобы не причинить страданія другимъ—значило бы останавливать правильное отправленіе способностей въ однихъ людяхъ для того, чтобы допустить неправильное ихъ отправленіе въ остальныхъ. Сверхъ этого, соблюденіе подобнаго правила не предупреждаетъ страданія, хотя это и кажется съ перваго раза. Человѣкъ, который стѣсняетъ себя такимъ образомъ, чтобы не причинить страданія своимъ ближнимъ, самъ страдаетъ. Которая-нибудь сторона должна страдать, и остается рѣшить, которая изъ двухъ. Долженъ ли протестантъ, чтобы не оскорбить духа

нетерпимости своего сосѣда, католика, показывать благоговѣніе передъ тѣмъ, чего онъ не уважаетъ, выражать такимъ образомъ ложь и оскорблять свою потребность добросовѣстности? Или ему слѣдуетъ дать свободу здоровому чувству искренности и независимости и оскорбить нездоровое ханжество? Слѣдуетъ ли честному человѣку подавлять чувства, которыя дѣлаютъ его честнымъ, изъ опасенія, чтобы ихъ проявленіе не причинило страданія негодяю? Или ему слѣдуетъ уважать свои благородныя чувства и оскорблять низкія чувства другого? Въ этихъ случаяхъ ясно, что никто не можетъ затрудниться въ выборѣ. Разсмотримъ дѣло въ самомъ его существѣ. Вспомнимъ общій законъ жизни, что упражненіе или удовлетвореніе способностей увеличиваетъ ихъ силу; и наоборотъ, ихъ стѣсненіе и причиненіе имъ страданій ослабляетъ ихъ. Отсюда слѣдуетъ, что если дѣйствіе нормальной способности стѣсняется для того, чтобы предупредить страданіе ненормальныхъ способностей другихъ людей, эти ненормальныя способности сохраняютъ всю свою дѣятельность и силу, а нормальныя ослабляются и дѣлаются ненормальными. При противоположныхъ обстоятельствахъ нормальныя способности остаются въ своей силѣ, а ненормальныя ослабляются и дѣлаются болѣе нормальными. Въ первомъ случаѣ страданіе вредно, потому что оно замедляетъ появленіе такихъ формъ человѣческой природы, при которыхъ способности каждаго могутъ имѣть полную свободу дѣйствій, не стѣсняя подобныя же способности всѣхъ. Во второмъ случаѣ страданіе благодѣтельно, потому что оно приближается къ подобнымъ формамъ. На основаніи всего вышеизложеннаго, нужно признать правильнымъ только первый способъ выраженія закона, такъ какъ онъ непосредственно вытекаетъ изъ условій соціальнаго существованія; всякое измѣненіе въ выраженіяхъ, подобное вышеизложенному, неизбѣжно приведетъ, во многихъ случаяхъ, къ образу дѣйствій абсолютно вредному.

Мы однако же допускаемъ несовершенство въ выраженіяхъ противоположнаго свойства, если мы говоримъ, что каждый человѣкъ долженъ имѣть полную свободу упражнять свои способности, если только онъ не стѣсняетъ этимъ подобной же свободы другого. Мы найдемъ, что во многихъ случаяхъ вышеприведенный способъ выраженія болѣе соотвѣтствуетъ

предмету. Существуетъ много случаевъ, въ которыхъ другія лица могутъ быть оскорблены дѣйствіемъ способностей, а законъ о равномѣрной свободѣ все-таки не будетъ нарушенъ. Человѣкъ можетъ вести себя нелюбезно, можетъ употреблять грубыя выраженія, можетъ безпокоить отвратительными привычками. Кто оскорбляетъ такимъ образомъ нормальныя чувства, тотъ явно уменьшаетъ счастіе. Если мы скажемъ, что всякій можетъ упражнять свои способности только до тѣхъ поръ, пока онъ не причиняетъ другому страданіе, то мы этимъ воспрещаемъ подобное поведеніе. Но если мы требуемъ только, чтобы свобода каждаго была ограничена равною свободою всѣхъ, то мы его не воспрещаемъ, потому что тотъ, кто такимъ образомъ упражняетъ свои способности, не мѣшаетъ другимъ дѣйствовать точно такъ же и въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ. Какимъ образомъ можемъ мы выйти изъ этого затрудненія?—Ни одно изъ выраженій закона не удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ, а мы все-таки должны выбрать одно изъ нихъ. Которое слѣдуетъ выбрать и почему?

Но весьма основательной причинѣ мы должны выбрать первоначальное. Ограничивая свободу каждаго равной свободой всѣхъ, мы исключаемъ обширный разрядъ неправильныхъ дѣйствій, но оставляемъ неисключенными нѣкоторыя изъ нихъ. Ограничивая свободу каждаго необходимостью не причинять другимъ страданій, мы исключаемъ всѣ эти неправильныя дѣйствія, но воспрещаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и много правильныхъ. Одно не отдѣляетъ всего, другое отдѣляетъ слишкомъ много. Одно заключаетъ въ себѣ отрицательную, а другое положительную ошибку. Ясно, что мы должны принять то, въ которомъ есть отрицательная ошибка, потому что его недостатки могутъ быть исправлены дополнительнымъ закономъ. Здѣсь мы видимъ необходимость сдѣланнаго выше различія между справедливостью и отрицательнымъ облаготвореніемъ или отрицательнымъ проявленіемъ симпатіи—различіе это мы дѣлаемъ постоянно въ жизни. Справедливость полагаетъ первый рядъ границъ для упражненія способностей, и эти ограниченія совершенно правильны всюду, куда они достигаютъ. Отрицательное облаготвореніе или отрицательное проявленіе симпатіи полагаетъ другой рядъ подобныхъ границъ. Всѣ недостатки первыхъ пополняются послѣдними. Оба эти закона въ существѣ своемъ

различны, и мы видѣли, что попытка дать имъ одно выраженіе приводитъ къ роковымъ ошибкамъ.

§ 5. Противъ всего сказаннаго, по всей вѣроятности, будетъ сдѣлано еще одно возраженіе. Подъ неограниченной свободой упражнять свои способности нужно понимать полную свободу дѣлать все, къ чему побуждаютъ способности, или, другими словами, дѣлать все, что лицо желаетъ. Итакъ можно сказать, что если лицо имѣетъ свободу исполнить всѣ свои желанія, если только оно не переступаетъ границу, за предѣлами которой лежитъ свобода дѣйствій другихъ, то слѣдовательно оно можетъ безпрепятственно вредить самому себѣ—оно можетъ напиваться пьянымъ, совершить самоубійство. Противъ этого можно во-первыхъ отвѣтить то же, что уже сказано было выше; если законъ, въ настоящемъ случаѣ, признаетъ извѣстнаго рода дѣйствія безнравственными и воспрещаетъ ихъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ внѣ этихъ дѣйствій считаетъ всякую безнравственность законною. Ограниченіе, поставленное имъ для свободной дѣятельности способностей, хотя и должно быть признанно самымъ существеннымъ, но оно не единственное; оно не должно мѣшать другимъ дальнѣйшимъ границамъ свободы. Явившееся здѣсь затрудненіе уже показываетъ, что существуетъ потребность въ дальнѣйшихъ ограниченіяхъ.

Слѣдуетъ однако же замѣтить, что эти дополнительныя ограниченія несравненно меньшей важности, чѣмъ основной законъ. Они, при существующихъ обстоятельствахъ, неспособны, подобно этому закону, къ строго научному развитію; относящееся до нихъ ученіе можетъ быть развито только на основаніи высшихъ формъ полезности. Границы, поставленныя свободѣ каждаго человѣка подобной же свободой каждаго другого, почти всегда могутъ быть опредѣлены съ точностью; каковы бы ни были условія, но относительные размѣры свободы, требуемой людьми, могутъ быть сравниваемы, и равенство или неравенство между этими размѣрами можетъ быть опредѣлено. Если же мы сдѣлаемъ предположеніе, что человѣкъ не долженъ имѣть свободы вредить самому себѣ и что онъ, за исключеніемъ случаевъ въ родѣ вышеприведенныхъ, не долженъ имѣть свободы дѣлать то, что причиняетъ несчастье его сосѣдямъ, и если мы изъ этихъ предложеній начнемъ дѣлать выводы, то запутаемся среди такихъ слож-

ныхъ опредѣленій удовольствій и страданій, что точность нашихъ заключеній подвергнется очевидной опасности. Не подлежитъ сомнѣнію, что гораздо легче опредѣлить послѣдствія извѣстнаго дѣйствія по отношенію къ себѣ самому или къ другому, чѣмъ опредѣлить окончательный результатъ извѣстныхъ общественныхъ мѣръ по отношенію къ цѣлой націи; поэтому въ частной жизни относительно менѣе опасно руководиться соображеніями полезности. Но совершенно справедливо такъ же, что даже тутъ можно достигнуть благонадежныхъ заключеній только въ меньшей части случаевъ. Во-первыхъ для насъ часто невозможно опредѣлить, какія послѣдствія возьмутъ перевѣсъ, дурныя или хорошія; затѣмъ, мы часто не можемъ сказать, въ какомъ состояніи находятся способности, подвергающіяся страданію—въ нормальномъ или въ ненормальномъ. Наприм., хотя совершенно ясно, что пьянство есть вредное упражненіе способностей, такъ какъ оно производитъ болѣе страданій, чѣмъ удовольствія, но вовсе не ясно, гдѣ тутъ граница между пригоднымъ и вреднымъ для насъ; вовсе не ясно, гдѣ граница между полезной и вредной интеллектуальной дѣятельностью; невозможно опредѣлить мѣру преимуществъ, которая можетъ оправдать человѣка, если онъ подвергнетъ себя вредному для него климату или образу жизни. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вопросъ идетъ о счастіи, и ложный путь тутъ нельзя допускать по тѣмъ же причинамъ, какъ и относительно пьянства. Если бы по отношенію къ частнымъ поступкамъ даже можно было опредѣлить, преобладаютъ ли благодѣтельныя ихъ послѣдствія надъ страданіями, то затѣмъ оставалось бы еще одно затрудненіе—мы не можемъ съ точностью различать страданія вредныя отъ страданій полезныхъ. Такъ какъ мы теперь не вполнѣ приспособлены къ условіямъ нашей жизни, то неизбѣжно должны происходить страданія отъ ограниченія способностей слишкомъ дѣятельныхъ и отъ чрезмѣрнаго напряженія тѣхъ, которыя слишкомъ слабы для своего назначенія. Такъ какъ подобныя страданія необходимы для развитія совершеннаго человѣка, то дѣйствія, отъ которыхъ они происходятъ, не могутъ быть осуждаемы. Ясно, что искусный трудъ необходимъ для произведенія наибольшаго счастія, но пріобрѣтеніе этой ловкости такъ тягостно для нецивилизованнаго человѣка, что только самая строгая дисциплина

можетъ его къ этому принудить. Только по истеченіи многихъ лѣтъ утомительнаго труда мы можемъ достигнуть той степени интеллектуальнаго развитія, которая требуется нашимъ современнымъ образомъ жизни; можетъ быть нѣтъ возможности привить ее расѣ иначе, какъ пожертвовавъ отчасти и временно тѣлеснымъ здоровьемъ. Осуществленіе божественной идеи требуетъ заселенія всѣхъ обитаемыхъ мѣстностей, а такое заселеніе предполагаетъ приспособленіе человѣчества къ разнороднымъ климатамъ,—приспособленіе это не можетъ имѣть мѣста безъ значительныхъ страданій. Вотъ случаи, въ которыхъ свобода человѣческая не можетъ быть ограничена необходимостью не причинять себѣ вреда. Такое ограниченіе должно остановить приближеніе наше къ наибольшему счастію. Выше (стр. 94) мы видѣли, что бываютъ случаи, гдѣ, по подобнымъ же причинамъ, человѣческая свобода не можетъ быть ограничена необходимостью не причинять страданій другимъ. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что мы не имѣемъ ни одного вѣрнаго способа для того, чтобы отличить приведенные здѣсь два рода человѣческихъ дѣйствій отъ случаевъ, въ которыхъ поступки, уменьшающіе наше счастіе и счастіе другихъ людей, вредны и непосредственно, и въ окончательномъ своемъ результатѣ, а потому должны быть признаны дурными. Мы вполнѣ неспособны рѣшать относительно каждаго отдѣльнаго поступка, будетъ ли онъ согласенъ съ устройствомъ совершеннаго человѣка или нѣтъ, потому что мы не въ состояніи опредѣлить это устройство въ его частностяхъ; мы не можемъ указать размѣръ отдѣльныхъ способностей, изъ которыхъ идеальный человѣкъ состоитъ; мы можемъ опредѣлять его устройство только въ общихъ чертахъ; мы можемъ только указать извѣстные законы, съ которыми дѣйствіе его способностей должно сообразоваться. Выражаясь проще, мы можемъ сказать, что, при опредѣленіи разсматриваемыхъ здѣсь двухъ дополнительныхъ ограниченій человѣческой дѣятельности, сужденіе должно быть основано на понятіи о счастіи, счастіе же въ настоящее время мы можемъ опредѣлять только въ общемъ, а не въ частномъ смыслѣ (стр. 10), а потому ограниченія эти не могутъ быть развиты научнымъ путемъ. Ограниченія эти въ отвлеченной формѣ совершенно правильны, и они въ точности были бы соблю-

даемы идеальнымъ человѣкомъ,—однако же они до тѣхъ поръ не могутъ получить удобопримѣнимаго выраженія, пока не будетъ существовать идеальный человѣкъ.

§ 6. Теперь мы дошли до важной истины, касающейся этого предмета, именно той истины, что опредѣленіе границы между поступками, которые приносятъ посредственную пользу, хотя они въ извѣстныхъ отношеніяхъ и временно причиняютъ страданіе намъ самимъ или другимъ людямъ, и тѣми, которые неизбѣжно и всегда вредны, возможно будетъ только впослѣдствіи и то только тогда, когда каждый будетъ пользоваться полной свободой, ограниченной исключительно такой же свободой всѣхъ. Понятно, что неприспособленіе способностей къ ихъ назначеніямъ, отъ котораго происходятъ всѣ роды зла, должно состоять или въ излишествахъ, или въ недостаткахъ. Ясно также, что въ длинномъ ряду занимающихъ насъ теперь случаевъ нѣтъ ни одного пути, кромѣ опыта, которымъ можно было бы различить дѣйствіе способностей, производящее страданіе, потому что онѣ перешли за предѣлы нормальности своей силы, отъ дѣйствія, заставляющаго страдать, потому что онѣ недостаточны для нормальныхъ условій. Для надлежащаго же примѣненія опытнаго метода въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы каждый человѣкъ обладалъ наибольшей свободой, согласной съ такой же свободой всѣхъ другихъ людей. Если мы ходу нашей мысли дадимъ обратное движеніе, то мы можемъ сказать, что хотя второстепенныя условія наибольшаго счастія и могутъ быть дѣйствительно опредѣлены, но для ихъ практическаго примѣненія требуется подробное знакомство съ окончательными условіями тѣлеснаго и душевнаго устройства человѣка: такое подробное знакомство для насъ недоступно, поэтому мы должны признавать законъ о равной свободѣ единственнымъ закономъ, который постановляетъ ясные для насъ предѣлы для дѣятельности и способностей, и знать, что другія ограниченія сами дадутъ себя почувствовать, и, на основаніи закона о приспособленіи, впослѣдствіи дѣло дойдетъ до полнаго съ ними согласованія.

Когда будутъ слѣдовать этому направленію, то число дѣйствій, причиняющихъ вредныя страданія, будетъ постоянно уменьшаться, а тѣ, которыя производятъ страданія благодѣтельныя, будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока они

перестанутъ возбуждать страданія. Все это можетъ быть объяснено нѣсколькими примѣрами. Склонность дикаго къ увлеченіямъ, которая заставляетъ его дѣйствовать подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, постепенно уступаетъ природѣ цивилизованнаго человѣка, способнаго жертвовать настоящимъ благомъ въ ожиданіи большаго въ будущемъ. Такое преобразованіе сопровождается многими страданіями. Но такъ какъ это измѣненіе требуется необходимыми условіями соціальной жизни, то недостатокъ способности самообладанія постоянно влечетъ за собою строгія наказанія; такимъ образомъ обезпечивается постоянное стремленіе всѣхъ къ пріобрѣтенію этой способности, хотя стремленіе это для нихъ непріятно. Такое стремленіе приводитъ хотя медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ къ успѣху. У людей иногда преобладаютъ чрезмѣрныя инстинктивныя стремленія къ пищѣ, стремленія эти постоянно причиняютъ много тѣлесныхъ, а порою и душевныхъ страданій, но по этому самому они неизбѣжно сопровождаются такимъ стремленіемъ къ воздержанію, которое должно постоянно сдерживать инстинктъ и наконецъ привести его къ нормальнымъ размѣрамъ *). То, что ясно обнаруживается въ этихъ простыхъ случаяхъ, точно такъ же неизбѣжно имѣетъ мѣсто въ случаяхъ сложныхъ, для которыхъ выше приведены примѣры и гдѣ хорошіе и дурные результаты труднѣе соразмѣрить и взвѣсить. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ для разсудка невозможно опредѣлять относительныя степени удовольствій и страданій, которыя произойдутъ вслѣдствіе извѣстныхъ направленій дѣятельности; но такое опредѣленіе дѣлается по опыту и безсознательно самими инстинктивными свойствами человѣка. Человѣкъ инстинк-

*) Съ перваго раза кажется трудно понять, почему аппетитъ и стремленіе къ пищѣ имѣютъ въ настоящее время большіе размѣры, чѣмъ слѣдуетъ. Но мы найдемъ объясненіе этой кажущейся аномаліи, если припомнимъ условія, въ которыхъ жилъ первобытный человѣкъ. Онъ не имѣлъ возможности правильно снабжать себя пищею, а потому долженъ былъ развивать въ себѣ способность много ѣсть, когда пища была для него доступна въ изобиліи; такая потребность породила и соотвѣтствующее инстинктивное стремленіе. Въ настоящее время человѣкъ можетъ правильно снабжать себя пищею и ему нѣтъ надобности наѣдаться въ запасъ на случай продолжительнаго поста; поэтому способность эта теперь излишня и потому должна быть ослабляема.

тивно начнетъ избѣгать того направленія, которое вообще производитъ болѣе страданій или, говоря другими словами, грѣшитъ въ большихъ размѣрахъ противъ неизбѣжныхъ условій существованія, и будетъ искать того, которое грѣшитъ менѣе. Обращаясь къ дѣйствіямъ, при которыхъ мы приходимъ въ непосредственныя отношенія къ другимъ людямъ, мы найдемъ, что и тутъ должно случиться то же самое; дѣйствія, которыя никому не причиняютъ неудовольствія, будутъ постоянно возобновляться и соотвѣтствующія имъ способности будутъ развиваться. Напротивъ, дѣйствія, которыя должны неизбѣжно произвести дурное впечатлѣніе на нашихъ сосѣдей, обыкновенно должны будутъ отразиться на насъ самихъ непріятной реакціей; эта реакція, въ среднемъ уровнѣ, породитъ все-таки извѣстную степень ограниченія,—ограниченіе это въ окончательномъ результатѣ все-таки должно произвести свое дѣйствіе на инстинктивное желаніе, которымъ оно порождается. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что имѣлось въ виду разъяснить въ настоящемъ случаѣ, а именно: во время всего вышеизложеннаго процесса, вліянія на человѣческую дѣятельность, которыя производятъ только временныя и преходящія страданія, должны привести къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ вліянія, которыя производятъ страданія неизбѣжныя, потому что они дѣйствуютъ на нормальныя способности и не могутъ быть устранены приспособленіемъ. Поведеніе, которое оскорбляетъ неизбѣжныя, т. е. нормальныя чувства другихъ, должно неизбѣжно подвергнуться ограниченію и уменьшенію своихъ размѣровъ, какъ это и было объяснено выше; но нѣтъ необходимости, чтобы то же самое случилось съ поведеніемъ, которое оскорбляетъ только случайныя и преходящія чувства, наприм. предразсудки, чувства касты,—напротивъ, если такой образъ дѣйствій вытекаетъ изъ неизбѣжныхъ чувствъ, то онъ будетъ постоянно продолжаться въ ущербъ чувствамъ случайнымъ до окончательнаго ихъ уничтоженія. Если люди обращаются другъ съ другомъ такимъ образомъ, что въ природѣ каждаго оскорбляется какой-нибудь существенный элементъ, и если имъ всѣмъ по очереди приходится переносить происходящее отъ этого страданіе, то должна родиться между ними наклонность сократить инстинктивное желаніе, которое заставляетъ ихъ дѣйствовать такимъ обра-

зомъ. Если вмѣсто этого они будутъ постоянно оскорблять другъ въ другѣ несущественные ихъ элементы, свойственные только преходящему порядку вещей, и будутъ побуждаться къ такому образу дѣйствій стимулами, необходимыми постоянно, то несущественные элементы должны дойти до окончательнаго уничтоженія. Такимъ образомъ со временемъ сама собою разъяснится путаница между неизбѣжными и условными чувствами, между неизбѣжными и условными положеніями и между такими чувствами и положеніями, которыя отчасти неизбѣжны и отчасти условны. Условныя чувства должны будутъ уступить неизбѣжнымъ положеніямъ, а условныя положенія неизбѣжнымъ чувствамъ. Когда путемъ такого процесса произойдетъ полное приспособленіе устройства человѣка къ условіямъ его жизни, тогда послѣдуетъ и полное раздѣленіе поступковъ на существенно вредные и существенно полезные.

Итакъ мы находимъ, что единственное условіе, необходимое для произведенія окончательнаго подчиненія этимъ второстепеннымъ ограниченіямъ правильнаго поведенія, заключается въ возможности свободно сталкиваться съ этими границами; необходимо, чтобы мы могли безпрепятственно давать волю стремленіямъ нашей природы во всѣхъ направленіяхъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано нами все необходимое для нашего благополучія и истинные предѣлы полезной дѣятельности не дадутъ себя почувствовать. Только послѣ этого возможно будетъ обозначить эти границы и создать для нихъ примѣнимый на дѣлѣ сводъ постановленій объ обязанностяхъ. Этимъ еще болѣе объясняется высшее значеніе нашего первоначальнаго закона о свободѣ каждаго, ограниченной только равною свободою всѣхъ, потому что свобода дѣйствій способностей, которая имъ требуется, должна предшествовать развитію вышеупомянутой дополнительной нравственности и неизбѣжна для того, чтобы ея законы опредѣлились. Если будемъ разсматривать первоначальный законъ съ этой точки зрѣнія, то мы можемъ почти утверждать, что первоначальный законъ есть единственный законъ, потому что мы находимъ, что въ числѣ разнородныхъ условій наибольшаго счастія это есть единственное, которое способно въ настоящее время получить систематическое развитіе. Далѣе мы находимъ, что если будутъ сообразоваться съ этимъ

закономъ, то этимъ въ окончательномъ результатѣ будетъ обезпечено слѣдованіе и другимъ законамъ.

§ 7. Нужно однако же согласиться, что полное развитіе требованія этого закона равной свободы ставитъ насъ повидимому въ затруднительное положеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда эти второстепенныя границы дѣятельности нашихъ способностей нарушены безъ всякаго сомнѣнія. Пьянствомъ, грубостью манеръ нарушается и наше собственное счастіе и счастіе другихъ. Такое нарушеніе не только временное, но неизбѣжное. Если мы будемъ утверждать, что человѣкъ имѣетъ право дѣлать все, что онъ хочетъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ уважать такую же свободу всякаго другого, то мы подъ этимъ подразумѣваемъ, что онъ долженъ имѣть свободу напиваться пьянымъ и вести себя грубо; такимъ образомъ мы впадаемъ въ непослѣдовательность и должны утверждать, что человѣку слѣдуетъ имѣть свободу дѣлать вещи, существенно разрушающія счастіе.

Относительно этого затрудненія можно сказать только то, что оно повидимому происходитъ отчасти отъ невозможности признанія несовершеннаго состоянія со стороны совершеннаго закона и отчасти отъ недостаточности нашего умѣнья выражаться. Недостатокъ этой способности уже былъ объясненъ выше примѣрами (стр. 49). Намъ остается только воспользоваться такимъ положеніемъ вещей какъ можно лучше. Ясно, что для насъ остается одинъ исходъ: мы должны объявить человѣка свободнымъ упражнять свои способности, потому что безъ этой свободы невозможно исполненіе Божьей воли. Понятно также, что мы должны признать разнородныя границы этой свободы необходимыми для осуществленія наибольшаго счастія,—мы не имѣемъ другого выбора. Мы должны также первое и главнѣйшее изъ этихъ ограниченій развить отдѣльно,—мы не можемъ поступить иначе, потому что уже видѣли выше, что развитіе другихъ ограниченій для насъ въ настоящее время невозможно. Противъ послѣдствій, происходящихъ отъ пренебреженія этими второстепенными ограниченіями, мы должны ограждать себя какъ сумѣемъ лучше. Недостатокъ научныхъ выводовъ, въ этомъ случаѣ, мы должны замѣнять заключеніями, взятыми изъ опыта и наблюденій.

§ 8. Наконецъ мы имѣемъ на своей сторонѣ еще то обстоятельство, что ни одно изъ этихъ несовершенствъ не мо-

жетъ повредить правильности заключеній, которыми мы теперь займемся. Свобода дѣйствій составляетъ первое и самое существенное условіе для упражненія способностей; поэтому она составляетъ первое и самое существенное условіе счастія. Если это самое существенное изъ условій примѣняется не къ одному, а ко многимъ людямъ, то оно требуетъ свободы каждаго, ограниченной равною свободою всѣхъ (§ 3). Отсюда слѣдуетъ, что свобода каждаго, ограниченная равною свободою всѣхъ, есть правило, на основаніи котораго общество должно быть устроено. Свобода есть предварительное условіе для нормальной жизни отдѣльнаго человѣка; равная свобода дѣлается предварительнымъ условіемъ нормальной жизни въ обществѣ. Если этотъ законъ равной свободы есть основной законъ для правильныхъ отношеній между людьми, то мы не можемъ нарушать его, оправдываясь желаніемъ исполнить какой-либо законъ второстепенный.

Далѣе мы найдемъ, что если мы изъ этого первоначальнаго ограниченія для дѣятельности способностей разовьемъ рядъ практическихъ правилъ, то для насъ невозможно будетъ признать какія-либо второстепенныя границы, не нарушая ограниченій первоначальныхъ. Въ чемъ должно заключаться признаніе второстепенныхъ ограниченій? Оно должно заключаться въ установленіи въ нашемъ общественномъ устройствѣ извѣстныхъ дальнѣйшихъ ограниченій дѣятельности способностей независимо отъ тѣхъ, которыя установляются закономъ равной свободы. Какимъ же образомъ эти дальнѣйшія ограниченія могутъ быть приведены въ исполненіе? Ясно, что исполнителями будутъ люди. Люди, которые будутъ вынуждать такое исполненіе, поступая такимъ образомъ, должны неизбѣжно требовать для себя большихъ размѣровъ свободы, чѣмъ предоставляется тѣмъ, которые принуждаются. Однимъ словомъ, они должны преступить первоначальный законъ для того, чтобы заставить другихъ исполнить второстепенные.

Итакъ, выводя отсюда заключенія о правильномъ устройствѣ общества, мы можемъ смѣло признавать полную свободу для каждаго, ограничивая ее только равною свободою всѣхъ,—мало этого,—мы должны этого требовать. Оставляя въ сторонѣ другія ограниченія, мы никоимъ образомъ не повредимъ точности нашихъ заключеній до тѣхъ поръ, пока

мы ограничимся выводами изъ основного закона для опредѣленія справедливыхъ отношеній между людьми. Между тѣмъ, мы не можемъ включить эти ограниченія въ число основаній для нашихъ выводовъ, не искажая нашихъ заключеній. Намъ, въ настоящее время, не остается ничего болѣе, какъ игнорировать эти ограниченія и оставить до другого раза изложеніе тѣхъ неполныхъ разъясненій, которыя возможны для насъ въ настоящее время.

ГЛАВА V.

Второстепенный источникъ основного начала.

§ 1. Мы изслѣдовали, какимъ образомъ должна быть осуществлена божественная идея наибольшаго счастія; — мы нашли, что она должна быть осуществлена путемъ упражненія способностей; — мы узнали, что для достиженія своей цѣли это упражненіе способностей должно получить извѣстныя ограниченія. Теперь мы пойдемъ далѣе въ нашемъ изслѣдованіи и посмотримъ, нѣтъ ли въ самомъ человѣкѣ основанія, чтобы требовать подобное упражненіе, и нѣтъ ли въ немъ стимула, который заставляетъ его уважать подобныя ограниченія. Ясно, что-нибудь подобное необходимо должно существовать для выполненія цѣли творенія. Было бы вполнѣ несогласно съ общимъ закономъ нашего устройства, если бы въ насъ не существовало никакой силы, которая бы удерживала насъ отъ надлежащаго употребленія нашихъ способностей, кромѣ отвлеченныхъ соображеній въ родѣ изложенныхъ въ предыдущей главѣ. Выше (стр. 26) было объяснено, что человѣкъ управляется совершенно другими двигателями, а не интеллектуальными. Направленіе его дѣятельности не представлено случайности философскаго изслѣдованія. Слѣдовательно мы можемъ надѣяться, что найдемъ извѣстнаго дѣятеля, спеціально предназначеннаго для различенія правильнаго и ненормальнаго отправленія способностей и для ихъ направленія.

§ 2. Читатель уже понялъ, что этотъ дѣятель — нрав-

ственное чувство, существованіе котораго доказано выше достаточными основаніями. Возможно также, что имъ уже сдѣлано заключеніе, что та основная истина, которую должно внушить намъ нравственное чувство и изъ которой разумъ долженъ развить научную нравственность, заключается именно въ первоначальномъ и существенно-основномъ законѣ, которымъ признается свобода каждаго, ограниченная равной свободой всѣхъ.

Правильность этого заключенія подтверждается различными доказательствами, которыя и будутъ нами теперь разсмотрѣны. На первомъ мѣстѣ тутъ стоитъ фактъ, что въ душу человѣческую, изъ того или другого источника, постоянно прокрадываются понятія, которыя съ большей или меньшей полнотой выражаютъ эту истину. Совершенно независимо отъ анализа и изслѣдованій, подобныхъ сдѣланному выше, люди постоянно обнаруживаютъ наклонность утверждать равенство человѣческихъ правъ. Эта наклонность обнаруживалась во всѣ времена, но въ особенности очевидной она дѣлается по мѣрѣ приближенія къ настоящему. Въ нашей исторіи мы можемъ открыть признаки ея существованія уже при Эдуардѣ I, у котораго въ призывныхъ листахъ говорилось: «То, что касается всѣхъ, должно быть одобрено всѣми—это весьма справедливое правило». До какой степени наши учрежденія находились подъ вліяніемъ этого правила, видно изъ принципа, признаннаго судомъ, что «всѣ равны передъ закономъ». «Всѣ люди по природѣ вещей равны» (разумѣется, только по отношенію къ ихъ правамъ); такое ученіе утверждалось не только филантропами въ родѣ Гранвиля Шарпа, но и такими людьми, какъ сэръ Робертъ Фильмеръ: извѣстный когда-то защитникъ неограниченной монархіи, онъ говоритъ: «Гейвортъ, Блэквудъ, Берклей и другіе храбро отстаивали права королей и единогласно допускали естественную свободу и равенство людей». Далѣе мы находимъ въ актѣ объ объявленіи американской независимости, что «всѣ люди имѣютъ одинаковое право на жизнь, свободу и преслѣдованіе своего счастія». «Каждый человѣкъ имѣетъ равное право со всякимъ другимъ человѣкомъ на голосъ при составленіи законовъ, которымъ должны повиноваться всѣ»—таково было руководящее правило движенія «всеобщей подачи голосовъ». Локкъ въ своемъ «Опытѣ о гражданскомъ управленіи» также

выражаетъ такого рода мнѣніе: «Ничто не можетъ быть яснѣе—говоритъ онъ—того, что существа одинаковаго рода и одинаковой степени, рожденныя для того, чтобы пользоваться одинаковыми преимуществами природы и одинаковыми свойствами, должны быть равны между собой безъ всякаго подчиненія и порабощенія». Тѣ, которые желаютъ знать еще другіе авторитеты, выразившіе то же самое убѣжденіе, могутъ прибавить сюда имена судьи Блэкстона и «добросовѣстнаго Гукера».

То, что говорится и дѣлается въ ежедневной жизни, постоянно выражаетъ инстинктивное убѣжденіе подобнаго же рода. Мы считаемъ подобное убѣжденіе всеобще-признаннымъ, когда мы обращаемся къ чувству справедливости людей. Въ минуту гнѣва убѣжденіе это проглядываетъ въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: «Какъ бы это вамъ понравилось?» «Вамъ-то что отъ этого?» «Я имѣю такое же право, какъ и вы!» и т. д. Похвалы, которыя мы расточаемъ свободѣ, преисполнены этого убѣжденія; оно придаетъ горечь нашимъ нападкамъ на притѣснителей человѣчества. Вѣра въ равенство человѣческихъ правъ такъ въ насъ непосредственна, что она выражается смысломъ словъ нашего языка. Слово equity (справедливость) и слово equal (равный, равенство) происходятъ отъ одного и того же корня; слово equity буквально значитъ р а в е н с т в о.

Кромѣ того ясно, что сила подобнаго убѣжденія постоянно увеличивается. Правильный взглядъ на вещи показываетъ намъ, что развитіе человѣка отъ степени дикости до состоянія цивилизаціи есть развитіе господства этого убѣжденія. Законы, чувства и обычаи цивилизованнаго общества всего болѣе отличаются отъ варварскихъ тѣмъ, что они находятся въ большей гармоніи съ идеей равенства. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 32) было объяснено, до какой степени это убѣжденіе было полезно посредствомъ своего вліянія на происшествія былыхъ временъ. Если мы вспомнимъ политическія движенія, которыя имѣли успѣхъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, если мы обратимъ вниманіе на тѣ, которыя происходятъ вокругъ насъ въ настоящее время, мы найдемъ, что они почти всѣ находятся подъ сильнымъ вліяніемъ подобныхъ убѣжденій. Вникая въ обстоятельства, при которыхъ происходили послѣднія европейскія революціи, читая введенія къ

созданнымъ ими новымъ конституціямъ, нельзя не замѣтить, что убѣжденіе въ равенствѣ людей въ настоящее время сильнѣе и болѣе распространено, чѣмъ когда-либо.

Постоянная жизнь и возрастаніе этого убѣжденія менѣе всего лишены смысла. Это былъ бы странный путь для объясненія соціальныхъ явленій, если бы кто-нибудь не придавалъ никакого значенія не только постоянному появленію вновь этого убѣжденія, но и тому обстоятельству, что оно появляется все болѣе и болѣе часто въ законахъ, въ книгахъ, въ народныхъ движеніяхъ и въ революціяхъ. Если мы будемъ анализировать убѣжденія и вѣрованія, то найдемъ, что они всѣ въ извѣстной степени зависятъ отъ нашего душевнаго устройства; временныя убѣжденія и вѣрованія зависятъ отъ временныхъ свойствъ нашей природы, постоянныя отъ постоянныхъ. Если мы найдемъ, что вѣра, подобная убѣжденію о равной свободѣ всѣхъ людей, не только проявляется постоянно, но съ каждымъ днемъ распространяется все болѣе, то мы имѣемъ полное основаніе заключить, что она соотвѣтствуетъ извѣстному существенному свойству нашего нравственнаго устройства. Мы въ этомъ взглядѣ утверждаемся еще болѣе, когда находимъ, что такое убѣжденіе вполнѣ соотвѣтствуетъ основному условію для осуществленія наибольшаго счастія, разсмотрѣнному выше, и что постоянное развитіе такой вѣры находится въ полной гармоніи съ закономъ о приспособляемости, который долженъ привести къ наибольшему счастію.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы создаемъ здѣсь для себя слѣдующую гипотезу. Собранныя здѣсь данныя приводятъ насъ къ заключенію, что въ человѣкѣ существуетъ свойство, которое мы можемъ назвать *инстинктомъ личныхъ правъ*; это чувство заставляетъ его требовать для себя столько же естественныхъ преимуществъ, сколько требуютъ и другіе — это чувство заставляетъ его защищаться противъ всякаго покушенія ворваться въ ту сферу, которую онъ признаетъ сферою своей естественной свободы. Въ силу такого стимула отдѣльныя личности стремятся, въ качествѣ единицъ всей соціальной массы, стать въ подобныя же отношенія, какъ и атомы матеріи, изъ которыхъ каждый имѣетъ окружающую его *отталкивающую* и притягивающую атмосферу. Въ окончательномъ своемъ результатѣ соціальное

равновѣсіе, по всей вѣроятности, будетъ зависѣть отъ надлежащаго равновѣсія этихъ силъ.

§ 3. Существуетъ однако же господствующій классъ такъ-называемыхъ философовъ политиковъ, которые относятся съ презрѣніемъ къ убѣжденію, что люди имѣютъ естественныя права, предшествующія тѣмъ, которыя признаны правительствами. Послѣдовательность заставляетъ поступать такимъ образомъ учениковъ Бентама. Вслѣдствіе этого они насилуютъ скрытыя и инстинктивныя свои убѣжденія и смѣло вовсе отвергаютъ существованіе естественныхъ правъ. Несмотря на это, они постоянно невольно обнаруживаютъ вѣру въ ученія, которыя ими открыто отвергаются. Они постоянно дозволяютъ себѣ неосторожность толковать о справедливости, въ особенности когда дѣло касается ихъ самихъ, и они разсуждаютъ объ этомъ точно такъ же, какъ и ихъ противники. Они дѣлаютъ различіе между закономъ и естественной справедливостью точно такъ же, какъ это дѣлается другими. Они восхваляютъ честность и прямодушіе, какъ будто бы они полагаютъ, что это нѣчто болѣе, чѣмъ пустыя слова. Когда ихъ ограбятъ, или нападутъ на нихъ, или когда ихъ несправедливо арестуютъ, они обнаруживаютъ то же самое негодованіе, ту же самую рѣшимость сопротивляться нападающимъ, произносятъ тѣ же самыя обвиненія въ насиліи, тѣ же самыя громкія требованія возмездія, какъ и самые строгіе защитники естественныхъ правъ людей. Для объясненія такой непослѣдовательности они утверждаютъ, что чувства, обнаруживаемыя такимъ образомъ, не болѣе какъ результатъ постепенно пріобрѣтеннаго убѣжденія, что извѣстный родъ дѣйствій имѣетъ послѣдствія благодѣтельныя, а отъ другого рода происходитъ зло. Симпатіи и антипатіи, которыя порождаются такимъ образомъ, обнаруживаются, по ихъ мнѣнію, въ видѣ любви къ справедливости и ненависти къ несправедливости. Противъ этого предположенія выше сдѣлано было возраженіе, что столь же благоразумно было бы заключить, что голодъ происходитъ отъ убѣжденія въ пользѣ ѣды, или что любовь къ дѣтямъ происходитъ отъ желанія поддержать родъ человѣческій!

Все это приводитъ къ забавному результату; оказывается, что позиція, на которой расположились эти философы и съ которой они съ такимъ самодовольствомъ осыпали противни-

ковъ сарказмами, есть не что иное какъ мина, предназначенная тѣми же противниками для уничтоженія обширнаго сооруженнаго на ней зданія ложныхъ заключеній. Принципъ «наибольшаго счастія наибольшаго числа»,—этотъ принципъ, имѣющій такой солидный видъ, ждетъ только того, чтобы къ нему поднесли свѣчу, и вотъ происходитъ взрывъ и онъ разражается поразительнымъ заключеніемъ, что всѣ люди имѣютъ равное право на счастіе (стр. 30), — заключеніемъ несравненно болѣе революціоннаго и нивелирующаго свойства, чѣмъ всѣ тѣ, на которыя они нападали съ такимъ презрѣніемъ *).

Итакъ мы видимъ, что инстинктъ личныхъ правъ постоянно обнаруживается въ мнѣніяхъ и учрежденіяхъ: далѣе мы находимъ, что попытка объяснить его указанія пріобрѣтеннымъ опытомъ приводитъ къ нелѣпости; наконецъ оказывается, что основныя правила тѣхъ, которые рѣзче всѣхъ отвергаютъ его существованіе, не что иное, какъ другого рода проявленія того же инстинкта. Мы имѣемъ самыя сильныя доказательства его существованія, какія только можно имѣть,— они основаны на свидѣтельствахъ всѣхъ партій. Во всемъ этомъ мы находимъ достаточное оправданіе для того, чтобы считать его существованіе удовлетворительно доказаннымъ.

§ 4. Можно задать такой вопросъ: для чего нужно чувство, которое бы побуждало людей требовать свободу дѣйствій, необходимую для надлежащаго упражненія способностей, и которое бы заставляло ихъ противодѣйствовать нарушеніямъ этой свободы? Развѣ для этого не достаточно побужденій со стороны отдѣльныхъ способностей, которыя требуютъ дѣятельности и не могутъ быть иначе удовлетворены?— Нѣтъ потребности въ особенномъ побужденіи, когда всѣ остальные возбудители имѣетъ должны заставлять человѣка дѣлать то же самое.

Это возраженіе вовсе не такъ значительно, какъ оно ка-

*) Мы не будемъ здѣсь оспаривать требованія, поставленныя этимъ принципомъ. Для настоящей нашей цѣли достаточно здѣсь замѣтить, что если бы онъ былъ справедливъ, то все-таки былъ бы совершенно негоденъ для основного принципа: сначала потому, что невозможно подробно опредѣлить, въ чемъ заключается счастіе, а затѣмъ потому, что нѣтъ мѣры, которою можно было бы измѣрить его порознь, если бы мы даже могли его опредѣлить.

жется. Если бы, при отсутствіи предположеннаго здѣсь чувства, каждая отдѣльная способность, въ свою очередь, побуждала своего обладателя противиться ограниченію ея сферы дѣйствія, то не оказалось бы все-таки никакого стимула для воспрепятствованія ограниченію свободы такой способности, которая находится въ инертномъ состояніи и требуетъ, чтобы оставлено было незанятое поле для ея будущей дѣятельности. Можно возразить, что для того, чтобы защитить подобную способность, достаточно сознанія, что будутъ имѣть мѣсто случаи, когда такая свобода сдѣлается для нея необходимой. Такое возраженіе очень благовидно, но оно несогласно съ фактами. Послѣ изслѣдованія мы увидимъ, что не каждая отдѣльная способность одарена необходимой для нея предусмотрительностью и заботится о будущемъ своемъ удовлетвореніи; напротивъ, мы находимъ, что забота объ удовлетвореніи въ будущемъ всѣхъ способностей вообще составляетъ дѣло свойствъ, исключительно для этого предназначенныхъ. Чтобы разъяснить себѣ этотъ предметъ, мы еще разъ обратимся къ сравненію съ инстинктомъ пріобрѣтенія. Мы видимъ, что инстинктивное стремленіе къ пищѣ, къ одеждѣ, къ жилищу и многіе другіе инстинкты, для удовлетворенія которыхъ служитъ собственность, не въ состояніи побудить къ накопленію имущества, необходимаго для постояннаго ихъ удовлетворенія, въ случаѣ отсутствія инстинкта пріобрѣтенія. Каждый изъ этихъ инстинктовъ, когда онъ возбужденъ, заставляетъ принимать мѣры къ его удовлетворенію въ настоящемъ, но не побуждаетъ накоплять средства для его обезпеченія въ будущемъ. Чтобы побуждать къ этому человѣка, необходима извѣстная доля инстинкта пріобрѣтенія, который требуетъ собственнаго своего удовлетворенія, и только по этому случаю обезпечиваетъ средства къ удовлетворенію другихъ инстинктовъ. То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ свободѣ дѣйствій. Мы показали, что каждая отдѣльная способность не заботится объ обезпеченіи себѣ необходимаго для ея удовлетворенія запаса; точно такъ же она не стремится къ обезпеченію для себя свойственной ей сферы дѣятельности. Для накопленія общаго запаса, необходимаго для человѣка, существуетъ особая способность; точно такъ же существуетъ особая способность для обезпеченія необходимой человѣку сферы дѣятельности. Отношеніе, въ которомъ эти

двѣ способности находятся ко всѣмъ прочимъ, можетъ быть, всего яснѣе выразится, если мы скажемъ, что назначеніе одной изъ этихъ способностей состоитъ въ томъ, чтобы скопить матеріалъ, надъ которымъ всѣ прочія способности могутъ упражнять свою дѣятельность, а назначеніе другой способности заключается въ охраненіи свободы движенія, посредствомъ которой матеріалъ собирается и потребляется.

§ 5. Инстинктъ личныхъ правъ, это инстинктъ чисто своекорыстный, который побуждаетъ каждаго человѣка требовать и защищать лишь свою собственную свободу дѣятельности. Послѣ этого остается еще разрѣшить вопросъ: откуда берется у насъ понятіе о правахъ другихъ людей?

Путь къ разрѣшенію этого сомнѣнія открытъ Адамомъ Смитомъ въ его «Теоріи нравственныхъ чувствъ»; цѣль этого сочиненія заключается въ томъ, чтобы показать, что надлежащее направленіе въ нашемъ поведеніи по отношенію другъ къ другу обезпечивается способностью, которой отправленіе заключается въ томъ, что она возбуждаетъ въ каждомъ существѣ тѣ же самыя ощущенія, какія обнаруживаются окружающими; эта способность порождаетъ въ человѣкѣ настроеніе чувствъ однородное со страстями, одушевляющими другихъ, или, какъ выражается Смитъ, — «производитъ сочувственныя ощущенія»; короче сказать, это—способность, которую обыкновенно называютъ симпатіею. Для объясненія, какимъ образомъ проявляется этотъ дѣятель, онъ приводитъ случаи въ родѣ слѣдующихъ:

«Люди слабаго сложенія, съ чувствительными нервами, жалуются, что при видѣ ранъ и нарывовъ, которые показываются нищими публично на улицахъ, они испытываютъ непріятное ощущеніе и что-то въ родѣ зуда въ соотвѣтствующихъ частяхъ ихъ собственнаго тѣла». «При видѣ больныхъ глазъ люди самаго крѣпкаго сложенія часто ощущаютъ весьма чувствительную боль въ собственныхъ глазахъ». «Наша радость при освобожденіи отъ страданій интересующихъ насъ героевъ трагедій и романовъ такая же искренняя, какъ и наша печаль при видѣ ихъ страданій; наше сочувствіе къ ихъ бѣдствіямъ настолько же дѣйствительно, какъ и наше участіе въ ихъ счастіи». «Мы чувствуемъ стыдъ при видѣ грубыхъ и наглыхъ поступковъ другого человѣка, хотя онъ самъ повидимому вовсе не понимаетъ неловкости своего поведенія».

Къ этимъ фактамъ, приведеннымъ Адамомъ Смитомъ, можно присовокупить много другихъ, столь же убѣдительныхъ: люди — въ особенности женщины — вздрагиваютъ и вскрикиваютъ при видѣ случившагося съ другими; люди, не привыкшіе къ хирургическимъ операціямъ, падаютъ часто въ обморокъ, если они при нихъ присутствуютъ. Между солдатами, которые строемъ присутствуютъ при тѣлесномъ наказаніи, обыкновенно нѣкоторые падаютъ въ рядахъ. Одинъ мальчикъ умеръ при видѣ казни. Мы всѣ испытали непріятное ощущеніе стыда, производимое въ насъ ошибками и замѣшательствомъ раздражительнаго оратора. Вѣроятно каждый когда-нибудь въ своей жизни испыталъ чувство ужаса при видѣ другого на краю пропасти. Мы замѣчаемъ такъ же и взаимное дѣйствіе этой способности. Мы не можемъ удержаться, чтобы не присоединиться къ радости нашихъ друзей даже тогда, когда мы не знаемъ причины. Дѣти, къ крайнему ихъ неудовольствію, часто вынуждены смѣяться среди горя и слезъ только потому, что они видятъ смѣхъ вокругъ себя. Все это и многіе тому подобные факты подтверждаютъ слова Борка, что «симпатія должна быть разсматриваема какъ родъ превращенія, которое ставитъ насъ на мѣсто другого человѣка и заставляетъ насъ, во многихъ отношеніяхъ, чувствовать то же, что онъ чувствуетъ».

Адамъ Смитъ приписываетъ вліянію такой способности наши благотворительныя дѣйствія; онъ утверждаетъ, что желаніе освободиться отъ страданій, доставляемыхъ намъ видомъ бѣдствія, заставляетъ насъ помогать чужой нуждѣ; мы стараемся дѣлать другихъ счастливыми, потому что мы сами при этомъ раздѣляемъ ихъ счастіе. Такое ученіе повидимому весьма удовлетворительно. Оказывается однако же, что имъ упущено одно изъ самыхъ существенныхъ примѣненій этой способности. Смитъ не зналъ о существованіи стимула, который побуждаетъ людей отстаивать свои справедливыя требованія, и не могъ видѣть, что уваженіе къ подобнымъ же требованіямъ другихъ людей можетъ быть объяснено тѣмъ же путемъ. Онъ не замѣтилъ, что чувство справедливости есть не что иное какъ возбужденіе симпатическаго ощущенія въ инстинктѣ личнаго права, родъ рефлективнаго дѣйствія этого инстинкта. Если этотъ инстинктъ существуетъ и если гипотеза Адама Смита вѣрна, то все это должно происходить

именно такимъ образомъ. Вотъ источникъ того, что мы называемъ мученіями совѣсти,—этого чувства, которое тревожитъ людей, совершившихъ безчестные поступки. Это—орудіе, посредствомъ котораго мы получаемъ ощущеніе удовольствія, когда мы воздаемъ другому то, что ему слѣдуетъ. Изъ этихъ двухъ способностей проистекаетъ негодованіе, которое мы ощущаемъ при разсказахъ о политическихъ притѣсненіяхъ, и скрежетъ зубовный, съ которымъ мы читаемъ о варварествахъ торговцевъ рабами.

Выше было объяснено (стр. 85), что хотя и слѣдуетъ отдѣлять справедливость отъ благотворенія, но что эти чувства происходятъ отъ одного корня; читатель видитъ теперь, что этотъ общій корень есть — симпатія. Всѣ дѣйствія, подходящія подъ понятіе справедливости, всѣ тѣ, которыя мы называемъ честными, прямодушными, правдивыми и т. д., проистекаютъ изъ симпатическаго возбужденія инстинкта личныхъ правъ, а тѣ, которыя происходятъ изъ благодушія, напр. милосердіе, благотворительность, добродушіе, великодушіе, любезность, внимательность, имѣютъ своимъ источникомъ симпатическое возбужденіе одного или нѣсколькихъ другихъ чувствъ.

§ 6. Въ подтвержденіе этого ученія можно привести множество частныхъ примѣровъ. Если правда, что человѣческія понятія о справедливости порождаются изложеннымъ путемъ, то должно оказаться, что при одинаковыхъ условіяхъ тѣ люди будутъ имѣть самое сильное сочувствіе къ правамъ своихъ сосѣдей, у которыхъ всего болѣе развито чувство собственныхъ своихъ правъ. Такимъ образомъ можно повѣрить это ученіе и убѣдиться въ его справедливости, если подобный фактъ подтвердится наблюденіями, и наоборотъ—понять его ложность, если онъ не подтвердится. Сдѣлаемъ опытъ.

Первый примѣръ въ этомъ случаѣ намъ представитъ Братство Друзей. Съ тѣхъ поръ какъ они появились, во времена Карла I, члены этого общества постоянно выказывали замѣчательную рѣшительность при защитѣ личной свободы. Такое свойство они обнаружили во время постояннаго своего сопротивленія духовнымъ властямъ. Они упорно и успѣшно отражали преслѣдованія, они постоянно отказывались платить приходскіе сборы; ихъ религіозныя убѣжденія не допускали даже священства. Посмотрите, какимъ обра-

зомъ чувство, обнаруживающееся въ этихъ частностяхъ, показало себя въ своихъ симпатическихъ проявленіяхъ. Пенн и его послѣдователи были единственными переселенцами, которые хотя отчасти признавали права первобытныхъ жителей на занятую ими землю. Изъ этой же секты вышли филантропы, начавшіе агитацію для отмѣны торговли рабами, и тѣ, которые вели ее съ наибольшей энергіей. Въ числѣ сумасшедшихъ домовъ, York Retreat былъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ, который принялъ избѣгающую принужденія методу леченія душевныхъ болѣзней. Уже съ давнихъ поръ квакеры публично возставали противъ несправедливости и жестокости войны. Съ одной стороны они отличаются твердостью при защитѣ своихъ правъ, а съ другой они не менѣе того замѣчательны честнымъ своимъ поведеніемъ.

Если мы сравнимъ свойства англійской націи съ другими племенами, то найдемъ еще примѣръ для объясненія нашей мысли. Мы вообще отличаемся нашей ревнивой любовью къ свободѣ и твердостью, съ которой мы ограждаемъ свои права. Въ то же самое время мы не менѣе отличаемся и большей справедливостью въ нашемъ поведеніи. Если наше поведеніе по отношенію къ первобытнымъ жителямъ странъ, гдѣ мы селились, менѣе всего похвально, то оно все-таки никогда не доходило до такой низости, какой отличались испанцы и другіе народы. Всюду англійскіе купцы отличаются своей добросовѣстностью и любовью къ честности. Мы замѣчаемъ болѣе развитое чувство справедливости, чѣмъ у другихъ народовъ, даже въ самыхъ грубыхъ слояхъ нашего населенія; оно обнаруживается напримѣръ въ запрещеніи бить лежачаго. Въ теченіе послѣдняго времени, когда между всѣми народами возникли громкія и постоянно возраставшія требованія относительно равенства политическихъ правъ, мы, въ качествѣ цѣлой націи, показали болѣе другихъ вниманія къ чужимъ правамъ и сдѣлали попытку повсемѣстно на землѣ уничтожить рабство.

Мы находимъ равнымъ образомъ, что тѣ, которые не имѣютъ достаточно развитаго чувства справедливости относительно себя самихъ, не понимаютъ такъ же, въ чемъ должна заключаться справедливость по отношенію къ другимъ. Это давно было замѣчено всѣми. Одинъ изъ современныхъ нашихъ писателей выразилъ эту мысль такимъ образомъ: ти-

ранъ есть не что иное, какъ рабъ, вывороченный на изнанку. Въ прежнія времена феодальные владѣльцы были зависимыми людьми по отношенію къ своему королю и деспотами по отношенію къ зависимымъ отъ нихъ людямъ. Въ наше время (1850 г.) русскій дворянинъ въ одно и то же время рабъ своего автократа и автократъ по отношенію къ своимъ рабамъ. Замѣчено даже школьными мальчиками, что буянъ легче всякаго другого способенъ покориться большему буяну. Мы постоянно видимъ, что тѣ, которые льстятъ сильнымъ, заносчивы съ своими подчиненными. Что «освобожденные рабы превосходятъ всѣхъ другихъ рабовладѣльцевъ жестокостью и притѣсненіями» *) — это истина, подтверждаемая многочисленными свидѣтельствами. При удобномъ случаѣ раболѣпныя натуры превращаются въ тирановъ, — въ подтвержденіе мы видимъ фактъ, что негры часто ловятся и продаются ихъ собственными королями.

Такимъ образомъ мы находимъ, что предложенное здѣсь ученіе подтверждается и прямымъ и обратнымъ путемъ. Слѣдуетъ однако же сдѣлать одно ограниченіе. Нѣтъ необходимой связи между чувствомъ того, что слѣдуетъ намъ, и чувствомъ того, что слѣдуетъ другимъ. Симпатія и инстинктъ права не всегда имѣютъ равную силу, точно такъ же, какъ и всѣ другія способности человѣческія. Одна изъ этихъ способностей можетъ имѣть нормальный размѣръ, въ то время какъ другая будетъ почти отсутствовать. Человѣкъ, который лишенъ чувства симпатіи, можетъ имѣть достаточный стимулъ для отстаиванья собственныхъ правъ и не будетъ показывать никакого, соотвѣтствующаго ему, уваженія къ правамъ себѣ подобныхъ. Такъ какъ инстинктъ правъ чисто эгоистическій инстинктъ, то онъ побуждаетъ своего обладателя поддерживать только собственныя свои преимущества. Желаніе вести себя справедливо относительно другихъ порождается только симпатическимъ возбужденіемъ; когда нѣтъ симпатіи, то и подобное инстинктивное желаніе невозможно. Но этимъ не измѣняется общее положеніе, что если симпатія существуетъ въ обыкновенномъ размѣрѣ, то уваженіе къ чужимъ правамъ будетъ болѣе или менѣе значительно, смотря по

*) «Four years in the Pacific». By Lieut. Walpole («Четыре года въ Тихомъ океанѣ», лейт. Вальполя).

тому, будетъ ли инстинктъ личныхъ правъ силенъ или слабъ. Можно сдѣлать несомнѣнное заключеніе, что въ среднемъ уровнѣ чувство справедливости людей по отношенію къ себѣ и по отношенію къ другимъ постоянно пропорціональны.

§ 7. Изложенное здѣсь душевное настроеніе доказывается далѣе тѣмъ, что существуютъ нѣкоторые особенные взгляды въ области нравственности, происхожденіе которыхъ объясняется именно существованіемъ такого душевнаго расположенія и которое вполнѣ соотвѣтствуетъ отвлеченнымъ выводамъ, сдѣланнымъ въ предыдущей главѣ. Мы находимъ въ насъ убѣжденіе, которое мы не въ состояніи достаточно оправдать; убѣжденіе это поселяетъ въ насъ мысль, что мы должны имѣть свободу дѣлать, если намъ заблагоразсудится, нѣкоторыя вещи, несмотря на то, что онѣ достойны порицанія. Человѣкъ чувствуетъ, что онъ имѣетъ право, если захочетъ, изуродовать свои члены или разрушить свою собственность, хотя бы чрезъ это значительно уменьшилось его счастіе. Хотя мы и порицаемъ недостатокъ вниманія къ несчастному должнику, однако же мы находимъ, что жестокій заимодавецъ имѣетъ, на основаніи строгой справедливости, право на послѣдній грошъ должника. Несмотря на наше отвращеніе къ эгоизму человѣка, который не соглашается устроить въ извѣстномъ случаѣ по-дружески и безобидно, мы не можемъ однако же отрицать, что онъ имѣетъ полное право отказать намъ. Если справедлива сдѣланная здѣсь гипотеза, то такіе взгляды должны происходить изъ инстинкта личнаго права—въ одномъ случаѣ непосредственно, а въ другихъ чрезъ симпатію. Взгляды эти совершенно согласны съ выведенными выше заключеніями. Мы находили, что законъ равной свободы есть основной законъ. Мы признавали (стр. 100), что постановленныя имъ ограниченія для дѣятельности авторитетнѣе всѣхъ другихъ ограниченій. Далѣе мы пришли къ убѣжденію (стр. 104), что, при настоящемъ нашемъ состояніи приспособляемости, неправильно устанавливать какія-либо другія опредѣленныя границы для свободы дѣйствій, кромѣ равной свободы другихъ. Такое соотвѣтствіе между нашими инстинктивными понятіями и выше выведенными заключеніями увеличиваетъ вѣроятность постановленной здѣсь гипотезы.

§ 8. Послѣ этого, кажется, должно быть совершенно ясно,

что мы носимъ въ себѣ душевный механизмъ, который даетъ намъ возможность понять существенныя требованія для достиженія наибольшаго счастія и порождаетъ стимулы движенія по такому направленію. Общія начала нашего устройства заставляютъ насъ предполагать, что стремленіе къ этой цѣли обезпечено именно такимъ образомъ. Мы въ другомъ мѣстѣ показали вѣроятность существованія нравственнаго чувства; въ этомъ-то нравственномъ чувствѣ мы и видимъ дѣятеля, явно соотвѣтствующаго такому назначенію, а въ первоначальномъ условіи наибольшаго счастія мы открываемъ ту аксіому, которую нравственное чувство должно было намъ внушить. Человѣкъ обладаетъ чувствомъ, которое должно породить эту аксіому; это доказывается болѣе или менѣе полнымъ ея выраженіемъ, сдѣланнымъ непосредственно, такъ сказать инстинктивно, въ политическихъ догматахъ, въ законахъ и въ поговоркахъ ежедневной жизни. Кромѣ того, въ существованіи этого чувства можетъ убѣдить тотъ фактъ, что люди, которые отвергаютъ порождаемый имъ взглядъ на вещи, обнаруживаютъ однако тотъ же самый взглядъ, но только въ замаскированномъ и искаженномъ видѣ. Путемъ аналогическаго сравненія съ стимуломъ къ пріобрѣтенію, мы убѣждаемся, что стимулъ для поддержанія свободы дѣйствій, по всей вѣроятности, существенно необходимъ для полноты человѣческаго устройства. Мы можемъ объяснить себѣ, какимъ образомъ стимулъ охраненія свободы дѣятельности можетъ породить вниманіе къ такой же свободѣ другихъ людей, если мы распространимъ на него ученіе Адама Смита о симпатіи; множество фактовъ соединяются для доказательства, что наше чувство справедливости дѣйствительно вытекаетъ изъ симпатическаго возбужденія этого инстинкта. Наконецъ, мы находимъ, что убѣжденія, порождаемыя въ насъ предположеннымъ здѣсь путемъ, соотвѣтствуютъ результатамъ отвлеченнаго мышленія не только по отношенію права каждаго лица упражнять свои способности и соотвѣтствующей ему границѣ этого права, но и по отношенію особой святости этого права и его границъ.

ГЛАВА VI.

Основное начало.

§ 1. Различными путями мы приходимъ къ тому же самому заключенію. Мы должны признать, что законъ справедливыхъ соціальныхъ отношеній заключается въ правилѣ, что «каждый человѣкъ свободенъ дѣлать все, что онъ хочетъ, если онъ не нарушаетъ равной свободы другого человѣка». Къ этому положенію мы придемъ, если мы будемъ выводить наши заключенія изъ единственныхъ неизмѣнныхъ условій, при которыхъ божественная идея наибольшаго счастія можетъ быть осуществлена; сюда же приведутъ насъ и заключенія, основанныя на устройствѣ человѣка, если его считать совокупностью извѣстныхъ способностей; тотъ же результатъ мы получимъ, если мы будемъ прислушиваться къ внушеніямъ извѣстныхъ душевныхъ дѣятелей, которые, повидимому, предназначены для того, чтобы руководить нами въ этомъ случаѣ. Хотя можетъ существовать потребность въ дальнѣйшемъ ограниченіи свободы дѣйствій, но мы видѣли (стр. 104), что при правильномъ устройствѣ общества нельзя признать этихъ дальнѣйшихъ ограниченій. Эти дальнѣйшія ограниченія должны всегда быть предоставлены въ своемъ примѣненіи частному и личному усмотрѣнію. Слѣдовательно, мы должны принять законъ о равной свободѣ во всемъ его объемѣ и признать его закономъ, на которомъ правильная система справедливости должна быть основана.

§ 2. Многіе, можетъ быть, возразятъ противъ этого основного начала, утверждая, что если оно должно имѣть свойства аксіомы, т. е. неоспоримой истины, если оно должно разсматриваться такимъ образомъ при выводѣ изъ него за-

ключеній, то оно должно быть признано всѣми; а между тѣмъ такого общаго признанія не существуетъ.

Фактъ, приведенный выше, что были и есть люди, недоступные для этого основного начала, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Аристотель вѣроятно не согласился бы съ нимъ, потому что находилъ, что «варвары предназначены природой для рабства и что это положеніе ясно само по себѣ». Его вѣроятно оспаривалъ бы и кардиналъ Юліанъ, который находилъ, что «мысль быть честнымъ въ своемъ словѣ, по отношенію къ невѣрнымъ, ужасна для благочестиваго сердца». Аббатъ Гибертъ такъ же едвали могъ раздѣлять подобное ученіе. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ называлъ свободные города Франціи «ненавистными общинами, гдѣ рабы, противъ закона и справедливости, освобождаются отъ власти своихъ господъ». Можетъ быть его не приняли бы и горцы, которые въ 1748 году сопротивлялись своему освобожденію посредствомъ отмѣны наслѣдственной юрисдикціи. Если истина этого основного начала не ясна сама по себѣ для всѣхъ, то этимъ она еще вовсе не опровергается. Бушменъ можетъ считать только до трехъ, а ариѳметика все-таки существуетъ; мы имѣемъ вычисленіе функцій, съ помощью котораго мы находимъ новыя планеты. Неспособность дикаго понимать основныя истины чиселъ не есть доказательство противъ ихъ существованія, не заключаетъ въ себѣ препятствія къ ихъ открытію и развитію; равнымъ образомъ и то обстоятельство, что не всѣ признаютъ законъ равной свободы основной истиной этики, не можетъ помѣшать ему быть таковымъ.

Это различіе нравственныхъ взглядовъ людей не только не составляетъ препятствія на нашемъ пути, но оно разъясняетъ ученіе, изложенное выше. Во второй главѣ было объяснено, что первобытная обстановка человѣка требовала, чтобы «онъ жертвовалъ благосостояніемъ другихъ существъ ради своего собственнаго», а обстоятельства жизни, въ которыхъ онъ живетъ теперь, требуютъ, чтобы «каждая личность имѣла только такія желанія, которыя могутъ быть вполнѣ удовлетворены не стѣсняя способности другихъ личностей получать такое же удовлетвореніе». Было указано, что, въ силу закона приспособляемости, устройство человѣка переходитъ отъ формы, приноровленной для условій прежняго его существованія, къ формѣ, приспособленной къ его современной жизни. Приспо-

собленіе къ теперешнимъ условіямъ жизни обезпечивается развитіемъ тѣхъ двухъ способностей, общая дѣятельность которыхъ порождаетъ то, что мы называемъ нравственнымъ чувствомъ. Стимулъ, заставляющій насъ сообразоваться съ закономъ равной свободы, пропорціоналенъ силѣ симпатіи и инстинкта личныхъ правъ. Стимулъ этотъ порождаетъ, объясненнымъ выше (стр. 35) способомъ, соотвѣтствующую ему вѣру въ помянутый законъ. Вотъ почему какъ подчиненіе этому закону, такъ и признаніе его истины возможно только послѣ того, какъ процессъ приспособленія сдѣлалъ уже значительные успѣхи. По той же причинѣ нельзя ожидать, чтобы въ первое время соціальнаго развитія можно было найти сколько-нибудь всеобщее признаніе этой истины.

§ 3. Къ собраннымъ выше прямымъ свидѣтельствамъ, доказывающимъ существованіе нашего основного начала, можно еще присовокупить множество посредственныхъ доказательствъ, путемъ нелѣпостей, къ которымъ приводитъ насъ отрицаніе этой истины. Тотъ, кто утверждаетъ невѣрность закона равной свободы, кто увѣряетъ, что люди не имѣютъ равныхъ правъ, можетъ выбирать только между двумя путями. Онъ долженъ сказать или то, что люди вовсе не имѣютъ правъ, или что они имѣютъ права не равныя. Разсмотримъ эти положенія.

Въ первыхъ рядахъ между тѣми, которые вовсе отвергаютъ права людей, стоитъ тотъ же самый сэръ Робертъ Фильмеръ, о которомъ мы говорили выше. Онъ высказываетъ положеніе, что «люди не свободны по своей природѣ». Создавъ такое положеніе, онъ безъ труда находитъ свой путь къ заключенію, что единственный пригодный для людей образъ правленія—это неограниченная монархія. Если люди не свободны по своей природѣ, т. е. если они не имѣютъ отъ природы никакихъ правъ, то права можетъ имѣть только тотъ, кому они даны Богомъ. Послѣ этого заключенія только одинъ шагъ до «божественнаго права королей». Въ послѣднее время, однако же, сдѣлалось совершенно ясно, что это божественное право королей приводитъ къ божественному праву всякаго, кому удалось захватить власть. На основаніи такого положенія, никто не можетъ занять мѣсто верховнаго правителя противъ воли Божьей, а слѣдовательно всякій, кто достигнулъ этого, имѣетъ на своей сторонѣ божескій авторитетъ,

несмотря на то, будутъ ли имъ для этого употреблены честныя, или безчестныя средства, будетъ ли онъ законнымъ государемъ или узурпаторомъ. Слѣдовательно, сказать, что люди не свободны по своей природѣ, это значитъ сказать, что хотя люди и не имѣютъ правъ, но тотъ, кто можетъ захватить власть и незаконно принуждать другихъ къ повиновенію, тотъ имѣетъ право поступать такимъ образомъ!

§ 4. Это ученіе порождаетъ для раздѣляющихъ его еще болѣе важное затрудненіе. Если мы возвратимся къ тому, что было сказано въ главѣ четвертой, то мы найдемъ, что отказывать людямъ въ правахъ — это значитъ оскорблять божество. Мы видѣли, что если человѣкъ имѣетъ какое-нибудь право, то право это можетъ состоять только въ томъ, что предназначено ему Богомъ. Сказать, что человѣкъ не имѣетъ права на свободу дѣйствій — это значитъ сказать, что не было воли Божьей для пріобрѣтенія имъ этого права. Безъ свободы дѣйствій человѣкъ однако же не можетъ удовлетворять своимъ желаніямъ. Слѣдовательно, нѣтъ Божьей воли на то, чтобы онъ имъ удовлетворялъ. Неудовлетвореніе желаніямъ производитъ бѣдствія. Слѣдовательно, промыслъ Божій состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ бѣдствовалъ. Послѣ такого нелѣпаго вывода можно, безъ всякаго сомнѣнія, считать это положеніе опровергнутымъ.

§ 5. Если мы примемъ другое положеніе, т. е. то, что права людей не равны, то мы можемъ оправдать его только однимъ желаніемъ обезпечить превосходство лучшаго. Не мало такого любезнаго народа, который на возраженія противъ общественнаго неравенства отвѣчаетъ извѣстнымъ изреченіемъ, которое начинается фразой: «порядокъ есть первый законъ неба» и кончается заключеніемъ: «нѣкоторые суть и должны быть больше остальныхъ». Основываясь на этомъ правилѣ, они съ забавной непослѣдовательностью защищаютъ условныя различія. Не осмѣливаясь «первый законъ неба» предоставить себѣ самимъ, они стараются поддержать его искусственными подраздѣленіями. Они опасаются, что желанный «порядокъ» не можетъ удержаться, если за нимъ не будутъ наблюдать; такимъ образомъ эти, «которымъ слѣдуетъ быть больше остальныхъ», избираются путемъ оффиціальныхъ вдохновеній; распредѣляются по рангамъ и снабжаются ярлыками сообразно ихъ относительному достоинству.

Этотъ народъ, со всѣми ему подобными, считающій права людей неравными, относится къ обширному классу людей, которые способны обожать учрежденіе и не понимать его ничтожества. Они вѣрятъ только внѣшности, они не признаютъ никакихъ другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя установлены, для нихъ нужны рѣшенія чрезъ подачу голосовъ, авторитетъ, чинъ, и т. п. Самая малая доза проницательности, однако же, показала бы имъ, что величіе не нуждается въ покровительствѣ съ ихъ стороны. Истинное превосходство пріобрѣтетъ для себя значеніе безъ искусственной помощи. Удалите эти мѣры, разстраивающія естественный ходъ вещей, и вліяніе каждаго человѣка на остальныхъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать его естественнымъ силамъ Предоставьте вещи ихъ естественному теченію, и если человѣкъ имѣетъ въ себѣ нѣчто возвышающее его надъ общимъ уровнемъ, онъ неизбѣжно внушитъ къ себѣ уваженіе и повиновеніе.

§ 6. Если мы даже допустимъ, что для обезпеченія превосходства лучшаго свобода дѣйствій должна быть распредѣлена между людьми сообразно ихъ достоинствамъ, то защитники первенства правъ все-таки не выдвинули бы этимъ впередъ свою идею. Затѣмъ оставался бы еще вопросъ, какимъ образомъ опредѣлить относительное достоинство? Гдѣ мѣра, которою мы могли бы измѣрять относительное значеніе различныхъ родовъ и степеней способностей? Мы не можемъ обращаться къ общественному мнѣнію, потому что оно не единообразно. И если бы оно было единообразно, то нѣтъ причины думать, что оно правильно. Напротивъ, если что-нибудь можно вывести изъ окружающихъ насъ явленій, то мы найдемъ, что его оцѣнка весьма ошибочная. Можно ли надѣяться на сужденіе людей, которые подписываютъ гудзоновскія свидѣтельства и оставляютъ первоначальнаго изобрѣтателя желѣзныхъ дорогъ на произволъ смерти въ бѣдственномъ положеній? Развѣ способны рѣшать вопросъ о величіи люди, которые украшаютъ столы своихъ салоновъ копіей съ граматы на перское достоинство Борка, которые прочитываютъ списки представляющихся при дворѣ, занимаются сплетнями высшаго общества, которымъ пріятнѣе производить свое происхожденіе отъ какого-нибудь барона разбойника, отъ какого-нибудь Front-deboeuf, чѣмъ отъ Уатта или Аркрайта? Можно ли сколько-нибудь положиться на рѣшенія

авторитета, который воздвигнулъ съ полдюжины общественныхъ памятниковъ своимъ Веллингтонамъ и ни одного своимъ Шекспирамъ, Ньютонамъ и Бэконамъ? Какой это авторитетъ, который сторожу при палатѣ общинъ назначаетъ 74 ф. стерл. въ годъ болѣе, чѣмъ королевскому астроному? По мнѣнію Джонсона, «самую лучшую славу каждаго народа составляютъ его писатели», а у насъ писатели почитаются несравненно менѣе, чѣмъ титулованный народъ; писатели нашихъ руководящихъ журналовъ неизвѣстны, и несравненно болѣе уваженія оказывается Ротшильдамъ и Берингамъ, чѣмъ Фарадеямъ и Оуэнамъ.

Если оцѣнка относительныхъ достоинствъ, сдѣланная общественнымъ мнѣніемъ, оказывается въ такой степени невѣрной, то гдѣ же найти оцѣнку достойную довѣрія? Ясно, что если свобода каждаго должна измѣняться съ его достоинствомъ, то нужно сначала найти удовлетворительный способъ опредѣленія этого достоинства, а затѣмъ уже сдѣлается возможнымъ установить какія-либо правильныя отношенія между людьми. Кто же укажетъ намъ такой способъ?

§ 7. Если мы сдѣлаемъ еще одну уступку, если мы допустимъ, что относительное право на требованія людей можетъ быть справедливо опредѣлено, то и въ такомъ случаѣ невозможно было бы привести въ исполненіе это ученіе о неравенствѣ. Намъ пришлось бы найти правило для распредѣленія между людьми долей преимуществъ. Какого рода постепенность этихъ преимуществъ дастъ намъ возможность удѣлять каждому то, что ему слѣдуетъ? Какая единица мѣры должна быть употреблена для этого рода распредѣленія? Положимъ, что права торговца будутъ выражаться числомъ десять съ дробью,—какое число будетъ представлять право доктора? Свобода банкира насколько должна быть обширнѣе свободы пѣвеи? Даны два артиста, одинъ изъ нихъ вдвое искуснѣе другого,—слѣдуетъ найти предѣлъ, до котораго каждый изъ нихъ можетъ упражнять свои способности? Какъ величіе перваго министра относится къ значенію мальчишки идіота, такъ относится полная свобода дѣйствій къ желаемому здѣсь отвѣту. Вотъ немногіе изъ безчисленныхъ подобныхъ вопросовъ. Когда будетъ найденъ способъ для ихъ разрѣшенія, тогда будетъ и время разсматривать ученіе о неравенствѣ правъ.

§ 8. Теперь мы должны эти отрицательныя основанія присоединить къ положительнымъ причинамъ, заставляющимъ насъ утверждать, что каждый человѣкъ долженъ имѣть свободу дѣлать все, что онъ хочетъ, пока онъ не нарушаетъ равной свободы другого человѣка. Мы не можемъ принять ни одного изъ путей, по которому намъ придется идти, если мы отвергнемъ это основное начало. Ученіе о томъ, что люди не имѣютъ естественныхъ правъ, приводитъ насъ къ жалкимъ заключеніямъ, что сила даетъ право и что божество есть существо недоброжелательное. Сказать же, что люди имѣютъ не равныя права, это значитъ утверждать двѣ вещи невозможныя: сначала то, что мы способны опредѣлять размѣры человѣческихъ достоинствъ, а затѣмъ, что мы можемъ, послѣ такого опредѣленія, отмѣрить каждому надлежащую пропорцію слѣдующихъ ему преимуществъ

ГЛАВА VII.

Примѣненіе основного начала.

§ 1. Способъ, посредствомъ котораго мы можемъ изъ основного начала развить систематическое ученіе о естественной справедливости, достаточно очевиденъ. Мы должны правильно отличить дѣйствія, которыя дозволяются имъ, отъ тѣхъ, которыя исключаются изъ сферы дозволенныхъ; мы должны опредѣлить, что лежитъ въ предѣлахъ разрѣшенной для каждаго лица дѣятельности и что лежитъ за этими предѣлами. Наша цѣль должна заключаться въ томъ, чтобы опредѣлить территорію, гдѣ господствуетъ «можно», и границы, гдѣ начинается «нельзя». Относительно каждаго поступка мы должны опредѣлить, переходитъ ли совершающій его въ область свободы своего сосѣда, или нѣтъ,—равны ли будутъ доли свободы каждой стороны, если мы ихъ сопоставимъ другъ съ другомъ. Такимъ образомъ отдѣляя то, что можетъ быть каждымъ сдѣлано не касаясь преимуществъ другихъ, отъ того, что не можетъ быть сдѣлано безъ нарушенія этого условія, мы должны раздѣлить дѣйствія на законныя и незаконныя.

§ 2. Тамъ и симъ могутъ встрѣтиться затрудненія при выполненіи этой задачи. Можетъ быть, при случаѣ окажется, что мы относительно извѣстнаго, даннаго поступка не способны рѣшить, преступаетъ онъ законъ равной свободы, или нѣтъ. Подобное признаніе неспособности ни въ какомъ случаѣ не показываетъ недостатка въ законѣ. Оно доказываетъ только неспособность человѣческую,—неспособность, которая полагаетъ предѣлъ нашимъ открытіямъ, какъ по отношенію къ матеріальнымъ, такъ и къ нравственнымъ истинамъ. Такъ

напр. опредѣленіе градуса и минуты угла, до котораго человѣкъ можетъ наклониться не падая, лежитъ вполнѣ за предѣлами возможности для математика. Такъ какъ для него невозможно съ точностью опредѣлить центръ тяжести человѣческаго тѣла, то онъ не можетъ достовѣрно знать, когда линія, соединяющая, этотъ центръ тяжести съ центромъ земли, будетъ проходить чрезъ основаніе, на которомъ покоится тѣло, и когда внѣ этого основанія. Мы однако же этого не ставимъ въ вину основнымъ началамъ механики. Мы понимаемъ, что, несмотря на нашу неспособность выводить изъ этихъ основныхъ началъ всѣ заключенія, устойчивость или неустойчивость равновѣсія нашего тѣла могла бы быть съ точностью опредѣлена, если бы мы были способны получить точное понятіе обо всѣхъ условіяхъ, необходимыхъ для рѣшенія задачи. На томъ же основаніи мы утверждаемъ, что хотя среди болѣе сложныхъ соціальныхъ отношеній могутъ возродиться вопросы, которые повидимому неразрѣшимы путемъ сравненія относительныхъ размѣровъ свободы, требуемой каждою изъ частей, несмотря на то, слѣдуетъ допустить, что, хотя мы этого и не можемъ видѣть, ихъ требованія должны быть или равны или не равны, и сообразно этому и поступки ихъ будутъ или справедливыми или несправедливыми.

§ 3. Для тѣхъ, которые вѣрятъ въ отвлеченное мышленіе, для достаточно смѣлыхъ, чтобы слѣдовать за признаннымъ ими ученіемъ всюду, куда бы оно ихъ ни привело, достаточно указать на различные выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ этого основного начала: затѣмъ эти заключенія можно предоставить самимъ себѣ, и они сохранятъ свою силу, или падутъ, смотря по степени логической правильности ихъ построенія. Но надобно опасаться, что результаты, полученные такимъ чисто философскимъ путемъ, будутъ имѣть мало значенія для большинства. Заключеніями, выведенными такимъ образомъ, нельзя дѣйствовать на людей, которые «не въ состояніи понять начала прежде, чѣмъ оно освѣтитъ какой-либо фактъ» Избирая себѣ руководителемъ поверхностный опытъ, они глухи къ выраженію законовъ природы и жизни. Они не понимаютъ, что опытъ свой они выводятъ изъ сложныхъ явленій, которыя ни болѣе ни менѣе какъ порожденіе тѣхъ же законовъ. Несмотря на это

намъ приходится имѣть съ ними дѣло и справляться какъ сумѣемъ. Чтобы достигнуть тутъ цѣли, нужно привести доказательства такъ-называемаго практическаго свойства. Когда намъ придется дѣлать выводы, несогласные съ общественнымъ мнѣніемъ, тогда мы будемъ подкрѣплять доказательства данными изъ опыта и покажемъ, что данныя эти, объясненныя надлежащимъ образомъ, подтверждаютъ выводы.

ГЛАВА VIII.

Права на жизнь и на личную свободу.

§ 1. Это—выводы изъ основного начала, до того ясные сами по себѣ, что едва ли нуждаются въ особомъ разсмотрѣніи. Если человѣкъ долженъ имѣть свободу дѣлать все, что онъ хочетъ, пока онъ при этомъ не нарушаетъ равной свободы другого человѣка, то ясно, что онъ имѣетъ право на жизнь; потому что безъ этого условія онъ вовсе не можетъ дѣлать того, что онъ хочетъ. Онъ также долженъ имѣть право на личную свободу, потому что лишаясь этой свободы, если не вполнѣ, то отчасти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишается возможности слѣдовать своимъ желаніямъ. Совершенно ясно, что никто не можетъ лишить своего ближняго жизни или свободы, потому что онъ не можетъ этого сдѣлать не нарушая закона, который, обезпечивая его свободу, требуетъ, чтобы онъ «не нарушалъ равной свободы другого». Понятно, что тотъ, что убитъ или обращенъ въ рабство, не пользуется равной свободой съ своимъ убійцею или владѣльцемъ.

§ 2. Нѣтъ надобности разъяснять эти заключенія изложеніемъ происходящихъ отъ нихъ преимуществъ. Всѣ непосредственно соглашаются съ ними. Есть немногія простыя истины, которыя мы можемъ ясно сознавать чрезъ посредство одного нравственнаго чувства безъ помощи логики, и только-что изложенныя истины принадлежатъ къ ихъ числу. Было однако же время, когда дѣйствіе, произведенное закономъ приспособленія, было еще такъ слабо, что чувства, соотвѣтствующія этимъ истинамъ, были относительно не развиты и поэтому не порождали непосредственнаго убѣжденія въ ихъ

справедливости. Если бы мы жили во времена древней Ассиріи, когда подданный считался собственностью своего короля; если бы у насъ было обыкновеніе держать привратника на цѣпи у его конурки съ одной стороны двери, а на противоположной ставить конуру собаки, какъ это дѣлалось въ Аѳинахъ и въ Римѣ; если бы мы приносили людей въ жертву богамъ или отсылали нашихъ военноплѣнныхъ въ амфитеатръ для того, чтобы ихъ тамъ разорвали въ куски,— тогда конечно было бы необходимо подкрѣпить изложенное здѣсь ученіе доказательствами, изъ которыхъ было бы видно, какъ полезно ему слѣдовать. Къ счастью мы живемъ въ лучшія времена, мы можемъ съ удовольствіемъ сознавать, что мы достигли такого фазиса цивилизаціи, когда не требуется болѣе подтверждающихъ доказательствъ для того, чтобы признать за нами право жизни и личной свободы.

§ 3. Мы не можемъ разсматривать здѣсь вопросовъ о смертной казни, о пожизненномъ заключеніи и т. п. Эти наказанія предполагаютъ предшествовавшее имъ нарушеніе закона, а слѣдовательно это—лекарства для болѣзненнаго нравственнаго состоянія общества и потому относятся къ наукѣ, которую мы назвали терапевтической этикой: намъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

ГЛАВА IX.

Право пользованія землею.

§ 1. Дана порода существъ, которыя имѣютъ одинаковое право искать удовлетворенія своихъ желаній,—данъ міръ, приспособленный къ удовлетворенію этихъ желаній, міръ, въ которомъ эти существа одинаковымъ образомъ рождены: изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, что всѣ они имѣютъ одинаковое право пользоваться этимъ міромъ. Если каждый изъ нихъ имѣетъ свободу дѣлать все, что онъ хочетъ, не нарушая равной свободы другихъ, то каждый изъ нихъ имѣетъ свободу пользоваться землею для удовлетворенія своихъ потребностей, если только онъ предоставляетъ всѣмъ другимъ пользоваться такой же свободой. Наоборотъ, ясно, что никто не можетъ пользоваться землей такимъ образомъ, что черезъ это у другихъ отнята будетъ возможность такого же пользованія. Если онъ это сдѣлаетъ, то онъ воспользуется большей свободой, чѣмъ остальные люди, и нарушитъ законъ.

§ 2. Такимъ образомъ естественная справедливость не допускаетъ поземельной собственности. Если какая-нибудь часть земли сдѣлается на законномъ основаніи собственностью отдѣльнаго лица и можетъ имъ употребляться исключительно для своей выгоды, и если онъ можетъ ее разсматривать какъ вещь, на которую онъ имѣетъ исключительное право, то и другія части земли могутъ сдѣлаться предметомъ подобнаго же обладанія; наконецъ вся поверхность земли сдѣлается предметомъ собственности, и наша планета во всемъ своемъ объемѣ попадетъ въ частныя руки. Посмотрите же, къ какимъ это приведетъ затрудненіямъ. Предположите, что весь обитаемый міръ состоитъ изъ огороженныхъ клочковъ част-

ныхъ земель. Если такимъ образомъ собственники будутъ имѣть дѣйствительное право на земную поверхность, то всѣ не-собственники не будутъ имѣть на нее вовсе никакого права. Слѣдовательно, не-собственники будутъ въ состояніи существовать только потому, что ихъ терпятъ тутъ другіе. Ихъ существованіе будетъ нарушать чужое право собственности. Не получивъ дозволенія отъ поземельныхъ владѣльцевъ, они не будутъ имѣть на землѣ пространства для помѣщенія подошвы своихъ ногъ. Если другіе признаютъ за лучшее не давать имъ мѣста, куда преклонить голову, эти безземельные люди могутъ, на основаніи законовъ такой справедливости, быть вовсе изгнаны съ земной поверхности. Дозволеніе превращать землю въ частную собственность дастъ возможность одной части обитателей земного шара завладѣть всею его поверхностью; послѣ этого, остальные жители земли будутъ въ состояніи упражнять свои способности и даже существовать только съ согласія поземельныхъ собственниковъ. Немудрено понять, что такое исключительное владѣніе землей неизбѣжно заключаетъ въ себѣ нарушеніе закона равной свободы. Люди, которые не могутъ «жить, двигаться и обладать своимъ существованіемъ безъ дозволенія другихъ», не могутъ быть столь же свободны, какъ эти другіе.

§ 3. Если мы отъ разсмотрѣнія возможныхъ случаевъ перейдемъ къ дѣйствительнымъ, то мы найдемъ еще болѣе причинъ, чтобы отвергать правильность поземельной собственности. Никакъ невозможно утверждать, чтобы существующія на такую собственность права были законными. Если кто-нибудь думаетъ такимъ образомъ, пусть онъ взглянетъ въ лѣтописи прошедшаго. Насиліе, обманъ, право силы, завладѣніе путемъ успѣшной хитрости,—вотъ источники, на которыхъ основаны эти права на землю. Первоначальныя крѣпости на нихъ были написаны мечомъ, а не перомъ. Писцами крѣпостныхъ дѣлъ служили для нихъ не законники, а войны; смертоносные удары—вотъ ходячая монета, которою за нихъ платили, а для печатей кровь предпочиталась воску. Можно ли такими путями создать для себя справедливыя права?—Едва ли. Если нѣтъ, то какъ слѣдуетъ разсматривать претензіи всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ собственности, пріобрѣтенной такимъ образомъ? Развѣ завѣщаніе и продажа

могутъ проводить право тамъ, гдѣ его не существовало съ самаго начала? Развѣ тѣ, которымъ первоначально принадлежало право, будутъ лишены его передъ судомъ разсудка, потому что украденная у нихъ вещь перешла въ другія руки?—Конечно нѣтъ.—Если одинъ переходъ не можетъ дать законнаго права, то могутъ ли дать многіе?—Опять-таки нѣтъ,—ничто не можетъ быть умножено прежде, чѣмъ оно произошло въ первый разъ. Даже законъ признаетъ это начало. Настоящій владѣлецъ, если отъ него этого потребуютъ, долженъ доказать права тѣхъ, отъ кого онъ купилъ или получилъ по наслѣдству свою собственность; права его разрушаются, если въ первоначальномъ актѣ есть недостатокъ, хотя бы послѣ этого и слѣдовалъ непрерывный рядъ собственниковъ, обладавшихъ этимъ имуществомъ.

Есть люди, которые говорятъ, что время великій узаконитель. Владѣніе съ незапамятныхъ временъ должно устанавливать законное требованіе. То, что изъ вѣку въ вѣкъ составляло предметъ частной собственности, что покупалось и продавалось на этомъ основаніи, должно быть теперь разсматриваемо какъ неотъемлемая принадлежность отдѣльныхъ личностей. Можно охотно согласиться съ такимъ положеніемъ, если тѣ, которые его предлагаютъ, дадутъ ему опредѣленный смыслъ. Для того, чтобы это сдѣлать, имъ слѣдуетъ дать сначала удовлетворительные отвѣты на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: сколько времени нужно для того, чтобы то, что было сначала несправедливымъ, переродилось въ справедливое? Какъ великъ годичный размѣръ, въ которомъ незаконныя требованія превращаются въ законныя? Если основаніе для пріобрѣтенія дѣлается законнымъ въ теченіе тысячи лѣтъ, то насколько же оно будетъ болѣе, чѣмъ законно, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ? и т. д. Для рѣшенія этихъ вопросовъ имъ придется поискать новый пріемъ для расчетовъ.

Здѣсь мы не касаемся вопроса, полезно ли признавать права, которыя существовали болѣе или менѣе продолжительное время. Мы здѣсь не имѣемъ дѣла съ соображеніями, касающимися установленныхъ привилегій и удобоисполнимости законовъ. Намъ нужно было получить только отвѣтъ, который дается по этому предмету чистою, естественною справедливостью. Рѣшеніе этой справедливости предписываетъ

протестъ всѣхъ существующихъ претензій на частное владѣніе землей; оно заставляетъ насъ утверждать, что право человѣчества на поверхность земли неотъемлемо, несмотря на всѣ крѣпости, обычаи и законы.

§ 4. Происхожденіе всѣхъ нынѣ существующихъ правъ на землю не только не можетъ быть защищаемо, но невозможно найти ни одного способа, которымъ бы земля могла сдѣлаться частной собственностью. Обыкновенно полагаютъ, что обработка порождаетъ такое законное основаніе. Полагаютъ, что тотъ, кто извлекъ клочокъ земли изъ первобытнаго его дикаго состоянія,—чрезъ это пріобрѣлъ на него право собственности. Если будутъ у него оспаривать эту собственность, то путемъ какого логическаго заключенія можетъ онъ подтвердить свое право?—Послушаемъ, какъ онъ будетъ защищаться.

«Эй вы, сэръ,—кричитъ космополитъ поселенцу дѣвственныхъ лѣсовъ, который куритъ у дверей своего жилища,—на какомъ основаніи вы завладѣли этимъ акромъ земли, который вами былъ расчищенъ; вокругъ вы сдѣлали ограду и построили на немъ избу?»

«На какомъ основаніи? Я здѣсь поселился потому, что не оказалось ни одного человѣка, который бы могъ сдѣлать противъ этого возраженіе, потому что я имѣлъ на это столько же права, сколько и всякій другой человѣкъ. Не говоря уже о томъ, что я вырубилъ здѣсь лѣсъ, вспахалъ и оплодотворилъ землю, я построилъ здѣсь ферму, на которую я имѣю болѣе права, чѣмъ вы или кто-либо другой; и я полагаю ее удержать за собою».

«Прекрасно, вы всѣ такъ говорите. Однако же я не вижу, чѣмъ вы доказали ваше право. Когда вы сюда пришли, вы нашли, что земля производитъ деревья, можетъ быть сахарный кленъ, а можетъ быть она была покрыта луговыми травами или дикой земляникой. Очень хорошо, вмѣсто этого вы заставили ее производить пшеницу, кукурузу и табакъ. Я не могу понять, какимъ образомъ чрезъ уничтоженіе одного рода растеній и черезъ замѣну ихъ другими вы обратили себя въ собственника этой земли на всѣ послѣдующія времена».

«Но вѣдь эти естественныя произведенія, которыя я уничтожилъ, были или вовсе безполезны, или приносили очень

мало пользы; я же заставилъ землю производить растенія, годныя для пищи, растенія, которыя помогаютъ плодить жизнь и счастіе».

«Все-таки вы еще не доказали, что такой процессъ превращаетъ измѣненный вами клочокъ земли въ вашу собственность. Что же вы сдѣлали? Вы заступомъ или плугомъ вскопали землю на нѣсколько дюймовъ глубины, вы разсѣяли на пространствѣ, приготовленномъ такимъ образомъ, нѣсколько сѣмянъ и собрали плоды, которые произведены были почвою съ помощью солнца, дождя и воздуха. Позвольте же васъ теперь спросить: какимъ волшебнымъ путемъ подобныя дѣйствія могли васъ обратить въ исключительнаго собственника этой обширной массы матеріи, для которой поверхность вашего владѣнія служитъ основаніемъ, а центръ земли вершиной? Между тѣмъ все это вы повидимому желаете монополизировать навсегда въ вашемъ владѣніи и во владѣніи вашихъ потомковъ».

«Хорошо, если это принадлежитъ не мнѣ, то кому же это принадлежитъ? Я никого не лишилъ этого владѣнія. Когда я достигъ этихъ мѣстъ, углубляясь въ даль Миссисипи, я не нашелъ здѣсь ничего, кромѣ безмолвнаго лѣса. Если бы кто-нибудь другой поселился здѣсь и расчистилъ бы для себя мѣсто, онъ имѣлъ бы такое же полное право основаться здѣсь, какъ и я имѣю. Я сдѣлалъ только то, что всякій другой могъ сдѣлать, если бы онъ явился сюда прежде меня. На землю эту никто не изъявлялъ своей претензіи, она была общимъ достояніемъ, она настолько же принадлежала одному, насколько и другому—она теперь моя, потому что я былъ первый, который открылъ и улучшилъ ее».

«Вы сказали правду, утверждая, что «земля эта была общимъ достояніемъ, потому что никто не изъявлялъ на нее претензіи». Я считаю своей обязанностью объяснить вамъ, что она принадлежитъ всѣмъ до сихъ поръ; и что то, что вы называете вашими улучшеніями, не можетъ повредить общему праву на нее всѣхъ людей. Вы можете пахать и боронить, сѣять и жать; вы можете вскапывать почву сколько вамъ угодно; но всѣ эти ваши дѣйствія не обратятъ землю въ вашу собственность, потому что она съ самаго начала не была вашею; объяснимъ примѣромъ. Предположите, что въ теченіе вашихъ странствованій вы натолкнулись на пустой

домъ, который привлекъ васъ къ себѣ несмотря на его разрушенное состояніе: предположите, что для того, чтобы сдѣлать изъ него ваше жилище, вы употребили много времени и труда на его исправленіе. Вы его окрасили, обили обоями, выбѣлили и при помощи большихъ издержекъ сдѣлали обитаемымъ. Предположите далѣе, что въ одинъ несчастный день является незнакомецъ, и оказывается, что это наслѣдникъ, къ которому домъ этотъ перешолъ по завѣщанію. Этотъ наслѣдникъ имѣетъ всѣ нужныя доказательства, чтобы убѣдить въ тожественности своей личности. Что же будетъ послѣ этого съ вашими улучшеніями? Дадутъ они вамъ основательное право на домъ? Уничтожатъ они право первоначальнаго обладателя?»

«Нѣтъ».

«Ваша дѣятельность передового поселенца точно такъ же не дастъ вамъ основательнаго права на закрѣпленіе за собою этой земли. Она не уничтожаетъ также претензій того, кому это право принадлежало всегда, т. е. рода человѣческаго. Міръ завѣщанъ Богомъ человѣчеству. Всѣ люди имѣютъ его наслѣдники, а въ томъ числѣ и вы. Если вы основали въ извѣстной части земли ваше мѣстопребываніе, если вы присвоили ее къ себѣ, обработали, украсили ее — улучшили, какъ вы говорите, то изъ этого еще не вытекаетъ для васъ права полнаго ея присвоенія въ частную собственность. Если вы ее присвоили себѣ такимъ образомъ,—вы, по справедливости, можете быть когда-нибудь прогнаны съ нея настоящимъ, законнымъ собственникомъ—обществомъ».

«Очень хорошо. Навѣрное однако же вы не прогоните меня отсюда не вознаградивъ меня за значительное возвышеніе цѣнности, которое мною придано этому пространству. Изъ дикой пустоши я его превратилъ въ плодоносное поле. Вы не оставите меня безъ всякаго обезпеченія, вы не лишите меня плодовъ многолѣтнихъ моихъ усилій для приведенія этой мѣстности въ ея настоящее состояніе».

«Совершенно справедливо. Вы имѣете полное право требовать вознагражденія отъ собственника за всѣ поправки и новыя сооруженія, которыя вы сдѣлали къ домѣ. Точно такъ же и общество не можетъ овладѣть этимъ поземельнымъ участкомъ, не уплативъ вамъ за все, что вы сдѣлали для него. Излишекъ цѣнности, приданный ему вашимъ трудомъ, по

справедливости принадлежитъ вамъ. Хотя вы и безъ дозволенія занялись улучшеніемъ того, что принадлежитъ обществу, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что общество надлежащимъ образомъ удовлетворитъ вашему требованію. Но соглашаться съ этимъ вовсе не значитъ признавать ваше право на самую землю. Можетъ быть справедливо, что вы имѣете право на вознагражденіе за улучшеніе, сдѣланное вашими руками на этомъ клочкѣ земли, и въ то же самое время можетъ быть не менѣе справедливо, что никакая крѣпость, никакая формальность, никакое дѣйствіе и никакая церемонія не могутъ обратить этотъ клочокъ въ вашу частную собственность».

§ 5. На первый взглядъ можетъ показаться возможнымъ обратить землю въ частную собственность отдѣльныхъ лицъ посредствомъ извѣстнаго рода справедливаго ея распредѣленія. «Какъ,—могутъ спросить насъ,—неужели люди не могутъ согласиться между собою относительно справедливаго раздѣла? Если они всѣ сонаслѣдники, то отчего же наслѣдственная земля не можетъ быть справедливо раздѣлена и отчего же послѣ этого каждый не можетъ быть полнымъ господиномъ своей доли?»

На этотъ вопросъ можно прежде всего отвѣтить, что такое раздѣленіе воспрещаетъ себя путемъ невозможности опредѣлить для каждаго цѣнность его доли участія въ поземельномъ владѣніи. Если обратить вниманіе на различіе въ производительности земли, на различныя степени ея доступности для человѣка, на различныя преимущества климата, близости къ центрамъ цивилизаціи и тому подобныя обстоятельства, то окажется, что распредѣленіе земли изъ области простого размежеванія перейдетъ прямо въ область невозможнаго.

Оставляя это въ сторонѣ, перейдемъ къ изслѣдованію, кто долженъ принадлежать къ имѣющимъ право на участокъ. Будутъ ли такими счастливыми избранниками одни взрослые мужчины, тѣ, которые до наступленія извѣстнаго дня достигли двадцати одного года? Если такъ, то что же дѣлать съ тѣми, которые достигнутъ этого возраста на слѣдующій день? Или слѣдуетъ дать долю каждому мужчинѣ, каждой женщинѣ и каждому ребенку? Если такъ, то что же будетъ съ тѣми, которые родятся въ томъ же году? Какова будетъ судьба тѣхъ, у которыхъ отцы продадутъ свою землю и

растратятъ полученное? Эти бездольные составятъ классъ, котораго судьба была уже описана; они на землѣ не найдутъ угла, гдѣ бы они имѣли право успокоить свои кости; они будутъ жить только съ дозволенія своихъ ближнихъ; они на дѣлѣ будутъ рабами. Существованіе подобнаго класса людей вполнѣ несогласно съ закономъ равной свободы.

Мы до тѣхъ поръ должны будемъ признавать, что раздѣленіе земли не дозволительно, пока мы не найдемъ дѣйствительнаго авторитета, который бы уполномочилъ насъ сдѣлать такое распредѣленіе; пока нельзя будетъ доказать, что Богъ далъ одному поколѣнію привилегію одного рода, а слѣдующему поколѣнію права другого рода; пока мы не подтвердимъ убѣдительными доводами, что люди, рожденные послѣ извѣстнаго дня, осуждены на рабство.

§ 6. Вѣроятно найдутся люди, которымъ будетъ казаться, что затрудненія, неизбѣжно связанныя съ личнымъ землевладѣніемъ, происходятъ отъ ученія, которое можетъ быть примѣняемо только въ извѣстныхъ раціональныхъ предѣлахъ и которое вмѣсто этого развито до самыхъ послѣднихъ крайностей. У нѣкоторыхъ людей это любимый пріемъ для сужденія. Есть люди, которые ненавидятъ все, что называется строгимъ выводомъ, и къ нимъ-то принадлежатъ только-что упомянутые субъекты. По мнѣнію этихъ людей, истина никогда не находится въ которой-либо изъ крайностей, а всегда на полдорогѣ между крайностями. Они постоянно пытаются согласить между собою да и нѣтъ. Если, но, исключая,— вотъ самыя утѣшительныя для нихъ слова. Они питаютъ такую великую вѣру въ благоразумную середину, что имъ трудно повѣрить ученію, которое изображаетъ какое-либо начало во всю его естественную величину. Если бы вамъ пришлось узнавать отъ нихъ: какъ вертится земля вокругъ своей оси, отъ востока къ западу или отъ запада къ востоку, вамъ бы всего скорѣе можно было ожидать отвѣта: «немного въ обѣ стороны» или «она не двигается вполнѣ ни въ ту, ни въ другую сторону». Сомнительно, чтобы они согласились съ аксіомой, что цѣлое болѣе своей части, не сдѣлавъ какого-либо исключенія. У нихъ страсть къ компромиссамъ. Чтобы угодить ихъ вкусу, истина всегда должна быть приправлена небольшимъ количествомъ лжи. Для нихъ недоступно пониманіе чистаго, опредѣленнаго, полнаго и не-

ограниченнаго закона. При обсужденіяхъ предметовъ, подобныхъ настоящему, они постоянно просятъ объ ограниченіяхъ, имъ постоянно хочется обрѣзать, измѣнить, смягчить и они вѣчно протестуютъ противъ ученій, доведенныхъ до ихъ крайнихъ выводовъ.

Не слѣдуетъ забывать, что нравственныя истины такъ же точны и такъ же безусловны, какъ и истины естественныхъ наукъ, и что въ настоящемъ случаѣ, по отношенію къ землевладѣнію, рѣшеніе нравственности должно быть опредѣленно—либо да, либо нѣтъ. Одно изъ двухъ: или люди имѣютъ право обращать землю въ частную собственность, или нѣтъ. Середина немыслима. Мы должны избрать одно изъ двухъ положеній. Тутъ невозможно полумнѣніе. По природѣ вещей нужно идти либо однимъ, либо другимъ путемъ.

Если люди не имѣютъ такого права, то мы разомъ освобождаемся отъ всего, что относится къ этому праву. Если они имѣютъ такое право, то право это безусловно, священно, ни подъ какимъ предлогомъ не должно быть нарушаемо. Если они имѣютъ такое право, то Лидсъ вполнѣ правъ, не допуская путешественниковъ до Бенмакдю; герцогъ Атольскій, огородившій Гленъ-тильтъ такъ же правъ: герцогъ Беклей поступилъ справедливо, отказавъ въ мѣстѣ свободной церкви; герцогъ Сотерландъ справедливо изгналъ горцевъ, чтобы очистить мѣсто для парка. Если люди имѣютъ такое право, то единственный владѣлецъ какой-нибудь земли въ родѣ Жерсея или Гернсея можетъ предъявлять жителямъ такія требованія, какія ему придутъ въ голову—онъ можетъ объявить имъ, что они не должны жить на его землѣ, если они не будутъ исповѣдывать извѣстную вѣру, если они не будутъ говорить извѣстнымъ языкомъ, если они не будутъ носить извѣстнаго рода платье и если они не будутъ сообразоваться со всѣми другими условіями, которыя ему вздумается предписать. Если они имѣютъ такое право, то ученіе крайнихъ тори должно быть признано истиннымъ,—землевладѣльцы должны быть одни законными правителями страны—народъ можетъ жить въ ней только съ дозволенія землевладѣльцевъ и, слѣдовательно, долженъ подчиняться ихъ управленію; онъ долженъ уважать всякія учрежденія, которыя вздумается землевладѣльцамъ ввести. При такомъ положеніи нѣтъ возможности избавиться отъ этихъ заключеній.

Они—неизбѣжное послѣдствіе ученія, что земля можетъ сдѣлаться частной собственностью. Они могутъ быть отвергаемы только тогда, когда и самое ученіе будетъ отвергнуто.

§ 7. Наконецъ, никто не вѣритъ искренно въ право поземельной собственности. Намъ говорятъ о поземельной собственности, принадлежащей королю, т. е. государству; о собственности, предназначенной для общественной пользы; и мы не слышимъ, чтобы ее признавали неотчуждаемымъ владѣніемъ ея номинальныхъ владѣльцевъ. Мы постоянно отвергаемъ право поземельной собственности чрезъ посредство нашего законодательства. Когда нужно устроить каналъ, желѣзную дорогу, шоссе, мы не затрудняемся отобрать столько земли, сколько для нихъ нужно, вознаграждая собственниковъ за находящійся въ ней капиталъ, Мы не дожидаемся ихъ согласія. Парламентскій актъ замѣняетъ въ этомъ случаѣ крѣпость, онъ угощаетъ собственниковъ предписаніемъ удалиться, не обращая вниманія на то, желаютъ они этого или нѣтъ. Такой образъ дѣйствій или справедливъ или несправедливъ. Одно изъ двухъ—или общество должно имѣть полную свободу отбирать столько земной поверхности, сколько ему вздумается, или крѣпостныя права поземельныхъ собственниковъ должны быть разсматриваемы какъ права безусловныя, и всѣ общественныя работы должны быть оставлены до тѣхъ поръ, пока лордамъ и сквайрамъ не вздумается разстаться съ необходимыми для этого частями ихъ земель. Если мы рѣшимъ, что право частной собственности должно уступать передъ общественными требованіями, то слѣдовательно мы признаемъ, что право народа на землю есть верховное право, что право частнаго владѣнія существуетъ исключительно на основаніи общаго на то согласія, — что оно прекратится тотчасъ, какъ скоро это общее дозволеніе будетъ взято назадъ,—или, лучше сказать, это вовсе не право.

§ 8. «Но куда же приведетъ это ученіе,—что люди имѣютъ одинаковое право на пользованіе землею? Должны мы возвратиться къ временамъ неогороженныхъ пустошей и питаться кореньями, ягодами и дичью? Или мы должны быть предоставлены въ распоряженіе гг. Фурье, Овена, Луи-Блана и комп.?»

Нисколько. Такое ученіе согласно съ высшей ступенью цивилизаціи. Оно можетъ быть приведено въ исполненіе и

не приведетъ къ общему имуществу; оно не должно привести къ существенному перевороту въ существующихъ отношеніяхъ. Перемѣна, которая имъ требуется — это только перемѣна собственниковъ. Отдѣльная собственность сольется въ товарищескую собственность всего общества. Вмѣсто того, чтобы быть во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, страна будетъ во владѣніи великой корпораціи—общества. Вмѣсто того, чтобы получать свою землю отъ отдѣльнаго собственника, фермеръ будетъ получать ее отъ націи. Вмѣсто того, чтобы платить свою ренту агенту сэра Джона или его сіятельства, онъ будетъ платить ее агенту или представителю общества. Управляющіе будутъ служить обществу вмѣсто того, чтобы служить частнымъ лицамъ, и аренда будетъ составлять единственный способъ владѣнія землею.

Порядокъ, организованный такимъ образомъ, будетъ въ полной гармоніи съ нравственнымъ закономъ. При немъ всѣ люди будутъ въ равной степени землевладѣльцами; всѣ люди будутъ имѣть одинаковую свободу взять на себя аренду. *А, Б, В,* и т. д. могутъ конкурировать при отдачѣ въ аренду свободной фермы, и одинъ изъ нихъ можетъ взять эту ферму, ни въ какомъ отношеніи не нарушая началъ чистой этики. Всѣ будутъ имѣть одинаковую свободу при предложеніи ренты, всѣ будутъ одинаково вольны отказаться отъ дальнѣйшаго торга. Когда ферма останется за *А, Б,* или *В,* тогда всѣ сдѣлали то, что они хотѣли. Одинъ добровольно согласился платить своимъ ближнимъ опредѣленную цѣну, за пользованіе извѣстнымъ клочкомъ земли, другіе добровольно отказались платить эту цѣну. Понятно, что при такой системѣ земля можетъ быть огорожена, занята и обработана при полномъ подчиненіи закону равной свободы.

§ 9. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что когда все человѣчество будетъ возвращать себѣ свои права на земли, то при этомъ должны возникнуть большія затрудненія. Вопросъ о вознагражденіи существующихъ собственниковъ— вопросъ сложный; можетъ быть даже, что вопросъ этотъ невозможно разрѣшить строго справедливымъ способомъ. Если бы мы имѣли дѣло съ тѣми лицами, которыя первоначально расхитили у рода человѣческаго его наслѣдство, мы бы съ ними легко могли расправиться. Но къ несчастію значительная часть нашихъ современныхъ поземельныхъ собствен-

никовъ—это люди, которые заплатили за свою землю цѣнностями, пріобрѣтенными честнымъ путемъ; они заплатили въ томъ убѣжденіи, что они употребляютъ свою экономію законнымъ образомъ; они заплатили или непосредственно или лично, или чрезъ своихъ предковъ. Вѣрно оцѣнить и удовлетворить требованіямъ каждаго въ этомъ случаѣ—это одна изъ самыхъ запутанныхъ задачъ, которыя придется разрѣшить обществу. Не дѣло отвлеченной нравственности обращать вниманіе на эту запутанность отношеній и на способы, которыми можно отъ нея избавиться. Люди, которые поставили себя въ такое затрудненіе чрезъ непослушаніе закону, должны выходить изъ него какъ они умѣютъ и съ возможно меньшею несправедливостью по отношенію къ землевладѣльческому сословію.

Пока мы хорошо сдѣлаемъ, если припомнимъ, что есть и другіе люди, кромѣ землевладѣльцевъ, интересы которыхъ слѣдуетъ принять въ соображеніе. Среди нашей нѣжной заботливости объ установившихся интересахъ немногихъ не забудемъ, что права большинства ждутъ также для себя удовлетворенія, что большинство это останется обиженнымъ, до тѣхъ поръ, пока земля будетъ монополизирована отдѣльными личностями. Намъ слѣдуетъ также помнить, что несправедливость, которая чрезъ это причиняется массѣ человѣчества, составляетъ одну изъ самыхъ тяжкихъ несправедливостей. Фактъ, что на нее не смотрятъ такимъ образомъ, ничего не доказываетъ. Въ предшествующія фазы цивилизаціи смотрѣли легко даже на убійство. Это доказывается сожженіемъ женщинъ въ Индіи, это доказывается въ другихъ странахъ человѣческими жертвами при погребеніи начальниковъ. Людоѣды вѣроятно находятъ совершенно справедливымъ умерщвленіе тѣхъ, которыхъ военное счастіе сдѣлало ихъ плѣнниками. Когда-то всѣ были убѣждены, что рабство—естественное и совершенно законное учрежденіе; тѣ, которые рождались въ этихъ условіяхъ, должны были подчиняться имъ, какъ волѣ Божіей. Даже до настоящаго времени значительная часть рода человѣческаго придерживается такихъ убѣжденій. Между тѣмъ, болѣе значительное соціальное развитіе породило въ насъ лучшую вѣру. Мы признаемъ теперь права человѣчности въ бо́льшихъ размѣрахъ. Мы все-таки цивилизованы только еще отчасти; скоро мы узнаемъ,

что естественная справедливость предъявляетъ требованія, о которыхъ мы и не слыхивали; люди поймутъ тогда, что лишать другихъ ихъ права пользоваться землею—это значитъ совершать такое преступленіе, которое по степени своей зловредности уступаетъ только преступленіямъ убійства и лишенія свободы.

§ 10. Однимъ словомъ, пересматривая все вышеизложенное, мы видимъ, что право каждаго человѣка пользоваться землею, ограниченное только равными правами его ближнихъ, непосредственно вытекаетъ изъ закона о равной свободѣ. Мы видимъ, что для поддержанія этого права неизбѣжно воспретить всякую поземельную собственность. Разсматривая всѣ существующія основанія, на которыхъ укрѣпляется эта собственность, мы находимъ, что они недѣйствительны, не исключая требованій, основанныхъ на улучшеніи поземельнаго участка. Оказывается, что даже равное распредѣленіе земли между ея обитателями не можетъ породить законнаго права на такую собственность. Мы убѣждаемся, что если право исключительнаго владѣнія землею разъяснить со всѣми крайними изъ него выводами, то обнаружится, что оно приводитъ къ деспотической власти землевладѣльцевъ. Далѣе мы находимъ, что право это постоянно отвергается дѣятельностью нашего законодательства. Наконецъ мы видимъ, что ученіе, которое признаетъ землю общимъ наслѣдіемъ всѣхъ людей, согласно съ самой высокой ступенью цивилизаціи, и что естественная справедливость неуклонно требуетъ примѣненія этого начала къ дѣлу, несмотря на всѣ трудности, которыя тутъ могутъ встрѣтиться.

ГЛАВА X.

Право собственности.

§ 1. Нравственный законъ, это законъ для человѣка въ его соціальномъ состояніи, поэтому онъ долженъ вовсе игнорировать первобытное не общественное состояніе. Начала чистой нравственности составляютъ руководящій сводъ предписаній для поведенія совершеннаго человѣка,—они не могутъ приспособляться къ дѣйствіямъ людей нецивилизованныхъ даже при самыхъ остроумныхъ, гипотетическихъ условіяхъ; они даже не могутъ признавать эти дѣйствія настолько, чтобы произнести надъ ними окончательный приговоръ. Мыслители, не замѣчая этого факта, обыкновенно обращались къ воображаемому дикому состоянію, когда они пытались доказать какое-либо изъ основныхъ положеній этики; они не видѣли, что это путь совершенно ложный, что имъ слѣдовало, напротивъ, обратиться впередъ и поставить себя въ среду идеальной цивилизаціи. Они черезъ это запутались въ затрудненіяхъ, происходившихъ отъ разногласія между нравственными началами и условіями предположеннаго ими состоянія. Этому обстоятельству нужно приписать неопредѣленность, которою отличаются основанія, приводимыя для объясненія логическимъ путемъ учрежденій права собственности. Они имѣютъ только извѣстную степень вѣроятности, а потому не могутъ быть признаны удовлетворительными; ими возбуждаются вопросы и возраженія, которые не допускаютъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Возьмемъ образецъ подобныхъ доводовъ и разсмотримъ ихъ недостатки.

«Хотя земля и всѣ существа низшей породы составляютъ общее достояніе всѣхъ людей, говоритъ Локкъ, но личность

каждаго человѣка принадлежитъ въ собственность ему одному; никто не имѣетъ на нее правъ, кромѣ него самого. Работа его тѣла и дѣло его рукъ, можно сказать, естественнымъ образомъ принадлежатъ ему. Если онъ какую-либо вещь извлекаетъ изъ того состоянія, въ которое она приведена была природою, то онъ прилагаетъ къ ней свой трудъ и присовокупляетъ кое-что ему принадлежащее; такимъ образомъ онъ обращаетъ ее этимъ въ свою собственность. Общее право людей на эту вещь прекращается, когда она выведена изъ того положенія, въ которое ее поставила природа, и когда къ ней прибавлено что-нибудь его трудомъ. Такъ какъ трудъ составляетъ безспорную собственность работника, то никто, кромѣ него, не можетъ имѣть права на то, къ чему трудъ этотъ былъ приложенъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда въ общемъ владѣніи достаточно осталось столь же голодныхъ произведеній природы».

Придирчивый человѣкъ на это могъ бы замѣтить, что если принять за основаніе положеніе, что «земля и всѣ существа низшей породы» или, проще сказать, все, что земля производитъ, принадлежитъ «всѣмъ людямъ вообще,—въ такомъ случаѣ нужно получить согласіе всѣхъ людей прежде, чѣмъ какая-либо вещь можетъ быть по справедливости «выведена изъ общаго положенія, въ которое всѣ вещи поставлены природой». Можно утверждать, что при этомъ разсужденіи существенный вопросъ остался незамѣченнымъ. Было сказано, что, человѣкъ, «извлекая какую-либо вещь изъ ея естественнаго состоянія, приложилъ къ ней свой трудъ, присовокупилъ кое-что ему принадлежащее и такимъ образомъ обратилъ ее въ свою собственность»; но вѣдь спорный-то вопросъ заключается въ томъ, имѣлъ онъ право извлекать вещь и присовокуплять къ ней свой трудъ, такъ какъ на основаніи постановленной гипотезы вещь эта первоначально принадлежала всему человѣчеству. Въ предыдущей главѣ мы пришли къ заключенію, что никакой трудъ, приложенный человѣкомъ къ части земной поверхности, не можетъ уничтожить права общества на эту часть; тѣмъ же самымъ путемъ можно доказать, что одно присвоеніе себѣ дикаго животнаго или растенія не перевѣшиваетъ совокупныхъ правъ всѣхъ другихъ людей, даже и въ томъ случаѣ, когда на это животное или растеніе никто еще не изъявлялъ претен-

зіи. Совершенно справедливо, что трудъ, употребленный человѣкомъ для того, чтобы поймать или извлечь, даетъ ему болѣе права на пойманную или извлеченную вещь, чѣмъ имѣетъ всякій другой отдѣльный человѣкъ; но вѣдь основной вопросъ заключается въ томъ, будетъ ли имъ чрезъ трудъ, употребленный такимъ образомъ, пріобрѣтено большее право на эту вещь, чѣмъ имѣютъ всѣ люди вмѣстѣ, на основаніи ихъ начальныхъ правъ. Если человѣкъ не можетъ доказать, что его права разрослись до уничтоженія правъ всего человѣчества, то невозможно почитать право основаніемъ для его владѣнія, и владѣніе это будетъ уступлено ему только ради удобства..

По мнѣнію Локка, право на предметъ собственности, полученное такимъ образомъ, можетъ быть дѣйствительно только въ томъ случаѣ, «когда въ общемъ владѣніи достаточно осталось столь же годныхъ произведеній природы». Это ограниченіе приводитъ къ дальнѣйшимъ затрудненіямъ. Подобное условіе порождаетъ такое множество вопросовъ, сомнѣній и ограниченій, что оно на дѣлѣ вполнѣ уничтожаетъ общее положеніе. Можно спросить напримѣръ, какимъ образомъ можно узнать, что въ общемъ владѣніи осталось достаточно для другихъ?—Кто можетъ опредѣлить, дѣйствительно ли то, что осталось, такъ же хорошо, какъ то, что было взято?—Какъ поступить, если оставшееся менѣе доступно?—Какъ должно дѣйствовать право на присвоеніе, если недостаточно осталось въ общемъ владѣніи другихъ?—Когда, въ подобномъ случаѣ, обработка пріобрѣтеннаго предмета перестанетъ «исключать общее право другихъ людей»?—Предположимъ, что достаточно удободосягаемыхъ предметовъ, но они не всѣ одинаковаго достоинства,—какими правилами долженъ руководствоваться человѣкъ при выборѣ?—Изъ такого разбора предположенное право, кажется, выйдетъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что оно, съ точки зрѣнія этики, будетъ уже вовсе никуда негодно.

Такимъ образомъ, какъ уже было указано выше, въ обстановкѣ дикой жизни начала отвлеченной нравственности непримѣнимы, потому что въ условіяхъ до-общественнаго существованія нѣтъ возможности точно измѣрять правильность или неправильность извѣстныхъ дѣйствій размѣромъ свободы, требуемой каждою изъ заинтересованныхъ сторонъ.

Мы, слѣдовательно, не должны ожидать, что возможно найти достаточное основаніе для права собственности въ условіяхъ, представляющихся при такомъ состояніи.

§ 2. При системѣ поземельныхъ отношеній, которая разъяснена была въ предыдущей главѣ и относительно которой было доказано, что она одна согласна съ равными правами всѣхъ людей на пользованіе землею, всѣ эти затрудненія исчезаютъ. Право собственности, въ этихъ условіяхъ, пріобрѣтаетъ для себя законное основаніе. Мы видѣли, что отдѣльное лицо можетъ взять у общества для пользованія извѣстный клочокъ земли, не нарушая этимъ права равной свободы, если оно согласится платить обществу за это опредѣленную долю добытыхъ произведеній. Мы нашли, что человѣкъ, поступая такимъ образомъ, дѣлаетъ то, на что всякій другой имѣетъ равную съ нимъ свободу; что всякій имѣетъ такую же возможность, какъ и онъ, сдѣлаться арендаторомъ, и что рента, которую онъ платитъ, достается одинаково всѣмъ. Получивъ такимъ образомъ отъ своихъ ближнихъ извѣстное пространство земли на опредѣленное время, для извѣстныхъ цѣлей и на точно обозначенныхъ условіяхъ, человѣкъ получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на время исключительное пользованіе этою землею на основаніи опредѣленно выраженнаго согласія со стороны собственниковъ. Понятно, что онъ послѣ этого можетъ, не нарушая правъ другихъ людей, присвоить себѣ такую часть произведеній арендованнаго участка, которая останется за уплатою ренты въ пользу человѣчества. Теперь онъ, говоря словами Локка, присоединилъ свой трудъ къ извѣстнымъ произведеніямъ земли; его право на нихъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно, потому что онъ получилъ согласіе общества прежде, чѣмъ онъ началъ прилагать свой трудъ. Онъ исполнилъ условіе, которое ему постановило общество, давая свое согласіе,—онъ заплатилъ ренту; общество должно исполнить свою часть обязательства, должно признать его право на то, что осталось за уплатою ренты. «Такъ какъ вы платите намъ опредѣленную часть произведеній, какія можно получить съ этого участка земли чрезъ обработку, то мы предоставляемъ вамъ исключительное пользованіе остальными произведеніями». Вотъ слова контракта, и въ силу этого контракта арендаторъ можетъ по справедливости обратить въ свою собственность оставшуюся часть;

онъ можетъ требовать этого нисколько не нарушая права равной свободы; слѣдовательно, онъ имѣетъ право на такое требованіе.

Можно усомниться въ томъ, что таковъ именно логическій выводъ изъ нашего основного начала, изъ начала, въ силу котораго каждый можетъ дѣлать все, что онъ хочетъ, лишь бы онъ не нарушалъ равной свободы другого человѣка. Такое сомнѣніе однако же возможно устранить, сравнивъ относительныя степени свободы, которыми въ этомъ случаѣ пользуются фермеръ и члены общества, заключающіе съ нимъ договоръ. Въ предыдущей главѣ было объяснено, что если общество вполнѣ лишаетъ кого-либо изъ своихъ членовъ права на пользованіе землею, то оно предоставляетъ ему менѣе свободы, чѣмъ оно имѣетъ само; оно нарушаетъ законъ равной свободы и совершаетъ несправедливость. Если наоборотъ отдѣльное лицо присваиваетъ себѣ извѣстную часть земли, на которую, какъ объяснено было выше, всѣ другіе люди имѣютъ столько же права, сколько и оно, то оно въ этомъ случаѣ нарушаетъ законъ, завладѣвая большею свободою, чѣмъ имѣютъ остальные. Если же лицо владѣетъ землею въ качествѣ арендатора отъ общества, то удерживается равновѣсіе между двумя крайностями и требованія обѣихъ сторонъ уважены. Одинъ предоставляетъ преимущество, а другой платитъ за это преимущество. Фактъ взаимнаго согласія доказываетъ, что между преимуществомъ и платой есть равенство. И давшій и взявшій сдѣлали въ дозволенныхъ предѣлахъ то, что они хотѣли; одинъ исполнилъ свое желаніе, предоставляя извѣстную часть земли за опредѣленную сумму, другой добровольно согласился на эту плату. До тѣхъ поръ, пока этотъ контрактъ исполняется въ точности, законъ равной свободы будетъ соблюденъ надлежащимъ образомъ. Если же одно изъ предписанныхъ условій не исполнено, законъ будетъ неизбѣжно нарушенъ; договаривающіяся стороны будутъ поставлены въ одно изъ вышеобъясненныхъ положеній. Если арендаторъ откажется платить ренту, то онъ черезъ это самое покушается на исключительное пользованіе доходомъ отъ занятой имъ земли—онъ фактически обращаетъ себя въ единственнаго собственника ея произведеній: онъ нарушаетъ законъ и присваиваетъ себѣ большую долю свободы, чѣмъ та, которою пользуется остальное человѣчество.

Если, съ другой стороны, общество возьметъ у арендатора ту часть произведеній, полученныхъ при обработкѣ фермы, которая останется у него за уплатою ренты, то оно на дѣлѣ вполнѣ отказываетъ ему въ правѣ пользоваться землею, ибо пользованіе землею состоитъ въ пользованіи ея произведеніями. Поступая такимъ образомъ, общество беретъ себѣ большую долю свободы, чѣмъ оно даетъ арендатору. Понятно, что излишекъ произведеній по справедливости долженъ остаться за арендаторомъ; общество не можетъ захватить ихъ, не врываясь въ предѣлы его свободы; онъ же можетъ овладѣть ими не касаясь свободы общества. Согласно закону, онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, не нарушая равной свободы другого,—итакъ онъ можетъ овладѣть этимъ излишкомъ произведеній и обратить его въ свою собственность.

§ 3. Ученіе, что всѣ люди имѣютъ одинаковое право на пользованіе землею, кромѣ той соціальной организаціи, которая, на основаніи вышеизложеннаго, послужила источникомъ для права собственности, допускаетъ повидимому еще одинъ родъ общественнаго устройства. При этомъ устройствѣ общество удерживаетъ землю въ своихъ рукахъ, вмѣсто того, чтобы предоставлять ее отдѣльнымъ своимъ членамъ; оно обрабатываетъ ее сообща и раздѣляетъ собранныя произведенія. Это то, что обыкновенно называютъ соціализмомъ или коммунизмомъ.

Какъ ни благовидно такое устройство, но оно неспособно къ осуществленію вполнѣ сообразному съ нравственнымъ закономъ. Можно представить себѣ двѣ формы подобнаго устройства; изъ нихъ одна неудовлетворительна съ нравственной точки зрѣнія, а другая неисполнима, хотя вполнѣ правильна въ теоріи.

Если каждому человѣку будетъ предоставлена равная доля изъ произведеній земли, не обращая вниманія на количество и качество труда, посредствомъ котораго онъ способствовалъ ихъ пріобрѣтенію, то этимъ самымъ будетъ нарушена справедливость. Нашъ основной принципъ не требуетъ, чтобы всѣ имѣли равную долю въ предметахъ, которые служатъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, онъ требуетъ только, чтобы всѣ имѣли равную свободу при добываніи этихъ предметовъ, чтобы каждый имѣлъ передъ собою равные шансы для своей дѣятельности. Дать каждому человѣку

случай пріобрѣсти предметы своихъ желаній или дать ему эти предметы, не обращая вниманія на сдѣланныя имъ при ихъ пріобрѣтеніи усилія,—это большая разница. Мы видѣли, что первое—это основной законъ божескаго провидѣнія; второе мѣшаетъ правильной связи между желаніемъ и его удовлетвореніемъ и показываетъ этимъ, что оно не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ Творца. Кромѣ того, оно неизбѣжно нарушаетъ начало равной свободы. Если мы утверждаемъ, что каждый долженъ имѣть полную свободу, ограниченную только равною свободою всѣхъ, то мы утверждаемъ, что въ этихъ предѣлахъ каждый имѣетъ право дѣлать все, что ему предписываютъ его желанія. Слѣдовательно, всякій имѣетъ право на все то удовлетвореніе и на всѣ тѣ источники удовлетворенія, до которыхъ онъ можетъ достигнуть въ этихъ предѣлахъ,—онъ можетъ удовлетворить себя и присвоить себѣ источники удовлетворенія, какіе онъ можетъ добыть, не врываясь въ сферу дѣятельности своихъ сосѣдей. Итакъ, если въ числѣ нѣсколькихъ усилій, имѣвшихъ равное поле дѣятельности, одно пріобрѣтаетъ болѣе удовлетворенія и источниковъ для удовлетворенія, чѣмъ другія, потому что оно обнаружило болѣе силы, ловкости или прилежанія, то, на основаніи нравственнаго закона, оно пріобрѣтаетъ исключительное право на весь созданный имъ излишекъ удовлетворенія и источниковъ удовлетворенія. Если при созиданіи этого излишка человѣкомъ не было ни въ какомъ отношеніи нарушено право другихъ людей на равную свободу, то никто не можетъ отнять этого излишка не обнаруживая притомъ претензіи на большую свободу дѣйствій, чѣмъ та, которая предоставлена его производителю, и не нарушая этимъ нравственнаго закона. Изъ этого слѣдуетъ, что равное распредѣленіе между всѣми произведеній земли несогласно съ чистой справедливостью.

Если затѣмъ надѣлять каждаго произведеніями въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онъ способствовалъ ихъ созиданію, то это будетъ согласно съ законами справедливости, но зато вовсе неисполнимо. Если бы всѣ люди обрабатывали землю, то, можетъ быть, нашлись бы способы для приблизительнаго опредѣленія ихъ правъ; но совершенно невозможно опредѣлить, какъ великъ относительный размѣръ участія различныхъ родовъ работниковъ, занятыхъ интеллектуальнымъ

и матеріальнымъ трудомъ, при созиданіи всей массы предметовъ, необходимыхъ для жизни. Для подобнаго распредѣленія мы не имѣемъ никакого другого закона, кромѣ закона спроса и предложенія, а этотъ-то законъ именно и отвергается такимъ устройствомъ *).

§ 4. Гибельный для коммунистической теоріи аргументъ заключается въ томъ явленіи, что потребность собственности составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ нашей природы. Мы уже нѣсколько разъ упоминали о признанной истинѣ, что страсть къ пріобрѣтенію—это инстинктивное стремленіе, совершенно отличное отъ желаній, которыхъ удовлетвореніе обезпечивается собственностью; такому стремленію человѣкъ часто слѣдуетъ въ ущербъ упомянутымъ желаніямъ. Если наклонность къ личному пріобрѣтенію составляетъ дѣйствительно одно изъ условій человѣческаго устройства, то общество, которое установлено на такихъ началахъ, что не дастъ этой наклонности удовлетворенія, не можетъ быть признано правильной общественной формой. Соціалисты утверждаютъ, что частное присвоеніе имущества заключаетъ въ себѣ злоупотребленіе этой наклонности; по ихъ мнѣнію, правильное ея отправленіе побуждаетъ насъ экономизировать для пользы всего общества. Пытаясь такимъ образомъ выйти изъ одного затрудненія, они запутываются въ другомъ. Они упускаютъ изъ виду, что каково бы ни было этимологическое значеніе словъ «употребленіе и злоупотребленіе» способностью, во всякомъ случаѣ разница между тѣмъ и другимъ можетъ заключаться только «въ степени»; у нихъ же разница выходитъ «въ родѣ». Жадность есть злоупотребленіе стремленія къ нищѣ; робость—это злоупотребленіе чувства умѣренности, порождающагося благоразуміе раболѣпіе—это злоупотребленіе чувства, порождающаго уваженіе; упрямство—злоупотребленіе твердости воли. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, что злоупотребленіе отличается отъ правильнаго проявленія только количествомъ, а не качествомъ. То же можно сказать и объ инстинктѣ накопленія. Можетъ быть совер-

*) Эти заключенія вовсе не направлены противъ системы товарищества для производства и жизни,—ихъ-то повсемѣстное распространеніе по всей вѣроятности и предвѣщается появленіемъ соціализма.

ценно справедливо, что стремленіямъ этого инстинкта слѣдовали и слѣдуютъ до сихъ поръ по предѣловъ крайней нелѣпости: но справедливо также, что измѣненіе въ общественныхъ отношеніяхъ не измѣнитъ ни его природы, ни его назначенія. Насколько бы ни были уменьшаемы его размѣры, онъ все-таки останется инстинктомъ личнаго пріобрѣтенія. Отсюда слѣдуетъ, что всегда должно существовать такое учрежденіе, которое давало бы ему возможность проявляться, а слѣдовательно и частная собственность должна быть сохранена. Должно существовать право частной собственности, ибо подъ именемъ права мы разумѣемъ отношеніе, указанное божескимъ повелѣніемъ и гармонирующее съ человѣческимъ устройствомъ.

§ 5. Прудонъ и его партія ставятъ себя въ положеніе еще болѣе неловкое. Они утверждаютъ, что «всякая собственность есть кража». Если это такъ, если никто не можетъ по справедливости быть исключительнымъ владѣльцемъ какой-либо вещи и, какъ мы выражаемся, пріобрѣсти на нее право, то между прочими послѣдствіями изъ такого положенія будетъ и то, что онъ не имѣетъ права на вещи, которыя имъ потребляются въ пищу. Если пища не принадлежитъ человѣку прежде, чѣмъ онъ станетъ ее ѣсть, то какимъ же образомъ она вообще можетъ сдѣлаться его принадлежностью?—Повторяемъ вопросы Локка. «Когда начнетъ она превращаться въ его собственность: когда онъ ее переваритъ? Или когда онъ ее ѣстъ? Или когда онъ ее варитъ? Или когда онъ приноситъ ее къ себѣ домой?» Если ни одно предварительное дѣйствіе не можетъ обратить ее въ его собственность, то это не можетъ быть сдѣлано и превращеніемъ,—она не будетъ его собственностью и тогда, когда она будетъ обращена въ его ткани. Проводя эту идею послѣдовательно далѣе, мы приходимъ къ любопытному заключенію. Кожа, кости, мускулы и т. д., все, изъ чего состоитъ человѣкъ, создано изъ питательныхъ веществъ, не принадлежащихъ ему; поэтому человѣкъ не имѣетъ права собственности на свое тѣло и на свою кровь—не имѣетъ никакого основательнаго права на самого себя, онъ столь же мало имѣетъ справедливыхъ притязаній на свои члены, какъ и на члены другого человѣка,—онъ имѣетъ столько же права на тѣло своего сосѣда, сколько и на свое собственное! Если бы мы были устро-

ены такъ же, какъ сложные полипы, гдѣ нѣсколько индивидуумовъ прирастаютъ къ одному общему для нихъ живому туловищу, то подобная теорія была бы основательна. Но такъ какъ примѣненіе коммунизма нельзя довести до этихъ размѣровъ, то лучше оставаться при старомъ ученіи.

§ 6. Дальнѣйшія доказательства будутъ кажется излишними. Мы видѣли, что право собственности можно вывести изъ закона равной свободы, — что оно имѣетъ основаніе къ устройствѣ человѣка, и что его отрицаніе приводитъ къ абсурду. Едва ли была бы надобность доказывать, что отнятіе чужой собственности есть нарушеніе закона равной свободы и поэтому заключаетъ въ себѣ несправедливость, если бы намъ не пришлось впослѣдствіи часто ссылаться на этотъ предметъ. Если *А* присвоиваетъ себѣ что-нибудь принадлежащее *Б*, то одно изъ двухъ должно случиться: или *Б* дѣлаетъ то же самое съ *А*, или онъ не дѣлаетъ этого. Если у *А* нѣтъ собственности или если собственность эта недоступна для *Б*, то ясно, что *Б* не будетъ имѣть возможности воспользоваться равною свободою по отношенію къ *А* и потребовать отъ него вещь равной цѣнности,— *А* слѣдовательно захватилъ большую долю свободы, чѣмъ онъ предоставилъ *Б*, и нарушилъ законъ. Если собственность *А* будетъ доступна для *Б* и *А* дозволитъ *Б* пользоваться равною свободою и вознаградить себя, то не будетъ нарушенія закона; на дѣлѣ изъ этого выйдетъ обмѣнъ. Подобная сдѣлка можетъ однако же имѣть мѣсто только въ теоретическихъ соображеніяхъ, потому что *А* не можетъ имѣть никакого повода присвоить себѣ собственность *Б* съ намѣреніемъ предоставить ему право взять у себя равноцѣнное; если *А* дѣйствительно имѣетъ такое намѣреніе, то гораздо проще будетъ ему приступить къ обмѣну съ общаго согласія, обыкновеннымъ порядкомъ. Единственный случай, который можетъ побуждать къ такому образу дѣйствій,—это тотъ, когда *А* беретъ у *Б* вещь, съ которою *Б* не желаетъ разстаться, т. е. если *А* не можетъ дать *Б* ничего такого, что бы *Б* считалъ равноцѣннымъ. Размѣръ удовлетворенія, которое *Б* получаетъ отъ своихъ вещей, составляетъ для него мѣру ихъ цѣнности. Итакъ, если *А* не можетъ дать *Б* вещь, которая бы доставляла ему равное удовлетвореніе, или, другими словами, если онъ не можетъ дать ему того, что онъ считаетъ равноцѣннымъ, то *А* взялъ у *Б* то, что доставляетъ ему, *А*, удовлетвореніе,

но не возвратилъ ничего такого, что бы доставляло равное удовлетвореніе *Б*; слѣдовательно, онъ нарушилъ законъ и присвоилъ себѣ большій размѣръ свободы. Такимъ путемъ мы выводимъ изъ закона о равной свободѣ логическое заключеніе, что ни одинъ человѣкъ не можетъ по праву захватить чужую собственность противъ воли владѣльца.

ГЛАВА XI.

Право собственности на идею.

§ 1. Довольно понятно безъ всякихъ разъясненій, что законъ равной свободы не нарушается посредствомъ пріобрѣтенія свѣдѣній, по крайней мѣрѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя доступны для всѣхъ. Человѣкъ можетъ читать, слушать и наблюдать столько, сколько онъ хочетъ, не уменьшая этимъ свободы другихъ дѣлать то же; этимъ онъ ни въ какомъ отношеніи не измѣняетъ условій жизни другихъ людей. Понятно также, что полученныя свѣдѣнія человѣкъ можетъ разработать, преобразить и скомбинировать новымъ способомъ; онъ можетъ извлечь изъ нихъ новыя понятія, и все-таки права его ближнихъ не будутъ нарушены. Далѣе ясно, что человѣкъ, который своимъ интеллектуальнымъ трудомъ добылъ новыя свѣдѣнія и понятія, можетъ, на основаніи нравственнаго закона, владѣть ими, исключительно ими пользоваться и обратить ихъ въ свою частную собственность. Тотъ, кто поступаетъ такимъ образомъ, ни въ какомъ отношеніи не нарушаетъ опредѣленныхъ границъ индивидуальной свободы. Онъ не уменьшаетъ ничьей свободы дѣйствій. Всякому другому человѣку остается столько же простора для мысли и дѣйствія, какъ и прежде. За каждымъ остается свобода пріобрѣсти тѣ же самыя идеи,—и точно такимъ же образомъ употребить эти идеи для своей частной пользы. Такъ какъ человѣкъ можетъ требовать для себя исключительнаго пользованія своими оригинальными идеями, не нарушая предѣловъ равной свободы, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ имѣетъ право на такое исключительное пользованіе или, другими словами, что эти идеи его собственность.

Къ собственности этого рода можно примѣнить всѣ основанія, которыми въ предыдущей главѣ доказывалось, что матеріальная собственность не можетъ быть отбираема отъ ея владѣльца безъ нарушенія закона.

§ 2. Право человѣка на произведеніе его мозга столь же дѣйствительно, какъ и его право на произведеніе его рукъ,— это фактъ, который до сего времени получилъ только весьма неудовлетворительное признаніе. Правда, мы имѣемъ законъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія, законъ о правѣ литературной собственности и акты для занесенія рисунковъ; но все это, и во всякомъ случаѣ права на изобрѣтенія и на рисунки, не столько во имя предписаній справедливости предоставляется отдѣльнымъ лицамъ, сколько изъ уваженія къ требованіямъ торговой политики. «Патентъ на привилегію — это не такая вещь, которую можно было бы требовать, какъ право» — вотъ что возвѣщаютъ намъ наши юридическіе авторитеты: цѣль его — «служить стимуломъ для развитія промышленности и таланта». Законодательство запрещаетъ тутъ не потому, что кража образцовъ заключаетъ въ себѣ несправедливость, но потому, что оно желаетъ поощрять мануфактуры. Вотъ каковы ходячіе взгляды на это дѣло. Мѣры этого рода разсматриваются обыкновенно обществомъ какъ «привилегіи», «награды» или извѣстнаго рода видоизмѣненія «монополіи», предоставленныя изобрѣтателямъ. Онѣ принимаются на основаніи государственно-коммерческихъ соображеній и не считаются необходимыми для установленія справедливости.

Преобладаніе такого убѣжденія ни въ какомъ случаѣ не дѣлаетъ чести національной совѣсти и показываетъ жалкую грубость нравственнаго чувства. Барышъ спекулятора, полученный чрезъ возвышеніе цѣны акцій на биржѣ, признается законной и справедливой его собственностью, а на новую идею, для развитія которой талантливый человѣкъ долженъ былъ употребить годы усидчиваго труда, онъ не можетъ имѣть исключительной претензіи и «требовать ее какъ права»: такъ-то у насъ разсуждаютъ! Обладатель синекуры считается у насъ имѣющимъ неотъемлемое право на доходъ съ своей должности, онъ имѣетъ справедливое основаніе требовать вознагражденія, если она уничтожена,—открытіе же не можетъ быть признано собственностью изобрѣтателя, а для этого открытія потрачена была безконечная масса утомитель-

ныхъ душевныхъ усилій, бѣдный механикъ употребилъ на него, можетъ быть, послѣдній свой грошъ, онъ началъ и закончилъ его однимъ своимъ трудомъ и съ помощью однихъ собственныхъ матеріаловъ, онъ выработалъ его, такъ сказать, изъ существа своей собственной души,—вотъ наши взгляды! По нашему, право на такое открытіе допускается исключительно по утилитарнымъ соображеніямъ, притомъ только за уплатою какихъ-то четырехъ сотъ фунтовъ стерлинговъ, и еще послѣ всего этого право это уничтожается подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ! Каково тупое пониманіе справедливости, обнаруживающееся этими фактами! Какой недостатокъ способности оцѣнивать вещи, не входящія въ сферу наружныхъ чувствъ! Можно подумать, что естественная справедливость не даетъ никакого руководителя за предѣлами сдѣлокъ, касающихся матеріальныхъ вещей, вѣса, мѣры, денегъ. Пусть мальчикъ-сидѣлецъ возьметъ изъ кассы своего хозяина видимую, осязаемую и вѣсомую монету, и всякій пойметъ, что право собственности этимъ нарушено. Тѣ, которые вопіютъ противъ воровства съ добродѣтелью пресыщенной негодованія, безъ всякихъ мученій совѣсти купятъ контрафактное изданіе книги и не будутъ упрекать себя въ пріемѣ краденыхъ вещей. Безчестность, обнаружившаяся въ видѣ воровства со взломомъ или похищенія овцы, покрываетъ человѣка вѣчнымъ позоромъ; тотъ, кто осужденъ былъ за подобный поступокъ, навсегда исключается изъ общества; фабрикантъ же продолжаетъ пользоваться высокимъ уваженіемъ несмотря на то, что онъ укралъ улучшенный его мастеромъ способъ прясть хлопокъ или устраивать паровую машину. Законъ достаточно дѣятеленъ, когда нужно поймать мальчишку, похитившаго у богатаго гражданина носовой платокъ,—онъ немедленно распорядится съ маленькимъ негодяемъ на общественный счетъ; но когда какой-нибудь разбогатѣвшій мошенникъ похититъ у изнуреннаго нуждою прожектера послѣднюю надежду его жизни, тогда не найдется защиты. Все это вполнѣ объясняетъ, что если нравственное чувство не руководствуется правильными систематическими выводами, то оно запутывается въ лабиринтѣ разногласныхъ мнѣній и не найдетъ пути къ правильному закону объ обязанностяхъ.

§ 3. Выше уже было замѣчено, что исключительное право изобрѣтателя пользоваться новымъ усовершенствованіемъ въ

промышленности считается родомъ монополіи въ томъ самомъ смыслѣ, въ которомъ это слово обыкновенно употребляется. Такой взглядъ раздѣляется почти всѣми и онъ въ особенности распространенъ между рабочими классами. Они считаютъ несправедливостью, если изобрѣтателю предоставляются всѣ выгоды отъ какой-либо усовершенствованной машины или отъ улучшенія процесса работъ и если воспрещается всѣмъ другимъ примѣнять и употреблять изобрѣтеніе для ихъ личной пользы. Нѣтъ недостатка въ филантропахъ и даже мыслителяхъ, которые убѣждены, что цѣнныя идеи, созданныя отдѣльными личностями, идеи, отъ которыхъ можетъ произойти значительная польза для народа, должны быть изъяты изъ частнаго владѣнія и предоставлены всему обществу.

«Позвольте, однако же, господа, — можетъ по справедливости отвѣтить изобрѣтатель, — почему я не могу сдѣлать того же самаго предложенія относительно вашего имущества, вашихъ вещей, вашего платья, вашихъ домовъ, вашихъ паевъ въ желѣзныхъ дорогахъ и вашихъ денежныхъ капиталовъ? Если вы придаете такой смыслъ слову «монополія», то я не понимаю, почему этотъ терминъ нельзя примѣнить къ платью, надѣтому на вашихъ плечахъ, и къ кушаньямъ, поданнымъ вамъ за обѣдомъ. Съ одинаковымъ правомъ я могу утверждать, что вы несправедливо монополизируете вашу движимость и что на основаніи естественной справедливости вы не имѣете права исключительно пользоваться такимъ большимъ числомъ комнатъ. Если національная польза составляетъ верховное правило, то почему намъ не присвоить себѣ ваши богатства и имущество, принадлежащее другимъ, подобнымъ вамъ, и не уплатить такимъ образомъ государственныхъ долговъ? Вы утверждаете совершенно справедливо, что вы честнымъ образомъ пріобрѣли все это имущество, но вѣдь я точно такимъ же образомъ дошелъ до своего изобрѣтенія. Правда, что капиталъ, котораго проценты обезпечиваютъ ваше существованіе, пріобрѣтенъ былъ вами годами усилій,—онъ вознагражденіе за постоянную и упорную промышленную дѣятельность; прекрасно, я то же самое могу сказать объ этой машинѣ. Въ то время, какъ вы накопляли барыши, я собиралъ идеи; время, которое вы употребляли, разузнавая рыночныя цѣны, я употребилъ на изученіе механики; ваши

спекуляціи при сбытѣ новыхъ предметовъ торговли соотвѣтствуютъ моимъ опытомъ,—многіе изъ нихъ дорого стоили и оказались безплодными: пока вы дѣлали ваши расчеты, я дѣлалъ рисунки: то же постоянство, то же терпѣніе, то же усиліе мысли и труда, чрезъ которое вы обогатились, дали и мнѣ возможность завершить мое изобрѣтеніе. Оно представляетъ собою столько же накопленнаго труда, какъ и ваше богатство. Я живу отъ выгодъ, которыя оно мнѣ доставляетъ, совершенно точно такъ же, какъ вы живете отъ процентовъ съ употребленнаго вами въ дѣло капитала. Итакъ, опасайтесь возбуждать сомнѣніе относительно справедливости моихъ правъ. Если я монополистъ, то и вы тоже и всѣ люди тоже. Если я не имѣю права на произведеніе моего мозга, то вы не имѣете права на произведеніе вашихъ рукъ,—никто не можетъ сдѣлаться исключительнымъ владѣльцемъ какой бы то ни было вещи и «всякая собственность есть кража».

§ 4. Жестоко ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что исключительнымъ правомъ, присвоеннымъ изобрѣтателю, отнимается что-нибудь у общества. Тотъ, кто какимъ бы то ни было образомъ увеличиваетъ производительную силу, разсматривается всѣми какъ общій благодѣтель, который скорѣе даетъ, чѣмъ беретъ. Исключеніе составляютъ какіе-нибудь душевно-больные. Счастливый изобрѣтатель одерживаетъ дальнѣйшую побѣду надъ природою. Чрезъ его посредство законы матеріи еще болѣе подчиняются пользамъ человѣчества. Онъ экономизируетъ трудъ, онъ помогаетъ людямъ эманципироваться отъ рабскаго служенія нуждамъ тѣла, онъ впригаетъ новую силу въ колесницу человѣческаго счастія. Если бы онъ даже хотѣлъ, то онъ не можетъ помѣшать обществу принимать обширное участіе въ его счастливомъ открытіи. Прежде, чѣмъ онъ можетъ извлечь какую-либо выгоду изъ своего новаго способа или аппарата, онъ долженъ доставить пользу своимъ ближнимъ — онъ долженъ имъ предложить лучшее произведеніе за ту же цѣну или точно такое же произведеніе за болѣе дешевую цѣну. Если ему этого не удастся сдѣлать, то его изобрѣтеніе останется мертвою буквою; если онъ это сдѣлаетъ, то общество будетъ участникомъ въ новомъ, открытомъ имъ источникѣ богатства. Въ вознагражденіе за всѣ усилія, которыя онъ долженъ былъ употребить, чтобы подчинить себѣ прежде неизвѣстную силу природы, онъ проситъ

только особую долю изъ доставленныхъ имъ плодовъ. Остальное человѣчество неизбѣжно будетъ участвовать въ существенныхъ преимуществахъ дѣла и въ скоромъ времени получитъ все. Между тѣмъ, оно, конечно, не можетъ пренебрегать правами изобрѣтателя, не совершая несправедливости.

Не мѣшаетъ также припомнить, что въ этомъ, такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, неповиновеніе нравственному закону въ окончательномъ своемъ результатѣ вредно для всѣхъ сторонъ; оно настолько же вредно обиженному лицу, насколько и тому, кто нарушаетъ его права. Вполнѣ доказанный фактъ, что если отъ общей безчестности происходитъ недостаточная безопасность матеріальной собственности, то этотъ недостатокъ неизбѣжно вредно отражается на всѣхъ. Заключеніе, которое изъ этого проистекаетъ, ясно само по себѣ. Промышленная энергія уменьшается прямо пропорціонально уменьшенію безопасности вознагражденія. Тотъ, кто не увѣренъ, что онъ пожнетъ, не будетъ сѣять. Вмѣсто того, чтобы употреблять въ дѣло, капиталисты хранятъ свои капиталы, потому что производительное употребленіе опасно. Всюду является недостатокъ средствъ. Всякое предпріятіе разстраивается отъ недостатка довѣрія. Всеобщее недовѣріе лишаетъ всѣхъ предпріимчивости, порождаетъ апатію, лѣнь, бѣдность, и бѣдствія, которыми порождается такое состояніе, одинаково поражаютъ людей всѣхъ классовъ. Недостатокъ безопасности по отношенію къ собственности въ идеяхъ сопровождается бѣдствіями такого же рода, но только въ меньшей степени. Изобрѣтатель будетъ именно въ той степени лишаться бодрости при приведеніи въ исполненіе своего плана, въ какой выгоды, отъ него ожидаемыя, будутъ сомнительны. «Если другіе воспользуются плодами этого утомительнаго изслѣдованія и этихъ безчисленныхъ опытовъ, то для чего же я буду ихъ продолжать?» —вотъ какъ разсуждаетъ изобрѣтатель самъ съ собою. «Ко всѣмъ возможностямъ неудачи при достиженіи самаго результата, къ тратѣ времени и спокойствія, къ издержкамъ, необходимымъ при моихъ изслѣдованіяхъ, ко всѣмъ возможностямъ уничтоженія моего права посредствомъ преждевременнаго раскрытія моего плана, къ тяжкимъ издержкамъ, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе для меня законнаго покровительства,—ко всему этому присоединяется еще возможность потерять мое право чрезъ ка-

кого-нибудь негодяя, который его нарушитъ въ надеждѣ, что я не буду имѣть достаточно денегъ и глупости, чтобы начать процессъ противъ него въ судѣ канцеляріи. Не лучше ли я сдѣлаю, если я вовсе оставлю этотъ проектъ?» Подобныя соображенія, однако же, часто не въ состояніи заглушить въ душѣ изобрѣтателя восторженныя надежды и онъ продолжаетъ свои работы до конца, не обращая никакого вниманія на весь свой рискъ. Но можно держать пари десять противъ одного, что общество заставитъ его такъ пострадать и понести такіе убытки, что онъ никогда въ другой разъ не пустится на предпріятіе этого рода. Впослѣдствіи ему, конечно, снова будутъ приходить разныя идеи и между ними нѣкоторыя, по всей вѣроятности, весьма полезныя, но онѣ не будутъ имъ развиты и скорѣе всего умрутъ вмѣстѣ съ нимъ. Если бы человѣчество знало, какъ часто важныя открытія не дѣлаются изобрѣтательными людьми и остаются неизвѣстными для міра по причинѣ одной дороговизны при пріобрѣтеніи законнаго покровительства или потому, что это покровительство не внушаетъ къ себѣ довѣрія! Если бы люди могли надлежащимъ образомъ оцѣнить происходящія отъ этого стѣсненія при развитіи средствъ промышленности, если бы они могли получить вѣрныя понятія о потеряхъ, которыя происходятъ отъ этого для нихъ самихъ, тогда бы они поняли, что признаніе права собственности на идеи вовсе не менѣе важно, чѣмъ признаніе права собственности на имущество.

§ 5. Право на идеи, однако же, не можетъ быть допущено безъ ограниченій. Не только вѣроятно, но, кажется можно сказать, несомнѣнно, что причины, которыя порождаютъ новую идею въ душѣ одного человѣка, могутъ породить такой же результатъ и въ душѣ другого. Много разъ замѣчено, что важныя изобрѣтенія и открытія дѣлаются приблизительно въ то же самое время нѣсколькими независимыми другъ отъ друга изслѣдователями. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего таинственнаго. Извѣстное состояніе знаній, послѣдніе успѣхи науки, появленіе извѣстныхъ новыхъ потребностей въ обществѣ — вотъ условія, посредствомъ которыхъ люди одинаковыхъ свойствъ побуждаются къ одинаковому направленію мысли и естественно должны придти къ тѣмъ же результатамъ. Изъ такого положенія вытекаетъ ограниченіе права собственности на идеи, которое очень трудно и почти невозможно точно

опредѣлить. Законы, касающіеся права литературной собственности и привилегій на изобрѣтенія, выражаютъ это ограниченіе тѣмъ, что они установляютъ извѣстный срокъ для привилегіи изобрѣтателя или автора. Какимъ путемъ съ точностью опредѣлить продолжительность этого срока, нѣтъ возможности рѣшить. Такое затрудненіе однако же нисколько не вредитъ самому праву, какъ уже было объяснено выше (стр. 128).

ГЛАВА XII.

Право собственности на репутацію.

§ 1. Если бы мы могли съ точностью анализировать побужденія, которыя заставляютъ человѣка дѣйствовать, если бы мы могли опредѣлить размѣры отдѣльныхъ дѣятелей, изъ которыхъ создается двигающій стимулъ, то мы бы, вѣроятно, нашли, что, за исключеніемъ тѣхъ дѣйствій, къ которымъ человѣкъ побуждается безусловной необходимостью тѣлесныхъ нуждъ, во всѣхъ остальныхъ главную роль играетъ желаніе пріобрѣсти хорошее мнѣніе, уваженіе или возбудить удивленіе въ другихъ людяхъ. Это чувства мы можемъ наблюдать у татуированнаго дикаго, который охотно подвергается пыткѣ, чтобы прослыть за человѣка мужественнаго, онъ не отступаетъ ни передъ какою опасностью, чтобы заслужить названіе храбреца. У цивилизованныхъ людей честолюбіе постоянно обнаруживается у поэтовъ, ораторовъ, государственныхъ людей, артистовъ, солдатъ и т. д. Если разоблачить покровы, то мы увидимъ истинную причину, почему люди съ такою болѣзненною жадностью копятъ богатство. Всѣ подобныя проявленія убѣждаютъ насъ, что любовь къ похвалѣ имѣетъ самое значительное вліяніе на человѣческій образъ дѣйствій и занимаетъ первое мѣсто послѣ инстинктовъ, непосредственно связанныхъ съ сохраненіемъ жизни.

Репутація—это такая вещь, которую люди стремятся постоянно пріобрѣсти и сохранить, а поэтому ее и можно разсматривать какъ предметъ собственности. Уваженіе другихъ

людей—это такое имущество, которое имѣетъ много аналогій съ имуществомъ болѣе осязаемаго свойства. Оно пріобрѣтается, какъ и всякая другая собственность, трудомъ, заботливостью и постоянствомъ, оно такъ же, какъ и всякое другое имущество, помогаетъ своему собственнику въ достиженіи его цѣлей и служитъ ему постояннымъ источникомъ для удовлетворенія различныхъ своихъ желаній. Всеобщее расположеніе составляетъ такое имущество, которое для многихъ дороже поземельной собственности. Высокое мнѣніе, купленное какимъ-нибудь великимъ поступкомъ, можетъ сдѣлаться болѣе богатымъ источникомъ счастія, чѣмъ пріобрѣтеніе банковыхъ билетовъ или акцій желѣзной дороги. Есть люди, для которыхъ лавровый вѣнокъ дороже богатаго наслѣдства. Титулы когда-то имѣли опредѣленную цѣну въ фунтахъ, шиллингахъ и пенсахъ; если они въ настоящее время утратили свое значеніе, по крайней мѣрѣ сравнительно съ почестями, непосредственно выражающими въ общественномъ мнѣніи, то это только потому, что они не внушаютъ другимъ такого уваженія, какое внушали прежде. Люди, которые составили себѣ доброе имя и живутъ посѣянною ими жатвою похвалъ; люди, которые обратили свой трудъ на благородныя дѣла, которые вмѣсто процентовъ получаютъ отъ общества искренніе положенія и задушевныя изъявленія благодарности, имѣютъ, надо полагать, точно такое же право на это вознагражденіе за свое хорошее поведеніе, какое имѣютъ другіе на вознагражденіе за свою промышленность. Все это вѣрно не только относительно тѣхъ, которые отличаются необыкновенными достоинствами, это справедливо по отношенію ко всѣмъ. Мы должны доброе имя каждаго разсматривать какъ его отдѣльную собственность. Степень честности, благодушія, правдивости и другихъ добродѣтелей даетъ ему справедливое право на доброе имя, соотвѣтствующее этимъ степенямъ. Это собственность такого рода, которая имѣетъ большую цѣну, чѣмъ всякое другое имущество. Подобное убѣжденіе мы можемъ сохранить, каковы бы ни были по этому предмету расхищенныя рѣчи Яго!

Тѣ, для которыхъ покажется затруднительнымъ признать доброе имя собственностью, пусть припомнятъ, что оно имѣетъ дѣйствительную денежную цѣну. Имѣть репутацію честнаго человѣка—это значитъ получать предпочтеніе въ

дѣлахъ по причинѣ благонадежности. Тотъ, кто имѣетъ репутацію человѣка, отличающагося трудолюбіемъ, при равныхъ шансахъ, можетъ получить лучшую плату, чѣмъ его конкурентъ. Слава значительныхъ интеллектуальныхъ способностей дастъ ихъ обладателю доступъ къ мѣстамъ, сопряженнымъ съ значительной отвѣтственностью и большимъ вознагражденіемъ. Совершенно правильно, по этимъ причинамъ, вносить репутацію въ одинъ рядъ съ другимъ имуществомъ; она, подобно капиталу, приноситъ своему обладателю дѣйствительный доходъ въ звонкой монетѣ.

§ 2. Если мы согласимся признать доброе имя собственностью, то право на обладаніе доброю славою, пріобрѣтенною честнымъ путемъ, можно доказать на основаніи той же аргументаціи, которой мы слѣдовали въ двухъ предыдущихъ главахъ. Доброе имя можно пріобрѣсти не нарушая никакимъ образомъ свободы другихъ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть непосредственный результатъ уваженія къ этой свободѣ; оно источникъ удовольствія, пріобрѣтеннаго законнымъ образомъ,— это родъ собственности его обладателя, какъ мы уже сказали, и не можетъ быть отнято у него безъ нарушенія справедливости, точно такъ же, какъ и собственность всякаго другого рода. Эта аргументація должна служить основаніемъ для закона объ оскорбленіяхъ чести.

§ 3. Можетъ быть, эти сужденія найдены будутъ неубѣдительными. Можно признавать спорнымъ положеніе, что доброе имя есть собственность. Надо сознаться, что такое понятіе о собственности нельзя доказать съ строгою, логическою послѣдовательностью. Тотъ, кто полагаетъ, что этимъ уничтожается сила вышеизложенной аргументаціи, можетъ смотрѣть на клевету не такъ, какъ на нарушеніе основного закона, запрещающаго врываться въ сферу дѣятельности другого человѣка, а какъ на нарушеніе закона второстепеннаго, запрещающаго причинять другимъ людямъ страданіе. Если разрушеніе репутаціи, заслуженной нашимъ ближнимъ, не считать нарушеніемъ закона о равной свободѣ, то преступность этого дѣйствія придется разсматривать въ дополнительномъ отдѣлѣ ученія о нравственности, въ томъ, который названъ нами выше отрицательнымъ облаготвореніемъ или отрицательнымъ проявленіемъ симпатіи. Между этими двумя путями каждый долженъ выбирать по своему усмо-

женъ имѣть свободу предлагать; всякій долженъ имѣть свободу принимать предложеніе, всякій долженъ имѣть свободу отказаться отъ предложенія; все это каждый можетъ дѣлать во всѣхъ случаяхъ, когда ему заблагоразсудится, не мѣшая своему сосѣду дѣлать то же, въ тѣхъ же размѣрахъ и въ то же самое время. Но никто не имѣетъ права идти далѣе, никто не можетъ заставить другого подѣлиться своимъ имуществомъ; никто не можетъ заставить другого взять опредѣленную цѣну; потому что тутъ всякій присвоиваетъ себѣ болѣе свободы, чѣмъ онъ даетъ тому, съ кѣмъ онъ обращается такимъ образомъ. Итакъ, если каждый имѣетъ право предлагать, принимать и отказывать, но не можетъ дѣлать ничего болѣе, то понятно, что при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ заключеніе сдѣлки между двумя сторонами не составляетъ нарушенія правъ тѣхъ, которые вслѣдствіе этого получили отказъ въ своихъ предложеніяхъ, потому что каждый изъ нихъ сохранилъ попрежнему свою свободу предлагать, принимать и отказывать.

§ 2. Едва ли нужно упоминать, что всякое постороннее вмѣшательство въ дѣло людей, которые договариваются между собою, заключаетъ въ себѣ нарушеніе свободы. Здѣсь не мѣсто также указывать причины, почему полезно признаніе свободной торговли. Нѣтъ надобности подкрѣплять доказательствами предыдущее заключеніе, потому что оно гармонируетъ само по себѣ съ установившимися убѣжденіями думающихъ людей. Слѣдовало бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній насчетъ ограниченій, которыя поставляются этими правилами для законодательства, но это удобнѣе будетъ исполнить въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА XIV.

Право свободнаго слова.

§ 1. Выраженіе мыслей словомъ составляетъ извѣстный родъ дѣйствій. Каждый человѣкъ можетъ въ обозначенныхъ выше предѣлахъ дѣлать все, что онъ хочетъ. Отсюда слѣдуетъ ясное само по себѣ заключеніе, что при условіи равенства онъ можетъ говорить все, что онъ хочетъ. Другими словами, права ближнихъ составляютъ единственное законное ограниченіе для дѣятельности человѣка, точно такъ же они составляютъ единственное законное ограниченіе для его слова.

Есть два случая, гдѣ рѣчь можетъ перейти за установленные предѣлы. Ее можно употребить для распространенія клеветы, и это будетъ пренебреженіе нравственной обязанности, о которой говорилось въ предпослѣдней главѣ; она можетъ служить для возбужденія и настроенія другого человѣка къ нанесенію кому-либо оскорбленія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ подстрекатель, хотя онъ и не дѣйствовалъ лично при нарушеніи права, которое онъ старался произвести, однако же по существу дѣла долженъ считаться настоящимъ нарушителемъ. Мы не можемъ извинить убійцу, который будетъ утверждать, что его кинжалъ виноватъ въ преступленіи, которое стараются на него взвалить. Мы отвѣтимъ, что тотъ, кто привелъ въ движеніе кинжалъ съ намѣреніемъ отнять жизнь, совершилъ это преступленіе. Преслѣдуя далѣе ходъ этой мысли, мы должны сказать, что тотъ, кто подкупомъ или убѣжденіемъ побудилъ кого-либо дѣйствовать кинжаломъ, настолько же виноватъ, насколько и его орудіе. Онъ имѣлъ то же самое намѣреніе и точно такъ же употреблялъ средства, нужныя для его исполненія; вся разница въ томъ,

что онъ произвелъ смерть путемъ болѣе сложнаго механизма. Если мы вставимъ добавочный рычагъ между двигающею силою и предметомъ, который приводится въ движеніе, то никто не скажетъ, что отношеніе силы къ предмету прекратилось; точно такъ же нельзя сказать, что тотъ, кто достигаетъ злого результата, заставляя дѣйствовать другого, менѣе виноватъ, чѣмъ если бы онъ дѣйствовалъ самъ. Слѣдовательно тотъ, кто внушаетъ и побуждаетъ къ нарушенію чужого права, долженъ почитаться человѣкомъ, преступившимъ законъ равной свободы.

Итакъ, каждый можетъ требовать свободы рѣчи точно такъ же, какъ и свободы дѣйствій, въ самомъ полномъ размѣрѣ, согласномъ съ равными правами всѣхъ. Какъ скоро она выходитъ за предѣлы, вытекающіе изъ этихъ правъ, она становится безнравственною, но въ этихъ предѣлахъ не дозволительно никакое ограниченіе.

§ 2. Если бы можно было написать новую Ареопагитику, то она навѣрное была бы безполезна въ современномъ возрастѣ міра и въ нашей странѣ. Несмотря на это до сихъ поръ не въ малыхъ размѣрахъ преобладаютъ чувства, противъ которыхъ Мильтонъ вооружился въ своемъ знаменитомъ опытѣ; чувства эти мы встрѣчаемъ даже между людьми, которые хвалятся своимъ либерализмомъ. Несмотря на ослабленіе нетерпимости, несмотря на возрастаніе свободныхъ учрежденій репрессивная политика прежняго времени еще и теперь находитъ иногда защитниковъ. Если бы дѣло пошло на голоса, то не мало оказалось бы такихъ, которые присоединились бы къ предложенію о нѣкоторомъ ограниченіи свободы рѣчи, необходимомъ будто бы для общественной безопасности! Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ заключеніе въ тюрьму одного соціалиста за богохульство не вызвало ни негодованія, ни протеста противъ нарушенія свободы рѣчи: такой произволъ одобряли даже усердные защитники религіозной свободы. Многіе желали бы такъ же возбужденіе въ народѣ неудовольствія обратить въ уголовное преступленіе: не окажется недостатка и въ такихъ, которые для примѣра и на страхъ другимъ желали бы повѣсить нѣсколькихъ демагоговъ. Посмотримъ, что могутъ сказать въ подтвержденіе своего мнѣнія люди, защищающіе снисходительную цензуру.

§ 3. Часто признается за несомнѣнную истину, что пра-

вительство должно обезпечить для подданныхъ «безопасность и сознаніе безопасности». Отъ такого правила остается только незамѣтный переходъ къ заключенію, что судъ обязанъ прислушиваться къ тому, что говорятъ народные ораторы, и останавливать чрезмѣру страстную декламацію, потому что она будто бы имѣетъ цѣлью породить тревогу. Если бы посылки въ этомъ случаѣ были хороши, то заключеніе могло бы имѣть свое значеніе; но посылки болѣе чѣмъ сомнительны. Всѣ согласны, что особое назначеніе законодателя состоитъ въ томъ, чтобы за каждымъ человѣкомъ обезпечить спокойное обладаніе его личностью и его собственностью; но полагать, что законодатель обязанъ успокаивать страхъ, происходящій отъ всякаго ничтожнаго возбужденія, это мнѣніе до такой степени смѣшное, что его странно опровергать. Подумайте о томъ, къ чему оно приводитъ. Соединяя вмѣстѣ понятія «безопасность и сознаніе безопасности», мы должны предположить, что если правительство обязано доставлять каждому лицу «безопасность», то каждое лицо можетъ такъ же имѣть право на постоянное обладаніе «сознаніемъ безопасности». Вотъ прекрасная перспектива для заваленнаго дѣлами перваго министра! Если бы такое ученіе было справедливо, то гдѣ былъ бы конецъ заботамъ государственнаго человѣка? Не слѣдуетъ ли ему прислушиваться къ мнѣніямъ каждаго ипохондрика, въ больномъ воображеніи котораго р е ф о р м а изображается въ видѣ ужаснаго оборотня, съ наклонностями людоѣда, съ никами вмѣсто когтей и съ гильотинами вмѣсто зубовъ? Если онъ не долженъ этого дѣлать, то почему? «Сознаніе безопасности» разрушено въ подобномъ субъектѣ рѣзкимъ обличеніемъ какого-нибудь горячаго патріота; онъ желаетъ, чтобы его страхъ былъ успокоенъ подавленіемъ, по его мнѣнію, опасной гласности; на основаніи сдѣланнаго выше положенія, его желаніе должно быть исполнено. На такомъ основаніи всякая агитація должна быть потушена, потому что навѣрное найдутся люди, и даже не въ маломъ числѣ, для которыхъ каждое обсужденіе какого бы то ни было общественнаго вопроса есть источникъ страха: ему стоитъ появиться и они начнутъ предсказывать всякаго рода бѣдствія, какія должны произойти отъ его дальнѣйшаго развитія. Старыя бабы того и другого пола почувствовали великій страхъ отъ ужасныхъ предсказаній «Standard'а» и великое горе отъ

плаксивыхъ сѣтованій «Herald'a» и въ нихъ возникло страстное желаніе положить конецъ пропагандѣ свободной торговли; если бы обратить надлежащее вниманіе на ихъ «сознаніе безопасности», то желаніе это должно было бы исполниться. Религіозныя причины, порождавшія политическую неспособность, должны были бы сохраняться до сего времени, на подобномъ же основаніи,—предложеніе отмѣнить эти ограниченія навело крайній ужасъ на цѣлую слабодушную толпу. Появились пророчества, что возвратятся времена, когда католики преслѣдовали сретиковъ; всѣ ужасы, разсказанные въ «Книгѣ мучениковъ», были выставлены вновь напоказъ; эпидемическій страхъ разслаблялъ людей тысячами. Легковѣрные прислушивались съ поднятыми къ небу глазами и съ открытымъ ртомъ къ ужаснымъ баснямъ, и на сцену являлся кто-нибудь въ родѣ вновь испеченнаго Тита Отса. Слушатели получали видѣнія, въ которыхъ имъ представлялись огни и костры; каждому представлялось, что онъ уже въ Смитфильдѣ съ позорнымъ столбомъ за спиною и съ зажженнымъ факеломъ у ногъ: ему снилось, что онъ въ застѣнкѣ инквизаціи, и онъ просыпался покрытый холоднымъ потомъ, чтобы убѣдиться, что писк мыши принялъ за визгъ придавливающаго винта. Тутъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ случай самой плачевной утраты «сознанія безопасности», а слѣдовательно власти должны были остановить агитацію въ пользу эманципаціи католиковъ, онѣ должны были зажать ротъ всѣмъ ея защитникамъ, наложить оковы на ея прессу и мѣшать ея митингамъ.

Безполезно разъяснять, что все это были преувеличенія, что нельзя было обращать вниманіе на страхъ первозныхъ и слабосильныхъ субъектовъ или безсмысленныхъ ханжей. Если не слѣдовало обращать вниманіе на страхъ сотенъ, то почему нужно поддаваться тысячамъ?—Если мы можемъ спокойно глядѣть на трепетъ тысячъ, то почему слѣдуетъ уступить десяткамъ тысячъ? — Гдѣ нужно провести границу?— Гдѣ отыскать требуемый регуляторъ? — Кто скажетъ намъ, когда сознаніе отсутствія безопасности распространилось достаточно, чтобы на него можно было обратить вниманіе?— Можно ли его принимать въ соображеніе, если въ немъ участвуетъ большинство? — Кто въ этомъ случаѣ рѣшитъ, что страхъ дѣйствительно овладѣлъ большинствомъ? — Можетъ

быть скажутъ, что необходимо, чтобы страхъ былъ основательный. Прекрасно: но кто опредѣлитъ, основателенъ онъ или нѣтъ?—Гдѣ папа, который постановитъ въ этомъ случаѣ свое безошибочное рѣшеніе?—Тѣ, которые находятъ въ «сознаніи безопасности» границу для свободы рѣчи, пусть сначала отвѣтятъ на всѣ эти вопросы.

§ 4. Что касается до нападковъ на государственную дѣятельность, которые составляютъ по закону оскорбленіе, потому что они возбуждаютъ презрѣніе къ правительству, то въ подобномъ оскорбленіи могутъ обвиняться всѣ партіи, начиная отъ оратора чартиста и до коновода оппозиціи, и «Times» съ своими насмѣшками надъ жалкими результатами «великаго годоваго трезвона», и веселый шутникъ изъ журнальной братьи, который забавляется надъ эксцентричностями гибкаго экъ-канцлера. Единственный вопросъ, который можно сдѣлать по отношенію къ этимъ нападкамъ, это заслужены ли они?—Справедливо ли то, что въ нихъ высказывается?—Моралистъ долженъ опредѣлить ихъ границу тамъ, гдѣ можетъ быть доказано, что основной законъ нарушенъ, что нападки не заключаютъ въ себѣ истины, что тѣ, на которыхъ нападали, очернены. Но если будетъ доказано, что они въ существѣ вѣрны, то на какомъ основаніи можно защищать ихъ запрещеніе?—То, что дѣйствительно достойно презрѣнія, должно быть выставлено на позоръ, поэтому и обвиненіе въ неприличныхъ поступкахъ должно пользоваться полной публичностью. Разсуждать иначе значитъ раздѣлять положеніе Макіавелли, по мнѣнію котораго законодательство правильно поступало, если оно прибѣгало къ обману, если оно было организованнымъ притворствомъ,—нужно полагать, что для народа необходимо быть обманутымъ, что ему нужно представлять призракъ добродѣтели тамъ, гдѣ ея не существуетъ въ дѣйствительности, что общественное мнѣніе должно быть скорѣе вводимо въ заблужденіе, чѣмъ направляемо на путь истины, что для народа хорошо, если онъ вѣритъ лжи!

§ 5. Можетъ быть весьма опасно поставить больного въ положеніе годное для крѣпкаго здоровья. Для страдающаго несваренiемъ желудка куриный бульонъ можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе болѣе существенной пищи. Тотъ, кто страдаетъ припадками гриппа, хорошо сдѣлаетъ, если онъ будетъ избѣгать бурнаго, сѣверо-западнаго вѣтра или даже

слабаго южнаго вѣтра. Но нужно быть болѣе, чѣмъ простоватымъ, чтобы изъ такихъ фактовъ заключить, что питательная пища и свѣжій воздухъ дурныя вещи. Тотъ, кто приписетъ въ этомъ случаѣ дурное вліяніе пищѣ и воздуху, а не болѣзненному состоянію, тотъ покажетъ еще весьма не зрѣлыя понятія о причинности.

Точно такъ же не зрѣлы идеи тѣхъ, которые заключаютъ о неудобствахъ неограниченной свободы рѣчи изъ того, что она въ извѣстныхъ состояніяхъ общества производитъ плачевные результаты. Все зло, происходящее въ этихъ случаяхъ отъ неограниченнаго выраженія мнѣній, должно быть отнесено къ ненормальному состоянію политическаго тѣла, а не къ свободѣ рѣчи. При здоровомъ соціальномъ устройствѣ и при довольствѣ, которое отъ этого происходитъ, нечего опасаться даже самаго неограниченнаго выраженія чувствъ и мыслей. Съ другой стороны, если существуетъ всеобщее неудовольствіе, то конечно можно бояться подвергать печальныя стороны государственной жизни холодному дуновенію критики, и отъ этого могутъ произойти опасные симптомы. Но что же изъ этого? — Какой-нибудь Луи Филиппъ или генералъ Кавеньякъ или Людовикъ Наполеонъ могутъ найти въ растлѣнномъ и анархическомъ состояніи вещей извиненіе для шпіонства, цензуры и воспрещенія публичныхъ собраній.—Но что же изъ этого? — Если какой-нибудь народъ не можетъ быть управляемъ на основаніи принциповъ чистой справедливости, то тѣмъ хуже для этого народа. Несмотря на это принципы останутся вѣрными. Выше (стр. 41) уже было объяснено, что несоотвѣтствіе между совершеннымъ закономъ и несовершеннымъ человѣкомъ неизбѣжно. Если для какого-нибудь народа произойдетъ зло отъ немедленнаго и полнаго признанія закона равной свободы, какъ по отношенію къ рѣчи, такъ и по отношенію къ дѣйствіямъ, то зло это будетъ указывать на недостаточное приспособленіе этого народа къ соціальной жизни и вовсе не можетъ служить доказательствомъ недостаточности самаго закона.

ГЛАВА XV.

Дальнѣйшія права.

Если бы того требовали обстоятельства, то къ этому изложенію можно было бы прибавить еще много другихъ главъ подобнаго же содержанія. Если бы это писалось во Франціи, то нужно было бы изъ закона о равной свободѣ вынести и разъяснить право свободнаго движенія съ мѣста на мѣсто безъ дозволенія со стороны правительства. Если бы это относилось къ китайцамъ, то можетъ быть потребовалось бы представить нѣкоторыя доказательства, что человѣкъ долженъ имѣть свободу носить платье такого покроя, который ему всего болѣе нравится. Въ различныя времена и въ различныхъ мѣстностяхъ можетъ встрѣтиться необходимость развивать подобнымъ же образомъ законъ равной свободы во многихъ другихъ направленіяхъ. Теперь для насъ совершенно излишне снова повторять разсужденія, которыми уже такъ часто пользовались; то, что мы называемъ правами, не болѣе, какъ искусственныя подраздѣленія общаго требованія относительно пользованія способностями, это — примѣненія такого общаго требованія къ отдѣльнымъ случаямъ. Справедливость каждаго изъ этихъ правъ доказывается тѣмъ же путемъ; нужно показать, что относящаяся къ этому праву особая дѣятельность способностей не помѣшаетъ подобной же дѣятельности способностей другихъ людей. Читатель уже видѣлъ, на какихъ основаніяхъ устанавливаются этимъ путемъ самыя существенныя права. При установленіи болѣе незначительныхъ, которыхъ мы не касались, онъ можетъ быть предоставленъ самому себѣ.

ГЛАВА XVI.

Права женщинъ.

§ 1. Естественная справедливость не знаетъ различія половъ. Въ ея словарѣ существуетъ слово человѣкъ, но нѣтъ слова мужчина. Законъ равной свободы одинаково относится ко всему роду человѣческому, къ женщинамъ точно такъ же, какъ къ мужчинамъ. Тѣ же самыя априористическія сужденія (главы III и IV), которыя устанавливаютъ законъ для мужчинъ, могутъ быть примѣняемы въ равной силѣ и по отношенію къ женщинамъ. Нравственное чувство, которое даетъ мужской душѣ возможность сообразоваться съ закономъ, существуетъ точно такъ же и въ женской. Слѣдовательно, различныя права, выводимыя изъ этого закона, должны примѣняться одинаково къ людямъ обоихъ половъ.

Такую истину слѣдовало бы считать очевидною, слѣдовало бы предполагать, что стоитъ только ее высказать, чтобы встрѣтить всеобщее одобреніе. Найдется однако же много людей, которые или безмолвно или многорѣчиво выразятъ свое несогласіе. Трудно себѣ представить, по какимъ причинамъ они такъ поступаютъ. Они соглашаются съ аксіомою, что человѣческое счастіе есть воля Божія, съ этой аксіомой, которая служитъ первоначальнымъ источникомъ для вывода того, что мы называемъ правами. И вотъ остается объяснить, почему различіе въ устройствѣ тѣла и незначительное видоизмѣненіе душевныхъ свойствъ исключаютъ одну половину человѣческаго рода отъ пользованія благодѣяніемъ этого высшаго предопредѣленія. Обязанность привести доказательства лежитъ на тѣхъ, которые утверждаютъ существованіе различія правъ,

мы поступимъ совершенно правильно, если будемъ примѣнять законъ равной свободы къ людямъ того и другого пола, пока несправедливость такого образа дѣйствій не будетъ доказана. Мы однако же не будемъ пользоваться этимъ преимуществомъ, мы примемъ полемику по этому предмету.

Мы имѣемъ передъ собою только три положенія. Можно утверждать, что женщины не имѣютъ вовсе правъ,—что онѣ имѣютъ меньше правъ, чѣмъ мужчины, и, наконецъ, что онѣ равны мужчинамъ.

Человѣкъ, который будетъ утверждать, что женщины вовсе не имѣютъ правъ, долженъ доказать, что Создатель предопредѣлилъ женщинъ для того, чтобы онѣ находились въ полномъ произволѣ у мужчинъ, — что въ распоряженіи мужчинъ должны находиться и ихъ счастіе, и ихъ свобода, и ихъ жизнь; другими словами, что онѣ предназначены для того, чтобы считаться существами низшей породы. Мало найдется людей, которые будутъ имѣть смѣлость утверждать это.

Изъ второго предположенія, что права женщинъ менѣе значительны, чѣмъ права мужчинъ, немедленно вытекаютъ слѣдующіе вопросы. Если они не такъ велики, то насколько они меньше? Каково точное отношеніе между законными правами того и другого пола? Какія общія права у тѣхъ и другихъ и въ чемъ права мужчинъ превосходятъ права женщинъ? Кто можетъ указать намъ, какимъ путемъ нужно соразмѣрять права при надѣленіи тѣхъ и другихъ? Поставляя вопросъ практически нужно опредѣлить какимъ-либо логическимъ путемъ, можно ли оправдать турка, который велѣлъ утопить въ Босфорѣ разсердившую его черкешенку? Были ли нарушены права женщинъ аѳинскимъ закономъ, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ дозволялъ гражданину продавать свою дочь или сестру? Можно ли защитить съ нравственной точки зрѣнія нашъ законъ, который дозволяетъ умѣренно бить свою жену или запереть ее въ одной изъ комнатъ своего дома? Справедливо ли лишать замужнюю женщину права владѣть собственностью? Можетъ ли мужъ по справедливости отобрать у жены ея заработокъ противъ ея воли,—какъ это дозволяется нашимъ закономъ? и т. д. Вотъ задачи, подлежащія разрѣшенію, и къ нимъ можно присовокупить множество другихъ имъ подобныхъ. Слѣдуетъ

найти принципъ, основанный на природѣ вещей, которымъ можно было бы разрѣшить ихъ съ научной послѣдовательностью,—разрѣшить ихъ не на основаніи утилитарныхъ соображеній, но опредѣленнымъ, философскимъ путемъ между тѣми, которые придерживаются ученія, что права женщинъ должны быть ограниченіе правъ мужчинъ; найдется ли хоть одинъ человѣкъ, который въ состояніи приискать какой-нибудь подобный принципъ?

Если никто не въ состояніи этого сдѣлать, то остается только принять третье положеніе, что права женщинъ равны правамъ мужчинъ.

§ 2. Тѣмъ, которые, утверждая, что права женщинъ не могутъ быть равны правамъ мужчинъ, основываются на душевномъ превосходствѣ мужчинъ, можно возражать различными путями.

Прежде всего можно оспаривать самый фактъ этого превосходства. Защитникъ женщинъ можетъ привести много примѣровъ, гдѣ женщины пріобрѣли обширную извѣстность своею дѣятельностью на поприщѣ политики, наукъ, литературы и искусствъ: міръ имѣлъ множество королевъ, отличавшихся столько же своимъ могуществомъ, сколько и своей проницательностью, начиная отъ Зеновіи и до императрицъ Екатерины и Маріи Терезіи. Соммервиль, Гершель и Zornlin пріобрѣли извѣстность въ точныхъ наукахъ; въ политической экономіи Мартино; въ философіи Сталь; въ политикѣ Роланъ. Поэзія имѣетъ своихъ Тейгсъ, Геменсъ, Ландонъ и Браунингъ: драма—Іоанну Бальи; романъ—Остенъ, Бремеръ, Горъ, Ж. Зандъ и т. д. безъ конца. Въ скульптурѣ слава заслужена была принцессою: картина въ родѣ «Важнаго вопроса» достаточно доказываетъ способность женщинъ къ живописи. На сценѣ женщины безъ сомнѣнія равны мужчинамъ, а можетъ быть за ними должна остаться пальма первенства. Къ этимъ фактамъ можно присовокупить другія, важныя соображенія. Женщины всегда были, да и въ настоящее время поставлены въ невыгодное положеніе по отношенію ко всѣмъ отраслямъ знанія, мысли и искусства. Они не допускаются въ академіи и университеты, въ которыхъ мужчины получаютъ свое воспитаніе: родъ жизни, который ихъ ожидаетъ, не представляетъ такого обширнаго поля для дѣятельности честолюбія: на ихъ развитіе рѣже дѣйствуетъ величайшій изъ стиму-

ловъ, нужда; при обычномъ ихъ воспитаніи остаются неразвитыми многія изъ высшихъ способностей человѣческихъ. До настоящаго времени распространенный между мужчинами предразсудокъ относительно синяго чулка въ значительной степени мѣшалъ женщинамъ гоняться за литературными почестями и заставлялъ даже бояться ихъ. Если мы все это примемъ въ соображеніе, то поймемъ, что есть основательныя причины, по которымъ можно сомнѣваться въ превосходствѣ мужчинъ надъ женщинами, и что фактъ этотъ вовсе нельзя считать очевиднымъ.

Оставляя все это въ сторонѣ, мы будемъ опровергать положеніе на основаніи его же собственныхъ посылокъ. Пусть будетъ допущено, что интеллектуальныя силы женщины незначительнѣе силъ мужчины, что чувство управляетъ ею съ большей исключительностью, что она болѣе способна увлекаться, что она менѣе управляется разумомъ, — если мы со всѣмъ этимъ согласимся, то можетъ ли это все-таки послужить основаніемъ для ученія, что права женщинъ не могутъ быть такъ же распространены, какъ права мужчинъ.

1) Если лицамъ обоихъ половъ нужно отмѣрять права по соразмѣрности относительной величины ихъ интеллектуальныхъ силъ, то безъ всякаго сомнѣнія по той же мѣркѣ нужно отмѣрять права и отдѣльнымъ мужчинамъ. Изъ этого неизбѣжно должна выйти та многосложная путаница, о которой уже было говорено (см. стр. 125—127).

2) Далѣе изъ этого нужно вывести такое заключеніе. Такъ какъ встрѣчаются отдѣльныя женщины съ несомнѣнно большими способностями, чѣмъ тѣ, которыми обладаютъ мужчины въ среднемъ уровнѣ, то нѣкоторыя женщины должны имѣть большія права, чѣмъ нѣкоторые мужчины.

3) Такимъ образомъ, вмѣсто одного извѣстнаго и опредѣленнаго размѣра правъ для мужчинъ и другого такого же размѣра для всѣхъ женщинъ, на основаніи этой гипотезы является безконечная градація правъ, въ которой полъ уже вовсе не играетъ никакой роли. Еще разъ мы должны обратиться на поиски недосягаемаго—насъ заставляютъ гоняться за невозможной мѣрой для оцѣнки способностей, и за другимъ, столь же невозможнымъ мѣриломъ правъ.

Эта теорія не только распадается въ куски отъ процесса изслѣдованія, но если ее очистить отъ пошлой фразеологіи,

но она оказывается абсурдомъ. Что мы разумѣемъ подъ словомъ права? Слово это обозначаетъ нашу свободу по отношенію къ упражненію нашихъ способностей. А какой смыслъ имѣетъ положеніе, что женщина стоитъ душевно ниже мужчины? Оно показываетъ только, что способности женщины менѣе сильны. Что же значитъ выводъ, что женщина должна имѣть меньше правъ, потому что ея душевныя силы менѣе значительны? Онъ значитъ, что женщина должна имѣть меньше свободы упражнять *свои* способности, чѣмъ мужчина свои, потому что способности женщины болѣе слабы.

§ 3. Убѣжденіе носитъ на себѣ печать характера, оно въ сущности есть его произведеніе. Это достаточно доказывается антропоморфизмомъ. Желанія людей окончательно выражаются въ ихъ вѣрованіяхъ, т. е. въ ихъ дѣйствительныхъ вѣрованіяхъ, а не въ нормальныхъ. Разложите на части *теорію вещей* какого-либо человѣка, и вы найдете, что она основана на фактахъ, собранныхъ по внушенію его желаній. Пламенная страсть затираетъ всѣ факты, противные тому, что необходимо для ея удовлетворенія, и соединяетъ тѣ, которые должны служить ея цѣлямъ, обращаетъ ихъ въ орудія, съ помощью которыхъ она можетъ достигать этихъ цѣлей. Нѣтъ такого порочнаго поступка, для котораго не находилось бы оправданія у того, кто его совершилъ, а если поступокъ часто повторяется, то оправданіе обращается въ убѣжденіе. Самые низкіе поступки, которые записаны въ исторіи, находили себѣ защитниковъ, даже убійства варѳоломеевской ночи и тому подобное; мало этого, ихъ старались обратить въ выполненіе воли Божіей. Не лишена мудрости басня, изображающая намъ волка, который сначала обвиняетъ овцу, а потомъ пожираетъ ее. То же самое постоянно дѣлается между людьми. Каждый завоеватель, прежде чѣмъ онъ поднималъ знамя войны, старался увѣрить себя, что онъ защищаетъ справедливое дѣло. Жертвоприношенія и молитвы предшествовали всякому военному походу, начиная отъ кампаній Цезаря и кончая пограничнымъ набѣгомъ. Съ нами Богъ,—вотъ общій крикъ. Каждый изъ двухъ сражающихся народовъ освящаетъ свои знамена; и тотъ, кто побѣдилъ, поетъ Te Deum. Аттилла былъ убѣжденъ, что онъ имѣетъ «божественное право на господство надъ землею» Испанцы, порабощая индѣйцевъ, оправдывали себя обращеніемъ ихъ въ

христіанство: они повѣсили тринадцать не подчиняющихся въ честь Іисуса Христа и его апостоловъ. Мы, англичане, оправдываемъ наши завоеванія въ колоніяхъ тѣмъ, что будто бы провидѣніе Творца предназначило англо-саксонскую расу для заселенія міра! Ненасытная страсть къ завоеваніямъ обращаетъ изувѣріе людей въ добродѣтель и неумолимая мстительность обращала убійство въ обязанность болѣе чѣмъ у одного племени. Ловкое воровство считалось похвальнымъ между спартанцами и такимъ же считается между христіанами, лишь бы оно производилось въ достаточно обширныхъ размѣрахъ. Пиратство считалось героизмомъ у Язона и его дружины: точно такъ же смотрѣли на него норманы и не иначе смотрятъ на него теперь малайцы,—и еще никогда не было недостатка въ золотомъ рунѣ для того, чтобы ему послужить предлогомъ. Среди народовъ, гоняющихся за деньгами, человѣкъ цѣнится соразмѣрно количеству часовъ, проведенныхъ имъ за дѣлами: въ наши дни страсть къ пріобрѣтенію создала апоѳеозу труда, и даже скряга не лишенъ нравственнаго кодекса, которымъ онъ оправдываетъ свое скопидомство. Управляющіе классы оправдываютъ себя тѣмъ, что собственность имѣетъ болѣе права на представительство, чѣмъ личность, что преобладаніе должно оставаться за интересами поземельныхъ владѣльцевъ. Бѣдный вполнѣ убѣжденъ, что онъ имѣетъ право на помощь; монахи считаютъ книгопечатаніе изобрѣтеніемъ дьявола, и многіе изъ современныхъ нашихъ сектъ полагаютъ, что люди другой вѣры находятся подъ властью нечистой силы *). Для духовенства ничего не можетъ быть яснѣе того, что установленіе государственной церкви справедливо и существенно для поддержанія религіи. Обладатель синекуры приходитъ въ справедливое, по его мнѣнію, негодованіе, если не обращается вниманія на его право собственности въ доходахъ. И такимъ же образомъ зарождаются убѣжденія во всемъ обществѣ, съ начала до конца.

Можетъ быть самые поразительные примѣры подобныхъ убѣжденій представляютъ намъ взгляды рабовладѣльцевъ, которые утверждаютъ, что негры не принадлежатъ къ существамъ человѣческаго рода, и похожее на нихъ вѣрованіе

*) Рѣчь Гарланда на методистскомъ собраніи.

магометанъ, что женщины не имѣютъ душъ *). Во всѣхъ этихъ случаяхъ эгоизмъ подыскиваетъ достаточно основаній, чтобы дѣлать то, что онъ хочетъ,—онъ сопоставляетъ и искажаетъ, преувеличиваетъ и утаиваетъ, и всякими неправдами наконецъ-таки доходитъ до желаемаго заключенія. Конечно, можно сомнѣваться въ томъ, что люди дѣйствительно могутъ быть убѣждены въ вещахъ, которыя осязательнѣйшимъ образомъ противорѣчатъ самымъ яснымъ фактамъ. Можно утверждать, что тѣ, которые обнаруживаютъ убѣжденія до такой степени нелѣпыя, должны притворяться. Однако же тѣмъ, которые такъ думаютъ, нельзя не опасаться ошибки. Пусть они припомнятъ, что и ихъ эгоизмъ вводилъ въ обманъ и доводилъ до не менѣе грубыхъ нелѣпостей. Законы Англіи и общественное мнѣніе въ этой странѣ поддерживаютъ ученія приблизительно столь же нераціональныя, какъ тѣ, которымъ вѣрить намъ кажется невозможнымъ; часто это тѣ же самыя ученія, но только въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Развѣ убѣжденіе, что права женщинъ не равны правамъ мужчинъ, не должно быть отнесено къ взглядамъ такого же рода, если его разсмотрѣть нѣсколько внимательнѣе? Это просто то же ученіе, что женщины не имѣютъ души, но только нѣсколько ослабленное.

§ 4. Всѣмъ извѣстно, что о нравственномъ состояніи народа можно судить по тому, какъ въ его средѣ обращаются съ женщинами. Факты, которые приводятъ къ подобному общему заключенію, имѣются въ большомъ изобиліи. Обратитесь куда вамъ угодно, — вы увидите всюду, что именно настолько, насколько право сильнаго опредѣляетъ отношенія между мужчинами, оно опредѣляетъ и отношенія между мужчиною и женщиною. Торжество силы надъ правомъ господствуетъ въ учрежденіяхъ народной политики всегда именно въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ у домашняго очага. Деспотизмъ въ государствѣ неизбѣжно соединенъ съ деспотизмомъ въ семействѣ. Оба одинаково не нравственны по своему происхожденію, а потому не могутъ не существовать рядомъ. Стоитъ

*) Хотя Вашингтонъ Ирвингъ и доказалъ, что въ Коранѣ нѣтъ подобнаго ученія, но онъ не показалъ, что оно не раздѣляется магометанами. Очень можетъ быть, что вѣрованія магометанъ подверглись искаженіямъ точно такъ же, какъ и христіанскія.

только назвать Индію, Турцію, Египетъ, Китай, Россію, феодальныя государства Европы, чтобы напомнить массу фактовъ, объясняющихъ такое совпаденіе.

Странно однако, что мы всѣ почти дѣлаемъ такое наблюденіе, но не примѣняемъ его къ себѣ. Мы сидимъ за чайнымъ столомъ и разсматриваемъ народныя свойства, мы философствуемъ о развитіи цивилизованныхъ учрежденій и, нисколько не сомнѣваясь, считаемъ рѣшеннымъ дѣломъ, что мы цивилизованы, что порядокъ вещей, среди котораго мы живемъ, справедливый, или по крайней мѣрѣ приблизительно справедливый. Точно такъ же разсуждали народы въ прошлыя времена и всѣ единообразно ошибались. Теперь существуетъ множество людей, которымъ никогда не приходитъ въ голову, что мы въ этомъ можемъ ошибаться точно такъ же. Порицая дурное обращеніе съ женщинами на Востокѣ, находя, что оно указываетъ на болѣзненное состояніе общественныхъ отношеній, множество людей не понимаетъ, что то же самое отношеніе между политическимъ и домашнимъ притѣсненіемъ существуетъ въ нашей Англіи и въ настоящій часъ; наши законы и обычаи именно настолько нарушаютъ права человѣчества, давая болѣе богатымъ частямъ общества власть надъ болѣе бѣдными, насколько они нарушаютъ тѣ же самыя права, давая болѣе сильному полу власть надъ болѣе слабымъ. Если мы отбросимъ предразсудки и будемъ разсматривать всѣ учрежденія съ той точки зрѣнія, съ которой ихъ слѣдуетъ разсматривать, т. е. будемъ считать ихъ произведеніями народныхъ свойствъ, то мы вынуждены будемъ сознаться, что дѣйствительно все это должно быть правда. Закваска старой тиранніи настолько же обнаруживается въ поведеніи сената, насколько она проявляется и у домашняго очага. Если несправедливость управляетъ публичною дѣятельностью людей, то она неизбѣжно настолько же управляетъ и частною. Существованіе факта, что внѣшнія отношенія носятъ на себѣ печать притѣсненія, достаточно доказываетъ, что точно такое же положеніе существуетъ и въ быту семейномъ.

§ 5. Желаніе повелѣвать — существенно варварское желаніе. Оно обнаруживаетъ одинаковую грубость и въ указѣ царя и въ приказаніяхъ Итона. Всякое командованіе неизбѣжно дико,—оно заключаетъ въ себѣ призывъ къ насилію,

оно дико и въ томъ случаѣ, если сила необходима. За словами «вы должны» едва скрыто «если вы не хотите, я васъ заставлю».—Командованіе — это угрожающее ворчаніе дикой власти, лежащей въ засадѣ. Правильнѣе всего его можно назвать насиліемъ въ инертномъ состояніи. Вся его обстановка,— его грозныя брови, его голосъ, его жесты, показываютъ его однородность съ звѣрствомъ нецивилизованнаго человѣка. Командованіе—врагъ міра; это война, проявляющаяся словами и чувствами, а иногда и поступками. Оно не согласно съ основнымъ закономъ нравственности. Оно есть радикальное зло.

Всякое варварство прошлыхъ временъ имѣетъ своего представителя и теперь въ настоящемъ. Всѣ варварскія проявленія прошедшаго были произведеніемъ извѣстныхъ душевныхъ расположеній; свойства эти могли быть ослаблены, но они не уничтожились; пока они будутъ существовать, они должны обнаруживать себя. То, что мы называемъ повелѣніемъ и послушаніемъ—это не что иное, какъ современныя проявленія угасшихъ деспотизма и рабства. Съ философской точки зрѣнія они тожественны. Деспотизмъ есть не что иное, какъ обращеніе чужой воли къ исполненію нашихъ желаній; соотвѣтствующее ему рабство заключаетъ въ себѣ подчиненіе своей воли желаніямъ другого. Эти термины употребляются въ настоящемъ ихъ смыслѣ только тогда, когда одна воля вполнѣ управляетъ другою, — если одна окончательно или почти окончательно уничтожаетъ другую. Подчиненіе одного человѣка другому, доведенное до крайнихъ его предѣловъ, скверно; но не хорошо такъ же и всякое другое подчиненіе, какова бы ни была его степень. Каждый человѣкъ долженъ имѣть свободу упражнять свои способности въ опредѣленныхъ предѣлахъ; мы уже видѣли (глава VIII), что рабство заключаетъ въ себѣ несправедливость, потому что оно нарушаетъ законъ свободы и заставляетъ человѣка употреблять свои силы для удовлетворенія не своихъ собственныхъ, а чужихъ нуждъ; поэтому не менѣе несправедливо и все то, гдѣ есть командованіе и повиновеніе; оно несправедливо по той же самой причинѣ, оно ставитъ дѣятельность человѣка въ такое положеніе, при которомъ онъ неизбѣжно долженъ служить орудіемъ для удовлетворенія потребностей другого. «Вы должны поступать не такъ, какъ вы хотите, а такъ, какъ я хочу» — вотъ основаніе всякаго приказанія, — все равно, будетъ ли

это приказаніе обращено плантаторомъ къ негру, или мужемъ къ его женѣ. Мелкій автократъ не удовлетворяется тѣмъ, что онъ одинъ распоряжается собственными своими дѣйствіями,—онъ переходитъ за предѣлы, отдѣляющіе сферу его дѣятельности отъ круга дѣятельности сосѣда, онъ беретъ на себя такъ же управленіе его или ея дѣятельностью. Съ точки зрѣнія принципа все равно, будетъ ли такое господство полнымъ или неполнымъ. Въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ которомъ воля одного лица порабощена волею другого, стороны эти должны по отношенію другъ къ другу считаться тираномъ и рабомъ.

Безъ сомнѣнія, много найдется людей, которымъ это ученіе не понравится. Многіе находятъ, что повиновеніе одного человѣческаго существа другому справедливо и похвально,—что это добродѣтель. Много людей, которыхъ нравственное чувство не возмущается командованіемъ. Подчиненіе слабаго пола сильному кажется многимъ и законнымъ и благодѣтельнымъ. Пусть они не обманываютъ себя. Пусть они не забываютъ, что учрежденія и убѣжденія націи зависятъ отъ ея свойствъ. Пусть они помнятъ, что взгляды людскіе искажаются ихъ страстями. Пусть они знаютъ, что наше соціальное устройство достаточно доказываетъ, какъ несовершенно развиты въ насъ высшія чувства. Вспомнимъ, сколько обычаевъ, возмущающихъ насъ теперь, считались предками нашими вполнѣ справедливыми; у насъ, по крайней мѣрѣ, столько же обычаевъ, которые признаются нами справедливыми и которые будутъ внушать отвращеніе нашимъ болѣе цивилизованнымъ потомкамъ. Намъ ненавистны варварскіе взгляды, которые запрещали женщинѣ садиться за столъ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ и повелителемъ; когда-нибудь человѣчество будетъ смотрѣть съ ненавистью на подчиненіе жены мужу, которое требуется нашими современными законами.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 39) мы объяснили, что нравственное чувство только тогда обращается въ благонадежнаго руководителя, когда его внушенія разъясняются логикою. Силу авторитета имѣютъ только его первоначальныя внушенія. Разумъ долженъ выводить заключенія изъ основного закона, который порождается нравственнымъ чувствомъ. Заключенія эти, если они правильно выведены, должны почи-

таться безусловно истинными. Если находятся люди, которые не чувствуютъ несправедливости повелѣванія, то это еще ничего не значитъ. Для такихъ людей нужно изслѣдовать, согласно ли оно съ тою аксіомою, которая порождается нравственнымъ чувствомъ. При обсужденіи его съ точки зрѣнія равной свободы, оно оказывается прямо несправедливымъ; тотъ, кто повелѣваетъ, безъ всякаго сомнѣнія присвоиваетъ себѣ болѣе свободы, чѣмъ тотъ, кѣмъ распоряжаются.

§ 6. Будущее убѣжденіе въ несправедливости подчиненія одного пола другому ясно предсказывается измѣненіями, которыя производятся въ человѣческихъ чувствахъ цивилизаціею. Въ какомъ бы видѣ ни проявлялся произволъ одного человѣческаго существа надъ другимъ, всегда не трудно понять, что такой произволъ, по существу своему, есть проявленіе суровости и грубости. Въ наше время человѣкъ съ возвышенными чувствами не любитъ быть деспотомъ надъ своимъ ближнимъ. Ему непріятно, если передъ нимъ унижается человѣкъ, задавленный обстоятельствами. Онъ далекъ отъ желанія возвыситься, унижая своего бѣднаго и невѣжественнаго сосѣда, онъ старается, чтобы въ его присутствіи сосѣдъ этотъ чувствовалъ себя свободнымъ, онъ поощряетъ его къ обращенію менѣе подобострастному и болѣе исполненному чувства своего достоинство. Онъ чувствуетъ, что своего ближняго можно поработить повелительными словами и манерами настолько же, какъ и тиранническими поступками, и вотъ онъ избѣгаетъ диктаторскаго тона рѣчи съ тѣми, которые ниже его. Онъ не любитъ даже обращаться съ повелительною рѣчью къ наемнымъ слугамъ, которые обязаны служить ему по условію. Онъ старается скрыть, что онъ господинъ, онъ приказаніямъ своимъ даетъ видъ просьбъ и постоянно употребляетъ фразы «если вамъ угодно», или «покорно васъ благодарю».

Дальнѣйшій признакъ возрастающаго уваженія къ достоинствамъ другого человѣка мы видимъ въ поведеніи современнаго джентльмена по отношенію къ своему другу. Всякому извѣстно, что люди, которые находятся другъ къ другу въ отношеніяхъ интимной привязанности, избѣгаютъ самымъ тщательнымъ образомъ всего, что придаетъ одной изъ сторонъ видъ превосходства; если какое-нибудь превосходство существуетъ въ дѣйствительности, то они стараются вести себя

такъ, чтобы ничто о немъ не напоминало. Кто не былъ свидѣтелемъ затрудненія, въ которомъ иногда находится болѣе богатый другъ, желающій облагодѣтельствовать своего пріятеля и въ то же время опасающійся оскорбить его, если онъ приметъ положеніе патрона? Кто не знаетъ, въ какой степени разрушились бы взаимныя чувства между нимъ и его другомъ, если бы онъ принялъ на себя роль господина надъ нимъ, или если бы этотъ другъ вздумалъ присвоить себѣ господство?

Когда чувства человѣческія усовершенствуются еще болѣе, тогда люди поймутъ, какая роковая несообразность существуетъ между супружескимъ рабствомъ, признаннымъ нашимъ закономъ, и тѣми отношеніями, которыя должны имѣть мѣсто между мужемъ и женою. Если человѣкъ сколько-нибудь великодушный отъ природы не любитъ принимать повелительный тонъ съ своимъ слугою,—если для него невыносимъ тонъ превосходства въ отношеніяхъ къ своему другу,—то насколько же больше отвращенія должно внушать ему положеніе правителя по отношенію къ существу, на которомъ сосредоточиваются его нѣжныя чувства, съ которымъ онъ связанъ самою сильною изъ привязанностей, созданныхъ его природою, котораго права и человѣческое достоинство должны ему внушать самую дѣятельную симпатію!

§ 7. Повелѣваніе гибельно для привязанностей. Сколько возвышеннаго чувства, сколько прелести, сколько поэзіи мы находимъ въ страсти, соединяющей оба пола. Все это должно увянуть и умереть среди холодной атмосферы владычества. Любовь и принужденіе зарождаются въ областяхъ нашей природы, отдѣленныхъ другъ отъ друга далекимъ пространствомъ,—они не могутъ процвѣтать вмѣстѣ. Любовь возрастаетъ изъ лучшихъ нашихъ чувствъ, корни принужденія—въ самыхъ худшихъ. Любовь полна симпатій, принужденіе безчувственно. Любовь нѣжна, принужденіе грубо. Любовь самоотверженна, принужденіе эгоистично. Какимъ же образомъ могутъ они существовать рядомъ? Одна привлекаетъ къ себѣ, а другое отталкиваетъ. Дѣйствуя такимъ образомъ въ противоположныхъ направленіяхъ, одно постоянно стремится разрушить то, что создано другимъ. Пусть тотъ, кто считаетъ возможнымъ согласить эти двѣ крайности, вообразитъ себѣ, что онъ будетъ разыгрывать властелина надъ своею

невѣстою. Неужели онъ думаетъ, что онъ будетъ въ состояніи поступать такимъ образомъ безъ вреда для существующихъ отношеній? Не слѣдуетъ ли ему скорѣе предположить, что такое поведеніе должно дурно отозваться на чувствахъ обѣихъ сторонъ? Онъ долженъ съ этимъ согласиться, а если онъ съ этимъ согласится, то онъ не можетъ признать безвреднымъ употребленіе приказаній послѣ совершенія извѣстнаго обряда и произнесенія извѣстныхъ словъ, если до того эти приказанія оказывались вредными; неужели предразсудки въ немъ будутъ такъ сильны, что онъ дойдетъ до такой непослѣдовательности?

Превосходство одного пола надъ другимъ, превращеніе свободнаго и равнаго отношенія въ унизительное отношеніе правителя и подвластнаго, замѣщеніе силы любви господствомъ власти, — вотъ самыя могущественныя изъ всѣхъ причинъ, которыя производятъ разочарованіе и уничтожаютъ блестящія надежды, обыкновенно сопровождающія вступленіе въ бракъ. Возможность идеальной любви начинается только тогда, когда улучшается то рабское положеніе, на которое женщина осуждена среди варварскихъ народовъ; когда это рабское положеніе уничтожится вполнѣ, тогда идеальная любовь достигнетъ полнаго своего развитія и сдѣлается постоянною. Это вполнѣ доказывается тѣмъ, что насъ окружаетъ. Всюду, гдѣ въ настоящее время существуетъ что-нибудь достойное названія супружескаго счастья, мы видимъ, что жену не принуждаютъ подчиняться мужу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ принужденіе удерживается въ теоріи, оно изгнано изъ практики.

§ 8. Многіе думаютъ, что власть и ея союзникъ принужденіе — это единственныя средства для удержанія порядка среди людей. Для нихъ существуетъ только выборъ между двумя крайностями—анархіею и правительствомъ. Они вѣрятъ только тому, что они видятъ, они не могутъ себѣ представить возможности такого положенія, гдѣ миръ и порядокъ будутъ существовать безъ участія силы или безъ страха передъ могуществомъ. Подобные люди, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ защищать ученіе господства мужа надъ женою на томъ основаніи, что правильныя семейныя отношенія могутъ существовать только при помощи главенства, сосредоточеннаго въ одномъ лицѣ. Справедливость ученія о равенствѣ

правъ между мужчиною и женщиною они будутъ опровергать непрактичностью его въ примѣненіи. Они будутъ утверждать, что если мужа и жену поставить на одинъ уровень, то между ними будетъ вѣчный антагонизмъ: какъ скоро у нихъ явится противоположныя желанія, то каждый будетъ полагать, что онъ имѣетъ равное другому право, чтобы сдѣлать по-своему, супружескій союзъ будетъ ежедневно подвергаться опасности отъ раздора, для котораго противоположныя требованія будутъ источникомъ, порождая нескончаемую борьбу: такое основаніе для семейной жизни безъ сомнѣнія будетъ ложнымъ.

Подобное заключеніе въ высшей степени поверхностно. Уже выше было сказано (стр. 47—48), что между совершеннымъ закономъ и несовершеннымъ состояніемъ людей не можетъ быть соотвѣтствія. Чѣмъ хуже будетъ положеніе общества, тѣмъ болѣе истинный законъ нравственности будетъ казаться похожимъ на мечту. Если предложенное правило поведенія вполнѣ примѣнимо на практикѣ, если для своего полнаго осуществленія оно не требуетъ никакого преобразованія въ человѣческой природѣ, то это скорѣе послужитъ доказательствомъ его ошибочности, чѣмъ его вѣрности. Наоборотъ, если между правиломъ и человѣчествомъ, въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ теперь, существуетъ нѣкоторое несоотвѣтствіе, то хотя это обстоятельство и не можетъ быть доказательствомъ истинности правила, но оно до извѣстной степени говоритъ въ его пользу. Если человѣчество еще недостаточно совершенно, чтобы лица обоихъ половъ могли жить согласно вмѣстѣ при господствѣ закона равной свободы, то этимъ еще вовсе не ослабляется значеніе и непреложность такого закона.

Никогда не дремлющій процессъ приспособленія постепенно будетъ устранять это препятствіе къ правильнымъ домашнимъ отношеніямъ. Признаніе нравственнаго закона и стремленіе слѣдовать ему всегда идутъ рука объ руку; — необходимость такой связи между признаніемъ и стремленіемъ мы уже показали выше. Поэтому равенство правъ между супругами сдѣлается все болѣе и болѣе исполнимымъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ распространяться убѣжденіе въ справедливости такого отношенія. Эгоистическое столкновеніе требованій, на основаніи изложеннаго выше возраженія, долженствующее породить анархію въ супружествахъ, основанныхъ на законѣ равной свободы, показываетъ недостатокъ въ тѣхъ

чувствахъ, при которыхъ въ душѣ человѣка является вѣра въ этотъ законъ: необходимость такихъ столкновеній будетъ постоянно уменьшаться, по мѣрѣ того, какъ чувства эти будутъ возрастать. Изъ предыдущаго (стр. 115) читателю уже извѣстно, что то же самое чувство, которое заставляетъ насъ охранять наши собственныя права посредствомъ симпатическаго возбужденія, приводитъ насъ къ уваженію правъ нашихъ сосѣдей. При одинаковыхъ условіяхъ чувство справедливости по отношенію къ намъ самимъ и такое же чувство по отношенію къ другимъ находятся между собою въ соотвѣтствіи. Общество, въ которомъ каждый ревностно охраняетъ свои собственныя права, не должно быть вслѣдствіе этого ябедническимъ обществомъ, потому что въ немъ неизбѣжно въ тѣхъ же размѣрахъ уменьшается и стремленіе къ посягательству на права другого. Это доказывается опытомъ. Нельзя отрицать, что въ настоящее время между людьми господствуетъ болѣе стремленія къ личной свободѣ, чѣмъ во времена феодальныя, и въ то же время мы видимъ, что люди обнаруживаютъ менѣе расположенія нарушать чужія права. Измѣненія въ томъ и другомъ отношеніи соотвѣтствуютъ другъ другу и всегда должны соотвѣтствовать. Итакъ, если общество цивилизуется до такой степени, что оно пойметъ необходимость равенства въ правахъ между мужчиною и женщиною, если женщины будутъ ясно понимать то, что они могутъ себѣ требовать по справедливости, если мужчины будутъ обладать достаточно благородными чувствами, чтобы уступить справедливымъ требованіямъ женщинъ, тогда въ человѣчествѣ произойдутъ такія перемѣны, что равенство правъ сдѣлается удобопримѣнимымъ.

При подобныхъ окончательно установившихся условіяхъ супружеская жизнь будетъ характеризоваться не постоянными ссорами, а взаимными уступками. У мужа не будетъ желанія доводить свои требованія до крайности не обращая вниманія на желанія жены, у жены не будетъ зарождаться подобныхъ же наклонностей,—напротивъ, оба будутъ внимательно наблюдать, чтобы не перейти за предѣлъ своихъ правъ. Каждый будетъ ревниво охранять права другого; поэтому ни одному не придется защищаться. Самоотверженіе, а не нарушеніе права, будетъ руководящимъ правиломъ. Борьба будетъ происходить не изъ-за права взять верхъ, а изъ-за права усту-

нить. Каждый будетъ опасаться не того, чтобы его право было нарушено, а того, чтобы не нарушить права чужого. Такимъ образомъ, вмѣсто домашняго раздора, явится такое возвышенное единодушіе, о которомъ теперь не имѣютъ понятія.

Въ этомъ нѣтъ ничего утопическаго. Мы можемъ уже теперь указать на зародыши подобныхъ отношеній. Подобныя отношенія нерѣдко можно встрѣтить между почтенными людьми; почему же они не могутъ существовать между мужчинами и женщинами?—Тамъ и сямъ мы можемъ найти даже и теперь бракъ, гдѣ взаимныя отношенія супруговъ носятъ подобный характеръ. То, что теперь исключеніе, можетъ со временемъ сдѣлаться правиломъ.

§ 9. Противъ распространенія на женщинъ закона о равной свободѣ безъ всякаго сомнѣнія будетъ сдѣлано возраженіе и съ той точки зрѣнія, что въ этомъ случаѣ политическія права мужчинъ должны быть перенесены и на женщинъ. Безъ всякаго сомнѣнія это должно быть сдѣлано, и почему же не сдѣлать? — Развѣ потому, что женщины не знакомы съ государственными дѣлами? — Въ такомъ случаѣ ихъ мнѣнія будутъ мнѣніями ихъ мужей и братьевъ, и практическій результатъ этой мѣры будетъ состоять въ томъ, что каждый мужчина - избиратель будетъ имѣть два голоса, вмѣсто одного. Но можетъ быть потому, что они со временемъ сдѣлаются болѣе свѣдущими въ этомъ отношеніи и начнутъ дѣйствовать самостоятельно?—Такъ что же,—въ этомъ случаѣ они будутъ приблизительно такъ же способны умно пользоваться своимъ правомъ, какъ и наши современные избиратели.

Но намъ говорятъ, что назначеніе женщины—домашняя жизнь, что ея свойства и ея положеніе не дозволяютъ ей принимать участіе въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ,—что политика лежитъ за предѣлами сферы ея дѣятельности. Отсюда возникаетъ вопросъ: кто можетъ рѣшить, въ чемъ заключается эта сфера?—Среди навіевъ и сіуксовъ женщина служитъ вьючнымъ животнымъ, она должна переносить багажъ, таскать домой топливо изъ лѣсу и совершать всѣ домашнія и трудныя работы. Въ рабовладѣльческихъ странахъ сфера дѣятельности женщины заключается въ работѣ рядомъ съ мужчинами подъ кнутомъ надсмотрщика. Въ современной Франціи къ ея сферу входятъ канцелярскія занятія, обязан-

ности кассира и тому подобная отвѣтственная дѣятельность. Въ то же время сфера дѣятельности турецкой и египетской лэди не выходитъ за предѣлы стѣнъ гарема. Пусть же кто-нибудь намъ скажетъ, въ чемъ заключается истинная сфера женщины? Если обычаи человѣчества такъ разнородны въ этомъ отношеніи, то пусть же намъ скажутъ, откуда мы можемъ убѣдиться, что тотъ кругъ дѣятельности, который мы предназначили для женщины, долженъ быть истинной ея сферой, что предѣлы, которые мы для нея постановили, именно настоящіе предѣлы. Пусть намъ докажутъ, почему на этомъ пунктѣ нашей соціальной политики мы вполнѣ правы, хотя мы ошибаемся въ столь многихъ другихъ случаяхъ.

Утверждаютъ, что пользованіе политическими правами со стороны женщинъ противно нашему чувству приличій, что оно не согласно съ нашими понятіями объ особенностяхъ женщины,—что оно вполнѣ отвергается нашими чувствами. Съ этимъ можно согласиться—но что же изъ этого? То же самое говорилось въ защиту тысячи нелѣпостей, и подобное возраженіе такъ же дѣйствительно въ одномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ. Если бы человѣкъ, путешествующій на Востокѣ, спросилъ у турка, почему женщины въ его странѣ закрываютъ свое лицо, онъ получилъ бы въ отвѣтъ, что ходить съ непокрытымъ лицомъ считается для нихъ неприличнымъ, что они оскорбляли бы этимъ чувства зрителей. Въ Россіи женскаго голоса нельзя услыхать въ церкви, женщинъ не считаютъ достойными «пѣть хвалу Божію въ присутствіи мужчинъ» (?), — пренебреженіе къ такому правилу считалось бы оскорбительнымъ для чувствъ общества. Во Франціи люди когда-то были такъ влюблены въ невѣжество, что женщина могла говорить правильно только самыя обыкновенныя рѣчи, въ противномъ случаѣ ее стыдили ея же подруги; этимъ удовлетворительно доказывается, что въ то время народныя чувства порицали въ женщинѣ то образованіе, отсутствіе котораго порицается нами теперь. Въ Китаѣ благовоспитанная женщина должна имѣть уродливо стиснутыя ноги. Чувства китайца въ этомъ отношеніи такъ сильны, что ему кажется невѣроятнымъ, что англійская женщина, которая ходитъ на ногахъ естественной величины, можетъ принадлежать къ высшимъ слоямъ общества. Когда-то женщина не могла написать книгу—это считалось не женствен-

нымъ поступкомъ; люди, которые думали такимъ образомъ, безъ всякаго сомнѣнія въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылались на свои чувства. Послѣ всего этого люди утверждаютъ, что эманципація женщины не можетъ имѣть справедливаго основанія, потому что она противна ихъ чувствамъ!

Мы имѣемъ извѣстныя неизбѣжныя и вѣчныя чувства; у насъ есть другія порожденныя обычаями, и эти чувства измѣнчивы и способны исчезнуть. Чувства врожденныя и неизбѣжныя можно отличить отъ условныхъ только однимъ путемъ—для этого необходимо обратиться къ основнымъ началамъ. Если чувство соотвѣтствуетъ какимъ-либо неизбѣжнымъ условіямъ нашего существованія, то слѣдуетъ уважать его внушенія. Чувство, противорѣчащее этимъ неизбѣжнымъ условіямъ, вмѣсто того, чтобы быть съ ними въ гармоніи, не должно имѣть для насъ значенія; на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на произведеніе обстоятельствъ, воспитанія и привычки. Насколько бы слѣдовательно предоставленіе женщинамъ политическихъ правъ ни расходилось съ нашими понятіями о приличіи, мы все-таки должны придти къ заключенію, что такая уступка справедлива и хороша, потому что она требуется первымъ условіемъ для наибольшаго счастія—закономъ равной свободы.

§ 10. Все это показываетъ намъ, что права женщинъ должны быть признаваемы и отвергаемы наравнѣ съ правами мужчинъ; они происходятъ изъ того же самаго источника; та же самая аксіома служитъ имъ основаніемъ; они доказываются тѣми же самыми доводами. Далѣе, несомнѣнно, что законъ равной свободы долженъ быть одинаково примѣняемъ и къ мужчинамъ и къ женщинамъ, потому что при всякомъ другомъ образѣ дѣйствія мы запутываемся въ безвыходныхъ затрудненіяхъ. Идея о неравенствѣ правъ женщинъ и мужчинъ была отвергнута нами по причинѣ своей однородности съ восточнымъ ученіемъ, что у женщинъ нѣтъ души. Мы утверждали, что современное положеніе женщины необходимо слѣдуетъ считать ложнымъ, потому что тотъ же самый эгоизмъ, который искажаетъ наши политическія учрежденія, неизбѣжно долженъ искажать и наши семейныя отношенія. Подчиненіе женщинъ мужчинамъ отвергалось также потому, что оно предполагаетъ повелѣваніе и этимъ обнаруживаетъ свое происхожденіе отъ варварства. Было доказано, что по-

ложеніе мужчины въ качествѣ господина, а женщины въ качествѣ подчиненнаго, совершенно несогласно съ возвышенными чувствами, которыя должны существовать между мужемъ и женою. Мнѣніе, что супружеская жизнь практически невозможна при другихъ условіяхъ, мы опровергали доказывая, что отношеніе равенства сдѣлается возможнымъ тотчасъ, какъ скоро справедливость этой идеи будетъ признана. Наконецъ было разъяснено, что возраженія, обыкновенно употребляемыя противъ предоставленія женщинамъ политическихъ правъ, основаны на чувствахъ и предразсудкахъ, которые не выдерживаютъ критики.

ГЛАВА XVII.

Права дѣтей.

§ 1. Если мы однажды убѣдимся въ томъ, что законъ нашъ—истинный законъ, если мы увѣримся, что онъ заключаетъ въ себѣ волю Божію, если мы поняли, что онъ вытекаетъ изъ природы вещей, то мы должны увѣренно слѣдовать за нимъ всюду, куда бы онъ насъ ни привелъ. Выше (лемма вторая) было доказано, что истинное правило не имѣетъ исключеній. Итакъ, если основной законъ, изъ котораго вытекаютъ права взрослыхъ, окажется въ то же время источникомъ, изъ котораго нужно выводить права дѣтей, и если пріемы при выводахъ окажутся одинаково правильными и въ томъ и въ другомъ случаѣ, то намъ останется только согласиться съ результатомъ и утверждать, что выводы, касающіеся дѣтей, должны имѣть точно такую же силу, какъ и выводы, касающіеся взрослыхъ.

Законъ, провозглашающій, что каждый долженъ имѣть свободу дѣлать все, что онъ хочетъ, если онъ не нарушаетъ равной свободы другого, долженъ одинаково примѣняться и къ несовершеннолѣтнимъ и ко взрослымъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ обратиться къ источнику этого закона. Богъ желаетъ человѣческаго счастія,—счастіе человѣка достигается только черезъ посредство его способностей: для достиженія этого счастія необходимо упражненіе этихъ способностей; для упражненія способностей необходима свобода дѣйствій,—вотъ ступени, которыя доводятъ насъ отъ познанія воли Божіей къ закону о равной свободѣ. Вся эта аргументація настолько же примѣнима къ ребенку, какъ и ко взрослому чѣловѣку. Счастіе ребенка точно такъ же требуется во-

лей Божіей:—ребенокъ точно такъ же имѣетъ способности, которыя требуютъ упражненія:—ребенку точно такъ же нуженъ просторъ для упражненія этихъ способностей: слѣдовательно, ребенокъ можетъ требовать для себя свободу или, какъ мы выражаемся, права, въ тѣхъ самыхъ размѣрахъ, какъ и взрослый. Если бы мы даже желали избѣгнуть этого заключенія, то для насъ не представится къ тому возможности. Мы должны или вовсе отвергнуть законъ, или включить въ него и мужчинъ и женщинъ и людей всѣхъ возрастовъ.

Чистосердечный мыслитель вынужденъ будетъ согласиться съ этимъ, если онъ обратитъ вниманіе на множество затрудненій, которыми сопровождается всякое другое ученіе. Какъ скоро мы будемъ утверждать, что законъ равной свободы примѣняется только ко взрослымъ, или, что одно и то же, если мы скажемъ, что взрослый имѣетъ права, а ребенокъ не имѣетъ ихъ, то мы тотчасъ же встрѣчаемся съ вопросомъ, когда же ребенокъ дѣлается взрослымъ? Въ какой періодъ своей жизни человѣческое существо переходитъ изъ безправнаго состоянія въ состояніе полноправное? Никто конечно неспособенъ дойти до такой нелѣпости, чтобы указать вмѣсто отвѣта на произвольное постановленіе книги законовъ. Слѣдуетъ конечно обратиться къ болѣе важному авторитету, чѣмъ къ авторитету законныхъ постановленій, и вотъ спрашивается, на чемъ же должны быть основаны отвѣты на эти вопросы, гдѣ то отличительное свойство, отъ котораго зависитъ признаніе совершеннолѣтія со стороны закона равной свободы? Можетъ ли несовершеннолѣтній требовать для себя общія права человѣчества, когда голосъ его понижается на октаву? Или когда онъ начинаетъ бриться? Или когда онъ перестаетъ расти? Или когда онъ можетъ поднять сто двадцать пять фунтовъ? Что слѣдуетъ принимать за основаніе при опредѣленіи совершеннолѣтія, года или ростъ, или силу, или способность къ дѣторожденію, или интеллектуальное развитіе? Въ пользу каждаго изъ этихъ признаковъ, безъ сомнѣнія, можно сказать многое, но кто можетъ рѣшить, который изъ нихъ истинный? Что можно отвѣтить на такое возраженіе, что если выбрать одинъ изъ этихъ признаковъ, то множество людей, которые признаются теперь несовершеннолѣтними, будутъ признаны совершеннолѣтними, и, наоборотъ, къ числу несовершеннолѣтнихъ

попадутъ тѣ, которые теперь всѣми признаются за возмужалыхъ?

Это еще не все. Предположимъ, что какимъ-нибудь неизвѣстнымъ теперь логическимъ путемъ будетъ опредѣлено, въ какой именно день своей жизни человѣкъ получитъ справедливое право требовать для себя свободы, то затѣмъ останется еще опредѣлить положеніе, въ которомъ онъ долженъ находиться до наступленія этого періода. Что же,—малолѣтній вовсе не имѣетъ никакихъ правъ? Если это такъ, то дѣтоубійство не заключаетъ въ себѣ ничего дурного. Если это такъ, то слѣдуетъ оправдать разбой въ томъ случаѣ, когда ограбленный не достигъ совершеннаго возраста. Если это такъ, то ребенка можно сдѣлать рабомъ. Это прямо слѣдуетъ изъ того, что было сказано выше (стр. 131 и 155); убійство, воровство, кабала только потому и дурны, что они заключаютъ въ себѣ нарушеніе человѣческихъ правъ: если дѣти не имѣютъ правъ, то относительно ихъ невозможно и совершать такихъ преступленій. Съ другой стороны можно согласиться съ тѣмъ, что признается теперь всѣми, и утверждать, что дѣти должны имѣть извѣстныя права; въ настоящее время признается, что несовершеннолѣтній имѣетъ одинаковое со взрослымъ право на жизнь, что онъ имѣетъ что-то подобное праву взрослаго на свободу; если не законодательствомъ, то, по крайней мѣрѣ, общественнымъ мнѣніемъ признается, что, подобно взрослому, онъ можетъ владѣть собственностью. Въ этотъ случаѣ необходимо разъяснить, почему эти основныя права должны быть ему предоставлены и почему ему не должны быть предоставлены другія. Тѣ, которые утверждаютъ, что дѣти вовсе не должны имѣть правъ и что, подобно низшимъ животнымъ, они могутъ существовать только съ дозволенія взрослыхъ, принимаютъ положеніе опредѣленное; насчетъ этого положенія нельзя ошибиться. Но тѣ, которые ставятъ дѣтей нравственно выше животныхъ и которые утверждаютъ, что дѣти должны имѣть извѣстныя права, но что права эти не должны быть равны правамъ взрослыхъ, тѣ обязаны указать границу этихъ правъ, опредѣлить ее и объяснить основаніе, на которомъ они ее проводятъ. Они должны показать, какія права принадлежатъ дѣтямъ вообще со взрослыми и почему; они должны объяснить, въ чемъ именно права взрослыхъ превосходятъ права

дѣтей и почему. Отвѣтъ на эти вопросы они должны выводить не изъ утилитарныхъ соображеній, а изъ основного устройства вещей.

Можно утверждать, что отношеніе между отцомъ и его ребенкомъ не похоже на отношенія между посторонними людьми, такъ какъ отецъ снабжаетъ ребенка всѣмъ необходимымъ для жизни; что вслѣдствіе этого законъ равной свободы не можетъ быть примѣняемъ къ подобному отношенію. На это слѣдуетъ отвѣтить, что отецъ, давая ребенку содержаніе, создаетъ этимъ для себя извѣстное право, но не право на власть, а право получать такое же обезпеченіе, если бы онъ въ немъ когда-либо нуждался. Если бы безвозмездное одолженіе порождало право на власть въ этомъ случаѣ, то оно должно было бы порождать его и во всѣхъ прочихъ; всякій человѣкъ, который дѣлается благодѣтелемъ другого, получалъ бы право господства надъ нимъ; подобнаго заключенія ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить. Если положеніе отца даетъ ему право переступать за предѣлы свободы своихъ дѣтей, то неизбѣжно возникаетъ вопросъ, до какой степени онъ можетъ нарушать эту свободу, можетъ ли онъ ее уничтожить совершенно посредствомъ смертоубійства? Если нѣтъ, то нужно опредѣлить границу, до которой онъ можетъ идти и за которую онъ не можетъ переступить: эта задача такъ же неразрѣшима, какъ и вышеизложенная.

Читатель или долженъ признать равныя права за малолѣтними и за совершеннолѣтними, или онъ долженъ доказать, что рядъ выводовъ изъ проявленія воли Божіей, посредствомъ котораго мы доходимъ до закона о равной свободѣ, не относится до дѣтей, онъ долженъ опредѣленно указать время, когда ребенокъ дѣлается совершеннолѣтнимъ, онъ долженъ показать, какой размѣръ свободы по природѣ вещей принадлежитъ вообще дѣтямъ и взрослымъ, и какой размѣръ принадлежитъ только тѣмъ или другимъ,—всего этого онъ разъяснить не можетъ, а потому ему остается остановиться на равенствѣ правъ.

Есть впрочемъ на первый взглядъ благовидный путь для опроверженія этихъ аргументовъ. Можно утверждать, что у ребенка многія способности будущаго взрослаго человѣка находятся въ неразвитомъ состояніи, а такъ какъ права по существу своему зависятъ отъ способностей, то права дѣтей

не могутъ быть равны правамъ взрослыхъ, потому что способности ихъ не равны. Это возраженіе было бы гибельно, если бы оно прямо входило въ существо вопроса, но оно остается совершенно въ сторонѣ и не касается его. Весь размѣръ правъ, которымъ можетъ обладать человѣкъ, заключается въ неограниченной свободѣ упражнять всѣ свои способности. Когда каждое изъ двухъ существъ имѣетъ неограниченную свободу упражнять всѣ свои способности, тогда каждый будетъ имѣть полный размѣръ слѣдующихъ ему правъ: права обѣихъ будутъ равны: будутъ ли при этомъ ихъ способности равны или нѣтъ, это сюда не относится. Сказать, что права одного ограниченнѣе правъ другого, потому что его способности незначительнѣе, это значитъ сказать, что онъ лишенъ права на дѣятельность способностей, которыхъ у него не существуетъ,—странная смѣсь очевиднаго съ нелѣпымъ!

§ 2. Мы предупреждали (стр. 63), что въ нашемъ основномъ началѣ заключаются зародыши различныхъ неожиданныхъ выводовъ. Съ однимъ изъ нихъ мы теперь встрѣтились. Мы вынуждены были сдѣлать заключеніе, рѣзко противоположное убѣжденію всѣхъ людей. Но истина неизбѣжно должна быть послѣдовательна. Намъ остается одно,—основательно разсмотрѣть мнѣнія, порожденныя въ насъ предразсудкомъ, и мы должны ожидать, что найдемъ ихъ ложными.

Если мы хотимъ это сдѣлать путемъ философскимъ, то мы должны обратить вниманіе на тѣ вліянія, которыми искажаются наши убѣжденія, хотя при этомъ мы рискуемъ повториться. Вотъ что намъ слѣдуетъ помнить всегда. Мы всѣ признаемъ отвлеченную истину, что страсти затемняютъ разсудокъ; но никогда мы не даемъ себѣ труда изслѣдовать, не вліяютъ ли на насъ въ извѣстномъ случаѣ страсти. Мы всѣ нападаемъ на предразсудки, а всѣ ихъ имѣемъ. Мы видимъ, какъ привычки, интересы и тому подобныя вещи создаютъ теоріи окружающихъ насъ людей, но забываемъ, что наши собственныя теоріи испечены нами такимъ же образомъ. Безпрерывно повторяются случаи, гдѣ наши чувства, противъ нашей воли, склоняютъ насъ въ извѣстную сторону. Пристрастіе собственника, которое человѣкъ чувствуетъ къ своимъ идеямъ, скрываетъ передъ нимъ ихъ недостатки точно такъ же, какъ чувство материнской нѣжности

ослѣпляетъ мать насчетъ несовершенствъ ея ребенка. Авторъ никакимъ образомъ не можетъ правильно судить о своемъ произведеніи, которое онъ только-что написалъ; нужно, чтобы прошло столько времени, чтобы онъ могъ прочесть свое произведеніе, будто оно было написано посторонним лицомъ — и тогда онъ открываетъ недостатки тамъ, гдѣ ему все казалось совершеннымъ. Артистъ только тогда можетъ видѣть ошибки своей картины, когда энтузіазмъ, который его одушевлялъ, охладился. Мы никакимъ образомъ не можемъ получить правильнаго понятія о нашихъ поступкахъ или о поступкахъ другихъ по отношенію къ намъ въ то время, когда они происходятъ; только по истеченіи многихъ лѣтъ мы способны разсматривать ихъ съ философской точки зрѣнія. То же самое случается съ слѣдующими другъ за другомъ поколѣніями. Люди прошлаго совершенно невѣрно понимали учрежденія, среди которыхъ они жили. Они упорно держались самыхъ ложныхъ принциповъ и противъ справедливыхъ вели оппозицію, исполненную горечи; во всѣхъ этихъ случаяхъ они слѣдовали своимъ привязанностямъ и своимъ антипатіямъ. Вотъ какъ трудно человѣку отдѣлаться отъ невидимыхъ оковъ, надѣтыхъ привычкой и воспитаніемъ на его умственную силу! Вотъ до какой степени осязательна некомпетентность народа въ правильныхъ сужденіяхъ о себѣ, о своихъ поступкахъ и мнѣніяхъ! Фактъ этотъ породилъ даже общественный афоризмъ: «Ни одинъ вѣкъ не способенъ написать свою исторію»; афоризмъ этотъ довольно ясно выражаетъ всеобщее распространеніе предразсудка.

Если мы хотимъ быть мудрыми, то мы должны предположить, что сужденія современнаго общества подвержены тѣмъ же самымъ искажающимъ ихъ вліяніямъ. Мы должны заключить, что и въ настоящее время, какъ во времена прошедшія, мнѣнія соотвѣтствуютъ условіямъ жизни; они выражаютъ только степень цивилизаціи, которой мы достигли. Мы должны предполагать, что многія изъ тѣхъ убѣжденій, которыя намъ кажутся результатами безстрастнаго мышленія, порождены въ насъ окружающими обстоятельствами. Мы должны сознаться, что до сего времени ни исполненная фанатизма оппозиція противъ какого-либо ученія, ни суевѣрная привязанность къ другимъ не могли служить доказательствами вѣрности или ложности этихъ ученій; правильность

и ложность извѣстнаго принципа точно такъ же мало доказываются силою привязанности и отвращенія, которыя видны по отношенію къ нему въ какой-либо изъ націй настоящаго времени. Мало этого, намъ слѣдуетъ утверждать, что общественное мнѣніе не только можетъ ошибиться, но оно должно ошибаться. Общество не можетъ существовать безъ извѣстнаго равновѣсія между учрежденіями и идеями:—если ложь проникаетъ насквозь наши учрежденія, то она точно такъ же должна проникать и идеи. Народъ настолько же будетъ отступать отъ истины въ своихъ убѣжденіяхъ, насколько онъ будетъ удаленъ отъ совершенства въ своемъ общественномъ устройствѣ.

Тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ необходимо хладнокровное вниманіе. Какъ уже указано было выше, положеніе, которое мы высказали, противорѣчитъ привычкамъ, установившимся отношеніямъ и самымъ любимымъ убѣжденіямъ огромнаго большинства. Законъ равной свободы примѣняется къ дѣтямъ настолько же, насколько и ко взрослымъ, слѣдовательно, права дѣтей такъ же велики, какъ и права взрослыхъ; употребленіе принужденія относительно дѣтей нарушаетъ ихъ права и потому заключаетъ въ себѣ несправедливость; поэтому отношенія, господствующія теперь между родителями и дѣтьми, неправильны—вотъ выводы, которые, можетъ быть, немногими будутъ выслушаны спокойно. Несмотря на это, если только вышеизложенныя соображенія имѣютъ какое-нибудь значеніе,—мы хорошо сдѣлаемъ, если мы не обратимъ вниманія на всѣ протесты нашего чувства и вполнѣ повѣримъ заключеніямъ отвлеченной нравственности.

§ 3. Мы говоримъ, что о свойствахъ человѣка можно судить по обществу, которое онъ посѣщаетъ. Можно такъ же сказать, что о степени вѣрности извѣстнаго убѣжденія можно судить по нравственному уровню, среди котораго оно господствуетъ. Если мы видимъ, что извѣстное ученіе пользуется всеобщимъ признаніемъ между тѣми частями человѣческаго рода, которыя стоятъ на самомъ низкомъ уровнѣ, что ученіе это принимается только съ значительными ограниченіями цивилизованными народами, что вѣра въ это ученіе уменьшается по мѣрѣ того, какъ общество развивается, тогда мы можемъ быть увѣрены, что ученіе это ложное. На основаніи такихъ и имъ подобныхъ доказательствъ мы отвергли подчиненіе одного пола другому. Въ подтвержденіе того, что

подчиненіе женщины мужчинѣ существенно несправедливо, мы между прочимъ приводили общераспространенный фактъ, что порабощеніе женщины неизмѣнно встрѣчается въ такихъ обществахъ, которыя стоятъ на низкой ступени развитія, что прогрессъ единообразно сопровождается расширеніемъ женскихъ правъ и приближеніемъ къ равенству съ мужчиной. Если мы на мѣсто слова «женщина» поставимъ слово «дитя», то можно будетъ привести точно такіе же факты и вывести точно такое же заключеніе. Если справедливо, что власть мужчины надъ женщиною была тѣмъ болѣе притѣснительна, чѣмъ грубѣе былъ вѣкъ или чѣмъ ниже степень цивилизаціи народа, то справедливо такъ же, что въ тѣхъ же размѣрахъ и власть родительская отличалась большею или меньшею суровостью и неограниченностью. Предѣлы эманципаціи женщины расширялись постепенно по мѣрѣ эманципаціи всего общества; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣхъ же размѣрахъ, постепенно уменьшалась деспотическая власть стараго надъ молодымъ. Въ нашъ вѣкъ мы видимъ постоянно возрастающее признаніе народныхъ правъ и въ то же время безъ шуму зрѣющее пониманіе правъ женщины; рядомъ съ этимъ развивается и стремленіе къ системамъ воспитанія, соединеннымъ съ меньшимъ принужденіемъ, т. е. къ практическому примѣненію правъ дѣтей.

Тотъ, кто нуждается въ примѣрахъ для объясненія гармоніи между политическими и брачными отношеніями и отношеніями къ дѣтямъ, тотъ можетъ найти ихъ вездѣ и во всемъ. Анализируя первобытное состояніе людей, мы находимъ, что общество въ этомъ періодѣ едва возможно, такъ велика притязательность одного человѣка по отношенію къ другому; въ то же время женщины были въ рабствѣ, и если могли существовать, то обязаны были этимъ не предоставленнымъ имъ правамъ, а терпимости со стороны какого-либо мужчины; дѣти могли жить только вслѣдствіе подобной же терпимости и по желанію отца приносились въ жертву богамъ.

Въ классическія времена пять шестыхъ населенія находились въ рабствѣ, и такое положеніе сопровождалось ученіемъ, что сынъ собственность и рабъ своего отца, а жена, на основаніи юридической фикціи, считается во власти точно такъ же какъ, и дѣти. Въ Индостанѣ населяющія страну племена пали такъ низко въ политическомъ отношеніи, что

для нихъ неограниченная монархія кажется единственной возможной формой правленія; такое настроеніе сопровождается сожженіемъ вдовъ и дѣтоубійствомъ. Ту же самую связь явленій мы видимъ и въ Китаѣ: тамъ вполнѣ автократическое правленіе, и господствуетъ общественное убѣжденіе, что со стороны женщины непростительно обвинять своего мужа передъ судомъ: непослушаніе со стороны сына или дочери считается тамъ преступленіемъ, которое занимаетъ первое мѣсто послѣ убійства. Наша собственная исторія также не лишена подобныхъ примѣровъ. Были времена, когда конституціонная свобода существовала у насъ только по имени, когда людямъ отказывалось въ правѣ на свободу рѣчи и убѣжденій, когда представители народа открыто подкупались, а правосудіе продавалось за деньги: то были времена вполнѣ достойныя законныхъ постановленій о рабствѣ женщинъ. Зато же изучающій ихъ поражается суровостью обращенія родителей съ дѣтьми и раболѣпіемъ, которое обнаруживалось сыновьями и дочерями по отношенію къ родителямъ. Семейныя отношенія конца послѣдняго столѣтія характеризуются тѣмъ, что дѣти обращались къ родителямъ съ словами Sir и Madam, сынъ или дочь должны были безъ разсужденій жениться или выходить замужъ по назначенію отца; въ то же время политическая наша жизнь отличается господствомъ аристократіи, существованіемъ партіи нетерпимыхъ, съ лозунгомъ церковь и король, и преслѣдованіемъ преобразователей. Съ того времени и до нашихъ дней постоянно пропорціонально уменьшались и суровость отеческой власти и тягость политическаго притѣсненія. Выше было замѣчено, что та же самая связь замѣчается между быстрымъ возрастаніемъ демократическихъ чувствъ и не менѣе быстрымъ развитіемъ болѣе мягкихъ системъ юношескаго воспитанія.

Итакъ изложенный выше законъ объясняется безчисленными примѣрами изъ исторіи человѣчества. Неизмѣнное единообразіе нравственнаго настроенія въ соціальныхъ, брачныхъ и семейныхъ отношеніяхъ неизбѣжно обнаруживается на всѣхъ степеняхъ и при всѣхъ видонзмѣненіяхъ человѣческой цивилизаціи. Положеніе это едва ли даже требовало доказательствъ, потому что оно вытекаетъ изъ очевидныхъ истинъ. Характеръ человѣка неизбѣжно проглядываетъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ; подобнымъ же образомъ и характери-

стическія черты народа отпечатываются на всѣхъ его законахъ и обычаяхъ. Всѣ учрежденія имѣютъ одинъ общій корень въ человѣческой природѣ,—вотъ почему несовершенства этой природы должны одинаково отражаться на всѣхъ одновременныхъ учрежденіяхъ. Они всѣ вмѣстѣ должны быть или справедливы, или несправедливы. Зло, которымъ искажается одно изъ нихъ, должно искажать всѣ. Измѣненіе, которымъ вносится преобразованіе въ одну сферу, преобразовываетъ всѣ. Прогрессъ, которымъ совершенствуется одна изъ нихъ, усовершенствуетъ всѣ.

Слѣдовательно, тотъ, кто соглашается, что существуетъ несправедливость въ отношеніяхъ между классами общества, тотъ, кто полагаетъ, что подобная же несправедливость обнаруживается въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами, долженъ неизбѣжно признать, что такая же несправедливость господствуетъ и въ отношеніяхъ между взрослыми и малолѣтними. Онъ долженъ согласиться также, что ученіе о подчиненности дѣтей безусловно принято среди самыхъ варварскихъ народовъ и постоянно ограничивается подъ вліяніемъ развитія цивилизаціи и что это обстоятельство служитъ къ полнѣйшему его опроверженію.

§ 4. Если принудительное воспитаніе справедливо, то оно должно имѣть хорошія послѣдствія, а если несправедливо, то дурныя. Слѣдовательно, анализируя результаты воспитанія, мы получимъ достаточное число данныхъ за и противъ ученія, что свобода дѣтей должна быть равна свободѣ взрослаго человѣка.

Можно сильно подозрѣвать, что принудительное воспитаніе не достигаетъ своей цѣли, если принять въ соображеніе, что новѣйшія воспитательныя системы, какъ уже было сказано, явно стремятся покинуть эту методу. Мы имѣемъ основательныя причины къ заключенію, что употребленіе грубой силы для цѣлей воспитанія заключаетъ въ себѣ радикальное зло. Употребленіе этой силы значительно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣднее время развитіе юношества обратило на себя всеобщее вниманіе, какъ объ этомъ предметѣ стали писаться книги, стали читать лекціи, для его разъясненія стали дѣлать опыты. На этомъ мы впрочемъ не будемъ останавливаться,—всѣ подобныя заключенія, выведенныя изъ утилитарныхъ соображеній, могутъ быть

оспариваемы; мы будемъ судить о принудительномъ воспитаніи не по тѣмъ результатамъ, которые должны произойти изъ него по расчетамъ вѣроятности, а по тѣмъ, которые должны произойти неизбѣжно.

Цѣль воспитанія—развитіе свойствъ и характера человѣка. Общее стремленіе родителей и воспитателей состоитъ въ томъ, чтобы выработать изъ ребенка человѣка съ пропорціонально-развитыми и гармоническими свойствами. Для достиженія такого результата стараются уменьшать въ немъ необузданныя наклонности, возбуждать неразвитую впечатлительность, усиливать пониманіе, развивать вкусъ, поощрять одни чувства и сокращать другія. Слѣдовательно тѣ, которые защищаютъ употребленіе власти, а если нужно, то и силы, въ обращеніи съ дѣтьми, должны предполагать, что это—самое лучшее средство для развитія характера ребенка. Родителямъ приходится завести извѣстный порядокъ въ дѣтской. Отчасти подъ вліяніемъ укоренившихся въ нихъ взглядовъ и господствующихъ обычаевъ, а отчасти и по склонности, они рѣшаютъ въ пользу безусловнаго деспотизма; слово свое они объявляютъ высшимъ закономъ, они произносятъ анаѳему противъ неповиновенія, и розгой рѣшаются окончательно всѣ споры. Подобная система дисциплины признается, слѣдовательно, лучшимъ пріемомъ для уменьшенія необузданныхъ наклонностей, для возбужденія неразвитой впечатлительности и т. д., какъ сказано было выше. Предположите, что мы наблюдаемъ, какъ дѣйствуетъ этотъ планъ воспитанія. Безпокойный мальчишка удовлетворяетъ собственнымъ своимъ наклонностямъ не обращая вниманія на удобства другихъ,—онъ, можетъ быть, надоѣдаетъ шумными играми или забавляется тѣмъ, что дразнитъ товарища, или старается присвоить себѣ одному игрушки, которыя предназначены для всѣхъ. Вмѣшательство какого-нибудь рода явно неизбѣжно. Родители съ нахмуренными бровями и грознымъ голосомъ приказываютъ ему отстать; когда обнаруживается что-то въ родѣ неохоты повиноваться, они рѣзко прикрикнутъ: «дѣлайте, что вамъ приказываютъ», въ случаѣ нужды грозятъ розгами или темной комнатой, однимъ словомъ употребляютъ принужденіе или грозятъ насиліемъ до тѣхъ поръ, пока добьются послушанія. Ребенокъ поупрямится и уступаетъ, но его мрачный видъ показываетъ возбужденное въ

немъ ожесточеніе. Послѣ этого батюшка съ матушкой разводятъ въ каминѣ огонь и самодовольно принимаются за чтеніе газетъ—они убѣждены, что все теперь въ порядкѣ, но по несчастью они ошибаются.

Если бы дѣло заключалось въ томъ, чтобы прекратить шумъ или механически передать игрушку изъ однѣхъ рукъ въ другія, то можетъ быть употребленный пріемъ и оказался бы самымъ лучшимъ. Противъ подобныхъ распоряженій ничего нельзя было бы сказать, если бы только нужно было исполненіе приказанія и если бы побужденіе, подъ вліяніемъ котораго ребенокъ дѣйствовалъ, не имѣло никакого значенія. Но въ томъ и дѣло, что въ этомъ случаѣ нужно было достигнуть совершенно другого. Нужно было произвести измѣненіе въ свойствахъ ребенка, а не въ его поведеніи. Тутъ слѣдовало имѣть дѣло не съ поступкомъ ребенка, а съ чувствами, изъ которыхъ проистекалъ поступокъ. Въ этомъ поступкѣ осязательно обнаружился эгоизмъ, равнодушіе къ желаніямъ другихъ, явная наклонность къ тиранніи, покушеніе захватить исключительно благополучія, предназначенный для всѣхъ,—однимъ словомъ тутъ въ малыхъ размѣрахъ обнаружилась вся та несимпатическая сторона нашей природы, которая служитъ главнымъ источникомъ нашихъ общественныхъ золъ. Чего же нужно было достигнуть въ этомъ случаѣ?—Ясно, что нужно было достигнуть измѣненія наклонностей ребенка. Какая задача подлежала разрѣшенію?—Понятно, что нужно было породить такое душевное расположеніе, которое сдѣлало бы всѣ эти поступки невозможными, если бы оно существовало прежде. Къ какому концу должно было привести все это?—Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ случаѣ нужно было образовать характеръ, который самъ собою порождалъ бы поведеніе, обличающее большую степень великодушія. Или, говоря опредѣлительнѣе, нужно было усилить ту симпатію, слабость которой породила дурное поведеніе.

Симпатія можетъ усиливаться только отъ упражненія. Каждое наше свойство развивается только посредствомъ своего спеціальнаго отправленія. Мускулъ развивается отъ сокращенія, интеллектуальная сила отъ пониманія и мышленія, нравственное чувство путемъ ощущенія. Слѣдовательно симпатію можно развивать только возбуждая симпатическія

ощущенія. Эгоистическаго ребенка можно сдѣлать менѣе эгоистическимъ только возбуждая въ немъ сочувствіе къ желаніямъ другихъ. Когда этого не сдѣлано, то ничего не сдѣлано.

Разсмотрите же положеніе, въ которомъ находится это дѣло. Нужно сдѣлать болѣе гуманнымъ жаднаго и сухаго ребенка, нужно развить въ немъ зародышъ лучшихъ чувствъ— и для этой цѣли употребляются нахмуренныя брови, угрозы и палка!—Насъ увѣряютъ, что мы должны порождать страданіе или возбуждать опасеніе боли, чтобы развить способность, которая заставляетъ насъ обращать вниманіе на счастье другихъ. Задача: произвести въ душѣ ребенка симпатическое ощущеніе; рѣшеніе: прибейте его или пошлите его спать безъ ужина!

Итакъ намъ стоитъ только теоріи подчиненія дать опредѣленную форму, и ея нелѣпость сдѣлается очевидною. Намъ стоитъ только сопоставить средство, которое употреблено, и результатъ, къ которому оно должно привести, и мы поражены совершенной его негодностью. Вмѣсто того, чтобы создать внутреннее состояніе, которое производило бы лучшіе поступки, принужденіе можетъ явно породить только внѣшнія проявленія, имѣющія грубое сходство съ тѣми, которыя создаются истиннымъ чувствомъ. Принужденіе въ семействѣ, точно такъ же какъ въ обществѣ, можетъ только ограничить,—оно не въ состояніи воспитать. Воспоминаніе о смирительномъ домѣ и страхъ передъ полисменомъ могутъ ограничить разрушительныя наклонности вора, но они не производятъ никакого измѣненія въ его нравственномъ настроеніи; угрозы отца могутъ заставить ребенка, до извѣстной степени, внѣшнимъ образомъ сообразоваться съ правилами честности и прямодушія, но они не въ силахъ породить искреннюю привязанность къ нимъ. Кто-то выразился очень правильно, что строгостью можно порождать только лицемѣровъ—это крайній предѣлъ ея успѣховъ;—она никогда не въ состояніи творить обращеній.

§ 5. Тѣмъ, которые не вѣрятъ возможности управлять людьми иначе какъ посредствомъ строгой воли и сильной руки, можно посовѣтовать посѣтить домъ умалишенныхъ, Hanwell Asylum. Люди, которые называютъ себя практическими, которые гордятся своими полудикими теоріями и осы-

шаютъ сарказмами всѣ движенія въ пользу мира, въ пользу отмѣны смертной казни и т. д., пусть эти люди посмотрятъ собственными своими глазами, какъ возможно безъ помощи силы справиться съ цѣлой тысячей умалишенныхъ, пусть они увидятъ и устыдятся. Пусть эти насмѣшники, которые во всемъ видятъ сантиментальность, подумаютъ объ ужасахъ, встрѣчающихся въ обыкновенныхъ сумасшедшихъ домахъ, гдѣ господствуютъ плачъ и вздохи и скрежетъ зубовный, гдѣ раздается мрачный звукъ цѣпей, гдѣ среди ночной тишины слышны крики, заставляющіе запоздавшаго прохожаго убѣгать отъ ужаса. Пусть они сравнятъ со всѣмъ этимъ тишину, довольство, покорность больныхъ, улучшеніе ихъ душевнаго и тѣлеснаго здоровья, болѣе частое выздоровленіе, которыя показались вслѣдъ за оставленіемъ системы сумасшедшей рубашки *), и пусть они устыдятся своихъ мнѣній.

Возможно обращаться безъ принужденія съ бѣднымъ умалишеннымъ, у котораго чувства возбуждены болѣзненно, у котораго разсудокъ омраченъ, котораго постоянно раздражаютъ образы больного воображенія, у котораго душа блуждаетъ въ такомъ безнадежномъ хаосѣ, что даже самый жаркій защитникъ человѣческихъ правъ сдѣлаетъ для него исключеніе. Неужели же послѣ этого нельзя безъ принужденія вести ребенка?—Неужели кто-нибудь будетъ утверждать, что умалишенными можно управлять посредствомъ убѣжденія, а дѣтьми нѣтъ?—Что метода нравственнаго вліянія наилучшая для тѣхъ, которые лишены разсудка, а система физическаго принужденія—для тѣхъ, которые обладаютъ имъ?—Едвали. Самый смѣлый защитникъ семейнаго деспотизма не будетъ въ состояніи сказать этого. Добросовѣстнымъ поведеніемъ можно заслужить довѣріе даже со стороны умалишеннаго. Нѣжное вниманіе и симпатическое обращеніе заставляютъ душевнобольного, несмотря на омраченный его умъ, убѣждаться, что онъ окруженъ друзьями, а не демонами. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія, этотъ рабъ разнороднѣйшихъ безпорядочныхъ побужденій дѣлается, по крайней мѣрѣ, относительно болѣе покорнымъ. Насколько же легче будетъ вести ребенка, если на него будутъ дѣйствовать такимъ же

*) См. Dr. Conolly, on Lunatic Asylums.

образомъ. Заслужите довѣріе ребенка, убѣдите его вашимъ поведеніемъ, что его счастье лежитъ у васъ на душѣ, пусть онъ самъ убѣдится, что вы умнѣе его, пусть онъ на опытѣ узнаетъ, какъ полезно слѣдовать вашимъ указаніямъ и какъ вредно пренебрегать ими, и вы можете быть увѣрены, что вамъ будетъ легко управлять имъ. Вліяніе вы можете пріобрѣсти не путемъ авторитета, не путемъ разсужденій, а посредствомъ поощренія. Пусть обнаруживается во всемъ вашемъ поведеніи, что вы къ вашему ребенку чувствуете полнѣйшую дружбу, и вы можете его вести куда вамъ угодно.

Малѣйшее проявленіе одобренія или неодобренія съ вашей стороны будетъ для него закономъ. Вы пріобрѣли себѣ ключъ отъ его чувствъ; вмѣсто желанія мести, которое возбуждается строгимъ обращеніемъ, вы однимъ словомъ можете вызвать и слезы и краску стыда и взрывъ симпатіи,—вы можете возбудить такое ощущеніе, какое вамъ угодно,—однимъ словомъ, вы можете породить что-нибудь похожее на воспитаніе.

§ 6. Если вы хотите, чтобы мальчикъ сдѣлался хорошимъ механикомъ, вы стараетесь развить его ловкость посредствомъ обученія съ раннихъ лѣтъ. Юный музыкантъ, который готовится быть артистомъ, каждый день проводитъ нѣсколько часовъ играя на инструментѣ. Человѣкъ, который хочетъ быть художникомъ, проходитъ первоначальный курсъ рисованія контуровъ и тѣней. Для будущаго счетчика необходимо пройти полный курсъ ариѳметическихъ упражненій. Соображеніе развивается изученіемъ математики. Всякаго рода воспитаніе основано на томъ принципѣ, что разработка способности должна предшествовать успѣхамъ и силѣ. Результаты повсемѣстныхъ наблюденій этого рода выражены людьми въ пословицахъ: «Привычка—вторая натура», «Упражненіе ведетъ къ совершенству»,—на этихъ наблюденіяхъ очевидно основаны всѣ системы воспитанія. Правила педагогіи сельской учительницы и выводы какого-нибудь Песталоцци одинаково проникнуты теоріею, что ребенка слѣдуетъ пріучать къ тѣмъ усиліямъ тѣла и души, которыя будутъ необходимы для него въ послѣдующей жизни. Воспитаніе имѣетъ въ виду или эту цѣль или ничего.

Что же всего болѣе необходимо человѣку въ качествѣ нравственнаго существа? Какія изъ его способностей мы

должны развивать всего тщательнѣе?—Не слѣдуетъ ли отмѣтить, что прежде всего надо развить способность руководить самимъ собою?—Эта способность составляетъ существенную отличительную черту человѣка отъ животнаго. По причинѣ этой способности человѣка называютъ существомъ, одареннымъ возможностью поучаться изъ прошедшаго и предвидѣть будущее. Развитіе этой способности отличаетъ цивилизованнаго человѣка отъ дикаря. Превосходство въ этомъ отношеніи составитъ одно изъ совершенствъ идеальнаго человѣка. Воспитаніе, или по крайней мѣрѣ нравственное воспитаніе, стремится къ тому, чтобы уменьшить наклонность человѣка увлекаться первымъ впечатлѣніемъ, отучить его метаться туда и сюда подъ вліяніемъ разнородныхъ желаній, которыя по очереди способны овладѣвать имъ, и пріучить его къ самообладанію, къ обсужденію своихъ поступковъ, къ рѣшеніямъ, созданнымъ съ участіемъ всѣхъ чувствъ, зрѣло обдуманнымъ и хладнокровно постановленнымъ.

Сила самообладанія, точно такъ же, какъ и всякая другая сила, можетъ развиваться только упражненіемъ. Тотъ, кто хочетъ управлять своими страстями въ зрѣломъ возрастѣ, долженъ пріучаться управлять ими въ теченіе своей молодости. Взгляните послѣ этого, какую нелѣпость представляетъ принудительная система воспитанія. Мальчика слѣдуетъ пріучать къ тому, чтобы онъ былъ самъ для себя закономъ, потому что такимъ образомъ ему придется жить впослѣдствіи,—вмѣсто этого законъ для него создается другими. Его слѣдуетъ приготовить къ тому дню, когда онъ оставитъ родительскій кровъ, его нужно пріучить постановлять границы для своихъ дѣйствій и добровольно соблюдать эти границы,—вмѣсто этого границы постановляются для него другими, и ему говорятъ; «переступайте ихъ на свой рискъ». Мы имѣемъ передъ собою существо, которое черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлается своимъ собственнымъ господиномъ, и для того, чтобы приспособить его къ этому состоянію, ему дается право распоряжаться собою какъ можно менѣе. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ считается необходимымъ, чтобы ребенокъ упражнялся въ томъ, что придется дѣлать взрослому, относительно же самой существенной изъ всѣхъ способностей, способности руководить собою, придерживаются того мнѣнія, что чѣмъ менѣе она упражняется, тѣмъ лучше. Не мудрено послѣ этого, что

люди, которыхъ воспитывали посредствомъ самой строгой дисциплины, часто выходили самыми дикими изъ дикарей. Такой результатъ всего скорѣе можно предвидѣть.

Система матеріальнаго насилія не только не дѣлаетъ дѣтей способными для будущаго ихъ положенія, она старается сдѣлать ихъ совершенно неспособными. Это была бы лучшая система воспитанія, если бы рабство было судьбою ребенка въ будущемъ, если бы послѣдующую его жизнь ему пришлось провести подъ управленіемъ русскаго автократа или американскаго владѣльца хлопчато-бумажныхъ плантацій; воспитаніе это пріучило бы его къ тому полному подчиненію, которое необходимо было бы для него впослѣдствіи. Но именно настолько, насколько это воспитаніе дѣлаетъ его способнымъ къ рабству, оно дѣлаетъ его неспособнымъ быть свободнымъ среди свободныхъ людей.

§ 7. Для чего однако вообще нужно воспитаніе? Почему ребенокъ не можетъ вырости самъ собою и сдѣлаться нормальнымъ человѣкомъ? Почему нужно стѣснять одне изъ его наклонностей, развивать въ немъ другія и искусственнымъ путемъ придавать его душевнымъ свойствамъ иную форму, чѣмъ та, которую они приняли бы сами собою? Нѣтъ ли тутъ аномаліи въ природѣ?—Во всѣхъ прочихъ отрасляхъ жизни мы находимъ, что сѣмя и зародышъ достигаютъ полной зрѣлости безъ всякой внѣшней помощи. Бросьте жолудь въ землю, и въ надлежащее время изъ него вырастетъ здоровый дубъ безъ всякой помощи, ухода и воспитанія. Насѣкомое проходитъ всѣ свои преобразованія безъ всякаго посторонняго пособія; такимъ образомъ оно достигаетъ окончательной своей формы и пріобрѣтаетъ всѣ необходимые для него инстинкты и способности. Молодая птица и молодое четвероногое не нуждаются ни въ какомъ принужденіи, чтобы пріобрѣсти способности и привычки, необходимыя для послѣдующей ихъ жизни. Ихъ тѣло и ихъ души сами собою пріобрѣтаютъ полную способность исполнять свое назначеніе на землѣ. Какъ же могло случиться, что только человѣческая душа стремится къ неправильному развитію? Не существуетъ ли для этого какой-либо особенной причины? Ясно, что это должно быть такъ, но если это такъ, то истинная теорія воспитанія должна понять эту причину.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нравственное устройство

человѣка, приспособлявшее его къ его первобытной хищнической жизни, отличается отъ того, которое необходимо, чтобы сдѣлать его способнымъ къ жизни общественной, къ жизни, порождаемой размноженіемъ человѣческаго рода. Въ предыдущемъ (глава II) изслѣдованіи было объяснено, что законъ приспособленія производитъ переходныя формы отъ одного устройства къ другому. Такъ какъ мы живемъ среди этого переходнаго состоянія, то мы должны встрѣчаться съ различными явленіями, которыя возможно объяснить только тѣмъ, что человѣчество находится теперь въ состояніи, приспособленномъ отчасти къ двумъ противоположнымъ положеніямъ и не приспособленномъ вполнѣ ни къ одному изъ нихъ, что оно только въ извѣстной степени лишилось свойствъ, необходимыхъ для дикой жизни, и только въ несовершенныхъ размѣрахъ пріобрѣло тѣ, которыя нужны для жизни общественной. Только-что указанная аномалія принадлежитъ къ одному изъ тѣхъ явленій, которыя выходятъ изъ подобнаго положенія. Наклонность каждаго новаго поколѣнія къ неправильному развитію указываетъ на степень видоизмѣненія, которое еще необходимо въ будущемъ. Въ ребенкѣ обнаруживаются свойства первобытнаго человѣка во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ требуетъ ограниченія. Эгоистическія ссоры въ дѣтской, взаимныя преслѣдованія во время дѣтскихъ игръ, ребяческая ложь и ребяческое воровство, жестокое обращеніе съ низшими существами, наклонность къ разрушенію,—во всемъ этомъ обнаруживается стремленіе доставлять себѣ удовлетвореніе насчетъ другихъ, все это свойства человѣка, приспособленныя къ дикому состоянію, все это дѣлаетъ его неспособнымъ къ жизни цивилизованной.

Мы видѣли, что это несоотвѣтствіе между свойствами человѣка и условіями его жизни постоянно уменьшается. Мы видѣли, что инстинкты должны умирать въ насъ отъ бездѣятельности, а чувства, вызываемыя общественнымъ состояніемъ, должны развиваться отъ упражненія, и если законы жизни останутся неизмѣнными, то видоизмѣненія въ нашей природѣ будутъ происходить до тѣхъ поръ, пока наши желанія будутъ доведены до полнаго соотвѣтствія съ окружающими насъ обстоятельствами. Когда наконецъ наступитъ этотъ періодъ окончательнаго развитія, гдѣ нравственность сдѣлается органическимъ свойствомъ человѣка, тогда только

исчезнетъ и аномалія въ развитіи качествъ дѣтей. Юный человѣкъ перестанетъ быть исключеніемъ въ природѣ, у него не будетъ наклонности къ такому развитію, которое дѣлаетъ его неспособнымъ къ послѣдующей жизни, изъ него идеальный человѣкъ будетъ вырабатываться самъ собою, и каждое его побужденіе будетъ соотвѣтствовать требованіямъ нравственнаго закона.

Слѣдовательно, воспитаніе, въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ оно касается развитія характера ребенка, служитъ только для временной цѣли и должно подъ-конецъ исчезнуть вмѣстѣ со всѣми другими учрежденіями, порожденными неприспособленностью человѣка къ условіямъ общественной жизни. Изъ этого мы видимъ, что система воспитанія посредствомъ принужденія вдвойнѣ несогласна съ нравственнымъ закономъ. Она не только приводитъ къ прямому нарушенію закона, но дѣло, которое она совершаетъ такимъ жалкимъ образомъ, сдѣлается совершенно излишнимъ, когда законъ достигнетъ окончательнаго своего господства. Насиліе въ кругу семейства, точно такъ же какъ сила судебной власти, есть не что иное, какъ дополненіе безнравственности. Мы нашли, что безнравственность есть ни болѣе, ни менѣе, какъ неприспособленность; недостатокъ приспособленности долженъ со временемъ исчезнуть, и такимъ образомъ положеніе, на которомъ основывается эта старая теорія воспитанія, сдѣлается наконецъ ложнымъ. Розги и палки, жезлы и свистки полицейскихъ, ключи тюремщика, сабли, штыки и пушки, которыми націи ограничиваютъ другъ друга,—все это порожденія несправедливости, все это можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока она существуетъ, и эта родственная связь неизбѣжно сообщаетъ ей свою долю испорченности. Принужденіе зародилось изъ человѣческаго несовершенства, оно управляетъ средствами, взятыми изъ этого несовершенства, оно лишится своихъ правъ, когда начнется царство справедливости, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, въ воспитаніи и всюду; оно по существу своему порочно и дурно.

§ 8. Еще разъ мы невольно замѣчаемъ неизбѣжное несоотвѣтствіе между совершеннымъ закономъ и несовершеннымъ человѣкомъ. Вся кажущаяся утопичность вышеизложенныхъ ученій происходитъ не отъ заключающейся въ нихъ ложности, а отъ нашихъ собственныхъ недостатковъ. Нѣкоторая непри-

мѣнимость не должна сбивать насъ съ толку, а напротивъ ее слѣдуетъ ожидать. Затрудненія, которыя мы встрѣчаемъ при стремленіи дѣйствовать согласно съ нравственнымъ закономъ, прямо пропорціональны разстоянію, которое отдѣляетъ насъ отъ вполнѣ нравственнаго состоянія общества, и это какъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Намъ однако же менѣе всего слѣдуетъ хвалиться этимъ затрудненіемъ или указывать на него для своего оправданія. Правильное отношеніе наше къ этому предмету очень ясно,—мы должны выполнять законъ настолько, насколько это отъ насъ зависитъ, и мы должны быть вполнѣ увѣренными, что ограниченія, неизбѣжно порождаемыя нашими современными условіями, слишкомъ рано дадутъ себя почувствовать и обратятъ на себя вниманіе.

Между тѣмъ не излишне замѣтить, что самое существенное препятствіе къ правильному образу дѣйствій въ дѣлѣ воспитанія заключается скорѣе въ свойствахъ родителей, чѣмъ въ свойствахъ дѣтей. Зло происходитъ не отъ того, что ребенокъ недостаточно впечатлителенъ къ другимъ вліяніямъ, кромѣ вліянія силы, но оттого, что родители недостаточно добродѣтельны, чтобы произвести эти впечатлѣнія. Отцы и матери распространяются о безпокойствахъ, которыя причиняются имъ поведеніемъ дѣтей, но весьма странно, что они при этомъ всю вину сваливаютъ на дурныя наклонности своего потомства и ничего не приписываютъ своимъ собственнымъ. Они каются на колѣняхъ и называютъ себя окаянными грѣшниками, а когда послушаешь ихъ жалобы на дурное поведеніе ихъ сыновей и дочерей, то подумаешь, что они сами чисты и безпорочны. Они позабываютъ, что развращенность ихъ дѣтей есть не что иное, какъ воспроизведеніе ихъ собственной развращенности. Въ этихъ маленькихъ существахъ, которыхъ они такъ много бранятъ и такъ часто бьютъ, они могутъ увидать зеркало, гдѣ отражается ихъ собственный эгоизмъ. Они бы удивились, если бы имъ сказать, что они такъ же дурно ведутъ себя по отношенію къ дѣтямъ, какъ дѣти ведутъ себя по отношенію къ нимъ. Но если бы они чистосердечно разобрали свое поведеніе, они увидали бы тогда, что половина ихъ приказаній дается для цѣлей собственнаго ихъ удобства и удовлетворенія, а вовсе не изъ видовъ исправленія: «я не хочу этого безпокойства!»

кричитъ отецъ, которому помѣшала крикливая дѣтская группа, и когда безпокойство прекращается, онъ утверждаетъ, что онъ сдѣлалъ что-то для водворенія въ семействѣ порядка. Можетъ быть онъ и сдѣлалъ,—но что? Онъ обнаружилъ ту же самую дурную наклонность, которую онъ старался ограничить въ своихъ дѣтяхъ,—онъ показалъ рѣшимость жертвовать счастьемъ другихъ для своего собственнаго счастья. Наблюдайте также стимулъ, который заставляетъ наказывать неповинующееся дитя. Вмѣсто заботы о благосостояніи маленькаго преступника, строгій взглядъ, сжатыя губы показываютъ гнѣвъ оскорбленнаго воспитанія; въ нихъ выражается скрытая мысль въ родѣ слѣдующей: «Вы—маленькій негодяй; мы скоро увидимъ, кто изъ насъ останется господиномъ». Обнажите корни теоріи родительской власти, и окажется, что она выростаетъ не изъ любви людей къ ихъ дѣтямъ, а изъ любви къ господству. Тотъ, кто въ этомъ сомнѣвается, пусть прислушается къ выраженіямъ, которыя обыкновенно употребляются при выговорахъ дѣтямъ: «Какъ вы с м ѣ е т е не слушаться меня?»—и пусть онъ сообразитъ, что показываетъ такое восклицаніе. Нѣтъ, нѣтъ, воспитаніе посредствомъ нравственнаго вліянія несравненно практичнѣе даже и при настоящихъ обстоятельствахъ, лишь бы родители были достаточно развиты, чтобы пользоваться имъ.

Справедливо, что препятствіе до извѣстной степени обоюдное. Въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ оказаться невозможнымъ дѣйствовать убѣжденіемъ даже на лучшіе экземпляры дѣтей, которые у насъ встрѣчаются, а если имѣть дѣло съ посредственной натурой, то возможность обходиться безъ принужденія должна относительно уменьшаться. Несмотря на это можно достигнуть всего, что только возможно желать, съ помощью терпѣнія, самоотверженія, правильнаго понятія о душевныхъ движеніяхъ дѣтей и нѣкоторой изобрѣтательности въ выборѣ средствъ. Если родители въ своихъ дѣйствіяхъ, въ словахъ и въ манерахъ показываютъ дѣтямъ, что ихъ чувства вполнѣ справедливы, то только рѣдко можетъ случиться, что они не возбудятъ соотвѣтствующихъ чувствъ въ душѣ своего ребенка.

§ 9. Остается обратить вниманіе еще на одно возраженіе. Можетъ быть скажутъ, что если права дѣтей равны правамъ взрослыхъ, то и гражданское положеніе ихъ должно

быть одинаково, и они должны имѣть столько же политическихъ правъ. Это заключеніе имѣетъ опасный видъ; и легко себѣ представить торжество тѣхъ, которые его произносятъ, и тѣ улыбки, съ которыми они распространяются о нелѣпости подобнаго вывода. Несмотря на это, отвѣтъ тутъ простъ и рѣшителенъ. Для того, чтобы породить несообразность, необходимо соединеніе двухъ вещей; и прежде, чѣмъ произнести рѣшительный приговоръ, нужно привести къ извѣстность, на сторонѣ которой изъ двухъ несообразныхъ вещей находится причина несообразности. Въ настоящемъ случаѣ несообразность заключается между учрежденіемъ правительства съ одной стороны и извѣстнымъ выводомъ изъ закона о равной свободѣ съ другой,—на которую изъ этихъ двухъ сторонъ должно падать обвиненіе въ несообразности? Въ предположенномъ выше возраженіи подразумѣвается, что несообразность должна падать на выводъ, сдѣланный изъ закона о равной свободѣ, а на сторонѣ учрежденія правительства должна оставаться правильность. Между тѣмъ несообразность находится именно на сторонѣ учрежденія правительства. Если бы учрежденіе правительства было въ существѣ своемъ правильно, то нужно было бы предположить, что нашъ выводъ ошибоченъ; но такъ какъ оно есть не что иное, какъ порожденіе безнравственности людей, то нужно его осуждать за то, что оно несообразно съ нравственнымъ закономъ, а не нравственный законъ за то, что онъ несообразенъ съ этимъ учрежденіемъ. Если бы всѣ повиновались нравственному закону, то не было бы правительства; если бы не существовало правительства, то изъ нравственнаго закона нельзя было бы выводить политическія права дѣтей. Итакъ приведенная нелѣпость относится къ современному дурному устройству общества, а не къ ошибкѣ въ нашемъ заключеніи.

§ 10. Слѣдовательно, мы можемъ сказать относительно распространенія закона о равной свободѣ на дѣтей, что онъ предписывается естественной справедливостью и оказывается полезнымъ на основаніи утилитарныхъ соображеній. Мы нашли, что права дѣтей выводятся изъ той же аксіомы и путемъ той же аргументаціи, какъ и права взрослыхъ. Если мы будемъ отвергать эти права, то запутаемся въ затрудненіяхъ, изъ которыхъ не оказывается выхода. Подчиненное положеніе дѣтей есть признакъ дурныхъ и неправильныхъ семей-

ныхъ отношеній; это доказывается связью между такимъ положеніемъ дѣтей и варварствомъ, однородностью явленій дѣтской подчиненности и соціальнаго и брачнаго рабства и тѣмъ, что подобное зависимое положеніе постоянно уменьшается съ развитіемъ цивилизаціи. Негодность принужденія въ обращеніи съ дѣтьми доказывается, тѣмъ, что оно вовсе не приводитъ къ той цѣли, къ которой должно приводить нравственное воспитаніе, оно не развиваетъ чувствъ симпатіи; оно стремится возбуждать чувства противодѣствія и ненависти; оно неизбѣжно мѣшаетъ развитію самой существенной изъ нашихъ способностей, способности самообладанія. Въ тоже время отсутствіе принужденія благодѣтельно дѣйствуетъ на высшія чувства и поставляетъ въ необходимость постоянно къ нимъ обращаться; такимъ образомъ оно упражняетъ эти чувства и совершенствуетъ характеръ. Въ то же время оно пріучаетъ ребенка къ условіямъ свободной жизни, которую ему придется вести впослѣдствіи. Оказывается такъ же, что хотя теперь и вполнѣ необходимо нравственное воспитаніе дѣтей, но такая необходимость только временная, и что слѣдовательно истинное ученіе о правильныхъ отношеніяхъ къ дѣтямъ не должно предполагать его вѣчнымъ, какъ это дѣлается ученіемъ о господствѣ и подчиненіи. Въ заключеніе мы убѣждаемся, что какъ бы ни было велико несоотвѣтствіе между сдѣланными нами выводами и ежедневнымъ опытомъ, но несоотвѣтствіе это не должно быть приписано ошибкѣ въ выводахъ, а неизбѣжности противорѣчія между совершеннымъ закономъ и несовершеннымъ состояніемъ человѣчества.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА XVIII.

Политическія права.

§ 1. Наше начало есть основное начало. Оно заключаетъ въ себѣ первоначальное требованіе для осуществленія воли Божьей. Всякое толкованіе этой воли приводитъ къ тому, что въ немъ заключается самое неизбѣжное условіе для ея выполненія. Если мы априористическимъ путемъ будемъ стараться понять виды творца, то мы немедленно придемъ къ закону о равной свободѣ (глава III). Если мы обратимся вообще къ особенностямъ человѣческаго устройства, то окажется, что законъ о равной свободѣ прямо изъ нихъ вытекаетъ (глава IV). Если мы пойдемъ далѣе въ нашемъ изслѣдованіи и будемъ изучать устройство человѣка въ его частностяхъ, то мы откроемъ въ немъ способность, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ внушать ему идею закона равной свободы и побуждать его къ ея осуществленію (глава V). Съ другой стороны мы приходимъ къ тому убѣжденію, что законъ этотъ есть прямой выводъ изъ неизбѣжныхъ условій существованія. Къ этому приводитъ насъ слѣдующее заключеніе. Жизнь зависитъ отъ извѣстнаго рода дѣятельности; уничтожьте вполнѣ свободу упражнять способности, и вы получите смерть; уничтожьте ее отчасти, и вы получите страданіе или смерть въ извѣстной степени. Это справедливо относительно людей всякаго рода, какъ дикихъ, такъ и цивилизованныхъ, какъ уединенныхъ, такъ и живущихъ въ обществѣ. Прежде чѣмъ возможно общество, необходима жизнь; поэтому основной принципъ жизни долженъ предшествовать основному принципу общества—онъ долженъ уста-

новить этотъ послѣдній принципъ и управлять имъ. Выражаясь опредѣлительнѣе, мы должны сказать: свобода упражнять свои способности есть основное условіе индивидуальной жизни; свобода каждаго, ограниченная только такой же свободой всѣхъ, есть основное условіе общественной жизни.

Законъ равной свободы имѣетъ большій авторитетъ, чѣмъ всѣ другіе законы, потому что онъ выводится прямо изъ воли Божьей и составляетъ основаніе правильнаго общественнаго устройства. Цѣль творенія требуетъ, чтобы все было ему подчинено. Учрежденія и соціальныя формы должны вполнѣ приспособляться къ его предписаніямъ. Законъ этотъ существуетъ съ начала творенія, а учрежденія и формы со вчерашняго дня. Законъ этотъ непзмѣненъ, а они постоянно измѣняются. Онъ есть часть совершеннаго, они же принадлежатъ къ несовершенствамъ. Онъ будетъ такъ же долго существовать, какъ будетъ существовать человѣчество, а они умрутъ завтра. Случайное неизбѣжно должно склоняться передъ необходимымъ; всѣ эти условныя учрежденія должны непремѣнно подчиняться безусловному нравственному закону.

§ 2. Отъ времени до времени мы указывали на школу политиковъ, которые считаютъ себя по преимуществу философами и которые отвергаютъ все это. Они не признаютъ высшаго авторитета, передъ которымъ всѣ человѣческія учрежденія должны преклоняться. Хотя они этого и не высказываютъ, но, по смыслу своего ученія, они вмѣстѣ съ Архелаемъ признаютъ, что въ сущности ничто не можетъ быть правымъ или неправымъ; только чрезъ посредство рѣшенія государства оно дѣлается тѣмъ или другимъ. Если вѣрить имъ, то отъ правительства зависитъ опредѣленіе, въ чемъ должна заключаться нравственность, а не отъ нравственности, въ чемъ должно заключаться управленіе. Они не вѣрятъ никакому пророческому принципу, которымъ мы должны руководиться и котораго да или нѣтъ для насъ обязательно; ихъ дельфійскій оракулъ—палата общинъ. Руководствуясь ихъ понятіями, можно подумать, что люди живутъ и двигаются и даже обязаны своимъ существованіемъ исключительно законодательнымъ дозволеніямъ. Право человѣка дѣлать то или другое не есть естественное право, а предоставленное ему право. Вопросъ о томъ, имѣетъ ли гражданинъ право на произведеніе своихъ рукъ, можетъ быть рѣ-

Гербертъ Спенсеръ

Соціальная статика

Изложеніе соціальныхъ законовъ, обусловливающихъ счастье человѣчества

(Окончаніе)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906. – ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

шенъ только парламентскимъ большинствомъ. Если большинство выскажется утвердительно, то онъ получитъ это право, если отрицательно, то нѣтъ.

Для читателя, который уже знакомъ съ предыдущимъ изложеніемъ, не нужно опровергать ложность такого ученія. Вышеизложенное составляетъ существенную часть утилитарной теоріи, несостоятельность которой уже нѣсколько разъ была доказана, а съ несостоятельностью этого ученія должны пасть и всѣ зависящія отъ него положенія. Ученіе это неоднократно опровергалось въ предыдущихъ главахъ, а потому положеніе, что люди не имѣютъ никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которые сострянаны для нихъ правительствами, могло бы быть оставлено нами въ покоѣ. Существуютъ, однако же, нѣкоторыя доказательства невѣрности этого положенія, которыя недурно здѣсь привести. Сначала мы разсмотримъ, откуда оно произошло.

§ 3. Когда человѣкъ первоначально вступалъ въ составъ того органическаго тѣла, которое называется обществомъ, тогда въ немъ отталкивающая сила была чрезмѣрно развита, а сила притягивающая была недостаточна. Его страсти были сильны, его симпатіи слабы. Наклонности, которыя приспособляли его къ дикой жизни, неизбѣжно порождали стремленіе къ войнѣ между нимъ и его сосѣдями. Первоначальныя условія его жизни были условіями вѣчнаго антагонизма; и эти привычки антагонизма онъ естественно долженъ былъ внести съ собою въ общественную жизнь. Задираніе, споры, возбужденіе гнѣва и ненависти, месть—вотъ процессы, которые постоянно происходятъ среди членовъ первобытной общины и постоянно раздѣляютъ ее. Отсюда происходитъ и малочисленность состава первобытной общины. Какъ скоро населеніе возрастало, оно тотчасъ раздѣлялось. Племена раздѣлялись на роды, отъ родовъ отдѣлялись дружины или шайки. Только съ развитіемъ цивилизаціи оказались возможными болѣе обширные союзы. Но даже и эти союзы должны были пройти тотъ фазисъ роста, въ родѣ феодализма, съ его мелкими владѣльцами и правомъ частныхъ войнъ, который опять-таки указывалъ на большое развитіе ихъ центробѣжной силы.

Для того, чтобы помѣшать взрыву, сдавливающее начало должно быть пропорціонально центробѣжной силѣ атомовъ

матеріи. Точно такъ же и связывающая сила въ обществѣ должна быть пропорціональна силѣ, которая разталкиваетъ отдѣльныхъ его членовъ, иначе общество это разлетится на части. Для того, чтобы произвести даже малочисленные первобытные союзы, должно существовать сильное, концентрирующее вліяніе: сила этого вліянія должна была быть строго пропорціональна дикости народа, иначе и эти малочисленныя общины не могли бы существовать. Такого рода вліянія дѣлаются возможными вслѣдствіе чувства благоговѣнія, почитанія силы, понятій о вѣрности, однимъ словомъ всего того, что Карлейль называетъ культомъ героевъ. Чрезъ посредство этихъ чувствъ начинается организація общества. Тамъ, гдѣ варварство всего значительнѣе, тамъ и чувства эти всего сильнѣе. Отсюда происходитъ тотъ фактъ, что всѣ первобытныя преданія изобилуютъ разсказами о сверхъестественныхъ существахъ, о богатыряхъ и полубогахъ. Баснословные разсказы о Вакхѣ и Геркулесѣ, о Торѣ и Одинѣ, о различныхъ богахъ и полубогахъ, наполняющіе древнѣйшую исторію всѣхъ племенъ, показываютъ силу суевѣрнаго страха, съ которымъ тогда смотрѣли на всякое превосходство. Убѣжденіе нѣкоторыхъ островитянъ Полинезіи, что только ихъ начальники имѣютъ души, представляетъ намъ современный примѣръ почти невѣроятнаго чувства уваженія къ высшимъ, подъ вліяніемъ котораго находится дикій человѣкъ. Только такимъ путемъ въ этомъ состояніи возможно достиженіе власти, какъ для правителя, такъ и для учителя и для священника. То же самое чувство произвело баснословныя понятія о Чингисъ-Ханѣ, придало пророческія свойства Зороастру, Конфуцію, Магомету, и породило убѣжденіе въ непогрѣшимости папы. Когда оно уже не обожаетъ болѣе силу, оно все-таки придаетъ ей божественные аттрибуты. Войти безъ приказанія туда, гдѣ присутствуетъ монархъ, это значило въ Ассиріи навлечь на себя смерть. Неподвижныя восточныя племена приписываютъ своимъ императорамъ сношенія съ небомъ. Шамиль, пророкъ и властелинъ черкесовъ, считался въ непосредственной связи съ существомъ божества. Солдаты молятся за царя, какъ за «бога земного». Вѣрность вассала по отношенію къ своему феодальному владѣльцу, преданность горнаго келта по отношенію къ своему начальнику—все это были порожденія того же самаго чув-

ства. Вѣрность считалась тогда самой высшей добродѣтелью, измѣна самымъ мрачнымъ преступленіемъ.

Это суевѣрное обожаніе силы уменьшается съ успѣхами цивилизаціи. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на монарха какъ на бога, начинаютъ смотрѣть на него какъ на человѣка, управляющаго по волѣ Божьей, какъ на «помазанника Божьяго». Подчиненіе дѣлается менѣе раболѣпнымъ. Подданные не падаютъ ницъ передъ правителемъ, рабы не цалуютъ болѣе ногъ своихъ господъ. Послушаніе перестаетъ быть неограниченнымъ; люди хотятъ уже вѣровать по своему выбору. Постепенно начинаетъ расти то чувство, которое заставляетъ человѣка защищать свои права и по симпатіи уважать права другихъ; постепенно въ человѣкѣ укрѣпляется чувство самообладанія, и онъ дѣлается все болѣе и болѣе способнымъ жить въ согласіи съ своими ближними. Сообразно этому постепенно уменьшается необходимость внѣшняго давленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается и то чувство, которое заставляетъ его подчиняться этому давленію. Это—необходимое послѣдствіе закона приспособленія. Чувство должно терять силу именно настолько, насколько уменьшается въ немъ необходимость. По мѣрѣ того, какъ выростаетъ новый регуляторъ, старый долженъ отживать свой вѣкъ. Первое улучшеніе въ системѣ абсолютнаго деспотизма состоитъ въ замѣнѣ отчасти одного руководителя другимъ. Смѣшанныя конституціи показываютъ примѣръ совмѣстнаго участія въ общественной жизни двухъ дѣятелей. Одинъ изъ этихъ дѣятелей пріобрѣтаетъ все болѣе господства, а другой дряхлѣетъ: божественное право королей изгоняется и монархическая власть дѣлается номинальною.

Приспособленіе людей къ общественной жизни сдѣлало уже значительные успѣхи; необходимость внѣшняго стѣсненія уменьшилась, вслѣдствіе этого и уваженіе къ власти, которая дѣлаетъ стѣсненіе возможнымъ, значительно ослабѣло; оно ослабѣло до того, что ежедневно являются карикатуры на обладателей этой властью, люди слушаютъ національный гимнъ съ шляпами на головахъ. Несмотря на это, перемѣна еще далеко не совершена. Свойства первобытнаго человѣка далеко еще не вымерли въ насъ. Мы до сихъ поръ переступаемъ за предѣлы чужой свободы, мы до сихъ поръ стараемся осчастливить себя насчетъ нашего ближняго. Нашъ

дикій эгоизмъ проявляется въ торговлѣ, въ законодательствѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ и даже въ развлеченіяхъ. Лавочникъ старается попользоваться насчетъ покупающей у него лэди, покупательница лэди старается лавочника принудить къ уступкѣ. Различные классы общества ссорятся изъ-за того, что они называютъ своими интересами, и несправда защищается тѣми, которые отъ нея выигрываютъ. Духъ кастъ пытаетъ свои жертвы нравственными пытками съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ индѣецъ пытаетъ своего врага. Игроки равнодушно наполняютъ свои карманы выигранными деньгами; нашъ биржевой игрокъ не заботится о томъ, кто потеряетъ, лишь бы ему получить свою премію. Люди и до сихъ поръ проявляются немного лучше варваровъ: одѣтыхъ въ грубую холстину, несмотря на ихъ общественное положеніе, несмотря на дѣло, которымъ они заняты; они одинаково пелѣны тогда, когда они постановляютъ хлѣбные законы, и тогда, когда они толкаются у дверей театра.

Мы до сихъ поръ требуемъ цѣпей; намъ нужны правители, которые бы надѣвали ихъ на насъ; намъ нужно обожаніе власти, которое вынуждало бы къ повиненію ей. Именно настолько, насколько въ насъ не достаетъ любви къ божескому закону, настолько мы должны призывать страхъ передъ закономъ человѣческимъ, который бы заступилъ его мѣсто. Въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ которомъ законъ человѣческій необходимъ для насъ, необходимо и уваженіе къ этому закону, которое бы вынуждало повиновеніе. Люди до сихъ поръ находятся подъ вліяніемъ этого чувства, и мы должны ожидать, что присутствіе этого чувства вліяетъ на ихъ обычаи, вѣрованія и на ихъ философію.

Вотъ какимъ образомъ произошло ученіе объ утилитарной идеѣ правительства. Это самое послѣднее и самое утонченное проявленіе наклонности восхвалять государство насчетъ личности. Были написаны книги, чтобы доказать, что государи—безусловный законъ для своихъ подданныхъ: поставьте на мѣсто слова государь слово законодательство, и вы будете имѣть утилитарное ученіе. Оно только замѣняетъ божественное право королей—божественнымъ правомъ правительствъ. Это демократизированный деспотизмъ. Это среднее между старинымъ восточнымъ взглядомъ, на основаніи котораго граждане считались частною собственностью правителя и во-

все не имѣли никакихъ правъ, и окончательнымъ положеніемъ общества, гдѣ права признаны будутъ вполнѣ и будутъ считаться неприкосновенными. Тутъ за гражданами признаются права, но только съ разрѣшенія парламента. Такимъ путемъ указывается естественное мѣсто для утилитарной философіи: это—явленіе, сопровождающее нашъ прогрессъ, отъ прошедшаго рабства къ будущей свободѣ. Это одно изъ ряда вѣрованій, чрезъ которыя человѣчество должно было пройти. Оно точно такъ же естественно для извѣстнаго фазиса человѣческаго развитія, какъ и всѣ его предшественники. Оно должно потерять свое значеніе, какъ скоро наша приспособленность къ общественной жизни увеличится.

§ 4. Однимъ только путемъ возможно понять, какимъ образомъ ученіе Руссо объ общественномъ договорѣ могло распространиться въ такихъ обширныхъ размѣрахъ; люди нуждаются въ теоріи какого бы то ни было рода, и если они не имѣютъ ничего лучшаго, то они готовы привязаться къ нелѣпости. Вѣра въ подобное ученіе сдѣлается понятною, если мы обратимъ на это вниманіе. Люди собраны были вмѣстѣ подъ властью правительства и закона. Повидимому въ цѣломъ такое устройство должно было оказаться благодѣтельнымъ. Отсюда слѣдовало совершенно естественное, хотя и ложное, заключеніе, что государственная власть есть нравственное учрежденіе. Какъ скоро государственная власть признается нравственнымъ учрежденіемъ, то необходимо дать ей раціональное основаніе, защищать ее и согласить съ справедливостью и истиной. Подъ вліяніемъ такого стимула создана была теорія о первоначальномъ договорѣ, заключенномъ между отдѣльными личностями съ одной стороны и обществомъ или дѣйствующими за него агентами съ другой. Личности обязались повиноваться, а общество охранять повинующихся. Во имя этого предполагаемаго договора правительство продолжаетъ пользоваться властью и требовать повиновенія.

Что люди недумающіе удовлетворились такимъ объясненіемъ—это не удивительно, но странно, что оно заслужило довѣріе между людьми развитыми. Стоитъ только вспомнить о той массѣ рѣшительныхъ возраженій, которыя можно сдѣлать противъ такого ученія.

Прежде всего бросается въ глаза то, что это предположеніе чисто выдуманное. Прежде чѣмъ мы подчинимся зако-

нодательной власти въ силу контракта, заключеннаго будто бы нашими праотцами, мы, безъ сомнѣнія, должны имѣть нѣкоторыя доказательства, что такой контрактъ дѣйствительно былъ заключенъ. Однако же доказательствъ никакихъ не представлено. Напротивъ, всѣ факты, которые мы можемъ привести въ извѣстность, скорѣе убѣждаютъ насъ, что въ первобытныхъ соціальныхъ формахъ, въ состояніи дикомъ, патріархальномъ и феодальномъ, власти предоставлялось право на безусловное повиновеніе. Если въ такомъ положеніи правитель оказывалъ своему подвластному покровительство, то это только потому, что онъ метилъ за покушеніе захватить надъ его подданными такую же власть, какую имѣлъ онъ самъ. Такое заключеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что намъ извѣстно о вѣрноподданничествѣ позднѣйшихъ временъ.

Затѣмъ, если мы даже предположимъ, что контрактъ былъ заключенъ, то это не подвинетъ насъ далѣе, потому что онъ неоднократно былъ уничтоженъ нарушеніемъ его условій. Нѣтъ ни одного народа, среди котораго не бывало бы отъ времени до времени возстаній, и нѣтъ ни одного правительства, которое въ безчисленныхъ случаяхъ не измѣняло бы обязанности оказывать обѣщанное покровительство. Какимъ же образомъ договоръ этотъ можетъ почитаться обязательнымъ, когда прежде всего неизвѣстно, былъ ли онъ заключенъ, а затѣмъ, если онъ и былъ заключенъ, то онъ уже нарушенъ обѣими сторонами.

Если мы допустимъ, что условіе было заключено и что не было сдѣлано ничего, что бы окончательно его уничтожало, то и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ еще доказать, на какомъ основаніи договоръ, заключенный неизвѣстно когда и неизвѣстно кѣмъ, можетъ обязывать къ повиновенію народъ, живущій въ настоящее время. Перемѣнились династіи; одѣ формы правленія замѣнились другими въ теченіе того времени, которое прошло со дня предполагаемаго условія. Давно умерли тѣ люди, которые по предположенію были договаривающимися сторонами; между ними и современными ихъ потомками жили и умерли безчисленные ряды поколѣній. Мы должны слѣдовательно предположить, что договоръ этотъ переживалъ все снова и снова ряды умирающихъ, до которыхъ онъ относился! Это, по истинѣ, странная власть, которою обладали наши праотцы: они были способны установить пра-

вила для поведенія ихъ потомковъ на всѣ будущія времена! Что бы сказалъ человѣкъ, если бы отъ него потребовали, чтобы онъ поцѣловалъ ноги папы, на томъ основаніи, что его пра-пра-пра-прадѣдъ обѣщалъ за него, что онъ это исполнитъ.

Итакъ, подобнаго контракта никогда не существовало. Если бы онъ существовалъ, то онъ былъ бы уже уничтоженъ постояннымъ его нарушеніемъ. Если же бы онъ не былъ уничтоженъ, то не могъ бы быть обязателенъ для насъ, а могъ быть обязательнымъ лишь для тѣхъ, которые его заключили.

§ 5. Довольно забавна важность, которую придаетъ себѣ какой-нибудь Malvolio; но претензіи законодательства идутъ безъ всякаго сравненія далѣе. Его претензіи похожи на претензіи какого-нибудь управляющаго, который вздумалъ бы присвоить себѣ права собственника только потому, что его безстыдство, по крайней мѣрѣ, такъ же велико, какъ и эта его страсть. Подобный управляющій вдругъ начинаетъ утверждать, что поземельный участокъ, которымъ онъ распоряжается, въ сущности переданъ въ его владѣніе, что собственникъ отказался отъ всѣхъ своихъ правъ, для того, чтобы доставить этому участку преимущества его администраціи; что этотъ собственникъ живетъ теперь на землѣ только съ дозволенія его, управляющаго; что впредь онъ отъ этой земли не можетъ получать никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ тѣхъ, которые ему, управляющему, вздумается ему предоставить. Вотъ вѣрное подобіе поведенія правительствъ относительно народовъ. Вотъ ученіе, вполнѣ похожее на ту прекрасную теорію, которая вразумляетъ насъ, что люди отказались отъ естественныхъ своихъ правъ для того, чтобы сдѣлаться членами общества и пользоваться извѣстными общественными преимуществами. Приверженцы этого прекраснаго ученія вѣроятно будутъ протестовать противъ подобнаго толкованія. Протестъ этотъ однако же не имѣетъ никакого раціональнаго основанія, въ чемъ можно убѣдиться, если ученіе подвергнуть надлежащему анализу. Начнемъ для примѣра:

«Вы предполагаете, что люди, вступивъ въ общество, отказались отъ первоначальной своей свободы. По смыслу вашей гипотезы, они въ это общество вступили добровольно. Такъ или нѣтъ?»

«Такъ».

«Слѣдовательно, жизнь въ обществѣ, по ихъ понятіямъ, была лучше, чѣмъ та, которую они вели прежде?»

«Безъ сомнѣнія».

«Почему же она казалась имъ лучшею?»

«Потому что она представляла болѣе безопасности».

«Въ какомъ же отношеніи болѣе безопасности?»

«Болѣе безопасности для жизни, для собственности, для всего того, что служитъ къ достиженію счастія».

«Совершенно такъ. Цѣль союза должна была заключаться въ достиженіи большаго счастія. Если бы они имѣли въ виду сдѣлаться болѣе несчастными, то они не согласились бы на такую перемѣну. Согласились бы они, или нѣтъ?»

«Нѣтъ».

«Неправда ли, счастіе состоитъ въ надлежащемъ удовлетвореніи всѣхъ желаній, въ надлежащемъ упражненіи всѣхъ способностей?»

«Да».

«Такое упражненіе способностей невозможно безъ свободы дѣйствій. Желанія не могутъ быть удовлетворены безъ свободы отыскивать предметы этихъ желаній и пользоваться ими».

«Справедливо».

«Подъ словомъ п р а в а вы разумѣете свободу для дѣятельности способностей въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ предѣлахъ. Такъ или нѣтъ?» (См. гл. IV, § 2).

«Такъ».

«Изъ совокупности вашихъ отвѣтовъ выходитъ, что, на основаніи вашей гипотезы, люди свободно вошли въ общественный союзъ; изъ этого слѣдуетъ, что они вошли въ него для пріобрѣтенія большаго счастія; слѣдовательно они вошли въ него для предоставленія своимъ способностямъ болѣе обширнаго поля дѣятельности; опять-таки изъ этого выходитъ, что союзъ заключенъ для пріобрѣтенія большей безопасности при этой дѣятельности, а это значитъ, что они заключили союзъ для обезпеченія своихъ п р а в ъ».

«Придайте вашему положенію болѣе осязательную форму».

«Прекрасно. Если положеніе это для васъ слишкомъ отвлеченно, то попытаемся создать болѣе удобопонятное. Вы говорите, что политическая комбинація получила предпочтеніе передъ уединеннымъ состояніемъ человѣка потому, что она

представляла болѣе безопасности для жизни и собственности. Такъ или нѣтъ?»

«Безъ сомнѣнія».

«Не принадлежатъ ли претензіи человѣка на его жизнь и на его собственность къ его правамъ и не составляютъ ли онѣ самыхъ существенныхъ правъ?»

«Совершенно справедливо».

«Слѣдовательно, сказать, что люди соединились въ общества для того, чтобы предупредить постоянное нарушеніе ихъ претензій на жизнь и собственность, это значитъ сказать, что люди соединились въ общество для огражденія своихъ правъ?»

«Это такъ».

«Слѣдовательно, и тѣмъ и другимъ путемъ мы приходимъ къ убѣжденію, что въ охраненіи правъ заключалось именно то, къ чему стремились люди».

«Повидимому такъ».

«Но вѣдь на основаніи вашей гипотезы люди отказались отъ своихъ правъ вступая въ общество?»

«Да».

«Посмотрите же, какъ вы себѣ противорѣчите. Вы утверждаете, что люди соединились въ общество для болѣе успѣшнаго пріобрѣтенія того, отъ чего они отказались при своемъ вступленіи въ него».

«Очень хорошо; но я, можетъ быть, не сказалъ, что они отказались отъ своихъ правъ, но что они ввѣрили свои права».

«Кому они ихъ ввѣрили?»

«Они ихъ ввѣрили правительству».

«Такъ правительство есть что-то въ родѣ агента, употребляемаго членами общества для заботъ объ извѣстномъ ввѣренномъ ему предметѣ. Предметомъ этимъ оно должно распоряжаться въ пользу членовъ общества?»

«Совершенно такъ».

«Слѣдовательно, оно, подобно всякимъ другимъ агентамъ, можетъ пользоваться своею властью только такъ, какъ этого желаютъ тѣ, которые его назначили; оно должно исполнять порученныя ему обязанности такъ, какъ имъ угодно?»

«Именно такъ».

«То, что ему ввѣрено, принадлежитъ слѣдовательно до сихъ поръ первоначальному владѣльцу. Притязанія народа на обладаніе ввѣренными ему правами до сихъ поръ вполнѣ справед-

ливы и осязательны: народъ можетъ потребовать отъ своего агента всѣ выгоды, которыя проистекаютъ изъ этихъ правъ. Если онъ захочетъ, онъ можетъ снова взять ихъ въ свое владѣніе?»

«Это не такъ».

«Это не такъ! Почему же онъ не можетъ потребовать назадъ свою собственность?»

«Нѣтъ. Такъ какъ онъ однажды передалъ свои права на сохраненіе законодательству, то онъ долженъ довольствоваться такого рода пользованіемъ этими правами, которое дозволяется законодательствомъ».

Такимъ образомъ мы приходимъ къ упомянутому выше интересному ученію, что члены общества передали свою собственность (свои права) на попеченіе управляющаго (своего правительства) и что чрезъ это они потеряли всякое право собственности на это имущество и не могутъ отъ него получать никакихъ выгодъ, кромѣ тѣхъ, которыя управляющему заблагоразсудится имъ предоставить!

§ 6. Теорію всемогущества правительства нѣтъ надобности осаждать извнѣ, она внутри сама себѣ измѣняетъ. Она сама разрушаетъ себя. Она опровергается своимъ же основнымъ принципомъ. Тотъ самый свидѣтель, который призывается, чтобы убѣдить въ ея справедливости, обнаруживаетъ ея ложность. Для какой цѣли предполагается это отреченіе отъ своихъ правъ? Цѣль — установленіе закона наибольшаго счастія для наибольшаго числа; утверждаютъ, что для примѣненія этого закона именно и существуетъ правительство—оно должно руководиться предписаніями этого закона; слѣдовательно это законъ, который имѣетъ большій авторитетъ, чѣмъ правительство: онъ предшествуетъ правительству, правительство должно ему служить, оно должно ему подчиняться. Какимъ представится намъ этотъ законъ наибольшаго счастія наибольшаго числа послѣ тщательнаго изслѣдованія? Онъ совпадаетъ съ принципомъ крайнихъ демократовъ: всѣ люди имѣютъ одинаковое право на счастіе (Введ., Уч. о пр. чув., § 3). Итакъ правительство существуетъ для примѣненія къ дѣйствительности закона, что всѣ люди имѣютъ одинаковое право на счастіе. Такимъ образомъ и въ силу этой гипотезы права оказываются основаніемъ для существованія и окончательной цѣлью правительства; они выше его точно такъ же, какъ цѣль выше средствъ.

ГЛАВА XIX.

Право игнорировать государство.

§ 1. Если мы примемъ за основаніе положеніе, что всѣ учрежденія должны быть подчинены закону равной свободы, то мы должны согласиться, что гражданинъ имѣетъ право добровольно отказаться отъ покровительства законовъ и объявить себя внѣ закона. Если каждый человѣкъ имѣетъ право дѣлать все, что онъ хочетъ, лишь бы онъ не нарушалъ равной свободы другихъ людей, то слѣдовательно онъ имѣетъ право разорвать свою связь съ государствомъ, онъ можетъ отказаться отъ его покровительства и прекратить уплату податей. Совершенно ясно, что, поступая такимъ образомъ, онъ не нарушаетъ свободы другихъ людей. Его положеніе въ этомъ случаѣ пассивное, а если оно пассивное, то не можетъ быть притязательнымъ. Понятно также, что не нарушая нравственнаго закона нельзя его принудить принадлежать къ какому-либо политическому тѣлу; потому что гражданство предполагаетъ уплату податей, а у человѣка нельзя брать его собственности противъ его воли не нарушая его правъ (гл. X, § 6). Если правительство ни болѣе ни менѣе какъ агентъ, употребленный извѣстнымъ числомъ людей, чтобы обезпечить за собой извѣстныя выгоды, то изъ такого отношенія, по самой его природѣ, слѣдуетъ, что каждый имѣетъ право употребить этого агента или не употреблять его. Если кто-нибудь рѣшится игнорировать эту конфедерацію для взаимной безопасности, то изъ этого слѣдуетъ только, что онъ лишается права на всѣ ея услуги и подвергается опасности дурного съ нимъ обращенія. Рѣшиться на все это онъ имѣетъ полное право, если захочетъ. Безъ нарушенія закона равной свободы, его нельзя принудить принять уча-

стіе въ какой-либо политической комбинаціи,—онъ же можетъ ее оставить безъ всякаго подобнаго нарушенія; слѣдовательно онъ имѣетъ право поступить такимъ образомъ.

§ 2. «Никакіе законы человѣческіе не могутъ имѣть дѣйствительнаго значенія, если они противны законамъ природы; всѣ законы, которые имѣютъ подобное значеніе, почерпаютъ всю свою силу и весь свой авторитетъ изъ того же источника естественныхъ правъ». Вотъ что пишетъ Блекстонъ, за которымъ должна остаться честь, что онъ въ этомъ случаѣ видѣлъ много далѣе идей не только своего времени, но можно сказать и нашего. Это хорошее противоядіе противъ политическихъ предразсудковъ, которые распространены въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Это — хорошее средство для ограниченія наклонности къ обожанію силы, которая до сихъ поръ наводитъ насъ на ложные пути, восхваляя преимущества конституціонныхъ управленій, точно такъ же какъ она когда-то восхваляла права монарховъ. Пусть люди научатся понимать, что законодательство не есть «земной Богъ нашъ». Глядя на власть, которую они ему предоставляютъ, глядя на то, что они отъ него ожидаютъ, можно подумать, что оно дѣйствительно представляется имъ въ такомъ видѣ. Пусть они научатся понимать, что оно есть учрежденіе, которое служитъ чисто временнымъ цѣлямъ, что его власть—или похищенная, или, по крайней мѣрѣ, заимствованная.

Наконецъ, развѣ мы не видѣли (стр. 20), что правительство—это по существу своему созданіе безнравственности? Развѣ оно не есть порожденіе зла и развѣ оно не носитъ на себѣ всѣ признаки своего сродства съ нимъ? Развѣ оно не существуетъ только потому, что существуетъ преступленіе? Развѣ оно не сильно или, какъ мы говоримъ, деспотично только тамъ, гдѣ велико и сильно преступленіе? Развѣ мы не видимъ, что тамъ болѣе свободы и менѣе управленія, гдѣ преступленіе уменьшается? Развѣ правительство не должно прекратиться тогда, когда прекратится преступленіе? Оно прекратится потому, что не будетъ предметовъ, на которые оно могло бы обращать свою дѣятельность. Правительственный судъ существуетъ не только по причинѣ зла, но чрезъ посредство зла. Насиліе употребляется для поддержанія его авторитета, а всякое насиліе заключаетъ въ себѣ преступ-

леніе. Солдаты, полицейскіе, тюремщики, сабли, палки, цѣпи— все это средства для причиненія страданій; а всякое причиненіе страданія, въ отвлеченномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ неправду. Государство употребляетъ орудія зла для того, чтобы поработить зло; предметы съ которыми оно имѣетъ дѣло, настолько же грязнятъ его, насколько и орудія, которыми оно дѣйствуетъ. Нравственность ничего подобнаго признавать не можетъ. Нравственность — это постановленіе совершеннаго закона, она не можетъ поощрять то, что вырастаетъ и живетъ посредствомъ нарушенія этого закона (глава I). Вотъ почему законодательная власть никогда не можетъ входить въ область этики,— она неизбѣжно должна принадлежать къ учрежденіямъ условнымъ.

Пытаться путемъ основного закона справедливости опредѣлить правильное положеніе, устройство и образъ дѣйствій правительства — это въ извѣстной степени несообразность. Только-что было объяснено, что дѣйствія этого учрежденія несовершенны и по своему происхожденію и по своей природѣ—какимъ же образомъ они могутъ быть согласованы съ совершеннымъ закономъ. Все, что мы можемъ сдѣлать, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить во-первыхъ, какъ должно законодательство вести себя по отношенію къ обществу, чтобы не быть одушевленнымъ зломъ чрезъ одно свое существованіе; во-вторыхъ какъ оно должно быть устроено, чтобы представлять наименѣе несообразности съ нравственнымъ закономъ, и, въ-третьихъ, какой сферой должна быть ограничена его дѣятельность, для того, чтобы оно не размножило тѣ нарушенія справедливости, для предупрежденія которыхъ оно предназначено.

Первое условіе, которое необходимо соблюсти прежде, чѣмъ будетъ возможно установить какую-либо законодательную власть, не нарушая закона равной свободы, состоитъ въ признаніи за каждымъ права игнорировать государство, — права, о которомъ мы будемъ теперь говорить *).

§ 3. Защитники абсолютнаго деспотизма должны конечно

*) Отсюда можетъ быть выведенъ одинъ изъ аргументовъ въ пользу исключительнаго господства прямыхъ податей. Отказаться отъ государственныхъ тягостей возможно только тогда, когда всѣ подати будутъ прямыми.

считать государственную дѣятельность неограниченной и безусловной. Тѣ, которые полагаютъ, что люди созданы для правительствъ, а не правительства для людей, должны конечно послѣдовательно утверждать, что никто не можетъ выходить по произволу изъ среды политической организаціи. Но тѣ, которые говорятъ, что въ народѣ заключается единственный законный источникъ власти, что законодательная власть не есть власть изначальная, а власть пріобрѣтенная только чрезъ предоставленное кому-либо полномочіе, — тѣ конечно не могутъ отрицать право игнорировать государство не запутавшись въ нелѣпостяхъ.

Если законодательная власть пріобрѣтена чрезъ поставленное кому-либо полномочіе, т. е. право представительства, то изъ этого слѣдуетъ, что тѣ, которые ее предоставили, должны имѣть господство надъ тѣми, которымъ она представлена. Если господство въ ихъ рукахъ, то слѣдовательно они предоставляютъ это право по своему произволу, а изъ этого слѣдуетъ, что они могутъ его и предоставить и не предоставить, смотря по своему желанію. Называть представительствомъ то, что вырвано изъ рукъ людей независимо отъ ихъ воли,—есть нелѣпость. Если это справедливо относительно всѣхъ людей вмѣстѣ, то оно одинаково справедливо относительно каждаго въ отдѣльности. Правительство можетъ дѣйствовать по праву, именемъ народа, только тогда, когда оно получило отъ него на это власть; точно такъ же оно можетъ дѣйствовать по праву, именемъ народа, отдѣльнаго лица, тогда, когда оно имъ уполномочено. Если A, B и B спорятъ между собою, слѣдуетъ ли имъ употребить агента для исполненія извѣстнаго дѣла, и если A и B согласны, а B не согласенъ, то B наперекоръ его желанію конечно не можетъ считаться участвующей въ условіи стороной. То же самое, что здѣсь справедливо по отношенію къ тремъ, будетъ справедливо и по отношенію къ тридцати; а если оно будетъ вѣрно по отношенію къ тридцати, то почему оно не будетъ правильно по отношенію къ тремъ стамъ, или къ тремъ тысячамъ, или къ тремъ милліонамъ?

§ 4. Самый распространенный изъ политическихъ предразсудковъ, о которыхъ выше было говорено, это тотъ, что большинство всемогуще. Нравственное чувство нашего времени находится подъ вліяніемъ впечатлѣнія, что всегда бу-

детъ требоваться власть для сохраненія порядка и что власть эта будетъ орудіемъ какой-либо партіи: вотъ почему оно чувствуетъ, что по справедливости власть эта должна быть предоставлена только самой многочисленной половинѣ общества. Пословица «гласъ народа—гласъ Божій» имѣетъ для него буквальный смыслъ. Святость, которая приписывается Богу, переносится имъ на народъ, и оно приходитъ къ заключенію, что на волю народную, т. е. на волю большинства, нѣтъ апелляціи. Между тѣмъ такое убѣжденіе вполнѣ ошибочно.

Предположите напр., что какое-нибудь законодательство, правильно представляющее собою общественное мнѣніе, вслѣдствіе мальтузіанскихъ теорій впадетъ въ паническій страхъ и предпишетъ утопить всѣхъ дѣтей, рожденныхъ въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ. Неужели кто-нибудь найдетъ возможнымъ оправдать такое распоряженіе? Если нѣтъ, то ясно, что должна существовать граница для власти большинства. Предположите, что изъ двухъ племенъ, живущихъ вмѣстѣ, напр. кельтовъ и саксовъ, болѣе многочисленное рѣшится обратить другое въ рабство. Неужели въ этомъ случаѣ авторитетъ большинства былъ бы законнымъ авторитетомъ? Если нѣтъ, то необходимо существованіе чего-нибудь, чему бы этотъ авторитетъ подчинялся. Предположите далѣе, что всѣ люди, ежегодный доходъ которыхъ незначительнѣе пятидесяти фунтовъ стерлинговъ, постановятъ ограничить доходъ всѣхъ прочихъ до того же размѣра, а все остальное употребить на общественныя нужды. Можно ли считать справедливымъ такое рѣшеніе? Если нѣтъ, то мы въ третій разъ должны согласиться, что долженъ существовать законъ, которому бы покорялся народный голосъ. Какой же это можетъ быть другой законъ, если не законъ чистой нравственности—законъ равной свободы? Тѣ ограниченія, которыя всѣ чувствуютъ необходимымъ постановить для большинства, суть именно ограниченія, созданныя нравственнымъ закономъ. Мы отказываемъ большинству въ правѣ умерщвлять, порабощать, грабить, исключительно потому, что убійство, порабощеніе и грабежъ заключаютъ въ себѣ нарушенія закона,—нарушенія слишкомъ крупныя, для того, чтобы ихъ можно было не понимать. Если большинство не право, дозволяя себѣ крупное нарушеніе закона, то оно не право и тогда, когда совершаетъ болѣе мелкія. Если воля большинства не можетъ

въ этихъ случаяхъ стать выше основного начала нравственнаго закона, то оно не можетъ стать выше его никогда. Какъ бы ни было незначительно меньшинство, какъ бы ни было незначительно предположенное нарушеніе его правъ, но подобное нарушеніе ни въ какомъ случаѣ не дозволительно.

Если мы создадимъ для себя чисто демократическую конституцію, думаетъ про себя пламенный преобразователь, то наше правительство будетъ въ гармоніи съ абсолютной справедливостью. Такое убѣжденіе весьма ошибочно, хотя оно, можетъ быть, и необходимо для настоящаго времени. Принужденіе никакимъ путемъ не можетъ сдѣлаться справедливымъ. Самымъ свободнымъ образомъ правленія можетъ почитаться только такой, противъ котораго менѣе другихъ можно сдѣлать возраженій. Когда большинство управляется меньшинствомъ, — мы называемъ такой порядокъ тиранією; но управленіе большинства, по отношенію къ меньшинству, точно такъ же тиранія; вся разница въ степени. И въ томъ и въ другомъ случаѣ объявляется: «Вы должны дѣлать такъ, какъ мы хотимъ, а не такъ, какъ вы хотите». Если такое объявленіе провозглашается сотней по отношенію къ девяноста девяти, вмѣсто того, чтобы девяносто девять обращались съ нимъ къ сотнѣ, то безнравственность уменьшается всего на одну сотую. Та изъ двухъ сторонъ, которая дѣлаетъ подобное провозглашеніе, неизбѣжно нарушаетъ законъ равной свободы; вся разница въ томъ, что въ первомъ случаѣ онъ нарушенъ по отношенію къ девяноста девяти, а во второмъ по отношенію къ сотнѣ. Достоинство демократическаго управленія заключается только въ томъ, что оно нарушаетъ права меньшаго числа.

Самое существованіе большинства и меньшинства указываетъ на безнравственное состояніе. Мы нашли, что только тогда свойства человѣка гармонируютъ съ нравственнымъ закономъ, когда онъ можетъ быть вполнѣ счастливъ, не уменьшая счастія своего ближняго (глава III). Если общественныя учрежденія установляются посредствомъ большинство голосовъ, то это указываетъ на то, что общество состоитъ изъ людей съ другими свойствами. Это показываетъ, что желанія однихъ не могутъ быть удовлетворены безъ пожертвованія желаніями другихъ; тутъ обнаруживается, что боль-

шинство, преслѣдуя свое счастіе, должно порождать въ извѣстномъ размѣрѣ несчастіе меньшинства. Слѣдовательно, такое положеніе указываетъ на органическую безнравственность. Такимъ образомъ мы убѣждаемся съ другой точки зрѣнія, что даже самый справедливый образъ правленія не можетъ быть чуждымъ зла. Итакъ, если онъ не признаетъ права игнорировать государство, то его дѣятельность будетъ по существу своему преступная.

§ 5. Изъ того, что утверждается признанными между нами авторитетами и господствующимъ мнѣніемъ, можно равнымъ образомъ вывести заключеніе, что человѣкъ долженъ обладать свободой отказаться отъ благодѣяній, а чрезъ это и отъ тягостей гражданства. Наши радикалы, сами не замѣчая этого, убѣждены въ основномъ правилѣ, которое заключаетъ въ себѣ такое ученіе; если они не сознаютъ этого, то по всей вѣроятности только потому, что они не приготовлены къ пониманію истинъ такого крайняго свойства. Постоянно мы видимъ что они ссылаются на слова Блекстона, который утверждалъ, что «ни одного англійскаго подданнаго нельзя принудить къ уплатѣ какихъ-либо податей или вспомогательныхъ налоговъ, даже для защиты королевства и для поддержки правительства, если на эти подати и налоги не послѣдовало его согласія, или непосредственно, или чрезъ своихъ представителей въ парламентѣ». Что же это значитъ? Это значитъ, говорятъ они, что каждый человѣкъ долженъ имѣть право голоса. Это справедливо; но кромѣ того слова эти имѣютъ еще несравненно большее значеніе. Если вообще словамъ можно придавать какой-нибудь смыслъ, то въ этихъ словахъ ясно выражено то же самое право, о которомъ здѣсь говорится. Тотъ, кто утверждаетъ, что человѣка нельзя обложить податями, если онъ не выразилъ на это посредственно или непосредственно своего согласія, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что человѣкъ можетъ не позволить облагать себя податями, а не дозволить облагать себя податями это значитъ прервать всѣ сношенія съ государствомъ. Можетъ быть на это возразятъ, что согласіе дается гражданиномъ вообще, а не касается отдѣльныхъ предметовъ, что относительно каждаго гражданина предполагается, что, избирая представителя, онъ изъявилъ согласіе на все, что сдѣлано будетъ этимъ представителемъ. Предположите однако,

что онъ вовсе не избиралъ его, что онъ, напротивъ, дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы избранъ былъ другой человѣкъ съ противоположными взглядами: какъ же разсматривать дѣло въ этомъ случаѣ? По всей вѣроятности на это отвѣтятъ, что, принимая участіе въ избраніи, гражданинъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласился подчиняться рѣшенію большинства. А если онъ вовсе не участвовалъ въ избраніи? Въ такомъ случаѣ онъ не можетъ по справедливости жаловаться на подати, которыми онъ былъ обложенъ, потому что онъ не протестовалъ противъ такого обложенія. Вотъ забавный выводъ: какъ бы онъ ни дѣйствовалъ, а все-таки выходитъ, что онъ далъ свое согласіе; согласіе это считается даннымъ и тогда, когда онъ сказалъ «да», и тогда, когда онъ сказалъ «нѣтъ», и тогда, когда онъ остался вовсе нейтральнымъ! Нельзя не сознаться, что это весьма неловко придуманное ученіе. Вотъ передъ вами несчастный гражданинъ, котораго спрашиваютъ: хочетъ ли онъ заплатить деньги за извѣстное, предполагаемое для него преимущество? Если онъ употребитъ находящіяся въ его рукахъ средства, для того, чтобы выразить свой отказъ, или если онъ не употребитъ этихъ средствъ, во всякомъ случаѣ вы будете утверждать, что онъ въ дѣйствительности согласился, если только число согласившихся окажется болѣе числа несогласившихся. Такимъ образомъ вы вводите неслыханное начало, въ силу котораго согласіе лица *A* выражается не тѣмъ, что скажетъ *A*, но тѣмъ, что вздумается сказать *B*.

Тѣ, которые ссылаются на Блекстона, должны выбирать между этой нелѣпостью и изложеннымъ здѣсь ученіемъ. Ихъ правило—или чистая безсмыслица, или заключаетъ въ себѣ право игнорировать государство.

§ 6. Въ нашихъ политическихъ вѣрованіяхъ существуетъ странная несообразность. Современные взгляды, совершенно не схожіе другъ съ другомъ и по своей сущности и по своему цвѣту, у насъ спиваются съ системами, которыя уже отжили свой вѣкъ, и съ такими, сквозь которыя едва тамъ и сямъ начинаетъ проникать дневной свѣтъ. Люди важно излагаютъ эти системы и руководствуются ими, и ихъ вовсе не поражаетъ странность такой смѣси. Подобное переходное состояніе имѣетъ у насъ столько же слѣдовъ прошедшаго, сколько и зачатковъ будущаго; оно порождаетъ уродливыя

теоріи, гдѣ мы видимъ неестественный союзъ стараго деспотизма съ будущей свободой. Здѣсь мы видимъ типы старинной организаціи, забавнымъ образомъ прикрытой зародышами новой, здѣсь мы встрѣчаемъ особенности жизни, показывающія остатки приспособленности къ пережитому уже состоянію и видоизмѣненныя началами, предвѣщающими что-то будущее. Изъ всего этого выходитъ такая хаотическая смѣсь отношеній, что нѣтъ возможности сказать, къ какому роду явленій должны быть отнесены эти порожденія вѣка.

Идеи должны неизбѣжно носить печать своего времени, а поэтому безполезно жаловаться на чувство удовольствія, съ которымъ придерживаются этихъ несообразныхъ убѣжденій. Въ противномъ случаѣ можно было бы пожалѣть, что люди не доводятъ до конца того ряда заключеній, который заставилъ ихъ отчасти измѣнить свои прежніе взгляды. По отношенію напр. къ настоящему предмету послѣдовательность заставила бы ихъ убѣдиться, что они не только въ вышеизложенномъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ придерживаются мнѣній и пользуются аргументами, въ которыхъ заключается право игнорировать государство.

Что означаетъ диссентерство? Было время, когда вѣра человѣка и обряды его богослуженія опредѣлялись закономъ точно такъ же, какъ и свѣтскія его дѣла. Это даже до сихъ поръ такъ, на основаніи постановленій, изложенныхъ въ нашей книгѣ статутовъ. Благодаря возрастанію духа протестантизма, мы въ этомъ отношеніи стали игнорировать государство—отчасти на практикѣ и вполнѣ въ теоріи. Какимъ образомъ мы сдѣлали это? Относительно государства мы приняли такое положеніе, которое при послѣдовательномъ его развитіи привело бы къ праву вполнѣ его игнорировать. Взгляните на положеніе обѣихъ сторонъ. «Вотъ ваша вѣра,—говоритъ законодатель,—вы должны вѣрить и открыто исповѣдывать то, что для васъ здѣсь постановлено».—«Я ничего подобнаго не сдѣлаю,—отвѣчаетъ нонконформистъ,—я скорѣе пойду въ тюрьму». «Вашъ духовный уставъ — продолжаетъ законодатель—долженъ заключаться въ томъ, что мы вамъ предписали. Вы должны посѣщать тѣ церкви, которыя мы для васъ устроимъ, и принять религіозные обряды, которые въ нихъ совершаются». «Ничто не заставитъ меня поступать такимъ образомъ, — получаетъ онъ отвѣтъ,—я вполнѣ

отвергаю вашу власть предписывать мнѣ что-нибудь въ этомъ случаѣ и полагаю сопротивляться до крайней степени возможнаго». «Наконецъ,—присовокупляетъ законодатель,— мы повелѣваемъ вамъ, чтобы вы платили столько денегъ для поддержанія этихъ религіозныхъ учрежденій, сколько мы найдемъ нужнымъ отъ васъ потребовать». «Вы не получите отъ меня ни одного фартинга, — восклицаетъ нашъ смѣлый индепендентъ; — я бы не согласился на ваше требованіе даже и тогда, когда бы я вѣрилъ въ ученіе вашей церкви, а я не вѣрю. Вы можете взять мою собственность только силой, да и тогда я буду протестовать».

Какое значеніе будетъ имѣть такой образъ дѣйствій, если его разсматривать отвлеченно? Имъ изъявляется со стороны личности претензія на право пользоваться одною изъ своихъ способностей—религіознымъ чувствомъ, — безъ препятствій и вмѣшательства и безъ всякаго ограниченія, кромѣ того, которое можетъ произойти отъ равныхъ требованій со стороны другихъ лицъ. А какое значеніе имѣетъ игнорированіе государства? Имъ точно такъ же изъявляется только претензія на пользованіе такого же рода по отношенію ко всѣмъ своимъ способностямъ. Послѣднее есть ни болѣе, ни менѣе, какъ распространеніе перваго—онъ совершенно съ нимъ однороденъ, его слѣдуетъ признать истиннымъ, если первое признается истиннымъ, и ложнымъ, если первое признается ложнымъ. У насъ признаютъ различіе между гражданской и религіозной свободой, но различіе это совершенно произвольное. Это части одного цѣлаго, и съ философской точки зрѣнія не могутъ быть раздѣляемы,

«Нѣтъ, они могутъ быть раздѣляемы,—отвѣчаетъ возражающій,—первое требованіе составляетъ религіозную обязанность а потому есть исполненіе долга. Право служить Богу такъ, какъ человѣкъ признаетъ себя обязаннымъ это дѣлать,—это есть право, безъ котораго онъ не можетъ исполнять того, что считаетъ повелѣніемъ Божіимъ; вотъ почему совѣсть предписываетъ ему охранять такое право». Это довольно справедливо; ну, а если то же самое можно сказать о всякой другой свободѣ? Что если охраненіе этой свободы точно такъ же предписывается совѣстью? Развѣ мы не видѣли выше, что человѣческое счастіе — это воля Божья, что достигнуть счастія мы можемъ только упражненіемъ своихъ

способностей и что упражненіе способностей невозможно безъ свободы (глава IV). Если такая свобода для дѣятельности способностей составляетъ условіе, безъ котораго невозможно исполнить воли Божіей, то охраненіе этой свободы составляетъ обязанность, какъ это доказывается самимъ возражающимъ. Или, другими словами, оказывается, что охраненіе свободы дѣйствій не только можетъ, но должно лежать на совѣсти каждаго. Изъ всего этого мы ясно убѣждаемся, что право игнорировать государство въ дѣлахъ религіозныхъ и свѣтскихъ, по существу своему, совершенно однородно.

Другая причина, обыкновенно приводимая въ видѣ основанія тѣми, которые отказываются слѣдовать государственнымъ распоряженіямъ въ религіозныхъ дѣлахъ, можетъ быть разсматриваема такимъ же образомъ. Диссентеръ противится государственнымъ распоряженіямъ не только вслѣдствіе отвлеченныхъ своихъ взглядовъ на нихъ, но и потому, что онъ порицаетъ самое религіозное ученіе, которое ему предлагается. Никакое законодательное предписаніе не въ состояніи принудить его принять то, что онъ признаетъ ложнымъ убѣжденіемъ; онъ помнитъ обязанность, которая лежитъ на немъ по отношенію къ его ближнимъ, и отказывается помогать, посредствомъ своего кошелька, распространенію ложнаго ученія. Положеніе это совершенно понятное. Но тѣ, которые его придерживаются, или обязаны поступать точно такъ же въ дѣлахъ свѣтскихъ, или ставятъ себя въ ложное положеніе. Почему они отказываются быть орудіями для распространенія ложныхъ убѣжденій? Потому, что ложные взгляды противны осуществленію человѣческаго счастія. На какомъ основаніи можно не соглашаться съ какимъ-либо родомъ дѣятельности свѣтскаго законодательства? Основаніе тутъ то же: съ нимъ не соглашаются потому, что его почитаютъ противнымъ человѣческому счастію. Какимъ же путемъ можно доказать, что государству слѣдуетъ сопротивляться въ одномъ случаѣ и не слѣдуетъ въ другомъ? Возможно ли, чтобы кто-нибудь, послѣ здраваго обсужденія, былъ въ состояніи утверждать, что слѣдуетъ отказать правительству, если оно требуетъ отъ насъ денегъ, чтобы учить тому, что, по нашему мнѣнію, произведетъ зло; но не слѣдуетъ ему отказывать, если оно требуетъ денегъ, чтобы дѣлать то, что произведетъ зло? Таково однако же плодоносное сужденіе тѣхъ, которые утверждаютъ, что

человѣкъ имѣетъ право игнорировать государство въ дѣлахъ религіи, но не имѣетъ этого права въ дѣлахъ свѣтскихъ.

§ 7. Содержаніе этой главы еще разъ напоминаетъ намъ несоотвѣтствіе между совершеннымъ закономъ и несовершеннымъ состояніемъ общества. Степень примѣнимости изложеннаго здѣсь принципа измѣняется прямо сообразно степени нравственнаго состоянія общества. Въ совершенно порочномъ обществѣ признаніе этого принципа произвело бы анархію. Въ обществѣ вполнѣ добродѣтельномъ его признаніе не только безвредно, но неизбѣжно. Прогрессивное движеніе къ состоянію общественнаго здоровья, т. е. къ такому состоянію, гдѣ мѣры врачеванія, принимаемыя законодательствомъ, будутъ уже излишними,—это такое прогрессивное движеніе, которое приведетъ къ положенію, гдѣ эти мѣры будутъ отложены въ сторону, а авторитетъ, предписывающій ихъ, утратитъ свое значеніе. Оба эти измѣненія неизбѣжно связаны между собою. Господство нравственнаго чувства приведетъ общественныя отношенія къ гармоніи и сдѣлаетъ правительство ненужнымъ. То же самое нравственное чувство заставитъ каждаго человѣка стремиться къ распространенію своей свободы до предѣловъ полнаго игнорированія государства,—то же самое нравственное чувство будетъ мѣшать большинству принуждать меньшинство и сдѣлаетъ управленіе окончательно невозможнымъ. Такъ какъ все это лишь различныя проявленія того же самаго чувства, то они и должны быть въ постоянномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ; стремленіе отказываться отъ правительства будетъ возрастать только въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ какомъ управленіе будетъ дѣлаться излишнимъ.

Пусть, впрочемъ, никто не пугается вышеизложеннаго ученія. Еще много должно совершиться различныхъ перемѣнъ прежде, чѣмъ оно начнетъ пользоваться большимъ вліяніемъ. Вѣроятно много лѣтъ пройдетъ прежде, чѣмъ право игнорировать государство получитъ всеобщее признаніе даже въ теоріи. И еще болѣе времени протечетъ до того дня, когда право это будетъ признано законодательствомъ. Даже и послѣ этого оно будетъ приспособлено различныхъ ограниченій по причинѣ преждевременнаго пользованія имъ. Тяжкій опытъ достаточно проучитъ тѣхъ, которые слишкомъ рано откажутся отъ законнаго покровительства. У большей части людей лю-

бовь къ испытаннымъ на дѣлѣ устройствамъ такъ велика, и страхъ, наводимый новыми опытами, такъ значителенъ, что они, по всей вѣроятности, начнутъ пользоваться этимъ правомъ только тогда, когда уже давно возможно было бы пользоваться имъ съ совершенной безопасностью.

ГЛАВА XX.

Устройство государства *).

§ 1. Одно изъ самыхъ ясныхъ и самыхъ распространенныхъ заключеній, выведенныхъ изъ закона о равной свободѣ,—это то, что всѣ члены общества должны обладать одинаковыми политическими правами. Если каждый человѣкъ имѣетъ право дѣлать все, что онъ хочетъ, лишь бы онъ не нарушалъ равной свободы другихъ, то онъ долженъ имѣть точно такое же вліяніе на законодательство, какъ и всякій другой. Ни одно лицо, ни одинъ классъ въ обществѣ не могутъ, безъ нарушенія закона, пріобрѣсти болѣе вліянія, чѣмъ другіе.

Слѣдовательно очевидно, что чисто демократическое правленіе есть единственное, которое можно допустить съ нравственной точки зрѣнія,—единственное, которое не преступно по своему существу. Выше было показано, что никакое правленіе не можетъ имѣть авторитета, основаннаго на нравственномъ началѣ. Самая совершенная форма, которой оно можетъ достигнуть, все-таки будетъ только проявленіемъ, не возбуждающимъ болѣе протеста со стороны нравственнаго закона, гдѣ законъ этотъ можетъ оставаться равнодушнымъ,—это будетъ явленіе, которое онъ въ состояніи терпѣть. Первое условіе такой формы заключается въ томъ, чтобы принадлежность къ числу гражданъ была добровольная; второе—равенство правъ.

*) Важность и интересъ предмета достаточно объясняютъ длину этой главы; способъ ея изложенія можетъ быть слишкомъ популяренъ для сочиненія, въ родѣ настоящаго, но это объясняется тѣмъ же интересомъ предмета. Двѣ части этой главы уже были напечатаны.

§ 2. Фактъ, что люди въ настоящее время эгоистичны, можно считать достаточно доказаннымъ. Созданія, одаренныя такимъ свойствомъ, очевидно должны употребить ввѣренную имъ власть для извлеченія изъ нея собственныхъ своихъ выгодъ. Она послужитъ для ихъ частныхъ цѣлей—непосредственно или посредственно, такъ или иначе, открыто или тайно. Если мы согласимся съ положеніемъ, что люди эгоистичны, то мы не можемъ избѣгнуть вывода, что тѣ, которые обладаютъ властью, употребятъ ее для своихъ эгоистическихъ цѣлей, какъ скоро это будетъ имъ дозволено.

Если кому-нибудь нужны факты для того, чтобы убѣдиться въ этомъ,—онъ можетъ найти ихъ на каждый страницѣ перваго тома исторіи, который попадется ему въ руки. Подъ заглавіемъ: монархія, онъ можетъ прочесть о ненасытной жадности при распространеніи государственной территоріи: о конфискаціяхъ имущества подданныхъ: о правѣ суда, покупаемомъ наиболѣе дающимъ: о постоянномъ выпускѣ фальшивой монеты: о ненасытности, которая унижалась до того, что раздѣляла доходы даже съ публичными женщинами.

Въ феодализмѣ онъ найдетъ проявленія того же самаго духа; духъ этотъ обнаруживается въ жестокостяхъ по отношенію къ крѣпостнымъ людямъ, въ правѣ частныхъ войнъ, въ хищническихъ набѣгахъ пограничныхъ жителей, въ расхищеніи имуществъ евреевъ, въ насильственной дани, которою мучили гражданъ. Все это указываетъ справедливость поговорки, которою эта система была охарактеризована: «Пусть ты нуждаешься прежде, чѣмъ я буду нуждаться».

Желаетъ ли онъ отыскать подобныя же проявленія въ аристократическихъ учрежденіяхъ позднѣйшихъ временъ? Онъ можетъ ихъ найти во всѣхъ государствахъ Европы: въ Испаніи, въ теченіе долгаго времени, земли дворянства и духовенства были освобождены отъ всякихъ прямыхъ поборовъ; въ Венгріи, до самаго послѣдняго времени, люди привилегированные были освобождены отъ всякихъ заставныхъ сборовъ, которые оплачивались только торгующимъ и рабочимъ классомъ; во Франціи, до первой революціи, всѣ государственныя тягости лежали на среднемъ сословіи; еще не прошло двухъ столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ въ Шотландіи между землевладѣльцами существовало обыкновеніе ловить людей изъ

простого народа и вывозить ихъ для продажи въ рабство. Въ Ирландіи, до возстанія, шайка землевладѣльцевъ узурпаторовъ охотилась за католиками и стрѣляла въ нихъ для развлеченія,—все это за то, что они имѣли смѣлость требовать свою собственность.

Если бы нужны были еще примѣры для доказательства, что власть служитъ эгоистическимъ цѣлямъ ея обладателей, то можно набрать ихъ множество изъ англійскаго законодательства. Возьмите напр. законъ, многозначительно прозванный «черным актомъ» (статутъ 9-й Георга I); на основаніи этого закона человѣкъ, переодѣтый и вооруженный, который найденъ будетъ въ паркѣ или въ мѣстѣ, гдѣ находились или обыкновенно держатся зайцы и кролики, если его преступленіе будетъ надлежащимъ образомъ доказано, долженъ почитаться виновнымъ въ государственной измѣнѣ (т. е. въ уголовномъ преступленіи) и подлежитъ смертной казни наравнѣ съ тѣми уголовными преступниками, которые не пользуются правомъ на помилованіе. Другой примѣръ представляютъ законы о поземельномъ разграниченіи; на основаніи этихъ законовъ общинныя земли и пастбища распредѣлены между сосѣдними землевладѣльцами соразмѣрно количеству ихъ земель, не обращая никакого вниманія на права бѣдныхъ работниковъ. Не мѣшаетъ также обратить вниманіе на пріемъ, посредствомъ котораго поземельная подать сдѣлалась неизмѣнною и даже уменьшилась, въ то время, когда всѣ другіе сборы чрезмѣрно увеличились. Къ этому можно прибавить частныя монополіи, которыя получаются отъ короля по разнымъ уваженіямъ, злоупотребленія изъ фонда, предназначеннаго для общественныхъ школъ, учрежденіе новыхъ мѣстъ и пенсій.

Расположеніе пользоваться властью для достиженія своихъ частныхъ цѣлей проявляется не рѣже и въ наши дни. Оно ясно обнаруживается въ томъ мнѣніи, что право избранія должно быть устроено такимъ образомъ, чтобы давать преобладаніе интересамъ поземельныхъ собственниковъ. Мы его видимъ въ освобожденіи фермеровъ отъ различныхъ прямыхъ сборовъ, съ явною цѣлью—дать имъ возможность платить болѣе ренты. На него осязательно указываютъ законы объ охотѣ. Оно обнаруживается въ поведеніи сквайра, который для податей оцѣниваетъ свой домъ въ третью часть его стои-

мости. О немъ свидѣтельствуетъ законъ, который постановляетъ, что поземельный собственникъ получаетъ уплату по своему долгу прежде другихъ кредиторовъ, и уполномочиваетъ его непосредственно овладѣвать собственностью своего арендатора въ уплату ренты. О немъ намъ напоминаютъ законы и подати съ отказовъ и завѣщаній. Въ то время, какъ никому не вздумается давать работнику, лишившемуся работы, вознагражденіе за его убытокъ, джентльменъ, владѣющій синекурой, требуетъ, чтобы его вознаградили деньгами, если его мѣсто упраздняется. Изобильный источникъ примѣровъ такого расположенія представляетъ намъ дѣло лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Оно обнаруживается въ подачѣ голосовъ ста пятидесяти военныхъ и морскихъ членовъ парламента. Наконецъ стремленіе власть имѣющихъ пользоваться ею для облагодѣтельствованія своего кармана видно даже изъ дѣятельности достопочтенныхъ отцовъ, служителей Божіихъ; они составляли духовную коммисію, которая, для улучшенія своихъ дворцовъ, употребила деньги, ввѣренныя ея храненію и предназначенныя для пользы церкви.

Приводить еще подобные примѣры совершенно безполезно. Хотя не было на свѣтѣ историка, который бы въ этомъ отношеніи не могъ послужить свидѣтелемъ, но фактъ этотъ ни на одну іоту не можетъ быть сдѣланъ болѣе яснымъ, чѣмъ онъ ясенъ уже теперь. Зачѣмъ спрашивать о томъ, предпочитали ли власть имѣющіе свои интересы интересамъ другихъ? Насколько мы знаемъ природу человѣческую, они должны были такъ поступать. Правительство дѣлается необходимымъ только вслѣдствіе той же наклонности людей удовлетворять своимъ потребностямъ на счетъ своихъ сосѣдей. Если бы у насъ не было эгоистическихъ стремленій, то законодательныя стѣсненія были бы для насъ совершенно излишними. Очевидно, что самое существованіе государственной власти доказываетъ, что правители, не подлежащіе отвѣтственности, должны жертвовать общественнымъ благомъ для своихъ личныхъ цѣлей, и это будетъ такъ, несмотря ни на какія торжественныя обѣщанія, несмотря ни на какія выраженія благовидныхъ мнѣній, несмотря ни на какія ограниченія, устроенныя самымъ тщательнымъ образомъ, несмотря ни на какія предохранительныя мѣры.

Всякое предоставленіе законодательства въ распоряженіе

какого-либо класса народа непремѣнно приведетъ къ законамъ, написаннымъ исключительно въ интересахъ этого класса. Вотъ почему невозможно избѣгнуть заключенія, что интересы всего общества могутъ быть обезпечены только тогда, когда власть ввѣрена рукамъ всего народа.

§ 3. Противъ положенія, что, для обезпеченія справедливости по отношенію ко всему народу, всѣ члены этого народа должны получить одинаковую власть—возражаютъ, что большинство народа состоитъ изъ рабочаго класса, и если всѣмъ дать одинаковую власть, то на практикѣ изъ этого выйдетъ—господство рабочихъ классовъ. Возражающіе такимъ образомъ могутъ еще присовокупить, что въ силу эгоистическихъ тенденцій, о которыхъ только-что говорилось, законодательство, переданное въ руки рабочихъ, непремѣнно будетъ служить цѣлямъ рабочаго класса и не будетъ обращать вниманія на претензіи собственниковъ.

Тѣ, которые дѣлаютъ подобное возраженіе, разумѣется, не имѣютъ въ виду этимъ выразить, что народъ будетъ пользоваться своею властью такъ, какъ могутъ пользоваться только разбойники. Въ старинныя времена норманскаго владычества сосѣдніе дворяне нерѣдко жгли и разоряли города и волости; если бы тогда водворено было народное владычество, то конечно возможно было бы ожидать репрессалій и нападеній на замки этихъ феодальныхъ флибустьеровъ и разбойниковъ. Въ настоящее время мы имѣемъ полное право заключать, что то же самое развитіе общественной нравственности, которое не дозволяетъ современной аристократіи прямого грабежа по отношенію къ народу, помѣшаетъ такъ же и народу прямо оскорблять ея права. Вся опасность, которую можно ожидать на основаніи этого возраженія, заключается въ томъ, что рабочіе классы будутъ приносить права богатыхъ въ жертву своимъ желаніямъ, съ тѣмъ же безразличіемъ, съ какимъ теперь богатые жертвуютъ ими, и что такимъ образомъ созданъ будетъ кодексъ законовъ, покровительствующій бѣднымъ на счетъ богатыхъ.

Если бы даже не было отвѣта на такое возраженіе, то даже и тогда все это говорило бы въ пользу правъ народа. Куда приводитъ такая аргументація въ окончательномъ своемъ результатѣ? Вотъ ея заключеніе: немногіе должны продолжать нарушать права большинства, изъ опасенія, чтобы

это большинство не вздумало нарушать права этихъ немногихъ. Сытые, живущіе въ роскошныхъ дворцахъ, щеголяющіе роскошью своей одежды, занимающіе выгодныя мѣста и пользующіеся доходными пенсіями,—всѣ эти люди, можетъ быть, полагаютъ, что пусть лучше массы народа страдаютъ для ихъ пользы, какъ это дѣлается теперь, и не хотятъ рисковать страдать для пользы массъ, какъ это могло бы случиться. Но развѣ справедливый посредникъ могъ бы рѣшить такимъ образомъ? Развѣ онъ не сказалъ бы, напротивъ, что если отдѣльныя личности того и другого класса пользуются даже одинаковымъ благосостояніемъ, то все-таки правильнѣе будетъ меньшинство принести въ жертву большинству, но оказывается, что подробности большинства удовлетворены несравненно хуже; при такомъ положеніи справедливость безусловно предписываетъ отдать имъ предпочтеніе. Если неизбѣжно, чтобы какая-либо сторона подверглась несправедливости, то конечно несправедливости этой должны подвергнуться сотни богачей, а не тысячи бѣдняковъ.

Сверхъ всего этого подобное возраженіе вовсе не такъ основательно, какъ оно кажется съ перваго раза. Сравнительно незначительный классъ можетъ соединиться для преслѣдованія общихъ своихъ интересовъ, но не таково положеніе разрозненной массы народа. Легко составить союзъ для достиженія желаемой цѣли нѣсколькимъ тысячамъ людей, съ одинаковыми интересами, вращающимся въ одномъ и томъ же кругу, воспитаннымъ въ тѣхъ же предразсудкахъ, пропитаннымъ тѣми же вѣрованіями, связаннымъ между собою семейными узами и съѣзжающимся ежегодно въ томъ же самомъ городѣ. Но полдюжины милліоновъ рабочихъ никакимъ образомъ не могутъ дѣйствовать единодушно,—они раскинуты на обширномъ пространствѣ, спискиваютъ свой хлѣбъ самыми разнородными занятіями, они принадлежатъ къ различнымъ религіознымъ сектамъ, они раздѣлены на двѣ, вполнѣ другъ на друга непохожія, группы: одна изъ нихъ проникнута чувствами и взглядами, развивающимися отъ городской жизни, другая раздѣляетъ всѣ предразсудки прошедшаго, которые еще сохранились въ странѣ. Эта масса слишкомъ велика, слишкомъ разнородна, слишкомъ разрознена для того, чтобы тутъ возможенъ былъ дѣйствительный союзъ. На это мы имѣемъ убѣдительныя доказательства. Въ движеніи чарти-

стокъ мы видимъ людей, которые въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ постепенно проникались идеею политической свободы,—людей, которые были раздражаемы несправедливостью,—людей, которымъ ихъ сограждане показывали презрѣніе,—людей, которымъ ежедневно приходилось переносить лишенія,—слѣдовательно людей, которыхъ съ разныхъ сторонъ множество различныхъ побужденій стимулировало къ союзу для достиженія того, на что они считали себя въ правѣ. Они имѣли основательныя причины полагать, что достиженіе ихъ цѣли доставитъ имъ значительныя выгоды. Великъ ли былъ однако же успѣхъ ихъ попытки? Споры, разладъ, апатія, противоположныя вліянія разнаго рода соединялись для того, чтобы произвести рядъ неудачъ. Массы не могли достигнуть единства дѣйствія, необходимаго для приведенія къ окончанію ихъ предположеній, несмотря на энтузіазмъ, который внушался имъ правымъ дѣломъ; тѣмъ менѣе будутъ они способны соединиться, если ихъ цѣль будетъ безчестная.

§ 4. Тотъ, кто возражаетъ противъ предоставленія рабочему населенію избирательнаго права, на томъ основаніи, что оно безнравственно, тотъ долженъ показать составъ избирателей, который бы не былъ безнравственнымъ. Когда утверждаютъ, что народъ не способенъ владѣть правомъ голоса по причинѣ своей подкупности, то слѣдовательно предполагаютъ, что можно найти классъ общества, который не былъ бы подкупенъ. Оказывается однако же, что такого класса не существуетъ. Приведите ихъ всѣхъ на судъ, и ни одна часть общества не получитъ оправдательнаго приговора.

Если бы разбирательству суда подвергнуть лавочниковъ, то чѣмъ бы они оправдали свои коммерческіе пріемы? Развѣ честно подмѣшивать картофель и квасцы въ хлѣбъ; развѣ честно прибавлять въ пиво соль, табакъ и сѣмя безвременника; смѣшивать свиное сало съ масломъ; приготовлять молоко различными извѣстными и неизвѣстными путями; поддѣлывать растительныя масла, химическіе продукты, краски, вино,—однимъ словомъ все, что поддается фальсификаціи? Развѣ существованіе инспекторовъ мѣръ и вѣсовъ указываетъ на высокую нравственность? Развѣ честно продавать въ лавкѣ товаръ, достоинство котораго ниже образчиковъ, выставленныхъ въ окошкѣ?

Если фабриканты имѣютъ какую-нибудь претензію на чистоту, то они могутъ встрѣтиться съ непріятнымъ намекомъ насчетъ обыкновенія преобразовывать старыя тряпки такимъ образомъ, чтобы они входили въ составъ куска вмѣстѣ съ новою тканью. Могутъ также быть сдѣланы непріятные вопросы насчетъ количества бумаги, вошедшей въ составъ извѣстныхъ тканей, которыя называются цѣльными шоковыми. Кража моделей также можетъ составить щекотливый вопросъ. Обыкновеніе употреблять гипсъ для увеличенія вѣса и массы бумаги едва ли можно защищать на основаніи принциповъ, изложенныхъ въ десяти заповѣдяхъ.

Приговоръ, который заслужилъ бы земледѣлецъ, также способствовалъ бы уменьшенію довѣрія къ нему. Несмотря на возвышающее душу вліяніе, которое поэты приписываютъ непосредственнымъ сношеніямъ съ природою, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми несомнѣнными и не совсѣмъ благовидными фактами; напр. фермеры, по крайней мѣрѣ въ Дорсетширѣ, были уличены въ томъ, что они вмѣсто заработной платы давали своимъ работникамъ испорченную пшеницу и выставляли за нее цѣны, по которымъ продавалась вполнѣ годная; такое обыкновеніе никакъ нельзя назвать во всѣхъ отношеніяхъ добросовѣстнымъ. До новаго закона о бѣдныхъ во многихъ округахъ существовало обыкновеніе давать работникамъ на фермахъ только половинную заработную плату, остальное же выдавалось имъ изъ сбора для бѣдныхъ, надъ которымъ ихъ господа имѣли главный контроль,—это фактъ, вошедшій въ исторію. Къ этимъ образчикамъ нравственности можно было бы присовокупить достойныхъ товарищей, если обратиться къ сдѣлкамъ на лошадиныхъ ярмаркахъ и на рынкахъ, гдѣ продается скотъ.

Послѣ такого разбора ни одна профессія не вышла бы чистою. Тотъ, кто слышитъ слово «продажность», тотчасъ неизбѣжно подумаетъ о сферахъ закона. Репутація повѣренныхъ по дѣламъ слишкомъ плоха, чтобы нужно было упоминать объ ихъ грѣхахъ; даже адвокаты, исключительно занятые публичною защитою, не безупречны. Попытки представить несомнѣннаго преступника невиннымъ человѣкомъ, указываютъ на весьма сбивчивыя понятія о справедливомъ и несправедливомъ. Можно здѣсь упомянуть еще объ обыкновеніи брать плату за дѣла, въ которыхъ они не могутъ

принимать на себя защиту по причинѣ другихъ обязательствъ, и удерживать эту плату за собою, хотя ими дѣло и не было сдѣлано. Такія обыкновенія едва ли согласны съ честностью, необходимою для того, чтобы надлежащимъ образомъ пользоваться политическою властью.

Если бы нашимъ членамъ парламента пришлось принять подобный вызовъ, то и они также не вышли бы сухими изъ воды. Постановленіе, которое дѣлаетъ ихъ недосягаемыми для ихъ кредиторовъ, едва ли согласно съ нравственнымъ закономъ. Оно не указываетъ также на слишкомъ возвышенное понятіе о чести. Не забудемъ болѣзнь представительнаго правленія—подкупы. Развѣ вся ненавистная сторона этихъ подкуповъ не должна касаться богатыхъ классовъ? Неужели вся вина должна взваливаться на однихъ бѣдныхъ избирателей?

Тѣ, которые вращаются въ кругу титулованныхъ особъ, также не могутъ похвалиться особенной чистотою. Достаточно извѣстно участіе ихъ въ плутняхъ на скачкахъ и въ полуночныхъ сценахъ игорныхъ домовъ. Банкротство Гентингтовера не служитъ къ чести этого сословія, точно такъ же какъ и гражданскія взысканія, которымъ его члены подвергаются отъ времени до времени. Если бы аристократія обладала болѣе правильными понятіями о справедливости, она, по всей вѣроятности, показывала бы болѣе уваженія къ требованіямъ своихъ поставщиковъ; аристократы, въ качествѣ дурныхъ плательщиковъ, не могли бы сдѣлаться предметомъ пословицы.

Наши высшіе государственные сановники также участвуютъ въ общей испорченности. Развѣ дѣло Мадзини не показало слабости ихъ принциповъ? Развѣ провозглашеніе различныхъ сомнительныхъ правилъ, какъ это видно изъ «Westminster Review», не имѣетъ никакого значенія? Развѣ можно утверждать, что воровать дозволительно, если оффиціальнымъ лицамъ нужно украсть свѣдѣнія изъ письма? Что лгать позволительно, если они желаютъ скрыть вора, запечатавъ снова письма? Что подлогъ дозволителенъ съ цѣлью поддѣлыванія печати? Развѣ наши современные министры лучше, чѣмъ ихъ предшественники: если это такъ, чѣмъ объяснить искаженіе нѣкоторыхъ вестъ-индскихъ депешъ и уничтоженіе нѣкоторыхъ другихъ?

Пусть никто не протестуетъ противъ предоставленія народу избирательныхъ правъ на основаніи его безнравственности; пусть всякій устыдится собственной своей безнравственности и безнравственности того класса общества, къ которому онъ принадлежитъ. Пусть безпорочный броситъ первый камень. Порокъ, безчестность, подкупность проникаютъ во всѣ слои общества. Если рабочимъ людямъ слѣдуетъ отказать въ политической власти по причинѣ ихъ испорченности, то по той же самой причинѣ въ ней нужно отказать и всѣмъ прочимъ классамъ.

§ 5. Есть люди, которые утверждаютъ, что массы болѣе порочны, чѣмъ остальныя части общества. Но тѣ, которые высказываютъ это мнѣніе, доходятъ до него весьма не логическимъ путемъ. Они обращаются къ судебнымъ дѣламъ, они просматриваютъ въ тюремныхъ спискахъ имена заключенныхъ и ихъ занятія, они призываютъ на помощь статистику преступленій и находятъ тутъ огромное большинство бродягъ, рабочихъ на фермахъ, каменщиковъ, пастуховъ, перевозчиковъ, носильщиковъ, фабричныхъ рабочихъ, и тому подобныхъ людей. Изъ этого они прямо заключаютъ, что классъ крестьянъ и ремесленниковъ стоитъ въ нравственномъ отношеніи гораздо ниже другихъ классовъ общества. Они не принимаютъ въ соображеніе фактъ, что рабочій народъ, числомъ своимъ, по крайней мѣрѣ въ шесть разъ превосходитъ все остальное населеніе вмѣстѣ. Если бы изъ дѣлъ полиціи выбрать всѣ случаи о мошенничествѣ, о поддѣлкѣ купцами товарныхъ клеймъ, о злоупотребленіяхъ канцеляристовъ, о молодыхъ джентльменахъ, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ во время кутежей, въ нападеніяхъ на полицію, въ оскорбленіи женщинъ и т. п.; и если бы всѣ эти случаи умножить на шесть, то они вѣроятно сравнялись бы съ числомъ прочихъ нарушеній закона, о которыхъ поступаютъ ежедневныя донесенія. О подобномъ изслѣдованіи не заботятся обвиняющіе рабочихъ. Если бы они объ этомъ позаботились, если бы число преступленій, совершенныхъ каждымъ классомъ общества, было вычислено по его процентному отношенію къ числу всѣхъ лицъ, изъ которыхъ классъ этотъ состоитъ, то между различными общественными слоями оказалось бы несравненно менѣе неравенства, чѣмъ полагаютъ обыкновенно.

Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что безнравствен-

ность среднихъ и высшихъ слоевъ общества проявляется совершенно другимъ образомъ, чѣмъ порочность бѣдныхъ. Люди, пользующіеся большимъ благосостояніемъ, не такъ часто должны доходить до тѣхъ значительныхъ преступленій, въ которыхъ обвиняются люди изъ низкихъ слоевъ общества, потому что они живутъ въ такой обстановкѣ, которая почти вовсе избавляетъ ихъ отъ соблазна. Несмотря на это, тѣ же дурныя наклонности могутъ существовать въ полной силѣ и у нихъ, и дѣйствительно существуютъ; не мало ихъ дѣлъ можно увидать передъ судомъ закона: злостныя банкротства, долговыя взысканія, жалобы на возстановленіе нарушенныхъ правъ, ссоры о завѣщаніяхъ,—все это указываетъ на дѣятельность страстей, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, произвели бы то, что носитъ техническое названіе уголовныхъ преступленій. Люди, которые, путемъ законнаго сутяжничества, отбираютъ у другихъ ихъ собственность или отказываются удовлетворять законнымъ къ нимъ претензіямъ прежде, чѣмъ они вынуждены будутъ къ этому дѣятельностью суда,—все это люди, которые въ болѣе низкихъ сферахъ жизни очищали бы кошельки и воровали бы куръ. Нравственность нужно измѣрять побужденіями, а не дѣлами. Если мы такимъ образомъ будемъ оцѣнивать свойства торговыхъ и богатыхъ слоевъ общества, если мы примемъ въ соображеніе и относительное ихъ число, какъ указано было выше, то найдемъ, что данныя, на основаніи которыхъ рабочимъ классамъ приписывается особенно значительная безнравственность, вовсе недостаточны для такого заключенія.

§ 6. Нельзя не пожалѣть о томъ, что люди, которые относятся съ презрѣніемъ къ массамъ народа, не имѣютъ ни достаточно мудрости, ни достаточно чистосердечія, чтобы обратить надлежащее вниманіе на неблагопріятныя обстоятельства, въ которыя эти массы поставлены. Предположите, что послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ окажется, что рабочіе люди обнаруживаютъ болѣе пороковъ, чѣмъ люди, пользующіеся большимъ благосостояніемъ; развѣ изъ этого слѣдуетъ, что они болѣе безнравственны?—Развѣ можно упускать изъ виду излишній соблазнъ, который выпадаетъ на ихъ долю?—Можно ли требовать отъ нихъ столько же, сколько мы имѣемъ право требовать отъ рожденныхъ въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ?—Можно ли съ

такими же требованіями обращаться къ владѣльцу пяти талантовъ, съ какими мы обращаемся къ владѣльцу десяти?— Судьба работника съ мозолистыми руками, безъ всякаго сомнѣнія, слишкомъ достойна сожалѣнія, чтобы присовокуплять къ ней тяжкій и несправедливый судъ надъ нимъ. Быть вполнѣ принесеннымъ въ жертву для счастія другихъ людей; обратиться въ рабочій инструментъ съ личиною человѣка; подчинить всѣ свои способности одному отправленію—работѣ;— все это само по себѣ можно назвать несчастьемъ, на стремленіи къ облегченію котораго должны сосредоточиваться всѣ наши симпатіи. Обратите вниманіе на свойства, которыми рабочій одаренъ: на его способности, наклонности, вкусы и на неопредѣленныя желанія, которыя ими порождаются. Представьте его себѣ съ этими навсегда скрытыми желаніями и вообразите его осужденнымъ на тяжкій трудъ, дневной, недѣльный, продолжающійся круглый годъ, безъ всякаго перерыва, за исключеніемъ необходимаго для пищи и сна. Подумайте о томъ, какъ его соблазняютъ удовольствія, въ которыхъ участвуютъ его богатые братья и отъ которыхъ онъ удаленъ навсегда. Обратите вниманіе на униженіе, которое онъ долженъ переносить, потому что на него смотрятъ, какъ на человѣка, не имѣющаго никакого значенія между людьми. Вспомните, послѣ всего этого, что передъ нимъ нѣтъ никакой другой будущности, кромѣ монотоннаго повторенія того же самаго, до самой смерти. Развѣ это благодѣтельный для жизни порядокъ вещей?

Для васъ легко, достоуважаемый гражданинъ, сидя въ покойныхъ креслахъ, упираясь ногами въ рѣшетку камина, разсуждать о дурномъ поведеніи народа; —вамъ очень удобно порицать его необузданныя и порочныя привычки;—для васъ не трудно быть образцомъ воздержанности, честности и умѣренности. Чѣмъ же другимъ могли бы вы быть?— Вы окружены здѣсь комфортомъ, въ вашемъ распоряженіи разнородные источники законнаго счастія, вы имѣете репутацію, которую вамъ надо поддержать, вы обладаете честолюбіемъ, которому вы хотите удовлетворить, вы имѣете въ виду пользоваться благосостояніемъ во время вашей старости. Было бы стыдно, если бы при всѣхъ этихъ преимуществахъ вы не отличались сдержанностью и хорошими правилами поведенія. Вы окружены семейными радостями, вы одѣты

чисто и тепло. Вы имѣете каждый день если не великолѣпную, то во всякомъ случаѣ изобильную пищу. Во время часовъ вашаго отдохновенія вы имѣете удовольствія. Для удовлетворенія вашего любопытства акуратно доставляется вамъ газета; если вы имѣете расположеніе къ литературѣ, вы можете имѣть книгъ сколько вамъ угодно, а если вы любите музыку, то фортепіано къ вашимъ услугамъ. Вы имѣете средства угощать вашихъ друзей и васъ угощаютъ въ свою очередь. Для васъ доступны лекціи, концерты, выставки, если вы имѣете къ нимъ расположеніе. Если вамъ захочется доставить себѣ праздникъ, то вы можете это сдѣлать; и вы можете скопить денегъ, чтобы ежегодно путешествовать на берегъ моря. Пользуясь всѣми этими преимуществами, вы еще ставите себѣ въ достоинство, что вы человѣкъ съ хорошимъ поведеніемъ!—Не велика та похвала, которую вы за это можете заслужить!—Если вы не пріобрѣли привычекъ разврата,—гдѣ же тутъ достоинство?—Много ли у васъ для этого побудительныхъ причинъ?—Не много чести въ томъ, что вы не растрачиваете вашей экономіи для чувственныхъ наслажденій;—у васъ и безъ того довольно удовольствій. Но что бы вы сдѣлали, если бы вы были поставлены на мѣсто работника? Какъ бы добродѣтели ваши выдержали мученія и слезы бѣдности? Куда бы дѣвалось ваше благоразуміе и ваше самоотверженіе, если бы вы были лишены всѣхъ тѣхъ надеждъ, которыя васъ теперь стимулируютъ;—если бы у васъ не было лучшей перспективы, чѣмъ та, которую имѣетъ работникъ на фермѣ въ Дорастиирѣ, получающій семь шиллинговъ въ недѣлю, или та, которая выпадаетъ на долю вѣчно нуждающагося ткача чулокъ, или та, которая достается работнику, страдающему отъ періодическаго прекращенія работы. Поставьте себя на мѣсто работника; отъ утренней зари до вечернихъ сумерекъ вы привязаны къ скучной и утомительной работѣ; вы питаетесь дурной пищей, да и то еще въ недостаточномъ количествѣ; вы женаты на фабричной дѣвушкѣ, невѣжественной и ничего не смыслящей въ домашнемъ хозяйствѣ; вы лишены всѣхъ удовольствій, которыя доставляются образованіемъ; вы не имѣете для развлеченій никакого другого мѣста, кромѣ кабака;—когда вы будете въ такомъ положеніи, тогда мы посмотримъ, будете ли вы такъ же тверды въ вашихъ прави-

лахъ, какъ теперь. Представьте себѣ, что свою экономію вы не можете дѣлать, какъ теперь, изъ вашего излишка, но должны употреблять на это вашу заработную плату, которая и безъ того недостаточна для необходимыхъ вашихъ издержекъ, и сообразите, достанется ли вамъ бережливость такъ же легко, какъ она вамъ достается теперь. Вообразите себѣ, что вы принадлежите къ презираемому классу людей, которому присвоиваютъ унизительное названіе «великой неумытой толпы»; человѣка изъ этой толпы всѣ считаютъ грубымъ, глупымъ, порочнымъ, его постоянно подозрѣваютъ въ дурныхъ намѣреніяхъ, онъ лишенъ гражданскаго достоинства. Будетъ ли для васъ при этихъ условіяхъ такъ же легко достигнуть почетнаго положенія, какъ теперь? Въ заключеніе представьте себѣ, что вамъ извѣстно, что способности ваши весьма обыкновенныя, что ваше образованіе равняется почти нулю, а рядомъ съ вами конкурируетъ безчисленная толпа, и вы навсегда лишились надежды достигнуть лучшаго положенія; подумайте, будутъ ли у васъ, въ этомъ случаѣ, столь же сильныя побужденія, какъ теперь, по отношенію къ постоянству и предусмотрительности. Соберите всѣ эти обстоятельства, о благодетельствующій гражданинъ!—И скажите потомъ, дѣйствительно ли безпечность и безпорядочныя привычки не извинительны для народа?

Какъ возмутительно слышать рѣчи нахальныхъ самохваловъ, которые благодарятъ Бога, что они непохожи на другихъ людей, и строго осуждаютъ своихъ бѣдныхъ согражданъ, обремененныхъ тяжкой работой и несущихъ непосильную долю! Надъ несчастными собратьями они произносятъ одинъ валовой приговоръ и клеймятъ ихъ за то, что среди своей борьбы за существованіе они не въ силахъ держать себя съ тѣмъ чопорнымъ чувствомъ своего достоинства, которое удалось сохранить ихъ строгимъ судьямъ. Мѣрить поведеніе другихъ людей мѣркою собственныхъ нашихъ чувствъ—это одна изъ величайшихъ нелѣпостей и въ то же время одинъ изъ тѣхъ пріемовъ, которыхъ мы придерживаемся съ наибольшимъ упорствомъ. Обсуживать поступки людей съ наружной ихъ стороны, т. е. съ той, съ которой они намъ представляются, вмѣсто того, чтобы разсматривать ихъ со стороны внутренней, т. е. съ той, съ которой они представляются самому дѣйствующему лицу—это самый зло-

вредный изъ абсурдовъ. Самое нераціональное, что можетъ быть,—это критика, при которой поступки дѣйствовавшаго лица разсматриваются такъ, какъ будто бы оно имѣетъ тѣ же самыя желанія, надежды и опасенія, точно такія же благопріятныя условія для воздержанія, какъ и мы. Мы можемъ понять свойства другого человѣка только тогда, когда мы отрѣшимся отъ своей личности, воспроизведемъ въ себѣ существо его души, его невѣжество, его грубость, вліяніе соблазна и чувство безнадежности, подъ которыми онъ находится. Если классы общества, пользующіеся благосостояніемъ, поступятъ такимъ образомъ, прежде чѣмъ они произнесутъ свое мнѣніе о рабочемъ человѣкѣ, то ихъ рѣшенія будутъ нѣсколько болѣе отзываться тѣмъ снисхожденіемъ, передъ судомъ котораго исчезаетъ множество грѣховъ.

§ 7. Къ чему наконецъ этотъ жалкій споръ объ относительныхъ порокахъ бѣдныхъ и богатыхъ? Лучшую пародію въ этомъ случаѣ представили бы два школьника, упрекающіе другъ друга въ недостаткахъ, въ которыхъ они оба одинаково виноваты. Въ то время, какъ негодующій радикализмъ обличаетъ «пошлыхъ аристократовъ», аристократы, въ свою очередь, распространяются съ ужасомъ о грубости черни. Ни одна сторона не видитъ собственныхъ своихъ грѣховъ. Ни одна изъ нихъ не узнаетъ себя въ другой, потому что она является тутъ въ другомъ нарядѣ. Ни одна изъ нихъ не можетъ понять, что она дѣлала бы то же самое, что дѣлаетъ другая, если бы находилась въ такихъ же обстоятельствахъ. Хладнокровный свидѣтель не будетъ въ состояніи сдѣлать между ними выбора; ему понятно, что эти взаимныя обвиненія различныхъ классовъ народа не болѣе, какъ болѣзненные симптомы, указывающіе, на единообразно распространенную безнравственность. Раздѣляйте людей сколько вамъ угодно на высшіе, низшіе и средніе классы, они все-таки останутся единицами того же самаго общества, они будутъ дѣйствовать въ томъ же самомъ духѣ времени, они будутъ носить на себя одинъ и тотъ же отпечатокъ. Механическій законъ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ встрѣчаетъ аналогію и въ нравственной сферѣ. Поступокъ одного человѣка по отношенію къ другому стремится въ окончательномъ своемъ результатѣ произвести одинаковое вліяніе на обоихъ, все равно, будетъ ли этотъ поступокъ хорошій или дурной.

Поставьте людей во взаимное другъ къ другу отношеніе, и никакія раздѣленія на касты, никакія различія въ благосостояніи не предупредятъ ассимиляціи между ними. Человѣкъ, поставленный среди дикихъ, со временемъ сдѣлается такъ же дикимъ: пусть его товарищи будутъ мошенниками, и онъ начнетъ мошенничать для того, чтобы защитить себя; окружите его любящими натурами, и онъ смягчится; между людьми съ утонченными манерами онъ сдѣлается болѣе изысканнымъ; эти вліянія, которыя быстро приспособляютъ человѣка къ его обществу, болѣе медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ производятъ общее единообразіе національнаго характера. Такое ученіе менѣе всего лишено основанія. Обратитесь куда вы хотите, и всюду вы найдете множество доказательствъ. Жестокости правителей древняго Рима вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ, на которыя массы народа съ увлеченіемъ засматривались въ циркѣ. Во время средневѣковыхъ крестьянскихъ войнъ бароны мучили возмутившихся, а возмутившіеся мучили барономъ съ одинаковымъ, адскимъ звѣрствомъ. Убійства, нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершавшіяся въ Галиціи, покрыли одинаковымъ позоромъ и народъ (?), который ихъ совершалъ, и правительство, которое платило за нихъ съ головы. Ассамскіе начальники, которые получили отъ ость-индской компаніи вознагражденіе за прекращеніе установленнаго для нихъ закономъ права грабежа, были не лучше и не хуже массъ народа, среди котораго было обыкновеніемъ составлять товарищества разбойниковъ. Ту же самую однородность мы видимъ въ Россіи,—тамъ всѣ одинаково мошенники: военные начальники грабятъ солдатъ при выдачѣ имъ провіанта, чиновники грабятъ Императора при разныхъ поставкахъ, судьи требуютъ взятокъ прежде, чѣмъ они начнутъ производить какое-нибудь дѣло, полиція имѣетъ тайныя сдѣлки съ ворами, купцы хвалятся успѣшнымъ обманомъ, и такъ идетъ далѣе, до почтовыхъ чиновниковъ и городскихъ извозчиковъ съ ихъ безконечными плутнями *). Въ теченіе прошлаго столѣтія въ Ирландіи народъ составлялъ шайки, которыя дрались между собою, и мстилъ чрезъ посредство тайныхъ обществъ; дуэли составляли удовольствіе дворянства

*) Напоминаемъ читателю, что «Соціальная Статика» написана въ 1850 г.

и распространились до такой степени, что адвокатъ долженъ былъ давать удовлетвореніе свидѣтелю или довѣрителю, который оставался имъ недоволенъ *). Не забудемъ, въ какой степени это единообразіе характера обнаруживается въ современномъ ирландцѣ; среди этого народа оранжмены и католики обнаруживаютъ точно такое же варварское ханжество, судьи и народъ соединяются въ партіи заговорщиковъ, отсутствіе предусмотрительности крестьянина тамъ можетъ сравняться только съ безпечностью землевладѣльца. Наша собственная исторія представляетъ достаточное число подобныхъ же примѣровъ. Когда-то Англія была наполнена разбойниками и бродягами; въ массѣ народа существовала та раболѣпная услужливость по отношенію къ смѣлому грабителю, которую мы и до настоящаго времени можемъ встрѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ материка Европы; въ то же время и короли забавлялись разбоемъ; они обманывали своихъ кредиторовъ, поддѣлывая монету; они принуждали работниковъ строить дворцы и подъ страхомъ тюремнаго заключенія запрещали брать предлагаемую имъ заработную плату,— такимъ образомъ выстроенъ былъ Виндзорскій замокъ; они захватывали и продавали имущество разныхъ лицъ и возвращали собственникамъ менѣе трети того, что было выручено при продажѣ. Во время религіозныхъ преслѣдованій католики мучили протестантовъ и протестанты мучили католиковъ съ одинаковою жестокостью; кавалеры и круглоголовые обнаруживали относительно другъ друга ту же самую мстительность. Въ настоящее время безчестность обнаруживается у насъ въ тѣхъ же размѣрахъ въ поддѣлкахъ отчетовъ морскихъ портовъ, въ сочиненіи донесеній по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ, какъ и въ воровствѣ со взломомъ и похищеніи овецъ; тѣ, которые находятъ безсердечіе въ поступкахъ мелкихъ портныхъ и хозяевъ, заставляющихъ ихъ прѣть въ несносномъ жару, могутъ встрѣтить то же самое въ поведеніи богатыхъ землевладѣльцевъ, которые берутъ двойную ренту

*) «Пора» говорилъ одинъ изъ ветерановъ этой школы, «закончить съ судебными дѣлами; теперь при судебной защитѣ явилось новое оружіе, которое замѣнило порохъ».—Sketches of Ireland Sixty Years Ago.—(Очерки Ирландіи шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ).

съ арендаторовъ безплодныхъ участковъ *), и въ поведеніи почтенныхъ леди, которыя уменьшаютъ плату полумертвыхъ швей **). Измѣненія во вкусахъ и удовольствіяхъ точно такъ же однообразны во всѣхъ слояхъ общества. Въ Испаніи бой быковъ составляетъ до сихъ поръ любимое препровожденіе времени и для королевы и для ея подданныхъ; точно такъ же въ Англіи пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и пэръ и нищій были одинаково расположены къ пѣтушьему бою. Если обратимся къ свѣдѣніямъ объ охотѣ и рыбной ловлѣ, то мы увидимъ, что запоздалые инстинкты дикаго человѣка въ одинаковомъ процентномъ отношеніи проявляются во всѣхъ классахъ общества.

Все это достаточно подкрѣпляетъ мнѣніе о единообразіи въ народныхъ свойствахъ. До тѣхъ поръ, пока производящее его ассимилирующее вліяніе будетъ продолжать свое дѣйствіе, до тѣхъ поръ безразсудно предполагать, что какая-нибудь часть общества можетъ отличаться въ нравственномъ отношеніи отъ остальныхъ. Если мы видимъ растлѣніе въ какомъ-нибудь изъ слоевъ общества, то мы можемъ быть увѣрены, что оно одинаково проникаетъ всѣ слои; это, безъ всякаго сомнѣнія, симптомъ дурного состоянія общественнаго

*) «Обыкновенно раздаются участки бѣдной и безплодной земли, но чрезъ тщательную обработку они скоро достигаютъ высокой степени плодородія. Чѣмъ плодороднѣе они дѣлаются, тѣмъ болѣе возвышаютъ ренту съ каждаго участка. Насъ увѣдомляютъ, что во владѣніяхъ герцога въ настоящее время существуютъ участки, которые, подъ вліяніемъ такой же конкуренціи, какая встрѣчается и относительно фермъ, приносятъ его свѣтлости ренту отъ двухъ, до трехъ и даже до четырехъ фунтовъ стерлинговъ съ акра». — «Times Agricultural Commissioner on the Blenheim Estates».

**) См. Письма о «работѣ и о бѣдномъ». Вдова одного служащаго говорила: «Обыкновенно леди гораздо требовательнѣе купечества; о, да, купечество обыкновенно гораздо снисходительнѣе смотритъ на женщинъ, работающихъ иголкою, чѣмъ леди. Я знаю одну хозяйку заведенія, которая отказала одной леди, желавшей, чтобы ей работали рубашки за девять пенсовъ (25 коп.) Она сказала, что не можетъ навязывать бѣдному рабочему народу такую тяжелую работу, по такой низкой цѣнѣ». «Morning Chronicle», ноября 16, 1849 г. Продавецъ крестовника и дерну для пѣвчихъ птицъ говорилъ: «Леди очень жестоки относительно бѣдныхъ людей. Они стараются заставить меня сдѣлать уступку, въ особенности по отношенію къ дерну. Они увѣряютъ меня, что могутъ купить полдюжины за одинъ пенсъ, и я вынужденъ имъ уступить три или четыре». «Morning Chronicle», 20 ноября 1849 года.

тѣла. Если зараза растлѣнія существуетъ въ одной части политическаго тѣла, то никакая другая часть не можетъ оставаться здоровою.

§ 8. Если утверждаютъ, что рабочимъ нельзя предоставить конституціонной власти, потому что они невѣжественны, то слѣдовательно предполагается, что существующіе нынѣ избиратели просвѣщенны. Сдѣлавъ такое предположеніе, возражающіе противъ народныхъ избирательныхъ правъ спокойно утверждаютъ, что было бы весьма неполитично произвести неурядицу между владѣльцами и нанимателями квартиръ, приносящихъ десять фунтовъ въ годъ дохода, между поземельными собственниками и арендаторами, если къ нимъ примѣшать массы людей, погруженныхъ въ совершенное невѣжество.

Какъ бы это ни было горько, но необходимо уничтожить иллюзію насчетъ того, что будто бы настоящій составъ избирателей отличается такимъ похвальнымъ превосходствомъ. Подъ словомъ «невѣжество» въ настоящемъ случаѣ нужно понимать недостатокъ тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы гражданину для надлежащаго, сознательнаго отправленія обязанностей избирателя: никакое другое опредѣленіе этого слова не можетъ быть здѣсь допущено. Но если это такъ, то признавать невѣжество исключительною принадлежностью тѣхъ, которые нынѣ лишены права голоса, значитъ дѣлать крупную ошибку. Если бы мы не имѣли никакихъ другихъ доказательствъ подобнаго невѣжества, то для того, чтобы убѣдить въ немъ, достаточно было бы указать на поведеніе нашихъ избирателей во время выборовъ. Важныя заключенія можно было бы сдѣлать изъ раболѣпнаго духа, обнаруживающагося при выборѣ аристократическихъ представителей. Можно ли считать достаточно развитыми избирателями тѣхъ, которые въ состояніи восхититься и увлечься при одномъ звукѣ титула, для глазъ которыхъ геральдическій гербъ имѣетъ неотразимую прелесть, которые при подачѣ своего голоса измѣряютъ достоинство кандидата количествомъ принадлежащей ему земли? Можно усомниться въ проницательности людей, которые постоянно жалуются на тягость податей, и въ то же время посылаютъ въ парламентъ цѣлыя толпы сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, которые имѣютъ прямой интересъ въ постоянномъ увеличеніи сборовъ. Чтобы

получить надлежащее понятіе о правильности претензій современныхъ монополистовъ политической власти, стоитъ прислушаться къ дебатамъ у арендатора базарной гостиницы или къ рѣчамъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ излагается политическая мудрость избирателей. Не распространяясь объ этихъ общихъ соображеніяхъ, мы вникнемъ немного въ существо мнѣній о государственныхъ вопросахъ, принадлежащихъ торговому классу, и посмотримъ, имѣютъ ли люди съ подобными мнѣніями право на репутацію людей просвѣщенныхъ.

До Адама Смита законодатели и экономисты полагали, что «деньги—богатство», и считали это очевидною истиною. Сообразно этому всѣми принятому ученію писались законы въ парламентѣ, и съ общаго согласія они направлены были къ тому, чтобы привлечь и удержать въ странѣ какъ можно болѣе звонкой монеты. Милль во введеніи къ своему послѣднему сочиненію утверждаетъ, что мнѣніе это въ настоящее время исчезло. Можетъ быть оно дѣйствительно исчезло въ средѣ философовъ, но оно до сихъ поръ преобладаетъ въ торговомъ мірѣ. Мы слышимъ, что извѣстные законы восхваляются потому, что они направлены будто бы къ усиленію «обращенія монеты»;—если мы будемъ анализировать періодически повторяющуюся тревогу по тому случаю, что будто бы «деньги вышли изъ страны», то увидимъ, что такое обстоятельство разсматривается какъ бѣдствіе само по себѣ, а вовсе не какъ признакъ, указывающій, что въ странѣ есть недостатокъ въ извѣстномъ, существенно-необходимомъ товарѣ. Не существуетъ ли здѣсь потребность въ нѣкоторомъ развитіи просвѣщенія?

Многіе почтенные люди дѣлаютъ наблюденіе, что увеличивающееся потребленіе всюду сопровождаетъ благосостояніе: отсюда они выводятъ заключеніе, что потребленіе благодѣтельно само по себѣ, что оно не есть посредственный результатъ, а причина благосостоянія. Присутствуя при пожарѣ или наблюдая безумную расточительность какого-нибудь мота, они утѣшаютъ себя разсужденіемъ, что все это «полезно для торговли». Если здравыя политическія свѣдѣнія необходимы, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ къ праву голоса, то все это опасные избиратели.

Въ среднемъ классѣ весьма распространено мнѣніе, что сосредоточеніе значительной части имущества, производимаго

обществомъ, въ рукахъ непроизводительныхъ классовъ не заключаетъ въ себѣ существеннаго вреда для остальныхъ. Такъ какъ имущество это, въ видѣ денегъ, опять переходитъ къ производительнымъ классамъ, то это все равно какъ будто бы оно вовсе и не было въ рукахъ непроизводительныхъ. Мы видимъ, что даже извѣстный политико-экономъ, докторъ Чаммерсъ, утверждаетъ, что выгоды поземельныхъ собственниковъ не уменьшаютъ средствъ общества, потому что доходы эти расходуются на прокормленіе и поддержку промышленниковъ, въ вознагражденіе за ихъ услуги; подобное заключеніе приводитъ къ тому, что въ окончательномъ результатѣ все равно, будутъ ли А и прислуживающіе ему Б, В и Г жить отъ произведеній своего собственнаго труда, или они будутъ пользоваться произведеніями чужихъ рукъ *).

Другое ложное понятіе, одинаково распространенное среди бѣдныхъ и богатыхъ, состоитъ въ убѣжденіи, что спекуляціи хлѣбныхъ торговцевъ вредны для общества. Многіе благомыслящіе люди преисполнены такого негодованія противъ этой торговли, которая по ихъ мнѣнію есть не что иное, какъ невыносимая жестокость, что почти невозможно убѣдить ихъ въ выгодахъ, которыя доставляются народу полной свободой торговли въ этомъ случаѣ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ прочихъ. Ихъ озлобленіе не даетъ имъ возможности понять фактъ, что если бы цѣны не поднимались немедленно послѣ недостаточнаго урожая вслѣдствіе обширныхъ закупокъ хлѣба капиталистами, то народъ непремѣнно сталъ бы потреблять эти произведенія въ обыкновенныхъ размѣрахъ, и дѣло кончилось бы тѣмъ, что запасъ былъ бы уничтоженъ задолго до слѣдующаго сбора. Они не понимаютъ, что эта торговая операція по своимъ послѣдствіямъ одинакова съ уменьшеніемъ порцій, выдаваемыхъ экипажу корабля въ

*) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мнѣніе, опровергаемое Чаммерсомъ, будто доходъ землевладѣльца вполнѣ потребляется имъ однимъ есть ложное мнѣніе. Онъ справедливо объясняетъ, что большая часть этого дохода употребляется на поддержку тѣхъ, которые посредственно или непосредственно удовлетворяютъ нуждамъ землевладѣльца. Но Чаммерсъ упускаетъ изъ виду фактъ, что если бы землевладѣльца не было, то тѣ, которые оказываютъ ему услуги за пропитаніе и поддержку, обратили бы свои услуги на пользу тѣхъ производителей, отъ которыхъ землевладѣлецъ получаетъ свой доходъ, и что отъ потери этихъ услугъ страдаетъ общество.

такихъ случаяхъ, когда запасъ недостаточенъ для его прокормленія до конца путешествія. Это очень серьезная ошибка, если она раздѣляется избирателями: въ особенности, если многіе изъ нихъ вздумаютъ предупредить закупки хлѣба законными наказаніями!

Извѣстно, какія грубыя ученія преобладаютъ относительно власти законодательства поощрять различныя отрасли промышленности—относительно покровительства земледѣлію и другихъ «покровительствъ». Не одни только фермеры находятся въ заблужденіи, полагая, что посредствомъ парламентскихъ узаконеній можно сдѣлать ихъ отрасль навсегда болѣе цвѣтущею, чѣмъ остальныя отрасли промышленности; благовоспитанное городское населеніе раздѣляетъ такія же иллюзіи. Они совершенно забываютъ, что если извѣстную отрасль торговли сдѣлать искусственнымъ образомъ болѣе доходною, то къ отрасли этой бросится столько конкурентовъ, что ея предполагаемыя выгоды будутъ въ скоромъ времени сведены къ общему уровню и что временно они будутъ даже ниже этого уровня. Итакъ развѣ несправедливо, что и въ лавкѣ и на фермѣ и у мастера-ремесленника одинаково нуждаются въ воспитателѣ?

Мы встрѣчаемся съ самыми дикими взглядами по отношенію къ вопросамъ объ обращеніи монеты и капиталовъ. Мы смѣемся надъ простотою прошлыхъ временъ, когда стѣсненное голодомъ населеніе приписывало высокія цѣны на хлѣбъ жадности хлѣбниковъ и мельниковъ; однако же можно найти не мало аналогіи между такими взглядами и тѣми, которые приписываютъ народныя бѣдствія дурной монетной системѣ. Бѣдный человѣкъ, когда онъ чувствуетъ недостатокъ пищи, потому что ему приходится платить за хлѣбъ вдвое болѣе, чѣмъ прежде, прямо приписываетъ зло торговцу хлѣбомъ. Точно такъ же многіе торговцы приписываютъ свое стѣсненіе въ торговлѣ трудности, съ которою дается кредитъ банкиромъ или съ которою получаются деньги подъ векселя; отсюда они заключаютъ, что все происходитъ отъ недостатка орудія мѣны, т. е. монеты. Имъ, точно такъ же какъ и ихъ голодному прототипу, неизвѣстно, что первоначальная причина зла заключается въ недостаточности сдѣланнаго народомъ запаса питательнаго вещества и другихъ предметовъ. Предполагать, что посредствомъ выпуска бан-

ковыхъ билетовъ можно помочь всеобщей нуждѣ, значитъ дѣлать такую же ошибку, какую дѣлаетъ отыскивающій perpetuum mobile: это значитъ, надѣяться создать силу изъ ничего.

Такимъ образомъ оказывается, что доказательствомъ посредствомъ (in quoque можно вполнѣ нейтрализировать заключенія, выведенныя изъ предположенія о безнравственности рабочихъ классовъ, и что тѣмъ же путемъ можно дать вполнѣ убѣдительный отвѣтъ противъ возраженія, что право голоса не можетъ быть распространено на массу народа по причинѣ его невѣжества. Если массѣ народа не будетъ предоставлено право голоса по причинѣ недостатка его свѣдѣній, то по той же самой причинѣ это право голоса должно быть отнято у существующихъ избирателей. Если относительная компетентность обоихъ классовъ народа при пользованіи политическими правами должна опредѣляться размѣрами ихъ свѣдѣній—разумѣется политическихъ свѣдѣній—то преимущество, которое въ этомъ случаѣ имѣютъ современные избиратели, вовсе недостаточно, чтобы дать имъ исключительное право при выборахъ. Мы убѣдились, что значительная часть этихъ избирателей имѣетъ ложное понятіе о самихъ существенныхъ общественныхъ вопросахъ,—о свойствахъ народнаго богатства, о томъ, что полезно для торговли, объ отношеніяхъ между производительными и непроизводительными классами, о предметахъ, касающихся народнаго продовольствія, поощренія торговли, обращенія товаровъ, и т. д. Гдѣ же ихъ значительное превосходство надъ тѣми, которые не имѣютъ права избранія? Если нѣсколько ремесленниковъ приняли чрезмѣрную конкуренцію за причину зла, вмѣсто того, чтобы понять, что она только признакъ этого зла, то это заблужденіе раздѣлялось значительнымъ числомъ образованныхъ людей. Если работники имѣютъ неправильный взглядъ на машины, то такой же взглядъ имѣютъ всѣ фермеры и многіе купцы. Если между рабочими массами распространено ложное мнѣніе, что фабриканты могутъ по своему усмотрѣнію возвышать и понижать заработную плату, то подобное же мнѣніе весьма распространено между ихъ богатыми сосѣдями. Какимъ же образомъ можно ссылаться на невѣжество народа, отказывая ему въ правѣ голоса?

§ 9. Доказательства въ пользу демократіи стараются опровергнуть утверждая, что этотъ образъ правленія былъ

уже испытанъ и оказался неудовлетворительнымъ. Но можно ли назвать дѣйствительно демократическими тѣ правленія, на которыя указываютъ въ этомъ случаѣ? Существовала ли когда-нибудь истинная демократія? Можно ли найти ее въ настоящее время? Міръ нерѣдко видѣлъ учрежденія, которыя старались ей подражать; но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы истинная демократія когда-либо существовала,—по крайней мѣрѣ, она не существовала достаточно долгое время, чтобы можно было судить о ея результатахъ. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жило до настоящаго времени человѣчество, ея существованіе даже не было возможно. Это тотчасъ сдѣлается яснымъ, какъ скоро мы обратимся къ опредѣленіямъ. Демократія въ собственномъ смыслѣ есть политическая организація, приспособленная къ жизни, согласной съ закономъ равной свободы. Если это такъ, то нельзя назвать демократическими правленія такія, какія были въ Римѣ и въ Греціи, гдѣ четыре пятыхъ или одиннадцать двѣнадцатыхъ населенія находились въ рабствѣ. Точно такъ же нельзя назвать демократіями средневѣковыя итальянскія учрежденія, гдѣ власть принадлежалежала только дворянамъ и гражданамъ городовъ. Нельзя считать такъ же демократіями швейцарскіе кантоны, гдѣ постоянно существовалъ классъ людей, не имѣвшій гражданства и который былъ лишенъ всякихъ политическихъ правъ. Ихъ можно назвать расширенными аристократіями. Все равно, будетъ ли отказано во власти большинству или меньшинству,—подобное исключеніе, по духу своему, носитъ на себѣ одинаковый характеръ и одинаково несогласно съ понятіемъ о демократіи. Человѣка, который укралъ пенсъ, мы считаемъ точно такъ же безчестнымъ, какъ и того, который укралъ фунтъ. Мы называемъ его этимъ именемъ, потому что его поступокъ одинаково указываетъ на недостатокъ чувства собственнаго достоинства. Точно такъ же мы должны всякое правленіе считать аристократическимъ, если отъ участія въ немъ исключается какой-нибудь классъ людей,—все равно, будетъ ли этотъ классъ значителенъ или ограниченъ.

Обыкновенно ссылаются на Соединенные Штаты и утверждаютъ, что существованіе рабства есть одинъ изъ аргументовъ противъ демократіи. Тѣ, которые поступаютъ такимъ образомъ, дѣлаютъ странную ошибку. Если придать этому

мнѣнію опредѣленную форму, то оно по справедливости можетъ послужить для логики образцомъ абсурда. Псевдо-демократія признается не имѣющею достаточно демократическаго характера, и отсюда выводится заключеніе, что демократія — вещь дурная! Какой-нибудь Аутоликъ восхваляетъ честность и выставляетъ себя образцомъ этой честности; но вотъ онъ пойманъ на мѣстѣ преступленія въ то время, какъ очищалъ карманы своего ближняго;—изъ этого выводится заключеніе, что честность должна быть впредь отвергаема! Іосифъ Софосъ постоянно говоритъ о «благородныхъ чувствахъ» и ведетъ повидимому нравственную жизнь; оказывается однако же, что онъ обманываетъ своихъ друзей;—когда открывается, что онъ такой негодяй, восклицаютъ: «Что за отвратительная вещь эта нравственность!»

Мы не будемъ болѣе разсматривать всего, что говорится о неудачѣ демократическихъ правленій,—мы согласимся, что они дѣйствительно не удавались; мы согласимся также, что отъ времени до времени существовали формы правленія, близкія къ демократіи,—мало этого, мы допустимъ, что во время революцій подобныя правленія имѣли преходящее существованіе. Все это однако же ничего не доказываетъ. Какая же изъ попытокъ человѣческихъ не приводила сначала къ неудачѣ? Развѣ упорное преслѣдованіе цѣли, несмотря на рядъ неудачъ, не есть естественная исторія всякаго успѣха? Развѣ процессъ, чрезъ который мы проходимъ, когда учимся ходить, не представляетъ намъ собою типа всѣхъ человѣческихъ опытовъ? Хотя мы видимъ, что ребенокъ дѣлаетъ сотни безполезныхъ попытокъ удержать равновѣсіе, однако же мы изъ этого не заключаемъ, что онъ осужденъ навсегда ходить на четверенькахъ. Руководствуя воспитаніемъ ребенка, мы не перестанемъ въ этомъ случаѣ повторять ему «попытайся еще разъ»—несмотря на то, что видѣли съ его стороны рядъ неудачъ. Совершенно справедливо, что нельзя основывать своего заключенія на предполагаемой аналогіи между ростомъ отдѣльной личности и развитіемъ государства, хотя оба эти явленія управляются однимъ и тѣмъ же закономъ человѣческаго развитія и хотя, по всей вѣроятности, между ними существуетъ естественная аналогія. Однако же сравненіе это можно употребить не безъ основанія, чтобы показать, что неудачи прошедшихъ усилій, сдѣланныхъ обще-

ственъ, чтобы стать въ прямое положеніе демократіи, ни въ какомъ случаѣ не доказываютъ, что положеніе это ему несвойственно.

Такія неудачи слѣдуетъ предвидѣть на основаніи нашего ученія. Мы видѣли, что усовершенствованная форма правленія примѣнима только тогда, когда люди будутъ уже высоконравственнаго типа; что свобода можетъ развиваться только по мѣрѣ того, какъ уменьшается потребность въ опекѣ; что совершенная форма общественнаго устройства можетъ осуществиться только при появленіи совершеннаго человѣка. Демократическая форма составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигнуть управленіе; это не послѣдній фазисъ цивилизаціи, но все-таки предпослѣдній; въ рукахъ дикихъ и полудикихъ людей она неизбѣжно должна приводить къ неудачамъ.

Итакъ мы утверждаемъ, что всѣ неудачи демократическихъ учрежденій, на которыя указываютъ, должны быть приписаны вовсе не несостоятельности принципа демократическаго управленія, а совершенно другимъ причинамъ. Мы показали также, что быстрое возвращеніе народовъ къ прежнимъ порядкамъ, послѣ того какъ они во время революцій учреждали демократіи сравнительно болѣе чистаго типа, вовсе не противорѣчитъ нашему положенію.

§ 10. Примѣнима ли демократія въ извѣстномъ, данномъ случаѣ—это вопросъ, который всегда разрѣшается самъ собою. Физіологъ показываетъ намъ, что въ животномъ организмѣ мягкія части опредѣляютъ формы принимаемыя твердыми; точно такъ же справедливо, что въ общественномъ организмѣ съ виду твердая организація законовъ и учрежденій видоизмѣняется повидимому безсильной его частью: свойствами общества. Соціальныя учрежденія—это кости общественнаго тѣла, а національная нравственность—это его жизнь. Кости разовьются и получатъ свободный, здоровый ростъ, если нравственность, эта жизнь общественнаго тѣла, будетъ мощная и крѣпкая; въ противномъ случаѣ онѣ примутъ формы болѣзненныя и уродливыя.

Мы видѣли, что жизненный принципъ общества есть законъ равной свободы; мы видѣли далѣе, что ему соотвѣтствуетъ способность, порождающая нравственное чувство; эта способность—дѣятель, который даетъ человѣку возможность

цѣнить этотъ законъ, любить его и слѣдовать ему въ своихъ дѣйствіяхъ (глава IV и V). Мы видѣли, что для осуществленія божественной мысли наибольшаго счастья человѣкъ долженъ быть такъ устроенъ, чтобы каждый держался въ предѣлахъ своей сферы дѣятельности и оставлялъ неприкосновенными подобныя же сферы другихъ (глава III); далѣе мы видѣли, что инстинктъ собственной нашей свободы и симпатія, которая заставляетъ насъ уважать подобную же свободу нашихъ ближнихъ, составляютъ тотъ механизмъ, посредствомъ котораго подобный порядокъ вещей можетъ быть установленъ. Когда эти чувства не развиты, тогда убѣжденія, законы, обычаи и пріемы народа будутъ характеризоваться стремленіемъ налагать свою руку на другого; лишь только они будутъ дѣйствовать съ надлежащею силою,— организація общества и поведеніе отдѣльныхъ его членовъ придутъ въ гармонію съ соціальнымъ закономъ. Политическія формы указываютъ размѣръ силы, съ которою дѣйствуетъ этотъ душевный механизмъ; онѣ въ извѣстномъ отношеніи дополняютъ его; онѣ дурны, въ нихъ принужденіе играетъ значительную роль, какъ скоро дѣятельность этого механизма недостаточна: онѣ улучшаются по мѣрѣ того, какъ развивается его вліяніе. Вотъ почему демократія, какъ одна изъ самыхъ высшихъ соціальныхъ формъ, и по отношенію къ своему происхожденію, и по отношенію къ своей примѣнимости, неизбѣжно совпадаетъ съ господствомъ нравственнаго чувства. На это мы указывали уже нѣсколько разъ, но не излишне будетъ разсмотрѣть причины этого явленія съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ это дѣлалось нами до сихъ поръ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что желаніе политическаго равенства вовсе не существуетъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, въ то время, когда процессъ приспособленія не произвелъ еще значительныхъ перемѣнъ. Между египтянами, персами и ассиріянами не было никакихъ движеній для достиженія представительнаго управленія; тамъ всѣ споры сосредоточиваются на томъ, кому быть тираномъ. Подобное же положеніе мы видимъ въ настоящее время у индійцевъ Азіи. Русскіе находятся въ томъ же фазисѣ развитія; они такъ мало заботятся о гражданской свободѣ, что избѣгаютъ всякаго, кто говоритъ о справедливости и воз-

стаетъ противъ тиранiи,—они смотрятъ на него, какъ на несчастливаго недовольнаго. То же душевное настроенiе мы видѣли на первыхъ ступеняхъ нашего собственнаго развитiя. Въ средніе вѣка вѣрность по отношенiю къ феодальному владѣльцу считалась долгомъ, а требованiе личной свободы преступленiемъ. Тогда никому и не снились права людей. Революцiи того времени были не болѣе какъ династическiя ссоры: онѣ вовсе не имѣли того характера, который получили въ послѣднее время, когда онѣ превратились въ покушенiя сдѣлать правительство болѣе народнымъ. Если мы вглядимся въ перемѣны, которыя происходили между давнопрошедшимъ и настоящимъ временемъ, если мы обсудимъ свойства современныхъ намъ идей и движенiй,—заявленiя правъ, стремленiя къ свободѣ прессы, освобожденiе рабовъ, уничтоженiе законовъ, ограничивающихъ права людей по религiознымъ причинамъ, законы объ избирательныхъ реформахъ, чартизмъ и т. д.: если мы обратимъ вниманiе, какъ во всемъ этомъ все болѣе и болѣе проявляется духъ симпатiи къ ближнему, какъ духъ этотъ обнаруживается съ постоянно возрастающею силою и распространяется повсемѣстно;—тогда мы убѣдимся, что тутъ проявляется извѣстная нравственная перемѣна въ человѣкѣ. Перемѣна эта объясняется развитiемъ той способности, которая стремится къ осуществленiю закона равной свободы. Мы поступимъ вполнѣ основательно, если усмотримъ въ ней способъ, посредствомъ котораго эта способность старается приводить спецiальныя учрежденiя въ гармонiю съ упомянутымъ закономъ. Другими словами, всѣ эти явленiя—не что иное, какъ усилiя нравственнаго чувства къ осуществленiю демократическихъ учрежденiй.

Если демократiя производится этимъ дѣятелемъ, то чрезъ его посредство она должна такъ же сдѣлаться удобоисполнимою. Въ противоположность монархическому правленiю, народный образъ правленiя есть такая форма, которая налагаетъ на личность менѣе ограниченiй. Говоря о ней, мы употребляемъ термины: свободныя учрежденiя, гражданская свобода, самоуправленiе; всѣ они выражаютъ ту же мысль. Однако же уменьшенiе внѣшнихъ ограниченiй возможно только въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ, въ которыхъ увеличиваются внутреннiя. Поведенiе человѣка должно управляться

или извнѣ или извнутри. Если управленіе извнутри не дѣйствительно, то должно существовать дополнительное управленіе извнѣ. Если, наоборотъ, люди вполнѣ удовлетворительно управляютъ собою—извнутри, то правительство сдѣлается излишнимъ, и всѣ люди будутъ совершенно свободны. Основная способность для управленія собою есть нравственное чувство (глава V); итакъ степень свободы каждаго даннаго народа должна соотвѣтствовать нравственному чувству, распространенному въ его средѣ. Только когда вліяніе этого нравственнаго чувства преобладаетъ въ значительныхъ размѣрахъ, является также возможность къ введенію свободы столь обширной, какая существуетъ при демократіи.

Наконецъ преобладаніе той же самой способности составляетъ единственную гарантію для устойчивости демократическихъ учрежденій. Въ народѣ она порождаетъ то, что мы называемъ ревнивымъ охраненіемъ своей свободы,—бдительную рѣшимость сопротивляться всякому нарушенію своихъ правъ. Въ то же время среди людей, обладающихъ властью, она создаетъ такое уваженіе къ этимъ правамъ, которое поставляетъ неодолимую преграду всякому желанію нарушить ихъ. Наоборотъ, если у управляемыхъ не достаетъ инстинкта свободы, то они до тѣхъ поръ будутъ равнодушно смотрѣть на постепенную узурпацію ихъ преимуществъ, пока изъ этого не произойдетъ непосредственныхъ для нихъ неудобствъ: а правители съ своей стороны не будутъ стѣсняться въ дѣлѣ узурпаціи, потому что они будутъ страдать недостаткомъ симпатичнаго вниманія къ правамъ народа. Посмотримъ какимъ образомъ ведутъ себя, при представительныхъ формахъ правленія, люди, которые отличаются другъ отъ друга такими противоположными свойствами. Въ средѣ народа, который не приспособленъ къ такой формѣ, граждане лишены стремленія требовать для себя равенства, они не заботятся о томъ, чтобы пользоваться своими избирательными правами они сомнѣваются въ выгодахъ такой дѣятельности и даже хвалятся тѣмъ, что не имѣшиваются въ общественныя дѣла *). Если нападать только посредственно на предоставленныя

*) Примѣромъ можетъ послужить поведеніе прусскихъ избирателей со времени послѣдней революціи.

имъ преимущества, то они будутъ смотрѣть съ крайне легкомысленной безпечностью на приведеніе въ дѣйствіе мѣръ самаго измѣнническаго свойства. Только въ однихъ открытыхъ нападеніяхъ на свободу они способны понять стремленіе къ нарушенію. Такъ какъ они своимъ преимуществамъ придаютъ мало значенія, то ихъ легко подкупить. Если имъ угрожаютъ то они не обнаруживаютъ намѣренія упорно сопротивляться, какъ дѣлаютъ люди, обладающіе инстинктомъ свободы, но уступаютъ и покоряются. Когда у нихъ обманомъ отберутъ какое-нибудь право гражданства, то они вовсе не заботятся о томъ, чтобы пріобрѣсти его снова. Если пользованіе какимъ-нибудь изъ подобныхъ правъ сопряжено для нихъ съ извѣстной тягостью и немедленнымъ лишеніемъ, то они рады отъ него отдѣлаться,—они готовы даже просить, чтобы ихъ избавили отъ выбора представителей, какъ это дѣлалось многими общинами въ былыя времена въ Испаніи и Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно закону объ однородности общества, о которомъ мы говорили выше, имѣющіе власть въ тѣхъ же размѣрахъ склонны къ нарушенію свободы. Они охотники до тайныхъ заговоровъ противъ свободы, они употребляютъ устрашеніе, подкупъ и постепенно устанавливаютъ относительно болѣе тягостное и принудительное управленіе. Такой реакціонный процессъ вовсе невозможенъ среди народа, у котораго достаточно развита способность, порождающая стремленіе къ осуществленію закона равной свободы. Человѣкъ съ истинно-демократическими чувствами любитъ свободу, какъ скряга любитъ золото; онъ ее любитъ ради ея самой и вовсе не обращая вниманія на выгоды, которыя отъ нея могутъ произойти (гл. V, § 4). Онъ бдительно охраняетъ то, что цѣнитъ такъ высоко; онъ тотчасъ замѣтитъ всякую попытку къ ограниченію свободы; онъ сопротивляется покушеніямъ противъ нея тотчасъ же, какъ скоро они начинаются; если кто-нибудь присвоиваетъ себѣ не слѣдующія ему преимущества, онъ немедленно обращается противъ него и требуетъ отчета въ его поступкахъ. Поведеніе, двусмысленное въ самой незначительной степени, возбуждаетъ его подозрѣнія, и они не дадутъ ему покоя до тѣхъ поръ, пока хотя что-нибудь останется неразъясненнымъ. Съ инстинктивной проницательностью, онъ тотчасъ проноситъ злоупотребленіе, и какъ скоро раскроетъ его,—не от-

станетъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ уничтожено. Какъ скоро предлагается мѣра, въ которой заключается скрытая опасность для его свободы или для свободы другихъ и въ которой таится зародышъ неотвѣтственной власти, онъ тотчасъ раскрываетъ это и отказываетъ въ своемъ согласіи. Его пугаетъ предложеніе предоставить законодательству право лишать кого-либо избирательнаго голоса; онъ понимаетъ, что такое право, употребленное противъ одного, можетъ быть употреблено противъ многихъ. Онъ понимаетъ нелѣпость называть правительство отвѣтственнымъ, если министръ этого правительства можетъ втянуть націю въ распрю изъ-за какой-нибудь ничтожной территоріи, прежде, чѣмъ народъ узнаетъ что-нибудь объ этомъ. Онъ не нуждается въ рядѣ заключеній для того, чтобы понять, что предоставленіе представительному собранію права продолжить свое существованіе и свою привилегію отъ трехъ до семи лѣтъ—заключаетъ въ себѣ нарушеніе принциповъ представительства: онъ инстинктивно чувствуетъ это; никакія благовидныя патріотическія цѣли, никакія увѣренія въ безкорыстныхъ намѣреніяхъ не остановятъ его оппозиціи, и онъ не допуститъ такого опаснаго примѣра. Еще болѣе возбудится его вниманіе, если отъ него потребуютъ денегъ и дадутъ ему понять, что впослѣдствіи, при случаѣ, ему будетъ объяснено, какое изъ этихъ денегъ сдѣлано употребленіе. Онъ не позволитъ поймать себя въ ловушку жалкихъ извиненій насчетъ требованій государства и т. п. и не оставитъ самъ себя въ дуракахъ. Съ неудовольствіемъ выслушаетъ онъ подобныя объясненія и упорно будетъ отказывать въ такой просьбѣ; — онъ будетъ утверждать, что огражденіе правъ людей—самое существенное или скорѣе единственное «требованіе государства». Онъ постоянно будетъ озабоченъ искорененіемъ зачатковъ притѣсненія; онъ будетъ уничтожать злоупотребленія, пока они еще въ зародышѣ; онъ будетъ, если возможно такъ выразиться, останавливать посягательства прежде, чѣмъ они начнутся. Если общество состоитъ изъ людей, одушевленныхъ подобнымъ духомъ, то существованіе свободныхъ учрежденій обезпечено.

Итакъ, политическая свобода, какъ мы уже сказали, есть внѣшнее проявленіе внутренняго чувства. Она зависитъ отъ нравственнаго чувства и при своемъ зарожденіи, и во

время своего примѣненія, и для постояннаго обезпеченія своего существованія. Высокая форма соціальнаго устройства, подобная демократіи, можетъ удержаться только тогда, когда нравственное чувство достигнетъ наибольшаго своего развитія и пріобрѣтетъ преобладающее вліяніе.

§ 11. Вотъ истинный отвѣтъ на вопросъ, который теперь такъ часто повторяется,—примѣнимъ ли въ настоящее время чисто народный образъ правленія? Чувство, чрезъ которое порождается состояніе полной политической свободы—это то же самое чувство, которое и поддерживаетъ ее;—отсюда прямо вытекаетъ заключеніе, что если оно достаточно сильно, чтобы ее породить, то слѣдовательно оно достаточно сильно и для того, чтобы ее поддержать. Постоянное существованіе подобныхъ учрежденій возможно исключительно только въ томъ случаѣ, когда народъ спокойно идетъ къ заключенію, что демократическія учрежденія самыя справедливыя,—если онъ хладнокровно рѣшитъ, что учрежденія эти должны быть примѣнены, или, другими словами, если изъ хода обстоятельствъ будетъ видно, что установленіе этихъ учрежденій не есть случайность, но результатъ преобладанія вышеобъясненныхъ чувствъ.

Вполнѣ согласно съ этой истиной мнѣніе, которое по счастью въ настоящее время сдѣлалось преобладающимъ, что единственно дѣйствительный путь для совершенія политическихъ перемѣнъ—путь мирный. Люди убѣждаются, что свобода, пріобрѣтенная мечомъ, постоянно утрачивается снова; она сохраняется только тогда, когда пріобрѣтена мирной агитаціей; отсюда прямо можно вывести заключеніе, что единственный правильный путь для проведенія реформъ, это средства согласныя съ нравственнымъ закономъ,— средства, въ которыхъ не заключается никакого нарушенія этого закона. Хотя это заключеніе и совершенно правильно, но до него еще не доходили философскимъ путемъ. Не объяснялось, почему это именно такъ. Менѣе всего справедливо обыкновенное предположеніе, что утрата свободы, пріобрѣтенной силою, заключаетъ въ себѣ родъ возмездія. Нельзя сказать, что пролитіе крови искажаетъ учрежденія, которыя пріобрѣтены съ его помощью; нельзя также сказать, что учрежденія, установленныя мирнымъ путемъ, сохраняются потому, что они именно такимъ образомъ установлены; но

слѣдуетъ сказать, что способъ, которымъ произведена перемѣна, указываетъ на свойства народа и на то — способенъ онъ или не способенъ къ новой соціальной формѣ. Чтобы разъяснить это, достаточно короткаго анализа нравственныхъ условій, которыя обнаруживаются при этихъ различныхъ пріемахъ политическихъ преобразованій.

Когда старый порядокъ разрушенъ силою, то нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что новый, поставленый на его мѣсто, будетъ удовлетворять потребностямъ времени. Подобная катастрофа доказываетъ только то, что страданія, причиняемыя прежнимъ порядкомъ, сдѣлались совершенно невыносимыми. Въ примѣненіи къ подобнымъ конвульсивнымъ движеніямъ, слова Сюлли, приведенныя Боркомъ, заключаютъ въ себѣ совершенную истину: — «Во время возстанія народомъ никогда не руководитъ желаніе нападать; если онъ возстаетъ, то только потому, что не въ силахъ болѣе терпѣть». Озлобленіе противъ дѣятеля, который причиняетъ страданія—это такая страсть, которая настолько же проявляется у животныхъ, насколько и у людей; соціальная революція, произведенная подъ вліяніемъ такого дѣятеля, по всей вѣроятности не въ состояніи будетъ привести къ такому порядку вещей, который былъ бы прямо приспособленъ къ обстоятельствамъ народной жизни. Человѣкъ, который во время минутной вспышки гнѣва, бросаетъ на землю вещь, сильно его разсердившую, но объ утратѣ которой онъ все-таки будетъ очень жалѣть,—вотъ образецъ, до извѣстной степени объясняющій поведеніе народа, возбужденнаго подобнымъ образомъ. Народъ возбужденъ, и причина его гнѣва совершенно справедлива; вліяніе, которое имѣлъ на него авторитетъ власти, ослабленъ; чувство обожанія силы замолчало; то, что мы называемъ вѣрностью и что есть не что иное, какъ указаніе на извѣстное соотвѣтствіе между свойствами народа и управленіемъ, подъ которымъ онъ находился, — отсутствуетъ въ это время. Всѣ эти чувства затоплены вздымающимися волнами его гнѣва. Когда, послѣ разрушенія стараго порядка вещей, почувствуется необходимость въ новомъ, то этотъ новый является созданнымъ въ состояніи возбужденія, — и весьма невѣроятно, чтобы онъ былъ дѣйствительно въ гармоніи съ характеромъ народа. Мало этого, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ новый порядокъ не будетъ со-

отвѣтствовать народнымъ свойствамъ;—учрежденія, созданныя въ это время, будутъ носить на себѣ печать тѣхъ чувствъ, которыя преобладали въ минуты волненія;—чувства эти будутъ далеко отличаться отъ тѣхъ, которыя обнаруживались народомъ прежде, и отъ тѣхъ, которыя очень скоро возвратятся къ нему. Зародыши чувствъ, предназначенныхъ установить въ будущемъ дѣйствительную политическую свободу, возбуждаются къ преждевременной дѣятельности происшествіями дня, — они кажутся и сильнѣе и болѣе распространенными, чѣмъ это есть въ дѣйствительности; вмѣстѣ съ тѣмъ чувства, которыми поддерживался прежній порядокъ, совершенно скрываются. Форма правленія, созданная при этихъ обстоятельствахъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ исключительному настроенію духа того времени, и если бы возможно было постоянно поддерживать такое настроеніе, то и правленіе могло бы продолжать дѣйствовать. Но скоро народныя чувства войдутъ въ обыкновенную свою колею, несообразность между новыми учрежденіями и старыми свойствами начнетъ обнаруживаться,—и явится возвратъ къ прежнему.

Если на эти факты смотрѣть съ точки зрѣнія изложеннаго здѣсь ученія о дѣятельности нравственнаго чувства, то сдѣлается еще болѣе яснымъ, что свободныя учрежденія, созданныя путемъ насилія, неизбѣжно преждевременны. Какія явленія должны предшествовать этимъ соціальнымъ потрясеніямъ? Имъ должны предшествовать мученія сильно распространенной и глубоко пустившей свои корни несправедливости. Какія свойства обнаруживаетъ такая несправедливость? Ясно, что это свойства людей, у которыхъ существенный недостатокъ въ чувствахъ, удерживающихъ отъ посягательства на другого,—свойства, показывающія недостатокъ способностей, необходимыхъ человѣку для общественной жизни, — свойства, показывающія отсутствіе инстинктовъ, необходимыхъ для осуществленія закона равной свободы. Слѣдовательно, ужасный кризисъ былъ произведенъ беззастѣнчивой притязательностью съ одной стороны и преступной уступчивостью и раболѣпнымъ подчиненіемъ съ другой. Путемъ революціи народъ можетъ передѣлать свое правительство, но онъ не можетъ передѣлать самого себя. Онъ, можетъ быть, нѣсколько измѣнится, переживая эпоху такого страстнаго возбужденія, но въ существѣ члены этого народа останутся

тѣмъ же, чѣмъ они были прежде. Старые процессы должны въ нихъ возобновиться. Какъ скоро прошла буря, снова появится и прежняя притязательность и прежнее равнодушіе; они будутъ продолжать идти по этому пути, пока постепенное обремененіе народа новыми тягостями не доведетъ его, если и не до такого же скверного положенія, какъ прежде, то до положенія, которое немногимъ отъ него отличается.

Совершенно противоположное обнаруживается при политическихъ улучшеніяхъ, произведенныхъ мирнымъ путемъ. Они принадлежатъ къ болѣе высокому фазису цивилизаціи. Прежде всего, страданія народа оказываются относительно болѣе слабыми,—они перестаютъ быть невыносимыми, возмутительными. При тѣхъ же условіяхъ это указываетъ на уменьшеніе размѣровъ несправедливости; уменьшеніе объема несправедливости показываетъ въ свою очередь, что нравственное чувство пріобрѣло большую энергію и большее значеніе. Такимъ образомъ обстоятельства, предшествовавшія мирной агитаціи, уже въ извѣстной степени служатъ къ тому, чтобы обезпечить успѣху за свободными учрежденіями, пріобрѣтенными этимъ путемъ. Изъ процесса, которымъ довершается эта революція, лишенная кровавыхъ сценъ, уже обнаруживается самымъ яснымъ образомъ, что въ народѣ существуютъ свойства, необходимыя для окончательнаго успѣха. Въ чемъ заключается условіе жизненности подобнаго движенія? Какая скрытая сила производитъ его, даетъ ему ростъ и способствуетъ его побѣдѣ? Ясно, что тутъ дѣйствуетъ то чувство, которое ведетъ къ осуществленію закона равной свободы. Упорное требованіе политическаго равенства—это только признакъ возрастающей его дѣятельности. Преобразовательной силой теперь является уже не голодъ, не желаніе избавиться отъ мученій, не жажда мести,—но хладнокровная, менѣе всего мечтательная рѣшимость вынудить признаніе человѣческихъ правъ и человѣческой свободы. Нуженъ живучій источникъ энергіи, совершенно отличный отъ того, который возбуждаетъ ярость возстанія, чтобы довести до успѣшнаго конца эту битву мнѣній, съ ея продолжительными проволочками, съ ея доводящими до отчаянія затрудненіями, гдѣ придется выдерживать и наемѣшки и сбивающія съ толку искаженія. Вмѣсто мимолетнаго припадка гнѣва тутъ дѣятелемъ должно явиться постоянное, все болѣе и болѣе усиливающееся

чувство. Агитація—это способъ его упражненія. Люди, у которыхъ это чувство преобладаетъ, развиваютъ его въ остальныхъ. Они говорятъ для нихъ рѣчи, они пишутъ для нихъ свои статьи, они собираютъ митинги, чтобы эти чувства могли въ нихъ проявиться. Они возбуждаютъ ихъ, обличая несправедливости; чтобы заставить ихъ дѣйствовать, они обращаются къ ихъ совѣсти. Они вызываютъ такія чувства наружу, обращаясь ко всему, что въ людяхъ есть справедливаго, чистаго и прямодушнаго. Чтобы возбудить въ нихъ отвращеніе, они изображаютъ картины рабства и тиранніи: они убѣждаютъ ихъ, что состояніе полной свободы—есть единственное, которое можно любить и призывать съ надеждою. Они стараются внушить имъ чувство святости человѣческихъ правъ. Послѣ того, какъ люди въ теченіе многихъ лѣтъ направлялись и стимулировались такимъ образомъ, чувства эти достигаютъ достаточно сильнаго проявленія, и является реформа. Не забудьте, что чувства эти исходятъ изъ той же самой комбинаціи способностей, которая, какъ мы видѣли, поддерживаетъ свободныя учрежденія и дѣлаетъ ихъ примѣнимыми. Каждая изъ подобныхъ агитацій есть родъ школы для пользованія тѣмъ видомъ свободы, къ которому она приводитъ. Сила, необходимая для пріобрѣтенія этой свободы, соотвѣтствуетъ размѣру силы, необходимой для пользованія ею. На основаніи закона формъ общественной жизни, эти формы выражаютъ собою народныя свойства. Появляясь на свѣтъ, они носятъ на себѣ печать этихъ свойствъ. Они могутъ существовать только до тѣхъ поръ, пока свойства эти даютъ имъ жизненную силу. Общее неудовольствіе прежними учрежденіями показываетъ, что свойства народа требуютъ лучшихъ. Если народъ, для достиженія этихъ лучшихъ учрежденій устраиваетъ ассоціаціи, содержитъ пропагандистовъ, во время каждой сессіи законодательнаго собранія осаждаетъ его петиціями,—и до тѣхъ поръ повторяетъ все это, пока накопленная сила общественнаго мнѣнія сдѣлается неудержимою, то можно считать вполнѣ доказаннымъ, что производящееся преобразованіе находится въ истинной гармоніи съ потребностями времени. Новыя учрежденія не будутъ порожденіемъ исключительнаго настроенія народнаго духа,—они будутъ выражать обыкновенное его состояніе, а потому, безъ всякаго сомнѣнія, окажутся приспособленными къ нему.

§ 12. Вотъ поощреніе для робкихъ реформаторовъ. Люди съ правильнымъ взглядомъ на вещи не нуждаются въ такомъ подробномъ разборѣ для укрѣпленія своихъ убѣжденій. Математикъ не прибѣгаетъ къ циркулю, чтобы убѣдиться въ вѣрности доказанной имъ задачи. Человѣкъ съ здравымъ чувствомъ не нуждается въ дальнѣйшихъ свидѣтельствахъ, послѣ того, какъ онъ разъяснитъ себѣ указанія нравственнаго закона. Для него достаточно понять справедливость дѣла. Онъ никогда не повѣритъ, что если справедливая цѣль достигается справедливыми средствами, то изъ этого можетъ выйти что-нибудь вредное или дурное. Вотъ единственное душевное настроеніе, достойное того, чтобы его называть религіознымъ. Къ несчастію большинство не одарено такими благонадежными убѣжденіями, а потому предписанія естественной справедливости необходимо подкрѣплять дополнительной аргументаціей. Невѣрующій нравственный скептицизмъ утилитарнаго ученія требуетъ опроверженія. Вышеизложенныя соображенія обращены къ тѣмъ, которые заражены этимъ ученіемъ; пусть они убѣдятся, что имъ нечего опасаться обнаруживать демократическія симпатіи, которыя въ нихъ существуютъ, что имъ слѣдуетъ употребить теперь же всю свою энергію на пользу народнаго дѣла: они должны знать, что если справедливыя учрежденія будутъ достигнуты справедливымъ путемъ, то они должны неизбѣжно процвѣтать.

§ 13. Теперь ясно, что право, выводимое изъ закона равной свободы,—право каждаго гражданина на равную долю политическихъ правъ,—не перевѣшивается ни однимъ изъ тѣхъ требованій благоразумія, которыя противъ него предъявляются. Мы нашли, что до тѣхъ поръ, пока эгоизмъ дѣлаетъ управленіе необходимымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ вносить растлѣніе во всякое управленіе за исключеніемъ такого, въ которомъ всѣ люди имѣютъ своихъ представителей. Было доказано, что мнѣніе, будто бы предоставленіе всеобщаго права на подачу голосовъ дастъ составъ избирателей съ болѣе низкимъ уровнемъ нравственности, совершенно не основательно, потому что всѣ классы общества безнравственны, и если принять въ соображеніе численность и обстоятельства жизни каждаго класса, то по всей вѣроятности окажется, что они безнравственны въ одинаковой степени. По разсмотрѣніи дѣла оказывается, что и возраженія, ссылающіяся на

народное невѣжество—обоюдоострый мечъ; потому что по отношенію къ свѣдѣніямъ, необходимымъ для правильной подачи голоса, массы, входящія въ составъ избирателей, такъ же невѣжественны, какъ и тѣ, которымъ не предоставлено этого права. Для подкрѣпленія возраженій приводилось указаніе, что были дѣлаемы попытки ввести истинно демократическія учрежденія, но попытки эти оказались неудачными. Указаніе это основано на примѣрахъ, не подходящихъ къ дѣлу; а если бы и былъ приведенъ правильный примѣръ, то и онъ бы ничего не доказывалъ. Наконецъ и въ этомъ случаѣ оказывается, точно такъ же, какъ и въ другихъ, что возможность осуществленія нравственнаго закона соотвѣтствуетъ тому, насколько люди приблизились къ вполнѣ нравственному состоянію; политическія учрежденія неизбѣжно приспособляются къ народнымъ свойствамъ. Поэтому мы можемъ сказать горячему демократу: «Будьте увѣрены, что демократія осуществится, какъ скоро народъ будетъ достаточно хорошъ для этого»;—а тѣмъ, которые отличаются недостаткомъ смѣлости: «Не бойтесь, демократія не явится слишкомъ рано, если только народъ дойдетъ до нея мирнымъ путемъ».

ГЛАВА XXI.

Обязанности государства.

§ 1. Выше (гл. XIX, § 2) было сказано, что нравственность по отношенію къ правительству можетъ только ограничивать,—она относится къ нему отрицательно, а не положительно; на всѣ вопросы она отвѣчаетъ, указывая только исключительныя условія существованія, устройства и дѣятельности государства, при которыхъ оно можетъ быть терпимо съ нравственной точки зрѣнія. Такъ какъ нравственный законъ вполнѣ игнорируетъ правительство, то онъ не можетъ намъ дать никакого указанія по отношенію къ тому, что слѣдуетъ дѣлать этому правительству;—онъ можетъ сказать намъ только—чего ему не слѣдуетъ дѣлать. Изъ предыдущаго видно, почему наука нравственности, внѣ этого предѣла, не можетъ дать намъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Мы уже объяснили, что каждый человѣкъ долженъ имѣть право отказаться отъ государства, что слѣдовательно на государство нужно смотрѣть какъ на организацію, созданную добровольнымъ союзомъ людей; по отвлеченному о немъ понятію, оно ни въ чемъ не должно отличаться отъ всякой другой ассоціаціи, а потому и нѣтъ необходимости говорить о спеціальныхъ его отправленіяхъ. Члены его могутъ возложить на него всякую дѣятельность, которая не заключаетъ въ себѣ нарушенія нравственнаго закона.

Итакъ нравственный законъ не можетъ быть для насъ въ этомъ случаѣ прямымъ руководствомъ; для достиженія истины мы должны идти побочными путями, насколько они окажутся для насъ доступными. Вопросъ этотъ не можетъ считаться вопросомъ чистой нравственности и потому не мо-

жетъ быть разрѣшенъ точнымъ, научнымъ способомъ; можно достигать только рѣшеній приблизительныхъ. Къ счастью, мы можемъ идти къ этомъ случаѣ различными путями, и такъ какъ всѣ эти пути приводятъ къ одному и тому же заключенію, то заключеніе и пріобрѣтаетъ чрезъ это что-то въ родѣ достовѣрности. Мы употребимъ послѣдовательно каждый изъ этихъ пріемовъ.

§ 2. Для того, чтобы показать, что какая-нибудь вещь вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, мы употребляемъ слова «хорошая» совершенная, вполнѣ удовлетворительная»: то же самое свойство мы обозначаемъ въ человѣкѣ словомъ— нравственный. Вещь, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію, не можетъ быть улучшена; нельзя себѣ представить болѣе совершеннымъ человѣка, который и безъ того непосредственно, по инстинктивному стремленію, выполняетъ волю Божію. Человѣкъ, который вполнѣ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ собственными силами, способности котораго вполнѣ соразмѣрены съ тѣмъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, такой человѣкъ долженъ быть названъ органически нравственнымъ. Дана предопредѣленная цѣль— счастіе: даны условія, при которыхъ счастіе это можетъ быть достигнуто, и совершенство будетъ состоять въ обладаніи такими силами и склонностями, которыя вполнѣ приспособлены къ этимъ условіямъ. Въ то же время нравственный законъ можетъ только указывать то направленіе, въ которомъ достигается удовлетвореніе условіямъ. Слѣдовательно, для правильно устроеннаго человѣка, онъ не нуженъ, и всякая внѣшняя помощь не только безполезна, но даже вредна: здоровое тѣло не нуждается въ костыляхъ, въ тоническихъ и стимулирующихъ средствахъ,—оно въ себѣ самомъ имѣетъ все, что нужно для нормальныхъ отправленій; точно такъ же и нормально развитой характеръ не требуетъ искусственной помощи: онъ отвергаетъ эту помощь, потому что она заранѣе занимаетъ мѣсто въ той сферѣ, которая нужна будетъ для нравственнаго отправленія его способностей. Напротивъ, если устройство человѣка и условія его жизни не находятся между собою въ гармоніи, тогда является потребность во внѣшнемъ дѣятелѣ, который бы заступилъ мѣсто недостающей внутренней способности. Эти временныя силы, замѣняющія недостатокъ способности, помогаютъ несовершенному человѣку

исполнять законъ своего существованія, т. е. то, что мы называемъ нравственнымъ закономъ,—и въ то же время получаютъ отъ этого закона извѣстный рефлективный авторитетъ. Авторитетъ этотъ измѣняется сообразно тому, насколько онѣ служатъ требованіямъ закона. Каковы бы ни были особыя отправленія правительства, но ясно, что оно служитъ однимъ изъ средствъ для достиженія такой цѣли, т. е искусственной помощи. Оно самое существенное изъ всѣхъ подобныхъ средствъ.

Для большей ясности все это можетъ быть изложено такимъ образомъ. Если на правительствѣ лежитъ какая-нибудь обязанность, то обязанность эта должна заключаться въ услугѣ извѣстнаго рода—оно должно приносить пользу. Но человѣку можно оказать только такую услугу и принести только такую пользу, которая будетъ помогать ему исполнять законъ его существованія. Если мы накормимъ голоднаго, если мы вылечимъ больного, если мы защитимъ слабаго, если мы укротимъ порочнаго, то во всѣхъ этихъ случаяхъ мы дѣлаемъ человѣка болѣе способнымъ или принуждаемъ его въ большей мѣрѣ сообразоваться съ условіями совершеннаго счастія. Мы увеличиваемъ сообразность поступковъ человѣка съ условіями совершеннаго счастія и чрезъ это создаемъ ихъ сообразность съ нравственнымъ закономъ. Если, слѣдовательно, всякая польза, принесенная людямъ, способствуетъ выполненію нравственнаго закона, то и польза, приносимая правительствомъ, должна имѣть то же самое свойство.

Какъ скоро мы въ этомъ согласимся, то намъ останется изслѣдовать, какимъ образомъ можно оказывать выполненію нравственнаго закона самыя существенныя услуги. Понятно, что возможность осуществленія должна служить основаніемъ для осуществленія. Прежде чѣмъ поступокъ совершится, нужно, чтобы созданы были условія, при которыхъ онъ сдѣлается выполнимымъ. Прежде, чѣмъ мы скажемъ «сдѣлай это»—нужно, чтобы существовало основаніе сказать—«это можно сдѣлать»? прежде, чѣмъ мы создадимъ кодексъ для правильнаго употребленія способностей, нужно создать условія, при которыхъ употребленіе способностей будетъ возможно; условіе, при которомъ употребленіе способностей осуществимо, состоитъ въ возможности пріобрѣтать предметы, служащіе для этого употребленія, предметы пожеланій;—эта возможность

получается чрезъ то, что мы называемъ свободою дѣйствій,—свободою вообще. Выполненіе нравственнаго закона дѣлается возможнымъ посредствомъ того же самаго, посредствомъ чего является возможность къ употребленію своихъ способностей. Итакъ свобода—это самое существенное требованіе для выполненія нравственнаго закона. Слѣдовательно, если нужно помочь человѣку при выполненіи нравственнаго закона, то первое и самое существенное для этого требованія состоитъ въ обезпеченіи за нимъ необходимѣйшаго условія—свободы. Помощь въ этомъ отношеніи должна предшествовать всякой другой помощи,—безъ нея никакая другая помощь невозможна. Какъ скоро мы какой-нибудь способности отказываемъ въ свободѣ дѣятельности, то мы уже никакимъ образомъ не можемъ помочь ей въ ея отправленіи до тѣхъ поръ, пока эта свобода не будетъ возстановлена. Слѣдовательно, въ ряду всѣхъ учрежденій, которыя создаются несовершеннымъ человѣкомъ, для того, чтобы восполнить недостатки его природы, на первомъ мѣстѣ должно стоять то, которое имѣетъ своей цѣлью оградить его свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ свобода, которая можетъ быть обезпечена за каждымъ гражданиномъ, ограничивается равною свободою, обезпеченною за всѣми другими. Такое одинаковое обезпеченіе неизбѣжно и для удовлетворенія нравственнаго закона, и для выполненія одновременныхъ, справедливыхъ претензій, обращенныхъ къ учрежденію его кліентами. Отсюда мы должны заключить, что самое существенное отправленіе того учрежденія, которое мы называемъ правительствомъ, заключается въ обезпеченіи отъ нарушенія закона равной свободы.

Мы уже видѣли выше неудовлетворительность попытки опредѣлить обязанности государства на основаніи предположенія объ условіи, заключенномъ будто бы между лицами, впервые составившими общество,—объ общественномъ договорѣ (гл. XVIII, § 3). Политическія учрежденія не устанавливались людьми послѣ хладнокровнаго обсужденія и соглашенія; они доросли до нихъ безсознательно; по всей вѣроятности, они не имѣли никакого понятія объ условіяхъ общественной жизни, прежде чѣмъ они очутились среди этихъ условій. Но если бы гипотеза первоначальнаго договора имѣла даже смыслъ, то и въ такомъ случаѣ она намъ ни къ чему не служитъ. Было бы крайней нелѣпостью утверждать, что обязанности,

наложенныя дикой ордой на своего начальника или на совѣтъ начальниковъ, должны неизбѣжно быть обязанностями правительства на всѣ времена. Для насъ будетъ гораздо поучительнѣе разъяснить себѣ, что должно было дѣйствительно происходить въ младенчествѣ цивилизаціи, вмѣсто того, чтобы строить теоретическія предположенія, ни на чемъ не основанныя, о томъ, что могло будто бы происходить. Возвращаясь къ § 5 гл. XVIII, читатель убѣдится, что если люди остались жить въ обществѣ, то этимъ доказывается преимущество, которое они отдавали такой жизни передъ жизнью уединенною. При такой жизни они находили для себя болѣе удовлетворенія. Слѣдовательно, подобное состояніе представляло большій просторъ для дѣятельности ихъ способностей; оно представляло болѣе прочныя гарантіи для такой дѣятельности, болѣе безопасности по отношенію къ ихъ претензіямъ на жизнь и собственность, то есть по отношенію къ ихъ правамъ. Если люди продолжали жить въ обществѣ только потому, что въ среднемъ уровнѣ оно болѣе обезпечивало ихъ права, чѣмъ прежнее ихъ положеніе, то изъ этого прямо слѣдуетъ заключить, что обезпеченіе правъ составляетъ спеціальную обязанность общества, которую оно должно исполнять, въ корпоративномъ своемъ составѣ, по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ. Потребность въ извѣстномъ отправленіи, которая породила какое-либо явленіе жизни, указываетъ, что отправленіе это самое существенно-необходимое изъ отраслей дѣятельности учрежденія. Въ первобытномъ состояніи не были развиты всѣ тѣ способы удовлетворенія потребностей, которые принесены къ намъ цивилизаціею; поэтому общество существовало тогда исключительно вслѣдствіе защиты, оказываемой имъ своимъ членамъ, при пріобрѣтеніи всего необходимаго для достаточной дѣятельности способностей. Защищать людей, когда они достигаютъ того, что удовлетворяетъ ихъ способностямъ—это значитъ отстаивать ихъ права. Если общество обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что оно отстаивало права своихъ членовъ, то на защиту этихъ правъ и слѣдуетъ всегда смотрѣть какъ на самую главную его обязанность.

Такое положеніе подтверждается направленіемъ дѣятельности всего человѣчества въ этомъ отношеніи. Народы далеко расходились между собою во взглядахъ на предѣлы законо-

дательной власти, но всѣ они признавали, что власть эта должна защищать своихъ подданныхъ противъ постороннихъ притязаній. Въ различныхъ странахъ и въ различныя времена на государство возлагались сотни разнородныхъ обязанностей; не было двухъ государствъ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали бы другъ другу по числу и по свойствамъ своихъ отправленій; нѣкоторыми обращалось особенное вниманіе на такіе предметы, которые у другихъ были въ полномъ пренебреженіи и потому оказывались вовсе несущественными;— въ то же время была одна обязанность общая имъ всѣмъ— это обязанность защиты. Если бы этотъ фактъ стоялъ одиноко, то развитый до крайности скептицизмъ могъ бы найти къ нему случайность. Но такъ какъ онъ совпадаетъ съ заключеніями, выведенными выше изъ природы человѣческой и изъ неизбѣжныхъ условій происхожденія общества, то мы увѣренно можемъ смотрѣть на этотъ фактъ, какъ на дальнѣйшее доказательство, что обязанность государства заключается въ защитѣ, въ принужденіи къ выполненію закона равной свободы; оно должно отстаивать человѣческія права или, какъ мы обыкновенно выражаемся, творить судъ.

§ 3. Послѣ того, какъ мы дали отвѣтъ на вопросъ, что слѣдуетъ дѣлать государству? возникаетъ другой: какія самыя дѣйствительныя мѣры для достиженія этой цѣли? За положеніемъ, что обязанность творить судъ есть спеціальное назначеніе государства, слѣдуетъ необходимый его спутникъ, другое положеніе, что государство должно употребить самый лучшій способъ для выполненія этой обязанности. Все это приводитъ къ вопросу,—какой же это способъ?

На основаніи нашей гипотезы связь между каждой личностью и обществомъ, составляющимъ политическую организацію, должна быть добровольная. Учрежденіе, которое имѣетъ цѣлью обезпечить для человѣка свободное пользованіе его способностями, уже по смыслу своего назначенія должно только предлагать гражданину свои услуги; оно не можетъ принуждать его принимать эти услуги. Если оно это дѣлаетъ, то противорѣчитъ самому себѣ,—оно нарушаетъ ту самую свободу, которую должно охранять. Если мы предположимъ, что гражданство принято добровольно, то намъ останется опредѣлить, какія условія подразумѣвались сами собою при соглашеніи между государствомъ и его членами. Отношеніе

это можно представить себѣ двоякимъ образомъ. Соглашеніе можетъ быть таково, что всякій, кто нуждается въ помощи судебной власти, долженъ вознаградить ее за это; или можетъ быть постановлено, что каждый, кто платитъ постоянно извѣстную сумму для содержанія судебной власти, имѣетъ право на ея услуги, какъ скоро въ нихъ нуждается. Первый изъ этихъ способовъ оказывается вовсе непримѣнимымъ; ко второму до извѣстной степени приспособляются существующія учрежденія. Во всякомъ случаѣ предполагается, что обѣ стороны выполняютъ свои обязанности надлежащимъ образомъ;—что покровительство, которое оказано, и подать, которая уплачена, равноцѣнны другъ другу;—что отдѣльное лицо, которое предпочтетъ пользоваться покровительствомъ государства, не будетъ отказываться отъ справедливаго участія въ государственныхъ тягостяхъ;—что государство, если оно обложено тягостями, не будетъ отказывать въ покровительствѣ.

Такое объясненіе условій соглашенія, предполагаемыхъ при вступленіи въ гражданство, очевидно само по себѣ; однако же оказывается, что судебная практика очень мало этимъ руководствуется. Наша юриспруденція смотритъ на дѣло весьма односторонними образомъ. Она обнаруживаетъ достаточно энергіи, когда дѣло идетъ о требованіяхъ государства по отношенію къ подданнымъ, но когда, наоборотъ, дѣло идетъ о требованіяхъ подданныхъ по отношенію къ государству, тогда въ нее проявляется относительная беззаботность. Нельзя сказать, что бы она не признавала права плательщика податей на огражденіе его государствомъ; но право это признается ею только отчасти. Она успѣшно защищаетъ каждаго просителя противъ извѣстныхъ нарушеній правъ, которыя совершенно произвольно причислены къ преступленіямъ; но зато она предоставляетъ гражданину защищаться, какъ онъ умѣетъ, противъ другихъ нарушеній, которыя почему-то не причисляются къ преступленіямъ. Судъ входитъ въ разбирательство самаго незначительнаго оскорбленія, если оно причинено извѣстнымъ образомъ и возстановляетъ право безъ всякихъ поборовъ; но если оскорбленіе нанесено другимъ способомъ, то придется перенести его молча. Какъ бы ни была велика его важность, но если оскорбленный не имѣетъ туго набитаго деньгами кармана и

достаточно смѣлости, то онъ долженъ отказаться отъ возстановленія своего права. Если человѣку надвинутъ шляпу на глаза, то законъ усердно возьмется за его дѣло, обидчика приговоритъ къ пенѣ и къ уплатѣ убытковъ, безъ сборовъ съ обиженнаго. Но если, вмѣсто того, человѣкъ подвергнется несправедливо тюремному заключенію, то его вѣжливымъ образомъ отошлютъ къ адвокату и увѣдомятъ его, что за нанесенное ему оскорбленіе онъ можетъ получить возмездіе судебнымъ порядкомъ; это значитъ, что если онъ богатъ, то онъ можетъ рискнуть понести двойной убытокъ или сквитаться, а если онъ бѣденъ, то долженъ остаться при нанесенномъ ему оскорбленіи и не имѣетъ даже шансовъ богатаго на вознагражденіе. Если у нолданнаго очистятъ карманы обыкновеннымъ путемъ, то правительство оказываетъ ему безвозмездную защиту; но карманы можно обирать и разными косвенными способами,—въ этихъ случаяхъ правительство будетъ праздно смотрѣть на нарушеніе закона до тѣхъ поръ, пока его не заинтересуютъ посредствомъ значительныхъ денежныхъ жертвъ. Оно бросится на защиту гражданина, у котораго полумертвый отъ голода бродяга укралъ нѣсколько рѣпъ; землю же, на которой эти рѣпы растутъ, можно украсть нисколько не рискуя, если ограбленный владѣлецъ не имѣетъ друзей и денегъ *). Есть просьбы, которыя стоитъ только произнести—и правительство тотчасъ вступается въ видѣ констэблей, законниковъ, судей и тюремщиковъ: къ другимъ оно глухо до тѣхъ поръ, пока деньги не сдѣлаютъ его болѣе снисходительнымъ. Въ одномъ случаѣ оно является защитникомъ оскорбленнаго; въ другомъ оно покидаетъ свое оружіе и принимаетъ роль посредника, въ то время, когда притѣснитель и притѣсненный поражаютъ другъ друга ударами. Относительно извѣстныхъ правъ гражданина оно стоитъ на стражѣ и кричитъ: «кто идетъ?»—всякій разъ, когда кто-нибудь попытается къ нимъ сунуться, по другія

*) Правда, проситель, который можетъ присягнуть, что онъ не имѣетъ пяти фунтовъ стерл., можетъ вести дѣло in forma pauperis. Привилегія эта оказывается однако же почти всегда мертвою буквою. Тяжбы, начинаемыя такимъ образомъ, обыкновенно проигрываются, потому что тѣ, которые ведутъ ихъ, должны дѣйствовать безмездно и потому ходатайствуютъ по нимъ небрежно.

права можно попирать ногами, не опасаясь никакихъ обвиненій.

Такой способъ исполненія условія между гражданиномъ и государствомъ долженъ показаться довольно страннымъ человѣку, котораго сужденіе не притуплено обычными взглядами. Не мудрено, если онъ всю эту сдѣлку назоветъ мошенничествомъ;—если онъ будетъ утверждать, что его собственность была отобрана у него подъ ложными предлогами. Онъ можетъ спросить: «Для какой цѣли подчинялся я вашимъ законамъ, если вы мнѣ отказываете въ тѣхъ преимуществахъ, которыя были за это обѣщаны? Развѣ я не выполнилъ всѣхъ условій? Вы требовали денегъ, я заплатилъ по вашему требованію до послѣдняго фартинга, несмотря на обременительность вашихъ налоговъ. Вы требовали отъ меня общественной службы, и съ удовольствіемъ исполнилъ ваше желаніе. Теперь же, когда я съ своей стороны требую отъ васъ, чтобы вы мнѣ дали то, за что я приносилъ всѣ эти жертвы, вы начинаете обманывать. Я полагалъ что вы будете стражами съ глазами Аргуса и сотнею рукъ Бріарея,—что вы постоянно будете охранять мои интересы,—что вы всегда будете готовы быстро вступаться за нихъ и защищать ихъ,—что я могу обладать утѣшительнымъ сознаніемъ совершенной безопасности отъ всякихъ оскорбленій,—что никакое подобное оскорбленіе не можетъ быть мнѣ нанесено ни во время сна, ни во время бдѣнія, ни тогда, когда я погруженъ въ занятія, ни тогда, когда я увлеченъ удовольствіями. Теперь же я нахожу, что не только возможно различными способами нарушать мои права, не привлекая вашего вниманія, но даже и тогда, когда я вамъ говорю о нанесенномъ мнѣ оскорбленіи и требую вашего вмѣшательства, вы закрываете дверь передъ моимъ носомъ и до тѣхъ поръ отказываетесь выслушивать мою жалобу, пока я не расположу къ себѣ чрезмѣрнымъ вознагражденіемъ одного изъ вашихъ слугъ, имѣющаго доступъ къ вашему уху. Какъ я долженъ понимать подобные поступки? Развѣ ваши доходы не достаточны для вознагражденія васъ за издержки, какія необходимы, чтобы справедливость оказывалась во всѣхъ случаяхъ? Если это такъ, то почему же вы не говорите, сколько вамъ надо, чтобы вы могли увеличить вашъ доходъ? Или вы не умѣете дѣлать вашего дѣла? Если такъ, то скажите откровенно, что

мы неспособны. Во всякомъ случаѣ дайте намъ что-нибудь точное и опредѣленное, а не эту смѣсь противорѣчій, эту несообразность между обѣщаніями и исполненіемъ, это обираніе денегъ и невыполненіе обязательства».

§ 4. Довольно замѣчательно, что люди съ такой апатіею смотрятъ на современное негодное отправленіе суда. Даже совершенно непонятно, какимъ образомъ мы, независимые, рѣшительные англичане,—мы, любители самоуправленія, такъ ревниво наблюдающіе за всѣми злоупотребленіями, какъ мы при всѣхъ способахъ, которые имѣемъ для разъясненія, порицанія и отмѣны законодательныхъ постановленій,—каждый день видимъ гигантскія злоупотребленія нашего суда и ничего не дѣлаемъ для ихъ исправленія. Мы поступаемъ такимъ образомъ несмотря на нашу способность къ организаціи и къ агитаціи, несмотря на воспоминаніе о недавнихъ нашихъ побѣдахъ при отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, при освобожденіи рабовъ, при эмансипаціи католиковъ. Нельзя даже сказать, чтобы злоупотребленія эти оспаривались,—всѣ съ ними соглашаются. Опасность имѣть дѣло съ судомъ вошла въ пословицу. Имена его служителей употребляются для олицетворенія жадности и надувательства. Рѣшенія ихъ служатъ типомъ произвола и случайности. Во всѣхъ кружкахъ общества существуетъ по этому предмету одно мнѣніе, и каждый человѣкъ можетъ привести новыя доказательства для его подтвержденія. Въ одномъ мѣстѣ намъ сообщаютъ, что триста фунтовъ стерлинговъ были издержаны для того, чтобы возвратить собственность цѣною въ сорокъ шиллинговъ; въ другомъ—что дѣло было проиграно потому, что не было принято вмѣсто показанія подъ присягою торжественное объявленіе. Вашъ сосѣдъ съ правой стороны можетъ вамъ разсказать, что судья отвергнулъ обвиненіе вслѣдствіе возраженія, что передъ числомъ не было помѣщено словъ: «годъ Господа нашего»; другой вашъ сосѣдъ съ лѣвой стороны повѣствуетъ, какъ недавно былъ освобожденъ отъ наказанія воръ, укравшій грызуна особой породы (индѣйскую свинку), потому что грызунъ этотъ былъ признанъ породою крысы, а крыса не можетъ быть предметомъ собственности. Сегодня вамъ разсказываютъ исторію бѣднаго человѣка, который намѣренно былъ разоренъ богатымъ врагомъ, запутавшимъ его въ процессъ; на слѣдующій день намъ сообщаютъ о дѣвочкѣ, ко-

торую продержали въ тюрьмѣ въ теченіе шести недѣль, потому что она не могла представить обезпеченія относительно явки въ судъ въ качествѣ свидѣтеля противъ человѣка, который ее оскорбилъ *).

Вотъ господинъ, у котораго обобрали половину его собственности, потому что онъ не рѣшался отыскивать ее обратно по суду изъ опасенія потерять еще больше; вотъ его менѣе благоразумный товарищъ, который сдѣлалъ такой же опытъ, какъ и человѣкъ, утверждавшій, что онъ только два раза былъ на краю разоренія,—въ первый разъ, когда проигралъ процессъ, а второй, когда выигралъ тяжбу. Со всѣхъ сторонъ вамъ разсказываютъ о мошенничествахъ, о притѣсненіяхъ, о мести, совершенныхъ во имя справедливости; объ несправедливостяхъ, которыя переносятся потому, что не достаетъ денегъ, чтобы купить возстановленіе права; о правахъ, которыя не отыскиваются потому, что безполезно тягаться съ сильнымъ узурпаторомъ. Вамъ говорятъ о тяжбахъ въ судѣ канцлера, которыя переживали всѣхъ тяжущихъ; о цѣлыхъ состояніяхъ, употребленныхъ для установленія какого-нибудь права; о земляхъ, утраченныхъ чрезъ несоблюденіе какой-нибудь формальности. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый списокъ жертвъ: люди, которые довѣрились, были обмануты; сѣдовласые старики, которые кое-что скопили тяжкими лишеніями и все должны были употребить для умащенія какого-нибудь ходатая по дѣламъ; несостоятельные должники, истощенные, со впалыми щеками, которые потеряли все потому только, что пытались получить то, что имъ слѣдуетъ; люди, дошедшіе до того, что имъ пришлось жить отъ благотворительности своихъ друзей; другіе, которымъ пришлось умереть смертью нищаго; не мало и такихъ, которыхъ страданія довели до сумасшествія и которые въ отчаяніи совершали самоубійство. Всѣ партіи единогласно выражаютъ свое неудовольствіе, а несправедливости продолжаются и ничто не полагаетъ имъ границы!

§ 5. Впрочемъ, нѣтъ недостатка и въ такихъ людяхъ, которые защищаютъ этотъ порядокъ вещей, которые положительно утверждаютъ, что правительству слѣдуетъ такимъ не-

*) Случай, имѣвшій мѣсто въ Винчестерѣ, въ іюлѣ 1840 г.

совершеннымъ образомъ исполнять свое социальное отправленіе. Съ одной стороны они утверждаютъ, что отправленіе правосудія составляетъ существенно необходимое условіе для жизни цивилизованнаго общества, а съ другой находятъ, что могутъ быть случаи, гдѣ судъ, ко вреду людей, отправляется чрезмѣрно хорошо! Они говорятъ: «Если бы судъ былъ дешевъ, то всѣ захотѣли бы имъ пользоваться. Если бы можно было получать справедливое удовлетвореніе безъ всякаго затрудненія, то удовлетвореніе требовалось бы во всѣхъ случаяхъ нарушенія права. Къ властямъ обращались бы въ десять разъ чаще, чѣмъ теперь. При малѣйшемъ поводѣ люди начинали бы законное преслѣдованіе: тяжбы расплодились бы до того, что лекарство было бы хуже болѣзни».

Вотъ аргументъ въ пользу современнаго порядка;—этотъ доводъ заключаетъ въ себѣ или грубую нелѣпость, или совершенно неосновательное мнѣніе. Если большое накопленіе тяжбъ вслѣдствіе безмезднаго суда считать основаніемъ для сохраненія современнаго порядка, то это значитъ утверждать, что зло отъ возстановленія справедливости во всѣхъ случаяхъ значительнѣе, чѣмъ зло, которое причиняется нарушеніемъ правъ. Одно изъ двухъ—или граждане будутъ, какъ теперь, въ огромномъ большинствѣ случаевъ молча переносить ущербъ въ своихъ правахъ, или права эти должны разбираться безвозмездно. Защитники современнаго порядка предпочитаютъ первое изъ этихъ положеній. Если десять тысячъ тяжбъ хуже, чѣмъ десять тысячъ несправедливостей, то одна тяжба хуже, чѣмъ одна несправедливость. Отсюда слѣдуетъ общій принципъ, что обращеніе къ закону за защитою заключаетъ въ себѣ большее зло, чѣмъ нарушеніе права, на которое приносится жалоба. А отсюда уже прямо выходитъ, что лучше всего не имѣть никакого суда! Чтобы избѣгнуть такой нелѣпости, утверждаютъ, что при настоящемъ порядкѣ вещей возстанавливаются всѣ значительныя несправедливости, — что дороговизна производства мѣшаетъ только незначительнѣйшимъ изъ нихъ попадать въ судъ и что слѣдовательно нельзя выводить приведеннаго здѣсь заключенія. Въ такомъ случаѣ остается одно изъ двухъ: нужно утверждать, что изъ девяти десятыхъ населенія, слишкомъ бѣднаго, чтобы обратиться къ помощи суда, никому не причиняется значительнаго гражданскаго оскорбленія; или нужно

утверждать, что не бываетъ случаевъ, гдѣ съ человѣкомъ поступаютъ такъ несправедливо, что доводятъ его до крайней бѣдности и лишаютъ его этимъ возможности отыскивать свои права по суду,—хотя это значитъ отвергать очевидное, такъ какъ именно такимъ путемъ наносятъ самыя тяжкія оскорбленія. Въ то же время нужно отвергать, что абсолютно незначительныя несправедливости, причиняемыя массамъ, не имѣютъ относительно важнаго значенія, что также противно очевидности.

Но это еще не все. Нѣтъ никакой необходимой связи между доступностью суда и увеличеніемъ числа тяжбъ. Доступность можетъ привести и къ противоположному результату. Такое предсказаніе уничтожается общей ошибкой при подобныхъ расчетахъ. Когда опредѣляютъ послѣдствія какого-нибудь новаго учрежденія, то обыкновенно предполагаютъ, что всѣ прочія обстоятельства останутся въ томъ же видѣ: въ этомъ-то предположеніи именно и заключается ошибка. Предполагается, что при введеніи дешеваго суда нарушенія правъ будутъ такъ же часты, какъ теперь. Всякій безпристрастный наблюдатель долженъ убѣдиться, что большинство случаевъ нарушенія гражданскихъ правъ совершается въ настоящее время вслѣдствіе недѣйствительности судебной защиты: «Плохой судъ плодитъ несправедливость» (For sparing justice feeds iniquity). Если мошенникъ знаетъ, что его трудно уличить, то это соблазняетъ его мошенничать. Если бы судъ не былъ такъ дорогъ и правосудіе такъ шатко, то нечестные купцы никогда бы не рѣшались на множество нарушеній справедливости, которыя допускаются ими теперь. Богатые не обижали бы бѣдныхъ, если бы обиженные имѣли практическія средства для защиты. Посмотрите, сколько безнаказанности наши судебныя учрежденія обѣщаютъ человѣку, который задумалъ обидѣть своего ближняго. Если жертва, на которую онъ обратилъ свое взгляды, бѣдна, то, по всей вѣроятности, она не будетъ начинать тяжбы—вотъ первое поощреніе. Если жертва имѣетъ достаточно денегъ, но, подобно огромному множеству людей, очень боится суда, то она, по всей вѣроятности, перенесетъ судьбу безъ сопротивленія—вотъ второе поощреніе. Наконецъ нашему прайдохѣ извѣстно, что если жертва рѣшится на искъ, то судебныя рѣшенія подвержены большимъ случайностямъ, и

ловкій совѣтъ можетъ часто дать виноватому возможность освободиться—въ этомъ еще болѣе поощренія. Сообразивъ такимъ образомъ всѣ обстоятельства, онъ рѣшается рискнуть. Онъ бы на это никогда не рѣшился, если бы законное покровительство было сколько-нибудь дѣйствительно. Если бы судъ былъ быстрый, безвозмездный и надежный, то исчезли бы всѣ эти возможности и вѣроятности, которыя соблазняютъ нынѣ на беззаконныя дѣла. Почти прекратились бы умышленно совершаемыя нарушенія гражданскихъ правъ. Къ суду обращались бы только тогда, когда обѣ стороны искренно почитаютъ свое дѣло правымъ, а число подобныхъ случаевъ сравнительно незначительно. Если бы легко было добиться суда и правды, то число тяжбъ не только не увеличилось бы, но, по всей вѣроятности, оно бы уменьшилось.

§ 6. Степень, до которой отношенія между людьми справедливы или несправедливы, зависитъ не отъ той или другой системы суда. Корни тутъ несравненно глубже. Народныя свойства рѣшаютъ дѣло относительно формъ суда точно такъ же, какъ и относительно образа правленія. Сила какого-нибудь механическаго устройства зависитъ не отъ достоинствъ его рисунка, а отъ твердости матеріаловъ. Если механикъ не сообразилъ, выдержатъ ли отдѣльныя части сдѣланнаго имъ механизма упирающую на нихъ силу, то мы назовемъ его незнающимъ своего дѣла, хотя бы планъ составленъ былъ имъ превосходно, расположеніе частей было прекрасное и равновѣсіе силъ совершенное. То же самое можно сказать и о томъ, кто создаетъ учрежденія. Если народъ, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, не имѣетъ требуемыхъ свойствъ, то самая ловкая комбинація не приведетъ ни къ чему. Намъ никогда не слѣдуетъ забывать, что учрежденія создаются изъ людей, что люди тутъ—столбы, болты, связи и прочія части, составляющія механизмъ; группируйте и связывайте ихъ какъ вамъ угодно, но въ окончательномъ результатѣ успѣхъ и неуспѣхъ учрежденія будетъ все-таки зависѣть отъ ихъ природы. Всегда есть извѣстный предѣлъ наименьшаго сопротивленія; если люди недостаточно развиты, то они уступятъ на этомъ предѣлѣ; уступивъ, они опустятся къ состояніямъ, требующимъ отъ нихъ меньшаго напряженія силъ. Все это, между прочимъ, можно отнести и къ судебному устройству. Какъ бы оно ни было превосходно заду-

мано, но результаты его будутъ хороши только въ той же мѣрѣ, въ какой самъ народъ хорошъ. Орудія, которыми оно дѣйствуетъ—судьи, присяжные, констэбли, тюремщики и т. д. — все это единицы изъ народа: въ среднемъ уровнѣ, они будутъ имѣть тѣ же самыя несовершенства, которыми отличается народъ; какъ бы ни было совершенно устройство, которое имъ придется приводить въ исполненіе, но недостатки ихъ характера сведутъ его къ среднему нравственному уровню общества.

Обыкновенно не обращаютъ вниманія на то, что судъ можетъ быть хорошъ только въ той именно степени, въ какой люди сдѣлались справедливыми. «Будь только у нихъ судъ присяжныхъ!» — говорятъ нѣкоторые, разсуждая русскихъ. Но вѣдь они не могутъ его имѣть. Онъ не можетъ существовать между ними. Если бы онъ и былъ учрежденъ, то онъ бы не дѣйствовалъ. У нихъ не достаетъ той честности и правдивости, которая необходима для его успѣха. Чтобы быть годнымъ, это учрежденіе, точно такъ же какъ и всякое другое, должно быть произведеніемъ народныхъ свойствъ. Не учрежденіе присяжныхъ производитъ справедливость, но чувство справедливости порождаетъ учрежденіе присяжныхъ и создаетъ изъ него органъ, посредствомъ котораго оно проявляется: органъ этотъ не можетъ дѣйствовать, если нѣтъ того чувства, для котораго онъ долженъ служить проводникомъ. Эти соціальныя формы, которыя намъ кажутся такими существенными, имѣютъ вполнѣ второстепенное значеніе. Что выигрывали римскіе плебеи отъ того, что они имѣли извѣстныя преимущества, если патриціи могли мѣшать имъ пользоваться этими преимуществами, если они могли ихъ даже замучивать до смерти? Какую пользу могли принести нѣкоторые справедливые законы, находившіеся въ нашей книгѣ статутовъ,—какую пользу могли принести чиновники, назначенные для исполненія этихъ законовъ, если нужно было требовать посредствомъ Великой Хартіи, чтобы справедливость не продавалась, не откладывалась и чтобы въ ней не отказывали? Даже въ настоящее время какая польза отъ того, что люди признаны равными передъ закономъ, если судьями управляютъ ихъ симпатіи къ извѣстнымъ классамъ общества, если они съ джентльменомъ обращаются съ меньшею строгостью, чѣмъ съ ремесленникомъ? Мы же-

стоко ошибаемся, если полагаемъ, что мы, по нашему произволу, можемъ улучшить отношеніе людей. Сэръ Джемсъ Макинтошъ говоритъ о конституціяхъ, что онѣ не дѣлаются, но ростутъ,—то же самое можно сказать о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ Несправедливо, будто однажды люди сказали: «Да будетъ законъ»—и явился законъ. Отправленіе суда было сначала непримѣнимо, утопично: примѣнимость его увеличивалась только по мѣрѣ того, какъ люди дѣлались менѣе дикими. Старая система рѣшенія споровъ посредствомъ поединка и новая чрезъ посредничество государства существовали рядомъ во всѣ времена. Мало-по-малу одна оттѣсняла другую, перерастала ее. Только послѣ того, какъ уже сдѣлано было нѣсколько шаговъ впередъ, гражданская власть была признана всѣми за охранителя правъ. Феодальный баронъ со своими замками и своею дружиною самъ защищалъ свои права: онъ счелъ бы для себя униженіемъ просить законной помощи. Даже послѣ того, какъ онъ призналъ своего сюзерена высшимъ посредникомъ, онъ продолжалъ защищать свое дѣло на бранной аренѣ силою своей руки и своего копья. Припомнимъ, что подобные обычаи до сихъ поръ существуютъ и между лордами и между работниками; — что до сихъ поръ считается позорнымъ для джентльмена прибѣгать къ суду, чтобы уклониться отъ дуэли;—что народъ до сихъ поръ имѣетъ свои кулачные бои, которые онъ старается скрывать отъ полиціи, — и мы убѣдимся, что система суда не можетъ сдѣлаться дѣйствительною прежде, чѣмъ люди сдѣлаются хорошими. Только послѣ того, какъ общественная нравственность пріобрѣтетъ силу, гражданская власть можетъ сдѣлаться достаточно могущественною, чтобы выполнять самыя простыя свои отправленія. До этого она не можетъ даже сдерживать бандитовъ: повсемѣстно ей продолжаются пограничные набѣги; на нее нападаютъ въ ея собственныхъ укрѣпленіяхъ,—подобные примѣры случались у насъ еще два столѣтія тому назадъ— припомнимъ уайтфрайерскихъ воровъ. При старинныхъ правительствахъ, творившіе судъ были скорѣе врагами, чѣмъ друзьями общества; законныя формы обыкновенно употреблялись для цѣлей притѣсненія. Дѣла рѣшались по протекціи, за взятки, и по интригамъ, выходившимъ изъ передникъ важныхъ лицъ. Судебное учрежденіе не выносило тяжести

своего дѣла. Іонафанъ Вильдъ, судья Джефрисъ и даже лордъ-канцлеръ Бэконъ служатъ для насъ доказательствомъ, что вообще растлѣніе, распространенное въ народѣ, дѣлаетъ недѣйствительными отдѣльныя отрасли суда.

Дѣйствительность современныхъ и будущихъ судебныхъ учрежденій, конечно, должна опредѣляться тѣми же самыми вліяніями. О нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ мы можемъ сказать то, что Эмерсонъ весьма удачно выразилъ по отношенію ко всякимъ учрежденіямъ вообще: они приблизительно хороши, насколько свойства людей дозволяютъ имъ быть хорошими. Если мы читаемъ объ оранжескихъ судьяхъ, которые являются скорѣе притѣснителями, чѣмъ защитниками; о полисменахъ, которые дѣйствуютъ на основаніи тайнаго уговора, чтобы добиваться осужденій и получать за это повышенія: о судѣ, называвшемся дворцовымъ судомъ, гдѣ судьи старались рѣшать въ пользу просителя для того, чтобы тяжущіеся начинали у нихъ иски: то мы убѣждаемся, что и теперь, какъ и въ прежнія времена, справедливость въ судахъ страдаетъ отъ безнравственности вѣка. Несмотря на это, вѣроятно, что мы созрѣли для лучшихъ учрежденій, чѣмъ тѣ, которыми пользуемся. Это доказывается всеобщимъ неудовольствіемъ, съ которымъ смотрятъ на современное состояніе, — настроеніе это предсказываетъ перемѣну. Невѣроятно однако же, чтобы изложенный выше порядокъ отправленія суда былъ осуществимъ въ настоящее же время. Онъ даже еще не признанъ въ теоріи, и современное населеніе стоитъ гораздо ниже того положенія, которому свойственны подобныя учрежденія. Это однако же вовсе не основаніе для того, чтобы не добиваться признанія подобныхъ учрежденій. То, что было сказано въ предыдущей главѣ о справедливомъ образѣ правленія, можно примѣнить здѣсь къ справедливой системѣ суда. Примѣнимость этого учрежденія опредѣляется возможностью его введенія мирнымъ путемъ.

§ 7. Хотя предыдущія соображенія и разсѣиваютъ туманъ политическихъ предразсудковъ, чрезъ который государство и зависящія отъ него учрежденія представляются въ такомъ искаженномъ видѣ, однако же они въ такомъ видѣ возбуждаютъ затруднительный вопросъ. Именно тогда, когда дикость и безчестность людей дѣлаетъ справедливый судъ наиболѣе необходимымъ, онъ невозможенъ: его удобопримѣнимость увели-

чивается только по мѣрѣ развитія въ людяхъ чувства справедливости. Когда правдивость сдѣлается всеобщимъ свойствомъ и дозволитъ судебнымъ учрежденіямъ достигнуть совершенства, тогда учрежденія эти очевидно должны оказаться излишними. Послѣ этого остается спросить, возможно ли вообще для государства отправленіе правосудія? Можетъ ли оно обезпечить для народа пользованіе своими правами въ большихъ размѣровъ, чѣмъ это возможно было бы для него безъ государственной помощи? Не слѣдуетъ ли намъ придти къ такому заключенію, что оно отнимаетъ у людей столько же свободы въ одномъ направленіи, сколько даетъ имъ въ другомъ? Не есть ли это мертвый механизмъ, созданный нравственнымъ чувствомъ народа,—механизмъ, который нисколько не увеличиваетъ и не уменьшаетъ силы этого нравственнаго чувства; который поэтому не въ состояніи измѣнить окончательныхъ результатовъ, порождаемыхъ чувствомъ?

Эта идея можетъ показаться очень странной; она даже озадачиваетъ съ перваго взгляда. Мы до такой степени привыкли разсматривать государство какъ охранительное учрежденіе, что постоянно забываемъ, до какой степени оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ орудіемъ для нарушенія правъ. Вопросъ, не равняются ли приблизительно благодѣтельныя послѣдствія отъ правъ, охраненныхъ государствомъ, вреднымъ послѣдствіямъ его нарушеній—кажется намъ смѣшнымъ. Однако же, если мы сличимъ долгъ съ платежомъ, то подобное сравненіе покажется гораздо менѣе нелѣпымъ. Мы не будемъ говорить о правительствахъ Востока, которыя за самыя ничтожныя услуги, оказываемыя ими при обезпеченіи безопасности, имѣютъ обыкновеніе захватывать всякаго рода собственность подъ разными предлогами, если несчастному владѣльцу не удалось успѣшно скрыть свое имущество; свои притѣсненія они доводятъ до того, что имъ приходится весною возвращать пахарю часть сѣмянъ, которыя ими отняты были у него осенью. Мы не будемъ говорить о средневѣковыхъ системахъ управленія, гдѣ человѣкъ долженъ былъ покупать покровительство, отказываясь отъ своей свободы. Мы изберемъ по возможности самыя благопріятныя положенія. Мы разсмотримъ относительно лучшія изъ извѣстныхъ намъ управленій: мы опредѣлимъ съ одной стороны оказанное благодѣяніе, а съ другой причиненное зло, и сравнимъ ихъ.

Къ дѣятельности, обязывающей гражданъ, нужно причислить дѣйствительныя мѣры, принимаемыя полиціею для огражденія личности и собственности и для предупрежденія оскорбленій: нужно принять также въ соображеніе ограждение отъ гражданскихъ оскорбленій, которое все же доставляется нашими судами, несмотря на всѣ ихъ недостатки, доставляется правда только отчасти. Ко всему этому нужно присовокупить обыкновенно присущее намъ сознаніе безопасности, которое даетъ намъ возможность безбоязненно посвящать себя ежедневнымъ заботамъ—это сознаніе, порождаемое въ насъ существованіемъ дѣятельной гражданской власти, имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ два предыдущихъ отправленія. Если мы сдѣлаемъ изъ этого значительный вычетъ, падающій на долю неудачной дѣятельности, то все-таки еще останется большой перевѣсъ добра, за который государство имѣетъ неоспоримое право требовать себѣ уваженія. Посмотримъ теперь другую сторону медали. На первомъ мѣстѣ стоитъ гигантская несправедливость, причиненная девятнадцати двадцатымъ общества, у которыхъ отнято поземельное владѣніе посредствомъ нарушенія права людей на пользованіе землею (глава IX): отвѣтственность за это должна лежать на гражданской власти, она отчасти даже участвуетъ въ пользованіи отобраннымъ, она сдѣлала этотъ захватъ законнымъ и защищаетъ его, какъ дѣйствительное право. Затѣмъ слѣдуетъ нарушеніе права большинства, подчиненнаго меньшинству и принуждаемаго къ повиновенію законамъ, на которые отъ него никогда не испрашивалось согласія. Къ этому нужно присовокупить тиранію, соединенную съ національной защитой—наборъ для флота и милиціи, вербовка солдатъ и матросовъ, которые должны постоянно отказываться отъ своей свободы и нерѣдко даже жертвовать своей жизнью. Слѣдуетъ также припомнить, что наши права нарушаются торговыми стѣсненіями: людямъ не только мѣшаютъ покупать и продавать тамъ, гдѣ они желаютъ, но имъ даже воспрещаютъ предаваться извѣстнымъ занятіямъ прежде, чѣмъ они купятъ у правительства дозволеніе. Не нужно забывать также наказанія и пени, которыя до послѣдняго времени имѣли такое важное значеніе нарушая религіозную свободу; ассоціація для уничтоженія государственной церкви показываетъ, что эти наказанія и пени вовсе не исчезли. Къ этимъ нарушеніямъ нашихъ правъ

должно прибавить множество мелкихъ стѣсненій, которыми мы окружены, и все это сопровождается никогда не прекращающимися набѣгами на нашу собственность чрезъ посредство сборщиковъ податей, таможенныхъ и акцизныхъ чиновниковъ, церковныхъ старостъ и собирающихъ подать для бѣдныхъ. Зло мы должны измѣрять тѣми предѣлами, какими оно ограничиваетъ дѣятельность способностей; съ этой точки зрѣнія мы сложимъ все, что перечислили по отношенію къ полезной и вредной дѣятельности государства, и сравнимъ между собою полученныя суммы. Съ одной стороны государство отчасти спасаетъ насъ,—замѣтьте, только отчасти,—отъ нападеній, грабежей, убійствъ, мошенничества и тому подобныхъ насилій и обидъ, которымъ подвергала бы насъ существующая между людьми безнравственность, не будь этого учрежденія. Размѣръ этихъ правонарушеній нужно распредѣлить между всѣмъ обществомъ и на протяженіи жизни каждаго гражданина и затѣмъ создать себѣ понятіе о среднемъ уровнѣ ограниченій для свободной дѣятельности, которыя были бы ими произведены. Съ другой стороны, само государство нарушаетъ человѣческую свободу, монополизируя землю, узурпируя власть, ограничивая торговлю, обращая въ рабство и обрекая на смерть тысячи солдатъ, разоряя сотни, которыхъ оно должно было защитить, покровительствуя извѣстной вѣрѣ и извѣстнымъ классамъ, налагая обязательное исполненіе общественныхъ должностей, налагая болѣе незначительныя стѣсненія, слишкомъ многочисленныя для того, чтобы ихъ можно было перечислить. Кромѣ того—и всего болѣе—оно обременяетъ гражданъ безжалостными поборами, которые у семи восьмыхъ всей націи отнимаютъ значительную часть дохода и безъ того недостаточнаго для самаго необходимаго. Эти сборы въ большихъ размѣрахъ и весьма дѣйствительно ограничиваютъ сферу, необходимую для развитія дѣятельности и естественныхъ свойствъ гражданъ. Теперь намъ слѣдуетъ эти многочисленныя ограниченія свободной дѣятельности способностей привести къ такому же среднему уровню, какъ и предыдущія, и затѣмъ задать себѣ вопросъ, равны ли эти среднія выводы или нѣтъ. Неужели подобный вопросъ дѣйствительно такъ не раціоналенъ?—Развѣ отвѣтъ на него не возбуждаетъ сомнѣній?

Нисколько; если взглядѣться въ дѣло хорошенько, то

отвѣтъ даже не сомнителенъ. Вполнѣ вѣрно, что правительство вовсе не въ состояніи измѣнить общій размѣръ совершаемыхъ несправедливостей. Нелѣпо было бы предположить, что оно можетъ это сдѣлать,—что посредствомъ какого-нибудь искусственнаго хитросплетенія мы можемъ избѣгнуть послѣдствій, вытекающихъ изъ нашей собственной природы. Чудеса какія, при поверхностномъ взглядѣ, повидимому производитъ гражданская власть, совершаются ею точно такъ же, какъ фокусникомъ его сверхъестественные подвиги. Для человѣка невозможно создать силу. Онъ можетъ только измѣнить способъ ея проявленія, дать ей другое направленіе, распредѣлить ее. Сила, которая двигаетъ его пароходами и локомотивами, не создана имъ: вся она лежала въ бездѣятельномъ состояніи въ каменноугольныхъ копяхъ. Онъ телеграфируетъ посредствомъ силы, которая освобождается во время окисленія цинка: эта сила не можетъ доставить болѣе того, что дается числомъ соединяющихся атомовъ. Даже энергія, которую онъ обнаруживаетъ двигая своею рукою, производится химическимъ средствомъ, лежавшимъ въ той пищѣ, которую онъ ѣлъ. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это воспользоваться силами, оставшимися въ бездѣйствіи. Это настолько же справедливо по отношенію къ этикѣ, насколько и по отношенію къ физикѣ. Нравственное чувство есть сила. Посредствомъ этой силы дѣйствія людей удерживаются въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ границахъ: никакой законодательный механизмъ не можетъ увеличить ея результаты ни на іоту. Размѣръ, въ которомъ эта сила недостаточна, будетъ соотвѣтствовать размѣру, въ которомъ ея дѣло останется не сдѣланнымъ. Мы должны страдать въ томъ же самомъ размѣрѣ въ которомъ у насъ не достаетъ качествъ, требуемыхъ нашимъ положеніемъ. Природу нельзя обойти. Человѣкъ, который вздумалъ бы избавиться отъ вліянія силы тяжести, поставивъ свои члены въ какое-нибудь особое положеніе, будетъ разочарованъ точно такъ же, какъ и тѣ, которые надѣются избѣгнуть вѣса своей испорченности посредствомъ политической организаціи какого-нибудь рода. Сознательно или безсознательно, тѣмъ или другимъ путемъ, — но каждая частица зла должна явиться въ свѣтъ: она проявится или въ осязательной формѣ, или подъ какимъ-нибудь покровомъ. Философскій камень конституціи не можетъ породить золотое

поведеніе посредствомъ свинцовыхъ инстинктовъ. Никакой аппаратъ изъ сенаторовъ, судей и полицейскихъ не можетъ замѣнить недостатокъ внутренняго чувства, которое управляетъ нами. Никакая законодательная работа не можетъ вытянуть недостаточную нравственность до того, что она сдѣлается достаточною. Самая ловкая административная штука не спасетъ насъ отъ самихъ себя.

Не значитъ ли это, что правительство вовсе не можетъ приносить пользы? Отнюдь нѣтъ. Оно не можетъ измѣнить общаго размѣра несправедливости, которую придется перенести, но оно можетъ измѣнить ея распредѣленіе. Такое измѣненіе и составляетъ то, что оно дѣлаетъ. Съ помощью правительства, люди равномѣрнѣе распредѣляютъ зло, которое имъ приходится переносить; они разсыпаютъ его болѣе единообразно по всему обществу и на протяженіи жизни каждаго гражданина. Полная свобода дѣятельности способностей, прерываемая полнымъ лишеніемъ этой свободы и стѣсняемая постояннымъ опасеніемъ такого лишенія, замѣняется здѣсь постояннымъ, но зато неполнымъ ограниченіемъ свободы. Вмѣсто единовременныхъ потерь жизни, членовъ и всѣхъ средствъ существованія, которымъ каждый можетъ подвергнуться въ состояніи анархіи и которымъ многіе подвергаются,—люди, при политической организаціи, переносятъ постоянныя нарушенія своихъ правъ, но въ формѣ болѣе мягкой. Зло, которое прежде было случайно, но совершенно уничтожало, теперь постоянно, но зато сносно. Это система взаимнаго застрахованія противъ нравственныхъ бѣдствій. Люди не могутъ предупредить пожаровъ и кораблекрушеній, но они охраняютъ другъ друга противъ разоренія тѣмъ, что несутъ убытки сообща и распредѣляютъ вредъ, ими причиненный, на продолжительные періоды времени. Точно такъ же люди, соединяясь для созиданія судебныхъ учрежденій, не могутъ уменьшить объема несправедливости, которую имъ придется перенести, но они могутъ застраховать другъ друга противъ ея роковыхъ результатовъ и дѣлаютъ это.

§ 8. Утверждая, что существенное отправленіе государства состоитъ въ огражденіи людей, въ охраненіи ихъ правъ и въ осуществленіи закона равной свободы, мы чрезъ это не только налагаемъ на него обязанность ограждать каждаго гражданина отъ нарушеній его правъ сосѣдомъ, но и защи-

щать его, наравнѣ со всѣмъ обществомъ, противъ внѣшнихъ нападеній. Внѣшняя сила можетъ нарушить права народа настолько же, или гораздо болѣе, чѣмъ шайка преступниковъ, поэтому правительство должно защищать гражданъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Защиты,—вотъ чего добиваются люди создавая политическую комбинацію; она должна быть оказана противъ всякихъ враговъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что война безнравственна. Но также безнравственно и насиліе, употребляемое при исполненіи судебныхъ рѣшеній; также безнравственно и всякое принужденіе. Нравственный законъ точно такъ же несомнѣнно нарушенъ дѣйствіемъ судебной власти, какъ и дѣйствіемъ защищающейся арміи. Въ принципѣ нѣтъ никакой разницы между ударомъ полицейскаго жезла и между ударомъ солдатскаго штыка. Оба они заключаютъ въ себѣ нарушеніе равной свободы по отношенію къ лицу, противъ котораго они направлены. Въ обоихъ случаяхъ у насъ оказывается достаточно силы, чтобы заставить себѣ покориться, и не все ли равно, будетъ ли употреблена эта сила человѣкомъ въ синемъ или въ красномъ мундирѣ? Полисмены—это солдаты, которые дѣйствуютъ по одиночкѣ; солдаты—это полисмены, которые дѣйствуютъ сообща. Первыхъ правительство употребляетъ для нападенія на десять тысячъ преступниковъ, которые ведутъ одиночную войну противъ общества; оно обращается къ послѣднимъ, если ему угрожаетъ столько же преступниковъ въ видѣ регулярнаго войска. Итакъ сопротивленіе внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ имѣетъ одну и ту же цѣль—огражденіе правъ людей, оно производится тѣми же самыми средствами—силою, оно однородно и по своей природѣ; одно не заслуживаетъ большаго порицанія, чѣмъ другое. Ужасы поля сраженія обнаруживаютъ въ концентрированномъ видѣ ту же самую безнравственность, которая вообще присуща правительству и связана со всѣми его отправленіями. То, что такъ ясно обнаруживается во время военныхъ дѣйствій, одинаково справедливо и по отношенію къ гражданскимъ—зло дѣлается для того, чтобы побороть зло.

Оборонительная война—единственная, къ которой относятся вышеизложенныя разсужденія. Ее необходимо терпѣть какъ наименьшее изъ двухъ золъ. Есть люди, которые по-

рицаютъ ее безусловно и полагаютъ, что иностранное нашествіе нужно встрѣчать отсутствіемъ сопротивленія. Противъ такого мнѣнія можно сдѣлать различныя возраженія.

Во-первыхъ, дѣйствуя послѣдовательно, они должны вести себя точно такимъ же образомъ и относительно своихъ согражданъ. Они не только должны переносить мошенничество, нападеніе, грабежъ, раны, не оказывая никакого дѣятельнаго сопротивленія, но они должны отказываться отъ всякой помощи со стороны гражданской власти, потому что тотъ, кто дѣйствуетъ силой чрезъ посредство своего ближняго, несетъ за это столько же отвѣтственности, какъ если бы сила эта была употреблена имъ самимъ.

Съ точки зрѣнія установленія между людьми и націями мирныхъ отношеній, такое ученіе должно казаться излишнимъ и утопическимъ. Если всѣ согласятся не нападать, то они настолько же будутъ въ мирѣ другъ съ другомъ, какъ и тогда, когда они всѣ рѣшатся не сопротивляться. Такимъ образомъ ученіе, воспрещающее сопротивляться, налагая на людей крайне тягостную обязанность, оказывается по своему существу не болѣе дѣйствительнымъ для прекращенія войны, какъ и ученіе, воспрещающее нападать.

Сверхъ того принципъ, воспрещающій сопротивленіе, нельзя вывести изъ нравственнаго закона. Нравственный законъ говоритъ: не нападайте. Онъ не можетъ сказать—не сопротивляйтесь; потому что сказать это значило бы предположить, что его предписанія нарушены. Мы уже объяснили (глава I), что нравственность опредѣляетъ образъ дѣйствій совершенныхъ людей; она не можетъ обсуждать обстоятельства, вытекающія изъ несовершенства. То правило, которое достигнетъ всеобщаго распространенія, когда люди будутъ тѣмъ, чѣмъ они должны быть, должно быть справедливымъ правиломъ—не правда ли? Наоборотъ, правило, которое, при подобномъ положеніи, сдѣлается неисполнимымъ, будетъ ложное? Прекрасно. При идеальномъ состояніи всѣ будутъ повиноваться закону, воспрещающему нападать—это будетъ жизненный принципъ поведенія всякаго человѣка—его будутъ вполнѣ выполнять, онъ будетъ жить и править людьми; въ то же время при подобномъ состояніи законъ, воспрещающій сопротивляться, неизбѣжно сдѣлается мертвой буквой.

Наконецъ можно доказать, что воспрещеніе сопротивленія

заключаетъ въ себѣ абсолютное зло. Намъ не слѣдуетъ безразборно оставлять свои права. Намъ не слѣдуетъ передавать свое прирожденное право для достиженія мира. Мы настолько же обязаны уважать справедливыя требованія другихъ людей, насколько мы должны защищать свои собственныя. То что священно въ лицѣ другихъ людей, священно и въ нашей собственной личности. Развѣ въ насъ нѣтъ способности которая заставляетъ насъ чувствовать и искать своего права на свободу дѣйствія, и тѣмъ самымъ, въ силу рефлективной дѣятельности, даетъ намъ возможность понимать и оцѣнивать равное право нашихъ ближнихъ? Развѣ мы не убѣждаемся, что эта послѣдняя способность можетъ дѣйствовать съ надлежащей силой по отношенію къ другимъ только тогда когда она сильно проявляется по отношенію къ намъ самимъ (гл. V, § 6)? Развѣ возможно утверждать, что намъ слѣдуетъ внимательно прислушиваться къ ея симпатическимъ внушеніямъ и пренебрегать внушеніями, прямо до насъ касающимися? Разсуждая такимъ образомъ, мы должны предполагать что въ нравственной природѣ человѣка заключается неизлечимый недостатокъ; нужно предположить, что то же самое чувство, которое въ одномъ случаѣ должно руководить нами будетъ сбивать насъ въ другомъ. Нѣтъ, намъ не слѣдуетъ оставаться бездѣятельными, когда на насъ нападаютъ. Только при надлежащемъ охраненіи нашихъ правъ для насъ возможно будетъ исполненіе всѣхъ нашихъ обязанностей. Безъ свободы дѣйствія, безъ правъ, мы не можемъ вполнѣ упражнять наши способности; если мы не можемъ вполнѣ упражнять нашихъ способностей, то мы не можемъ исполнять волю Божію; если мы дозволимъ лишать себя того, безъ чего мы не можемъ выполнять воли Божіей, то мы на дѣлѣ пренебрегаемъ этой волей.

Но какъ же, вѣдь всякое принужденіе безнравственно Развѣ отсюда не слѣдуетъ, что безнравственно употреблять насиліе для того, чтобы сопротивляться нарушающимъ наши права? Безъ всякаго сомнѣнія. Итакъ, что бы мы ни выбрали во всякомъ случаѣ мы поступимъ дурно? Совершенно такъ законъ справедливаго образа дѣйствія нарушенъ, и за нимъ слѣдуетъ безвыходное затрудненіе. Дѣйствіе и противодѣйствіе должны быть равны. Ударъ, нанесенный нравственности в лицѣ оскорбленнаго, не можетъ закончить дѣла: за нимъ

неизбѣжно должно слѣдовать отраженіе. Первое зло порождаетъ равносильное ему второе, и это второе послѣдуетъ во всякомъ случаѣ—будетъ ли сопротивленіе или не будетъ его. Такое положеніе покажется страннымъ и, можетъ быть, многіе встрѣтятъ его съ недовѣріемъ; несмотря на то, его слѣдуетъ сдѣлать. Все, что мы можемъ сказать объ этомъ кажущемся парадоксѣ—это то, что онъ намъ показываетъ, какой нравственный хаосъ порождается въ дѣйствіяхъ, когда правильное равновѣсіе людскихъ отношеній однажды нарушено.

Все это приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію,—принципъ, воспрещающій сопротивленіе, не вѣренъ съ нравственной точки зрѣнія: вѣренъ только принципъ, воспрещающій нападеніе. Слѣдовательно, правительство можетъ по справедливости защищаться противъ иностраннаго нашествія. Такой образъ дѣйствія, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть признанъ преступнымъ съ отвлеченной точки зрѣнія, но преступность эта точно такая же, какъ и та, которая заключается въ отправленіи правосудія,—это та же самая преступность, которой правительство служитъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

§ 9. Что касается до международнаго посредничества, то о немъ можно сказать то же самое, что и о свободной конституціи, о хорошей системѣ судебнаго устройства,—возможность осуществленія въ этомъ случаѣ есть вопросъ времени. Тѣ же самыя причины, которыя когда-то дѣлали всякое правительство невозможнымъ, служили до настоящаго времени препятствіемъ къ его распространенію до такихъ обширныхъ размѣровъ. Федерація народовъ, всемірная община могутъ существовать только тогда, когда приспособленіе людей къ общественному состоянію достигнетъ значительнаго совершенства. Мы уже увидѣли (гл. XVIII, § 3), что на первой ступени цивилизаціи возможны только незначительныя общины, потому что расталкивающая сила слишкомъ велика, а притягивающая слишкомъ слаба. Измѣненіе въ свойствахъ людей дѣлаетъ постепенно изъ трибъ, сатрапій, родовъ, феодальныхъ владѣній—государства и народы: дальнѣйшее измѣненіе въ этихъ свойствахъ приведетъ и къ дальнѣйшему распространенію союза. Кажется вѣроятнымъ, что уже близко время, когда это осуществится. Объ этомъ можно заключить по тому, какъ благопріятно смотрятъ теперь на подобное учреж-

деніе. Его осуществленіе предвѣщается сознаніемъ того, какъ оно было бы желательно. Мы видимъ, что человѣчество быстро дорастаетъ до такого осуществленія; на это указываютъ намъ лиги всеобщаго мира, предложенія одновременнаго обезоруженія, международные адресы, постоянное учащеніе дружескихъ отношеній. Хотя братство народовъ и оказывалось неисполнимымъ до сихъ поръ;—хотя, можетъ быть, оно неисполнимо и въ настоящій моментъ; но оно сдѣлается исполнимымъ чрезъ усилія, которыя для этого употребляются. Филантропическій энтузіазмъ, надъ которымъ такъ смѣется наша свѣтская мудрость, составляетъ существенную часть того процесса, который долженъ привести къ желаемой цѣли. Можетъ быть одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ признаковъ приближающейся перемѣны заключается въ распространенности вышеизложеннаго ученія о незаконности сопротивленія. Конечно, нѣтъ ничего утѣшительнаго въ томъ, что между нами размножаются люди, которые забываютъ свои обязанности относительно самихъ себя, чтобы принять это ультрагуманное ученіе. Тѣмъ не менѣе,—какъ ни велика нездравость этого ученія, но оно выходитъ изъ хорошаго источника. Это не иное что, какъ чрезмѣрное проявленіе той симпатіи, которая превращаетъ дикаря въ человѣка, созданнаго для общества,—которая изъ грубаго дѣлаетъ снисходительнаго, изъ несправедливаго правдиваго. Вмѣстѣ съ другими признаками времени оно предвѣщаетъ приближеніе лучшихъ отношеній между народами. Обращая свои взоры къ какому-нибудь всеобъемлющему федеральному учрежденію, мы не должны забывать, что устойчивость такой сложной политической организаціи требуетъ приспособленія къ нему не только одной, но многихъ націй.

ГЛАВА XXII.

Предѣлы обязанностей государства.

§ 1. Каждое отправленіе должно имѣть свой органъ и каждый органъ долженъ имѣть свое отправленіе,—вотъ законъ всякой организаціи. Чтобы дѣло было сдѣлано хорошо, аппаратъ долженъ имѣть особую приспособленность къ этому дѣлу; такая приспособленность приводитъ къ неспособности исполнять всякое другое дѣло. Легкія не могутъ переваривать пищу, сердце не можетъ дышать, желудокъ не можетъ обращать кровь. Каждый мускулъ, каждая железа должны имѣть свой особенный нервъ. Каждый фибръ въ тѣлѣ имѣетъ свой каналъ, по которому до него доходитъ пища, и другой, по которому эта пища уходитъ; онъ имѣетъ дѣятеля, который заставляетъ его усвоить эту пищу,—дѣятеля, который заставляетъ его исполнять его особое отправленіе; онъ снабженъ механизмомъ для удаленія негодной матеріи; всѣ эти части для него крайне необходимы и безъ каждой изъ нихъ онъ не можетъ обойтись. Существенная разница, которую мы находимъ между созданіями низшаго и высшаго типа, заключается въ томъ, что въ однихъ для жизненной дѣятельности нужны не многіе простые агенты, тогда какъ въ другихъ каждое изъ жизненныхъ отправленій разлагается на множество сложныхъ частей и каждая изъ этихъ частей имѣетъ особаго для себя дѣятеля. Тотъ же самый принципъ мы видимъ въ организаціяхъ другого порядка. Фабрикантъ, употребляя каждаго работника для отдѣльнаго дѣла, можетъ значительно увеличить производительную силу всего заведенія, и въ этомъ случаѣ онъ будетъ дѣйствовать на основаніи того же самаго правила,—для каждаго отправленія ну-

женъ отдѣльный органъ. Если мы сравнимъ коммерческое устройство деревни съ такимъ же въ городѣ, то мы найдемъ, что въ деревнѣ мелочной торговецъ торгуетъ всѣмъ, а въ городѣ купецъ посвящаетъ себя лишь торговлѣ извѣстнаго рода: отсюда мы заключаемъ, что аппаратъ высшаго развитія для распредѣленія удобствъ жизни отличается раздѣленіемъ на спеціальности. Языкъ представляетъ собою примѣръ той же самой истины. Въ первобытномъ своемъ состояніи онъ состоитъ изъ простыхъ неопредѣленныхъ словъ, употребляемыхъ безразлично для выраженія разнородныхъ мыслей и понятій; въ современномъ своемъ видѣ, онъ состоитъ изъ многочисленныхъ частей рѣчи. Процессъ развитія тутъ приводилъ къ тому, что слова постепенно раздѣлялись на классы, предназначенные для различныхъ цѣлей. Языкъ дѣлается все болѣе способнымъ къ исполненію своего назначенія только по мѣрѣ того, какъ совершался этотъ ходъ развитія.

Нельзя ли послѣ этого подозрѣвать, что предназначеніе отдѣльнаго отправленія для каждаго отдѣльнаго органа составляетъ необходимое условіе для годности всякаго устройства? Если мы съ началомъ этимъ встрѣчаемся всюду, куда бы мы ни обратили наше вниманіе,—если мы видимъ, что это законъ не только для организмовъ, создаваемыхъ природою, но и для организацій, которыя, вслѣдствіе нашего поверхностнаго взгляда на вещи, называются нами искусственными; то не слѣдуетъ ли предположить, что это по всей вѣроятности всеобщій законъ? Не будетъ ли онъ также и закономъ учрежденій? Не будетъ ли онъ закономъ государства? Не должны ли мы ожидать и по отношенію къ правительству, что спеціальное приспособленіе къ одной цѣли сдѣлаетъ неспособнымъ къ выполненію всякихъ другихъ? Точно такъ же вѣроятно, что, возлагая на правительство прибавочныя отправленія, придется пожертвовать надлежащимъ исполненіемъ его спеціальныхъ функцій. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что правительство не должно браться за такую прибавочную дѣятельность?

Но оставимъ въ сторонѣ аналогіи и разсмотримъ непосредственно, не теряетъ ли къ самомъ дѣлѣ государство возможности исполнять свое основное назначеніе, какъ скоро оно принимаетъ на себя какія-нибудь посторонніе обязанности.

Что мы называемъ государствомъ? Государство—это политическая ассоціація людей. Какимъ образомъ составлена эта ассоціація? Добровольно. Для какой цѣли? Для взаимной защиты. Итакъ вотъ наше опредѣленіе: государство есть общество людей, добровольно соединившихся для взаимной защиты. Слѣдовательно, при правильномъ устройствѣ, условія, среди которыхъ эта добровольная ассоціація предлагаетъ свои услуги, должны быть таковы, чтобы она была способна ограждать въ возможно большихъ размѣрахъ. Если она поступаетъ иначе,—если она сосредоточиваетъ свою дѣятельность на предметахъ несущественныхъ, которые помѣшаютъ нѣкоторымъ людямъ принимать ея услуги, или на предметахъ, которые безъ нужды будутъ компрометировать свободу людей, принявшихъ эти услуги, то она въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ явно измѣняетъ своему назначенію. Каждый разъ, когда государство принимаетъ на себя постороннее дѣло, оно поступаетъ именно такимъ образомъ. Люди, соединенные имѣетъ для извѣстнаго спеціальнаго назначенія, никогда не будутъ въ состояніи единодушно обратиться къ преслѣдованію другой цѣли. До тѣхъ поръ, пока наше товарищество взаимной защиты будетъ ограничиваться огражденіемъ правъ своихъ членовъ, оно можетъ быть увѣрено, что въ его составъ войдетъ вся нація: каждый нуждается въ подобной организаціи, и огромное большинство людей согласится пожертвовать чѣмъ-нибудь для того, чтобы доставить себѣ такую гарантію. Но лишь только прибавится къ этому то или другое постороннее отправленіе, какъ немедленно явится большее или меньшее разногласіе. Не согласное меньшинство будетъ вѣроятно состоять изъ партій: одна посмотритъ на задуманную новизну съ такимъ отвращеніемъ, что скорѣе будетъ готова отдѣлиться, чѣмъ согласиться на нововведеніе; болѣе многочисленная партія будетъ роптать на отягощеніе новыми поборами, для цѣли, исполненія которой она не желаетъ, но все-таки подчинится, не рѣшаясь лишиться выгодъ покровительства. Относительно обѣихъ этихъ партій государство не исполняетъ своихъ обязанностей. Одну оно отталкиваетъ отъ себя невыгодными условіями: у другой оно вымогаетъ излишнія пожертвованія сверхъ того, что необходимо для выполненія основного его отправленія: такимъ образомъ оно дѣлается нарушителемъ правъ, вмѣсто того, чтобы быть ихъ защит-

никомъ. Посмотрите, въ какомъ видѣ это дѣло представится, если на него смотрѣть съ точки зрѣнія отдѣльной личности.

«Въ настоящемъ году ваши поборы значительнѣе прошлогоднихъ—жалуется гражданинъ правительству.—Отчего это?

«Поборъ съ вашихъ доходовъ,—отвѣчаетъ правительство,—увеличился вслѣдствіе суммъ, вотированныхъ для устройства новыхъ школъ, для жалованья учителямъ и учительницамъ».

«Школы, учителя, учительницы—что мнѣ до нихъ за дѣло? Я полагаю, вы не обремените меня платою въ ихъ пользу?—Неужели вы это сдѣлали?»

«Да».

«На какомъ же основаніи,—я никогда васъ не уполномочивалъ на это?»

«Это такъ, но парламентъ, или другими словами большинство націи, рѣшилъ, что воспитаніе юношества должно быть возложено на насъ. Они уполномочили насъ на взиманіе такой суммы, какая необходима будетъ для выполненія этого порученія».

«Предположите однако же, что я хочу самъ наблюдать за воспитаніемъ своихъ дѣтей?»

«Вы это можете сдѣлать, если вамъ угодно; но вы должны платить за преимущество, которое мы вамъ предлагаемъ—все равно, воспользуетесь вы имъ, или нѣтъ. Вы должны платить даже и тогда, когда вы не имѣете дѣтей!»

«А если я откажусь?»

«Въ такомъ случаѣ намъ бы слѣдовало поступить на основаніи прежнихъ примѣровъ и наказать васъ. Но такъ какъ теперь обстоятельства перемѣнились, то мы объявимъ только, что вы отказались отъ покровительства законовъ».

«Нѣтъ, я не имѣю никакого желанія поступить такимъ образомъ; я не могу въ настоящее время обойтись безъ вашего покровительства».

«Прекрасно, въ такомъ случаѣ вы должны согласиться на наши условія, вы должны заплатить вашу долю въ новой подати».

«Посмотрите, въ какое вы меня ставите затрудненіе. Такъ какъ я не рѣшаюсь отказаться отъ покровительства, для котораго я вступилъ въ политическій союзъ, то я или долженъ отдать часть своей собственности ни за что, или—если я буду настаивать на полученіи какого-нибудь вознагражде-

нія—мнѣ придется отказаться отъ того, къ чему меня побуждаютъ естественныя мои наклонности. Послушайте, отвѣтите вы мнѣ на нѣсколько вопросовъ?»

«Безъ сомнѣнія».

«Какое ваше назначеніе въ качествѣ національной исполнительной власти? Не защита ли правъ тѣхъ, кѣмъ вы назначены, или, другими словами, не обезпеченіе ли каждому самой полной свободы при употребленіи своихъ способностей, пока такая свобода согласна съ равной свободой всѣхъ остальныхъ?»

«Да, было рѣшено такимъ образомъ».

«Было также постановлено, что вы можете уменьшать эту свободу лишь въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это необходимо для сохраненія остального. Не такъ ли?»

«Это—очевидно послѣдствіе перваго рѣшенія».

«Совершенно справедливо. Теперь позвольте васъ спросить, что такое эта собственность, эти деньги, которыя вы требуете отъ меня въ видѣ прибавочнаго налога? Развѣ это не именно то, что даетъ мнѣ возможность пріобрѣтать пищу, одежду, жилище, развлеченія,—словомъ то, отъ чего зависитъ дѣятельность громаднаго большинства моихъ способностей?»

«Конечно, то самое».

«Слѣдовательно, уменьшать мою собственность—это значитъ уменьшать мою свободу при употребленіи моихъ способностей—не такъ ли?»

«Очень ясно».

«Итакъ, этотъ новый вашъ налогъ на дѣлѣ уменьшитъ мою свободу при употребленіи моихъ способностей».

«Да».

«Очень хорошо, но развѣ вы теперь не видите тутъ противорѣчія? Вмѣсто того, чтобы меня защищать, вы нападаете на меня. Вы отнимаете то, что вы должны были гарантировать мнѣ и другимъ. Ваша спеціальная обязанность состоитъ въ наблюденіи, чтобы свобода каждаго человѣка при преслѣдованіи имъ предметовъ своихъ желаній оставалась не стѣсненною и чтобы она ограничивалась только равною свободою другихъ. Уменьшать размѣры этой свободы посредствомъ налоговъ или гражданскихъ стѣсненій въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ неизбѣжно для выполненія вами вашего назначенія—это дурно, это прямо противорѣчитъ вашему

назначенію. Вашъ новый налогъ уменьшаетъ эту свободу болѣе, чѣмъ безусловно необходимо, и слѣдовательно не можетъ имѣть оправданія».

Такимъ образомъ мы убѣждаемся въ томъ, что было сказано выше: какъ скоро государство выходитъ изъ роли защитника правъ, оно утрачиваетъ способность къ ихъ огражденію. Оно не можетъ покуситься ни на одну добавочную услугу безъ того, чтобы не произвести разногласія: сообразно размѣрамъ этого разногласія государство уклоняется отъ цѣли, для которой оно было учреждено. Если оно приметъ много добавочныхъ обязанностей, то едва ли окажется въ немъ хоть одинъ человѣкъ, который бы не протестовалъ противъ сборовъ, наложенныхъ для выполненія одной или нѣсколькихъ изъ нихъ;—не найдется, слѣдовательно, почти ни одного человѣка, относительно котораго государство не дѣлало бы въ извѣстной степени совершенно противоположнаго тому, для чего оно предназначено. Между тѣмъ существенно необходимо, чтобы было выполнено именно то, къ чему государство предназначено, потому что возможность общества является только при выполненіи этой обязанности: посторонніе же возложенныя на него вещи несущественны, такъ какъ общество можетъ обойтись и безъ нихъ. Существенное не должно приноситься въ жертву несущественному, а потому государство должно ограничиться охраненіемъ правъ.

§ 2. Можно утверждать, что зло, сдѣланное правительствомъ, въ томъ случаѣ, когда оно выходитъ за предѣлы своихъ первоначальныхъ обязанностей, только кажущееся. Если оно уменьшаетъ сферу дѣятельности человѣческой въ одномъ направленіи, то оно увеличиваетъ ее въ другомъ. Всѣ эти добавочныя отправленія, можетъ сказать возражающій, удовлетворяютъ потребностямъ общества тѣмъ или другимъ путемъ, слѣдовательно они помогаютъ людямъ выполнять свои желанія и такимъ образомъ доставляютъ имъ большую свободу для дѣятельности способностей. Если вы утверждаете, что, отнимая у человѣка его собственность, государство *уменьшаетъ* свободу дѣятельности его способностей, такъ какъ уменьшаетъ его средства для этой дѣятельности,—въ такомъ случаѣ вы по справедливости должны согласиться, что государство *увеличиваетъ* силу личности, по отношенію къ дѣятельности ея способностей, если оно доставляетъ

ей извѣстные предметы ея желаній, если оно устраняетъ препятствія, которыя отдѣляютъ ее отъ этихъ предметовъ, или если оно какимъ-нибудь другимъ способомъ помогаетъ ей достигать своихъ цѣлей. Въ этихъ случаяхъ государство на дѣлѣ увеличиваетъ свободу личности.

На все это слѣдуетъ отвѣтить, что если мы средства человѣка уменьшаемъ съ одной стороны, чтобы увеличить ихъ съ другой, то это будетъ добро, сопровождаемое зломъ. Мы не должны забывать, что если общество достигаетъ извѣстнаго результата посредствомъ правительства, то сила его при этомъ не только не увеличивается проходя чрезъ административный механизмъ, но уменьшается отъ тренія. Очевидно, что правительство не можетъ создать орудія для дѣятельности способностей, оно можетъ только дать имъ другое распредѣленіе. Не трудно сказать, что именно можно произвести посредствомъ такого искусственнаго устройства. Опредѣлите размѣръ возможностей для удовлетворенія своихъ потребностей, который отнятъ былъ у гражданина въ видѣ увеличенныхъ поборовъ; высчитайте значительный вредъ, происшедшій отъ оффиціальнаго вмѣшательства, и лишь изъ остального, преобразованнаго въ новую форму, составится то, что будетъ ему возвращено. Изъ всего этого выходитъ нѣчто приводящее къ утратамъ. Въ результатѣ оказывается, что если правительство покушается служить обществу, принимая на себя добавочныя отправленія, то оно не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ тѣмъ, которые на это несогласны: оно не вознаграждаетъ за такое неудобство тѣми прибавочными преимуществами, которыя доставляются остальнымъ: этимъ остальнымъ государство даетъ одною рукою менѣе, чѣмъ беретъ другою.

§ 3. Мало этого, дѣло въ сущности оказывается несравненно болѣе убыточнымъ, чѣмъ можно было бы подумать на основаніи всего, что сказано было выше. Выходитъ, что даже и то одолженіе со стороны правительства, о которомъ только-что шла рѣчь, есть не что иное, какъ иллюзія,—передъ нимъ стоитъ минусъ, можетъ быть, незамѣтный для массы, но достаточно ясный для того, кто подвергнетъ дѣло анализу. Эта верховная опека государства выражаетъ идею утилитарной философіи: по ея мнѣнію государство не только должно гарантировать людямъ безпрепятственную возможность отъ-

скивать свое счастье—оно должно продовольствовать ихъ этимъ счастьемъ и приносить его имъ на домъ. Нѣтъ положенія, которое бы въ большей мѣрѣ само разрушало себя, потому что оно болѣе всякаго другого расходится съ существомъ дѣла. Въ началѣ этой книги (Уч. о пр. ч., § 2) было уже объяснено, что человѣкъ есть собраніе силъ, приспособляющихъ его къ окружающимъ обстоятельствамъ. Каждая изъ этихъ силъ или способностей, при нормальномъ своемъ развитіи, доставляетъ ему посредствомъ своей дѣятельности такое удовлетвореніе, которое входитъ въ составъ его счастья. Въ то же время дѣятельность каждой способности служитъ къ поддержанію силъ всего человѣка; такимъ образомъ, она даетъ другимъ способностямъ случай въ свою очередь исполнять ихъ отправленія, такъ что каждая можетъ черезъ это доставлять ему удовольствіе. Если всѣ способности находятся въ здоровомъ другъ къ другу отношеніи, то каждая изъ нихъ служитъ всѣмъ и, обратно, всѣ вмѣстѣ поддерживаютъ каждую. Мы лишаемся возможности жить, если этотъ механизмъ оказывается недостаточно дѣйствительнымъ. Мы можемъ жить полною жизнью, то есть пользоваться полнымъ счастьемъ, только при полномъ соотвѣтствіи между способностями и потребностями. Выше было сказано, что совершенный человѣкъ это—человѣкъ, вполнѣ способный самъ себя удовлетворять,—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ приспособленный къ обстоятельствамъ,—человѣкъ съ такими желаніями, которыя побуждаютъ его ко всѣмъ дѣйствіямъ, выгоднымъ не только въ настоящее время, но и въ будущемъ. Понятно, что человѣкъ, который устроенъ такимъ правильнымъ образомъ, не требуетъ себѣ помощи. Дѣлать для него что-нибудь посредствомъ искусственнаго дѣятеля—это значитъ сокращать дѣятельность какой-либо изъ его силъ, оставлять эту силу безъ упражненія и уменьшать такимъ образомъ его счастье. Для правильно развитыхъ гражданъ помощь государства вдвойнѣ вредна. Оно обижаетъ ихъ и—тѣмъ, что отъ нихъ беретъ, и тѣмъ, что для нихъ дѣлаетъ. Требуя денегъ на содержаніе агентовъ, оно потребляетъ средства, необходимыя для упражненія извѣстныхъ способностей; а посредствомъ этихъ агентовъ вытѣсняетъ другія способности изъ предназначенной для ихъ дѣятельности сферы.

Но вѣдь люди не совершенны; вѣдь они не отличаются

здоровымъ развитіемъ; ихъ способности не находятся въ гармоніи съ ихъ потребностями: и при настоящемъ состояніи правительство, чрезъ свое вмѣшательство, не занимаетъ поле дѣятельности, необходимое для способностей». Совершенно справедливо; но если намъ прежде всего слѣдуетъ желать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ мы должны быть, то мы должны стараться достигнуть этой цѣли такъ скоро, какъ только возможно. Намъ слѣдуетъ ступить на путь приспособленія. Мы должны утрачивать свойства, приспособлявшія насъ къ первобытному состоянію; намъ нужно пріобрѣтать то, что дастъ намъ способности, необходимыя для настоящаго положенія. Итакъ слѣдуетъ спросить, облегчается ли эта перемѣна разсматриваемыми здѣсь механическими пріемами, которые должны помочь нашей слабости? Конечно нѣтъ. Одна минута размышленія, и мы убѣдимся, что они замедляютъ этотъ процессъ. Всякому извѣстно, что запросъ и предложеніе—это законъ жизни точно такъ же, какъ и законъ торговли. Сила является только тогда, когда на нее есть требованіе; не развитая способность можетъ развиться только подъ вліяніемъ строгой дисциплины нужды. Вы хотите извлечь изъ ничтожества и развить какое-нибудь слишкомъ слабое чувство? Для этого вы должны заставить его дѣйствовать: пусть оно дѣлаетъ требующееся отъ него дѣло какъ можетъ и какъ умѣетъ. Нужно, чтобы оно всегда было дѣятельно, всегда въ напряженіи,—чтобы оно постоянно ощущало неудобства своей несостоятельности. Если съ нимъ будутъ обращаться такимъ образомъ, то въ теченіе поколѣній оно достигнетъ достаточнаго развитія; то, что было когда-то невозможнымъ для него дѣломъ, сдѣлается потребностью, источникомъ здраваго и пріятнаго возбужденія. Но если между способностью и ея отправленіемъ протѣснится какой-нибудь государственный механизмъ, то процессъ приспособленія будетъ остановленъ. Ростъ прекратится и вмѣсто того начнется упадокъ. Зародышъ дѣятеля погибнетъ немедленно, какъ скоро на его мѣстѣ явится какая-нибудь коммисія, или присутственное мѣсто или составъ чиновниковъ; сила такъ же скоро утрачивается бездѣятельностью, какъ пріобрѣтается дѣятельностью. Человѣчество перестаетъ приспособляться къ естественнымъ требованіямъ общественнаго состоянія и вмѣсто того принимаетъ форму, приноровленную къ требованіямъ искусственнымъ. Вслѣдствіе этого останавливается

тотъ прогрессъ, который долженъ создать совершеннаго человѣка, характеризующаго тѣмъ, что онъ самъ способенъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ; или другими словами,—все это останавливаетъ выполненіе условій, необходимыхъ для достиженія совершеннаго счастья. Послѣ всего сказаннаго ясно, что правительство, какъ уже объяснено было выше, поступаетъ въ этомъ случаѣ не только наперекоръ своему назначенію,—ибо отбираетъ у гражданъ собственность въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ необходимо для цѣлей защиты,—но еще даетъ въ замѣнъ нѣчто такое, что заключаетъ въ себѣ новый ущербъ.

§ 4. Есть впрочемъ одна способность или, лучше сказать, есть комбинація способностей, которую государство можетъ съ успѣхомъ замѣнить, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это отъ него зависитъ: именно, государство можетъ замѣнить недостатокъ тѣхъ способностей, безъ которыхъ самое общество невозможно. Ясно, что если какое-нибудь созданіе должно приспособиться къ новымъ условіямъ существованія, то прежде всего необходимо, чтобы оно было поставлено въ эти условія. Выражаясь точнѣе, мы должны сказать, что человѣка можно приспособить къ условіямъ общественной жизни только тогда, когда мы будемъ его удерживать въ средѣ общества. Какъ скоро мы въ этомъ убѣдимся, то изъ этого уже прямо мы можемъ вывести заключеніе, что такъ какъ людямъ не доставало прежде, да и до сихъ поръ не достаетъ тѣхъ чувствъ, которыя необходимы для справедливаго поведенія и для предупрежденія постояннаго антагонизма между личностями, то необходимъ искусственный дѣятель, который удерживалъ бы ихъ вмѣстѣ и не давалъ бы имъ разойтись и уединиться. Только посредствомъ процесса приспособленія могутъ произойти тѣ свойства, вслѣдствіе которыхъ соціальное равновѣсіе будетъ установляться само собою. Пока процессъ этотъ продолжается, необходимо, чтобы существовало учрежденіе, которое соединяло бы людей въ общество и которое мѣшало бы всякимъ поступкамъ, грозящимъ этому обществу уничтоженіемъ. Такое учрежденіе намъ представляется въ правительствѣ.

Наше заключеніе будетъ въ своемъ существѣ одинаково, будемъ ли мы разсматривать правительство съ этой точки зрѣнія, или съ той, съ которой мы смотрѣли на него прежде. Если правительство посвятитъ себя тому отправленію, для

какого оно здѣсь предназначается, т. е. если оно будетъ держать людей къ томъ состояніи, къ которому имъ слѣдуетъ приспособиться, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ исполнять назначеніе, имѣвшееся для него въ виду по другимъ причинамъ,—оно будетъ защитникомъ. Отправлять правосудіе, охранять права людей, предупреждать несправедливыя нападенія,—все это значитъ дѣлать общество возможнымъ, дѣлать людей способными жить вмѣстѣ, держать ихъ въ соприкосновеніи съ новыми условіями жизни. Мы видимъ, что и та и другая аргументація выходитъ изъ одного корня, и это должно убѣдить насъ, что какимъ бы путемъ мы ни опредѣляли обязанности государства, но государство не можетъ выйти изъ предѣловъ этихъ обязанностей безъ саморазрушенія. Если мы будемъ считать государство защитникомъ по своему призванію, то мы найдемъ, что съ того момента, какъ оно принимаетъ на себя что-нибудь кромѣ защиты, оно нападаетъ, вмѣсто того, чтобы охранять. Если мы будемъ разсматривать государство какъ одно изъ орудій приспособленія, то мы увидимъ, что оно замедляетъ это приспособленіе, вмѣсто того, чтобы его ускорять какъ скоро оно не ограничивается удержаніемъ людей въ состояніи общества, а принимаетъ на себя другія задачи.

§ 5. Мы достаточно привели положительныхъ доказательствъ,—обратимся къ отрицательнымъ. Философы, придерживающіеся утилитарнаго ученія, утверждаютъ, что на государствѣ лежатъ еще другія отправленія, кромѣ обязанности охранять права людей. Какія же это отправленія?—Если кто-нибудь утверждаетъ, что указанныя выше границы государства проведены невѣрно, то само собою возникаетъ требованіе: укажите же, гдѣ должна быть эта граница? На такой вопросъ утилитарная философія никогда не была въ состояніи дать отвѣта. То, что она считала опредѣленіемъ границъ, вовсе не заключало въ себѣ никакого опредѣленія. Уже въ началѣ этого сочиненія (Утил. ф., §§ 1 и 2) было доказано, что сказать: «государство должно дѣлать то, что полезно» или «оно должно стремиться къ произведенію наибольшаго счастья», или «оно должно способствовать общему благу»—это все равно, что не сказать ничего; потому что на эти предметы существуютъ безконечно разнообразные взгляды, и выраженіямъ этимъ придается самый разнородный

смыслъ. Опредѣленіе, котораго выраженія неопредѣленны, — это нелѣпость. Толкованіе слова «польза» зависитъ отъ личнаг мнѣнія; поэтому сказать, что правительство должно дѣлать то что «полезно»,—это значитъ сказать, что правительство дол жно дѣлать то, что по нашему мнѣнію ему слѣдуетъ дѣлать

Итакъ мы требуемъ опредѣленія. Гдѣ надлежащая границ между двумя крайними предѣлами государственной дѣятель ности, между возложеніемъ на него всего и ничего Безчисленны отрасли дѣятельности неограниченнаго законо дательства; на которой же изъ нихъ слѣдуетъ ему остано виться? Слѣдуетъ ему простирать свое вмѣшательство до того, что оно будетъ опредѣлять способы мануфактурнаг производства, вмѣшиваться въ пріемы сельскаго хозяйства и въ домашнія дѣла, какъ это дѣлалось когда-то? Недавно ещ законодательство вмѣшивалось въ торговлю, до сихъ пор оно вмѣшивается въ воспитаніе, многіе желаютъ, чтобы он обращало вниманіе на общественное здравіе; въ Китаѣ он наблюдаетъ за костюмомъ, въ Австріи за литературой; в число отраслей его дѣятельности входитъ и благотворитель ность, и нравы, и удовольствія,—должно ли все это при надлежать къ сферамъ его опеки? Если его дѣятельность н можетъ быть обращена на всѣ эти предметы, то на которыхъ изъ нихъ она должна остановиться? Если спутавшійся из слѣдователь будетъ искать убѣжища въ авторитетѣ, то он найдетъ примѣры не только такого, но несравненно большаг вмѣшательства. Если по его мнѣнію желательно, чтобы го сударство вмѣшивалось въ дѣла промышленнаго производства то онъ для этого найдетъ безчисленное множество примѣровъ Ему стоитъ пристать къ мнѣнію тѣхъ, которые недовольны портнымъ, раздающимъ свои заказы для работы внѣ мастер ской, или тѣхъ, которые желаютъ прекращенія работъ въ рабочихъ тюрьмахъ, конкурирующихъ съ вольными ремес ленниками, или тѣхъ, которые хотятъ ограничить работу дѣтей въ пріютахъ, отбивающихъ занятіе у швей; за при мѣрами же дѣло не станетъ. Вотъ законъ Генриха VII, ко торый указываетъ народу, на какихъ ярмаркахъ онъ долженъ продавать свои имущества. Эдуардъ VI постановилъ законъ что ростовщики должны платить сто фунтовъ стерлинговъ штрафа; Яковъ I опредѣлилъ, какое количество эля слѣдуетъ давать на пенни; Генрихъ VII воспретилъ подъ страхомъ

наказанія продавать булавки, «у которой нѣтъ двойной головки, крѣпко придѣланной къ ножкѣ и хорошо отполированной; ножка должна быть хорошо обрѣзана и съ хорошо и кругло опиленнымъ и заостреннымъ концомъ». Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія такой изслѣдователь можетъ привести законы, которые опредѣляли заработную плату;—законы въ родѣ постановленія 1533 года, которымъ установлялись для фермеровъ случаи, когда посѣвъ льна и конопли долженъ быть обязательнымъ;—законы, воспрещавшіе употребленіе предметовъ, нынѣ весьма распространенныхъ; такъ въ 1597 году было воспрещено употребленіе камешеваго дерева. Если ему нравится распространеніе опеки до такихъ размѣровъ и если онъ приметъ идею Луи Блана, что «правительство должно почитаться главнымъ руководителемъ производства», то онъ быть можетъ захочетъ довести опеку до того, до чего она когда-то доходила во Франціи, гдѣ фабрикантовъ ставили къ позорному столбу за недостатки въ употребленныхъ ими матеріалахъ и краскахъ, гдѣ накладывали пени, если объярь дѣлалась изъ болѣе худого матеріала, чѣмъ предписано было закономъ, а камлотъ оказывался ненадлежащей ширины, —гдѣ невозможно было по своему произволу выбирать мѣсто для своихъ заведеній, нельзя было работать во всякое время года и на всякагорода людей. Можно ли считать такое вмѣшательство заходящимъ слишкомъ далеко? Если такъ, то мы, можетъ быть, будемъ снисходительнѣе къ германскимъ постановленіямъ, которыя воспрещали сапожнику заниматься своимъ ремесломъ, если его способности не удостовѣрены назначенными для этого присяжными,—которыя человѣку, избравшему какое-либо ремесло, навсегда воспрещали заниматься другимъ, —которыя воспрещали иностранному промышленнику или ремесленнику безъ дозволенія поселяться въ германскомъ городѣ? Если промышленная дѣятельность требуетъ регламентаціи, то не лучше ли также заботиться о надлежащемъ снабженіи работниковъ дѣломъ и поощрять лѣниваго, чтобы онъ производилъ въ достаточныхъ размѣрахъ? Какъ поступать намъ въ этомъ случаѣ съ нашимъ бродячимъ населеніемъ? Не слѣдуетъ ли намъ придержаться мнѣнія Флетчера изъ Сальтона, который съ жаромъ защищалъ учрежденіе рабства въ Шотландіи—по его мнѣнію это было бы благодѣяніе для мно-

гихъ тысячъ народа, которые теперь умираютъ за неимѣніемъ хлѣба? Можетъ быть мы примемъ аналогическое мнѣніе Карлейля, который желалъ помочь бѣдствіямъ Ирландіи, организовавъ изъ народа регулярные полки землекоповъ? Какъ слѣдуетъ поступать при опредѣленіи часовъ работы? Согласившись на просьбу фабричныхъ рабочихъ, не слѣдуетъ ли намъ удовлетворить требованіямъ булочныхъ подмастерьевъ? Если мы удовлетворимъ булочныхъ подмастерьевъ, то отчего же не внять требованіямъ Кобдена и не обратить вниманія на претензіи работниковъ при стекольномъ производствѣ, или рабочихъ, занимающихся удаленіемъ нечистотъ, или тѣхъ, которые находятся при чугунномъ дѣлѣ;—отчего не исполнить желаній шефильдскихъ точильщиковъ ножей, и желаній всѣхъ другихъ классовъ, включая сюда отягощенныхъ работою членовъ парламента?! Когда работа будетъ распредѣлена, число рабочихъ часовъ установлено, когда торговля регламентирована,—тогда намъ останется рѣшить, до какихъ предѣловъ государство должно наблюдать за душевными движеніями народа, за его нравственностью и здоровьемъ. Послѣ этого является вопросъ о воспитаніи: мы удовлетворимъ преобладающему желанію объ учрежденіи правительственныхъ школъ и о назначеніи учителей, получающихъ содержаніе изъ государственныхъ сборовъ, мы примемъ планъ Юарта (Ewart) и учредимъ общинныя библіотеки и музеи. Затѣмъ не слѣдуетъ ли намъ войти въ обсужденіе дополнительнаго предположенія о назначеніи профессоровъ для чтенія народныхъ лекцій? Если согласятся съ этимъ предложеніемъ, то не слѣдуетъ ли приступить къ исполненію плана сера Давида Брьюстера, который желаетъ, чтобы отъ государства были назначены люди, исключительно посвящающіе себя наукѣ—интеллектуальное духовенство;—они должны будутъ развивать великія истины, лежащія въ лонѣ временъ и пространства *). Учредивъ такимъ образомъ интеллектуальное духовенство и создавъ товарищества для духовенства религіознаго, мы присовокупимъ къ нимъ учрежденіе духовенства медицинскаго. Такое учрежденіе защищается нѣкоторыми бездушными медиками, и для него создавъ даже зародышъ въ союзѣ докторовъ; вотъ прекрасный элементъ,

*) См. Adress to the british association at Edinbourgh, in 1850.

который довершитъ троицу. Когда намъ удастся этимъ путемъ поручить больного попеченію общественныхъ чиновниковъ, то послѣдовательно мы должны принять и систему правительственныхъ похоронъ, предложенную м-ромъ Г. А. Хокеромъ; на основаніи этой системы люди, обладающіе властью, должны въ особенности заботиться о томъ, чтобы бѣднѣйшіе изъ ихъ братьевъ приличнымъ и торжественнымъ образомъ препровождались до могилы; въ извѣстныхъ случаяхъ они должны безвозмездно выдавать суммы для погребенія. Когда коммунистическій планъ, предлагающій заботиться обо всемъ, что нужно для каждаго человѣка, будетъ доведенъ, въ своемъ исполненіи, до такихъ размѣровъ, тогда намъ нужно будетъ еще обсудить вопросъ о народныхъ удовольствіяхъ. Не взять ли примѣръ съ Франціи и не давать ли субсидіи оперѣ?—не учредить ли зданія для общественныхъ баловъ?—не давать ли безвозмездныхъ концертовъ и дешевыхъ театральныхъ представленій?—Не платить ли изъ государственной казны жалованье актерамъ, музыкантамъ и церемоніймейстерамъ?—Не позаботиться ли намъ въ то же время о надлежащемъ направленіи народнаго вкуса, какъ предполагается настоящимъ нашимъ правительствомъ въ дѣлѣ о поощреніи союза изящныхъ искусствъ? Говоря о вкусахъ, мы естественно должны вспомнить объ одеждѣ, въ которой возможно было бы сдѣлать различныя улучшенія посредствомъ законодательныхъ предписаній; напр. можно было бы уничтожить шляпы. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ очень хорошіе историческіе примѣры. Эдуардъ IV налагалъ пени на тѣхъ, которые носили плащи и шинели, несогласные съ указанными образцами, и ограничивалъ чрезмѣрную длину носковъ сапогъ. Карлъ II постановлялъ закономъ, въ какомъ одѣяніи слѣдовало его подданныхъ класть въ гробъ. На здоровье также слѣдуетъ обратить вниманіе; при этомъ мы съ пользою можемъ пересмотрѣть древніе статуты, которые ограждали желудки народа и ограничивали издержки его стола. Припомнимъ, какъ вредно дѣйствуетъ на здоровье наше фешенебельное обыкновеніе поздно ложиться спать; нельзя ли тутъ съ пользою возвратиться къ древнему обычаю норманновъ и опредѣлить время, когда люди должны тушить огни и ложиться спать въ постель? Не благодѣтельно ли будетъ для насъ слѣдовать мнѣнію Бособра, государственнаго чело-

вѣка, утверждавшаго, что «во время созрѣванія плодовъ нужно наблюдать, чтобы народъ не ѣлъ ничего несвѣлаго». Для довершенія этой опеки, недурно было бы послѣдовать примѣру датскаго короля, который давалъ своимъ подданнымъ наставленія, какъ имъ слѣдуетъ чистить полъ и полировать свою мебель.

Подобными вопросами нетрудно наполнить цѣлый томъ, къ нимъ можно присовокупить безконечное число второстепенныхъ, которые должны возникнуть при примѣненіи главныхъ. Послѣ этого можно себѣ составить понятіе о томъ лабиринтѣ, среди котораго утилитарная философія должна найти для себя прямой путь. Откуда она возьметъ для себя нить? Какъ она объяснитъ, чѣмъ руководствоваться при рѣшеніи вопроса—что нужно и чего не нужно возлагать на государство? Какъ она выразитъ свое опредѣленіе? Если она хочетъ избѣгнуть обвиненія въ политическомъ эмпиризмѣ, то она должна указать намъ какой-нибудь научный пріемъ, которымъ можно было бы опредѣлить въ каждомъ случаѣ, желательна или не желательна правительственная опека. Передъ нами безчисленный рядъ ступеней, лежащихъ между одной крайностью—полнаго невмѣшательства и другою—гдѣ гражданинъ превращается во взрослаго ребенка въ нагрудникѣ и съ рожкомъ. Тотъ, кто утверждаетъ, будто государство должно идти далѣе защиты, обязанъ точно обозначить границу для дѣятельности и привести существенныя основанія, почему она должна быть проведена тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ.

§ 6. Рядомъ съ затрудненіемъ при рѣшеніи вопроса—что слѣдуетъ дѣлать государству? является другое—какими путями оно должно дѣйствовать? Сложимъ съ утилитарной философіи половину бремени;—предположимъ, что на вмѣшательство государства въ извѣстномъ отношеніи послѣдовало единодушное согласіе. Послѣ этого мы спрашиваемъ: какими путями должно быть исполнено возложенное порученіе? Вполнѣ ли вы увѣрены, что оно будетъ исполнено удовлетворительно? Убѣждены ли вы, что вашъ аппаратъ не сломится при исполненіи своего дѣла? Убѣждены ли вы, что онъ приведетъ къ желаемому результату? Убѣждены ли вы, что онъ онъ не запутается въ лабиринтѣ, въ которомъ столь многіе уже потерялись? Нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, которые

способны служить для насъ предостереженіемъ. Мы уничтожимъ ростовщиковъ», сказали себѣ средневѣковые правители. Они дѣлаютъ попытки и выходитъ совершенно противоположное тому, къ чему они стремились. Оказывается, что всякая регламентація, касающаяся лихвенныхъ процентовъ, только увеличиваетъ тягость роста и дѣлаетъ его условія болѣе обременительными.—«Мы хотимъ уничтожить протестантизмъ», говорили другъ другу католики материка. Опытъ сдѣланъ и оказалось, что вмѣсто этого они поселили въ Англіи зародыши той промышленной организаціи, которая въ значительной степени превзошла ихъ самихъ. «Хорошо было бы дать рабочимъ классамъ опредѣленное мѣстопребываніе», разсуждали законодатели, сочинявшіе законы о бѣдныхъ, и, разработавъ мысль, они создали паспортную систему съ ея толпами бездомныхъ работниковъ и съ ея разрушенными хижинами. «Мы должны уничтожить публичныхъ женщинъ», рѣшили берлинскія власти въ 1845 г.; они закрыли публичные дома. А въ 1848 г. офиціальные и больничные списки показали, что положеніе дѣлъ теперь несравненно хуже, чѣмъ прежде *). «Если мы обязали лондонскіе приходы содержать и воспитывать принадлежащихъ къ нимъ бѣдныхъ дѣтей не въ городѣ, а въ окрестныхъ селеніяхъ,—говорили государственные люди временъ Георга III—въ такомъ случаѣ мы значительно способствовали сохраненію жизни этихъ дѣтей, содержимыхъ на счетъ приходовъ». Съ этой цѣлью изданъ законъ 7 Geor. III, c. 39. Началось воспитаніе ребятъ на фермахъ, которое окончилось тутингской трагедіей. Неужели такіе предостерегающіе опыты не заслуживаютъ вниманія? Но, можетъ быть, философъ, придерживающійся утилитарнаго ученія, придаетъ цѣну только тѣмъ фактамъ, которые помѣщены въ синихъ книгахъ и въ документахъ торговаго департамента?

Можетъ ли онъ также отвѣчать за удовлетворительную дѣятельность административнаго механизма? Обыкновенно замѣчаютъ, что общественное дѣло исполняется хуже всякаго другого дѣла, и замѣчаніе это вовсе не лишено основанія. Примѣры этого онъ можетъ видѣть въ дѣятельности извѣстнаго управленія, ведущаго свои дѣла такимъ образомъ, что цѣнное помѣстье New Forest приноситъ странѣ ежегодный

*) Донесенія д-ра Фр. Н. Беренда, См. «Medical Times», мартъ 16, 1850.

убытокъ въ три тысячи фунтовъ стерлинговъ. Оно дозволило безчестному агенту вырубить Salcey Forest и вырубленное растратить. Въ 1848 г. оно предоставляло отчетъ только еще за мартъ 1839 года. Онъ можетъ прочесть и о безпорядкахъ адмиралтейства:—о дурно построенныхъ, развалившихся, снова передѣланныхъ и кое-какъ зачиненныхъ судахъ. Почти милліонный капиталъ былъ употребленъ на постройку желѣзныхъ военныхъ пароходовъ: теперь оказывается, что пароходы эти не могутъ выносить пушечныхъ выстрѣловъ. Обнаруживается безпечность, которая довела до того, что національные доки и морскіе арсеналы «на семь лѣтъ отстали отъ всѣхъ другихъ». Тутъ передъ нами скандалезная причудливость, въ родѣ постройки тюрьмы съ затратой 1,200 фунтовъ стерл. на каждаго заключеннаго; а тамъ безпечность, дозволяющая важнымъ государственнымъ бумагамъ гнить среди хлама. Вотъ матросъ, отъ котораго государство требовало каждый мѣсяцъ шесть пенсовъ на госпиталь, никогда не существовавшій, и котораго пенсія изъ фонда для матросовъ купеческаго флота не можетъ и въ сравненіи идти съ тою, какую бы онъ получилъ изъ обыкновеннаго страхового общества; а вотъ напротивъ монетчикъ, который получаетъ болѣе четырехъ тысячъ фунтовъ въ годъ за то, что было бы совершенно достаточно заплатить десятую долю. Офиціальную медленность мы видимъ въ случаѣ съ каталогомъ музеума, подвигающимся впередъ лишь черепашьимъ шагомъ; офиціальную нерасторопительность—въ устройствѣ зданій парламента, не приспособленныхъ къ тому, чтобы въ нихъ говорить; офиціальную испорченность—въ неизмѣнно оппозиціонномъ отношеніи акцизнаго, таможеннаго и почтоваго начальства ко всякимъ улучшеніямъ. Неужели все это не внушаетъ опасеній философу съ утилитарнымъ взглядомъ на вещи? Но, можетъ быть, онъ считаетъ себя человѣкомъ, по преимуществу руководящимся опытомъ, и полагаетъ, что вообще опытъ говоритъ въ его пользу?

Можетъ быть, онъ не слыхалъ, что изъ десяти механическихъ открытій обыкновенно девять неудачныхъ; и что даже десятое становится удобопримѣнимымъ лишь послѣ того, какъ будетъ удаленъ безконечный рядъ препятствій, о которыхъ никогда и не снилось изобрѣтателю. Если же онъ это слышалъ, то неужели онъ полагаетъ, что понять свойства че-

ловѣческія легче, чѣмъ свойства желѣза и мѣди?—что механизмъ, устроенный изъ живыхъ людей, проще, чѣмъ неодушевленная машина, и что порожденія законодательства не могутъ приводить къ точно такимъ же неудачамъ, какъ и попытки механика?

§ 7. «Вѣрить въ неограниченное могущество политической машины значитъ увлекаться великою иллюзіей», говоритъ Гизо. Это справедливое слово: подобная вѣра заключаетъ въ себѣ не только великую, но и опасную иллюзію. Дайте ребенку преувеличенное понятіе о могуществѣ своихъ родителей—и онъ скоро съ крикомъ потребуетъ, чтобы они достали ему луну. Пусть народъ вѣритъ всемогуществу своего правительства—и можно быть увѣреннымъ, что онъ произведетъ революцію, стараясь достигнуть невозможнаго. Если народъ съ одной стороны будетъ имѣть сильно преувеличенное понятіе о томъ, что можетъ сдѣлать для него государство, а съ другой увидитъ жалкія поддѣлки послѣдняго, то изъ этого неизбѣжно должны родиться чувства крайне враждебныя общественному порядку: эти чувства, присоединяясь къ неудовольствію, произведенному другимъ образомъ, должны порождать вспышки, которыхъ бы не было при иныхъ обстоятельствахъ.

Убѣжденіе касательно всемогущей власти политической машины не родилось вмѣстѣ съ людьми; они научились этому. Но откуда же они научились? Очень ясно откуда: имъ постоянно толковали о всеобщей законодательной опекѣ: они слышали претензіи, которыя заявлялись государственными людьми; они съ дѣтства видѣли, что всякаго рода отправленія производились официальнымъ путемъ посредствомъ правительства. Идею, которую Гизо въ своемъ критическомъ разборѣ послѣднихъ происшествій во Франціи называетъ великой иллюзіей,—эту самую идею онъ, вмѣстѣ съ другими, испытывалъ на дѣлѣ. Идя по стопамъ своихъ предшественниковъ, онъ примѣнялся на практикѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже расширилъ систему официальной опеки, родоначальницу этой идеи. Мудрено ли, что люди получили преувеличенное понятіе о государственной власти, если они окружены были такой обстановкой, какъ французы? Они жили подъ регламентаціей цѣлаго легіона префектовъ, субпрефектовъ, инспекторовъ, контролеровъ, интендантовъ, комисаровъ и дру-

гихъ чиновниковъ числомъ до 535,000: они воспитаны были правительствомъ и правительство же обучало ихъ религіи: они должны были просить его согласія каждый разъ, когда они хотѣли тронуться изъ дому: они не могли напечатать афиши безъ дозволенія властей, они не могли пустить въ обращеніе газету послѣ запрещенія цензора; они ежедневно встрѣчались съ правительственной регламентаціей по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ, по инспекціи и управленію горнымъ дѣломъ, по устройству мостовъ, постройкѣ дорогъ, возведенію памятниковъ, ихъ заставляли смотрѣть на правительство какъ на покровителя наукъ, литературы и изящныхъ искусствъ, какъ на источникъ почестей и наградъ: они видѣли въ немъ фабриканта, выдѣлывающаго порохъ, опекуна, наблюдающаго за воспитаніемъ лошадей и овецъ: они видѣли его въ роли общественнаго занмодавца, купца, монополизировавшаго для себя торговлю нюхательнымъ и курительнымъ табакомъ: всюду встрѣчались они съ вмѣшательствомъ правительства—начиная съ выполненія публичныхъ работъ и кончая санитарной инспекціей публичныхъ женщинъ. Послѣ того, какъ они составили себѣ такое понятіе, не естественно ли было съ ихъ стороны желать, чтобы государство окружало ихъ недостижимыми благами? Мудрено ли, что они были недовольны, когда правительство этого не исполняло, и пытались силою принудить его къ удовлетворенію своихъ желаній?—Очевидно, отвѣчать слѣдуетъ утвердительно. А если такъ, то можно безъ преувеличенія сказать, что правительство, переступая границу свойственной ему сферы дѣятельности, порождая «великую иллюзію», т. е. убѣжденіе, что политическая машина обладаетъ всемогуществомъ, само создаетъ естественнаго предтечу ученій въ родѣ системъ Луи Блана и Кабе и той путаницы, какая должна произойти отъ покушенія примѣнять эти ученія на дѣлѣ посредствомъ государственныхъ агентовъ.

Система вмѣшательства грозитъ безопасности соціальнаго равновѣсія еще съ другихъ сторонъ. Это очень дорогая система: чѣмъ далѣе она развивается, тѣмъ болѣе требуется для государства доходовъ: а всѣмъ извѣстно, что тягостныя подати неизбѣжно производятъ неудовольствіе. Далѣе—это система по существу своему деспотическая. Распоряжаясь всѣмъ, она неизбѣжно должна стѣснять людей: она умень-

шаетъ свободу ихъ дѣятельности и тѣмъ ожесточаетъ противъ себя. Она оскорбляетъ безчисленностью своихъ предписаній и ограниченій, возбуждаетъ неудовольствіе какъ заявленіями о своей помощи всѣмъ и каждому, такъ и своими запрещеніями, которыя не даютъ людямъ возможности по-своему помочь собственной нуждѣ: она досаждаетъ гражданамъ толпами чиновниковъ съ диктаторскими наклонностями, которые постоянно становятся между людьми и тѣми цѣлями, которыя эти послѣдніе преслѣдуютъ. Не малую долю въ произведеніи французской революціи слѣдуетъ приписать регламентаціи, которая затрудняла во Франціи ходъ промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Государство тогда постановляло, какія лица могутъ быть употреблены въ производствахъ извѣстнаго рода, на какіе предметы должна обращаться производительность, какого рода матеріалы слѣдуетъ употреблять, каковы должны быть размѣры производства; инспекторы разбивали станки и жгли произведенія, сдѣланныя не по правиламъ, установленнымъ закономъ: улучшеніе считалось противозаконнымъ поступкомъ, а на изобрѣтателей накладывались штрафы. Та же самая опека послужила одною изъ причинъ, подготовившихъ паденіе правительства Людовика-Филиппа: при немъ безъ разрѣшенія правительства нельзя было разрабатывать руду; книгопродавецъ или типографщикъ долженъ былъ закрыть свои заведенія, коль скоро ему не выдавалось болѣе дозволительнаго свидѣтельства: считалось преступленіемъ взять изъ моря ведро воды. Понятно, все это порождало раздраженіе.

Итакъ, если мы будемъ смотрѣть на правительство какъ на орудіе для удержанія людей въ состояніи общества, то мы найдемъ, что всякое его покушеніе перейти въ своей дѣятельности за эти предѣлы прямо уменьшаетъ его силы, отвлекая ихъ отъ надлежащаго направленія, и кромѣ того косвеннымъ образомъ подвергаетъ опасности и самое правительство, и его истинное отправленіе.

§ 8. Намъ еще остается обратить вниманіе на безпредѣльную самонадѣянность, которая выражается въ претензіи регулировать всѣ поступки людей посредствомъ законовъ. Если ее выставить въ настоящемъ свѣтѣ, то претензія эта выражаетъ собою притязаніе исправить недостатки основной сущности вещей. Говорятъ, кто-то жалѣлъ, что съ нимъ не

посовѣтовались, когда создавался міръ,—дескать, онъ могъ бы дать хорошій совѣтъ: эта безпримѣрная самоувѣренность доставила своему обладателю историческую извѣстность. Жалкое, самоувѣренное ничтожество! Но не то же ли самое дѣлаетъ ежедневно огромное большинство нашихъ государственныхъ людей и политиковъ? Да и то ли еще! Вышеупомянутый субъектъ хотѣлъ лишь дать совѣтъ, они же вовсе не ограничиваются одной подачей совѣта: они вступаются въ самое дѣло: они берутъ въ свое завѣдываніе то, что, по ихъ мнѣнію, Богъ устроилъ дурно, и принимаются за исправленіе! Для нихъ ясно, что провидѣніе плохо позаботилось объ общественныхъ потребностяхъ и отношеніяхъ, и что если бы не ихъ бдительный надзоръ, то все бы пошло вкривь и вкось. Эти люди не думаютъ о тѣхъ скрытыхъ вліяніяхъ, которыя предназначены для устраненія всякаго несовершенства. Они берутся поправить ошибки Всевѣдущаго и пополнить недостатки посредствомъ какой-нибудь коммиссіи, штата чиновниковъ или парламентскаго постановленія.

Какое жалкое зрѣлище представляется человѣку, который, по выраженію Бэкона, сдѣлался «служителемъ и истолкователемъ природы», когда онъ видитъ, какъ эти политическіе прожекторы, съ ихъ неуклюжими механизмами, стараются замѣнить собою великій законъ существованія. Такой человѣкъ переталъ смотрѣть на одну поверхностную сторону вещей и выучился наблюдать тайныя силы, которыми онѣ держатся. Послѣ терпѣливаго изученія началъ онъ раскрывать общіе законы въ хаосѣ явленій, среди которыхъ родился: тамъ, гдѣ все казалось смѣшаннымъ и въ безпорядкѣ, онъ сталъ различать нѣжныя очертанія гигантскаго плана. Ничего безцѣльнаго, ничего случайнаго—всюду порядокъ и законченность. Исключенія исчезаютъ одно за другимъ и замѣняются одной, всеобщей системой. То, что казалось аномаліею, вдругъ является вполнѣ отвѣчающимъ глубокой мысли, теряетъ видъ исключительности и входитъ въ рядъ однородныхъ явленій. Всюду мы находимъ одно и то же жизненное начало—вѣчно дѣйствующее, всегда достигающее цѣли, обнимающее все до мельчайшихъ подробностей. Ростъ не прекращается; медленъ, но всемогущъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ обнаруживается быстро развивающимися очертаніями; въ другомъ, гдѣ потребность менѣе значительна, показывается лишь

въ видѣ тонкаго волокна зачинающейся организаціи. Неодолимый, хотя и трудно уловимый, этотъ источникъ перемѣнъ является въ глазахъ подобнаго наблюдателя той силой, которая ведетъ впередъ и народы и правительства, несмотря на ихъ теоріи, проекты и предразсудки. Эта сила высасываетъ жизнь изъ ихъ хваленыхъ учрежденій, скручиваетъ своимъ дыханьемъ ихъ государственный пергаментъ, парализуетъ издавна уважаемые авторитеты, стираетъ законы, какъ бы глубоко они ни запечатлѣлись, заставляетъ государственныхъ людей отказываться отъ своихъ мнѣній и заставляетъ краснѣть пророковъ; она сводитъ въ могилу любимые обычаи, стираетъ руководящіе примѣры; она производитъ революцію въ цѣломъ ходѣ вещей прежде, чѣмъ люди въ состояніи это замѣтить, и наполняетъ міръ новой жизнью высшаго порядка. Это могущественное движеніе направлено къ совершенству, къ полному развитію, къ добру во всей его чистотѣ. Этотъ всеобъемлющій прогрессъ подчиняетъ себѣ всѣ небольшія неправильности и ретроградныя движенія, точно такъ же какъ кривизна земли подчиняетъ себѣ горы и долины. Даже въ злѣ человѣкъ науки пріучается познавать усиліе къ добру. Болѣе всего его поражаетъ прирожденное всему сущему свойство самоудовлетворенія, простота принциповъ, посредствомъ которыхъ исправляются происшедшіе недостатки. Принципы эти одинаково обнаруживаются и въ равновѣсіи, какое устанавливается само собою при пертурбаціяхъ въ мірѣ планетъ, и въ излеченіи оцарапаннаго пальца: они обнаруживаются во взаимно-уравновѣшивающихся силахъ соціальныхъ системъ и въ развитіи слуха у слѣпого,—въ приспособленіи цѣнъ къ произведеніямъ и въ акклиматизаціи растеній. Съ каждымъ днемъ передъ такимъ наблюдателемъ раскрываются новыя красоты. Каждый новый фактъ уясняетъ извѣстный сознанный законъ или раскрываетъ незамѣченное совершенство. Во время изслѣдованія передъ его глазами развивается картина все болѣе и болѣе возвышенной гармоніи и водворяетъ въ его сердцѣ все болѣе и болѣе глубокую вѣру.

И вотъ среди удивленія, среди благоговѣнія, которое овладѣваетъ ученымъ, онъ внезапно видитъ какого-то легковѣснаго господчика, который повѣщаетъ міру, что хочетъ положить заплату на прорѣху, оставленную природою! Вотъ на-

ходится человѣкъ, который среди окружающихъ его чудесъ осмѣливается объявлять, что онъ и какіе-то его товарищи сложили вмѣстѣ свой разумъ и нашли путь для исправленія устроеннаго Богомъ! Эти исправители не имѣютъ почти никакого понятія о томъ предметѣ, съ которымъ имъ придется имѣть дѣло; вы это тотчасъ же увидите, какъ скоро начнете знакомиться съ ихъ философіей. А между тѣмъ, имѣй только они возможность выполнить всѣ свои претензіи,—они бы сдѣлались самозванными опекунами всего міра! Эти люди такъ мало вѣрятъ законамъ природы и такъ увѣрены въ себѣ, что—будь это только возможно—они сковали бы вмѣстѣ землю и солнце изъ опасенія, чтобы центростремительная сила не оказалась недостаточною! Полагаться можно лишь на дѣятелей, назначенныхъ парламентомъ; только тогда, когда безконечно сложное человѣчество будетъ подчинено ихъ глубокомысленной регламентаціи, — когда о немъ будетъ заботиться ихъ всеобъемлющій умъ,— только при такихъ условіяхъ міръ будетъ именно тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть! Вотъ сущность удивительнаго взгляда на вещи этихъ исправителей вселенной.

§ 9. Мы можемъ разсматривать дѣло съ какой угодно точки зрѣнія—съ нравственной, научной или со стороны удобоисполнимости;—можемъ смотрѣть на него какъ на вопросъ политической разсудительности или даже по отношенію къ религіи и религіозному чувству:—во всякомъ случаѣ мы найдемъ, что невозможно защищать ученіе, возлагающее на правительство другія обязанности, кромѣ обязанности покровителя. Съ одной стороны мы видѣли, что если разсматривать огражденіе правъ какъ спеціальное назначеніе государства, то нельзя допустить, чтобы оно принимало на себя какія-либо другія отправленія, такъ какъ это не можетъ быть сдѣлано безъ утраты силъ, необходимыхъ для его спеціальнаго призванія. Если, съ другой точки зрѣнія, мы будемъ смотрѣть на государство какъ на вспомогательное средство для приспособленія, то найдемъ, что оно не можетъ выйти изъ предѣловъ своей обязанности огражденія человѣческой свободы не превращаясь въ препятствіе для этого приспособленія. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ оказывается, что уничтоженіе предположенной здѣсь границы для законодательнаго вмѣшательства равносильно уничтоженію на дѣлѣ

всякихъ границъ:—равносильно предоставленію гражданской власти поля дѣятельности, для котораго нельзя назначить никакихъ предѣловъ, если только не подразумѣвать подъ этимъ выраженіемъ ограниченія чисто произвольнаго и вовсе не философскаго характера. Сверхъ того, если бы даже можно было отдѣлить надлежащимъ образомъ какія-либо добавочныя обязанности отъ остальныхъ и признать ихъ удобными для включенія въ сферу правительственной дѣятельности, то и тогда ихъ нельзя было бы оставить за *правительствомъ*, такъ какъ опытъ показываетъ, что оно—крайне плохой исполнитель въ этихъ случаяхъ. Далѣе обнаруживается еще одна дурная сторона системы развитія официальной опеки: она невыгодна по отношенію къ устойчивости соціальнаго равновѣсія. Наконецъ система эта отвергнута нами, потому что она заключаетъ въ себѣ нелѣпое и даже нечестивое притязаніе.

Вотъ общія основанія, которыя были приведены для доказательства положенія, что государство должно охранять, но не выходить за предѣлы охраненія. Для мыслителя, привыкшаго къ отвлеченностямъ, доводы эти будутъ, можетъ статься, достаточно убѣдительными: найдутся однако же и такіе читатели, въ глазахъ которыхъ они будутъ имѣть относительно мало вѣса; для того, чтобы убѣдить этихъ послѣднихъ, необходимо разобрать въ отдѣльности всѣ случаи, въ которыхъ обыкновенно защищается законодательная опека. Приступимъ.

ГЛАВА XXIII.

Регламентація торговли и промышленности

§ 1. Мѣры, измѣняющія естественный ходъ промышлен
ности и торговли, бываютъ двухъ родовъ. Онѣ могутъ за
ключаться: или въ искусственныхъ стимулахъ, или въ искус
ственныхъ ограниченіяхъ—въ поощреніи или въ стѣсненіяхъ.

О поощреніяхъ здѣсь слѣдуетъ сказать то же, что сказан
было въ предыдущей главѣ объ искусственныхъ преимуще
ствахъ вообще: государство не можетъ доставлять ихъ, н
противодѣйствуя косвенно прямымъ своимъ отправленіямъ.
Отбирать у гражданъ собственность для поощренія извѣст
ныхъ отраслей производства—будетъ неправымъ поступком
даже и тогда, когда собственность эта вознаградится соотвѣт
ствующимъ благомъ, потому что такой образъ дѣйствія н
требуется для надлежащаго огражденія правъ гражданъ. В
настоящемъ случаѣ сверхъ того оказывается, что подобна
мѣра не только не доставитъ имъ соотвѣтствующаго блага, н
ограничитъ еще болѣе дѣятельность способностей, такъ как
неустройство въ коммерческихъ отношеніяхъ ея постоянны
спутникъ. Поэтому ее по справедливости нужно считат
вдвойнѣ неправою. Нынѣ вѣра въ меркантильныя поощрені
почти уже уничтожилась, и нѣтъ надобности подкрѣплят
это отвлеченное заключеніе дополнительными разсужденіями.

Едва ли нужно говорить, что стѣсненія несравненно болѣ
несправедливы, чѣмъ поощренія. Право мѣны выводится из
закона равной свободы (глава XIII), а потому оно такъ ж
священно, какъ и всякое другое право: оно въ одинаковой
степени должно существовать какъ между членами различ
ныхъ народностей, такъ и между членами одной и той ж

націи. Нравственность не знаетъ географическихъ границъ и различія расъ. Вы можете помѣстить людей на противоположныхъ сторонахъ рѣки или горной цѣпи, можете раздѣлить ихъ водянымъ пространствомъ, можете заставить ихъ, если хотите, говорить на различныхъ языкахъ, можете различно окрасить ихъ кожу; но вы не можете измѣнить основного начала ихъ отношеній. Начала эти вытекаютъ изъ человѣческаго устройства; ихъ не могутъ передѣлать случайности внѣшнихъ условій. Нравственный законъ — космополитъ, онъ не уважаетъ національностей. Между людьми, антиподами—какъ по мѣстности, гдѣ они живутъ, такъ и по всякомъ другомъ смыслѣ—должно быть то же самое равновѣсіе правъ, какъ и между людьми во всѣхъ отношеніяхъ близкими другъ къ другу.

Слѣдовательно, правительство нарушаетъ право людей на свободу дѣятельности каждый разъ, какъ воспрещаетъ коммерческія отношенія между двумя націями или ставитъ препятствія на пути этихъ сношеній. А если такъ, то оно дѣлаетъ прямо противоположное своему назначенію. Мы нашли, что обязанность государства состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить для каждаго человѣка самую полную свободу дѣятельности его способностей, какая только согласима съ равной свободой всѣхъ другихъ. Запрещенія и стѣсненія по отношенію къ торговлѣ и промышленности не только не обезпечиваютъ такой свободы, но отнимаютъ ее. Принуждая къ подобнымъ стѣсненіямъ, государство изъ охранителя правъ превращается въ ихъ нарушителя. Если для гражданской власти, предназначенной къ огражденію насъ отъ убійства, преступно сдѣлаться убійцею: если для нея преступно воровать, такъ какъ она должна уничтожать воровъ, то не меньшимъ съ ея стороны преступленіемъ должно считаться лишеніе какимъ бы то ни было образомъ людей свободы при отысканіи предметовъ своихъ желаній, потому что ея назначеніе—обезпечивать эту свободу. Убійство, грабежъ, порабощеніе, цѣпи торговой регламентаціи, все это однородныя преступленія со стороны власти,—они различаются только степенью. Въ одномъ случаѣ власть вполнѣ уничтожаетъ возможность упражнять способности, въ другомъ она дѣлаетъ это только отчасти. Строгая этика одинаково должна осуждать ее въ обоихъ случаяхъ.

§ 2. Многіе будутъ поражены такимъ взглядомъ на дѣ
но пусть они подумаютъ о томъ, откуда происходила и чѣ
сопровождалась эта торговая регламентація. Они найдут
что и по своему происхожденію, и по своему примѣнен
такая регламентація должна стоять въ ряду всѣхъ други
видовъ зла. Уже нѣсколько разъ мы говорили о томъ, ч
всѣ несправедливые обычаи и учрежденія получаютъ свой п
рочный образъ отъ нравственныхъ недостатковъ народа, сре
котораго существуютъ, и потому должны быть однообраз
проникнуты такой порочностью. Такъ какъ общественн
законы, вѣрованія и учрежденія вытекаютъ изъ солидарны
между собою свойствъ, то всѣ современно существующіе
щественные законы, вѣрованія и учрежденія должны носи
въ себѣ одинаковыя характеристическія черты. Кромѣ то
всякій прогрессъ долженъ обнаруживаться въ ихъ средѣ
всюду одновременно. Истина эта была уже достаточно раз
ясвена (гл. XVI, § 4 и гл. XVII, § 3). Мы видѣли, что т
ранія въ государственномъ управленіи, въ отношеніяхъ меж
господиномъ и рабомъ, въ религіозной организаціи и церк
ной дисциплинѣ, въ брачныхъ отношеніяхъ, въ обращен
съ дѣтьми — постоянно процвѣтала и уменьшалась одновр
менно и въ равной мѣрѣ во всѣхъ своихъ видахъ. Къ т
же самой категоріи должны мы отнести и тиранію въ т
говыхъ законахъ. Несмотря на второстепенную важность эт
предмета, въ немъ оказывается однако тотъ же самый п
цессъ природы: мы найдемъ, что начиная отъ тѣхъ времен
когда вывозъ составлялъ уголовное преступленіе, и до
временной эпохи свободной торговли — постоянно сущест
вала строгая пропорціональность между суровостью мерк
тильныхъ ограниченій и стѣснительностью ограниченій
обще; точно такую пропорціональность мы видимъ между в
растаніемъ коммерческой и всякой другой свободы.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно нѣсколькихъ пр
мѣровъ. Во времена Эдуарда III мы встрѣчаемъ автократ
ческое управленіе въ дѣлахъ церкви, въ государствѣ и
замкахъ феодаловъ. Вотъ какими это сопровождалось яв
леніями. Для того, чтобы иностранцы приходили къ на
и покупали на нашихъ рынкахъ, государь этотъ в
претилъ своимъ подданнымъ вывозить предметы торгов
подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи и вдобав

еще постановилъ, что «законъ этотъ долженъ оставаться неизмѣннымъ и не можетъ быть отмѣненъ ни имъ самимъ, ни его наслѣдниками». Тотъ же самый духъ деспотизма мы видимъ и въ постановленіяхъ, требовавшихъ, чтобы континентальные купцы во время своего пребыванія въ странѣ жили вмѣстѣ съ извѣстными инспекторами, которые должны были наблюдать, чтобы они продали свой товаръ въ теченіе опредѣленнаго времени и на вырученныя деньги накупили англійскихъ произведеній; инспекторы должны представлять казнѣ періодически отчетъ о барышахъ каждаго купца. Замѣтимъ мимоходомъ, что учрежденія эти, послѣ ихъ отмѣны, долго оплакивались почитателями мудрости предковъ: о нихъ жалѣли болѣе, чѣмъ сколько въ наши дни извѣстная партія скорбѣла объ отмѣнѣ таможенныхъ пошлинъ. Въ то же время работниковъ принуждали брать заранѣе опредѣленную заработную плату, и ради равновѣсія отношеній предписывали купцамъ цѣны на предметы необходимости. Въ то время, когда самыя стѣснительныя изъ этихъ предписаній выходили изъ употребленія, менѣе тягостныя продолжали существовать; оставались воспрещенія лихвенныхъ процентовъ, предписанія фермерамъ, распоряженіе о похоронной одеждѣ, инструкціи фабрикантамъ и т. п.— о чемъ говорилось въ послѣдней главѣ. Все приведенное выше служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что стѣснительность меркантильныхъ законовъ страны измѣняется съ притѣснительностью ея учрежденій вообще и съ размѣромъ произвола въ ея управленіи. Поэтому мы не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности;—не станемъ распространяться насчетъ тѣхъ несносныхъ стѣсненій, которыя когда-то приходилось выносить промышленнымъ классамъ Франціи и которыя совпадали съ самымъ жестокимъ деспотизмомъ двора и феодальной тираніей, еще продолжавшей въ то время свирѣпствовать въ провинціяхъ; — мы не будемъ также проводить параллели между политическимъ и коммерческимъ рабствомъ, которая угнетаетъ Францію до сихъ поръ, несмотря на ея революціи, — умолчимъ о такой же связи событій въ Пруссіи, Австріи и другихъ государствахъ, управляемыхъ подобнымъ же образомъ. Съ другой стороны, если мы обратимся къ лѣтописямъ прогресса и взглянемъ на тѣ перемѣны, какія имѣли мѣсто въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ и

какія и теперь еще осуществляются, то мы должны замѣтить подобное же сродство между болѣе развитымъ чувствомъ справедливости, обнаруживающимся въ политическихъ учрежденіяхъ, и тѣмъ, которое проявляется въ дѣлахъ церковныхъ, въ семействѣ и коммерческомъ кодексѣ.

Торговыя ограниченія принадлежатъ къ одному роду явленій съ неотвѣтственнымъ правительствомъ и рабствомъ. Тупое пониманіе и недостаточная симпатія по отношенію къ правамъ людей—вотъ источники всякой тиранніи и безчестности, подъ какимъ бы названіемъ эти послѣднія ни являлись. Вмѣшательство въ свободу мѣны точно такое же несомнѣнное порожденіе этихъ причинъ, какъ и самыя зловредныя нарушенія человѣческихъ правъ; мы встрѣчаемъ ихъ постоянно вмѣстѣ. Хотя мнѣніе народа и не относитъ вмѣшательство въ область промышленности и торговли къ преступленіямъ; но по своему происхожденію и по своей природѣ правонарушенія подобнаго рода тѣсно съ нимъ связаны.

§ 3. Есть еще одна точка зрѣнія, съ которой можно смотрѣть на эту регламентацію торговли вмѣстѣ съ другими однородными изобрѣтеніями для веденія общественныхъ дѣлъ. Все это по существу своему — идолопоклонство. Поклоненіе мертвымъ, безсильнымъ вещамъ, сдѣланнымъ человѣческими руками, еще не исчезло; напрасно люди льстятъ себѣ этой надеждой—оно не можетъ исчезнуть, оно никогда не исчезнетъ совершенно. Элементы человѣческой природы постоянны: измѣненіе касается только ихъ отношеній. Даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ можно будетъ указать на типическіе остатки всякой когда-либо существовавшей наклонности. Ошибочно полагать, будто человѣчество вовсе не измѣняется: но ошибочно также воображать, что оно такъ измѣнилось или когда-нибудь измѣнится, что не останется никакихъ слѣдовъ его прежнихъ свойствъ.

Опредѣляя идолопоклонство научнымъ образомъ, мы должны сказать, что это есть такой образъ мыслей, гдѣ причина всякаго явленія приписывается силѣ существъ. Такое міросозерцаніе есть результатъ первыхъ обобщеній неразвитаго интеллекта. Онъ замѣтилъ, что перемѣны производятся видимыми, осязаемыми предметами, и вывелъ заключеніе, что всѣ перемѣны производятся такимъ же образомъ. Дикарь много разъ видѣлъ, что дѣйствія извѣстныхъ факто-

рокъ сопровождаются извѣстными явленіями, — и вотъ въ душѣ его возникаетъ убѣжденіе, что всякое явленіе производится особымъ дѣятелемъ. Законы душевныхъ отправленій дѣлаютъ такой взглядъ неизбѣжнымъ; если всѣ извѣстныя причины представлялись въ видѣ личныхъ дѣятелей, то и всѣ неизвѣстныя причины будутъ пониматься такимъ же образомъ. Отсюда исходитъ первоначальный фетишизмъ. Камень, брошенный неизвѣстной рукой, кусокъ дерева, вспыхивающій отъ жару, животное, оказавшееся вблизи какой-нибудь естественной катастрофы, — вотъ предметы, которые принимаются за дѣйствующую силу. Обнаружилось явленіе, наблюдается очевидная перемѣна въ состояніи извѣстнаго предмета—прошедшій опытъ навязываетъ мысль, что перемѣна эта неизбѣжно должна быть произведена какимъ-нибудь дѣятелемъ; тотъ же опытъ указываетъ, что дѣятель неизбѣжно долженъ быть существомъ, притомъ — такимъ, которому на основаніи прошлаго опыта всего вѣроятнѣе приписать подобную роль; за отсутствіемъ другихъ существъ свойство дѣятеля приписывается дереву, изъ котораго выходитъ пламя, или камню, производящему ударъ. На дерево, на камень смотрятъ какъ на дѣятеля неизвѣстной силы, способнаго причинять зло;—ему молятся, его задобриваютъ.

Однако, съ первыхъ же шаговъ по этому пути начинаютъ уже накопляться факты, которые должны поколебать эту теорію бытія, а со временемъ и вовсе ее уничтожить. Если первобытный человѣкъ приписываетъ всѣ явленія дѣятельности живыхъ существъ, то онъ непремѣнно долженъ самымъ существамъ этимъ приписывать такія же свойства, какія онъ видѣлъ у другихъ—у людей, у животныхъ. Онъ разсуждаетъ такъ, какъ необходимо долженъ разсуждать: онъ заключаетъ о неизвѣстномъ по извѣстному; неизвѣстныхъ производителей перемѣнъ онъ долженъ представлять себѣ во всѣхъ отношеніяхъ такими же, какими онъ знаетъ извѣстныхъ: мы находимъ, что онъ дѣйствительно и поступаетъ такимъ образомъ. Онъ представляетъ себѣ эти существа или въ образѣ людей, или въ видѣ звѣрей, или смѣсью тѣхъ и другихъ; онъ воображаетъ, что у нихъ такія же страсти и такія же привычки, какъ у него самого. Онъ замѣчаетъ, что всѣ извѣстныя ему существа имѣютъ одно общее свойство—измѣнчивость желаній. Онъ не видитъ ни одного су-

щества, котораго образъ дѣйствій былъ бы такъ однообр
зенъ, что можно было бы положительно сказать, какъ о
будетъ вести себя впередъ. Онъ видитъ, что извѣстн
естественныя явленія, которыя онъ сначала приписывалъ ж
нымъ существамъ, постоянно повторяются и идутъ однимъ
тѣмъ же порядкомъ безъ всякаго исключенія: солнце од
образно всходитъ и заходитъ,—тѣла падаютъ на землю. Э
колеблетъ его понятіе о личномъ дѣятелѣ. Это совершенн
однообразіе дѣйствій рѣзко отличается отъ того, что ему
вѣстно о всѣхъ знакомыхъ ему существахъ; оно вполнѣ о
личается даже отъ того понятія, какое онъ себѣ состави
о существѣ. Чрезъ наблюденіе надъ самыми обыденными ф
номенами изъ жизни природы опытъ навязываетъ ему из
о постоянномъ ходѣ явленій—о томъ, что мы выражае
слово законъ. Мало по малу понятіе о безличныхъ дѣя
ляхъ замѣняетъ основное понятіе о личныхъ. Это преобра
ваніе въ его міросозерцаніи ограничивается сначала вза
домъ на причины ежедневныхъ явленій, но со временемъ р
пространяется на все большее и большее число случае
Съ увеличеніемъ населенія возрастаетъ число наблюдателе
а съ тѣмъ вмѣстѣ и запасъ уясняющихъ фактовъ: то
единообразный ходъ явленій, противорѣчащій понятію о
особыхъ дѣятеляхъ, разъясняется далѣе. Область такъ наз
ваемаго сверхъестественнаго, шагъ за шагомъ, уступае
мѣсто тому, что зовутъ естественнымъ. Старая теорія ув
чтожается, однако же, лишь по отношенію къ тѣмъ явле
ямъ, правильный ходъ которыхъ достаточно доказанъ. Та
въ Греціи Ѳалесъ полагалъ, что существуютъ законы при
роды, но несмотря на это признавалъ, что магнитъ имѣе
душу. Во всѣхъ необыкновенныхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ св
между причиной и дѣйствіемъ не сдѣлалось общеизвѣстно
т. е. гдѣ обстоятельства не разувѣряютъ въ первоначально
убѣжденіи на счетъ спеціальныхъ дѣятелей,—убѣжденіе
сохраняется. Послѣ того, какъ обыкновенныя явленія да
уже приписываются *свойствамъ вещей*, или, говоря други
словами, *безличнымъ дѣятелямъ*, случается, что болѣе н
ходящія изъ ряда объясняются попрежнему: случилось зат
ніе—солнце съѣдено дракономъ,—землетрясеніе,—Богъ
рочается во снѣ; эпидемія приписывается волшебству: свѣ
щійся болотный газъ считаютъ Вильямомъ съ огнемъ

счастье на скотномъ дворѣ или въ пивоварнѣ приписывается злымъ шуткамъ домовыхъ; существуютъ сказанія о мостовыхъ великанахъ и чертовыхъ мостахъ. Тамъ, гдѣ связь между причиной и слѣдствіемъ очень отдалена и неясна, напр. во всемъ томъ, что касается судьбы человѣка или извѣстныхъ тѣлесныхъ страданій и расположеній, — та наклонность приписывать результатъ силѣ существъ продолжаетъ проявляться даже и тогда, когда наука сдѣлала уже большіе успѣхи. Такимъ образомъ мы находимъ, что старинный фетишизмъ проявляется и въ наши дни въ уваженіи, которое оказывается изуродованнымъ мелкимъ деньгамъ, бородавкамъ, подвергавшимся наговорамъ, и предзнаменованіямъ.

Фетишизмъ продолжаетъ существовать, какъ было уже сказано, въ такихъ формахъ, гдѣ трудно и подозрѣвать его существованіе. Множество весьма уважаемыхъ общественныхъ учрежденій порождено было этой первобытной наклонностью приписывать всякую причину спеціальному дѣятелю и неспособностью создавать себѣ идею силы, независимой отъ дѣятельности индивидуума. Само собой понятно, что происходящее въ народной жизни будетъ объясняться сообразно тому, насколько въ средѣ этого народа приписывается естественнымъ явленіямъ личное или безличное происхожденіе: и такъ какъ результаты нравственной жизни менѣе очевидны, чѣмъ результаты физической, то наклонность видѣть причины перемѣнъ въ личныхъ дѣятеляхъ будетъ тутъ значительнѣе. Старинное убѣжденіе, что король можетъ установлять цѣну денегъ, крикъ «возвратите намъ наши одиннадцать дней», который слышался послѣ перемѣны стиля,— все это указываетъ на людей, неспособныхъ приписывать перемѣны въ общественныхъ дѣлахъ другимъ дѣятелямъ, кромѣ видимыхъ и осязаемыхъ. Для такихъ душъ совершенно недоступна мысль, что существуетъ всюду распространенное, невидимое вліяніе, которое опредѣляетъ условія куплии и продажи гражданъ и сдѣлокъ съ иностранными купцами и установляетъ ихъ самымъ выгоднымъ для всѣхъ сторонъ образомъ; мысль эта имъ такъ же чужда, какъ первобытнымъ грекамъ чужда была мысль о физической причинности *). Первобытные греки полагали, что всѣ процессы

*) См. Грота Исторію.

въ природѣ совершаются по распоряженіямъ нѣсколькихъ предназначенныхъ для этого индивидуумовъ; точно такъ же и народъ, въ средніе вѣка, былъ убѣжденъ, что парламентскіе законы и дѣятельность правительствъ могутъ обезпечить правильное производство и распредѣленіе предметовъ потребленія. Представленіе о томъ, что торговыя отношенія установляются правильно чрезъ посредство естественной, неразрушимой силы, было недоступно его пониманію; въ его головѣ постоянно гнѣздилась мысль, что торговля можетъ правильно установиться лишь посредствомъ силы, принадлежащей извѣстному матеріальному учрежденію, созданному законодателями, котораго члены одѣты въ оффиціальный мундиръ, возвеличены придворными льстецами и украшены «драгоцѣнностями, состоящими изъ длинныхъ пяти словъ» *).

Съ сложными явленіями торговли случилось однако то же самое, что и съ болѣе простыми явленіями жизни неорганической. Постоянство въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ разрушило постепенно ученіе о зависимости этихъ явленій отъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей. Неодолимая сила очевидности наконецъ установила вѣру въ законъ спроса и предложенія, точно такъ же, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ она установила вѣру въ законъ тяготѣнія. Развитіе науки политической экономіи есть новая побѣда вѣры въ безличныхъ дѣятелей надъ вѣрою въ личныхъ. Ее слѣдуетъ разсматривать какъ звено въ ряду перемѣнъ, начавшихся съ первой побѣды философіи естественныхъ наукъ надъ предразсудкомъ.

§ 4. По счастью, теперь уже не нужно подкрѣплять ученіе о свободной торговлѣ соображеніями здравой политики. Со времени Солона люди постоянно пытались вводить улучшенія въ естественные законы торговли и наконецъ начали убѣждаться, что такія покушенія болѣе, чѣмъ безполезны. Политическая экономія исполнила свое главное призваніе: она показала намъ, что въ этомъ случаѣ самое лучшее— предоставить дѣла ихъ собственному теченію. Такое убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось въ насъ возрастающимъ чувствомъ справедливости. Мы узнали по опыту, что изъ несправ-

*) Метафора, выражающая отношеніе нѣмецкихъ чиновниковъ къ своимъ титуламъ.

недавнихъ постановленій можетъ происходить одно только зло,—законъ, неизмѣнностъ котораго отцы наши испытали во многихъ случаяхъ и самимъ намъ придется испытать еще въ очень и очень многихъ. Это былъ еще одинъ урокъ, показавшій намъ всю необходимость уважать принципы отвлеченной справедливости. Если правильно смотрѣть на дѣло, то окажется, что лига противъ хлѣбныхъ законовъ, съ ея лекціями, газетами, чудовищными митингами и тоннами брошюръ, учила народъ правилу, которое и безъ того должно бы быть для него яснымъ, правилу, что нарушеніе человѣческихъ правъ не можетъ породить никакого добра. Чтобы мы хотя отчасти поняли это, нуженъ былъ для насъ горькій опытъ и чудовищная масса толковъ и убѣжденій. Если мы еще себѣ не разъяснили, справедливо это или нѣтъ по отношенію къ другимъ предметамъ,—по крайней мѣрѣ мы теперь вполнѣ убѣждены въ справедливости сказаннаго правила по отношенію къ торговлѣ. Въ этомъ случаѣ, мы наконецъ-таки заявили, что впредь будемъ слѣдовать закону равной свободы.

ГЛАВА XXIV.

Религіозныя учрежденія.

§ 1. По принятому обычаю намъ необходимо заняться здѣсь положеніемъ, которое читатель могъ уже вывести самъ изъ главы XXII, именно—что правительство поступаетъ несправедливо употребляя часть своихъ доходовъ, или часть народнаго имущества на распространеніе—христіанской ли, другой ли какой религіи. Если, подобно нашему, правительство насильно отнимаетъ у гражданъ деньги для того, чтобы поддерживать національную церковь, то оно виновно въ нарушеніи тѣхъ правъ, которыя обязано охранять; оно совершаетъ преступленіе противъ свободы дѣятельности способностей, защита которой составляетъ его назначеніе. Выше было показано, что если правительство уменьшаетъ свободу дѣятельности подданнаго болѣе, чѣмъ это нужно для охраненія остальныхъ, то оно нападаетъ, вмѣсто того чтобы защищать. Государство такими мѣрами понуждаетъ гражданъ отказываться отъ его помощи, если право такого отказа за ними признано (а разсматривая вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія, это такъ и должно быть); оно безъ нужды стѣсняетъ свободу тѣхъ, которые отъ него не отказываются, и въ томъ же самомъ размѣрѣ нарушаетъ свои обязанности. Если мы примѣнимъ къ этому случаю общіе принципы, установленные выше, то найдемъ, что государство не можетъ принимать на себя религіозную проповѣдь, не мѣшая прямо своимъ настоящимъ отправленіямъ и не уменьшая отчасти своей способности къ ихъ выполненію.

§ 2. Поведеніе англійскаго духовенства представляетъ намъ интересный примѣръ того, какимъ образомъ люди, разъ

отказавшись съ негодованіемъ отъ извѣстныхъ убѣжденій, принимаютъ ихъ снова, только въ слегка замаскированномъ видѣ. Ученія римской церкви, противъ которыхъ наше духовенство такъ яростно проповѣдуетъ, защищаются имъ же къ примѣненію къ своей собственной вѣрѣ. Всякая государственная церковь въ существѣ своемъ—то же папство. У насъ есть свой Ватиканъ—домъ св. Стефана. Разница только въ томъ, что нашъ первосвященникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ. Наша тройная тіара раздѣлена на части: одна приходится на долю монарха, другая достается парамъ, а третья—палатѣ общинъ. Это однако не составляетъ рѣзкаго различія. По существу своему папствомъ будетъ всякая претензія на непогрѣшимость. Съ точки зрѣнія принципа все равно, заявлено ли такое притязаніе однимъ или нѣсколькими людьми. Если удивительное требованіе: «Вы должны вѣрить тому, что мы признаемъ за истину, а не тому, что сами считаете правдою» исходитъ отъ парламентскаго большинства, то оно, безъ сомнѣнія, менѣе оскорбительно, чѣмъ когда исходитъ отъ одного лица. Но все-таки возникаетъ вопросъ: по какому праву люди эти дѣлаютъ такое провозглашеніе? Откуда они взяли свою непогрѣшимость?

Нѣтъ надобности доказывать, что правительство, устанавливающее религію, заявляетъ этимъ претензію на непогрѣшимость. Прежде чѣмъ будетъ установлена церковная организація, необходимо составить себѣ ясное понятіе о томъ, къ чему она должна привести. Прежде, чѣмъ назначены будутъ для проповѣди священники съ жалованьемъ отъ государства, необходимо рѣшить, что они будутъ проповѣдывать. Кто же долженъ рѣшать въ этомъ случаѣ? Ясно, что государство. Оно должно само выработать вѣру; если же не само выработать, то назначить для этой цѣли одного или нѣсколькихъ людей. Оно должно какимъ-нибудь путемъ открыть истину и отдѣлить ее отъ лжи; стало-быть оно не можетъ избѣгнуть и сопряженной съ этимъ отвѣтственности. Если государство станетъ само устанавливать ученіе, которое должно преподаваться, государство за него отвѣчаетъ. Если оно поручитъ избраніе ученія другимъ,—опять-таки отвѣтственность его не уменьшается, такъ какъ, во-первыхъ, отъ него изошло назначеніе тѣхъ, которые выбираютъ, и, во-вторыхъ, оно одобрило ихъ выборъ. Сказать, что правительство должно

установить и поддерживать систему религіознаго воспитанія
это значитъ сказать, что изъ всѣхъ вѣроученій, которыхъ
придерживались и придерживаются люди, оно должно выбрать
самое истинное. Оно должно рѣшить, какая вѣра лучше—
римско-католическая, греко-православная, лютеранская или
сдѣлать выборъ между системой доктора Нюзея, высокой
евангелической церковью; оно должно опредѣлить, когда слѣ
дуетъ насъ крестить: въ дѣтствѣ или въ совершенномъ воз
растѣ?—На чьей сторонѣ истина: на сторонѣ тринитаріевъ
или унитаріевъ?—Какъ спасаются люди: вѣрой или дѣлами?—
Попадутъ ли невѣрные въ адъ или нѣтъ?—Должны ли
священники проповѣдывать въ бѣлой или черной одеждѣ?—
Основана ли конфирмація на евангеліи или нѣтъ?—Слѣдует
ли праздновать дни святыхъ или не слѣдуетъ?—Возрождает
ли крещеніе или не возрождаетъ (еще недавно были мы сви
дѣтелями дебатовъ по этому вопросу)? Когда государство раз
рѣшитъ всѣ эти вопросы, раздробившіе человѣчество на без
численное множество сектъ, тогда оно должно объявить, что
его рѣшеніе непогрѣшимо, что оно не подлежитъ спору
что оно безапелляціонно. Тутъ нѣтъ выбора. Если государств
не поступитъ такимъ образомъ, то оно само себя осудитъ на по
лѣйшую несообразность. Только на основаніи предположенія
непогрѣшимости государства его церковная дѣятельность будет
казаться сколько-нибудь сносною. На какомъ же другомъ осно
ваніи можетъ оно взимать поборы и десятины съ диссентера? Ка
кой отвѣтъ можетъ оно дать на его возраженія? «Совершенно л
вы убѣждены въ истинѣ вашего вѣроученія?» Спрашиваетъ дис
сентеръ.—«Нѣтъ,—отвѣчаетъ государство,—я не совершенно
увѣрено, но почти увѣрено.»—«Если такъ, то вы можете
ошибаться, не правда ли?»—«Могу».—«Можетъ быть так
же, что истина будетъ на моей сторонѣ, не правда ли?»—
«Дѣло возможное.»—«Однако же вы грозите наказать мен
за расколъ! Вы захватываете мое имущество; вы заключи
меня въ тюрьму, если я стану сопротивляться; и все э
для того, чтобы проповѣдывать доктрину, которая по со
ственному вашему признанію, можетъ быть ложна! Другим
словами—для того, чтобы уничтожить проповѣдью учені
которое по вашему же сознанію можетъ заключать въ себ
истину! Какъ вы это оправдываете?»—Нѣтъ отвѣта. Итак
ясно, что если государство считаетъ себя въ правѣ вмѣш

ваться въ религіозную сферу, то оно можетъ это сдѣлать лишь подъ условіемъ, что его ученіе внѣ области ошибокъ. Разъ оно говоритъ такимъ образомъ,—оно приравниваетъ себя ко всей дисциплинѣ и къ ученію римско-католической церкви. Государство признаетъ свою вѣру такою, что въ ней сомнѣваться невозможно: оно считаетъ себя призваннымъ распространять эту вѣру и считаетъ обязанностью употреблять для этого самыя дѣйствительныя мѣры; оно должно низвергнуть всѣхъ другихъ, противныхъ ему проповѣдниковъ потому что они узурпируютъ принадлежащее ему мѣсто и мѣшаютъ принятію непогрѣшимаго ученія,—оно должно употребить столько насилія, сколько для этого необходимо,—слѣдовательно, должно заключать въ тюрьму, налагать пени, а если нужно, то употреблять и болѣе строгія наказанія, дабы ложь была уничтожена, а истина восторжествовала. Остановиться на полпути невозможно. Разъ на государствѣ лежитъ обязанность вести людей по пути къ небесамъ,—оно не можетъ дозволить, чтобы нѣкоторыхъ склоняли на другой путь. Очевидно, что оно совершитъ преступленіе, если не наложитъ небольшого наказанія на землѣ и не отвратитъ чрезъ это отъ многихъ вѣчнаго осужденія въ будущей жизни за ложную вѣру. Не подлежитъ сомнѣнію—оно должно дѣлать или все, или ничего. Если государство не имѣетъ претензіи на непогрѣшимость, то оно не можетъ установлять національной религіи: а если, установляя государственную религію, государство такимъ образомъ заявитъ претензію на непогрѣшимость, то оно должно принуждать всѣхъ исповѣдывать эту религію. Итакъ, мы приходимъ къ тому, что было сказано: всякая государственная религія, по существу своему—то же папство.

§ 3. Между мыслящими людьми постепенно стало распространяться убѣжденіе, что государственная церковь не столько религіозное, сколько политическое учрежденіе. «Кто не видитъ,—спрашиваетъ Локкъ, говоря о духовенствѣ,—что эти люди гораздо болѣе служители правительства, чѣмъ служители евангелія?» Вѣроятно во времена Локка не много было людей, которые видѣли это; но теперь ихъ много. Нельзя сказать, чтобы упомянутый фактъ вполнѣ отрицался даже приверженцами государственныхъ религіозныхъ учрежденій, и можетъ случиться, что вы убѣдитесь въ этомъ изъ

послѣобѣденнаго признанія какого-нибудь политика подобнаго рода. «Говоря между нами,—скажетъ онъ вамъ шопотомъ,— эти церкви и приходы, со всѣми своими принадлежностями, созданы не для такихъ развитыхъ людей, какъ мы съ вами: мы видимъ дальше и можемъ обойтись безъ всего этого; но нѣчто въ этомъ родѣ необходимо для поддержанія порядка въ народѣ» *). Затѣмъ, онъ начнетъ вамъ доказывать, до какой степени услуги религіи составляютъ дѣйствительную узду, сколько они порождаютъ подчиненія и довольства и насколько власть духовенства надъ прихожанами укрѣпляетъ руку свѣтскаго правительства. До какой степени распространенъ подобный взглядъ на вещи, можно видѣть изъ дѣйствій и предложеній нашихъ государственныхъ людей. Какъ иначе объяснить признанную готовность нашихъ политическихъ руководителей всѣхъ партій обезпечить римско-католическую церковь въ Ирландіи, только бы позволила имъ это англійская религіозная публика? Какія другія цѣли, кромѣ политическихъ, могутъ побуждать Ость-Индскую компанію, этого государственнаго намѣстника, давать джагернаутскому храму ежегодную субсидію въ 23,000 рупій и возвращать эти деньги посредствомъ сбора съ пилигримовъ? Или, что могло побудить цейлонское правительство сдѣлаться охранителемъ зуба Будды и назначить буддистскихъ священниковъ? **)

§ 4. Что касается духовенства, которое отстаиваетъ государственную церковь и доказываетъ, что она необходима для поддержанія религіи, то оно тѣмъ самымъ осуждаетъ собственное свое дѣло, произноситъ приговоръ противъ собственной вѣры, какъ негодной, и обвиняетъ себя въ лицемѣріи. Какъ, они признаютъ, что эта вѣра, которую они цѣнятъ такъ высоко, должна умереть естественной смертью, если имъ не будутъ платить за ея пропаганду?! Весь этотъ народъ, о спасеніи котораго они, по ихъ словамъ, такъ заботятся, долженъ быть обреченъ на гибель, если будутъ уничтожены мѣста приходскихъ священниковъ, канониковъ и епископовъ? Развѣ то апостольское вдохновеніе, которое,

*) Все это было дѣйствительно сказано автору.

**) См. письмо сэра Коллина Кэмбеля къ лорду Стэнлею отъ 2 мая 1845 года.

по ихъ словамъ, унаслѣдовано ими, принесло съ собою такъ мало апостольской ревности, что не будь обезпеченныхъ приходовъ и десятинъ—не было бы и проповѣди? Или тѣ, которые объявляютъ при своемъ посвященіи, что они чувствуютъ «внутреннее призваніе отъ Святого Духа», теперь уже находятъ, что ихъ внутренно призываетъ лишь звонъ золота? Если бы все это исходило не отъ нихъ самихъ, они тотчасъ же, конечно, закричали бы о клеветѣ! Что скажутъ они послѣ этого о своей паствѣ? Развѣ она такъ мало заботится о вѣрѣ, которой ее обучали, что ей не можетъ быть ввѣрено поддержаніе этой вѣры? Неужели христіанство, пользовавшееся въ теченіе столѣтій церковнымъ уходомъ, такъ не глубоко пустило свои корни въ сердца людей, что должно увянуть и погибнуть безъ орошеній со стороны правительства? Неужели мы должны думать, что эти постоянныя молитвы и совершенія таинствъ, поученія и увѣщанія, посѣщенія съ религіозною цѣлью и чтенія евангелія не произвели даже настолько энтузіазма, что они могутъ держаться сами собою? Неужели результатъ десяти тысячъ проповѣдей въ недѣлю такъ ничтоженъ, что слушатели не согласятся дать деньги, необходимыя для поддержанія священства? Господи Боже мой, да если все это дѣйствительно такъ, то на что же годна религіозная система подобнаго рода? Ея адвокаты такого сорта, что имъ стоитъ только раскрыть свои документы, чтобы показать несостоятельность собственнаго дѣла. Они своимъ поведеніемъ доказываютъ или безсиліе проповѣдуемой вѣры, или негодность своихъ проповѣдей! Итогъ и сущность ихъ просьбы о государственной пропагандѣ вѣроученія заключается въ признаніи, что этому послѣднему не удалось одушевить священство своимъ духомъ самопожертвованія, что ему не удалось забросить въ душу этихъ хапжей хоть искру собственнаго внутренняго величія и благородства!

§ 5. Излишне далѣе распространяться объ этомъ вопросѣ въ настоящемъ, милостію Божіею, тысяча восемь сотъ пятидесятомъ году, съ его горгамскими религіозными спорами, іезуитскими отщепенцами, римско-католическими и раціоналистическими расколами, неурядицей внутри церкви и враждебными ассоціаціями извнѣ. Происшествія убѣдили большинство мыслящихъ людей—они убѣдили даже многихъ изъ числа духовенства,—что государственная поддержка для ка-

кого бы то ни было вѣроученія есть зло и что, въ Англі
по крайней мѣрѣ, она въ скоромъ времени прекратится. Д
убѣжденія тѣхъ, кто не видитъ этого, существуютъ цѣлы
томы, наполненные фактами, и совершенно излишне прибав
влять къ нимъ что-нибудь. Для нашей цѣли совершенно
достаточно подкрѣпить выведенныя раньше отвлеченныя поло
женія заключеніями, къ которымъ мы пришли въ настоя
щей главѣ: что государство не можетъ установить религіи
не претендуя на непогрѣшимость, и что тотъ, кто признает
такое учрежденіе необходимымъ для какой бы то ни бы
религіи, осуждаетъ эту послѣднюю.

ГЛАВА XXV

Законы о бѣдныхъ.

§ 1. Если государство принимаетъ на себя обязанности всеобщаго обезпеченія бѣдныхъ, то оно точно такъ же, какъ и при всякой другой посторонней дѣятельности, неизбѣжно нарушаетъ принципъ, по которому роль его ограничивается, въ предѣлахъ справедливости, исключительно защитой. Если государство требуетъ отъ гражданина извѣстнаго взноса для вспомоществованія бѣднымъ—взноса, не нужнаго для защиты человѣческихъ правъ, то оно, какъ мы уже видѣли, дѣйствуетъ противно своему истинному отправленію и уменьшаетъ свободу дѣятельности способностей, которую должно защищать. Можетъ быть, найдутся люди, которые, не обращая вниманія на изложенныя выше объясненія, станутъ утверждать, что правительство, удовлетворяя потребностямъ бѣднаго, расширяетъ свободу дѣятельности его способностей, такъ какъ даетъ ему то, безъ чего дѣятельность этихъ способностей невозможна; что такимъ образомъ, если при этомъ сфера дѣятельности платящихъ сборы и уменьшается, зато вмѣстѣ съ этимъ увеличиваются предѣлы дѣятельности тѣхъ, между которыми сборы распредѣляются. Подобное воззрѣніе на дѣло заключаетъ въ себѣ смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ вещей. Спеціальное назначеніе гражданской власти заключается въ томъ, чтобы вынудить выполненіе основного закона. Она должна заботиться, чтобы каждый человѣкъ могъ дѣлать все, что хочетъ, пока не нарушаетъ равной свободы другихъ. Обезпечить за каждымъ человѣкомъ право безпрепятственно преслѣдовать, въ опредѣленныхъ предѣлахъ, предметы своихъ желаній,—вовсе не значитъ обезпечить для

него удовлетвореніе. Изъ двухъ личностей одна можетъ по
зоваться съ успѣхомъ своей свободой дѣятельности,—може
найти то удовлетвореніе, которое отыскивала, можетъ пи
нить цѣнности, равняющіяся многихъ удовлетвореніямъ, т.
собственность; въ то же время другая, несмотря на равн
преимущества, можетъ вовсе не достигнуть своихъ цѣл
Результаты эти нисколько не касаются государства. Все
призваніе заключается въ наблюденіи за тѣмъ, чтобъ каждо
гражданину было предоставлено пользованіе для своего у
влетворенія всѣми силами и случаями, какими онъ може
обладать. Если государство беретъ у благоденствующаго
того, чтобы давать неимущему, то оно нарушаетъ свою о
занность по отношенію къ одному и дѣлаетъ болѣе, чѣ
слѣдуетъ, относительно другого. Оно, какъ уже выраже
было въ другомъ мѣстѣ (гл. XXII, § 1), разрушаетъ жизн
ный законъ общества и производитъ то, что не вызывае
жизненной его силой.

§ 2. Взглядъ, популяризированный Коббетомъ, что вся
имѣетъ право на необходимыя средства для существова
получаемыя отъ земли, ставитъ въ ложное положеніе тѣ
которые его раздѣляютъ. Стоитъ попросить ихъ объяснит
подробнѣе и они сядутъ на мель. Согласитесь съ ихъ пр
ципомъ; скажите имъ, что вы признаете правильность
основанія, и затѣмъ задайте имъ вопросъ, разрѣшеніе
тораго неизбѣжно прежде, чѣмъ ихъ претензія можетъ бы
удовлетворена: потребуйте отъ нихъ точнаго опредѣленія э
претензіи; спросите, что такое необходимыя средства для
ществованія? Они ничего не смогутъ отвѣтить. Они долж
молчать. «Что же это,—продолжаете вы,—картофель да со
съ рубцами и грязной лачугой? Или это хлѣбъ съ свинь
саломъ и изба изъ двухъ комнатъ? Достаточно ли куска
са по воскресеньямъ? Или нужно каждый день мясо и пи
Требуется ли чай, кофе и табакъ? и если требуется, то
какомъ количествѣ? Достаточно ли голыхъ стѣнъ и кам
наго пола? Или необходимы коверъ и бумажные обои?
щественно ли необходимы башмаки? Или можно одобр
шотландское обыкновеніе? Слѣдуетъ ли платье дѣлать
бумазеи? Если нѣтъ, то какого достоинства должно б
сукно? Словомъ, укажите точно, что такое значитъ необ
димое содержаніе и какое мѣсто оно занимаетъ между дв

крайностями—нищетой и роскошью? Они опять-таки должны молчать. Вы убѣждаете, вы объясняете, что ничего не можетъ быть сдѣлано прежде, чѣмъ получится удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ. Вы доказываете, что претензія должна получить опредѣленную, понятную, форму прежде, чѣмъ можно приступить къ ея выполненію. «Какимъ же образомъ,—спрашиваете вы,—узнаемъ мы, достаточно ли назначено, или слишкомъ много?» Опять молчаніе. Отвѣтъ дѣйствительно невозможенъ. Мнѣній можно представить сколько угодно, но ни одного точнаго, единодушнаго отвѣта. Одинъ полагаетъ, что все, что можно требовать по справедливости, это—обезпеченіе одного существованія. Другой желаетъ нѣсколько болѣе крайне необходимаго. Третій утверждаетъ, что нужно доставлять и какія-нибудь радости въ жизни. Нѣкоторые изъ самыхъ послѣдовательныхъ доводятъ ученіе до его законныхъ результатовъ и удовлетворяются лишь общей собственностью. Кто рѣшитъ между этими противоположными взглядами? Или, лучше сказать,—какъ согласить тѣхъ, кѣмъ они высказываются? Можетъ ли кто-нибудь изъ нихъ доказать, что его опредѣленіе основательно, а мнѣніе другихъ ложно? Онъ долженъ однако же это сдѣлать, если хочетъ доставить торжество своему взгляду. Прежде чѣмъ нашъ мыслитель предъявитъ въ верховномъ судѣ нравственности искъ противъ общества, онъ долженъ изложить во всей подробности свою просьбу. Сдѣлаетъ онъ это—онъ имѣетъ право требовать, чтобы его выслушали. Если онъ этого не сдѣлаетъ,—онъ очевидно долженъ получить отказъ.

Тоже самое можно сказать и о правѣ на работу,—этомъ французскомъ переводѣ ученія, положеннаго въ основу нашихъ законовъ о бѣдныхъ. Критика, подобная вышеизложенной, поставила бы его защитниковъ въ такое же затрудненіе. Есть еще путь, которымъ можно доказать несостоятельность сказанныхъ ученій,—какъ въ томъ видѣ, который они приняли въ Англіи, такъ и въ томъ, какой они имѣютъ на материкѣ. Этотъ пріемъ можно здѣсь употребить съ успѣхомъ.

Сначала намъ слѣдуетъ точно опредѣлить смыслъ выраженія «право на работу». Если мы хотимъ избѣгнуть двусмыслія, то нужно выразиться точно—«право на полученіе работы»; тутъ требуется не свобода труда—объ этомъ никто не споритъ,—здѣсь требуется случай работать, требуется,

чтобы для человѣка постоянно имѣлось занятіе съ вознагражденіемъ. Мы не будемъ распространяться о томъ, что слово «право» употреблено здѣсь въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, какой ему придается обыкновенно. Словомъ этимъ не обозначается здѣсь чего-либо присущаго человѣку;— имъ обозначаютъ явленіе, зависящее отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Имъ не обозначается чего-либо, чѣмъ лицо владѣетъ въ силу своихъ способностей, но—нѣчто вытекающее изъ его отношеній къ другимъ. Тутъ правомъ называется не то, что вѣрно по отношенію къ человѣку, какъ къ отдѣльной личности, а то, что можетъ быть вѣрно по отношенію къ нему лишь въ качествѣ члена общества. Этимъ именемъ обозначается здѣсь не такое явленіе, которое предшествуетъ обществу, но такое, которое является неизбѣжно послѣ него; имъ не выражается претензія на свободу извѣстнаго собственнаго дѣйствія, но претензія на чужое дѣйствіе въ пользу другого человѣка. Все это однако не должно насъ задерживать: мы примемъ это выраженіе такъ, какъ оно употреблено, и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ, если мы доведемъ доктрину до крайнихъ предѣловъ. Если ремесленникъ заявляетъ притязаніе на то, чтобы его снабжали работой, то онъ предполагаетъ, что существуетъ извѣстная власть, на которой лежитъ обязанность снабжать его дѣломъ. Что же это за власть? Онъ отвѣчаетъ, что власть эта—правительство. Но вѣдь правительство не есть власть основная, это—власть, полученная по довѣренности, слѣдовательно—такая, которая исполняетъ только порученіе своего довѣрителя; она должна дѣйствовать въ томъ направленіи, какое ей будетъ указано довѣрителемъ приказаній. Кто же этотъ довѣритель?—Общество. Итакъ, выражаясь точно, мы должны сказать, что нашъ ремесленникъ считаетъ общество обязаннымъ искать ему работы. Но онъ самъ членъ общества: онъ, слѣдовательно, часть того тѣла, которое, по его выраженію, должно отыскивать для всѣхъ работу. Итакъ онъ имѣетъ свою долю въ обязанности отысканія работы для каждаго. Въ то время, какъ всѣ люди обязаны отыскивать работу для него, на немъ лежитъ обязанность помогать въ отысканіи работы для всѣхъ. Если мы назовемъ его согражданъ буквами алфавита, то его теорія будетъ заключаться въ слѣдующемъ: *А, Б, В, Г* и прочіе члены націи обязаны да-

вать ему работу: онъ вмѣстѣ съ *Б*, *В*, *Г* обязанъ давать работу *А*; вмѣстѣ съ *А*, *В*, *Г* и прочими онъ обязанъ давать работу *Б*; вмѣстѣ съ *А*, *Б*, *Г* и прочими онъ обязанъ давать работу *В*; вмѣстѣ съ *А*, *Б*, *В* и проч. онъ обязанъ давать работу *Г*: и такъ далѣе,—можно перечислить всѣ десять или двадцать милліоновъ, изъ которыхъ состоитъ общество.

Изъ вышеизложеннаго мы видимъ, какъ легко отличать воображаемыя права отъ дѣйствительныхъ. Ихъ нѣтъ надобности опровергать—они сами себя опровергаютъ. Иллюзіи разбиваются, если ихъ подвергнуть испытанію посредствомъ точнаго опредѣленія. Подобно мыльному пузырю, ихъ плѣнительный блескъ скоротеченъ и исчезаетъ въ рукахъ того, кто захочетъ ихъ схватить.

Намъ однако же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что если всѣ эти теоріи законовъ для бѣдныхъ и коммунистическія ученія,—всѣ эти мнѣнія о правахъ человѣка на необходимое обезпеченіе и на работу сами по себѣ и ложны, то, тѣмъ не менѣе, онѣ весьма родственны истинѣ. Всѣ эти попытки суть не что иное, какъ безуспѣшное усиліе выразить право на землю, присущее каждому родившемуся на нашей планетѣ: его нельзя отправить безъ дальнихъ хлопотъ обратно на тотъ свѣтъ; тѣ, кто владѣетъ благами земли, не могутъ игнорировать его пребываніе въ нашей средѣ. Другими словами, упомянутыя теоріи суть попытки дать выраженіе мысли, заключающейся въ законѣ: всѣ люди имѣютъ равное право на пользованіе землею (глава IX). Не мудрено, если эта идея приняла такой грубый видъ. Неизбѣжно должно было родиться неопредѣленное понятіе о томъ, что есть нѣчто дурное въ современныхъ отношеніяхъ массы человѣчества и что это дурное касается взглядовъ на землю и жизнь. Когда люди оградили себя отъ наибольшей изъ несправедливостей—отъ рабства, тогда они со временемъ должны были непремѣнно почувствовать чудовищность явленія, вслѣдствіе котораго изъ десяти человѣкъ девять могли существовать на землѣ только потому, что ихъ тутъ терпѣли остальные;—они не имѣли бы даже такого пространства, гдѣ бы могли стать, разъ имъ не дозволили бы этого тѣ, которые присвоили себѣ исключительное владѣніе земною поверхностью (гл. IX, § 2). Всѣ эти люди были лишены права на пріобрѣтеніе необходимыхъ

средствъ для своего существованія; имъ отказали въ пользованіи тѣми созданными природою источниками, изъ которыхъ можно почерпать необходимое для жизни; мало этого, они даже лишены права вымѣнивать свой трудъ на предметы первой необходимости безъ дозволенія своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей. Неужели это справедливо? Неужели можно почитать нормальнымъ порядокъ, при которомъ большинство не имѣетъ никакого права на существованіе, кромѣ того, какое зависитъ отъ доброй воли и удобствъ меньшинства? Неужели можно согласиться съ тѣмъ, что всѣ эти бездомные «люди не должны были являться на свѣтъ, гдѣ всѣ мѣста уже заняты?»—Навѣрно нѣтъ. А если нѣтъ, то въ какомъ же положеніи окажется дѣло?—Въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы, навязывавшіеся людямъ въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, явились между прочимъ ученія о правѣ на необходимое содержаніе и о правѣ на работу. Если мы должны отвергнуть ихъ за несостоятельностью, все-же намъ придется признать въ нихъ не достигнувшее своей цѣли усиліе нравственнаго чувства выразить требованіе естественной справедливости.

§ 3. Многіе полагаютъ, что законъ о бѣдныхъ достаточно оправдывается тѣмъ зломъ, которое сдѣлано было народу, когда у него насильно отобрали его прирожденныя права на землю. Люди, держащіеся такого взгляда, находятъ, что это—учрежденіе, предназначенное для раздачи вознагражденія,—опредѣленіе, весьма благовидное для подобной доктрины. Но если его разсматривать какъ аргументъ въ пользу національной организаціи для вспомоществованія бѣднымъ, то оно не выдержитъ критики. Противъ него можно возразить, что политика, которая старается противодѣйствовать одной несправедливости причиняя другую и которая увѣковѣчиваетъ эти взаимныя несправедливости, не зная, уравновѣшиваютъ ли онѣ другъ друга или нѣтъ,—что такая политика, по меньшей мѣрѣ, крайне сомнительна. Это возраженіе имѣло бы значеніе даже и тогда, если бы нельзя было привести лучшихъ основаній. Зачѣмъ возводить въ систему болѣзненное состояніе?—Рано или поздно нужно будетъ измѣнить положеніе дѣлъ, при которомъ большинство личностей, составляющихъ политическое тѣло, не имѣютъ прямого доступа къ источникамъ жизни. Конечно, для людей будетъ трудно

установить нормальныя условія. Нельзя даже опредѣлить, сколько пройдетъ поколѣній прежде, чѣмъ задача эта будетъ разрѣшена. Но когда-нибудь она разрѣшится непремѣнно. Между тѣмъ исправленіе зла, причиненнаго современнымъ несправедливымъ отношеніемъ человѣчества къ землѣ, отдаляется всякимъ учрежденіемъ, которое скрываетъ его недостатки. «Великодушный законъ о бѣдныхъ» предлагается открыто въ видѣ лучшаго средства для успокоенія раздраженнаго народа. Рабочіе дома призрѣнія употребляются для смягченія самыхъ рѣзкихъ симптомовъ общественныхъ болѣзней. Приходскими сборами покупается молчаніе. Человѣкъ, желающій радикальнаго излеченія народныхъ болѣзней и въ особенности—устраненія атрофіи одного класса и гипертрофіи другого вслѣдствіе неправильныхъ отношеній къ землѣ, поступитъ непослѣдовательно, если станетъ защищать компромиссъ какого бы то ни было рода.

Притомъ же законъ о бѣдныхъ вовсе не заключаетъ въ себѣ орудія для распредѣленія вознагражденія. Вспомоществованіе бѣднымъ не составляетъ такого назначенія ни въ отношеніи къ тѣмъ, которые платятъ, ни въ отношеніи къ тѣмъ, которые получаютъ. Имѣй подать для бѣдныхъ сказанный характеръ вознагражденія,—она должна была бы падать цѣликомъ на землю; однако же на самомъ дѣлѣ это не такъ. Кромѣ того, та часть, которая падаетъ на землю, должна бы взыскиваться исключительно съ узурпаторовъ и ихъ потомковъ. Но и это въ дѣйствительности иначе. Согласно гипотезѣ, тягость не должна бы падать на невинныхъ. Между тѣмъ она падаетъ: подать для бѣдныхъ оплачивается поземельной собственностью, которая уже нѣсколько разъ перешла изъ рукъ въ руки посредствомъ купли. При сказанномъ характерѣ, тягость не должна бы падать на тѣхъ, которые сами были обобраны. Однако же она падаетъ: большинство плательщиковъ этой подати не принадлежатъ къ поземельнымъ владѣльцамъ. Но по смыслу гипотезы всѣ тѣ, которые устранены были отъ наслѣдія въ дарахъ природы, должны бы получить часть въ этомъ, такъ называемомъ, вознагражденіи. Но и этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: лишь тамъ и самъ кое-кто получаетъ его. Система эта, слѣдовательно, не выполняется ни въ какомъ отношеніи. Она не достигаетъ первоначальныхъ нарушителей. Вмѣсто нихъ об-

лагается сборами невинные. Снова обирается значительная часть тѣхъ, у которыхъ права были уже обобраны. Затѣмъ лишь немногимъ изъ остальныхъ перепадетъ кое-что изъ собраннаго.

§ 4. Обыкновенно законъ о бѣдныхъ защищается на томъ основаніи, что онъ необходимъ для смягченія народныхъ страданій. Не мудрено, если такого рода причины приводятся человѣкомъ, принадлежащимъ къ господствующей церкви; но если на нихъ ссылается диссентеръ, какъ это часто бываетъ, то нельзя не увидать въ этомъ странной непослѣдовательности. Множество возраженій, дѣлаемыхъ диссентерами противъ господствующей вѣры, одинаково примѣнимы и къ господствующей благотворительности. Диссентеръ утверждаетъ, что несправедливо облагать его сборомъ для поддержанія религіи, догматовъ которой онъ не признаетъ. Но развѣ нельзя на томъ же основаніи протестовать противъ сбора, назначеннаго для примѣненія системы вспомоществованія бѣднымъ, которую плательщикъ порицаетъ? Онъ не признаетъ за епископомъ и духовенствомъ права указывать ему въ дѣлахъ религіи—что онъ долженъ принять и что—отвергнуть. Почему же онъ не оспариваетъ права какой-нибудь коммиссіи или приходскаго совѣта выбирать за него достойныхъ благотворительности и отвергать тѣхъ, которые будто бы недостойны? Если онъ отступаетъ отъ государственной церкви на томъ основаніи, что при добровольной и естественной поддержкѣ религія пріобрѣтаетъ болѣе всеобщее значеніе и преданность ей является болѣе искреннею; то не слѣдуетъ ли ему отказаться также и отъ закона для бѣдныхъ, потому что добровольная благотворительность должна произвести болѣе обширные и болѣе удовлетворительные результаты. Если онъ находитъ, что государство, которое проповѣдуетъ какую-либо вѣру, вноситъ этимъ въ ея среду растлѣніе и уничтожаетъ ея естественное вліяніе, то не долженъ ли онъ сказать то же самое о злѣ пауперизма, которымъ сопровождается государственное вспомоществованіе бѣднымъ? Его нонконформизмъ въ дѣлахъ вѣры не долженъ ли сопровождаться нонконформизмомъ въ *добрыхъ дѣлахъ*? Его современныя мнѣнія такъ между собою не сообразны, что согласить ихъ нѣтъ никакой возможности. Онъ сопротивляется всякому покушенію мѣшаться въ его *выборъ* по отношенію къ религіи,

но подчиняется деспотическимъ предписаніямъ касательно примѣненія религіозныхъ требованій къ жизни. Онъ отвергаетъ право законодательства объяснять теорію, но находитъ необходимымъ, чтобы оно руководило имъ въ практикѣ. Согласованіе такихъ положеній невозможно себѣ представить. Тотъ, кто убѣжденъ, что духовнымъ недостаткамъ можно помочь лишь посредствомъ государственной церкви, тотъ имѣетъ еще какъ будто бы основаніе предполагать, что посредствомъ такого же учрежденія можно помочь и нуждамъ тѣлеснымъ. Но человѣкъ, защищающій свободу выбора, долженъ ужъ оставаться при этомъ принципѣ во всѣхъ случаяхъ.

§ 5. Должны ли страданія несчастнаго получать облегченіе вслѣдствіе возвышенныхъ внушеній благотворительности, или вслѣдствіе страха, внушаемаго строгими предписаніями закона? Это вопросъ вовсе не маловажный. При разрѣшеніи задачи, которымъ изъ этихъ путей бѣдность можетъ получить болѣе облегченія, мы должны принять въ соображеніе не только возможный результатъ для страдальца, но и вліяніе, которое это дѣло имѣетъ на помогающаго. При настоящемъ состояніи общества, отношеніе между благодѣтелемъ и облагодѣтельствованнымъ есть отношеніе, возвышающее душу. Благотворительность, по своей природѣ, существенно способствуетъ цивилизаціи: она до извѣстной степени укрощаетъ дикія наклонности, которыя еще остались въ насъ, противодѣйствуетъ холодному и жесткому состоянію чувствъ, какое порождается дѣловою жизнью; она крѣпче затягиваетъ цѣпи взаимной зависимости, сдерживающія людей. Ощущеніе, сопровождающее всякій благородный поступокъ, прибавляетъ лишній атомъ къ созданію души идеальнаго человѣка. Каждая жестокость непремѣнно измѣнитъ свойства человѣка такимъ образомъ, что она оттянетъ его книзу и приблизитъ къ варварству; точно такъ же каждый хорошій поступокъ неизбѣжно измѣнитъ свойства человѣка къ лучшему и подвинетъ его къ совершенству. Слѣдовательно, всякое облегченіе бѣдности, совершенное путемъ симпатіи, вдвойнѣ дѣйствительно. Оно нетолько устраняетъ зло, требующее помощи, но кромѣ того еще помогаетъ человѣчеству принимать формы, при которыхъ зло это когда-нибудь устранится.

Системы, вынуждающія помочь бѣднымъ путемъ закона, производятъ совершенно иное вліяніе; ихъ результаты прямо

противоположны. «Милосердіе и благость души не создаются принужденіемъ», говоритъ поэтъ. «Они падаютъ, какъ благодѣтельный дождь, съ неба. Они приносятъ благословеніе и тому, кто даетъ, и тому, кто получаетъ». Законъ же о бѣдныхъ пытается сдѣлать людей милосердыми насильно: у сопротивляющагося онъ вымогаетъ и заставляетъ и благотворимаго и благотворителя равно проклинать такое благотвореніе; проклятія одного оттѣнены недовольствомъ и безпечностью, проклятія другого—жалобами и часто возвращающеюся горечью.

Самый безпечный наблюдатель долженъ былъ замѣтить это превращеніе бальзама въ ядъ. Посмотрите на плательщика, когда ему докладываютъ о появленіи сборщика податей. Въ его глазахъ вы не увидите выраженія милосердія, порожденнаго мыслью, что дѣло идетъ о внесеніи счастья въ жизнь страждущаго; нѣтъ улыбки, которая бы показывала, что всѣ эгоистическія заботы забыты на мгновеніе, нѣтъ мягкости въ голосѣ, признака взволнованнаго чувства состраданія; нѣтъ ничего подобнаго. Мы скорѣе встрѣтимъ омраченное лицо, нахмуренныя брови, мгновенное исчезновеніе обычнаго мягкаго выраженія. Податной листъ просматривается отчасти со страхомъ, отчасти съ досадою; слышится ропотъ насчетъ того, что такъ скоро послѣ послѣдней уплаты опять приходятъ за деньгами, кошелекъ вытаскивается изъ кармана медленно, каждая монета передается съ неудовольствіемъ, съ сборщикомъ обращаются съ сухой вѣжливостью и когда онъ уйдетъ, то нужно нѣкоторое время прежде, чѣмъ къ плательщику возвратится обычное хладнокровіе. Можетъ ли во всемъ этомъ что-нибудь напомнить добродѣтель «вдвойнѣ благословенную»? Обратите еще вниманіе на то, какъ эта благотворительность, созданная парламентскимъ актомъ, стѣсняетъ лучшія чувства людей. Передъ нами почтенный и достаточный гражданинъ, человѣкъ, не лишенный чувства, щедрый гдѣ это нужно, даже великодушный, когда его состраданіе возбуждено. Вообразите, что въ его дверь стучится нищій, или во время прогулки къ нему обращается истомленный бродяга. Что онъ сдѣлаетъ? Выслушаетъ ли онъ, разузнаетъ и поможетъ тамъ, гдѣ нужна помощь? Нѣтъ, онъ въ большинствѣ случаевъ обрѣжетъ просителя на первомъ же словѣ: «я ничего не могу вамъ дать, вы должны обра-

титься въ вашъ приходъ». Онъ совершенно равнодушно захлопнетъ дверь или уйдетъ прочь. Если затѣмъ онъ вспомнитъ, что во взглядѣ просителя было нѣчто грустное, то эта безпокойная мысль устраняется размышленіемъ, что пока есть законъ о бѣдныхъ, этотъ человѣкъ не можетъ умереть съ голоду, и что будетъ еще время разсмотрѣть его просьбу, когда онъ обратится за вспомоществованіемъ. Такимъ образомъ сознаніе, что существуютъ законныя мѣры для обезпеченія бѣднаго, дѣйствуетъ на чувства симпатіи какъ усыпительное средство. Если бы не существовало такого удобнаго извиненія, то вѣроятно поведеніе гражданина было бы иное. Вѣроятно взяло бы верхъ состраданіе, или по крайней мѣрѣ заставило бы обратить вниманіе на встрѣтившійся случай. Страждущему не пришлось бы обратиться въ присутствіе, гдѣ раздаются деньги для бѣдныхъ; онъ не получилъ бы подачки, выданной холодно изъ кассы и принятой безъ благодарности; начались бы отношенія полезныя для обѣихъ сторонъ. Великодушіе возвысило бы душу одного, а для другого цѣна помощи удвоилась бы словами утѣшенія и одобренія; она кончилась бы, можетъ быть, тѣмъ, что несчастный былъ бы поставленъ въ положеніе, при которомъ онъ можетъ обезпечивать себя самъ.

Едва ли можно найти болѣе дѣйствительное средство для отдаленія другъ отъ друга и уменьшенія ихъ взаимнаго сочувствія, чѣмъ эта система государственной милостыни. Быть благотворителемъ чрезъ посредство другого!—Можетъ ли быть что-нибудь вредное для лучшихъ человѣческихъ инстинктовъ? Это—учрежденіе, гдѣ посредствомъ нѣсколькихъ періодически уплачиваемыхъ шиллинговъ гражданинъ можетъ отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ обязанностей по отношенію къ благотворительности, требуемой отъ него въ пользу братьевъ. Быть можетъ его мучитъ совѣсть?—Такъ вотъ его успокоительное: его можно купить, заплативъ столько-то съ фунта своего дохода. Если нашъ гражданинъ равнодушенъ къ благосостоянію другихъ, то его бездушіе простится ему за акуратный платежъ сборовъ. Смотрите, что, въ сущности, гласитъ объявленіе этой системы. «Самый дѣловой и дешевый способъ для джентльменовъ — оказывать благотворительность. Милостыня раздается патентованнымъ учрежденіемъ, предназначеннымъ для того, чтобы благодѣтели не могли замарать

пальцы и избавились отъ всего непріятнаго для ихъ обоняния. Добрыя дѣла исполняются по контракту. Вѣрнѣйшее средство противъ упрековъ совѣсти—средство, которое можно имѣть всегда подъ руками. Нѣжныя чувства избавляютъ за ежегодную плату отъ чрезчуръ утомительнаго упражненія».

Вмѣсто нѣжныхъ, возвышенныхъ и симпатичныхъ отношеній, какія должны бы существовать между богатымъ и бѣднымъ, является холодный, безжизненный механизмъ, связанный регламентами и сухими писанными на пергаментѣ актами. Дѣло ведется членами коммиссій и присутственныхъ мѣстъ, канцеляристами и сборщиками, которые выполняютъ свои обязанности какъ ремесло. Оно приводится въ движеніе посредствомъ денегъ, взятыхъ силою у всѣхъ классовъ общества безъ различія. Вмѣсто сладкаго, гармоническаго голоса чувствъ, возбужденныхъ благотворными дѣлами, мы слышимъ рѣзкій, нестройный крикъ, исходящій изъ среды, которая можетъ производить только фальшивые звуки; каждое дѣйствіе, выходящее изъ этого источника—начиная сборомъ денегъ и кончая ихъ распредѣленіемъ — производитъ ропотъ, неудовольствіе и озлобленіе. Это — источникъ, порождающій ссоры изъ-за власти, споры о правахъ, мрачные взгляды, зависть, тяжбы, подкупы, мошенничество, ложь, неблагодарность. Это—средство замѣняющее и слѣдовательно усыпляющее благородныя свойства человѣческой души и поощряющее низкія.

Вотъ еще примѣръ, который показываетъ намъ, какимъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подтверждается истина, выраженная выше въ общей формы: какъ скоро правительство переступаетъ за предѣлы своей обязанности охраненія правъ людей, оно непремѣнно замедляетъ процессъ приспособленія. Въ самомъ дѣлѣ дѣятельность какой способности замѣняется закономъ о бѣдныхъ? Дѣятельность симпатіи, т. е. именно той способности, которую нужно упражнять болѣе всѣхъ другихъ, — котораго отличаетъ цивилизованнаго человѣка отъ дикаго, — которая порождаетъ идею справедливости, заставляетъ людей относиться съ вниманіемъ къ взаимнымъ своимъ претензіямъ, словомъ—дѣлаетъ общество возможнымъ. Цивилизація есть исторія возрастанія этой способности: будущія улучшенія въ состояніи людей болѣе всего зависятъ отъ увеличенія ея силы; ея окончательное

преобладаніе обезпечитъ человѣческую нравственность, свободу и счастье. Законъ о бѣдныхъ отчасти замѣняетъ эту способность. Своей дѣятельностью онъ уменьшаетъ обращенныя къ ней требованія, ограничиваетъ ея проявленія, препятствуетъ ея развитію и такимъ образомъ замедляетъ процессъ приспособленія.

§ 6. Мы видимъ, что во всей природѣ существуетъ строгая дисциплина, которая хотя нѣсколько жестока, но весьма благодѣтельна. Состояніе всеобщаго взаимнаго преслѣдованія, которое мы встрѣчаемъ среди низшихъ породъ созданія, сбиваетъ съ толку многихъ достойныхъ людей. Однако же, это въ сущности самая милосердная комбинація, какая только была возможна при данныхъ обстоятельствахъ. Гораздо же лучше, чтобы жвачное было убито какимъ-нибудь хищнымъ, когда отъ лѣтъ лишается силъ и когда жизнь его перестаетъ быть удовольствіемъ, чѣмъ чтобы оно вело существованіе тягостное по причинѣ слабостей и болѣзней и умерло бы съ голода. Уничтоженіемъ всѣхъ такихъ особей не только прекращается существованіе прежде, чѣмъ оно сдѣлается отяготительнымъ, но еще дается просторъ молодому поколѣнію, способному къ полной жизни. Такимъ образомъ порода хищныхъ способствуетъ счастью посредствомъ замѣны однѣхъ особей другими. Кромѣ того, хищныя не только похищаютъ изъ стадъ травоядныхъ особей, переживщихъ лучшую пору своей жизни, но истребляютъ также болѣзненныхъ уродовъ и тѣхъ, которые менѣе другихъ отличаются быстротой и силой. Посредствомъ такого очистительнаго процесса и посредствомъ боя, встрѣчающагося всюду между животными въ періодъ течки, предупреждается всякое ухудшеніе расы, всякое размноженіе плохихъ особей и обезпечивается тѣлосложеніе, вполнѣ приспособленное къ окружающимъ обстоятельствамъ и обусловливающее наибольшее счастіе.

Развитіе высшихъ ступеней творенія представляетъ прогрессивное движеніе по направленію къ такому порядку вещей, при которомъ счастье было бы возможно безъ уменьшенія его вышеупомянутыми ретроградными явленіями. Задача эта должна получить свое окончательное выполненіе въ породѣ человѣческой. Цивилизація есть послѣдняя ступень усовершенствованія этой породы. Идеальный человѣкъ есть существо, въ которомъ выполнены

всѣ условія совершенства. Пока мы не дошли до этого положенія, благосостояніе существующаго человѣчества и достиженіе крайняго предѣла совершенства обезпечивается тою же самою благодѣтельною, но строгою дисциплиною, которой подчиненъ весь одушевленный міръ. Дисциплина эта была безжалостна при выполненіи своего добраго дѣла: это законъ преслѣдованія счастія, который никогда не отступаетъ отъ своего пути, чтобы избѣгнуть частнаго и временнаго страданія. Бѣдность неспособнаго, несчастіе, постигающее неблагоразумнаго, нищенское положеніе лѣниваго, оттѣсненіе въ сторону слабаго сильнымъ, ввергающее столькихъ людей въ бѣдственное и безвыходное положеніе, все это заранѣе предопредѣленное поле благотворительности, одаренной широкимъ взглядомъ и далекой проницательностью. Повидимому жестоко, если ремесленникъ долженъ терпѣть голодъ по причинѣ неловкости, которую онъ не можетъ одолѣть, несмотря на всѣ усилія; жестокій жребій выпадаетъ на долю работника, котораго болѣзнь сдѣлала неспособнымъ конкурировать съ его болѣе сильнымъ согражданиномъ, и который долженъ переносить вытекающія отсюда лишенія; повидимому несправедливо, что вдовы и сироты должны вести борьбу на жизнь и смерть. Но если мы будемъ разсматривать эти случаи не отдѣльно, а въ связи съ интересами всего человѣчества, то эта жестокая судьба окажется преисполненною великой благости; это та же самая благость, которая готовитъ преждевременную могилу дѣтямъ больныхъ родителей и дѣлаетъ жертвами эпидемій слабоумныхъ, невоздержныхъ и разслабленныхъ.

Есть много хорошихъ людей,—людей, которыхъ чувства могутъ доставлять намъ истинное удовольствіе, но которымъ недостаетъ первой силы, чтобы открыто посмотрѣть въ глаза этому дѣлу. Симпатіи къ современнымъ имъ страданіямъ дѣлаютъ ихъ неспособными правильно оцѣнивать окончательные результаты: подчиняясь непосредственнымъ впечатлѣніямъ, они дѣйствуютъ весьма неразсудительно и, наконецъ, даже жестоко. Мы не сочувствуемъ нѣжности матери, которая окармливаетъ своего ребенка лакомствами и навѣрное доведетъ до того, что онъ заболѣетъ. Что могло бы быть нелѣпѣе милосердія медика, который далъ бы развиться болѣзни въ своемъ паціентѣ до рокового исхода только потому,

что не хотѣлъ причинить ему страданій посредствомъ операціи? Филантропія, которая предупреждаетъ бѣдствія въ настоящемъ и тѣмъ причиняетъ большія несчастія будущимъ поколѣніямъ, не менѣе ложна. Всѣ защитники закона о бѣдныхъ должны быть причислены къ этого рода людямъ. Горькая нужда есть самый сильный стимулъ для лѣниваго, самая могучая узда для безразсуднаго; и этого-то стимула друзья бѣдныхъ хотятъ лишить нищую братію потому только, что онъ тамъ и сямъ порождаетъ жалобы. Они слѣпы къ тому факту, что по естественному ходу вещей общество постоянно извергаетъ нездоровыхъ, тупоумныхъ, лѣнивыхъ, безхарактерныхъ и безчестныхъ членовъ. Эти немыслящіе, хотя и благонамѣренные люди защищаютъ вмѣшательство, которое не только мѣшаетъ очистительному процессу, но еще увеличиваетъ вырожденіе расы. Они абсолютно поощряютъ размноженіе легкомысленныхъ и неспособныхъ людей, предлагая имъ непремѣнное обезпеченіе; они мѣшаютъ размноженію способныхъ и предусмотрительныхъ, увеличивая затрудненія при содержаніи семейства. Заботясь о предупрежденіи въ сущности полезныхъ страданій, какими мы окружены, они оставляютъ потомству постоянно возростающее бѣдствіе.

Если мы возвратимся къ высшей точкѣ зрѣнія, то найдемъ, что милостыня, вынужденная закономъ, мѣшаетъ процессу приспособленія еще другимъ и несравненно болѣе вреднымъ путемъ. Чтобы приспособиться къ общественной жизни, человѣкъ не только долженъ сбросить съ себя дикость, но онъ долженъ пріобрѣсти способности, необходимыя для цивилизованной жизни. Прилежаніе должно быть развито, въ умственныхъ силахъ должны произойти тѣ видоизмѣненія, какія сдѣлаютъ ихъ годными для новаго ихъ назначенія; но прежде всего должна быть пріобрѣтена способность жертвовать незначительнымъ немедленнымъ благомъ для большаго въ будущемъ. Переходное состояніе неизбѣжно должно быть состояніемъ несчастныхъ. Бѣдствія должны неизбѣжно проистекать отъ несообразности между устройствомъ человѣка и условіями его жизни. Все зло, отъ котораго мы страдаемъ и которое непосвященному кажется очевиднымъ послѣдствіемъ той или другой причины, есть не что иное, какъ неизбѣжный спутникъ совершающагося теперь процесса приспособленія. Человѣчество втискивается въ неизбѣжныя условія своего

новаго положенія, изъ него выдѣлываются соотвѣтствующія этому положенію формы, и проистекающія отсюда несчастія оно должно переносить, какъ умѣетъ. Процессъ долженъ совершиться и страданія неизбѣжно слѣдуетъ перенести. Никакая сила на землѣ, — никакой законъ, какъ бы ловко онъ ни былъ придуманъ государственными людьми, — никакой человѣческій проектъ, предназначенный для исправленія вселенной, — никакой всеизлечивающій коммунистическій рецептъ, — ни одна изъ реформъ, какія когда-либо были и будутъ предприняты, — ничто не уменьшитъ этихъ страданій ни на іоту. Они могутъ быть усилены и часто дѣйствительно усиливаются. Предупреждая такое усиленіе, филантропъ имѣетъ передъ собою обширное поле дѣятельности. Съ подобной перемѣной сопряженъ нормальный размѣръ страданій, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уменьшенъ безъ измѣненія самаго закона жизни. Всякая попытка его смягчить приведетъ еще къ большему отягощенію. Законъ о бѣдныхъ или иное благотворительное учрежденіе могутъ лишь отчасти и на время пріостановить переходное состояніе. Они могутъ избавить нѣкоторыхъ членовъ общества отъ тягостныхъ страданій, сопряженныхъ съ преобразованіемъ. Въ самомъ счастливомъ случаѣ эти мѣры отсрочатъ страданіе, которое все-таки придется перенести. Чаще же всего выходитъ гораздо хуже: тутъ разрушается то, что уже было сдѣлано. Нельзя вступиться въ естественный ходъ приспособленія безъ того, чтобы не сдѣлать шага назадъ. Каждый разъ непремѣнно произойдетъ изъ нѣкоторомъ размѣрѣ утрата уже происшедшаго приспособленія; а между тѣмъ, рано или поздно, все-таки придется пройти весь процессъ. — Послѣ каждаго шага назадъ нужно будетъ пріобрѣтать утраченное и снова переносить сопряженное съ этимъ страданіе. Такимъ образомъ, законъ о бѣдныхъ не только замедляетъ приспособленіе, но необходимо увеличиваетъ сопряженныя съ нимъ страданія.

Съ перваго взгляда приведенныя выше соображенія кажутся одинаково примѣнимыми ко всякаго рода помощи, оказанной бѣдному, т. е. какъ къ добровольной, такъ и къ принудительной. Совершенно справедливо, что ими порицается всякая частная благотворительность, которая даетъ облагодѣтельствованнымъ возможность уклониться отъ неизбѣжныхъ

условій нашего общественнаго состоянія. Противъ этого ни одинъ благоразумный человѣкъ не будетъ спорить. Всякій долженъ порицать то безпечное разбрасываніе денегъ, которое довело до совершенства организованную систему нищенства. Этотъ образъ дѣйствій создалъ то положеніе, при которомъ ловкое выпрашиваніе сдѣлалось болѣе выгоднымъ, чѣмъ обыкновенная ручная работа; онъ породилъ подражаніе параличу, эпилепсіи, холерѣ и безконечному множеству болѣзней и уродствъ; онъ причиной, что устроены особыя лавки для продажи и отдачи на подержаніе различныхъ одеждъ, приспособленныхъ къ обману, и что установилась базарная цѣна въ 9 пенсовъ за день на дѣтей, возбуждающихъ жалость. Вышеизложенныя соображенія относятся исключительно къ этой легкомысленной благотворительности. Но они отнюдь не возражаютъ противъ благотворительности, которая помогаетъ людямъ стать на свои собственныя ноги; они скорѣе ее поощряютъ. Помощь, дающая людямъ возможность самостоятельно обезпечивать себя, представляетъ обильное поле для проявленія человѣческихъ симпатій. Различныя случайности даютъ достаточно жертвъ для законной дѣятельности великодушія. Всѣмъ павшимъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, всѣмъ потерпѣвшимъ неудачу по недостатку недоступныхъ для нихъ знаній, разореннымъ безчестностью другихъ, страдающимъ отъ давно питаемыхъ и не осуществившихся надеждъ,—всѣмъ подобнымъ людямъ можетъ быть оказана помощь безъ вреда для какой бы то ни было изъ сторонъ. Можно дать случай поправиться даже расточителямъ, въ памяти которыхъ запечатлѣлись тяжкія, перенесенныя ими страданія, убѣдившія ихъ въ неизбѣжности условій жизни, какимъ они должны подчиниться. Даже и этого рода улучшенія человѣческихъ состояній должны до нѣкоторой степени мѣшать приспособленію; но въ большинствѣ случаевъ они подвигаютъ дѣло въ одномъ направленіи болѣе, чѣмъ замедляютъ его въ другомъ.

§ 7. Итакъ, противъ закона о бѣдныхъ можно возражать даже тогда, когда онъ выполняетъ свое назначеніе, т. е. уменьшаетъ современныя страданія. Но какъ же смотрѣть на него, когда мы найдемъ, что въ дѣйствительности онъ ничего подобнаго не дѣлаетъ, даже не можетъ дѣлать? Это мнѣніе пожалуй покажется парадоксальнымъ, но оно заключаетъ въ

себѣ несомнѣнную истину. Чтобы убѣдиться въ этомъ, наблюдатель долженъ перестать сосредоточивать свое вниманіе на одной сторонѣ явленія—на пауперизмѣ и на оказанномъ ему вспомоществованіи; онъ долженъ обратиться къ другой—къ сборамъ и къ тѣмъ лицамъ, которыя въ окончательномъ результатѣ отъ нихъ страдаютъ. Тогда онъ найдетъ, что всякое предположеніе, будто бѣдствія уменьшаются благотворительностью, узаконенною парламентомъ,—иллюзія. Это сдѣлается очевиднымъ, если мы объяснимъ вліяніе сказаннаго закона на отношеніе между трудомъ и его результатами.

Въ опредѣленное время, въ рукахъ и въ распоряженіи среднихъ и высшихъ классовъ находится извѣстное количество предметовъ необходимаго потребленія и предметовъ, которые можно вымѣнять на это необходимое. Необходимые предметы нужны въ извѣстномъ размѣрѣ для самихъ этихъ классовъ; они и потребляются ими въ этомъ количествѣ,—вполнѣ или только приблизительно, не обращая вниманія на то, будетъ ли производство достаточно или недостаточно. Всякое измѣненіе въ количествѣ необходимыхъ предметовъ и равныхъ имъ цѣнностей должно, слѣдовательно, касаться остальной части, т. е. той, которая не потребляется этими классами для поддержанія личнаго своего существованія. Эта остальная часть продуктовъ раздается ими народу въ вознагражденіе за работу этого послѣдняго; работа отчасти употребляется для произведенія новаго запаса необходимыхъ предметовъ, а отчасти для изготовленія предметовъ роскоши. Чѣмъ меньше, слѣдовательно, будетъ этихъ распредѣляемыхъ въ средѣ народа необходимыхъ предметовъ, тѣмъ больше будетъ въ немъ недостатокъ. Ясно, что при такомъ положеніи новое распредѣленіе этихъ продуктовъ посредствомъ законодательной власти не можетъ сдѣлать достаточнымъ то, что было прежде недостаточно. Власть можетъ только замѣнить однихъ нуждающихся другими. Если она достаточно снабдитъ тѣхъ, у которыхъ было мало, то неизбѣжно должна создать на мѣсто этихъ другихъ нуждающихся. Въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ которомъ законъ о бѣдныхъ смягчаетъ нужду въ одномъ мѣстѣ, онъ неизбѣжно производитъ ее въ другомъ.

Если для кого-нибудь такое отвлеченное разсужденіе не убѣдительно, то, можетъ быть, сомнѣнія будутъ устранены

болѣе наглядным изложеніемъ. Сборщикъ подати для бѣдныхъ беретъ у гражданина извѣстное количество денегъ, равняющееся количеству хлѣба и одежды, необходимыхъ для одного или нѣсколькихъ нуждающихся. Если бы эти деньги не были взяты, то онъ употребилъ бы ихъ на покупку предметовъ излишнихъ, на такую покупку, которую онъ сдѣлаетъ и теперь; или онъ внесъ бы эти деньги въ банкъ, а банкиръ отдалъ бы ихъ въ займы фабриканту, купцу или промышленнику. Такимъ образомъ, въ окончательномъ результатѣ деньги были бы розданы въ видѣ заработной платы или производителю излишняго, или промышленному работнику, получившему плату изъ займа, сдѣланнаго у банкира. Но такъ какъ эта сумма взята была въ видѣ подати для бѣдныхъ, то тѣ, которые получили бы изъ нея заработную плату, останутся безъ такой платы. Если предметы необходимости будутъ этимъ путемъ отданы бѣдному, то ремесленникъ, который получилъ бы ихъ въ вознагражденіе за свои произведенія, будетъ нуждаться. Такимъ образомъ, какъ уже было сказано выше, все дѣло сводится къ тому, что одне нуждающіяся личности замѣняются другими.

Выходитъ даже нѣчто гораздо худшее. Выше было сказано, что законъ о бѣдныхъ, замедляя процессъ приспособленія, увеличиваетъ бѣдствія, которыя должны когда-нибудь произойти;—теперь мы видимъ, что онъ увеличиваетъ и современныя бѣдствія. Не надо забывать, что изъ денегъ, отбираемыхъ ежегодно для поддержанія бѣдныхъ, значительная часть была бы употреблена на содержаніе работниковъ при новыхъ производствахъ: при дренажѣ земли, при постройкѣ машинъ и т. п. Трудъ этихъ работниковъ произвелъ бы прибавокъ къ предметамъ потребленія, который въ свою очередь уменьшилъ бы число нуждающихся. Спрашивается, чему же тутъ удивляться—какъ это дѣлаютъ у насъ иные, если существуетъ столько бѣдствія, несмотря на ежегодное распредѣленіе пятнадцати милліоновъ дозволеннымъ подаяніемъ, благотворительными обществами и соединенными приходами для примѣненія закона о бѣдныхъ. Вѣдь чѣмъ значительнѣе будутъ суммы, розданныя безвозмездно, тѣмъ въ болѣе скоромъ времени увеличатся страданія. Чѣмъ значительнѣе будетъ число безвозмездно содержимыхъ при томъ же населеніи,

тѣмъ ничтожнѣе—число живущихъ работою: чѣмъ ничтожнѣе число живущихъ работою, тѣмъ ограниченнѣе—производство предметовъ первой необходимости; чѣмъ ограниченнѣе производство предметовъ первой необходимости, тѣмъ значительнѣе будетъ бѣдствіе.

§ 8. Итакъ, мы видимъ, что положеніе, выведенное изъ закона о государственныхъ обязанностяхъ и запрещающее общественную поддержку нуждающагося, подкрѣпляется различными, независимыми отъ этого соображеніями. Критическій разборъ показываетъ несостоятельность предполагаемыхъ правъ, на основаніи которыхъ защищается законъ о бѣдныхъ. Точно такъ же неправиленъ взглядъ, который выставляетъ законъ о бѣдныхъ какъ средство вознагражденія за зло, причиненное народу черезъ отобраніе у него земли. Мнѣніе, что матеріальной нуждѣ можно пособить лишь посредствомъ установленныхъ закономъ учрежденій, оказывается вполнѣ аналогическимъ съ мнѣніемъ, что духовные недостатки нуждаются въ религіи, опредѣленной законодательнымъ путемъ. Поэтому люди, настаивающіе на достаточности добровольныхъ усилій въ одномъ случаѣ, должны настаивать на томъ же и въ другомъ. Механическая благотворительность, предназначенная для замѣны благотворительности, исходящей изъ сердца, явно неблагопріятна для развитія у людей симпатическихъ чувствъ и потому противна процессу приспособленія. Установленная закономъ благотворительность мѣшаетъ приспособленію еще и потому, что становится между народомъ и условіями, къ которымъ ему слѣдуетъ приспособиться, и такимъ образомъ отчасти мѣшаетъ вліянію этихъ условій. Къ довершенію всего мы находимъ, что законъ о бѣдныхъ не только неизбѣжно обреченъ на недостиженіе своей цѣли—уменьшенія народныхъ страданій, но что онъ долженъ непремѣнно увеличить эти страданія: онъ увеличитъ ихъ непосредственно—ограничивая производительность предметовъ необходимаго потребленія и посредственно—развивая недостатки людей, которые придется когда-нибудь исправлять болѣзненно-тяжкой дисциплиной.

ГЛАВА XXVI.

Народное образованіе.

§ 1. Понятіе, которое мы составили себѣ объ обязанностяхъ государства, воспрещаетъ этому послѣднему вмѣшиваться въ сферы религіи и благотворительности: на томъ же самомъ основаніи оно воспрещаетъ ему заниматься воспитаніемъ. Если правительство отбираетъ у человѣка собственность въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это необходимо для огражденія его правъ, то оно нарушаетъ эти права:—оно дѣлаетъ прямо противоположное тому, что должно дѣлать. Если государство отбираетъ у кого-либо его достояніе для воспитанія его собственныхъ или чужихъ дѣтей, то оно дѣлаетъ сборъ совершенно ненужный для огражденія правъ, слѣдовательно сборъ несправедливый.

На это можно возразить, что огражденіе правъ дѣтей также лежитъ на обязанности государства и что вмѣшательство государства требуется такимъ огражденіемъ. Совершенно справедливо, что права дѣтей должны быть охраняемы, но дѣло въ томъ, что пренебреженіе воспитанія послѣднихъ не заключаетъ въ себѣ нарушенія ихъ правъ. Уже неоднократно объяснялось, что то, что мы называемъ правами, есть не болѣе какъ произвольныя подраздѣленія всѣмъ присущей свободы употреблять свои способности. Только то можно назвать нарушеніемъ этихъ правъ, что дѣйствительно уменьшаетъ свободу,—что полагаетъ предѣлъ власти, естественно присущей каждому, преслѣдовать предметы своихъ желаній. Родители, не заботящіеся о воспитаніи своихъ дѣтей, не дѣлаютъ подобнаго нарушенія. Свобода упражнять свои способности остается неприко-

сновенною. Если ребенка не обучаютъ, то этимъ нисколько не отнимается у него свободы дѣлать все, что онъ хочетъ, и поступать такъ, какъ онъ признаетъ за лучшее: подобная свобода—вотъ все, что требуется естественной справедливостью. Мы должны помнить, что всякое нападеніе, всякое нарушеніе правъ по существу своему дѣятельно; всякое же пренебреженіе, всякая безпечность и опущеніе неизбѣжно бездѣятельны. Слѣдовательно, какъ бы ни было дурно, если родители не исполняютъ своихъ обязанностей, какъ бы сильно это ни порицалось второстепенной нравственностью, но этимъ не нарушается законъ равной свободы: другими словами—такое неисполненіе не входитъ въ сферу предметовъ, на которые государство должно обращать вниманіе.

§ 2. Если бы даже не существовало никакого прямого основанія для того, чтобы отвергать право государства на воспитаніе, то несостоятельность этого права достаточно доказывалась бы нелѣпостями, до какихъ оно доводитъ своихъ защитниковъ. Если мы согласимся, что правительство обязано воспитывать дѣтей гражданина, то какимъ логическимъ путемъ можно доказать, что оно не обязано кормить и одѣвать ихъ? Если должно существовать созданное парламентскимъ закономъ обезпеченіе для развитія дѣтскихъ душъ, то почему же не должно существовать такое же законодательное обезпеченіе для развитія ихъ тѣла? Если государство должно удовлетворять душевнымъ потребностямъ возрастающаго поколѣнія, то почему же оно не должно удовлетворять и тѣлеснымъ? Основанія, обыкновенно приводимыя для доказательства права на интеллектуальную пищу, одинаково примѣнимы и къ установленію права на пищу матеріальную; разъ принявъ эти основанія, можно идти еще далѣе,—можно доказывать, что вся забота о дѣтяхъ должна принадлежать государству. Если признавать, что польза, важность и необходимость воспитанія могутъ считаться достаточными причинами для передачи въ руки государства, то польза, важность и необходимость пищи, одежды, крова и тепла должны быть признаны не менѣе достаточными причинами, чтобы и эти предметы обратить въ матеріалъ для государственныхъ распоряженій. Такимъ образомъ мы видимъ, что подобное право не можетъ быть установлено, не уничтожая окончательно отвѣтственности родителей.

Если бы нужно было дальнѣйшее опроверженіе, то къ этому можетъ послужить испытаніе посредствомъ точнаго опредѣленія. Мы только-что нашли, что подобное испытаніе оказалось гибельнымъ для права бѣдныхъ на вспомоществованіе; сейчасъ мы найдемъ, что оно настолько же гибельно и для права на воспитаніе. Что такое воспитаніе? Какимъ образомъ опредѣлить границу нравственной культуры, какой каждый гражданинъ можетъ по справедливости требовать отъ государства, и отдѣлить ее отъ той, до которой права его не простираются? Гдѣ лежитъ эта граница между первоначальной школой, завѣдываемой учительницею, и самымъ обширнымъ университетскимъ курсомъ? Что это за особенное свойство чтенія, письма и ариѳметики, которое дастъ будущему гражданину право на ихъ пріобрѣтеніе? И почему онъ не имѣетъ такого же права на географію, исторію, рисованіе и естественныя науки? Учить считать нужно потому, что это полезно? Но вѣдь плотникъ каменщикъ и скажутъ намъ, что геометрія точно такъ же полезна; красильщикъ и бѣлильщикъ полотна найдутъ, что полезна химія; полезна также и физіологія, что вполнѣ доказывается болѣзненностью, написанною на столь многихъ лицахъ. Слѣдуетъ также учить астрономіи, механикѣ, геологіи и всѣмъ сроднымъ съ ними наукамъ— всѣ вѣдь онѣ полезны? Гдѣ та единица мѣры, посредствомъ которой можно было бы опредѣлить относительное достоинство различныхъ родовъ знаній? Если же мы предположимъ, что такое опредѣленіе возможно, то какимъ образомъ доказать, что ребенокъ имѣетъ право требовать отъ гражданской власти знаній именно извѣстнаго, а не меньшаго достоинства? Когда тѣ, которые требуютъ государственнаго воспитанія, будутъ въ состояніи съ точностью опредѣлять, что именно слѣдуетъ дать,—когда они будутъ согласны между собою насчетъ того, до чего простираются права юношества и гдѣ они прекращаются, тогда и возможно будетъ ихъ выслушать. Но пока они не исполнятъ этого невозможнаго дѣла, до тѣхъ поръ нельзя будетъ поддерживать ихъ требованія.

§ 3. Если бы сторонникамъ государственнаго обученія и удалось установить опредѣленныя требованія въ этомъ отношеніи, то они все-таки запутались бы въ собственныхъ сѣтяхъ. Что мы подразумѣваемъ, говоря: правительство обязано воспитывать народъ? Почему слѣдуетъ его воспитывать? Что

такое воспитаніе? На всѣ эти вопросы можно дать одинъ отвѣтъ: народъ нужно сдѣлать способнымъ къ общественной жизни, изъ него нужно сдѣлать хорошихъ гражданъ. Но кто же рѣшитъ, что такое значитъ хорошій гражданинъ? Правительство,—другого судьи не представляется. Кто рѣшитъ, какимъ образомъ можно образовать хорошихъ гражданъ? Опять таки правительство,—опять нѣтъ другого судьи. Слѣдовательно, разбираемое положеніе можетъ быть выражено такимъ образомъ: правительство должно обращать дѣтей въ хорошихъ гражданъ, опредѣляя по своему произволу какъ это понятіе, такъ и способъ, какимъ нужно дѣтей обращать въ такихъ гражданъ. Оно должно сначала составить себѣ опредѣленное понятіе объ образцовомъ гражданинѣ и затѣмъ установить такую систему дисциплины, которая наилучшимъ образомъ будетъ производить гражданъ по этому образцу. Систему эту оно должно приводить въ исполненіе насильственно и до крайнихъ предѣловъ. Если государство будетъ поступать иначе, то оно допуститъ образованіе худшихъ людей, чѣмъ какими, по его мнѣнію, они должны быть, и, слѣдовательно, не выполнитъ лежащихъ на немъ обязанностей. Оно будетъ имѣть право строго выполнять всякій планъ, какой признаетъ лучшимъ; каждое правительство должно будетъ поступать такъ, какъ поступаютъ деспотическія правительства на материкѣ Европы и въ Китаѣ. Французское распоряженіе, на основаніи котораго никто не можетъ открыть частную школу безъ разрѣшенія министра и по силѣ котораго всякая школа можетъ быть закрыта простымъ министерскимъ предписаніемъ,—это шагъ по истинному пути, и недостатокъ этой мѣры заключается лишь въ томъ, что она останавливается на полдорогѣ; ясно, что правительство не можетъ дозволить другимъ выполнять то, къ чему оно одно имѣетъ призваніе, не подвергая опасности надлежащее исполненіе дѣла. Воспрещеніе всякихъ частныхъ школъ, какъ это еще не давно было въ Пруссіи—ближе къ цѣли. Австрійское законодательство также осуществляетъ идею государственнаго воспитанія довольно послѣдовательно: оно опекаетъ духовную культуру націи съ достаточной строгостью. Такъ какъ сильныя умственныя напряженія считаются тамъ вредными для хорошаго гражданина, то преподаванію метафизики, политической экономіи и тому подобныхъ наукъ ставятъ извѣстныя

преграды. Нѣкоторыя ученыя сочиненія запрещены. Назначена награда за задержаніе людей, распространяющихъ Библію. Власти предпочитаютъ поручать истолкованіе этой книги своимъ чиновникамъ—іезуитамъ. Впрочемъ, съ полною логическою послѣдовательностью идея эта выполнена только въ Китаѣ. Тамъ правительство публикуетъ списокъ сочиненій, которыя дозволено читать; такъ какъ самой высокой добродѣтелью оно считаетъ повиновеніе, то дозволяетъ лишь такія сочиненія, которыя благопріятствуютъ деспотизму. Опасаясь за неопредѣленныя послѣдствія нововведеній, оно запрещаетъ преподаваніе всего, что не исходитъ отъ него самого. Чтобы произвести образцовыхъ гражданъ, оно строго блюдетъ за ихъ поведеніемъ. Съ величайшей точностью опредѣлены правила, какъ сидѣть, стоять, ходить, говорить, кланяться. Ученикамъ запрещено играть въ шахматы, въ мячъ, пускать змѣя, играть въ воланъ, играть на духовыхъ инструментахъ, воспитывать животныхъ, птицъ рыбъ или насѣкомыхъ: всѣ эти удовольствія, видите ли, развлекаютъ душу и развращаютъ сердце.

Подобное точное опредѣленіе, распространяющееся на каждое дѣйствіе и не терпящее никакихъ возраженій, и есть настоящее осуществленіе ученія о государственномъ воспитаніи. Тутъ рѣчь не о томъ, правиленъ или ложенъ взглядъ государства на идеалъ гражданина,—умно или глупо избраны методы воспитанія. Согласно гипотезѣ, на государство возложено извѣстное отправленіе. Оно не находитъ никакого, уже указаннаго пути для выполненія этой обязанности. Слѣдовательно ему остается только выбрать тотъ путь, который кажется ему самымъ удобнымъ. Такъ какъ нѣтъ никакого высшаго авторитета, который могъ бы оспаривать или утверждать его рѣшеніе, то оно въ правѣ безусловно приводить въ исполненіе свой планъ, каковъ бы онъ ни былъ. Изъ предположенія, что государство должно учить религіи, слѣдуетъ выводъ, что государство должно рѣшать, какая вѣра истинная и какимъ образомъ слѣдуетъ ее проповѣдывать; а изъ положенія, что государство должно воспитывать, неизбѣжно выходитъ заключеніе, что оно должно рѣшать, въ чемъ заключается воспитаніе и какимъ образомъ нужно вести это

дѣло. То же строгое цаиство, которое является логическимъ послѣдствіемъ въ первомъ случаѣ (гл. XXIV, § 2), оказывается столь же неизбѣжнымъ и въ послѣднемъ.

§ 4. Кому неизвѣстно, что любовь къ дѣтямъ есть одна изъ самыхъ могущественныхъ нашихъ страстей. Имѣть дѣтей это—почти общераспространенное желаніе. Во всѣ времена философы описывали, а поэты воспѣвали силу любви, выражающуюся въ блестящихъ глазахъ матери, горячность ея поцѣлуя, ея страстныя ласки, ея неутомимое терпѣніе и вѣчно возбужденное вниманіе. Всякій могъ замѣтить, до какой степени это чувство беретъ верхъ надъ всѣми другими. Посмотрите, съ какимъ живымъ удовольствіемъ мать присутствуетъ при несравненныхъ подвигахъ своего первороженнаго. Обратите вниманіе на гордость, съ которой показываются каждому посѣтителю продѣлки маленькаго мальчугана, указывающія будто бы въ немъ скороспѣлаго генія. Наблюдайте тотъ живой интересъ, который принимается отцомъ въ душевномъ благостояніи болѣе взрослыхъ дѣтей, и тотъ страхъ, съ которымъ онъ смотритъ на ихъ жизненный путь. Побужденія, происходящія изъ его естественныхъ привязанностей, часто еще усиливаются разсужденіемъ, что комфортабельность его жизни въ старости зависитъ, быть можетъ, отъ успѣха его дѣтей.

«Служители и толкователи природы» обыкновенно думали, что эти чувства могутъ приносить нѣкоторую пользу. До сихъ поръ они постоянно полагали, что удовольствіе, которое доставляютъ матери успѣхи ея маленькихъ дѣтей, служитъ стимуломъ для развитія ею ихъ душевныхъ свойствъ; что честь, которую отецъ приписываетъ себѣ, когда дѣти его отличаются похвальными поступками, служитъ для него поощреніемъ при ихъ образованіи, и что горе, которое родители для себя предвидятъ, когда ихъ дѣти окажутся дурно воспитанными, служитъ добавочнымъ стимуломъ для надлежащей о нихъ заботливости. Наблюдатели были того мнѣнія, что въ этихъ сильныхъ чувствахъ и во взаимной зависимости членовъ семейства заключается чудесно устроенная цѣпь впечатлѣній, разсчитанная на то, чтобы обезпечить душевное и матеріальное развитіе за слѣдующими другъ за другомъ поколѣніями. Въ простотѣ своей вѣры они заключили, что такія мѣры, принятыя божескимъ провидѣніемъ,

совершенно достаточны для этой цѣли. Но если послушать защитниковъ государственнаго воспитанія, то окажется, что эти наблюдатели повидимому ошиблись. Указанное состояніе чувствъ совершенно недостаточно для достиженія желаемаго,— комбинація привязанностей и интересовъ вовсе не была предназначена для такой цѣли, или—что одно и то же—въ ней вовсе не было цѣли. За недостаткомъ природнаго устройства для обезпеченія требуемаго законодатели предлагаютъ намъ чертежъ государственной машины съ надлежащимъ объясненіемъ. Машина эта состоитъ изъ учителей, надзирателей, инспекторовъ и совѣтовъ; все это создается посредствомъ должнаго числа поборовъ и въ полномъ изобиліи снабжается сырымъ матеріаломъ въ видѣ маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Изъ этого сырья нужно выдѣлать населеніе благовоспитанныхъ мужчинъ и женщинъ съ тѣмъ, чтобы они были «полезными членами общества»!

§ 5. Утверждаютъ, что родители, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыхъ дѣти всего болѣе нуждаются въ воспитаніи, вовсе и не знаютъ, что такое значитъ хорошее воспитаніе. «Въ дѣлѣ воспитанія—говоритъ Милль — вмѣшательство государства имѣетъ для себя оправданіе, потому что тутъ интересы и понятія потребителя не представляютъ достаточнаго обезпеченія для достоинствъ товара».

Странно, что такой разсудительный писатель удовлетворялся столь негоднымъ доводомъ. Вѣдь предполагаемая неспособность народа послужила основаніемъ для всѣхъ вмѣшательствъ государства. На томъ основаніи, что покупатели не въ состояніи отличать хорошія произведенія отъ дурныхъ, явилась та сложная регламентація, которая обременила французскую мануфактурную промышленность. Употребленіе извѣстныхъ красокъ воспрещалось въ Англіи, потому что народъ не умѣетъ достаточно хорошо ихъ отличать. Наставленіе, какъ дѣлать булавки, было составлено подъ вліяніемъ мысли, что опытъ не научитъ покупателей выбирать лучшія изъ нихъ. Испытаніе ремесленника въ его искусствѣ, какъ это дѣлается въ Германіи, необходимо для того, чтобы оградить потребителей. Главнымъ основаніемъ для государственной религіозной проповѣди послужило убѣжденіе, что массы не могутъ отличить истинной вѣры отъ ложной. Нѣтъ ни одной жизненной отрасли, надъ которою, по подобнымъ же

причинамъ, не устанавлялось или не можетъ быть установлено государственнаго контроля. Г. Годзонъ Рогъ публикуетъ памфлетъ съ цѣлью доказать зло, которое причиняется бѣднымъ и невѣжественнымъ домовладѣльцамъ посредствомъ фальсификаціи молока; онъ предлагаетъ назначить государственныхъ чиновниковъ для испытанія молока и конфискаціи того, которое окажется дурнымъ: онъ желаетъ, чтобы полиція инспектировала коровьи хлѣва и удаляла больной скотъ, чтобы отъ правительства была устроена для коровъ больница съ состоящими при ней ветеринарами. На завтра можетъ явиться писатель, который докажетъ намъ, что дурной хлѣбъ гораздо вреднѣе дурного молока, что онъ распространенъ не менѣе послѣдняго и что различать его качества несравненно труднѣе,—отсюда будетъ выведено заключеніе, что пекарни должны подлежать надзору властей. Далѣе потребуются чиновники съ гидрометрами и химическими реагентами для того, чтобы перебалтывать въ чанахъ пивоваренъ. За этими охранителями покупателей неизбѣжно послѣдуютъ другіе, которые должны будутъ надзирать за торгующими виномъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе, пока всѣ отрасли производства будутъ надлежащимъ образомъ инспектированы и мы приблизимся къ положенію, похожему на состояніе рабскихъ государствъ, гдѣ «одна половина общества занята наблюденіемъ надъ тѣмъ, чтобы другая исполняла свои обязанности». Основаніе для каждаго новаго вмѣшательства будетъ все то же: «интересъ и сужденіе потребителя недостаточны для обезпеченія хорошаго качества произведеній».

Противъ этого, можетъ быть, возразятъ, что польза государственнаго контроля зависитъ отъ обстоятельствъ; что сужденіе потребителя совершенно достаточно по отношенію къ извѣстнаго рода произведеніямъ и въ то же время неудовлетворительно по отношенію къ другимъ; что воспитаніе принадлежитъ именно къ числу послѣднихъ, такъ какъ опредѣлить его достоинство—вещь крайне трудная. Въ отвѣтъ на подобное возраженіе можно сказать, что всѣ вмѣшательства по очереди оправдывались такимъ же образомъ. Ужасающіе размѣры обмановъ, невообразимыя затрудненія при раскрытіи этихъ послѣднихъ, огромное количество фактовъ, показывающихъ неспособность покупателей защищать себя,—вотъ обычные доводы защит-

никовъ всякой официальной регламентаціи. И каждый разъ, какъ дѣло идетъ объ установленіи официальной опеки, утверждаютъ, что именно въ этомъ случаѣ безъ нея никакъ нельзя обойтись. Но каждый же разъ опытъ убѣждаетъ въ несостоятельности такого вмѣшательства и показываетъ, что въ концѣ концовъ интересъ потребителя составляетъ не только удовлетворительную гарантію для обезпеченія достоинства потребляемыхъ вещей, но лучшую изъ гарантій. Благоразумно ли послѣ этого въ сотый разъ вѣряться этимъ благовиднымъ, но обманчивымъ заключеніямъ? Не раціональнѣе ли предоставить выборъ товара-воспитанія, наравнѣ со всякими другими товарами, на произволъ покупателя, несмотря на всѣ факты, говорящіе повидимому противъ этого?

Наше заключеніе покажется еще болѣе благоразумнымъ, если мы убѣдимся, что люди вовсе не такіе плохіе судьи въ дѣлѣ воспитанія, какъ это кажется. Неиѣжественные родители обыкновенно достаточно проницательны, чтобы отличить вліяніе дурного и хорошаго воспитанія; они судятъ о немъ по дѣтямъ другихъ и дѣйствуютъ на основаніи этого сужденія. Имъ легко слѣдовать примѣру болѣе свѣдущихъ и посылать своихъ дѣтей въ тѣ же школы. Они могутъ выйти изъ затрудненія прибѣгая къ совѣтамъ, и всегда найдутся люди способные и склонные дать необразованнымъ родителямъ благонадежный отвѣтъ на счетъ достоинства учителей. Наконецъ имъ остается испытаніе посредствомъ цѣны. Въ дѣлѣ воспитанія, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, цѣна—достаточно вѣрный указатель достоинства: это указатель ясный для всѣхъ классовъ; бѣдные люди инстинктивно руководствуются имъ въ дѣлахъ школы: извѣстно, что они относятся очень холодно къ дешевому или безвозмездному обученію.

Нельзя согласиться съ необходимостью вмѣшательства даже и тогда, когда мы допустимъ, что недостатокъ правильнаго сужденія весьма значителенъ,—хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не доходитъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ полагаютъ. Зло это постоянно исправляется, исправлялось и будетъ исправляться, какъ и всякое другое, подобное ему зло. Подростающее поколѣніе будетъ лучше своихъ родителей понимать, въ чемъ заключается хорошее воспитаніе, а ихъ потомки будутъ имѣть еще болѣе ясный взглядъ на дѣло. Кто медленность такого процесса признаетъ достаточнымъ

основаніемъ для вмѣшательства, тотъ послѣдовательно долженъ защищать и всякое другое вмѣшательство. Невѣжество, служащее обыкновенно предлогомъ для всей государственной опеки, излечивается всюду лишь весьма постепенно. Часто нужны цѣлыя поколѣнія, чтобы исправить ошибки потребителей и производителей. Усовершенствованія въ торговлѣ, промышленности и особенно—въ земледѣліи идутъ почти незамѣтнымъ шагомъ. Возьмите для примѣра послѣдовательный ходъ урожаевъ. Если такая медленность служитъ основаніемъ для вмѣшательства въ одномъ случаѣ, то почему же ей не послужить и для другихъ? Почему фермы не инспектируются правительствомъ?—Необходимы вѣдь с т о л ѣ т і я прежде, чѣмъ современныя открытія будутъ приняты фермерами повсемѣстно?

Если бы мы удовлетворительно понимали, что общество растетъ, а не строится,—что это вещь, которая вырабатывается сама собою, а не дѣлается искусственно, то мы ошибались бы рѣже. Тогда мы бы знали, что несовершенства, происходящія отъ неспособности массъ различать хорошее и дурное воспитаніе, слѣдуетъ точно такъ же перерости, какъ и всякія другія несовершенства.

§ 6. Люди, находящіе, что въ дѣлѣ воспитанія «интересъ и сужденіе потребителя недостаточны для обезпеченія хорошаго производства», и доказывающіе этимъ необходимость правительственной опеки,—выставляютъ положеніе весьма сомнительнаго свойства. Положеніе это гласитъ, что въ данномъ случаѣ достаточную гарантію представляютъ «интересъ и сужденіе» правительства, а между тѣмъ есть весьма основательныя причины оспаривать подобное мнѣніе;—если же принять въ соображеніе будущее, то можно даже утверждать, что участіе правительства представляетъ несравненно менѣе гарантій.

Задача состоитъ въ пріисканіи наилучшаго средства для развитія души. Это одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ,—не въ правѣ ли мы даже сказать, что это—труднѣйшая изъ задачъ? Двѣ вещи необходимы для ея разрѣшенія: во-первыхъ нужно знать, что слѣдуетъ сдѣлать изъ души; а затѣмъ—какимъ образомъ достигнуть того, что слѣдуетъ. Такова задача. Посмотримъ теперь, каковы исполнители. Всѣ они, безъ всякаго сомнѣнія, люди воспитанные (въ обыкновен-

номъ смыслѣ этого слова), многіе изъ нихъ люди доброжелательные, часть изъ нихъ—заботливы, и весьма немногіе—философы; но во всякомъ случаѣ это люди, по большей части рожденные въ довольствѣ, или, по выраженію англичанъ, «съ серебряной ложкой во рту» и которые, слѣдовательно, смотрятъ на человѣческія дѣла такъ, какъ они отражаются въ этихъ ложкахъ, т. е.—нѣсколько наизворотъ. Большинство изъ нихъ ведутъ весьма комфортабельную жизнь и потому всегда расположены находить «міръ, какъ онъ есть»—наилучшимъ изъ міровъ. Что касается до ихъ вкусовъ, то послѣ государственныхъ дѣлъ этихъ господъ всего болѣе плѣняетъ стрѣльба куропатокъ и охота за лисицами. Что касается предметовъ ихъ гордости, то они состоятъ въ обширныхъ поземельныхъ владѣніяхъ и длинной генеалогіи. Если же въ фамильномъ гербѣ имѣется надпись, въ родѣ «бей крѣпко» или «надѣвай цѣпи»,—такъ ужъ это верхъ счастья. Ихъ общественный идеалъ—или сантиментальный феодализмъ, или состояніе, похожее на современное, гдѣ народъ относится почтительно къ лучшей части общества и доволенъ «той участью, какою Господу угодно было его наградить»,—или наконецъ такое устройство, при которомъ каждый работникъ является произвольною машиной, такъ, чтобы можно было достигнуть возможно большаго накопленія богатствъ. Прибавьте къ этому, что они удерживаютъ смертную казнь и посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, гдѣ господствуетъ тѣлесное наказаніе и въ которыхъ они сами были воспитаны,—вотъ вамъ ихъ взглядъ на нравственную дисциплину. Спрашивается, можно ли положиться на сужденіе такихъ людей по отношенію къ предмету потребленія—воспитанію? Конечно нѣтъ.

Еще менѣе можно положиться на ихъ интересъ. Хотя онъ совершенно противоположенъ интересамъ народа, но ему неизбѣжно будетъ отдано предпочтеніе. Эгоистическія стремленія, которыя сознательно и безсознательно управляютъ правителями во всѣхъ случаяхъ, будутъ управлять ими и тутъ. Иначе не можетъ и быть, пока люди будутъ такими, каковы они теперь. Подати раздагаются у насъ неравномѣрно, право правительства распредѣлено въ средѣ народа очевидно неправильно, непотизмъ наполняетъ всѣ доходныя мѣста Греями и Эдліотами, люди безъ всякихъ заслугъ получаютъ роскошныя пенсіи, практикуется система экономіи, которая

распускать солдать и оставлять на жалованіи офицеровъ. Сверхъ того, всѣмъ извѣстно, какъ подаются голоса членами парламента изъ поземельныхъ собственниковъ и клерикаловъ, а также изъ военныхъ и морскихъ офицеровъ. При подобныхъ условіяхъ можно быть совершенно увѣреннымъ, что государственное воспитаніе будетъ направлено къ пользамъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ власть, а не къ пользамъ народа. Ожидать чего-либо другого значитъ впадать въ старую ошибку и надѣяться, что терновникъ принесетъ виноградъ. Надѣяться, что, при настоящемъ положеніи вещей, тѣ же самыя вліянія, которыя исказили всѣ другія учрежденія, не исказятъ и этого!—Да можно ли найти болѣе утопичное ожиданіе?!

Такимъ образомъ, будь даже справедливо, что въ дѣлѣ воспитанія «интересъ и сужденіе потребителя не представляютъ достаточной гарантіи для доброкачественности товара», все же отсюда не слѣдуетъ, какъ очевидный результатъ, чтобы ихъ нужно было замѣнить «интересомъ и сужденіемъ правительства». Можно утверждать, что все вышеизложенное доказываетъ только неспособность къ народному обученію существующихъ правительствъ, но вовсе не доказываетъ неспособности правительства, нормально устроеннаго: потому что, если мы хотимъ опредѣлить, что правительству слѣдуетъ дѣлать, то должны предположить его такимъ, какимъ оно должно быть. Но вѣдь въ настоящемъ случаѣ сдѣлано такого рода предположеніе, для опроверженія котораго необходимо стать на уровень современныхъ обстоятельствъ: законодательная опека требуется на основаніи недостаточности «интереса и сужденія» того народа, который т е п е р ь существуетъ; поэтому, анализируя это предположеніе, нужно брать и правительство такимъ, какимъ мы его т е п е р ь видимъ. Исходной точкой нашихъ сужденій мы потому не можемъ брать такое правительство, какимъ оно должно быть, что прежде, чѣмъ оно достигнетъ идеала, исчезнетъ всякій недостатокъ «сужденія и интереса» со стороны народа.

§ 7. Установлять національную организацію для духовной культуры народа и поручать правительству опеку надъ этою организаціей будетъ дурной политикой еще и потому, что всякая такая организація по духу своему консервативна, а не прогрессивна. Это повсюду неизмѣнно повторяющаяся истина. Всякое учрежденіе обнаруживаетъ инстинктъ само-

сохраненія, исходящій отъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Такъ какъ обезпеченіе ихъ жизни зависитъ отъ этого учрежденія, то они естественно стремятся его поддерживать. Корни всевозможныхъ установленій—въ прошедшемъ и настоящемъ, но никогда не бываютъ въ будущемъ. Всякая перемѣна угрожаетъ имъ: она ихъ видоизмѣняетъ и подъ-конецъ должна ихъ уничтожить; поэтому они единообразно сопротивляются всякимъ преобразованіямъ. Съ другой стороны воспитаніе, заслуживающее этого имени, тѣсно связано съ перемѣной—это передовой его піонеръ,—это никогда не дремлющій агентъ переворотовъ: оно вѣчно приспособляетъ людей къ болѣе совершеннымъ состояніямъ и дѣлаетъ ихъ неспособными къ состояніямъ существующимъ. Поэтому неизбѣжна вражда между учрежденіями, которыхъ существованіе зависитъ отъ продолженія настоящихъ положеній, и воспитаніемъ, которое должно быть орудіемъ для приспособленія людей къ другимъ состояніямъ.

Начиная съ египетскаго духовенства и до нашего времени, всѣ корпораціи политическія, духовныя и воспитательныя обнаруживали одинаковый духъ. Уже за триста лѣтъ до Рождества Христова аѳинскій сенатъ не дозволялъ открывать школы безъ разрѣшенія. Въ Римѣ свобода преподаванія подвергалась стѣсненіямъ два раза до Рождества Христова при императорѣ Юліанѣ. Аналогическая политика существующихъ континентальныхъ правительствъ показываетъ, какъ живуче подобное направленіе. Общая распространенность цензурныхъ учрежденій доказываетъ то же самое. Знаменитое изреченіе императрицы Екатерины, высказанное ея первому министру, показываетъ, какъ правители смотрятъ на распространеніе знаній. Принимаясь за воспитаніе, правительства дѣлаютъ это съ цѣлью предупредить то самородное воспитаніе, которое грозитъ ихъ господству. Доказательствомъ можетъ служить Китай, гдѣ такъ усердно развиваются идеи, въ родѣ слѣдующихъ: «О, какъ славны дѣла правительства! О, какъ велико то уваженіе, которое мы должны оказывать чиновникамъ правительства!» Подобный образъ дѣйствія довольно ясно указываетъ на свою цѣль. Другимъ примѣромъ можетъ служить Австрія, гдѣ, согласно волѣ императора Франца, воспитаніе народа было ввѣрено іезуитамъ для того, чтобы они посредствомъ пропаганды предразсудка противо-

дѣйствовали пропагандѣ свободы *). Нѣтъ недостатка въ признакахъ того же самаго духа и въ Англіи. На это весьма ясно указываетъ покушеніе, сдѣланное во дни Коббета, съ цѣлью стѣснить дешевую литературу. Воспрещено было продавать еженедѣльныя изданія дешевле шести пенсовъ. Тотъ же духъ обнаружился въ неохотѣ, съ которою уменьшена была штемпельная пошлина съ періодическихъ изданій, когда отстаивать прежній размѣръ сдѣлалось уже безполезнымъ. Онъ проявляется и въ двуличности законодательства, которое объявляетъ себя поощрителемъ народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ ежегодно взимать милліонъ съ четвертью фунтовъ стерлинговъ въ видѣ налога на знаніе.

Всякому извѣстно, какъ недоброжелательно смотрятъ всѣ духовныя корпораціи на распространеніе просвѣщенія. Упорство, съ которымъ брамины борется противъ истинъ современной науки,—фанатизмъ, съ которымъ ученый магометанинъ игнорируетъ всякія другія книги, кромѣ Корана,—предразсудокъ даже противъ имени философіи, который питается въ нашей собственной религіозной корпораціи—все однородные примѣры, указывающіе на дѣйствіе инстинкта самосохраненія. Общій стимулъ, побуждавшій къ дѣйствію во всѣхъ этихъ случаяхъ, былъ совершенно ясно выраженъ монахами, когда они говорили: «Мы должны уничтожить печать, или печать уничтожитъ насъ». Въ другой разъ онъ былъ выраженъ тѣмъ французскимъ епископомъ, который объявилъ системы Белля и Ланкастера изобрѣтеніями дьявола. Пусть никто не воображаетъ, что ревность воспитанія, обнаруженная въ послѣднее время духовенствомъ, указываетъ на новый духъ въ его средѣ. Если вспомнить горечь, съ которою духовные нападали на воскресныя школы при ихъ возникновеніи, и затѣмъ обратить вниманіе, какъ они ревностно конкурируютъ теперь съ диссентерами при обученіи бѣдныхъ, то поведеніе ихъ станетъ

*) Если вѣрить Уайльду, который писалъ до послѣдней революціи, то планъ этотъ выполнялся успѣшно. Онъ, въ видѣ панегирика австрійской системѣ воспитанія, возвѣщаетъ намъ, что народъ «не вздыхаетъ тамъ о политической свободѣ, потому что ничего о ней не знаетъ. Мудрое правительство не дозволяетъ, чтобы души народа были посыпаемы тѣми проповѣдями на темы о языкахъ общества, которыя въ концѣ концовъ породили среди нашихъ соотечественниковъ лихорадку недовольства и непочтительности, которой послѣдствія такъ ясно видны теперь въ Великобританіи!»

довольно ясным: они стараются выбрать изъ двухъ золъ меньшее. Они сознаютъ болѣе или менѣе опредѣленно, что прогрессъ въ воспитаніи неизбѣженъ, и имъ ничего не остается, какъ только желать по крайней мѣрѣ воспитывать народъ въ чувствахъ привязанности относительно церкви.

Эта наклонность къ стѣсненію выразится еще нагляднѣе, если обратить вниманіе на то, что та же самая организація, которая предназначена для распространенія знанія, можетъ въ извѣстныхъ рукахъ служить къ его уничтоженію. Утверждаютъ, что Оксфордъ былъ послѣднимъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ философія Ньютона была признана. Въ жизнеописаніи Локка мы читаемъ: «Былъ собранъ митингъ начальниковъ заведеній въ Оксфордѣ, на которомъ было предложено порицать и затруднять чтеніе этого опыта («О разсудкѣ человѣка»); послѣ различныхъ дебатовъ было рѣшено не выражать публично своего порицанія, но каждый начальникъ заведенія долженъ стараться предупреждать его чтеніе въ подвѣдомственномъ ему мѣстѣ». Въ Итонѣ, во времена Шелли, химія была запрещена и даже химическія руководства были изгнаны. Единообразное обыкновеніе этого рода заведеній отказываться отъ всякихъ нововведеній таково, что они всегда дѣлаютъ улучшенія въ способахъ преподаванія или въ выборѣ предметовъ послѣ всѣхъ другихъ. Университеты съ презрѣніемъ отвергали естественныя науки. Власти коллегій долго сопротивлялись—и активно и пассивно—введенію физіологіи, химіи, геологіи и т. п. Науки эти введены были поздно, да и то лишь постепенно, подъ вліяніемъ конкуренціи соперничествовавшихъ съ ними заведеній и изъ опасенія, какъ бы ихъ не замѣнили эти послѣднія.

Хотя сила инерціи можетъ быть очень полезна въ своемъ мѣстѣ,—хотя отпоръ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ власть, имѣетъ свое назначеніе,—хотя намъ не слѣдуетъ нападать на инстинктъ самосохраненія, который даетъ учрежденіямъ ихъ жизненную силу, такъ что поддерживаетъ ихъ даже во время запоздалой дряхлости,—однако же благоразуміе не позволяетъ искусственно увеличивать естественную дѣятельность этого инстинкта. Для прогресса въ нашей соціальной экономіи совершенно необходимы какъ консервативная, такъ и преобразовательныя силы; но въ высшей степени противно здравой политикѣ давать одной изъ нихъ искусственное преимуще-

ство надъ другой. Установить же государственное воспитаніе значитъ поступить именно такимъ образомъ. Самая организація, созданная для преподаванія, и правительство, которое ею руководитъ, непремѣнно будутъ стремиться къ тому, чтобы современные порядки остались неизмѣнными. Давать имъ опеку надъ духовной жизнью народа значитъ давать имъ возможность подавлять стремленія къ порядку, долженствующему стать на мѣсто настоящаго. Эти учрежденія станутъ вводить именно такую культуру, которая будетъ имъ казаться согласною съ ихъ собственнымъ существованіемъ: они будутъ сопротивляться введенію культуры, подвигающей впередъ общество и тѣмъ самымъ грозящей имъ разрушеніемъ въ самомъ ихъ основаніи,— другими словами, они будутъ сопротивляться именно такому образованію, которое имѣетъ наибольшую цѣну.

Люди легковѣрные, можетъ быть, надѣются, что правило это хоть и было до сихъ поръ неизмѣнно, но въ будущемъ измѣнится. Пусть они не обманываютъ себя. Правило это не умретъ до тѣхъ поръ, пока люди склонны преслѣдовать частные свои интересы насчетъ общаго блага, другими словами—пока государство будетъ необходимо. Наклонность эта станетъ проявляться, конечно съ меньшей рѣзкостью, по мѣрѣ того, какъ люди будутъ дѣлаться менѣе эгоистичными. Но въ той же мѣрѣ, въ какой добросовѣстность ихъ будетъ не совершенна—ими будутъ управлять ихъ личные интересы и, въ томъ же размѣрѣ, учрежденія будутъ противостоять прогрессу.

§ 8. Случалось ли когда-нибудь читателю видѣть мальчика въ пылу перваго припадка страсти къ садоводству?— Въ это время онъ представляетъ занимательный и поучительный видъ. Положимъ, что въ его исключительное распоряженіе предоставлена часть живой изгороди и какая-нибудь пара квадратныхъ ярдовъ. Тотчасъ въ мальчикѣ обнаруживается не малая доля чувства собственнаго достоинства и довольно гордое сознаніе собственника. Пока онъ находится подъ вліяніемъ энтузіазма, онъ не можетъ наглядѣться на свою территорію. Каждый товарищъ, каждый посѣтитель, съ которымъ позволительна такая вольность, можетъ быть увѣренъ, что получитъ приглашеніе: «Пойдемъ, посмотримъ мой садъ». Замѣчательно, съ какой сосредоточенной заботливостью нашъ

юный собственникъ наблюдаетъ за развитіемъ немногихъ жалкихъ растеній. Онъ раза три или четыре въ день сбѣгаетъ смотрѣть ихъ. Ихъ развитіе кажется ему возмутительно медленнымъ. Каждое утро онъ надѣется найти въ нихъ какую-нибудь перемѣну, но, увы, все представляется ему имено въ томъ видѣ, въ какомъ было наканунѣ. Когда же наконецъ появятся цвѣты?—Уже недѣлю тому назадъ какая-нибудь преждевременная почка преднѣщала ему наслажденіе—увидѣть въ своемъ саду первый цвѣтокъ, а она все еще не распускается! Навѣрное тутъ что-нибудь да не такъ!—Быть можетъ листья мѣшаютъ ей развиться? Да, конечно это и есть настоящая причина! Такимъ образомъ можно держать пари десять разъ противъ одного, что вы когда-нибудь застанете нашего молодого садовника усердно раскрывающимъ чашки почки; можетъ статься, онъ даже постарается распаять нѣкоторые изъ лепестковъ.

Такое же дѣтское нетерпѣніе обнаруживается въ чувствахъ значительнаго числа нашихъ защитниковъ государственнаго воспитанія. И эти защитники, какъ нашъ мальчикъ, обнаруживаютъ недостатокъ вѣры въ природныя силы, даже незнаніе того, что такія силы существуютъ. И въ нихъ видно то же самое недовольство предопредѣленнымъ ходомъ прогресса. И тотъ и другіе хотятъ искусственнымъ способомъ помочь тому, что считаютъ недостаткомъ природы. Въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ обращено было вниманіе людей на важность народнаго воспитанія. То, къ чему они до сихъ поръ относились равнодушно или враждебно, вдругъ сдѣлалось предметомъ энтузіазма. Они ожидаютъ предполагаемыхъ результатовъ со всѣмъ рвеніемъ новообращенныхъ, со всею несообразностью надеждъ новичка, со всѣмъ нетерпѣніемъ только-что возникшаго желанія. Поддаваясь безразсудству, свойственному подобному состоянію души, они недовольны, что прогрессъ отъ всеобщаго невѣжества ко всеобщему просвѣщенію не совершился въ теченіе одного поколѣнія. Повидимому каждому должно быть ясно, что всѣ великія перемѣны, совершающіяся въ нашемъ мірѣ, совершаются единообразно и медленно. Поднимаясь на одинъ или на два фута въ теченіе столѣтія, образуются материки. Дельты отлагаются въ теченіе десятковъ тысячъ лѣтъ. Для преобразованія голой скалы въ плодоносную почву необходимо

безчисленное множество вѣковъ. Изученіе убѣдитъ всякаго, что въ развитіи общества дѣйствуетъ тотъ же самый законъ. Для уничтоженія рабства въ Европѣ потребовалось время отъ Рождества Христова до нашихъ дней и все-таки рабство еще не уничтожено вполнѣ. Сотни поколѣній жили и умерли прежде, чѣмъ совершился переходъ отъ іероглифическаго письма къ печати. Столь же медленнымъ путемъ развивались науки, торговля и механическое искусство. И послѣ этого люди чувствуютъ себя разочарованными, такъ какъ недостаточно было пятидесяти лѣтъ для окончательнаго просвѣщенія народа! Въ теченіе этихъ пятидесяти лѣтъ сдѣлано было далеко болѣе, чѣмъ могъ бы ожидать хладнокровный мыслитель и чѣмъ можно было бы предсказать на основаніи прошлаго прогресса человѣчества. И все же этотъ нетерпѣливый народъ порицаетъ систему добровольнаго воспитанія и считаетъ ее ошибкой. Презрительно отвергается процессъ естественный, самородный, — процессъ самостоятельнаго развитія, потому только, что онъ не произвелъ полнаго преобразованія въ теченіе времени, которое составляетъ одинъ какой-нибудь день въ жизни человѣчества! А затѣмъ, дабы исправить некомпетентную въ этомъ дѣлѣ природу, развитіе должно быть ускорено законодательными подѣлками!

§ 9. Есть одно обстоятельство, которое могло бы служить извиненіемъ для всякихъ попытокъ распространять просвѣщеніе искусственными средствами. Полагаютъ, что воспитаніе предупреждаетъ преступленія. Такимъ образомъ искусственное его распространеніе предлагается для уменьшенія числа преступниковъ. «Мы полагаемъ, говоритъ Маколей, что тотъ, кто имѣетъ право вѣшать, долженъ также имѣть право воспитывать» *). Въ письмѣ миссъ Мартино, касающемся системы манчестерскаго округа, между прочимъ говорится: «Я не вижу, чтобы политическая экономія могла что-нибудь возразить противъ общаго обложенія сборами въ пользу народнаго образованія. Эта подать стоила бы намъ очень дешево, если бы была отнесена къ полицейскимъ сборамъ. Она стоила бы намъ гораздо менѣе, чѣмъ мы платимъ теперь за развратъ юношества». Въ обѣихъ приведенныхъ цитатахъ выражается убѣжденіе, что воспитаніе должно быть

*) Цитируется изъ одной рѣчи, произнесенной въ Эдинбургѣ.

употреблено правительствомъ какъ мѣра предупрежденія преступленій.

Несмотря на все наше уваженіе къ авторитетамъ, высказавшимъ это мнѣніе, мы все-таки должны его оспаривать. Мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что народное просвѣщеніе, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, предупреждаетъ преступленія. Вновь и вновь появляющіяся газетныя статьи, въ которыхъ съ такимъ торжествомъ выставляется отношеніе между образованными и необразованными преступниками, конечно ничего не доказываютъ. Прежде чѣмъ можно будетъ вывести изъ нихъ какое-нибудь заключеніе, нужно доказать, что эти образованные и необразованные преступники принадлежатъ къ двумъ одинаковымъ частямъ общества,—что они, по положенію своему, схожи между собою во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ образованія,—что ихъ общественное состояніе и ихъ занятія одинаковы, наконецъ, что они пользуются тѣми же преимуществами и окружены тѣмъ же соблазномъ. На самомъ же дѣлѣ не только ничего этого нѣтъ, но даже и подобнаго чего-либо не существуетъ. Масса невѣжественныхъ преступниковъ принадлежитъ къ части общества, которая поставлена въ самыя тяжкія условія, а немногіе образованные находятся въ условіяхъ относительно благопріятныхъ. Изъ подобныхъ сравненій можно было бы съ такой же логической точностью вывести заключеніе, что источникомъ преступленій служитъ недостатокъ животной пищи, жизнь въ дурно вентилированныхъ помѣщеніяхъ, или употребленіе грязнаго бѣлья; если разспросить обитателей тюрьмы, то оказалось бы безъ всякаго сомнѣнія, что большинство изъ нихъ жило въ подобныхъ условіяхъ. Невѣжество и преступленіе это—не причина и слѣдствіе, но совпадающіе результаты одной и той же причины. Если человѣкъ оказывается совершеннымъ невѣждою, то это значитъ, что онъ жилъ въ средѣ, гдѣ всего болѣе побужденій къ преступленіямъ; если просвѣщеніе коснулось кого-либо только отчасти, то это показываетъ принадлежность къ классу, несравненно менѣе подвергающемуся соблазнамъ, а полная образованность есть признакъ постоянной жизни за предѣлами всѣхъ обыкновенныхъ побужденій къ преступнымъ дѣяніямъ. Слѣдовательно, невѣжество можетъ быть только *признакомъ* существованія вліяній, порождающихъ преступленія—по крайней мѣрѣ

по отношенію къ статистическимъ даннымъ. Оно настолько же можетъ быть названо причиною преступленій, насколько пониженіе барометра можетъ считаться только причиною дождя.

Если только факты тутъ что-нибудь значатъ, то они не только не доказываютъ, что нравственность возвышается образованіемъ, но доказываютъ совершенно противное. Изъ одного рапорта Іосифа Кингсмиля, главнаго капеллана пентонвильской тюрьмы, видно, что число образованныхъ преступниковъ относится къ необразованнымъ точно такъ же, какъ число образованныхъ людей вообще къ числу невѣжественныхъ; между тѣмъ, руководствуясь вышеизложенными соображеніями, мы должны были бы ожидать, что относительное число получившихъ воспитаніе преступниковъ будетъ незначительнѣе, потому что у нихъ менѣе соблазна. Изъ правительственныхъ отчетовъ видно, что число несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ столицѣ съ каждымъ годомъ постоянно возрастало съ тѣхъ поръ, какъ создано было учрежденіе школъ для неимущихъ. Число совершенно безграмотныхъ преступниковъ постоянно уменьшалось: въ 1844 году ихъ было 24,856, а въ 1848—22,968,—уменьшеніе составляло 1,888 человѣкъ. Въ то же время число преступниковъ, умѣвшихъ читать и писать, хотя и не всегда въ совершенствѣ, возрастало: въ 1844 г. ихъ было 33,337, а въ 1848—36,229,—въ тотъ же самый періодъ времени увеличеніе составило 2,857 человѣкъ («Morning Chronicle», April 25, 1850). Приведенныя цифры взяты изъ ряда статей подъ заглавіемъ «Трудъ и бѣдность». Въ другомъ мѣстѣ этихъ статей говорится: «Горнозаводское населеніе сѣвера находится на очень низкомъ уровнѣ по отношенію къ образованію и къ развитію умственныхъ силъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англіи нѣтъ мѣстности, гдѣ бы совершалось менѣе преступленій, такъ что фактъ этотъ прямо противорѣчитъ общепринятому ученію о связи между невѣжествомъ и количествомъ преступныхъ покушеній» («Morning Chronicle», Dec. 27, 1849). Въ тѣхъ же статьяхъ говорится о женщинахъ, работающихъ въ Южномъ Валлисѣ на желѣзныхъ заводахъ и въ каменноугольныхъ копяхъ: «Ихъ невѣжество ужасно, въ то же время по отчетамъ видно, что между ними совершается замѣчательно мало преступленій» («Morning Chronicle», March 21, 1850).

Если этихъ свидѣтельствъ недостаточно, то ихъ можно подкрѣпить ссылкою на Флетчера. Можетъ быть, ни одинъ современный писатель не занимался этимъ вопросомъ такъ внимательно, какъ авторъ, на котораго мы ссылаемся. Перечисляя результаты своихъ изслѣдованій, онъ говоритъ:

«1. Если мы станемъ сравнивать число заключенныхъ по уголовнымъ дѣламъ въ округахъ, отличающихся между собою по степени просвѣщенія, то найдемъ, что въ годы наиболѣе выгодные для промышленности (годы 1842—3—4) отношеніе оказывается въ пользу округовъ наиболѣе просвѣщенныхъ, впрочемъ въ весьма незначительной степени. Въ періодъ времени болѣе благопріятный для промышленности (годы 1845—6—7) результатъ—не въ пользу просвѣщенныхъ округовъ и на этотъ разъ въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Если сравнивать болѣе просвѣщенныя части каждаго округа съ менѣе просвѣщенными, то въ теченіе обоихъ періодовъ окончательный результатъ говоритъ противъ просвѣщенныхъ, хотя въ послѣднемъ періодѣ онъ вчетверо значительнѣе, чѣмъ въ первомъ.

«2. Сколько бы мы ни исправляли данныя касательно возраста населенія въ различныхъ округахъ, съ цѣлью смягчить факты относительно многочисленности несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, все же это нисколько не измѣнитъ первоначальнаго свидѣтельства статистики противъ просвѣщенія: все, что могло имѣть какое-нибудь серьезное значеніе въ этомъ случаѣ, было принято въ соображеніе, когда дѣлались выводы.

«3. Такимъ образомъ, если сравнивать данныя, касающіяся—у насъ и въ другихъ странахъ Европы—уголовныхъ преступленій съ одной стороны и статистики образованія съ другой, то мы не можетъ сдѣлать никакихъ основательныхъ выводовъ въ пользу нравственнаго вліянія просвѣщенія и мало окажется результатовъ противъ него» [*]).

Ко всему этому можно присовокупить свидѣтельства Гюрре и Дюпена, которыми доказано, что самыя просвѣщенныя части Франціи отличаются наибольшимъ количествомъ совершенныхъ преступленій.

*) «Summary of the moral statistics of England and Wales». By Joseph Fletcher, Esq., Barrister-at-Law, one of the Majesty's Inspectors of Schools.

Дѣло тутъ въ томъ что между нравственностью и современными системами воспитанія не существуетъ никакой связи. Одно развитіе интеллектуальныхъ силъ не имѣетъ почти ни малѣйшаго вліянія на поведеніе человѣка. Между тѣмъ современное воспитаніе почти исключительно сосредоточивается на этой цѣли. Вѣрованія заставляютъ удерживать памятью и хорошіе принципы заучивать наизусть; такимъ же образомъ учатъ тому, что справедливо и что не справедливо. Все это никакъ не можетъ привести къ уничтоженію дурныхъ наклонностей. Несмотря на то,—несмотря на опытъ, сдѣланный людьми въ качествѣ гражданъ и родителей, они продолжаютъ упорно ожидать отъ обученія именно такого вліянія. Исторія расъ и индивидуумовъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ заученныя правила нравственности не имѣютъ ровно никакого вліянія; тамъ же, гдѣ они имѣли кажущееся дѣйствіе, результатъ произведенъ не ими, а однородными съ ними чувствами, существовавшими прежде. Интеллектъ не сила, а орудіе: онъ не движется и не дѣйствуетъ самъ по себѣ,—онъ приводится въ движеніе силами, которыя стоятъ за нимъ. Сказать, что люди управляются разсудкомъ, это также не раціонально, какъ сказать, что люди управляются глазами. Разсудокъ есть глазъ, тотъ глазъ, которымъ естественныя желанія отыскиваютъ путь къ своему удовлетворенію. Воспитаніе дѣлаетъ изъ него только болѣе совершенный органъ,—дѣлаетъ зрѣніе болѣе точнымъ и далекимъ, но вовсе не измѣняетъ тѣхъ желаній, которымъ этотъ органъ долженъ служить. Насколько бы мы ни расширяли его поле зрѣнія, все же *направленіе* его дѣятельности будетъ опредѣляться страстями,—*страсти* укажутъ предметы, на которыхъ ему придется остановить свое вниманіе. Интеллектъ будетъ употребляться для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя создадутъ себѣ инстинкты и чувства; культура увеличитъ только ловкость этого средства при ихъ достиженіи. Можно утверждать, что просвѣщеніе дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ оцѣнивать дурныя послѣдствія, сопряженныя съ худыми поступками, и въ извѣстномъ смыслѣ это справедливо. Но такое вліяніе можетъ быть лишь весьма поверхностнымъ. Человѣкъ убѣдится, что болѣе грубыя преступленія обыкновенно влекутъ за собою возмездіе въ томъ или въ другомъ видѣ, но онъ не пойметъ значенія мелкихъ.

Такимъ образомъ его грѣхи примутъ лишь болѣе маккіавелевскій характеръ.

Если бы знаніе и проницательность дѣлали людей хорошими, то Бэконъ былъ бы честенъ, а Наполеонъ справедливъ. При недостаткѣ хорошихъ свойствъ самый совершенный интеллектъ не можетъ давать правильнаго направленія, потому что его оцѣнка искажается преобладающими страстями. Сильныя страсти не стѣсняются даже и тогда, когда ясно предвидятъ дурныя послѣдствія. Иначе какъ объяснить, что люди напиваются, хотя очень хорошо знаютъ, что за этимъ послѣдуютъ страданія и стыдъ, а у бѣднаго человѣка еще— голодъ и нужда? Студенты, изучающіе медицину, знаютъ лучше другихъ молодыхъ людей дурныя послѣдствія развратной жизни, а между тѣмъ они ведутъ себя не менѣе легкомысленно и даже еще легкомысленнѣе этихъ послѣднихъ. Лондонскій воръ, бывшій на исправительной мельницѣ разъ десять, тотчасъ опять начинаетъ воровать, какъ скоро сдѣлается свободнымъ. Люди, которые въ теченіе всей своей жизни учились христіанству, ведутъ себя вовсе не какъ христіане, несмотря на ихъ вѣру, что за такимъ поведеніемъ послѣдуетъ страшное наказаніе.

Странно право, что мыслящіе люди до сихъ поръ считаютъ возможнымъ предупреждать преступленія посредствомъ образованія, тогда какъ факты, ежедневно встрѣчающіеся на улицѣ, въ любой конторѣ, въ семействѣ—убѣждаютъ въ противномъ. Цѣлыя полчища учителей, на которыхъ смотрѣли съ безотчетнымъ благоговѣніемъ, не были въ состояніи очистить общество въ теченіе восьмнадцати столѣтій: и гдѣ же вѣроятность, чтобы задача эта могла быть выполнена другими подобными же арміями преподавателей, на которыхъ никто *не* смотритъ такими глазами? Убѣжденіе, сопровождаемое вліяніемъ сверхъ-естественнаго авторитета, не могло заставить людей дѣйствовать такъ, какъ было желательно:— какъ же послѣ этого ожидать, чтобы одно убѣжденіе, безъ всякихъ особыхъ вліяній достигло такой цѣли? Ужъ если надежда на вѣчное блаженство и страхъ вѣчныхъ мученій не дѣлаютъ людей добродѣтельными, едва ли похвалы и упреки школьнаго учителя подѣйствуютъ съ большимъ успѣхомъ!

Причина такой неудачи—весьма основательная, это— невозможность самаго предпріятія. Представлять себѣ, что

въ настоящее время можно предупредить преступленіе какимъ бы то ни было образомъ, значитъ впадать въ одну изъ тѣхъ утопій, къ которымъ причастны наши современники, хвалящіеся своей практичностью. Тутъ не поможетъ ни государственное воспитаніе, ни тюремная система молчанія, ни система отдѣленія, ни какое бы то ни было другое ухищреніе подобнаго рода. Преступленіе неизлечимо, одинъ только процессъ приспособленія человѣчества къ общественному состоянію можетъ его уничтожить. Преступленія суть постоянно возобновляющіяся проявленія прежней неприспособленной природы человѣка, это—указанія на свойства, несогласныя съ окружающими условіями, и ихъ количество и качество могутъ уменьшаться лишь по мѣрѣ того, какъ будетъ уменьшаться это разногласіе. Надѣяться на уменьшеніе преступленія посредствомъ какого-нибудь быстро дѣйствующаго пріема значитъ надѣяться на уничтоженіе тѣмъ же способомъ всякаго зла—законовъ, правительства, податей, бѣдности, кастъ и т. п., потому что всѣ эти явленія имѣютъ вѣдь одинъ общій корень съ преступленіемъ. Невозможно преобразовать поведеніе людей безъ преобразованій въ ихъ природѣ, а эта послѣдняя можетъ измѣниться только посредствомъ медленно цивилизующихъ насъ силъ; ожидать измѣненія другого рода значитъ предаваться мечтамъ. Пріемы дисциплины или культуры могутъ принести пользу только тогда, когда они измѣняютъ органическія свойства народнаго характера, а такія измѣненія могутъ быть произведены ими лишь въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Необходимыя преобразованія главнымъ образомъ производятся никогда не прекращающимся вліяніемъ на человѣка окружающихъ его обстоятельствъ,—давленіемъ на него новыхъ условій жизни; дѣятели же, придуманные людьми, не могутъ произвести ничего подобнаго даже и тогда, когда они будутъ вполнѣ удовлетворительно исполнять свое дѣло.

Замѣтимъ мимоходомъ, что—насколько воспитаніе м о ж е т ъ произвести нравственное вліяніе—оно произведетъ его только тогда, когда будетъ дѣйствовать болѣе на чувство, чѣмъ на разсудокъ. Мы сдѣлаемъ доброе дѣло не тогда, когда дадимъ ребенку п о н я т ь, ч т о хорошо и ч т о дурно, а тогда, когда дадимъ ему это п о ч у в с т в о в а т ь, когда мы его заставимъ л ю б и т ь добродѣтель и н е н а в и д ѣ т ь порокъ,—

когда взростимъ въ немъ благородныя желанія и заглушимъ дурныя,—если мы вызовемъ къ жизни непроявлявшееся до сихъ поръ чувство,—если мы дадимъ симпатическому стимулу перевѣсъ надъ эгоистическимъ, словомъ—если мы приведемъ его душу въ такое состояніе, при которомъ справедливость будетъ для нея естественнымъ самороднымъ и инстинктивнымъ образомъ дѣйствія. Ничего подобнаго не можетъ быть произведено упражненіями въ катехизисѣ и преподаваніемъ нравственныхъ кодексовъ. Только заставляя людей чувствовать, можно измѣнять ихъ свойства. Идеи, воспринимаемыя разсудкомъ, не имѣютъ никакого вліянія на поведеніе, если не встрѣчаютъ соотвѣтствующихъ имъ внутреннихъ чувствъ и не могутъ пустить въ нихъ свои корни: тогда онѣ забываются, какъ скоро человѣкъ вступаетъ въ жизнь.

Можетъ статься, скажутъ, что государство въ состояніи ввести способъ воспитанія, подобный только-что описанному, и производить тѣ впечатлѣнія, которыя одни имѣютъ вліяніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что поступать такимъ образомъ—во власти государства; но да защититъ насъ небо отъ всѣхъ законодательныхъ попытокъ воспитывать путемъ ощущеній!

§ 10. Остается еще одно возраженіе. Послѣ тщательнаго анализа мы пришли къ заключенію, что посредствомъ закона о бѣдныхъ правительство не можетъ излечить нищеты, а можетъ только перенести ее съ одной части общества на другую (гл. XXV, § 7). Всматриваясь ближе, мы найдемъ, что правительство въ сущности лишено всякой возможности воспитывать, ибо, воспитывая однихъ, оно способствуетъ загрубѣнію другихъ. Такое положеніе поразительно и невѣроятно, но это лишь на первый взглядъ. Если бы люди, прежде, чѣмъ начать дѣйствовать, взяли на себя трудъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ воспитаніе, то они вѣроятно поняли бы, что правительство не можетъ имъ въ этомъ случаѣ оказать никакой истинной помощи. Къ несчастію они всѣмъ этимъ пренебрегали; они сосредоточили свое вниманіе исключительно на воспитаніи, которое дается въ школахъ, и упустили изъ виду вопросъ о томъ, какъ отражаются ихъ планы на воспитаніи, которое начинается тамъ, гдѣ кончается посѣщеніе училища. Имъ впрочемъ очень

хорошо было извѣстно вліяніе этой дисциплины ежедневныхъ обязанностей; они знали, что дѣйствіе ея значительнѣе вліянія учителя. Вы могли часто слышать отъ нихъ самихъ подобное замѣчаніе. Но съ рвеніемъ, свойственнымъ всякимъ прожекторамъ, они дотого сосредоточились на изученіи дѣйствія созидаемаго ими механизма, что совершенно позабыли о реакціи.

Которое изъ разнородныхъ свойствъ человѣческой природы наиболѣе для человѣка необходимо? Отсутствіе какого качества порождаетъ всего болѣе нищеты? Недостатокъ какой способности ощущается такъ сильно непредусмотрительными массами? Недостатокъ самообладанія,—недостатокъ способности жертвовать незначительнымъ современнымъ благомъ для большаго въ будущемъ,—вотъ гдѣ существенная потребность. Работникъ, надѣленный достаточнымъ самообладаніемъ, никогда бы не оставлялъ въ публичномъ заведеніи заработную плату, получаемую имъ по субботамъ. Ремесленникъ, умѣющій владѣть собою, никогда не растрачивалъ бы всего, что онъ получаетъ въ счастливые дни, и не оставался бы такимъ образомъ безъ обезпеченія въ будущемъ. Большее самообладаніе предупредило бы неблагоразумные браки и не порождало бы нищенскаго населенія. Не будь пьянства, расточительности и неправильнаго размноженія—общественныя страданія были бы незначительны.

Какимъ же образомъ можно увеличить самообладаніе? Тутъ одинъ только тяжкій опытъ можетъ сдѣлать что-нибудь. Воспитаніе тѣхъ, кто нуждается въ развитіи этой способности, должно быть предоставлено дисциплинѣ естественнаго хода вещей,—они должны перенести всѣ послѣдствія, проистекающія изъ ихъ недостатковъ. Страданія, причиняемыя неблагоразуміемъ, вотъ единственное средство для его излеченія. Исправить человѣка отъ дурныхъ наклонностей можно только тогда, когда онъ будетъ поставленъ лицомъ къ лицу съ строгой необходимостью, когда онъ почувствуетъ всю неизмѣнность, всю неумолимость ея законовъ. Выше было сказано (гл. XXV, § 6), что всякое вмѣшательство въ отношенія между человѣкомъ и условіями его существованія, всякое смягченіе ихъ послѣдствій посредствомъ законовъ для бѣдныхъ и тому подобныхъ вещей,—все это только препятствуетъ дѣйствію лекарства и дѣлаетъ зло болѣе продолжи-

тельнымъ. Мы никогда не должны забывать основного закона природы, которымъ требуется приспособленіе къ обстоятельствамъ, каковы бы они не были. Если, вмѣсто того, чтобы ставить людей въ соприкосновеніе съ настоящими условіями ихъ жизни, мы поставимъ ихъ въ искусственныя, то они приспособятся къ этимъ ложнымъ положеніямъ. Затѣмъ имъ будутъ предстоять всѣ бѣдствія новаго приспособленія къ условіямъ дѣйствительности.

Изъ всѣхъ побужденій къ развитію самообладанія едва ли не самымъ сильнымъ является чувство родительской отвѣтственности. А если такъ, то ослаблять это чувство значитъ принимать самую дѣйствительную мѣру противъ развитія способности владѣть собою. Въ справедливости этого мнѣнія мы легко убѣдимся, наблюдая, какъ легкомысленные браки поощряется закономъ для бѣдныхъ. Точно такое же дѣйствіе производитъ и воспитаніе чрезъ посредство правительства—съ тою только разницею, что воспитаніе, слагая съ родителей лишь часть отвѣтственности, вредитъ несравненно менѣе, чѣмъ вспомоществованіе бѣднымъ, всецѣло принимающее на себя содержаніе ихъ дѣтей. Чѣмъ болѣе государство сдѣлаетъ для семейства, тѣмъ болѣе уменьшатся расходы женатаго человѣка насчетъ холостого, т. е. тѣмъ болѣе увеличится соблазнъ для вступленія въ бракъ. Пусть никто не думаетъ, что если рабочему человѣку предлагается безвозмездное, повидимому, воспитаніе для его дѣтей, то это не будетъ имѣть никакого вліянія на его соображенія, когда онъ захочетъ жениться. Обратите вниманіе на тѣ штуки, какія выдѣлываютъ съ нами сильныя страсти въ то время, какъ мы совѣтуемся со своимъ разсудкомъ,—замѣтьте, какъ онѣ устрашаютъ и заставляютъ молчать противныя имъ болѣе слабыя чувства,—съ какимъ пренебреженіемъ обращаются съ опровергающими ихъ доводами,—какъ они, защищая свое дѣло, принимаютъ самыя ничтожныя доказательства за основанія «столь же сильныя, какъ слова священнаго писанія»—примите все это во вниманіе и вы, безъ сомнѣнія, убѣдитесь, что во время соображеній человѣка, находящагося въ подобномъ состояніи, возможность образовать своихъ дѣтей на общественный счетъ будетъ имѣть значительное вліяніе на его рѣшеніе. Мало этого, такая возможность послужитъ ему однимъ изъ побудительныхъ причинъ для того, чтобы

слѣдовать своимъ стремленіямъ. Человѣку случается съѣсть болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; онъ знаетъ, что для него вредно такъ много ѣсть, но дѣлаетъ это потому, что обѣдъ дорогой, и ему хочется вознаградить себя за потраченныя деньги. Точно такъ же можетъ поступить ремесленникъ, который женится при господствѣ системы правительственнаго воспитанія: онъ найдетъ для себя извиненіе въ томъ, что если бы онъ не женился, то ему все-таки пришлось бы платить сборъ на народное воспитаніе и притомъ—безъ пользы для себя.

Государственное воспитаніе заставляетъ слѣдовать минутнымъ внушеніямъ не только въ этомъ случаѣ. Въ теченіе всей жизни родителей оно будетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на развитіе самообладанія. Желаніе дать дѣтямъ своимъ школьное образованіе сильно обуздываетъ непредусмотрительность бѣднаго; этотъ стимулъ будетъ уничтоженъ. Иной человѣкъ такъ слабъ, что едва въ состояніи удерживаться отъ какой-нибудь порочной или эксцентричной наклонности; въ этой борьбѣ его всего сильнѣе поддерживаетъ мысль, что, не совладавъ съ собою, онъ не будетъ въ состояніи обучать свое семейство грамотѣ, между тѣмъ какъ такое обученіе составляетъ для него предметъ гордости. Коль скоро эта узда ослабнетъ, онъ падетъ. Въ дѣлѣ самообладанія онъ не только перестанетъ совершенствоваться, но подвинется назадъ и вмѣстѣ того, чтобы поставить свое потомство на болѣе высокую степень цивилизаціи, поставитъ его на болѣе низкую.

Такимъ образомъ государство, какъ было сказано выше, можетъ воспитывать въ одномъ направленіи только насчетъ загрубѣнія въ другомъ,—можетъ увеличивать количество знаній лишь насчетъ нравственныхъ совершенствъ. Оно замедляетъ развитіе свойства, въ которомъ чувствуется всеобщая необходимость и отсутствіе котораго обусловливаетъ существованіе бѣдности, разврата и преступленія. И все это дѣлается для того, чтобы дать какіе-нибудь обрывки научныхъ знаній.

Какой контрастъ между этими жалкими ухищреніями людей и удивительнымъ механизмомъ, созданнымъ природою и дѣйствующимъ въ тиши! Природа принимаетъ въ расчетъ всѣ силы и употребляетъ ихъ съ экономіею, доведенной до совершенства. Она одинаково извлекаетъ пользу и изъ дѣй-

ствія, и изъ реакціи. Въ ея рукахъ страстная привязанность человѣка къ своему потомству дѣлается двигателемъ культуры въ двухъ направленіяхъ, развивая одновременно и родителей и дѣтей и придавая имъ болѣе совершенныя формы. Наблюдатель поражается красотой зрѣлища, видя, какъ могущественнѣйшій изъ инстинктовъ подвергаетъ людей дисциплинѣ, которой они, можетъ быть, не поддались бы ни при какихъ другихъ условіяхъ. И это то искусно сплоченное устройство государственные люди пытаются расшатать; они самонадѣянно утверждаютъ, что ихъ патентованный механизмъ будетъ дѣйствовать гораздо лучше!

§ 11. Мы видимъ, что предписанія отвлеченно выведеннаго закона подтверждаются посторонними соображеніями въ настоящемъ случаѣ точно такъ же, какъ и во всѣхъ предыдущихъ. Предполагаемое право государства на воспитаніе опровергается тѣмъ, что при логически послѣдовательномъ его развитіи оно приводитъ къ совершенно нелѣпымъ требованіямъ. Затѣмъ его неосновательность доказывается невозможностью обозначить для него точныя границы. Но если бы это даже и было возможно, то сказанное право все-таки нельзя защищать потому, что оно налагало бы на государство обязанность деспотически проводить свой взглядъ на систему воспитанія, а на подданныхъ обязанность подчиниться такому деспотизму. Мнѣніе, будто воспитаніе нельзя разсматривать съ той же точки зрѣнія, съ какой разсматриваются другія отрасли человѣческой дѣятельности, потому что въ этомъ случаѣ «интересъ и сужденіе потребителя недостаточно обезпечиваютъ достоинство товара», опровергается на томъ основаніи, что изъ этого довода уже неоднократно дѣлались весьма сомнительные выводы; — онъ употреблялся въ различныхъ случаяхъ и постоянно оказывался несостоятельнымъ. Нельзя также допустить, что «интересъ и сужденіе» правительства достаточно обезпечиваютъ успѣхъ воспитанія. Напротивъ, опытъ показываетъ, что интересы правительства и всѣхъ его учрежденій прямо противоположны основной цѣли воспитанія, достойнаго этого имени. Мнѣніе о необходимости государственнаго воспитанія на томъ основаніи, что всякое другое воспитаніе оказывается неудовлетворительнымъ, доказываетъ лишь близорукій взглядъ на прогрессъ человѣчества: имъ выражается странное сомнѣніе

въ достаточности естественныхъ дѣятелей, какъ распространителей просвѣщенія среди людей, хотя дѣятели эти возвели человѣчество на настоящую высоту и теперь разливаютъ въ его средѣ свѣтъ въ недосягаемыхъ размѣрахъ. Положеніе, будто воспитаніе предупреждаетъ преступленія, также не можетъ считаться извиненіемъ для вмѣшательства, такъ какъ оно не подтверждается ни теоріей, ни практикой. Сверхъ всего оказывается, что подобное учрежденіе не что иное, какъ мертвая машина, которая въ одномъ видѣ даетъ силу, поглощаемую имъ въ другомъ, и въ результатѣ получается одна отрицательная величина, производимая трепіемъ. Машина эта не можетъ приняться за дѣло воспитанія не уничтожая той силы, которая теперь ведетъ къ этой цѣли—она, слѣдовательно, вовсе неспособна воспитывать.

ГЛАВА XXVII.

Правительственная колонизація.

§ 1. Колонія есть община. Поэтому вопросъ, имѣетъ ли государство право основывать и управлять колоніями, практически равняется вопросу, имѣетъ ли одна община право основывать другія и управлять ими. Вопросъ этотъ касается не однихъ только отношеній между членами общества и его властями: тутъ еще примѣшивается интересъ людей, стоящихъ внѣ этого общества; поэтому такой вопросъ въ извѣстномъ отношеніи не входитъ въ составъ предметовъ, подлежащимъ здѣсь нашему разсмотрѣнію. Принципъ, которымъ мы руководствуемся, укажетъ намъ однако же и въ этомъ случаѣ вполнѣ вѣрный путь изслѣдованія.

Что правительство не можетъ управлять дѣлами колоніи, содержать для нея судебный штатъ, полицію, гарнизонъ и прочее, не нарушая правъ метрополіи,—это едва ли требуетъ доказательствъ. Вѣдь оно нарушаетъ свои обязанности всякой издержкой для этой цѣли, будетъ ли такая издержка, подобно нашей, составлять болѣе трехъ съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или всего нѣсколько тысячъ. Мы видѣли, что права человѣка нарушаются государствомъ всякій разъ, когда у него отбирается болѣе собственности, чѣмъ это необходимо для наибольшаго обезпеченія его безопасности. Удовлетворять же колоніальнымъ издержкамъ невозможно не отбирая у гражданъ ихъ собственность. Слѣдовательно, издержки эти не имѣютъ оправданія.

Иной спорщикъ станетъ, пожалуй, утверждать, что если законодательная власть метрополіи содержитъ въ колоніяхъ подчиненное ей законодательное учрежденіе, то она только

исполняетъ по отношенію къ поселенцамъ первоначальную свою обязанность покровительства, а эти послѣдніе имѣютъ право на подобную защиту. Но вѣдь обязанности общества относительно самого себя или, другими словами, правительства по отношенію къ своимъ подданнымъ таковы, что не дозволяютъ ему принимать на себя подобную отвѣтственность. Коль скоро назначеніе правительства—въ томъ, чтобы охранять выполненіе закона равной свободы, то оно не можетъ одну часть подданныхъ обложить большимъ сборомъ, чѣмъ необходимо для ихъ собственной защиты, а другой оказывать покровительство по цѣнѣ болѣе низкой, чѣмъ дѣйствительная. Охранять же эмигрантовъ насчетъ оставшихся значитъ поступать именно такимъ образомъ. Огражденіе, доставляемое народомъ въ качествѣ корпораціи каждому изъ своихъ членовъ, связано съ извѣстными условіями. Гражданинъ долженъ платить свою долю издержекъ, долженъ отправлять извѣстныя политическія обязанности и жить въ опредѣленныхъ географическихъ предѣлахъ извѣстной территоріи. Если гражданинъ отправляется въ другое мѣсто, то нужно предполагать, что онъ сообразилъ съ одной стороны всѣ выгоды эмиграціи, а съ другой—всѣ невыгоды, сопряженныя съ лишеніемъ гражданства, и онъ нашелъ перевѣсъ на сторонѣ преимуществъ, ожидающихъ его при перемѣнѣ мѣста. Во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ доказать, что общество, отказываясь посылать своихъ служителей къ антиподамъ для его охраненія, нарушаетъ признанный или предполагаемый контрактъ.

Сверхъ того, такъ называемое „колоніальное управленіе невозможно безъ нарушенія правъ колонистовъ. Если переселенцы, какъ это обыкновенно бываетъ, управляются властями, посланными изъ метрополіи, то законъ равной свободы нарушается этимъ точно такъ же, какъ и всякимъ автократическимъ правленіемъ. Если имъ предоставляется управлять своими дѣлами по собственному усмотрѣнію, а за метрополіею остается только право veto, то этимъ все же не установляется справедливости, такъ какъ члены старой общины будутъ въ этомъ случаѣ имѣть болѣе свободы, чѣмъ члены новой. Если, наконецъ, новая община управляется точно такъ же самостоятельно, какъ и старая, то она, фактически, перестаетъ быть колоніей и превращается въ отдѣльную націю. Только

въ одномъ случаѣ возможно законодательное единство между метрополіею и колоніею безъ нарушенія закона, а именно, если онѣ составятъ одно государство, и съ каждой стороны посылаются представители въ одно общее собраніе для управленія цѣлымъ. Съ теоретической точки зрѣнія такое устройство будетъ совершенно справедливо, оно даже нашло себѣ примѣненіе во Франціи: а все-таки его неполитичность слишкомъ очевидна для того, чтобы обратить на него серьезное вниманіе. Предположить, чтобы Англія писала законы для народа, живущаго въ Австраліи, на мысѣ Доброй Надежды, въ Новой Зеландіи, въ Канадѣ, въ Ямайкѣ и т. д., и чтобы эти мѣстности въ свою очередь давали законы для Англіи и другъ для друга,—это такъ же практично, какъ предложеніе, чтобы мясникъ наблюдалъ за правильной сортировкой у торговца сукномъ, чтобы продавецъ сукна составилъ прейсъ-курантъ для торговца пряностями, а этотъ послѣдній давалъ бы наставленіе булочнику, какъ печь хлѣбъ.

Итакъ невозможно допустить политической связи между метрополіею и колоніями, именно—вотъ почему: въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно поддерживается, подобная связь неизбѣжно нарушаетъ права членовъ обѣихъ общинъ; справедливость же можетъ быть возстановлена не иначе, какъ съ помощью учрежденія, невыполнимаго до нелѣпости.

§ 2. Папа Александръ VI съ крайней безцеремонностью раздѣлилъ неизвѣстныя страны земли между испанцами и португальцами. Испанцамъ онъ подарилъ всѣ открытыя и неоткрытыя земли идолопоклонниковъ, которыя лежатъ на западъ отъ извѣстнаго меридіана, проведеннаго чрезъ Атлантическій океанъ; португальцамъ—все, что лежитъ на востокъ. Королева Елизавета также очевидно не считала нужнымъ особенно церемониться, уполномочивая сера Гемпсея Джильберта на «открытіе и завладѣніе отдаленными, идолопоклонническими странами съ правомъ на намѣстничество и судъ въ этихъ странахъ и въ прилегающихъ къ нимъ моряхъ». Не менѣе безцеремонности обнаружилъ и Карлъ II, когда далъ Винтропу, Масону и другимъ власть «убивать, рѣзать и уничтожать всѣми удобными путями, всякими мѣрами и способами всѣхъ и каждаго, какъ отдѣльное лицо, такъ и многихъ лицъ, которыя бы впредь покусились или предприняли что-либо, клонящееся къ разрушенію, захвату

или вреду предположенныхъ къ Коннектикутѣ колоній или къ безпокойству жителей». Всѣ экспедиціи съ колонизаціонной цѣлью до настоящаго времени сохраняли отвратительное сходство съ образомъ дѣйствія морскихъ разбойниковъ. Сюда принадлежатъ всѣ захваты въ Америкѣ, французскія пріобрѣтенія въ Алжирѣ и Тапти, англійскія завоеванія въ Синдіи и Пенджабѣ. Эти безсовѣстные поступки сопровождались однако, какъ это обыкновенно бываетъ, заслуженнымъ возмездіемъ. Ненасытная жадность, слѣпая страсть хватать все, до чего достаютъ руки, породили крайне ложныя убѣжденія и доводили народы до гибельныхъ поступковъ. «Богатство людей измѣряется количествомъ владѣемой ими земли», разсуждали политики; «увеличеніе поземельнаго владѣнія очевидно равняется увеличенію богатства. Слѣдовательно, что же можетъ быть яснѣе?—всякое пріобрѣтеніе новой территоріи выгодно для народа». Введенные въ заблужденіе такой аналогіей и пришпориваемые страстью къ пріобрѣтенію, мы захватывали одну провинцію за другою, не обращая никакого вниманія на постоянныя потери, которыми все это сопровождалось. Дѣйствительно, очень трудно было себѣ представить, чтобы изъ этого могли происходить потери. Прибавка въ какой-нибудь вещи должна обогащать:—это кажется каждому до того очевидной истиной, что людямъ никогда не приходилось голову спросить себя, какой окажется результатъ, если прибавленная величина будетъ отрицательная. Даже теперь, когда обществомъ начинаетъ овладѣвать сомнѣніе, инстинктивное стремленіе не оставлять уже захваченнаго такъ сильно, что оно не допускаетъ измѣненія въ политикѣ. Въ настоящемъ своемъ положеніи мы похожи на ту обезьяну, про которую разсказывается въ баснѣ: эта почтенная дама запустила руку въ кувшинъ съ плодами и захватила столько, что не могла вытащить руку обратно; она однако же и не думала оставить захваченнаго и должна была таскать кувшинъ за собою. Скоро ли мы достигнемъ чего-нибудь получше такой обезьяньей мудрости? Къ счастью прежній духъ пиратства начинаетъ въ насъ ослабѣвать. Завоеваніе не прославляется болѣе, какъ это было прежде, и мы перестаемъ смотрѣть на него какъ на средство для національнаго возвеличенія. Пріобрѣтеніе новыхъ территорій въ Индіи считалось злополучной необходимостью и опечалило всѣхъ. Опытъ научаетъ

насъ, что отдаленныя владѣнія суть тягость, а не пріобрѣтеніе. Прежняя побудительная причина къ государственной колонизаціи, ненасытная страсть къ новымъ завоеваніямъ, скоро будетъ разрушена убѣжденіемъ, что политика захвата новыхъ территорій есть политика настолько же дурная, насколько и несправедливая.

§ 3. Воровскія наклонности составляли истинную побудительную причину всѣхъ колонизаціонныхъ набѣговъ, начиная Кортесомъ и Пизарро и до нашихъ дней. Обыкновенно они прикрывались какимъ-нибудь звучнымъ именемъ, маскировались блестящей ложью и въ глазахъ людей принимали даже величественный видъ—до того искусно ихъ украшали грандіозностью цѣли; цѣлью же выставлялось обыкновенно распространеніе религіи или развитіе торговли. Въ наше время въ особенности любили прибѣгать къ послѣднему предлогу. Открытіе новыхъ рынковъ—такова была цѣль, о которой люди громко заявляли другъ другу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ «расширенія предѣловъ государства» колоніальное законодательство болѣе всего руководствовалось такою цѣлью Оцѣнимъ этотъ взглядъ законодателей.

Святые люди, которыми такъ изобиловали средніе вѣка, кажется находили особенное наслажденіе въ томъ, чтобы показывать свои сверхъестественныя силы при самыхъ ничтожныхъ случаяхъ. Обыкновенный ихъ подвигъ состоялъ въ удлиненіи бревенъ, которыя при постройкѣ церквей сдѣланы были плотникомъ слишкомъ короткими. Нѣкоторые имѣли обыкновеніе призывать огонь съ неба для того, чтобы засвѣтить свѣчи. За неимѣніемъ мѣста, куда бы положить свое платье, одинъ святой превратилъ лучъ солнца въ вѣшалку. Про святого Колумбана разсказываютъ, что онъ чуднымъ образомъ удалилъ червей отъ своей капусты. Эти примѣры великихъ мѣръ, употребляемыхъ для достиженія незначительныхъ цѣлей, можно сопоставить съ усиліями правительствъ для обезпеченія колоніальной торговли: нелѣпость тѣхъ и другихъ различается лишь по отношенію къ ея размѣрамъ. Онѣ одинаково характеризуются смѣшною несообразностью между массой проявившейся силы и поводомъ, по которому она проявляется. Въ томъ и въ другомъ случаѣ неестественный дѣятель употребляется для достиженія цѣли, которой очень легко было бы достигнуть и помощью средствъ

вполнѣ естественныхъ. Торговля вещь весьма простая; она является сама собою всюду, гдѣ только есть мѣсто для ея существованія. Несмотря на то государственные люди нашли, что ее слѣдуетъ породить посредствомъ гигантскаго и дорого стоящаго механизма. Торговля тогда только выгодна для страны, когда она за переданное посредственно или непосредственно возвращаетъ товары большей цѣнности, чѣмъ можно было бы получить инымъ способомъ. Но государственные люди не признаютъ этихъ предѣловъ ея прибыльности. Имъ кажется, что всякое новое мѣсто для сбыта англійскихъ произведеній есть драгоцѣнное пріобрѣтеніе, во сколько бы сбыть этотъ ни обошелся странѣ. Видите вы этотъ жалкій, дрянной островокъ или эту дикую территорію?—Нужды нѣтъ, что мѣстность нездорова, безплодна, представляетъ суровыя условія для жизни или даже вовсе необитаема; но на нее можно наложить руку по праву открытія или путемъ завоеваній и дипломатическихъ сношеній,—тотчасъ совершается завладѣніе, назначается губернаторъ съ значительнымъ жалованьемъ, около него собираются чиновники: затѣмъ являются форты, гарнизоны, охранительныя суда. Съ теченіемъ времени возникаетъ ссора съ сосѣдними народами, влекущая за собою вторженіе, войну: это вызываетъ постройку новыхъ укрѣпленій для защиты: нужны новыя силы, новая трата денегъ. На всѣ протесты противъ такихъ неправильныхъ издержекъ одинъ отвѣтъ: «обратите вниманіе, въ какой степени это расширяетъ нашу торговлю». Мы жалуемся на 800,000 фунтовъ, брошенныхъ для укрѣпленія Гибралтара и Мальты, на ежегодный расходъ въ 130,000 фунтовъ для защиты Іоническихъ острововъ, на содержаніе 1,200 солдатъ въ такомъ никуда негодномъ мѣстѣ, какъ Бермудскіе острова, на гарнизоны Св. Елены, Гонъ-Конга, Гельголанда и пр. Намъ отвѣчаютъ, что все это необходимо для защиты нашей торговли. Противъ возраженій относительно ежегодной издержки въ 110,000 фунтовъ на управленіе Цейлономъ считается достаточнымъ отвѣтомъ, что Цейлонъ покупаетъ у насъ произведеній на огромную сумму 240,000 фунтовъ въ годъ. Когда критикуется политика, удерживающая Канаду съ помощью ежегоднаго расхода въ 800,000 фунтовъ, то отвѣчаютъ, что это составляетъ всего тридцать процентовъ изъ тѣхъ денегъ, которыя употребляются жителями этой страны

на покупку нашихъ произведеній*). Находитесь ли вы подъ вліяніемъ страха, что долги остъ-индской компаніи когда-нибудь падутъ на англійскій народъ, порицаете ли издержку въ 17.000.000 фунтовъ для веденія афганистанской войны, сѣтуете ли на 1.000.000 фунтовъ, растрачиваемыхъ ежегодно въ Синдіи, на огромныя суммы, потребляемыя для порабощенія Пенджаба,—противъ всего этого вѣчно одно и то же извиненіе: подобными путями мы вѣдь расширяемъ нашу торговлю. На томъ же основаніи занимаются лѣса Борнео, пустынныя земли кафровъ и безплодныя возвышенности фокландскихъ острововъ. Самая крайняя расточительность извиняется, когда за этимъ слѣдуетъ незначительный запросъ на товары. Извиненіе принимается даже въ томъ случаѣ, когда запросъ явился вслѣдствіе потребности снабженія гарнизона: потребовались напримѣръ стекла для оконъ въ баракахъ, крахмалъ для офицерскихъ рубашекъ, рафинированный сахаръ для стола губернатора: все это перечисляется съ величайшей тщательностью въ таблицахъ департамента торговли и служитъ поводомъ къ выраженіямъ радости по случаю увеличенія нашего вывоза!

§ 4. Мы тратимъ такъ много денегъ не только для незначительнаго выигрыша, мы тратимъ ихъ безъ всякой прибыли: мало этого, мы достигаемъ нашими издержками лишь новыхъ убытковъ. Выгодная торговля съ колоніями должна установиться естественнымъ образомъ. Чтобы ея достигнуть, не нужно тратить ни одного пенса на колоніальную администрацію. Всякая торговля, которая не устанавливается сама собою, не выгодна, а убыточна. Если какая-нибудь колонія торгуетъ только съ нами, то для этого могутъ существовать двѣ причины: или мы производимъ предметы ея потребленія по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ всякая другая нація, или принуждаемъ ея жителей покупать у насъ эти предметы, хотя они могутъ пріобрѣсти ихъ дешевле въ другомъ мѣстѣ. Если мы можемъ продавать по самымъ дешевымъ цѣнамъ, то мы будемъ исключительно снабжать рынки колоніи даже и тогда, когда она будетъ независима. Если мы не можемъ продавать дешевле другихъ, то мы, безъ

*) Относительно всѣхъ этихъ и тому подобныхъ фактовъ см. рѣчи сэра Молесворта, произнесенныя въ теченіе засѣданій 1848 и 1849 годовъ.

всякаго сомнѣнія, наносимъ себѣ косвеннымъ образомъ такой же вредъ, какъ и поселенцамъ. Макъ Коллохъ говоритъ: «Всякая страна обладаетъ извѣстными естественными и пріобрѣтенными способностями и условіями, которыя даютъ ей возможность производить предметы извѣстныхъ отраслей промышленности съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ это возможно для всякой другой мѣстности. Если на рынкѣ колоніи метрополія не можетъ продавать требуемые отъ нея товары дешевле другихъ, то изъ этого прямо нужно заключить, что она не только не обладаетъ превосходствомъ, но работаетъ при невыгодныхъ условіяхъ. Если мы насильственнымъ образомъ устраиваемъ въ колоніяхъ рынокъ для товаровъ, которые не могли бы продать при другихъ условіяхъ, то тѣмъ самымъ употребляемъ часть нашего капитала и труда менѣе выгоднымъ способомъ, чѣмъ они употребились бы при естественномъ ходѣ вещей».—Мы наносимъ себѣ убытокъ производя товаръ, который для насъ было бы гораздо выгоднѣе покупать, и къ этому мы прибавляемъ еще другой вредъ: чтобы успокоить колонистовъ, намъ приходится покупать у нихъ произведенія, которыя мы съ большею выгодою могли бы купить въ другомъ мѣстѣ. Вотъ результаты, къ которымъ приводятъ страстно желаемыя нами монополіи: мы переносимъ двойной убытокъ.

Это—еще одинъ урокъ, показывающій намъ, съ какимъ уваженіемъ мы должны относиться къ предписаніямъ справедливости и какою всеобщею примѣнимостью они отличаются. Выгодными для насъ оказываются именно тѣ торговыя сношенія съ колоніями, которыхъ мы можемъ достигнуть, слѣдуя внушеніямъ справедливости, всѣ же, которыми она нарушается, доводятъ до убытка.

§ 5. Если мы отъ своихъ собственныхъ интересовъ перейдемъ къ интересамъ колоній, то и тамъ встрѣтимъ одни лишь дурные результаты. Материнское покровительство метрополіи очень привлекательно съ виду, но въ то же время крайне обманчиво. Если мы отъ слова перейдемъ къ дѣлу, то найдемъ въ немъ очень мало материнскаго чувства. Указанія опыта въ этомъ отношеніи изложены съ большею откровенностью въ декларацiи американской независимости. Говоря о королѣ, въ которомъ олицетворяется метрополія, поселенцы выражаются такъ:

«Онъ препятствовалъ правильному отправленію суда, отказывая въ своемъ согласіи законамъ, необходимымъ для установленія судебныхъ властей;

«Онъ создалъ множество новыхъ должностей, наслалъ сюда толпы чиновниковъ, которые отягощали народъ и поглощали средства, необходимыя для его существованія;

«Онъ содержалъ среди насъ, въ мирное время, постоянныя арміи безъ согласія нашихъ законодательныхъ собраній;

«Онъ входилъ въ союзъ съ другими, съ цѣлью подчинить насъ юрисдикціи, чуждой нашей конституціи и не признанной нашими законами; онъ давалъ свое согласіе на мнимо-законодательныя (а въ сущности основанныя на присвоенной власти) постановленія этихъ другихъ. Этимъ путемъ—въ нашей средѣ былъ учрежденъ постой для значительнаго числа войскъ;

«Войска эти были ограждены судомъ, представлявшимъ насмѣшку надъ правосудіемъ, отъ наказаній за убійства, какія могли имѣть мѣсто по отношенію къ жителямъ штатовъ;

«Прекращена была наша торговля со всѣми частями свѣта;

«На насъ наложены были подати безъ нашего согласія;

«Мы во многихъ случаяхъ лишены были благодѣяній суда присяжныхъ» и т. д. и т. д.

Хотя, вообще говоря, въ настоящее время, въ нашемъ законодательствѣ относительно колоній нельзя уже встрѣтить такой безчеловѣчной тиранніи, тѣмъ не менѣе стоитъ только заглянуть въ газеты, выходящія въ нашихъ заморскихъ владѣніяхъ, чтобы убѣдиться, что департаментъ колоній не приноситъ имъ особаго счастья.

Въ сорока шести разбросанныхъ владѣніяхъ, которыми насъ обременили государственные люди, мы постоянно встрѣчаемся съ хроническимъ раздраженіемъ различной степени, которое проявляется то въ прошеніяхъ, то въ открытыхъ возстаніяхъ. Два взрыва въ теченіе пятнадцати лѣтъ совершенно ясно указываютъ чувства, господствующія въ Канадѣ; чувства эти не только продолжаютъ существовать, но растутъ. Канъ Берсъ произвелъ въ теченіе того же времени три возстанія, и кромѣ того мы только-что пережили шумное волненіе и страстную войну съ нимъ на бумагѣ изъ-

за ссылокъ. Въ Вестъ-Индіи господствуетъ всеобщее недовольство. Изъ Ямайки намъ пишутъ, что прекратились платежи сборовъ и дѣйствіе государственной машины остановилось. Изъ Гвіаны приходятъ такія же новости. Въ одномъ мѣстѣ ссоры изъ-за укрѣпленій, въ другомъ мятежныя собранія и повсюду неудовольствіе. Имя Цейлона напоминаетъ намъ дерзость титулованнаго губернатора и ожесточеніе оскорбленныхъ поселенцевъ. Ссыльнопоселенцы составляютъ горе австралійскихъ колонистовъ, а въ Новой Зеландіи протестуютъ противъ деспотизма чиновниковъ. Со всѣхъ сторонъ мы слышимъ одно и то же: небрежность, не обращающая вниманія ни на какія жалобы, безконечная дерзость, безразсудства, споры, проволочки и подкупъ. Въ Канадѣ жалуются, что жителей побудили посредствомъ обѣщанія дать имъ привилегію употребить свои капиталы на устройство мельницъ, которыя затѣмъ благодаря послѣдующему законодательству сдѣлались излишними. Постоянно измѣняющійся размѣръ покровительства доводитъ сахарныя плантаціи до того, что тамъ не знаютъ, какъ быть. Южная Африка представляетъ намъ примѣръ дурного управленія, которое въ одно время ставитъ насъ во враждебныя отношенія къ гриквасамъ, а въ другое возбуждаетъ войну съ кафрами. Ново-зеландцы жалуются на нелѣпо избранное центральное мѣсто для управленія,—на деньги, брошенныя для постройки ненужныхъ дорогъ, тогда какъ существенныя потребности остаются неудовлетворенными. Южную Австралію обанкрутило самодурство ея губернатора; посредствомъ распредѣленія земель поселенцы такъ разсѣеваются по странѣ, что грубѣютъ въ уединеніи; работники высылаются въ слишкомъ большомъ числѣ и доходятъ до нищенства. Торговлѣ съ Китаемъ грозитъ опасность отъ оскорбительнаго обращенія нашихъ офицеровъ съ туземцами. Лабуанскія власти устроили первыя поселенія въ заразительныхъ болотахъ.

Эти жалкіе результаты покровительства матушки-метрополіи не должны насъ удивлять, если мы обратимъ вниманіе на то, кѣмъ тутъ исполняются материнскія обязанности. Сорокъ шесть общинъ, состоящихъ изъ различныхъ расъ, живущихъ въ самыхъ разнородныхъ условіяхъ, разбросаны тамъ и сямъ по поверхности земли на разстояніи отъ тысячи до четырнадцати тысячъ миль. Нужно не менѣе трехъ

четвертей года, чтобы послать въ нѣкоторыя изъ нихъ запросъ и получить отвѣтъ. На комъ же лежитъ забота объ этихъ многочисленныхъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ? Гдѣ сосредоточиваются ихъ коммерческіе, соціальные, политическіе и религіозные интересы?—Все это въ рукахъ шести чиновниковъ и двадцати трехъ канцеляристовъ, сидящихъ за своими конторками въ Довнингъ-стритъ! Приходится 0,13 чиновника и пол-канцеляриста на каждое поселеніе!

Не справедливо ли послѣ этого, что такую государственную колонизацію нельзя защищать ни съ точки зрѣнія благоденствія колоній, ни съ точки зрѣнія интересовъ метрополіи?—Неужели нѣтъ тутъ основанія сомнѣваться въ пользѣ управленія народомъ, живущимъ на одномъ полушаріи, посредствомъ чиновниковъ, помѣщающихся на другомъ? — Неужели эти отдаленныя общины не устроили бы сами свои дѣла лучше, чѣмъ мы ихъ устраиваемъ?—Во всякомъ случаѣ нашей исполненной любви заботливости можно бы, кажется, уже успокоиться насчетъ этихъ поселенцевъ, если бы оказалось, что они добровольно отказываются отъ нашего господства. Самое романическое великодушіе можетъ потребовать отъ насъ только предложенія нашихъ добрыхъ услугъ: если услуги эти отвергаются, то мы съ спокойною совѣстью можемъ считать себя свободными отъ всякихъ обязанностей. Если мы предоставимъ жителямъ каждой колоніи рѣшить по большинству голосовъ, хотятъ они получать законы отъ Англіи или нѣтъ, то можемъ быть увѣрены, что получимъ такой отвѣтъ: только бы намъ это было все равно, для насъ же гораздо удобнѣе самимъ давать себѣ законы.

§ 6. Велико зло, которое правительственная колонизація причиняетъ метрополіи и поселенцамъ, но оно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится переносить первобытнымъ жителямъ завоеванныхъ странъ. Жители Явы вѣрятъ, что души европейцевъ переходятъ послѣ смерти въ тѣла тигровъ; одинъ изъ туземныхъ предводителей на Гиспаньолѣ не пожелалъ попасть въ рай, когда услыхахъ, что тамъ будутъ испанцы. Это знаменательные факты, — это мрачныя указанія на многіе ужасы, не сохранившіеся въ лѣтописяхъ. Впрочемъ, въ нихъ заключается намекъ на дѣла, которыя отнюдь не хуже того, что повѣствуетъ намъ исторія. Кого не поражали разсказы объ истребленіи вестъ-индскихъ пле-

менъ, замореныхъ въ рудникахъ, — извѣстія о томъ, какъ на мысѣ Доброй Надежды владѣльцы готентотовъ наказывали ихъ, стрѣляя дробью имъ въ ноги, какъ голландцы въ одинъ день перебили девять тысячъ китайцевъ въ Батавіи, какъ французы душили еще недавно арабовъ въ погребахъ Дары; а между тѣмъ это только отдѣльные примѣры обыкновеннаго обращенія такъ-называемыхъ христіанскихъ народовъ съ покоренными племенами. Если бы кто сталъ льстить себя надеждою, что мы, англичане, не повинны въ подобныхъ варварствахъ, тому скоро пришлось бы устыдиться при разсказахъ о нашихъ подвигахъ на Востокѣ. Англо-индѣйцы послѣдняго столѣтія, эти «хищныя и перелетныя птицы», какъ ихъ назвалъ Боркъ, оказались только на самую незамѣтную величину менѣе жестокими, чѣмъ ихъ прототипы въ Перу и Мексикѣ.—Можно себѣ представить, сколько тутъ было черныхъ дѣлъ, когда даже директоры компаніи должны были согласиться, что «огромныя состоянія, нажитыя посредствомъ внутренней торговли, были добыты путемъ тиранническаго и притѣснительнаго поведенія, не имѣющаго себѣ подобія ни въ одномъ вѣкѣ и ни въ одной странѣ». Не трудно себѣ составить понятіе, въ какомъ ужасномъ состояніи находилось общество, описанное Ванзитартомъ, когда онъ разсказываетъ, что англичане принуждали туземцевъ покупать и продавать по цѣнамъ, какія имъ угодно было назначить, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія и тюремнаго заключенія. Пусть всякій судитъ о томъ, до чего доходило дѣло, когда Варренъ Гастингсъ, описывая одно путешествіе, говоритъ: «Множество маленькихъ городовъ и «караванъ-сараекъ» (serais) покинуты были жителями при нашемъ приближеніи». Хладнокровное вѣроломство составляло установившуюся политику властей. Владѣльцы вовлекались въ войну между собою: одному помогали низвергнуть своего противника и потомъ его самого лишали престола подъ предлогомъ несправедливыхъ будто бы поступковъ. Всегда былъ подъ руками какой-нибудь ручей, гдѣ будто бы мутилась вода, для того, чтобы разыграть официально роль волка. Если земли зависимыхъ владѣльцевъ казались соблазнительными, то ихъ разоряли непомѣрными данями и когда они наконецъ оказывались не въ силахъ удовлетворить требованіямъ, тогда неплатежъ объявляли измѣ-

ной и наказывали лишеніемъ власти. Подобныя несправедливости продолжаются и до настоящаго времени *). До сихъ поръ продолжается тягостная монополія соли и безжалостное вымогательство поборовъ, которые отнимаютъ у бѣдныхъ туземцевъ приблизительно половину произведеній земли. До сихъ поръ существуетъ система хитраго деспотизма, которая съ помощью солдатъ изъ мѣстныхъ жителей держитъ туземцевъ подъ гнетомъ, постоянно распространяющимся все болѣе и болѣе. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ цѣлый полкъ синаевъ былъ намѣренно истребленъ, потому что отказался выступить въ походъ безъ надлежащей одежды — вотъ каковъ этотъ деспотизмъ! До сихъ поръ полицейскія власти соединяются съ богатыми мошенниками и употребляютъ законъ для цѣлей вымогательства. До сихъ поръ такъ-называемые джентльмены топчутъ своими слонами засѣянныя поля разоренныхъ крестьянъ, набираютъ для себя запасы въ деревняхъ туземцевъ и не платятъ за нихъ. До сихъ поръ жители внутреннихъ странъ убѣгаютъ въ лѣса при видѣ европейца!

Для всякаго ясно, что государственная колонизація, колонизація съ помощью государственныхъ денегъ и государственной силы, дѣлается главнымъ источникомъ всѣхъ этихъ жестокостей, всего этого вѣроломства, кровавыхъ дѣлъ и грабежей, словомъ всего того, за что въ этихъ случаяхъ приходится краснѣть европейскимъ народамъ. Нѣтъ никакой надобности приводить здѣсь въ доказательство послѣднія происшествія въ Перо, что въ Новой Зеландіи, войну съ Кафрами, наши постоянныя задиранія на востокѣ и всю исторію колоній,—дѣло очевидно само по себѣ. Школьникъ, сдѣлавшійся начальнымъ потому, что у него есть старшій братъ, который всегда готовъ его защищать, — вотъ первообразъ колониста, имѣющаго въ метрополіи страшилище, всегда готовое на его поддержку и охрану. Незащищенные эмигранты, поселившіеся среди чуждаго имъ племени, будутъ чувствовать себя слабой стороной, и можно быть увѣреннымъ, что они поведутъ себя хорошо. Подобная община, по всей вѣроятности, разростется, оставаясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ туземцами. Но лишь только за этими эмигран-

*) См. депеши сэра Александра Берка.

тами послѣдуютъ полки солдатъ, лишь только они выстроятъ для себя фортъ и обставятъ его пушками, лишь только они почувствуютъ, что перевѣсъ на ихъ сторонѣ,—они тотчасъ сдѣлаются совершенно другими людьми. Грубость, которая сдерживалась на родинѣ дисциплиной цивилизованной жизни, проявится со всею силой; нерѣдко они окажутся болѣе порочными, чѣмъ когда-нибудь могли себѣ это вообразить. Къ ихъ собственнымъ дурнымъ наклонностямъ присоединятся различныя зловредныя вліянія: военная сила, ихъ охраняющая, имѣетъ сильныя поползновенія къ возбужденію ссоръ, такъ какъ война обѣщаетъ добычу, гражданскіе чиновники не менѣе склонны къ войнѣ, потому что завоеваніе обѣщаетъ имъ новыя мѣста и болѣе быстрое повышеніе. Все поощряетъ склонность къ задиранію. Склонность эта неизбѣжно проявится въ дѣйствіяхъ и доведетъ колонистовъ до тѣхъ жестокостей, которыя позорятъ цивилизацію.

§ 7. Для окончательнаго разъясненія нашихъ взглядовъ исторія представляетъ намъ фактическія доказательства, что правительственная колонизація постоянно сопровождалась безконечными бѣдствіями и злодѣяніями, а естественная была совершенно свободна отъ всѣхъ этихъ золъ. Примѣръ Вильяма Пенна показалъ людямъ, что кротость, справедливость и прямодушіе жителей колоніи служатъ для нихъ несравненно лучшей защитой, чѣмъ войска, укрѣпленія и храбрость губернаторовъ. Честь эта принадлежитъ ему несомнѣнно. Пенсильванія во всѣхъ отношеніяхъ служитъ примѣромъ справедливой колонизаціи и представляетъ собою рѣзкій контрастъ съ поселеніями, никогда не стѣснявшимися тѣмъ, что называется правдивостью. Колонія эта основана была частными людьми, а не государствомъ. Ей не нужно было защиты метрополіи, потому что она не нарушала нравственнаго закона. О трактатахъ ея съ индѣйцами говорится, что это были «единственные трактаты, не утвержденные клятвою, и единственные, которые не были нарушены». Эти договоры служили лучшей защитой, чѣмъ гарнизоны. Въ теченіе семидесяти лѣтъ, пока власть находилась въ рукахъ квакеровъ, колонія была свободна отъ золъ, постигавшихъ другія селенія отъ пограничныхъ набѣговъ съ ихъ неизбѣжными спутниками—страхомъ, потерями и кровопролитіями. Жители поселеній были въ постоянно дружественныхъ и обоюдно выгодныхъ

сношеніяхъ съ туземцами. Эта полная безопасность привела къ естественному своему послѣдствію: матеріальное благосостояніе колоній возрастало необыкновенно быстро.

Можно не безъ основанія предполагать, что подобная политика была бы столь же выгодна и въ другихъ случаяхъ. Не подлежитъ напр. никакому сомнѣнію, что если бы остъиндская компанія не получала ни военной помощи, ни правительственныхъ привилегій, то и дѣла этой компаніи и дѣла Индостана были бы теперь въ несравненно лучшемъ положеніи. Безумная страсть къ власти никогда не обременила бы ее огромнымъ долгомъ, который парализуетъ теперь всѣ ея дѣйствія. Энергія, растраченная въ наступательныхъ войнахъ, была бы обращена на развитіе источниковъ богатства въ краѣ. Торговля шла бы гораздо успѣшнѣе, безъ разслабляющаго вліянія монополій. Туземные владѣльцы, подъ вліяніемъ дружественныхъ сношеній съ племенемъ, одареннымъ болѣе высокими качествами и развитіемъ, облегчили бы всякія усовершенствованія. Намъ не представлялось бы современное зрѣлище рѣкъ, остающихся несудоходными, дорогъ безъ мостовъ и мостовыхъ, земель, глохнущихъ въ пренебреженіи несмотря на доказанное ихъ плодородіе. Частная предпріимчивость давно бы открыла эти источники богатствъ: она дѣлаетъ это даже и теперь, несмотря на всѣ препятствія, какія власть, страстная до завоеваній, ставитъ на ея пути. Если бы поселенцы обратили все свое вниманіе на торговлю и вели себя мирно—къ чему они вынуждены были бы беззащитнымъ своимъ положеніемъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого было бы несравненно лучшее снабженіе Англіи сырьемъ, размноженіе рынковъ для сбыта ея произведеній и нѣчто дѣйствительно полезное для цивилизаціи Востока.

§ 8. Итакъ опытъ доказываетъ различными путями справедливость закона о государственныхъ обязанностяхъ, воспрещающаго правительственную колонизацію. Оказывается, что распространеніе владычества не равняется увеличенію благосостоянія; напротивъ, нападенія, порождаемыя страстью къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ, приводятъ къ потерямъ. Увѣренность, что мы будто бы обезпечиваемъ для себя торговыя выгоды, сохраняя законодательную связь съ колоніями, оказывается заблужденіемъ: въ самомъ счастливомъ случаѣ мы напрасно тратимъ суммы, нужныя для содержанія коло-

піальнаго управленія, чаще же несемъ еще дальнѣйшіе убытки, установляя искусственную торговлю. Государственную колонизацію нельзя защищать и съ точки зрѣнія покровительства, оказываемаго поселенцамъ, потому что это такъ называемое покровительство въ дѣйствительности вырождается въ притѣсненіе. Поселенцы, которымъ въ этомъ случаѣ должно принадлежать право окончательнаго рѣшенія, весьма положительно выражаютъ свое желаніе освободиться отъ такого покровительства. Что касается до туземцевъ, то жестокости, которыя имъ пришлось переносить, обязаны своимъ происхожденіемъ всего болѣе защитѣ, ожидаемой переселенцами со стороны метрополіи. Наконецъ мы имѣемъ убѣдительныя доказательства, что добровольная колонизація не только возможна, но что она не сопровождается тѣмъ многообразнымъ зломъ, которое сопряжено съ колонизаціею правительственной.

ГЛАВА XXVIII.

Санитарная полиція.

§ 1. Идеи, господствующія по отношенію къ законодательному вмѣшательству въ дѣло народнаго здравія, кажется, не имѣютъ опредѣленной теоріи. Восточная медицинская ассоціація въ Шотландіи утверждаетъ, что государство настолько же обязано охранять здравіе подданныхъ, насколько и собственность. «Таймсъ» недавно заявилъ, что государственный совѣтъ обязанъ охранять народное здравіе въ государствѣ *). Не существуетъ однако же ни одной политической партіи, которая бы открыто признавала это ученіе и внесла его въ составъ своего политическаго кодекса. Впрочемъ подобный взглядъ на дѣло выражается въ весьма распространенныхъ мнѣніяхъ по вопросамъ объ осушеніи улицъ и почвы, о снабженіи водою, о вентиляціи и т. п.

Ясно, что въ сферу дѣятельности государства входитъ ограждение всякаго отъ вреда, причиняемаго кѣмъ-либо его здоровью и собственности. Тотъ, кто заражаетъ атмосферу, которою дышетъ его сосѣдъ, нарушаетъ права этого сосѣда. Люди имѣютъ равное право на свободное пользованіе естественными произведеніями природы, такъ какъ обладаютъ способностями, которыя нуждаются въ этомъ свободномъ пользованіи для своей дѣятельности; пользованіе ограничивается болѣе или менѣе всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ эти произведенія въ извѣстной степени негодными. Поэтому всякій человѣкъ, который безъ нужды портитъ произведенія природы и дѣлаетъ ихъ вредными для здоровья или непріятными для чувствъ,

*) См. «Times», окт. 17. 1848 г.

очевидно нарушаетъ права другихъ. Правительство въ качествѣ покровителя правъ прямо обязано оказывать помощь тѣмъ, чьи права такимъ образомъ нарушаются.

Далѣе этого предѣла дѣятельность его нельзя признавать законною. Мы уже повторяли много разъ, что отбирать у гражданина его собственность въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ то необходимо для удовлетворительной защиты его правъ, значитъ нарушать его права. Государство, въ этомъ случаѣ, дѣлаетъ прямо противоположное своему назначенію, другими словами— поступаетъ несправедливо. Слѣдовательно всякое обложеніе сборами для цѣлей санитарной полиціи должно быть отнесено въ категорію поступковъ подобнаго рода и не имѣетъ для себя оправданія.

§ 2. Ученіе о такомъ вмѣшательствѣ, для котораго департаментъ народнаго здравія и всѣ учрежденія въ этомъ родѣ служатъ примѣненіемъ, не только вполнѣ не согласно съ нашемъ взглядомъ на государственныя обязанности, но одинаково беззащитно противъ тѣхъ возраженій, какія уже дѣлались нами въ аналогическихъ случаяхъ. Говоря объ обязанности государства принимать мѣры для огражденія здоровья подданныхъ, обыкновенно подразумѣваютъ подъ этимъ, что оно должно стать между шарлатанами и тѣми, которые ихъ поддерживаютъ,—между торговцемъ лекарственными снадобьями и ремесленникомъ, которому нужно средство противъ простуды,—что оно должно ограждать народъ отъ эмпирическаго леченія и воспрещать всѣмъ неимѣющимъ диплома прописывать лекарства. Такого мнѣнія придерживается большинство медиковъ. Однако же поступать такимъ образомъ значитъ прямо нарушать нравственный законъ. Подобнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла торговли права людей нарушаются точно такъ же, какъ и всякимъ другимъ вмѣшательствомъ. Больной имѣетъ право покупать лекарство и искать совѣта, гдѣ пожелаетъ; занимающійся практикой безъ диплома воленъ продавать и совѣтъ и лекарство каждому, желающему ихъ купить. Всякая преграда, поставленная въ этомъ случаѣ между продавцомъ и покупателемъ, будетъ нарушать законъ равной свободы; такое нарушеніе менѣе всего простительно для правительства, т. е. учрежденія, обязанность котораго— хранить этотъ законъ.

Кромѣ того ученіе объ обязанности государства охранять

здоровье подданныхъ не можетъ быть признано основательнымъ еще и по той причинѣ, по которой мы отвергали всѣ подобныя теоріи: невозможно обозначить предѣлы такой обязанности. Здоровье зависитъ отъ выполненія самыхъ разнородныхъ условій; его можно охранять лишь обезпечивъ всѣ эти условія; слѣдовательно, если на обязанности государства лежитъ охраненіе здоровья подданныхъ, то оно обязано наблюдать, чтобы в с ѣ условія, необходимыя для этого, были исполнены. Спрашивается, должна ли такая обязанность выполняться послѣдовательно? Если требовать послѣдовательности, то законодательство должно установить правила національной діэты, предписать, сколько каждое лицо должно потреблять ежедневно муки, опредѣлить количество и качество пищи какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ, назначить, сколько, чего и когда каждый долженъ пить, издать точныя правила о размѣрѣ и свойствахъ дѣятельности гражданъ, установить формы для платья, назначить часы сна, соразмѣривъ ихъ съ поломъ и возрастомъ; словомъ, въ эту регламентацію должно входить все, что необходимо для полнаго опредѣленія поступковъ и занятій народа въ теченіе дня. Для наблюденія за исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ должно быть назначено надлежащее число чиновниковъ, обладающихъ необходимыми для того способностями и которымъ предоставлена будетъ власть управлять внутренней семейной жизнью каждаго. Если такое наблюденіе за поведеніемъ человѣка въ частной его жизни не признается обязательнымъ, то возникаетъ вопросъ, въ какой же точкѣ между нимъ и полнымъ отсутствіемъ надзора провести границу обязательной регламентаціи? На этотъ вопросъ невозможно дать никакого отвѣта.

§ 3. Мы встрѣчаемъ явную аналогію между предоставленіемъ правительству опеки надъ здоровьемъ народа въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Опека въ томъ и другомъ случаѣ имѣетъ основанія и можетъ быть защищаема лишь однородными аргументами. Если мы признаемъ ее основательною въ одномъ случаѣ, то мы должны признать ее основательною и въ другомъ, и наоборотъ. Если удобно устранвать посредствомъ парламентскихъ актовъ благосостояніе человѣческихъ душъ, то не менѣе удобно будетъ тѣмъ же способомъ устранвать и благосостояніе человѣческихъ тѣ-

лесъ. Тотъ, кто находитъ государство призваннымъ оказывать гражданамъ духовную помощь, долженъ ужъ послѣдовательно считать его призваннымъ и для помощи матеріальной. Очищеніе общества отъ заразы порока можетъ послужить прецедентомъ для его очищенія отъ всякой другой заразы. Тотъ, кто освобождаетъ жилища людей отъ вредныхъ испареній, создаетъ себѣ этимъ одинаково законное право и на удаленіе вредныхъ элементовъ изъ ихъ нравственной атмосферы. Опасеніе, чтобы неимѣющіе разрѣшенія проповѣдники не распространили ложныхъ ученій, имѣетъ для себя полную аналогію въ опасеніи, чтобы практики безъ диплома не давали вредныхъ лекарствъ или совѣтовъ. Мѣры, сочиненныя для преслѣдованія одного зла, могутъ заключать въ себѣ наказанія, удобныя для уничтоженія другого. Наоборотъ, всѣ аргументы, которые употребляются диссентеромъ для доказательства, что государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся до нравственнаго здоровья народа, съ небольшимъ измѣненіемъ въ выраженіяхъ, могутъ имѣть примѣненіе къ здоровью физическому.

Пусть никто не думаетъ, что эта аналогія—воображаемая. Оба явленія имѣютъ между собою не одно теоретическое сходство: есть факты, доказывающіе, что и тѣ и другія стремятся создавать для себя однородныя учрежденія. Медики обнаруживаютъ явную наклонность къ такой же организаціи, какую мы встрѣчаемъ среди духовенства. Хирурги и доктора силятся создать медицинскія учрежденія, однородныя съ духовными. Въ этомъ случаѣ у нихъ то же самое побужденіе, какъ и прожектеровъ, сочиняющихъ желѣзныя дороги: подъ вліяніемъ тайной надежды на доходныя мѣста, эти господа увѣряютъ и себя и другихъ, что предположенная дорога будетъ благодѣтельна для публики; побужденіе это похоже на стимулъ, руководящій всѣми людьми въ подобныхъ положеніяхъ—въ немъ девять долей эгоизма прикрашены одной долей филантропіи. Публика мало знакома съ дѣятельной агитаціей, которая ведется спеціальными изданіями для достиженія надзора за народнымъ здравіемъ. Въ «Ланцетѣ» помѣщаются статьи, въ которыхъ доказывается, что медицинскихъ чиновниковъ, содержимыхъ насчетъ сбора для бѣдныхъ, необходимо поставить въ независимое положеніе отъ управленія, завѣдывающаго этимъ сборомъ; ихъ слѣдуетъ опредѣлять пожизненно и ставить въ зависимость только отъ цен-

тральнаго управленія, назначить большія жалованья изъ консолидованнаго фонда. «Журналъ общественнаго здравія» предлагаетъ, чтобы «каждый домъ, при выѣздѣ изъ него обитателей, осматривался свѣдущими людьми, которые обязаны опредѣлить, могутъ ли безопасно жить въ немъ будущіе жильцы». Съ этою цѣлью нужно съ владѣльцевъ земли собирать пошлины, которыя и употребить «на содержаніе инспекторовъ съ ежегодною платою по четыре или по пяти сотъ фунтовъ каждому». Не спеціальное изданіе, вторя этой статьѣ, говоритъ: «Ни одинъ благоразумный человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что если бы домовладѣльцамъ предписана была надлежащая система вентиляціи, то этимъ былъ бы положенъ предѣлъ не только для холеры, но и для другихъ эпидемическихъ болѣзней и общій уровень народнаго здравія значительно бы возвысился». «Медицинскій Таймсъ» обнаруживаетъ передъ нами свои симпатіи, заявляя съ явной похвалой, что турецкое правительство недавно опубликовало указъ, которымъ назначались медики съ жалованьемъ отъ государства, обязанные безвозмездно лечить всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, и давать совѣты каждому, кто къ нимъ обратится.

Во всѣхъ приведенныхъ выпискахъ съ большею или меньшею ясностью, но несомнѣнно высказывается желаніе, чтобы организованъ былъ классъ людей, содержимыхъ на счетъ государственныхъ сборовъ, которому ввѣрено было бы попеченіе о тѣлесномъ здравіи жителей, точно такъ же, какъ духовенству ввѣрено здравіе духовное. Извѣстно, какъ вырастаютъ учрежденія: ихъ совершенно невинное съ виду дѣтство приводитъ мало по малу къ грозной зрѣлости.—являются права на доходы, политическое вліяніе, сильный инстинктъ самосохраненія. Тотъ, кто знакомъ съ этимъ ходомъ дѣла, пойметъ, что зародышъ, который мы видимъ въ настоящемъ случаѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ очень легко разростись до подобной организаціи. Не мудрено убѣдиться, что въ подобныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ недостатка не будетъ; но большей части предложенія объ учрежденіи должностей инспекторовъ для наблюденія за общественнымъ здравіемъ, публичныхъ хирурговъ и пр. истекаютъ изъ среды медиковъ, слишкомъ многочисленныхъ для обезпеченія своего существованія: такая многочисленность

будетъ встрѣчаться постоянно; такъ какъ медиковъ всегда будетъ слишкомъ много, то они постараются размножить число созданныхъ ими должностей, и это размноженіе станетъ совершаться тѣмъ же самымъ путемъ, какъ чрезмѣрно многочисленное духовенство размножаетъ церкви. Мало этого, слѣдуетъ предполагать, что распространеніе просвѣщенія неизбѣжно должно производить свое давленіе на рынокъ, гдѣ конкурируютъ между собою интеллектуальные работники, и что такое давленіе будетъ постоянно усиливаться; съ тѣмъ вмѣстѣ постоянно будутъ усиливаться стимулы, побуждающіе къ учрежденію новыхъ мѣстъ; въ то же время всѣ тѣ, которые чувствуютъ потребность въ «благородныхъ» занятіяхъ для своихъ сыновей, будутъ поддерживать эту мануфактуру должностей—изъ всего этого выйдетъ постоянно возрастающая опасность отъ развитія медицинскихъ учрежденій.

§ 4. Самое благовидное основаніе, по которому не считаютъ возможнымъ распространить принципы свободы промышленности на медицинскую помощь, заключается въ томъ же, что приводится для оправданія вмѣшательства въ дѣло воспитанія; сужденіе потребителя считается тутъ недостаточной гарантіей достоинства товара. Нетерпимость, которую правовѣрные хирурги и медики обнаруживаютъ по отношенію къ самозваннымъ послѣдователямъ ихъ ремесла, объясняется желаніемъ защитить общество противъ шарлатанства. Невѣжественный народъ, говорятъ они, не можетъ отличить дурного леченія отъ хорошаго, знающихъ свое дѣло совѣтниковъ отъ незнающихъ, слѣдовательно необходимо, чтобы кто-нибудь выбиралъ вмѣсто него. Затѣмъ они идутъ по стопамъ духовенства, которое постоянно оправдывало свои преслѣдованія подобными же основаніями; они агитируютъ въ пользу сильныхъ мѣръ противъ практиковъ безъ дипломовъ и распространяются объ опасностяхъ, которымъ подвергаются люди при отсутствіи стѣсненій. Послушайте г. Уэклея. По случаю недавно возобновленнаго закона, относящагося до аптекарей и продавцовъ лекарствъ, онъ говоритъ: «Законъ этотъ долженъ въ значительной степени ограничить ужасное зло, называемое контръ-практикой. Медицинская практика людей, не обладающихъ надлежащими знаніями, уже съ давнихъ поръ составляла позоръ для медицинскихъ законовъ нашей страны и безъ всякаго сомнѣнія сопровождалась

страшнымъ количествомъ жертвъ, поплатившихся жизнью». («Lancet», сент. 11, 1841 г.). Далѣе говорится: «Нѣтъ ни одного аптекаря, который бы отказался предписывать больнымъ лекарство въ своей собственной аптекѣ или затруднился ежедневно прописывать простыя средства для больныхъ младенцевъ и дѣтей.... Мы уже говорили выше объ огромныхъ размѣрахъ этого зла, однако же совершенно ясно, что мы еще слишкомъ низко оцѣнили опасность, которой подвергается общество («Lancet», окт. 16, 1841 г.).

Въ этихъ забавныхъ преувеличеніяхъ всякому нетрудно узнать рѣчь пристрастія, а не филантропіи. Однако же допустимъ все это. Мы не будемъ останавливаться на интересномъ вопросѣ, какимъ образомъ могло случиться такое странное явленіе, что народъ не обратилъ никакого вниманія на «ужасное зло», сопровождавшееся страшнымъ «количествомъ жертвъ, поплатившихся жизнью»; не станемъ говорить и о томъ, почему здѣсь ни однимъ словомъ не упоминаются благодѣянія, оказываемыя «контръ-практикой», а благодѣянія эти все-таки должны въ значительной степени вознаграждать за «зло огромнаго объема»; мы согласимся, что много бѣдныхъ людей страдаетъ отъ предписаній аптекарей и шарлатановъ. Допустимъ въ цѣляхъ нашей аргументаціи, что все сказанное выше справедливо, и посмотримъ, можно ли найдти въ этомъ достаточное основаніе для законнаго вмѣшательства.

Невѣжество и недостаточное сужденіе сопровождаются неудобствами, страданіями и смертью—вотъ наказанія, которыя предназначены для нихъ природою: тутъ же заключаются и средства для ихъ исправленія. Человѣкъ, полагающій, что онъ можетъ исправить дѣло, отдѣливъ невѣжество отъ наказаній, которыми это послѣднее сопровождается, изъявляетъ претензію болѣе чѣмъ на божественную мудрость и хочетъ благостію превзойти божество. Суровымъ можетъ показаться ходъ вещей, который съ неизмѣнной твердостью наказываетъ за нарушеніе закона; жестокимъ кажется порядокъ, гдѣ поскользнувшаяся нога наказывается переломомъ, гдѣ за неосторожнымъ поглощеніемъ вреднаго растенія слѣдуетъ продолжительная агонія, гдѣ эпидеміи отъ времени до времени уносятъ десятки тысячъ болѣзненныхъ жизней; но мы можемъ быть увѣрены, что жестокость тутъ лишь кажу-

щаяся, а не дѣйствительная. Уничтожая наименѣе развитыхъ и подчиняя остающихся вѣчно дѣйствующей дисциплинѣ опыта, природа обезпечиваетъ развитіе расы, способной понимать условія существованія и сообразоваться съ ними. Коль скоро мы въ какой-либо степени ослабимъ эту дисциплину и станемъ между невѣжествомъ и его послѣдствіями, то мы въ томъ же размѣрѣ ослабимъ и прогрессъ. Если бы невѣжество доставляло намъ столько же безопасности, сколько и мудрость, то никто бы не сдѣлался мудрымъ. Всякая мѣра, которая стремится поставить невѣжество на одну ногу съ мудростью, неизбѣжно ограничиваетъ ростъ этой послѣдней. Именно такимъ образомъ дѣйствуютъ акты парламента, которые стараются спасти ограниченныхъ людей отъ золъ, причиняемыхъ имъ вѣрою въ эмпириковъ, и поэтому они вредны. Повидимому, предоставлять ограниченнаго человѣка на произволъ страданіямъ, сопряженнымъ съ его ограниченностью—безжалостно, а между тѣмъ это лучшее, что можно сдѣлать. Глупецъ долженъ перенести страданіе, какъ умѣетъ; онъ долженъ сохранить урокъ, данный ему опытомъ, и дѣйствовать на будущее время раціональнѣе. Случившееся съ нимъ послужитъ предостереженіемъ и для него, и для другихъ. Большое число подобныхъ предостереженій непремѣнно должно породить во всѣхъ людяхъ предусмотрительность, соотвѣтствующую той опасности, которую слѣдуетъ устранить. Можетъ статься есть желающіе облегчить процессъ? Чтожъ, пусть уничтожаютъ ложные взгляды:—если они будутъ дѣлать это законнымъ путемъ, то чѣмъ усерднѣе станутъ дѣйствовать, тѣмъ лучше. Но, охраняя невѣжественнаго человѣка отъ дурныхъ послѣдствій его невѣжества, отрывая послѣдствія отъ причины, съ которою соединилъ ихъ Богъ, дѣлая излишними интеллектуальныя силы, вложенныя въ насъ для того, чтобы онѣ служили намъ руководствомъ, словомъ, выбивая изъ своей колеи механизмъ, созданный для обезпеченія нашего существованія, мы неизбѣжно должны породить одни бѣдствія.

Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, снявъ съ себя цвѣтные очки предразсудка, окрашивающіе наблюдаемые предметы въ тотъ или другой цвѣтъ, и отрѣшась отъ своихъ любимыхъ проэктовъ, не видѣть всей нелѣпости покушеній защищать людей отъ самихъ себя?—Если бы нашимъ прожектерамъ

удавалось постоянно выполнять свои планы, то они наполнили бы міръ несчастнымъ населеніемъ дураковъ. Изъ человѣка они сдѣлали бы самое жалкое существо,—существо, которое не имѣло бы силы поддерживать себя и для своей жизни постоянно нуждалось бы во внѣшней опекѣ,—существо, которое вѣчно сбивалось бы съ пути и не могло бы обойтись безъ того, чтобы его другіе каждый разъ направляя на истинную дорогу,—нѣчто, постоянно стремящееся къ саморазрушенію. Всѣ усилія природы направлены къ тому, чтобы освободить міръ отъ подобныхъ созданій и дать мѣсто лучшимъ. Природа требуетъ, чтобы всякій индивидъ удовлетворялъ самъ себя. Все, что неспособно къ подобной жизни, постоянно удаляется посредствомъ смерти. Умъ, достаточный для того, чтобы устранять опасность,—сила, достаточная для соблюденія всѣхъ нужныхъ условій существованія,—ловкость для борьбы съ ними,—вотъ способности, требующіяся постоянно и неизмѣнно. Обратите вниманіе, какъ тутъ поступается съ болѣзненнымъ. Чахоточные, т. е. субъекты съ легкими, неспособными къ отправленію обязанностей легкихъ,—люди съ пищеварительными органами, которые не въ состояніи принимать достаточно пищи,—съ порокомъ сердца, которое не выноситъ возбужденія при кровообращеніи, словомъ—особи съ какимъ бы то ни было недостаткомъ въ своемъ устройствѣ, который мѣшаетъ имъ надлежащимъ образомъ выполнять условія жизни, постоянно вымираютъ или остаются позади тѣхъ, которые приспособлены къ климату, пищѣ, и жизненной остановкѣ, среди которой родились. Даже менѣе несовершенныя организаціи, которыя при обыкновенныхъ обстоятельствахъ могутъ вести удовлетворительную жизнь, во время эпидемій дѣлаются однѣми изъ первыхъ жертвъ; остаются только организмы, достаточно сильные, чтобы противостоять и этому вліянію, т. е. тѣ, которые достигли такого приспособленія, что могутъ выносить и случайныя, и обыкновенныя условія существованія. Такимъ способомъ раса освобождается отъ пороковъ. Подобное положеніе заключаетъ въ существѣ своемъ истинный ходъ дѣла, и невозможно себѣ представить никакого другого порядка вещей. Эта истина, на которую большинство людей обращаетъ мало вниманія. Они не замѣчаютъ ея примѣненія къ тѣлесному сложенію и еще менѣе обращаютъ вниманія на ея отношеніе

къ душѣ. Она основательно однако же и въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Природа настолько же требуетъ гармоніи въ душевныхъ свойствахъ съ окружающими обстоятельствами, насколько и въ тѣлесныхъ; радикальный недостатокъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ приводитъ къ смерти. При философскомъ обобщеніи вопроса ясно, что люди, которыхъ глупость, пороки и лѣнь доводятъ до смерти, должны быть поставлены на одну ногу съ жертвами слабыхъ внутренностей и уродливыхъ членовъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ существуетъ гибельный недостатокъ приспособленія: съ отвлеченной точки зрѣнія все равно, будетъ ли этотъ недостатокъ нравственный, интеллектуальный или тѣлесный. Эти несовершенныя существа—ошибки природы; какъ скоро они оказываются такими, они берутся назадъ ея законами. Они подвергаются испытанію вмѣстѣ съ другими. Если они окажутся достаточно совершенны для жизни, то останутся жить, и хорошо, если такъ. Если же они недостаточно совершенны, то умрутъ и это—лучшее, что такія существа могутъ сдѣлать. При строгомъ испытаніи, которому они подвергнутся, уже не будетъ обращаться вниманія на то, въ чемъ заключается несовершенство: въ недостаткѣ ли силы, ловкости, пониманія, предусмотрительности или самообладанія. Если въ какой-нибудь способности оказывается необыкновенный недостатокъ, то, по всей вѣроятности, съ теченіемъ времени за этимъ послѣдуетъ бѣдственный, а въ крайнихъ случаяхъ гибельный результатъ. Дѣятельность этого закона представляется намъ весьма неправильной: остается масса соломы, которую слѣдовало бы вывѣять; уносится множество зеренъ, которымъ слѣдовало бы остаться; но если мы разсмотримъ дѣло внимательнѣе, то окажется, что въ *среднемъ уровнѣ* общество все-таки очищается дѣйствіемъ этого закона отъ негодныхъ въ *какомъ-либо отношеніи* элементовъ.

Если строгость этого процесса умѣряется самопроизвольнымъ проявленіемъ симпатіи людей по отношенію другъ къ другу, то облегченіе это правильное; хотя не подлежитъ сомнѣнію, что симпатія, не обращающая вниманія на окончательный результатъ своей дѣятельности, должна причинять зло. Но ретроградное движеніе, происходящее такимъ образомъ, ничтожно по сравненію съ благодѣяніями, которыя

порождаются тутъ въ другихъ отношеніяхъ. Чистое зло получается только тогда, когда симпатія нарушаетъ естественную справедливость, порождаетъ вмѣшательство, запрещаемое закономъ равной свободы, когда она такимъ образомъ въ извѣстныхъ отрасляхъ жизни разрываетъ связь между устройствомъ человѣка и условіями его существованія. Въ этомъ случаѣ она не достигаетъ своей цѣли. Вмѣсто того, чтобы уменьшать страданія, она ихъ увеличиваетъ. Она поощряетъ размноженіе наименѣе приспособленныхъ къ условіямъ существованій и такимъ образомъ мѣшаетъ размноженію наиболѣе приспособленныхъ. Для послѣднихъ остается менѣе мѣста.—Она стремится наполнить міръ существами, которымъ жизнь приноситъ болѣе страданій, чѣмъ удовольствій, и удалить изъ него тѣхъ, которымъ она, въ общемъ выводѣ, улыбается. Она причиняетъ положительно бѣдствіе и предупреждаетъ положительное счастье.

§ 5. Что касается до нетерпѣливой агитаціи, порождающей проекты объ улучшеніи нашего здоровья посредствомъ парламентской дѣятельности, то всѣ они прежде всего безполезны, потому что въ природѣ существуютъ достаточные дѣятели, которыми достигается желаемая въ этомъ случаѣ цѣль.

Филантропы нашего времени похожи на слѣпорожденнаго, которому возвращено зрѣніе: они смотрятъ на жизнь вновь раскрытыми у нихъ глазами симпатіи и составляютъ себѣ весьма грубое и преувеличенное понятіе о злѣ, съ которымъ приходится имѣть дѣло. Однимъ овладѣваетъ забота о просвѣщеніи ближнихъ; и вотъ они собираютъ статистическія данныя, указывающія на огромные размѣры невѣжества, публикуютъ ихъ, и страхъ овладѣваетъ любителями въ томъ же родѣ. Другіе погружаются въ мракъ, въ которомъ скрывается бѣдность, и наводятъ ужасъ на міръ описаніемъ того, что они тамъ видятъ. Иные собираютъ свѣдѣнія о преступленіяхъ и омрачаютъ расположеніе духа мягкосердыхъ людей посредствомъ своихъ открытій. Ужасъ, наведенный подобными свѣдѣніями, заставляетъ людей легкомысленно предполагать, что зло увеличилось. Эти добродушные субъекты не догадываются, что сказанныя свѣдѣнія дошли до нихъ не потому, что зло сдѣлалось больше, а потому, что они стали внимательнѣе къ нему. Если до настоящаго дня слышно было мало жалобъ на преступленія, невѣжество и нищету,

то это не отъ того, что въ прошлыя времена такія бѣдствія были менѣе распространены—на дѣлѣ было противное—но наши праотцы были равнодушнѣе насъ въ этомъ отношеніи; они мало думали и говорили о такихъ бѣдствіяхъ. Все это проходитъ незамѣченнымъ; обыкновенно забываютъ, что соціальное зло уменьшалось лишь постепенно, подобно движенію прогресса, идущему съ возрастающей быстротой. И вотъ начинаютъ бить ненужную тревогу и пугаютъ ужасными послѣдствіями, если злу не будетъ оказана немедленная помощь, наводя такимъ образомъ на людей страхъ и поддерживая въ нихъ мечтательное убѣжденіе, что немедленная помощь возможна.

Таково преобладающее теперь настроеніе по отношенію къ санитарной реформѣ. Мы имѣемъ множество «голубыхъ книгъ», рапортовъ департамента народнаго здравія, руководительныхъ статей, памфлетовъ и лекцій, описывающихъ дурное состояніе дренажа, помойныя ямы и сточныя трубы, переполненныя нечистотами, заражающія воздухъ, кладбища, нечистоту воды, грязь и сырость въ квартирахъ подвальныхъ этажей. Полагаютъ, что, факты, опубликованные такимъ образомъ, оправдываютъ или скорѣе даже требуютъ законодательнаго вмѣшательства. Кажется, никогда не дѣлалось вопроса, не существуетъ ли процесса, посредствомъ котораго зло это исправляется само собою? Всякому извѣстно, что смертность постоянно уменьшалась у насъ, что данныя относительно продолжительности жизни въ Англіи болѣе благопріятны, чѣмъ гдѣ-либо;—что города наши теперь чище, чѣмъ когда-либо прежде, что самородныя наши санитарныя мѣры лучше, чѣмъ тѣ, которыя принимаются на материкѣ, тамъ кельнская вонь, парижскія непокрытыя канавы для спуска нечистотъ, берлинскіе чаны съ водою *) и жалкіе тротуары германскихъ городовъ указываютъ на вліяніе государственнаго управленія. Всѣ это знаютъ и все-таки придерживаются превратнаго мнѣнія, что лишь заботы правительства могутъ устранить остающіяся еще вредныя вліянія на состояніе общественнаго здравія. Причины, которыя дове-

*) Для тушенія пожаровъ въ Берлинѣ, въ различныхъ мѣстахъ города стоятъ открытые чаны съ водою, которые перевозятся туда, гдѣ они нужны.

у насъ водосточныя трубы, мостовыя, водопроводы и освѣщеніе городовъ до ихъ современнаго положенія, конечно не прекратили внезапно своего дѣйствія. Можно безъ всякаго сомнѣнія надѣяться, что улучшенія, которыя въ теченіе послѣднихъ двухъ или трехъ столѣтій украсили Лондонъ, будутъ продолжаться. Съ тѣхъ поръ, какъ законъ объ устройствѣ городскихъ общинъ облегчилъ выполненіе улучшеній, настроеніе общества привело къ столькимъ усовершенствованіямъ въ городахъ, что дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ направленіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Все, что было до сихъ поръ сдѣлано для здоровья городовъ, было сдѣлано не только безъ помощи правительства, но несмотря на препятствія съ его стороны, несмотря на тягостныя издержки, сопряженныя съ актами парламента, заключающими въ себѣ мѣстныя распоряженія. Послѣ этого мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что все, что остается сдѣлать, можетъ быть сдѣлано тѣмъ же самымъ путемъ, особенно, если препятствія будутъ устранены. Слѣдовало бы полагать, что въ настоящее время вмѣшательство даже менѣе извинительно, чѣмъ когда-либо. Теперь, когда такъ много уже сдѣлано,—когда самородный прогрессъ достигъ безпримѣрнаго развитія,—когда начинаютъ повсемѣстно изучать условія здоровья, измѣнять свой образъ жизни, заводить ванны,—когда проявляются наконецъ заботы объ умѣренности, о вентиляціи, объ упражненіи,—вступаться именно теперь, это такой необдуманный и ничѣмъ невызванный шагъ, который не имѣетъ ничего себѣ равнаго.

Увлекаясь пламеннымъ желаніемъ добыть какъ можно скорѣе законодательнымъ путемъ для народныхъ массъ болѣе здоровыя квартиры, люди не видятъ, что естественный процессъ, который уже началъ производить свое дѣйствіе, есть единственный путь, способный привести къ окончательному успѣху. Столичное общество для улучшенія жилищъ рабочаго класса дѣлаетъ все, что только возможно сдѣлать въ этомъ отношеніи. Оно стремится доказать, что при добросовѣстномъ управленіи устройство здоровыхъ помѣщеній для бѣдныхъ составляетъ выгодное употребленіе капитала. Какъ скоро оно это докажетъ, оно сдѣлаетъ все, что нужно сдѣлать, потому что капиталъ къ этомъ случаѣ легко направится къ употребленію, дающему хорошій доходъ. Если оно не до-

кажетъ этого, если послѣ надлежащаго испытанія выяснится, что образцовыя наемныя квартиры не оплачиваются и что рабочій народъ можетъ получать лучшія помѣщенія только тогда, когда дома, въ которыхъ онъ живетъ, будутъ приносить менѣе дохода,—въ такомъ случаѣ никакіе акты парламента, сколько бы ихъ ни было издано отъ настоящаго времени до послѣдняго дня творенія, не улучшатъ положенія ни на одну іоту. Проекты для достиженія хорошей вентиляціи посредствомъ законныхъ предписаній, законы въ родѣ билля лорда Морпеса, который настаиваетъ на снабженіи водою и опредѣленіи для нея таксы, предписанія о чисткѣ свободныхъ квартиръ прежде, чѣмъ онѣ заняты будутъ снова, о наблюденіи за ними хозяевъ,—словомъ всѣ планы, которые заставляютъ домохозяевъ доставлять жильцамъ болѣе выгодъ за тѣ же деньги,—все это повторенія стараго предложенія о осуществленіи законнымъ путемъ невозможнаго. Какъ скоро они придутъ въ дѣйствіе, то первымъ ихъ результатомъ будетъ уменьшеніе выгодъ домовладѣльцевъ. Какъ скоро дома не будутъ приносить прежнихъ процентовъ, то капиталы будутъ искать для себя другого употребленія. Постройка домовъ не будетъ идти одинаковымъ шагомъ съ возрастаніемъ населенія. Число людей, занимающихъ одинъ и тотъ же домъ, будетъ постепенно увеличиваться. Такое измѣненіе въ отношеніи между числомъ домовъ и количествомъ населенія будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока требованіе на квартиры доведетъ доходы домовладѣльцевъ до прежнихъ размѣровъ, и до тѣхъ поръ, пока отъ чрезмѣрной тѣсноты не произойдетъ новый вредъ для здоровья, который сравняется съ предыдущимъ *). Если можно сдѣлать эконо-

*) Подобные результаты породилъ законъ о столичныхъ постройкахъ. Законъ этотъ произвелъ въ домахъ, принадлежащихъ къ лучшимъ разрядамъ нѣкоторое преобразованіе (вовсе впрочемъ не соотвѣтствовавшее по размѣрамъ ожиданію, такъ какъ надсмотрщики подкупаются взятками и кромѣ того пошлина, которую они сбираютъ при осмотрѣ всякой незначительной постройки, дѣйствуетъ такъ же, какъ бы дѣйствовалъ штрафъ за улучшеніе); но сколько зато причинилъ онъ зла именно тамъ, гдѣ отъ него ожидали благодѣтельнаго вліянія. Одинъ архитекторъ и надсмотрщикъ описываетъ его дѣйствіе слѣдующимъ образомъ: Нѣкоторыя части Лондона состоятъ изъ небольшихъ домовъ, плохо построенныхъ, для улучшенія которыхъ изданъ былъ новый строительный законъ. Дома эти даютъ ренту средняго уровня и достаточно вознаграждаютъ тѣхъ владѣльцевъ, которые успѣли поко-

мію со стороны поземельной ренты, устраняя зданіе большаго объема и высоты, если притомъ можно уменьшить издержки на постройку внѣшнихъ стѣнъ и крыши и такимъ образомъ на тѣ же самыя средства устранивать большія и лучшія квартиры (что впрочемъ весьма вѣроятно), то стоитъ только доказать этотъ фактъ и конкуренція капиталовъ сдѣлаетъ все, чего въ этомъ направленіи можно достигнуть. Но если все это окажется невыполнимымъ, то, значитъ, болѣе ничего нельзя и сдѣлать; мнѣніе, будто тутъ возможно помочь горю законодательными и принудительными мѣрами, будетъ достойнымъ товарищемъ убѣжденія, что можно таксами установлять цѣны на хлѣбъ и работу.

Тѣ, которые такъ заботятся объ улучшеніи здоровья бѣднаго п о с р е д с т в е н н ы м ъ путемъ законодательной машины,

---

чить постройку экономическимъ образомъ прежде, чѣмъ вышелъ означенный билль. Такой установившійся здѣсь средній уровень ренты опредѣляетъ доходъ, который могутъ давать въ этихъ частяхъ города новые дома того же устройства, т. е. имѣющіе то же число комнатъ, потому что люди, для которыхъ эти дома строятся, не придаютъ цѣны безопасности, доставляемой имъ жизнью въ стѣнахъ, скрѣпленныхъ связками изъ крѣпкаго желѣза. Теперь опытъ показываетъ, что дома, построенные на основаніи новыхъ правилъ и которые отдаются въ наймы по такой установившейся цѣнѣ, не приносятъ достаточнаго дохода. Поэтому строители стали строиться въ лучшихъ частяхъ города, гдѣ возможна для нихъ выгодная конкуренція съ домами уже существующими (что указываетъ достаточно солидную постройку этихъ послѣднихъ). Они перестали строить дома для помѣщенія массъ во всѣхъ вообще предмѣстьяхъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ здоровью не грозитъ особая опасность. Между тѣмъ въ только-что описанныхъ частяхъ города тѣснота въ квартирахъ увеличилась: въ одномъ домѣ помѣщается до полдюжины семействъ — до двадцати жильцовъ въ комнатѣ. Этого мало: жалкое, разрушенное состояніе, до котораго доходитъ жилище бѣдныхъ, производится отсутствіемъ конкуренціи со стороны новыхъ построекъ. Жильцы не соблазняются болѣе предложеніями лучшихъ помѣщеній и не оставляютъ своихъ прежнихъ хозяевъ. Поправки не нужны болѣе для обезпеченія хорошаго дохода и потому не дѣлаются. Если жильцы требуютъ постановки новой печи, то для владѣльца служитъ достаточнымъ извиненіемъ пошлины, которыя необходимо при этомъ заплатить надсмотрщику, и онъ ничего не дѣлаетъ. Такимъ образомъ новый строительный законъ произвелъ нѣкоторыя улучшенія тамъ, гдѣ они не особенно были необходимы; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ они всего были нужнѣе, онъ не сдѣлалъ ничего хорошаго, а напротивъ породилъ зло несравненно большее, чѣмъ то, которое долженъ былъ устранить. Оказывается, что большая часть тѣхъ ужасовъ, которые наши дѣятели въ области общественной гигіены предполагали излечить путемъ законодательства, порождены были прежними дѣятелями той же самой школы!

сдѣлали бы не дурно, если бы обратили свое усердіе непосредственно на дѣло, которое тутъ ищетъ себѣ исполнителя. Что бы имъ обратиться къ симпатіямъ и интересамъ людей! Пусть они докажутъ капиталистамъ, что улучшенія въ этомъ отношеніи окупятся. Пусть они разъяснятъ имъ, что производительная сила работника увеличится посредствомъ улучшенія его здоровья и что вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится подать для бѣдныхъ. Но прежде всего имъ слѣдуетъ требовать, чтобы устранены были тѣ препятствія, которыя полагаются современнымъ законодательствомъ при выполненіи всякихъ улучшеній въ санитарномъ отношеніи *). Усилія ихъ, направленныя въ эту сторону, дѣйствительно приведутъ къ прогрессу. Теперешнія же ихъ старанія или безполезны или вредны.

§ 6. Попытки сдѣлать черезъ посредство законодательства жизнь въ городахъ болѣе здоровою можно порицать не только потому, что онѣ оказываются излишними, такъ какъ въ этомъ направленіи уже дѣйствуютъ силы естественныя, но и потому, что онѣ не достигаютъ цѣли, къ которой стремятся. Кромѣ того парламентскіе акты, направляясь по этому пути, могутъ дѣйствовать лишь посредствомъ орудій, которыя сами по себѣ достойны порицанія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, такъ-называемыя «практиче-

*) До отмѣны сбора съ кирпича «Строитель» писалъ: «Предполагаютъ, что четвертая часть цѣны строеній, которыя отдаются въ наемъ за два шиллинга шесть пенсовъ или за три шиллинга въ недѣлю, употребляется на покрытіе издержекъ для пріобрѣтенія нужныхъ документовъ и на уплату пошлинъ съ употребленнаго на постройку дерева и кирпича. Владѣлецъ такой собственности конечно долженъ вознаградить себя и онъ увеличиваетъ наемную плату на семь съ половиною или на девять пенсовъ въ недѣлю для покрытія издержекъ.» Г. Гатлифъ, секретарь Общества для улучшенія помѣщеній рабочаго класса, описывая вліяніе подати съ оконъ, говоритъ: «Съ заведенія св. Панкратія платится въ настоящее время 162 фунта 16 шиллинговъ подати съ оконъ или одинъ процентъ съ первоначальной стоимости. Средняя плата квартирантовъ Общества составляетъ пять шиллинговъ и шесть пенсовъ въ недѣлю; изъ этой суммы семь съ четвертью пенсовъ въ недѣлю идетъ на уплату оконной подати». — Депутація къ лорду Ашлею — см. «Times» — янв. 31 1850 г. — Г. В. Воллеръ, портной, говоритъ: «Недавно я устроилъ одинъ изъ вентиляторовъ Арнота въ печи мастерской и никакъ не думалъ, что мистеръ Беджеръ, надсмотрщикъ нашего округа, потребуетъ съ меня за это двадцать пять шиллинговъ пошлины.» «Morning Chronicle», февр. 4, 1850 года.

скія мѣры» дали обычный результатъ: онѣ замѣнили дѣятелей, хорошо выполняющихъ свое назначеніе, другими, вовсе неспособными дѣйствовать столь же успѣшно. Въ Англіи вообще и въ Лондонѣ въ особенности находятъ неудовлетворительными сточныя трубы, помойныя ямы, средства противъ зловоній и т. п. Собраны многочисленныя и убѣдительныя данныя, установляется единогласное убѣжденіе относительно упомянутой неудовлетворительности. Граждане озабочены и рѣшаются обратиться съ просьбою въ парламентъ. Парламентъ обѣщаетъ разсмотрѣть дѣло и, послѣ обычныхъ дебатовъ, постановляетъ: «Да будетъ департаментъ народнаго здравія». Просители потираютъ себѣ руки и ожидаютъ великихъ послѣдствій.—Простоваты же эти добрые люди!—простоваты до безконечности... Законодательство разочаровывало ихъ пятьдесятъ разъ къ ряду и все-таки не уничтожило вѣру въ дѣйствительность законодательныхъ мѣропріятій. Они надѣялись, что злоупотребленія церкви будутъ исправлены духовной коммиссіей—бѣдные помощники священниковъ могутъ сказать намъ, осуществилась ли эта надежда. Опираясь на законъ парламента, коммиссія для разсмотрѣнія закона о бѣдныхъ должна была искоренить способное къ труду нищенство—однако же сборы для бѣдныхъ быстро возрастали до прежняго уровня, несмотря на ограниченіе этого роста благосостояніемъ послѣдняго времени. Новый строительный законъ долженъ былъ дать лондонскому населенію лучшія квартиры—но мы видѣли, что онъ ухудшилъ тѣ изъ нихъ, которыя болѣе всего нуждались въ усовершенствованіи. Люди легкомысленно надѣялись исправить преступниковъ системой молчанія или системой отдѣленія; но если послушать споры защитниковъ того и другого ученія, то убѣдимся, что ни одно изъ нихъ не оказалось особенно успѣшнымъ. Посредствомъ промышленнаго воспитанія дѣти бѣдныхъ должны были сдѣлаться хорошими гражданами. Чтожъ? Со всѣхъ сторонъ мы получаемъ свѣдѣнія, что большая часть изъ нихъ идетъ въ тюрьму, обращается къ проституціи или возвращается въ рабочіе дома. Мѣры, принятыя закономъ 1840 г. объ оспопрививаніи, должны были истребить натуральную оспу—рапорты же директора департамента народной переписи показываютъ, что смертность отъ упомянутой болѣзни усилилась. Съ каждымъ годомъ увеличи-

вается число мертворожденныхъ мёръ, и намъ нетрудно было при первой надобности привести множество изъ нихъ въ настоящемъ сочиненіи (Утил. ф. § 3; лемма II § 5; гл. XXII, § 6). Несмотря на это, къ способности законодателей выполнять свои обѣщанія едва только начинаютъ сомнѣваться. Съ того времени, когда законодательство пыталось опредѣлять цѣну монеты, и до нашихъ дней—когда оно только-что отказалось отъ установленія цѣнъ на хлѣбъ—государственные люди принимали на себя всякаго рода дѣла, начиная опредѣленіемъ покроя сапожныхъ носковъ и кончая приготовленіемъ людей къ загробной жизни; во всѣхъ этихъ случаяхъ они терпѣли неудачу и достигали результатовъ, совершенно непохожихъ на ожидаемые. И все-таки вѣра людей неисчерпаема: они видятъ все это, они каждый день слышатъ о нелѣпостяхъ, какія дѣлаются въ департаментахъ, объ управленіи адмиралтейства, которое растрачиваетъ три милліона въ годъ на постройку дурныхъ судовъ и потому должно ихъ ломать,—о лѣсной коммиссіи, которая даже не знаетъ дохода съ земель, ею управляемыхъ,—о невѣжественныхъ акцизныхъ химикахъ, заставляющихъ свое начальство начинать уголовное преслѣдованіе по дѣламъ, которыя оканчиваются въ пользу отвѣтчиковъ и за которыя приходится потомъ платить вознагражденіе,—и послѣ всего этого правительству стоитъ только заявить о новомъ, благовидномъ проектѣ и люди тотчасъ начинаютъ кричать ура, бросаютъ вверхъ шапки и вполнѣ увѣрены, что все такъ и сдѣлается, какъ обѣщано.

Убѣжденіе, что департаментъ народнаго здравія и всякое учрежденіе въ этомъ родѣ никогда не можетъ исполнить того, что отъ него ожидается, нѣтъ надобности основывать на отвлеченныхъ разсужденіяхъ или на опытѣ, сдѣланномъ вообще относительно орудій государственной власти. Вѣдь ужъ у насъ дѣйствуетъ одно подобное учрежденіе и, насколько можно судить до настоящаго времени, оно не сдѣлало ничего, чтобы оправдать народныя ожиданія. Неблагоразумно было бы, можетъ статься, осуждать его за то, что существуютъ попрежнему водосточныя трубы, заражающія воздухъ, открытые желоба для стока нечистотъ, грязныя улицы—для исправленія такого распространеннаго зла необходимо время. Но мы имѣемъ пробный камень, который даетъ возможность

правильно оцѣнить его дѣятельность. Это—поведеніе сказаннаго установленія до и во время послѣдней эпидеміи. Уже болѣе, чѣмъ за годъ, оно имѣло свѣдѣнія, что холера направляется къ намъ. Между тѣмъ временемъ, когда можно было предвидѣть вторичное появленіе этой болѣзни, и временемъ наибольшей смертности было цѣлыхъ два парламентскихъ засѣданія. Департаментъ народнаго здравія имѣлъ, слѣдовательно, достаточно времени для принятія всѣхъ нужныхъ мѣръ или усиленія своихъ средствъ, если бы это оказалось необходимымъ. Какого же перваго шага слѣдовало отъ него ожидать? Не слѣдовало ли думать, что онъ прежде всего уничтожитъ погребеніе въ стѣнахъ города? Понятенъ вредъ отъ погребенія мертвыхъ въ средѣ живыхъ; зло, происходящее отъ такого обыкновенія, всѣми признано, и, чтобы его уничтожить, достаточно было простого примѣненія власти. Если департаметъ народнаго здравія полагалъ, что власть его въ этомъ случаѣ достаточна, почему же онъ не употребилъ ее, когда получилъ извѣстіе о приближеніи эпидеміи? Припомните его дѣятельность за послѣднее время, и едва ли вы признаете недостаточность его власти; если же такой недостатокъ существовалъ, почему же департаментъ не испросилъ себѣ большую? Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ этомъ направленіи, онъ занимался проектами о будущемъ снабженіи водою и сочинялъ системы трубъ для стока нечистотъ. Въ то время, какъ приближалась холера, департаментъ народнаго здравія разсуждалъ о реформахъ, отъ которыхъ самая крайняя восторженность могла ожидать значительной пользы только въ будущемъ. Когда наконецъ врагъ уже былъ у насъ на носу, тогда эта стража, на которую люди возлагали всю свою надежду, вдругъ зашевелилась и надѣлала такихъ вещей, отъ которыхъ въ то время зло ухудшилось, вмѣсто того чтобы исправиться. На медицинскомъ митингѣ, собравшемся въ самый разгаръ холеры, одинъ ораторъ утверждалъ, что «коммиссія народнаго здравія принята именно тѣ самыя мѣры, которыя по всей вѣроятности должны были произвести эту болѣзнь». Вмѣсто того, чтобы распорядиться годъ тому назадъ, она теперь вздумала пошевелить всякаго рода нечистоты. Она начала свозить навозныя кучи, очищать помойныя ямы и т. д., чѣмъ только подливала масла въ огонь и удесятеряла господствовавшее зло.

Невозможно припомнить времени, когдаб ы существовало такое скопленіе зловредной вони, какое было произведено городскими коммиссіями здравія, пустившимися очищать атмосферу. Наконецъ, когда смертность продолжала увеличиваться несмотря на все, что было сдѣлано—а, можетъ быть, отчасти и в с л ѣ д с т в і е этихъ мѣръ—тогда было рѣшено запереть кладбища. Слѣдуетъ предполагать, что это было сдѣлано въ надеждѣ ограничить этимъ путемъ смертность. О, конечно!—тамъ были сотни тысячъ разлагающихся тѣлъ и если только къ нимъ не прибавить еще нѣсколькихъ, то это немедленно должно произвести значительное вліяніе!

Если ко всему этому прибавить, что холера похищала большее число жертвъ, чѣмъ прежде, послѣ того, какъ даны были наставленія о предохранительномъ леченіи и устроена система посѣщеній на дому, то мы будемъ имѣть нѣкоторое основаніе предполагать, что наша санитарная стража не сдѣлала намъ добра, а можетъ быть, даже произвела еще зло.

Если намъ скажутъ, что департаментъ народнаго здравія дурно устроенъ или не имѣетъ достаточной власти, и что при лучшей организаціи онъ далъ бы другіе результаты, то слѣдуетъ отвѣтить, что подобныя фатальныя препятствія для успѣха мы встрѣчаемъ постоянно и это обстоятельство должно служить причиною для осужденія всякаго вмѣшательства. Всегда становится на пути какое-нибудь непріятное е с л и б ы. Е с л и б ы духовенство господствующей церкви было тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть, тогда бы государственная церковь могла принести пользу. Е с л и б ы приходы добросовѣстно раздавали деньги бѣднымъ, тогда бы законы о бѣдныхъ не имѣли такихъ дурныхъ послѣдствій. Е с л и б ы санитарная организація могла выполнить то, что на нее возлагается, тогда бы можно было сказать что-нибудь въ ея пользу.

§ 7. Даже при существованіи полной возможности водворить въ нашихъ городахъ самыя лучшія условія для здравія посредствомъ агентовъ государства, въ окончательномъ результатѣ для насъ все-таки было бы лучше остаться при томъ, что мы имѣемъ, чѣмъ получить благодѣянія такимъ путемъ. Совершенно невозможно приносить такія жертвы даже для достиженія великой цѣли. Хотя тѣлесное здоровье и великое благо, но мы слишкомъ дорого за него заплатимъ, если промѣняемъ его на здравіе душевное. Тотъ жестоко

ошибается, кто полагаетъ, что правительство можетъ дать намъ преимущества здоровья даромъ, или что мы можемъ за нихъ поплатиться только какими-нибудь сборами. Мы должны платить за нихъ нашими свойствами настолько же, насколько и податями; за нихъ придется отдать равныя цѣнности иной монетой, чѣмъ золото, да еще невозможно будетъ отдѣлаться равнымъ вознагражденіемъ.

Мы еще разъ припомнимъ здѣсь, что люди не могутъ создавать силу. Они могутъ только воспользоваться существующей силой и употребить ее для достиженія той или другой цѣли. Они не могутъ ее увеличить, не могутъ заставить ее произвести большее усиліе, чѣмъ то, къ какому она способна; насколько они истратятъ ея для извѣстнаго назначенія, настолько она уменьшится въ своемъ размѣрѣ при всякомъ другомъ употребленіи. Теперь уже всѣми принято ученіе, что то, что мы называемъ химическимъ сродствомъ, теплотой, свѣтомъ, электричествомъ, магнетизмомъ, двигательной силой, представляетъ различныя проявленія извѣстной основной силы, изъ которыхъ каждое можетъ быть превращаемо въ другое; какую бы форму однако же сила ни принимала, она можетъ дать лишь столько, сколько дала бы сохраняя прежній свой видъ. То же самое вѣрно и относительно силъ, дѣйствующихъ въ средѣ общественной. Силу, которая приводитъ теперь къ извѣстному результату, можно обратить для достиженія какой-нибудь иной цѣли. Одинъ родъ вліянія можно превратить въ другой. Но невозможно *усилить* такое вліяніе, нельзя получить его *даромъ*. Посредствомъ законодательнаго маневра мы не можемъ увеличить нашу способность для достиженія предметовъ нашихъ желаній; мы можемъ достигнуть ихъ въ этомъ случаѣ лишь на счетъ тратъ, сдѣланныхъ въ другомъ мѣстѣ. Именно настолько, насколько въ одномъ отношеніи сдѣлано улучшенія, въ другомъ будетъ ухудшеніе.

Если мы обратимся къ другой точкѣ зрѣнія и станемъ разсматривать общество какъ организмъ, то найдемъ, что жизненную силу этого организма нельзя искусственнымъ образомъ обратить на увеличеніе дѣятельности одного отправленія, не уменьшая размѣровъ другихъ. Пока общество предоставлено себѣ самому, до тѣхъ поръ различные его органы

будутъ развиваться надлежащимъ образомъ, подчиняясь другъ другу. Если окажется, что нѣкоторые его органы слишкомъ несовершенны и развиваются слишкомъ слабо для достиженія надлежащей силы и дѣятельности, то причина такого явленія будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, заключаться въ томъ что несравненно болѣе важные органы находятся въ подобномъ же неразвитомъ состояніи; а такъ какъ жизненная сила общества имѣетъ свои предѣлы, то слишкомъ быстрый ростъ однихъ органовъ прекратилъ бы ростъ другихъ. Можно вполнѣ положиться на то что природа сдѣлаетъ свое дѣло, какъ скоро явится необходимость въ лучшемъ развитіи какого-либо отправленія или даже въ созданіи новой функціи. Доказательствомъ можетъ служить возрастаніе извѣстныхъ мануфактурныхъ городовъ и морскихъ портовъ, а также образованіе компаній различнаго рода. Какъ скоро возрастаетъ требованіе на какой-либо предметъ общаго потребленія, органъ, занимающійся этимъ производствомъ, тотчасъ же усиливаетъ свою дѣятельность,—занимаетъ большее число людей, развивается и производитъ въ большемъ изобиліи. Точно такимъ же образомъ порождаются орудія для выполненія другихъ соціальныхъ требованій, удовлетворяются потребности религіи культуры, воспитанія и т. д.; менѣе важныя уступаютъ мѣсто болѣе важнымъ. Этотъ процессъ совершенно подобенъ росту зародыша, гдѣ отдѣльныя части развиваются въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ нужны для жизни. Вступаться въ этотъ процессъ и производить преждевременное развитіе въ какомъ-либо особомъ направленіи значитъ разстроить правильный ходъ организаціи и произвести соотвѣтствующую атрофію въ другомъ мѣстѣ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что во всякое время общество владѣетъ жизненной силой лишь въ опредѣленномъ размѣрѣ. Эта жизненная сила зависитъ отъ степени приспособленія, отъ степени, въ какой люди пріобрѣли способность соединяться въ общества, отъ того, насколько успѣшна ихъ дѣятельность въ качествѣ единицъ соціальнаго организма: мы можемъ быть въ полной увѣренности, что пока свойства людей остаются неизмѣнными, до тѣхъ поръ ничто не въ состояніи увеличить общій размѣръ ихъ жизненной силы. Совершенно несомнѣнно также, что этотъ общій размѣръ силы можетъ породить лишь опредѣленные по количеству результаты, и что никакое законодательство не добудетъ отъ него

ничего лишняго; порождая произвольное потребленіе силы, оно уменьшаетъ ея дѣйствительность.

Разъясняя вліяніе законовъ о бѣдныхъ и государственнаго воспитанія, мы уже разсматривали во всей подробности реакцію, парализующую всякія попытки увеличить результаты силы. На такую же реакцію можно указать и въ дѣлѣ санитарной полиціи. Реакція эта, между прочимъ, стѣсняетъ всякія улучшенія въ соціальномъ быту, которыя требуютъ предпріимчивости и настойчивости со стороны народа. При естественномъ ходѣ вещей развитіе интеллекта и самостоятельнаго характера должны идти рука объ руку съ улучшеніемъ матеріальной обстановки; прогрессъ въ одномъ отношеніи долженъ идти равнымъ шагомъ съ успѣхами въ другомъ. Такимъ образомъ человѣкъ въ заботахъ объ укрѣпленіи своего тѣла мало по малу незамѣтно укрѣпляетъ и свой духъ. Наоборотъ, если дѣло совершается за человѣка искусственнымъ путемъ и чрезъ это уменьшается потребность въ дѣятельности мысли и въ силѣ воли, то этимъ самымъ замедляется развитіе этихъ способностей и вмѣстѣ съ тѣмъ останавливаются зависящія отъ нихъ улучшенія въ общественномъ быту.

Доказательство найти не трудно; стоитъ только сравнить англійскую энергію съ континентальной безпомощностью. Англійскіе техники (Мэнби, Вильсонъ и комп.) ввели газовое освѣщеніе въ Парижѣ послѣ того, какъ французская компанія потерпѣла неудачу; англичанами же устроены были газовые аппараты во многихъ другихъ мѣстахъ Европы. Англійскій инженеръ (Миллеръ) ввелъ пароходство на Ронѣ. Другой англійскій инженеръ (Притчардъ) проѣхалъ на пароходѣ вверхъ по Дунаю, послѣ того, какъ французамъ и нѣмцамъ такая попытка не удалась. Первый пароходъ на Луарѣ былъ построенъ англичанами (Фосетомъ и Престономъ); англичанинъ (Тирней Кларкъ) построилъ большой, висячій мостъ въ Нецитѣ; англичанинъ же (Виньолесъ) строитъ теперь еще большій висячій мостъ черезъ Днѣпръ; на многихъ континентальныхъ желѣзныхъ дорогахъ англійскіе инженеры служатъ совѣтниками; несмотря на знаменитое Фрейбургское горное училище, разработка многихъ рудниковъ на Рейнѣ была начата англійскими капиталами, употреблявшими въ дѣло англійское знаніе и искусство. Что же это значитъ?

Отчего наши движенія до такой степени лучше подобныхъ же учрежденій у нашихъ сосѣдей,—французовъ и нѣмцевъ? Почему у насъ система желѣзныхъ дорогъ развивается гораздо быстрѣе? Почему наши города чище, лучше вымощены и лучше снабжены водою? Первоначально у насъ не замѣчалось большихъ механическихъ способностей и болѣе сильной потребности прогресса, чѣмъ у другихъ одноплеменныхъ народовъ сѣверной Европы;—скорѣе наоборотъ. Усовершенствованное искусство завезено было къ намъ изъ-за границы. Зародыши шелковой и бумажной мануфактуры заброшены къ намъ извнѣ. Первыя гидравлическія сооруженія сдѣланы были въ Лондонѣ голландцемъ. Какимъ же образомъ произошла перемѣна въ этихъ отношеніяхъ? Какимъ образомъ произошло, что мы теперь не только не зависимъ отъ искусства и предпріимчивости материка, но превосходимъ его и въ томъ и въ другомъ отношеніи? Ясно, что перемѣна эта произошла отъ различія въ дисциплинѣ. Въ завѣдываніи своими дѣлами англійскій народъ болѣе всѣхъ другихъ предоставленъ былъ самому себѣ, вотъ почему онъ пріобрѣлъ большую самостоятельность и долю практической ловкости. Сравнительная безпомощность европейскихъ народовъ, обнаруживающая въ вышеуказанныхъ фактахъ и описанная Лэнгомъ, въ его «Замѣткахъ путешественника» и другими наблюдателями, является естественнымъ результатомъ государственной опеки,—это реакція, неизбѣжно связанная съ дѣятельностью офиціальныхъ механизмовъ,—это атрофія, соотвѣтствующая всякой искусственной гипертрофіи.

§ 8. Остается обратить вниманіе, еще на одно кажущееся затрудненіе, которое связано съ изложеннымъ здѣсь ученіемъ. Если государство не имѣетъ права на санитарную полицію, потому что должно при этомъ отбирать у гражданъ собственность въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это необходимо для огражденія ихъ правъ, то вѣдь, общины также не должны имѣть права на подобную дѣятельность и по той же самой причинѣ. Если города осушаются освѣщаются и мостятся посредствомъ принудительныхъ сборовъ, то кѣмъ бы ни дѣлался этотъ сборъ—центральною или мѣстною властью—во всякомъ случаѣ его нельзя допустить, потому что черезъ это чрезмѣрно увеличивается цѣнность законной защиты, которая такимъ образомъ превращается въ нарушеніе правъ (гл. XXII. § 1).

Выходитъ, что никакая система для обезпеченія городовъ и селеній не можетъ считаться справедливою: ни та, которой держались въ былое время, ни современная, ни предполагаемая въ будущемъ.

Это, повидимому, очень неудобное для насъ заключеніе: тѣмъ не менѣе оно выходитъ изъ нашего общаго принципа и мы должны его принять. Остается только разъяснить себѣ справедливый пріемъ для водворенія порядка на улицахъ и во дворахъ. Стокъ нечистотъ не представляетъ затрудненія. Дома можно очищать тѣмъ же самымъ коммерческимъ способомъ, посредствомъ котораго они теперь снабжаются водою. Весьма вѣроятно, что удобреніе, которое можно получать такимъ образомъ, въ рукахъ частной компаніи не только вознаградитъ издержки его собиранія, но еще дастъ значительный барышъ. Если бы не оказалось такихъ выгодъ, то капиталисты вознаградили бы себя платою отъ владѣльцевъ очищаемыхъ домовъ; возможность закрыть въ каждую данную минуту главную сточную трубу двора обезпечивала бы въ этомъ случаѣ своевременную уплату такъ же точно, какъ подобныя же мѣры обезпечиваютъ аккуратный взносъ денегъ компаніямъ водопроводовъ и газоваго освѣщенія со стороны людей, пользующихся ихъ услугами. Мостовая и освѣщеніе могутъ быть оставлены на произволъ домовладѣльцевъ. Если бы объ удовлетвореніи этой потребности не позаботились общественныя власти, то собственный интересъ заставилъ бы домовладѣльцевъ найти къ тому способъ. Строительныя общества, составившіяся съ спекулятивной цѣлью, подали бы примѣръ улучшеній въ этомъ направленіи, а конкуренція сдѣлала бы остальное. Дома, передъ которыми не было бы хорошихъ тротуаровъ и фонарей для удобства жильцовъ, оставались бы пустыми вслѣдствіе соперничества лучше устроенныхъ помѣщеній. Такъ какъ хорошая мостовая и хорошее освѣщеніе сдѣлаются необходимыми, то домовладѣльцы будутъ соединяться для достиженія этой цѣли болѣе экономическимъ способомъ.

Тутъ можно было бы возразить, что подобное устройство невыполнимо, такъ какъ встрѣтитъ непреодолимое затрудненіе со стороны отдѣльныхъ сварливыхъ домовладѣльцевъ, и кромѣ того окажутся такіе, которые будутъ стараться доставить себѣ несправедливыя преимущества насчетъ осталь-

ныхъ. Отвѣтомъ на это могутъ служить новыя улицы въ предмѣстьяхъ, не взятыя еще въ свое распоряженіе властями: тамъ дѣла ведутся именно тѣмъ способомъ, который мы предлагаемъ, и онѣ шли бы гораздо успѣшнѣе, если бы этому не мѣшало сознаніе домовладѣльцевъ, что такое положеніе лишь временное. Если бы даже возможно было доказать, что въ настоящее время такое устройство невыполнимо, то и въ такомъ случаѣ нельзя бы вывести изъ этого заключенія, опровергающаго изложенный здѣсь взглядъ на дѣло. Личная свобода также когда-то была, непримѣнима. Представительное правленіе не только было непримѣнимымъ, но и до сихъ поръ не можетъ привиться у многихъ народовъ. Мы уже много разъ повторяли, что возможность признанія человѣческихъ правъ соотвѣтствуетъ степени нравственнаго развитія людей. Если какая-нибудь организація, предписываемая закономъ равной свободы, не вполнѣ осуществима въ настоящее время, то это не служитъ доказательствомъ ея несовершенства: это доказываетъ только наше несовершенство. Уменьшая наши недостатки, процессъ приспособленія уже сдѣлалъ для насъ возможнымъ примѣненіе учрежденій, которыя были слишкомъ хороши; онъ приспособитъ насъ и къ другимъ, которыя слишкомъ для насъ теперь.

§ 9. Итакъ мы нашли, что ученіе, будто бы государство обязано ограждать здравіе своихъ поддаиныхъ, несогласно съ нравственнымъ закономъ, что оно заключаетъ въ себѣ несообразности и что его можно съ успѣхомъ опровергать соображеніями здравой политики. Оказывается, что ученіе это почти однородно съ старинымъ догматомъ объ обязанности государства заботиться о нравственномъ благосостояніи подданныхъ, — что если его развивать послѣдовательно, то неизбѣжно дать ему такую же организацію, какъ организація господствующаго духовенства, и что оно приведетъ къ аналогическимъ результатамъ. Страданія, которыми сопровождается неограниченное право эмпириковъ на леченіе, вовсе не такъ значительны, какъ ихъ изображаютъ; эти страданія принадлежатъ къ наказаніямъ, которыя сопряжены природою съ невѣжествомъ и глупостью: ихъ нельзя раздѣлять, не причиняя, въ окончательномъ результатѣ, еще большихъ страданій. Противъ стремленія улучшать санитарное положеніе нашихъ городовъ законодательными мѣрами, какъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Приступая въ апрѣлѣ текущаго года къ изданію «Всеобщей Библіотеки», редакція расчитывала на самый ограниченный кругъ подписчиковъ, почему и стала печатать первый номеръ въ количествѣ лишь 10,000 экземпляровъ; однако скоро пришлось убѣдиться въ неправильности расчетовъ. Сочувствіе и тотъ пріемъ, который встрѣтила «Всеобщая Библіотека» у публики, превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Въ теченіе перваго мѣсяца число подписчиковъ превысило 10,000 и дабы удовлетворить новыхъ подписчиковъ первый номеръ пришлось печатать вторымъ изданіемъ въ количествѣ десяти тысячъ. Однако и это количество оказалось недостаточнымъ и явилась необходимость печатать его третьимъ изданіемъ въ количествѣ 8,000. Такой неожиданный успѣхъ и быстрый ростъ числа подписчиковъ поставилъ редакцію въ затруднительное положеніе: пришлось допечатывать вторымъ изданіемъ номера 2, 3, 4, 5 и 6. По мѣрѣ выхода послѣдующихъ номеровъ число подписчиковъ стало все больше и больше увеличиваться, такъ что редакція, не имѣя первыхъ номеровъ въ достаточномъ количествѣ, по необходимости должна была прекратить пріемъ подписки на 1906 г. Однако, несмотря на это, въ редакцію ежедневно поступаютъ заявленія многихъ лицъ, желающихъ вступить въ число подписчиковъ «Всеобщей Библіотеки». Желая удовлетворить многочисленнымъ требованіямъ, Редакція рѣшила перенести подписной годъ съ 1-го апрѣля 1907 г. на 1-ое января 1907 г. и открыть теперь же подписку для лицъ, желающихъ вступить въ число подписчиковъ «Всеобщей Библіотеки». Такимъ образомъ второй годъ изданія «Всеобщей Библіотеки» для вновь прибывающихъ подписчиковъ начнется не 1-го апрѣля 1907 г., а 1-го января 1907 г. Само собою разумѣется старые под-

писчики, подписавшіеся въ 1906 г. на „Всеобщую Библіотеку" будутъ ее получать вплоть по 1-ое апрѣля 1907 г. Если имъ будетъ угодно остаться подписчиками на «Всеобщую Библіотеку» и послѣ апрѣля 1907 г., то есть на срокъ с 1-го апрѣля 1907 г. по 31-ое декабря 1907 г., то они своевременно соблаговолятъ заявить объ этомъ и внести дополнительную плату. Такимъ образомъ отъ перенесенія срока подписного года старые подписчики ничего не теряютъ, такъ какъ въ 1906 г. они получатъ 18 томовъ (номеровъ), а въ 1907 г. (за январь, февраль и мартъ) 8 томовъ, итого къ 1-му апрѣля 1907 г. 26 томовъ, т. е. все количество, обѣщанное редакціей.

Здѣсь редакція должна сказать нѣсколько словъ pro domo sua. Запоздавъ въ началѣ изданія на два номера, редакція приняла всѣ зависящія отъ нея мѣры, дабы выпускать номера своевременно, но это ей, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не удалось, несмотря на то, что журналъ печатается одновременно въ девяти типографіяхъ (Клобукова, Гутмана, Гольдберга, Денисова, Акинфіева, Балянскаго, Фарбера, Ныркина и Т-ва Художественной Печати). Въ данное время редакція приступила къ устройству собственной типографіи и теперь надѣется выпускать номера своевременно. Многіе изъ гг. подписчиковъ сплошь да рядомъ заявляютъ претензію, что номера ими получаются спустя мѣсяцъ или полтора послѣ ихъ выхода. Здѣсь происходитъ недоразумѣніе, которое необходимо разъяснить. Дѣло въ слѣдующемъ. Редакція, объявляя подписку, обязалась давать номера не меньше какъ въ 20 листовъ, поэтому то она, не желая прибѣгать къ излюбленному нѣкоторыми издателями пріему ставить въ заголовкѣ двойные номера (напр. 13 и 14), а матеріалъ давать не двойной, а полуторный (напр. 30 листовъ вмѣсто сорока), предпочитаетъ запоздать съ выпускомъ, чѣмъ не дать того, что обѣщала. Было бы очень легко войти въ колею, давая по 15 листовъ вмѣсто 20, однако, намъ кажется, мы не въ правѣ

такъ поступить съ подписчиками и полагаемъ, что многіе изъ уважаемыхъ нашихъ читателей согласятся съ нашимъ взглядомъ.

Вслѣдствіе этого и происходитъ недоразумѣнье: такъ, напримѣръ, номеръ 13 отпечатанъ 30 декабря, а помѣченъ 10 октября. Подписчикъ и думаетъ, что № находился въ пути чуть-ли не два мѣсяца. Конечно, проще было бы напечатать на №-рѣ 1 декабря и не было бы никакихъ недоразумѣній. Но тогда, подписчикъ лишился бы 4-хъ номеровъ: двухъ за октябрь и 2-хъ за ноябрь. А это была бы уже настоящая «экспропріація».

Кромѣ измѣненія срока подписного года, редакція должна была по необходимости внести еще и другое измѣненіе въ издаваемый журналъ, а именно увеличила подписную плату съ 6 руб. на 8 руб. Произошло это вотъ почему. Въ началѣ 1906 г., когда редакція приступила къ изданію журнала «Всеобщая Библіотека», цѣны на бумагу, наборъ, печать и прочія типографскія работы были значительно ниже нынѣшнихъ. Въ данное время цѣны повысились противъ цѣнъ, бывшихъ въ началѣ 1906 г., приблизительно на 25 процентовъ. Очевидно, что журналъ, могущій существовать при нормальныхъ цѣнахъ, не можетъ быть издаваемъ при повышенныхъ цѣнахъ безъ измѣненія подписной платы. Въ виду этого и пришлось поднять цѣну на журналъ съ 6 руб. на 8 руб. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, редакція, не желая, чтобы это повышеніе подписной платы было ощутительно для подписчика, рѣшила дать въ теченіе 1907 г. 28 томовъ (24 тома и 4 приложенія) вмѣсто 26. Затѣмъ, такъ какъ навѣрно найдутся многіе изъ новыхъ подписчиковъ, желающіе имѣть нѣкоторыя изъ уже изданныхъ редакціей книгъ, нашла возможнымъ тѣмъ изъ г.г. подписчиковъ, которые къ 1-му января 1907 года внесутъ полностью подписную плату, т. е. 8 руб., выдавать безплатно немедленно при подпискѣ на сумму 3-хъ рублей по ихъ выбору слѣдующихъ книгъ:

Бакунинъ. Письма къ Герцену и Огареву (1 р. 20 к.). — **Бебель.** Женщи
(50 к.). — **Бернштейнъ.** Условія возможности соціализма (50 к.). — **Гейне.** Гер
нія. Переводъ Зачжаго. (50 к.). — **Княгиня Дашкова.** Записки (1 р.). — **Екатерина**
Записки (1 р.). — **Каутскій.** Эрфуртская программа (50 к.). — **Кеннанъ.** Тюрь
въ Россіи (30 к.). — **Кеннанъ.** Сибирь и ссылка (1 р. 25 к.). — **Лассаль.** О су
конст.—Что же теперь?—Гласный отвѣтъ (30 к.). — **Лассаль.** Програм
работниковъ (10 к.). — **Лассаль.** Капиталъ и трудъ (60 к.). — **Марксъ.** Гра
война во Франціи (30 к.). — **Марксъ.** Классовая борьба во Франціи (40 к.).
Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи (40 к.). — **Марксъ.** В
деніе къ крит. философіи правъ Гегеля. Съ пред. Лаврова (20 к.). — **Радище**
Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (50 к.). — **Спонсеръ.** Соціальна
статика (1 р. 50 к.). — **Степнякъ.** Домикъ на Волгѣ (40 к.). — **Степнякъ.** Паве
Руденко (1 р.). — **Степнякъ.** Подпольная Россія. Съ портретами (80 к.).
Толстой, Л. Исповѣдь (20 к.).—Въ чемъ моя вѣра? (50 к.). — **Шефле.** Сущност
соціализма (30 к.). — **Щербатовъ.** О поврежденіи нравовъ въ Россіи (50 к.). п

Такимъ образомъ для новыхъ подписчиковъ подписна
плата на «Всеобщую Библіотеку» на годъ съ 1-го января п
31-е декабря 1907 г. съ доставкою и пересылкою 8 р., пр
чемъ допускается разсрочка, а именно: при подпискѣ 1 р
къ 1-му марта 2 р. и къ 1-му мая 2 руб. **Для старыхъ же под
писчиковъ, желающихъ** получать «Всеобщую Библіотеку» посл
1-го апрѣля, т. е. съ 1-го апрѣля 1907 г. по 31-е декабря 1907
6 р. 50 коп. (такъ какъ по расчету внесенныхъ ими прежд
денегъ, они уплатили за январь, февраль и мартъ 1907
1 р. 50 к.). Деньги эти могутъ быть внесены цѣликомъ к
1-му апрѣля или въ слѣдующіе сроки: къ 1-му февра
2 р. 50 коп., къ 1-му апрѣля и къ 1-му мая по 2 руб. Пр
уплатѣ тѣмъ или другимъ способомъ они пользуются пр
вомъ на полученіе четырехъ безплатныхъ приложеній.

**Тѣ изъ г.г. старыхъ подписчиковъ, которые къ 1-му января 1907
пожелаютъ внести 6 руб. 50 коп., т. е. полную подписную плату
время съ 1-го апрѣля 1907 г. по 31-е декабря 1907 г., получа
БЕЗПЛАТНО шесть коленкоровыхъ богато-тисненыхъ золото
крышекъ для переплетовъ шести книгъ, а именно на 2 тома Бло
на 2 тома Вейля и на 2 тома Кропоткина.**

Редакція.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1907 годъ

на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

Въ 24 томахъ, составляющихъ Библіотеку, около 10.000 страницъ убористаго текста и около 100 портретовъ.

Журналъ «Всеобщая Библіотека» выходитъ двухнедѣльными книжками въ 20—30 листовъ (около 450 стр.) каждая на лучшей бумагѣ, со многими портретами, такъ что во всѣхъ 24 томахъ будетъ около 600 листовъ (10.000 стр.) четкой печати. Въ Всеобщей Библіотекѣ будутъ помѣщены въ 1907 году безъ сокращеній слѣдующія до сихъ поръ большею частью запрещенныя цензурою въ Россіи сочиненія:

БАКУНИНЪ, М. Парижская коммуна и понятіе о государственности. Съ письмомъ П. Кропоткина — Государственность и анархія. Съ портретомъ Михаила Бакунина.

БЕБЕЛЬ, А. Собраніе сочин. Съ портретомъ Бебеля.

БЕРНШТЕЙНЪ, Э. Собран. соч. Съ пор. Бернштейна.

БЛОСЪ, В. Великая французская революція. — Революція въ Германіи. Съ рис. и портретами.

БЮХНЕРЪ, Л. Сила и матерія. Съ портретомъ Бюхнера.

ВОЙНИЧЪ, Е. Оводъ. Романъ изъ революціонной жизни Италіи XIX вѣка.

ГЕРШУНИ, Г. (Шлиссельбуржецъ). Разрушенный молъ. Фантазія. Съ портретомъ и біографіей.

ГЕРЦЕНЪ, А. Былое и думы. — Съ того берега. — Кто виноватъ? Съ портретомъ Герцена.

ГРАВЪ, ЖАНЪ. Умирающее общество и анархія. — Будущее общество.

ДРАГОМАНОВЪ, М. За что старика обидѣли и кто его обижаетъ? (Размышленія по дѣлу В. Засуличъ—Трекова). — Къ біографіи Желябова. — Звѣрства съ политическими ссыльными въ Сибири.

ДАВЫДОВЪ. Записки Дениса Васильевича Давыдова, въ Россіи цензурою не пропущенныя.

ДЕЙЧЪ, Л. 16 лѣтъ въ Сибири. Воспоминанія (1884—1901 г.) Съ портретомъ.

КАУТСКІЙ, К. Соб. соч. Съ портретомъ автора.

КРОПОТКИНЪ, П. Записки революціонера. Съ пред. Георга Брандеса и портретомъ автора.

ЛАССАЛЬ Ф. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора.

Лили Браунъ. Женскій вопросъ, его историческое значеніе и экономическій вопросъ.

ЛИССАГАРЭ, Э. Исторія парижской коммуны.

МАРКСЪ, К. Собраніе сочин. Съ портретомъ автора.

Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II.

Менгеръ, А. Новое ученіе о государствѣ и др. соч.

MISCELANEA. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. — Гейне. Споръ поповъ съ раввинами. — Горькій, М. Разрушенный молъ. Баллада. — Костомаровъ. Письмо къ издателю „Колокола". — Толстой, гр. А. Русская исторія отъ Гостомысла съ IX по XIX вѣкъ. — Тургеневъ, И. Порогъ. — Щедринъ, Н. Сказки для дѣтей изряднаго возраста: I. Премудрый пискарь. II. Самоотверженный заяцъ. III. Бѣдный волкъ.

РЕНАНЪ, Э. Апостолы. Первый полный перев. Съ портретомъ автора.

СТЕПНЯКЪ, С. (С. М. Кравчинскій). Андрей Кожуховъ. Съ біографіей Брандеса и портр. автора.

ТОЛСТОЙ, Л. Возстановленіе ада. — Такъ что же намъ дѣлать? и другія соч. Съ портр. автора.

ТУНЪ, А. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Съ портретами дѣятелей.

ТУРГЕНЕВЪ, И. и КАВЕЛИНЪ. Письма къ Герцену. Съ объяснительными примѣчаніями М. Драгоманова. Съ портрет. Тургенева, Кавелина и Герцена.

Фейербахъ, Л. Сущность христіанства.

ФЛЕРОВСКІЙ, Н. Азбука соціальныхъ наукъ.

Черкезовъ, В. Доктрины марксизма.

Штраусъ, Давидъ. Жизнь Іисуса. Два тома.

ЭЛЬЦБАХЕРЪ, П. Анархизмъ. Съ предисловіемъ Петра Кропоткина.

ЭНГЕЛЬСЪ, Ф. Собраніе сочин. Съ портретомъ автора.

Годовые подписчики, подписавшіеся на „Всеобщую Библіотеку" до 1 января 1907 года, получатъ кромѣ того въ теченіе года безъ всякой приплаты еще слѣдующія

4 безплатныя приложенія (2.000 страницъ).

ВЕЙЛЬ, Ж. Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 по 1870 г.

ВЕЙЛЬ, Ж. Исторія соціальнаго движенія во Франціи съ съ 1852 по 1902 годъ.

КРОПОТКИНЪ. Анархія, ея философія, ея идеалъ. — Государство, его роль въ исторіи. — Распаденіе современнаго строя. — Современная наука и анархизмъ. — Хлѣбъ и воля. Съ предисл. Э. Реклю. — Экспропріація. — Рѣчи бунтовщика. 2 ТОМА.

Лица, внесшія къ 1-му января 1907 г. всю годовую подписную плату, т. е. 8 руб., получаютъ кромѣ того

БЕЗПЛАТНО

тотчасъ при подпискѣ, по своему выбору, на сумму 3-хъ рублей слѣдующихъ книгъ:

Бакунинъ. Письма къ Герцену и Огареву (1 р. 20 к.). — Бебель. Женщина (50 к.). — Бернштейнъ. Условія возможности соціализма (50 к.). — Гейне. Германія. Переводъ Заѣзжаго. (50 к.). — Княгиня Дашкова. Записки (1 р.). — Екатерина II. Записки (1 р.). — Каутскій. Эрфуртская программа (50 к.). — Кеннанъ. Тюрьмы въ Россіи (30 к.). — Кеннанъ. Сибирь и ссылка (1 р. 25 к.). — Лассаль. О сущ. конст. — Что же теперь? — Гласный отвѣтъ (30 к.). — Лассаль. Программа работниковъ. (10 к.). — Лассаль. Капиталъ и трудъ (60 к.). — Марксъ. Гражд. война во Франціи (30 к.). — Марксъ. Классовая борьба во Франціи (40 к.). —

Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи (40 к.).—**Марксъ** Введеніе къ крит. философіи правъ Гегеля. Съ пред. Лаврова (20 к.).—**Радищевъ.** Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (50 к.).—**Спенсеръ** Соціальная статика (1 р. 50 к.).—**Степнякъ.** Домикъ на Волгѣ (40 к.).—**Степнякъ.** Павелъ Руденко (1 р.).—**Степнякъ.** Подпольная Россія. Съ портретами (80 к.).—**Толстой. Л.** Исповѣдь (20 к.).—Въ чемъ моя вѣра? (50 к.).—**Шеффле.** Сущность соціализма (30 к.).—**Щербатовъ** О поврежденіи нравовъ въ Россіи (50 к.) и др.

Пробный номеръ высылается за 4 семикопеечныя марки.

Въ январскихъ номерахъ будутъ помѣщены:

БЛОСЪ, В. Революція въ Германіи. Исторія германскаго движенія въ 1848—1849 г. Съ рис. и портр.

КРОПОТКИНЪ, П. Записки революціонера. Переводъ съ англійск. Съ предисл. Г. Брандеса и портр. автора.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала (СПБ., Виленскій пер., 7), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписка для Москвы принимается въ конторѣ Н. Печковской. Подписная цѣна на «Всеобщую Библіотеку» съ доставкою и пересылкою во всѣ города Имперіи на годъ 8 рублей. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 р., а затѣмъ 1 марта и 1 мая по 2 р.

Разсрочка допускается лишь тѣмъ подписчикамъ, которые непосредственно обратятся въ контору изданія: С.-Петербургъ, Виленскій пер., 7.

Редакторъ-издатель В. Врублевскій.

Гербертъ Спенсеръ

Соціальная статика

Изложеніе соціальныхъ законовъ, обусловливающихъ счастье человѣчества

(Окончаніе)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1906.—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

Типографія Л. В. Гутмана. Калашниковскій пр., д. № 15.

исходящаго изъ опасеній за будущее, мы возражаемъ, что прогрессъ обезпечивается здѣсь естественными дѣятелями: эти послѣдніе настолько же обезпечиваютъ санитарныя реформы, насколько они обезпечиваютъ дальнѣйшее развитіе ремеслъ, мануфактуръ, торговли и распространеніе просвѣщенія. Мало этого, — оказывается, что мѣры, которыя принимаются для улучшенія жилищъ, поставляютъ себѣ цѣль недостижимую для законодательства и берутся за дѣло, которое гораздо лучше исполняется помимо него. Что касается до прочихъ санитарныхъ мѣръ, то весьма невѣроятно, чтобы онѣ могли выполнить свою задачу,—мнѣніе это основывается на результатахъ всѣхъ подобныхъ законодательствъ и подтверждается даже тѣмъ кратковременнымъ опытомъ, какой сдѣланъ былъ у насъ въ послѣднее время. Далѣе мы утверждали, что если бы ожидаемыя преимущества нашли для себя полное осуществленіе, то они были бы куплены слишкомъ дорогой цѣной, потому что ихъ можно было бы достигнуть только посредствомъ равносильнаго замедленія прогресса въ несравненно болѣе важныхъ отрасляхъ общественной жизни.

ГЛАВА XXIX.

Монетная система, почтовыя учрежденія и т. д.

§ 1. Нераздѣльность идеи о денежныхъ знакахъ отъ идеи о правительствѣ, контроль законодателей по отношенію къ монетной системѣ и привычка смотрѣть на этотъ контроль какъ на дѣло, само собою разумѣющееся, до такой степени распространены и до такой степени укоренились, что едва ли кому приходило въ голову спросить себя: каковы были бы результаты, если бы контроль этотъ уничтожился. Едва ли есть хоть одинъ случай, въ которомъ бы необходимость государственной опеки пользовалась такимъ всеобщимъ признаніемъ; ничто не можетъ показаться болѣе поразительнымъ, чѣмъ опроверженіе подобной необходимости. Несмотря на это мы должны ее отвергать.

Очевидно, что всякіе законы, вмѣшивающіеся въ обращеніе денежныхъ знаковъ, не могутъ быть издаваемы государствомъ безъ нарушенія своихъ обязанностей. Запрещать выпускъ чеканенныхъ или бумажныхъ денегъ, или принуждать принимать подобныя деньги въ обмѣнъ за товары значитъ нарушать право мѣны; значитъ мѣшать людямъ производить обмѣнъ, который при отсутствіи запрещенія былъ бы произведенъ, и принуждать ихъ къ обмѣну, на который бы они не изъявили своего согласія. Выходитъ, что и въ этомъ случаѣ нарушается законъ равной свободы (гл. XXIII). Если въ нашемъ общемъ принципѣ заключается истина, то поступать такимъ образомъ въ этомъ частномъ случаѣ будетъ настолько же несправедливо, насколько и неполитично. Люди, требующіе отъ правительства подобной дѣятельности, должны разочароваться: всякія правительственныя распоряженія въ

этомъ отношеніи не только излишни, но неизбѣжно несправедливы и вредны.

Система денежныхъ знаковъ въ каждомъ обществѣ, въ окончательныхъ своихъ результатахъ, зависитъ, подобно всякимъ другимъ учрежденіямъ, отъ нравственнаго развитія его членовъ. Среди народа совершенно безчестнаго всѣ коммерческія сдѣлки должны производится на наличныя деньги или товары; платежныя обязательства вовсе не могутъ имѣть обращенія, потому что уплата по нимъ совершенно невѣроятна. Наоборотъ, среди совершенно честнаго народа будутъ обращаться только одни бумажныя деньги; никто тутъ не будетъ дѣлать обѣщаній, превышающихъ его средства, обѣщанія уплаты будутъ приниматься во всѣхъ случаяхъ безъ всякаго колебанія; металлическая монета сдѣлается излишней и будетъ служить только мѣрой цѣны. Во время переходнаго состоянія, гдѣ люди не совершенно безчестны и не вполнѣ честны, должна слѣдовательно существовать смѣшанная система обращенія денежныхъ знаковъ; отношеніе чеканенныхъ денегъ къ бумажнымъ будетъ сообразоваться со степенью довѣрія, которое люди питаютъ другъ къ другу. Такого заключенія повидимому невозможно избѣжать. Чѣмъ болѣе будетъ преобладать обманъ, тѣмъ въ большемъ числѣ сдѣлокъ продавецъ не будетъ уступать свои товары иначе, какъ за равноцѣнное имущество, имѣющее внутреннюю стоимость, — тѣмъ значительнѣе будетъ количество металлической монеты, требующейся въ обращеніи, — тѣмъ болѣе будетъ преобладать циркуляція металлическихъ знаковъ. Наоборотъ, чѣмъ болѣе будутъ люди питать другъ къ другу довѣрія, тѣмъ чаще они будутъ принимать при платежахъ бумажные знаки, векселя, банкирскіе документы,—тѣмъ рѣже будетъ требоваться золото и серебро и тѣмъ меньше его будетъ въ обращеніи.

Такимъ образомъ обращеніе монеты регулируется само собою, если предоставлено своему естественному теченію. Законы ни въ какомъ отношеніи не могутъ произвести здѣсь улучшенія, но могутъ породить неурядицу и дѣйствительно постоянно ее порождаютъ. Совершенно справедливо, что на обязанности государства лежитъ принужденіе всякаго къ надлежащему исполненію данныхъ обязательствъ — все равно, будетъ ли онъ купцомъ, или частнымъ банкиромъ, или ак-

ціонеромъ въ компаніи на акціяхъ. Но вѣдь поступать такимъ образомъ значитъ только охранять права людей—блюсти правосудіе; это входитъ въ составъ нормальныхъ обязанностей государства; тогда какъ идти далѣе—ограничивать выпускъ, воспрещать бумажные знаки извѣстнаго наименованія — настолько же вредно, насколько и несправедливо. Какъ скоро обращеніе бумагъ принимаетъ меньшіе размѣры, чѣмъ оно могло бы принять, то чрезъ это неизбѣжно увеличивается обращеніе чеканенныхъ денегъ. Такъ какъ звонкая монета заключаетъ въ себѣ капиталъ, отъ котораго народъ не получаетъ процентовъ, то излишнее ея увеличеніе есть не что иное, какъ добавочный налогъ, равный процентамъ съ капитала, помѣщеннаго въ излишнихъ деньгахъ.

При существованіи законныхъ ограниченій, люди все-таки попрежнему будутъ болѣе всего въ зависимости отъ господствующей въ ихъ средѣ степени добросовѣстности и просвѣщеннаго пониманія своихъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ владѣлецъ банковыхъ билетовъ можетъ считать свой капиталъ вполнѣ вѣрнымъ только тогда, когда въ сундукахъ банкира будетъ достаточно денегъ, чтобы произвести уплату по в с ѣ м ъ выпущеннымъ имъ бумагамъ; но вѣдь соблюденіе подобнаго условія равносильно уничтоженію всякаго основанія къ выпуску кредитныхъ билетовъ. Въ настоящее время большая часть бумажныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, остается безъ всякой гарантіи. Обращающіеся векселя*) представляютъ собою сумму обязательствъ, въ три раза превышающую бумажные знаки; однако же они не подвергаются никакому контролю. Для ихъ обезпеченія не принимается никакихъ особенныхъ мѣръ, ихъ размноженію не поставляется никакихъ границъ, они имѣютъ одинъ, естественный предѣлъ—кредитъ, который люди признаютъ безопаснымъ оказывать другъ другу.

Мы недавно сдѣлали совершенно убѣдительный въ этомъ отношеніи опытъ. Въ Англіи банкирскіе обороты подвергались постоянному контролю то посредствомъ дарованія привилегіи

*) Вексель, хотя не можетъ быть названъ въ собственномъ смыслѣ денежнымъ знакомъ, но во многихъ случаяхъ служитъ для коммерческихъ оборотовъ, которые безъ него совершались бы на деньги, и въ этихъ случаяхъ онъ замѣняетъ денежный знакъ.

Англійскому Банку, то посредствомъ ограниченія числа банковыхъ товариществъ, то съ помощію запрещенія заводить въ извѣстномъ районѣ банки, занимающіеся выпускомъ билетовъ, то предписывая размѣры выпуска этихъ послѣднихъ; «не проходило нѣсколькихъ лѣтъ безъ изданія новаго закона или новой регламентаціи, порожденныхъ фантазеретвомъ или модною, современною теоріею» *); постояннымъ своимъ вмѣшательствомъ мы предупреждали общественное мнѣніе и старались увеличить опытность самихъ банкировъ, приспособляя ходъ ихъ дѣлъ къ тому, чтобы дать имъ самое лучшее и безопасное направленіе **). Въ то же самое время въ Шотландіи, почти въ теченіе двухъ столѣтій существовала система банковъ, не подвергавшаяся никакому контролю— тамъ господствовало вполнѣ свободное обращеніе денежныхъ знаковъ. Каковы же были относительные результаты? Въ Шотландіи оказалось преимущество и на сторонѣ безопасности и на сторонѣ экономіи. Превосходство безопасности доказывается тѣмъ, что тамъ было несравненно меньше банкротствъ, чѣмъ въ Англіи. Въ Шотландіи никогда не существовало закона, который бы ограничивалъ чей бы то ни было выпускъ банковыхъ билетовъ, между тѣмъ на практикѣ ни одинъ неразсчетливо выпущенный или не безопасный билетъ не могъ пойти въ обращеніе ***). Естественная гарантія въ этомъ случаѣ оказалась болѣе дѣйствительною, чѣмъ законодательная. Экономія доказывается тѣмъ что Шотландія удовлетворяла своимъ потребностямъ въ денежномъ обращеніи посредствомъ 3.500,000 фунтовъ, тогда какъ въ Англіи циркулировало отъ 50.000,000 до 60.000,000 фунтовъ; по соразмѣрности съ населеніемъ въ Англіи потребовалось втрое болѣе денежныхъ знаковъ, чѣмъ въ Шотландіи.

Итакъ, априорическимъ путемъ мы пришли къ убѣжденію, что надлежащее отношеніе между бумажными и чеканенными деньгами установляется въ каждомъ обществѣ естественнымъ путемъ; далѣе мы убѣдились, что три четверти обращающихся у насъ бумагъ сами регулируютъ свой курсъ и что ограниченія, касающіяся остальной четверти, привели къ безполезной тратѣ капитала; наконецъ факты доказы-

*) Capital, Currency, and Banking. by James Wilson, Esq., M. P.
) Тамъ же. *) Тамъ же.

ваютъ намъ, что система денежныхъ знаковъ, которая сама себя регулируетъ, оказывается и болѣе безопасною и болѣе дешевою. Послѣ этого мы можемъ утверждать съ полнымъ основаніемъ, что законодательное вмѣшательство не только безполезно, но вредно.

Если государство порождаетъ зло, принимая на себя управленіе системой денежныхъ знаковъ, то оно дѣлаетъ еще болѣе зла, прямо превращаясь въ банкира. Правда, что нѣтъ никакого прямого нарушенія своихъ обязанностей со стороны государства въ томъ, что оно выпускаетъ кредитные билеты. Предложеніе платежныхъ обязательствъ людямъ, желающимъ ихъ принять, не заключаетъ въ себѣ ни нарушенія человѣческихъ правъ, ни взиманія сборовъ для незаконныхъ цѣлей. Если бы государство ограничивалось этимъ, то оно не производило бы никакого вреда; но, по существующему теперь обыкновенію, государство обращаетъ свои кредитные знаки—или, лучше сказать, банковые билеты своихъ довѣренныхъ—въ законную платежную монету и этимъ не только нарушаетъ законъ равной свободы, но порождаетъ злоупотребленія, невозможныя при другихъ обстоятельствахъ. За постановленіемъ, что кредитные знаки его агента должны быть принимаемы въ уплату по всѣмъ взаимнымъ требованіямъ, возникающимъ между частными лицами, слѣдуетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, дальнѣйшій шагъ по этому пути и постановляется, что тѣ же кредитные знаки должны быть принимаемы отъ самого агента въ уплату по всѣмъ его обязательствамъ. Какъ скоро это сдѣлано, то онъ уже не затрудняется заключеніемъ обязательствъ, потому что по нимъ можно уплачивать бумагами. Бумаги выпускаются въ неопредѣленномъ количествѣ и падаютъ въ цѣнѣ: такое паденіе въ цѣнѣ, по существу своему, есть прибавочный налогъ взимаемый безъ народнаго согласія; будь это налогъ прямой, онъ заставилъ бы гражданъ обратить вниманіе на чрезмѣрность государственныхъ расходовъ и осудить ту войну, которая вынуждаетъ его. Такъ какъ съ одной стороны упадокъ денежныхъ знаковъ и все сопряженное съ нимъ зло не могли бы имѣть мѣста, если бы посредствомъ законодательныхъ распоряженій парламента обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету не объявлялся необязательнымъ для правительства а съ другой—признаніе кредитныхъ билетовъ

неразмѣнными можетъ имѣть мѣсто только для цѣлей государственныхъ банкирскихъ оборотовъ, то и является достаточное основаніе для того, чтобы государственный банкъ считать вреднымъ. Найдутся, можетъ быть, люди, которые убѣждены, что случайный вредъ, порождаемый государственнымъ банкомъ, вознаграждается болѣе чѣмъ съ избыткомъ постояннымъ снабженіемъ кредитными знаками на многіе милліоны, такъ какъ знаки эти нельзя было бы замѣнить другими, пользующимися одинаковымъ довѣріемъ. На это слѣдуетъ возразить, что если бы Англійскій Банкъ не имѣлъ связи съ государствомъ*), то его кредитные знаки обращались бы въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, какъ теперь, лишь бы владѣльцы Банка продолжали заботиться о томъ, чтобы его активъ болѣе чѣмъ на три милліона превышалъ пассивъ, какъ это оказывалось до сихъ поръ постоянно на полугодичныхъ собраніяхъ.

Существуетъ еще одно отношеніе государства къ денежнымъ знакамъ: оно чеканитъ монету. Съ теоретической точки зрѣнія можно допустить, что государство можетъ чеканить золото и серебро не противодѣйствуя истиннымъ своимъ отправленіямъ. На дѣлѣ однако же выходитъ, что монета никогда не чеканится безъ различныхъ нарушеній правъ гражданъ. По тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ государство не можетъ съ выгодою конкурировать съ частными лицами въ другихъ отрасляхъ промышленности, оно не можетъ соперничать съ ними и въ этой,—истина, очевидная для всякаго, кто вникнетъ, какъ ведутся дѣла монетнаго двора. Если же государство не въ силахъ выдерживать конкуренцію частной предпріимчивости, то оно можетъ чеканить монету безъ потери только тогда, когда запретитъ чеканку частнымъ лицамъ. А поступая такимъ образомъ государство уменьшаетъ свободу человѣческой дѣятельности точно такъ же, какъ и при всякихъ другихъ ограниченіяхъ промышленности, т. е. совершаетъ несправедливость. Въ окончательномъ

*) Связь тутъ состоитъ въ томъ, что Банкъ имѣетъ право, кромѣ всѣхъ кредитныхъ знаковъ, выпускаемыхъ имъ подъ разныя обезпеченія, выпускать ихъ еще на 14.000,000 фунтовъ, т. е. въ размѣрѣ постояннаго долга правительства Банку. Выпущенные такимъ образомъ знаки на тѣ, слѣдовательно, гарантированы правительствомъ.

результатѣ нарушеніе закона равной свободы приводитъ такое общество къ необходимости платить за металлическія деньги болѣе, чѣмъ необходимо.

Не мало вѣроятно найдется людей, которые будутъ держаться того убѣжденія, что непомѣрное распространеніе фальшивой монеты можно предупредить только при существованіи государственнаго монетнаго двора. Придерживаясь такого взгляда, они однако же упускаютъ изъ виду, что при естественной системѣ будетъ существовать такого же рода огражденіе отъ этого зла, какъ и теперь. Легкость, съ которой можно отличать настоящую монету отъ фальшивой, служитъ въ этомъ отношеніи во всякомъ случаѣ окончательной гарантіей, и гарантія эта была бы столь же дѣйствительна при свободномъ чеканѣ, какъ и теперь. Безопасность, которую доставляетъ наказаніе «фальшивыхъ монетчиковъ», существовала бы и тогда, потому что на обязанности государства лежитъ судъ надъ платящими «подъ ложнымъ предлогомъ» дурною монетою за хорошую. При отсутствіи законодательной регламентаціи конечно ничто не помѣшаетъ чеканящимъ монету выпускать деньги по новымъ монетнымъ системамъ, самыхъ разнородныхъ наименованій и самаго различнаго содержанія драгоцѣннаго металла; но вѣдь новая монетная система, или какое бы то ни было измѣненіе въ чеканѣ ходячей монеты, будетъ вводиться занимающимися этимъ дѣломъ только тогда, когда общество пріобрѣтетъ отъ того какое-нибудь очевидное преимущество. Если бы дозволено было частнымъ лицамъ чеканить монету, то владѣльцы монетныхъ дворовъ должны были бы чеканить точно такія же деньги, какія теперь въ обращеніи, потому что другихъ не принимали бы. Что касается до ея размѣровъ и вѣса, то вѣдь эту монету можно было бы мѣрить и вѣсить точно такъ же, какъ теперешнюю (и сначала это дѣлалось бы конечно съ большими предосторожностями). Что касается доброкачественности металла, то она всегда была бы обезпечена ревнивымъ наблюденіемъ другихъ монетчиковъ. Конкурирующія между собою фирмы стали бы пробовать монету своихъ конкурентовъ, при первомъ подозрѣніи, что она несогласна съ установившейся пробой, и окажись ихъ подозрѣнія основательными, они легко нашли бы способъ для распространенія этого извѣстія. Одного случая подобнаго обличенія съ

его непремѣннымъ послѣдствіемъ—разоренiемъ было бы достаточно, чтобы отучить пускать въ оборотъ монету ненадлежащаго достоинства*).

Весьма вѣроятно, что многіе читатели усомнятся въ правильности этихъ разсужденій, хотя и не будутъ въ состоянiи сдѣлать опредѣленныхъ возраженій.

Убѣжденіе, что настоящая монетная система, система самостоятельная и только съ виду приводимая въ дѣйствіе государствомъ, улучшилась бы, если бы освободилась отъ государственнаго контроля, принадлежитъ къ числу такихъ взглядовъ на вещи, которые часто не удается распространить несмотря на самыя сильныя доказательства. Привычка имѣетъ въ этомъ случаѣ такое же вліяніе на людей, какъ и во многихъ другихъ; во Франціи уже съ давнихъ поръ назначенныя правительствомъ власти опредѣляютъ время для сбора винограда и люди, занимающіеся винодѣліемъ, до того къ этому привыкли, что стали считать такое распоряженіе полезнымъ. Осуществленный фактъ имѣетъ на насъ несравненно большее вліяніе, чѣмъ такой, о которомъ можно составить себѣ только отвлеченное понятіе. Если бы печеніемъ и сбытомъ хлѣба занимались до настоящаго времени правительственные агенты, то теперь по всей вѣроятности считалось бы невозможнымъ, чтобы частныя лица снабжали населеніе этимъ продуктомъ первой необходимости; еще труднѣе было бы убѣдиться, что частная дѣятельность тутъ гораздо выгоднѣе. Философъ, защищающій свободу промышленности, долженъ помнить, о вліяніи обычаевъ на убѣжденія, о безчисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ законодательная опека считалась необходимою несмотря на всю ошибочность этого мнѣнія,—о томъ, что въ этомъ самомъ вопросѣ, въ вопросѣ объ обращеніи денежныхъ знаковъ, когда-то считалось не-

*) Въ то время, какъ печатались эти страницы, автору сообщены были факты, убѣдительно доказывающіе, что частныя лица чеканили бы монету болѣе экономическимъ способомъ, чѣмъ правительство, но онъ не въ правѣ ихъ публиковать въ настоящее время. Къ этому присовокупились еще данныя, доказывающія очевидную истину, что порча монеты, отъ которой такъ много страда ли нашипредки, была возможна только при помощи принудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ законодательствомъ. Подобныхъ золъ никогда не могло бы быть, если бы монетная система предоставлена была самой себѣ.

обходимымъ употребленіе самыхъ крайнихъ мѣръ для того, чтобы увеличить по возможности ввозъ иностранныхъ слитковъ въ страну и предупредить ихъ вывозъ»: онъ не долженъ забывать и о томъ, какъ такое вмѣшательство, подобно всѣмъ другимъ, оказалось не только безполезнымъ, но вреднымъ;—послѣ всего этого, говоримъ мы, человѣкъ, философски смотрящій на этотъ вопросъ, придетъ къ убѣжденію, что и въ этомъ случаѣ не надо желать законодательной опеки. Причины, по которымъ эта отрасль производства признается неподходящею подъ общее правило, будутъ имѣть мало значенія въ его глазахъ, потому что подобныя же причины приводились основаніемъ для самыхъ разнородныхъ ограниченій въ промышленности, и каждый разъ на дѣлѣ оказывались неудовлетворительные результаты. Онъ приметъ въ соображеніе, что полная свобода мѣны являлась благодѣтельною во всѣхъ другихъ случаяхъ, несмотря на всѣ человѣчія предсказанія, и придетъ къ заключенію, что свобода эта принесетъ пользу и тутъ, несмотря на всю ея невѣроятность и предсказанія противнаго.

§ 2. Относительно препровожденія писемъ можно сказать то же самое, что мы замѣтили о монетномъ производствѣ: такая дѣятельность по существу своему не противорѣчитъ государственнымъ обязанностямъ. Если смотрѣть на нее съ отвлеченной точки зрѣнія, то при ея отправленіи нѣтъ никакой необходимости нарушать права людей: непосредственнаго нарушенія тутъ нѣтъ никакого; нѣтъ надобности и въ нарушеніи посредствомъ сборовъ, взимаемыхъ для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ охраненіемъ правъ. Но какъ прежде мы имѣли основаніе думать, что правительство не будетъ въ состояніи чеканить монету, если не воспретитъ частнымъ лицамъ заниматься этимъ дѣломъ, точно такъ же есть причины полагать, что правительство не въ состояніи будетъ заниматься препровожденіемъ писемъ, если не воспретитъ конкуренціи. При необходимости такого воспрещенія правительство уже будетъ принимать на себя почтовое дѣло въ противность существенному своему отправленію.

Частная предпріимчивость, *если ей только представится къ тому случай*, всегда возьметъ верхъ надъ правительствомъ, и это доказывается не одной общепризнанной неспособностью правительства къ дѣятельности фабри-

канта, промышленника и коммисіонера, но и фактами, прямо относящимися къ этому предмету. Мы должны помнить, что наша почтовая организація достигла своего современнаго совершенства не потому, что была подъ управленіемъ общественной власти, но потому, что на нее производилось давленіе извнѣ. Измѣненія не вводились властями добровольно, а были вынуждаемы у нихъ. Система мальпостовъ была учреждена и въ теченіе долгаго времени завѣдывалась частнымъ лицомъ; она существовала несмотря на официальную оппозицію. Реформа, предложенная м-ромъ Роландомъ Гилемъ, встрѣтила сильное сопротивленіе; но всѣмъ свѣдѣніямъ оказывается, что бюрократическая испорченность до сихъ поръ мѣшаетъ надлежащему исполненію его плана. Мы видимъ, что духъ спекуляціи, господствующій въ промышленности, не только легко удовлетворяетъ общественнымъ потребностямъ, но относится къ нимъ съ особенной заботливостью; поэтому весьма вѣроятно, что при естественномъ ходѣ вещей современныя усовершенствованія въ почтовомъ вѣдомствѣ не только были бы охотно приняты, но были бы предупреждены. Иной, пожалуй, усомнится въ способности частной предпріимчивости къ выполненію такого обширнаго предпріятія; но въ такомъ случаѣ стоитъ только вспомнить, что мы имѣемъ уже въ настоящее время обширныя организаціи аналогическаго свойства. Заведенія нашей обширной системы перевозки распространены по всему государству. Компанія для препровожденія посылокъ имѣетъ такой же обширный кругъ дѣятельности, какъ и почтовое вѣдомство лондонскаго округа, и въ своей сферѣ дѣйствуетъ совершенно такъ же успѣшно. Частыя агентства для передачи извѣстій тамъ гдѣ имъ дозволено конкурировать съ публичными, берутъ надъ послѣдними верхъ. Иностранныя извѣстія въ нашихъ ежедневныхъ изданіяхъ являются постоянно прежде извѣстій правительственныхъ. Конін съ рѣчи короля и важныя парламентскія извѣстія распространяются въ странѣ посредствомъ прессы даже скорѣе, чѣмъ разносятся почтою. Если письма быстро штемпелюются и распредѣляются, то парламентскіе отчеты разсылаются еще быстрѣе. Сверхъ того значительная часть почтовой дѣятельности выполняется частными лицами. Не только транспортированіе внутренней, но почти и всей внѣшней нашей корреспонденціи производится по подрядамъ,

тамъ же, гдѣ эта послѣдняя экспедируется правительствомъ, дѣло сопряжено съ большими потерями. Въ доказательство можно привести предложеніе пароходнаго общества, которое называется «Восточнымъ и Полуострова»: оно предлагаетъ за ту же сумму, въ которую правительству Великобританіи и Индіи обходятся сношенія между Суэзомъ и Бомбеемъ, обезпечить ежемѣсячное правильное сообщеніе съ Австраліей, поддерживать два раза въ мѣсяцъ сообщеніе между Соутгамптономъ и Александріей, два раза между Суэзомъ, Цейлономъ, Сингапуромъ и Китаемъ, два раза между Калькутой, Сингапуромъ и Китаемъ и столько же между Суэзомъ и Бомбеемъ.

Итакъ, если бы дозволено было частной промышленности развозить письма, то они транспортировались бы такъ же хорошо, если не лучше, чѣмъ въ настоящее время. Такое заключеніе менѣе всего можетъ показаться неосновательнымъ послѣ всего, что было объяснено выше: настоящее удовлетворительное состояніе почтовой корреспонденціи обязано своими достоинствами мысли, настоятельности и предпріимчивости частныхъ лицъ; достоинства эти были пріобрѣтены наперекоръ официальному сопротивленію; частныя организаціи, подобныя почтовой, существуютъ, и дѣйствуютъ успѣшно; частныя учрежденія для передачи новостей, распространяемыхъ помимо почтоваго вѣдомства, постоянно превосходятъ государственную организацію; значительная часть дѣла при разсылкѣ писемъ производится посредствомъ частной предпріимчивости; при этомъ дѣла ведутся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и съ несравненно большею экономіею. Правда, что есть много препятствій для достиженія успѣха, если дѣло будетъ въ частныхъ рукахъ. Но если для насъ почти невозможно теперь же указать путь, которымъ они могутъ быть устранены, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что препятствія эти неодолимы. Въ нравственной области возможны изобрѣтенія точно такъ же, какъ и въ матеріальной. Часто случается, что учрежденія, которыми удовлетворяются извѣстныя потребности общества, точно такъ же мало возможно предвидѣть, какъ и механическіе пріемы, которыми одно поколѣніе отличается отъ другого. Примѣромъ можетъ служить центральная контора желѣзныхъ дорогъ. Слѣдуетъ ожидать, что будутъ изобрѣтены удовлетворительные способы для устраненія всѣхъ подобныхъ затрудненій,—къ этому приведутъ

давленіе общественной потребности и стимулъ личнаго интереса.

Впрочемъ затрудненія, которыя могли бы возникнуть по этому предмету, не опровергаютъ нашего общаго принципа. Не подлежитъ сомнѣнію, что ограниченіе свободы промышленности посредствомъ воспрещенія частныхъ почтовыхъ учрежденій заключаетъ въ себѣ нарушеніе государственныхъ обязанностей. Если бы это стѣсненіе было уничтожено, то непремѣнно явилась бы самородная система почтъ, какъ только оказалась бы возможность превзойти современное государственное учрежденіе. Если превзойти современную почту невозможно, то она будетъ продолжать свое существованіе на совершенно справедливомъ основаніи; потому что почтовая дѣятельность, какъ уже сказано было выше, по существу своему не противорѣчитъ главному назначенію государства.

§ 3. Когда государство принимаетъ на себя такъ-называемыя публичныя работы,—устраиваетъ маяки, гавани и т. д.,—то оно вынуждено чрезъ это налагать подати для иныхъ цѣлей, чѣмъ охраненіе правъ. Слѣдовательно, такой образъ дѣйствій воспрещается нашимъ взглядомъ на государственныя обязанности точно также, какъ и государственное воспитаніе или господствующая церковь. Хотя съ перваго раза кажется, что невозможно обойтись безъ подобнаго вмѣшательства, но на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Орудія, которыми удовлетворяются эти менѣе значительныя потребности общества, вовсе не единственныя способныя для того орудія. Тамъ, гдѣ существуетъ потребность, существуетъ и стимулъ для ея выполненія и этотъ стимулъ навѣрно приведетъ къ необходимой дѣятельности. То, что полезно для цѣлаго общества, породитъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всякихъ другихъ, частный интересъ какой-либо части общества, который и заставитъ удовлетворить общественной потребности. Такого рода частный интересъ привелъ къ удовлетворительному состоянію дорогъ, каналовъ, желѣзныхъ путей, и нѣтъ никакой причины предполагать, что онъ не окажется столь же дѣйствительнымъ въ отношеніи къ гаванямъ, маякамъ и всѣмъ тому подобнымъ сооруженіямъ. Наше заключеніе можно было бы защищать и тогда, когда бы не существовало классовъ общества, которые имѣютъ очевидный частный интересъ въ выполненіи этихъ работъ. Но такіе классы существуютъ. Судо-

владѣльцы и купцы обладаютъ непосредственнымъ и постояннымъ побужденіемъ къ уменьшенію опасностей навигаціи; они и приняли бы немедленно необходимыя охранительныя мѣры, если бы, по обычаю, не привыкли ожидать въ этомъ случаѣ помощи отъ государства. Очень можетъ быть, что они въ этомъ случаѣ были бы предупреждены соединившимися для этой цѣли обществами морского страхованія—охранительными учрежденіями, также порожденными личнымъ интересомъ. Заинтересованныя тутъ лица такъ многочисленны,—капиталы, которые могутъ пострадать, такъ обширны, что тѣмъ или другимъ путемъ, но непремѣнно были бы приняты всѣ нужныя предосторожности. Предпріимчивость, которая могла построить доки Лондона, Ливерпуля и Беркенгида,—которая могла огородить Вашъ, перекинуть посредствомъ пара мостъ черезъ Атлантическій океанъ и проложить электрическій телеграфъ черезъ каналъ,—та же самая предпріимчивость сможетъ принять мѣры противъ опасностей прибрежнаго плаванія, на это можно вполнѣ надѣяться.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА XXX.

Общія соображенія.

§ 1. Соціальную философію, точно такъ же, какъ и политическую экономію, можно раздѣлять на статику и динамику; первая обсуждаетъ условія равновѣсія въ совершенномъ обществѣ, вторая—силы, посредствомъ которыхъ общество приближается къ совершенству. Первая занимается законами, которыми мы должны руководствоваться для достиженія совершеннаго счастья; вторая разсматриваетъ вліянія, которыя порождаютъ въ насъ способность слѣдовать этимъ законамъ. До сихъ поръ мы занимались преимущественно статикой, касаясь динамики лишь при случаѣ и для разныхъ поясненій. Теперь же мы должны обратить особенное вниманіе на динамику. Нѣкоторыя изъ явленій прогресса, о которыхъ мы говорили, требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій, а другія, состоящія въ связи съ первыми, должны быть изслѣдованы въ своемъ существѣ. Здѣсь же нужно изложить и различныя общія соображенія, о которыхъ неудобно было говорить въ предыдущихъ главахъ.

§ 2. Прежде всего мы замѣтимъ здѣсь, что цивилизація непремѣнно должна была идти именно тѣмъ путемъ, какимъ она шла. Намъ нѣтъ надобности заниматься вопросами: могло ли сразу установиться совершенное общество, и если могло, то почему не установилось? Почему въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ міръ былъ наполненъ только одними созданіями низшаго разряда? Почему человѣчество должно было приспособить міръ къ человѣческой жизни, очищая его отъ этихъ созданій. Мы будемъ говорить только о томъ, что существуетъ; при данныхъ, какія представляетъ дѣйствитель-

ность, никакой другой порядокъ перемѣнъ не могъ имѣть мѣста. Данныя эти: дикая неподчиненная земля, человѣкъ какъ существо, предназначенное распространиться по всей ея поверхности и занять ее, и наконецъ тѣ законы жизни, которые при этомъ дѣйствуютъ; при этихъ данныхъ, говоримъ мы, могло произойти только то, что произошло.

Окончательная цѣль созданія, заключающаяся въ порожденіи наибольшихъ размѣровъ счастья, можетъ быть выполнена лишь при опредѣленныхъ условіяхъ (гл. III, § 2). Каждый членъ человѣческаго рода, выполняющій эту задачу, долженъ обладать способностью наслаждаться наибольшимъ благополучіемъ во время жизни; всѣ его желанія должны быть удовлетворены такимъ образомъ, чтобы этимъ не стѣснялась способность другихъ получать точно такое же удовлетвореніе; мало этого, цѣль будетъ достигнута вполнѣ только тогда, когда человѣкъ будетъ чувствовать удовольствіе при видѣ благополучія другихъ. Очевидно невозможно, чтобы существа, такимъ образомъ устроенныя, размножались на землѣ, занятой созданіями низшей породы, т. е. стало быть, такими, которыя должны уступить имъ свое мѣсто. По понятію, которое мы себѣ составили объ этихъ существахъ, въ нихъ невозможно желаніе истреблять породы, на мѣстѣ которыхъ имъ придется стать. Они должны питать отвращеніе къ истребленію, потому что способность чувствовать удовольствіе при видѣ наслажденія другихъ должна порождать страданіе при видѣ чужихъ страданій; отправленіе симпатіи, какъ способности, приводящей къ тому и другому результату, заключается исключительно въ воспроизведеніи ощущеній, предетавляющихся наблюденію: она ихъ воспроизведетъ во всякомъ случаѣ, какого бы рода ни были эти ощущенія. Существа эти не будутъ имѣть никакого желанія разрушать, напротивъ разрушеніе будетъ доставлять имъ непріятныя ощущенія, поэтому вмѣсто того, чтобы подчинить себѣ землю и расплодиться на ней, они сами должны будутъ сдѣлаться добычею созданій, существовавшихъ прежде и въ которыхъ страсть къ разрушенію преобладаетъ. Какимъ же образомъ можно избѣгнуть такого исхода? Очевидно, что первобытный человѣкъ долженъ быть такъ устроенъ, чтобы къ свойствамъ, дающимъ ему возможность выполнить необходимую предварительную работу, присовокуплялись другія, скрытыя способ-

ности, изъ которыхъ могъ бы развиться совершенный человѣкъ, когда условія существованія сдѣлаютъ возможнымъ такое развитіе. Чтобы приготовить землю для ея будущихъ обитателей—своихъ потомковъ, онъ долженъ обладать способностью очищать ее отъ породъ, которыя могли бы подвергнуть ихъ жизнь опасности, и тѣхъ, которыя занимаютъ мѣсто, необходимое для человѣчества. Итакъ онъ долженъ обладать страстью къ убійству, ибо вслѣдствіе основного жизненнаго закона каждый поступокъ, требующійся отъ человѣка, долженъ удовлетворять какому-либо изъ его желаній, которое и должно служить для него стимуломъ (Уч. о нр. ч., § 2.). Кромѣ того, онъ вовсе не долженъ обладать симпатіей, или можетъ имѣть только зародышъ этого чувства—въ противномъ случаѣ первобытный человѣкъ будетъ совершенно неспособенъ для своей разрушительной дѣятельности. Другими словами, онъ долженъ быть дикаремъ и долженъ пріобрѣтать способность къ общественной жизни лишь по мѣрѣ подчиненія себѣ земли, т. е. по мѣрѣ накопленія условій, дѣлающихъ общественную жизнь возможною.

Не трудно доказать фактами ошибку тѣхъ, которые полагаютъ, будто вполнѣ цивилизованное общество можетъ состоять изъ людей способныхъ вести войну съ первобытными обитателями земли; будто люди могутъ относиться сочувственно къ своимъ ближнимъ и не имѣть сочувствія къ существамъ низшей породы. Люди поступаютъ жестоко другъ съ другомъ въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ какомъ преобладаютъ въ нихъ хищническія наклонности. Индѣецъ, который всю жизнь свою проводитъ на охотѣ, съ такимъ же удовольствіемъ тиранитъ своего брата-человѣка, съ какимъ бьетъ дичь. Онъ обучаетъ своего сына мужеству, подвергая его многочисленнымъ мученіямъ, а его жена старѣетъ преждевременно отъ жестокаго обращенія. Безчестность и мстительность бушменовъ и жителей Австраліи какъ относительно другъ друга, такъ и относительно европейцевъ тѣсно связаны съ вѣчно враждебнымъ отношеніемъ этихъ дикарей къ безсловеснымъ обитателямъ степей и лѣсовъ. Среди народовъ, отчасти цивилизованныхъ, свойства обоего рода всегда находились въ извѣстномъ взаимномъ отношеніи. Въ римскомъ амфитеатрѣ зрители съ такимъ же наслажденіемъ смотрѣли на бой гладіаторовъ, какъ и на предсмертныя муки дикихъ

звѣрей. Время рѣдкаго населенія въ Европѣ и господства охоты, какъ главнаго занятія, было также временемъ феодальнаго насилія, всеобщаго грабежа, тюрьмы и пытки. Такіе факты какъ обезлюденіе въ Англіи цѣлой области для увеличенія запасовъ дичи, или изданіе закона, по которому крѣпостной, убившій оленя, подлежалъ смерти,—указываютъ на совмѣстное существованіе хищническихъ инстинктовъ и совершеннаго невниманія къ человѣческому счастью. Въ болѣе близкія къ намъ времена бой быковъ и пѣтуховъ составлялъ обыкновенное удовольствіе, и въ то же время уголовные законы отличались несравненно большею суровостью, тюрьмы были полны ужасовъ, народъ оскорблялъ людей, стоявшихъ у позорнаго столба, умалишенные въ сумасшедшихъ домахъ приковывались нагіе къ стѣнамъ, показывались за деньги и ихъ мучили для удовольствія посѣтителей. Наоборотъ, желаніе уменьшать страданія людей, которое обнаруживается въ наше время, сопровождается желаніемъ улучшать положеніе существъ низшей породы. Болѣе мягкія чувства людей обнаруживаются въ различныхъ филантропическихъ усиліяхъ, въ благотворительныхъ обществахъ, товариществахъ для улучшенія квартиръ рабочихъ, заботахъ о народномъ воспитаніи, попыткахъ къ уничтоженію смертной казни, усердномъ распространеніи трезвости и умѣренности, въ школахъ для нищихъ, въ усиліяхъ охранять лазающихъ мальчиковъ, изслѣдованіяхъ, касающихся «работы и бѣднаго», въ учрежденіи фонда для переселеній, болѣе снисходительномъ обращеніи съ дѣтьми и т. п. Съ другой стороны подобныя же чувства обнаруживаются и въ обществахъ для предупрежденія жестокаго обращенія съ животными, въ постановленіяхъ парламента, воспрещающихъ ѣзду на собакахъ, въ осужденіи скачекъ и охоты, какъ удовольствія, въ изслѣдованіяхъ о томъ, не слѣдуетъ ли человѣка, преслѣдующаго оленя, подвергать тому же наказанію, что и извозчика, тиранящаго свою лошадь, и наконецъ въ вегетаріанизмѣ (ученіи о необходимости довольствоваться одною растительною пищей). Для окончательнаго нашего убѣжденія, мы имѣемъ еще сверхъ того фактъ, что люди, отчасти уже приспособленные къ общественной жизни, дичаютъ, когда поставлены въ обстановку, вызывающую прежнія наклонности. Всѣ замѣчаютъ загрубѣніе колонистовъ, попав-

шихъ въ условія первобытной жизни. Это видно на поселенцахъ американскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, между которыми безнаказанно совершаются убійства, дуэли на ружьяхъ и господствуетъ законъ Линча, и еще ясне—на трапперахъ, которые ведутъ дикую жизнь и вполнѣ пріобрѣли привычки дикарей: они скальпируютъ своихъ враговъ и даже доходятъ до людоѣдства.

Нѣтъ надобности ходить на этотъ разъ такъ далеко за доказательствами; постоянная связь между поведеніемъ людей въ отношеніи другъ къ другу и по отношенію къ животнымъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обоихъ случаяхъ они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ одного и того же стимула. Слѣпая страсть причинять страданія не дѣлаетъ различія между тѣми, кому ихъ приходится переносить; она одинаково удовлетворяется агоніей звѣря и человѣка—она приходитъ въ такой же восторгъ при видѣ терзаній животнаго, какъ и при видѣ пытки человѣка. Съ своей стороны симпатія, мѣшающая человѣку причинять другому страданія, которыхъ онъ самъ избѣгаетъ, и заставляющая его порождать счастье, чтобы оно могло отразиться на него обратно,—дѣйствуетъ точно такъ же безразлично. Какъ уже было сказано, отправленіе этой способности состоитъ исключительно въ томъ, что она въ одномъ существѣ воспроизводитъ тѣ же самыя ощущенія, какія обнаруживаются другимъ. Всякій могъ замѣтить то удовольствіе, которое ощущается при радостныхъ прыжкахъ собаки, только-что спущенной съ цѣпи, и страданіе при видѣ дурного обращенія съ вьючнымъ животнымъ; эти чувства рождаются такъ же легко, какъ и сочувствіе радостямъ и горестямъ нашихъ ближнихъ.

Такимъ образомъ процессъ цивилизаціи могъ бы получить другое направленіе только въ томъ случаѣ, когда душа человѣка имѣла бы совершенно другое устройство. Если цѣль творенія должна быть выполнена естественными средствами, то первобытный человѣкъ неизбѣжно долженъ искать себѣ счастья насчетъ счастья другихъ существъ. Въ то же время необходимо, чтобы совершенный человѣкъ могъ находить себѣ полное счастье, ни въ чемъ не уменьшая счастья другихъ. Когда человѣкъ первобытный исполнитъ свое назначеніе, тогда онъ долженъ превратиться въ человѣка совершеннаго. Многочисленныя бѣдствія, которыя наполняли міръ въ тече-

ніе тысячелѣтій,—убійства, порабощенія, грабежи, тиранія правителей, притѣсненія, которымъ подвергались разные классы общества, преслѣдованія, жертвами которыхъ служили различныя секты и партіи, несправедливые законы, въ которые облекался эгоизмъ, варварскіе обычаи, безчестные поступки, привычки исключительности и т. д., все это—выраженія первобытныхъ свойствъ, когда-то необходимыхъ. Теперь, когда человѣчество пришло къ положенію, при которомъ они болѣе не нужны, ихъ вліяніе сдѣлалось гибельнымъ; теперь это симптомы страданій, сопряженныхъ съ приспособленіемъ людей къ новымъ условіямъ ихъ жизни.

§ 3. Можетъ быть спросятъ, почему же это приспособленіе подвигается такъ медленно? Если обратить вниманіе на быстроту, съ какою отдѣльнымъ человѣкомъ пріобрѣтаются привычки, которыя въ свою очередь обращаются въ наслѣдственныя наклонности, то, казалось бы, необходимыя измѣненія въ природѣ человѣческой уже давно должны были совершиться. Чѣмъ же объяснить такую проволочку?

Дѣло тутъ въ томъ, что самыя условія, къ которымъ приходится приспособляться, развиваются лишь медленно и мало по малу. Только тогда, когда въ этихъ условіяхъ произойдетъ опредѣленное и постоянное преобразованіе, является измѣненіе и въ человѣческихъ наклонностяхъ. Если существуетъ большая и постоянная потребность въ развитіи какой-нибудь способности, то развитіе это совершается относительно весьма быстро. Наоборотъ, способность, лишенная всякой дѣятельности, будетъ замѣтно глохнуть. Но дѣло въ томъ, что условія человѣческой жизни никогда не подвергались перемѣнамъ, достаточно быстрымъ для того, чтобы привести къ такимъ немедленнымъ результатамъ.

Прежде всего мы замѣтимъ что война между людьми и враждебными имъ существами не только продолжалась до настоящаго времени, но ведется и теперь въ значительной части земного шара. Далѣе мы видимъ, что тамъ, гдѣ разрушительныя наклонности уже выполнили окончательно свое назначеніе и должны перестать находить для себя удовлетвореніе, ими создается искусственная сфера для своей дѣятельности посредствомъ сохраненія дичи для охоты; этимъ путемъ поддерживаются способности, которыя заглохли бы при другихъ обстоятельствахъ. Но всего важнѣе то обстоятельство, что

хищническая наклонность нѣкоторымъ образомъ сама себя поддерживаетъ. Она порождаетъ между людьми такія же враждебныя отношенія, какія существуютъ между человѣкомъ и животными низшихъ породъ, чѣмъ обезпечиваетъ себѣ постоянный источникъ возбужденія. Все это опять-таки неизбѣжно. Мы видѣли, что страсти дикаго дѣйствуютъ безразлично какъ относительно животныхъ, такъ и относительно себѣ подобныхъ, заставляютъ его постоянно обижать своихъ ближнихъ и приводятъ къ безконечному антагонизму. Антагонизмъ этотъ проявляется въ ссорахъ отдѣльныхъ лицъ, въ родовыхъ битвахъ, во враждѣ между кланами и въ войнахъ между народами. Сдѣлавшись врагами между собою настолько же, насколько они были врагами низшихъ породъ, люди питаютъ въ себѣ прежнія наклонности и тогда, когда потребность въ нихъ уже исчезла въ значительной степени.

Итакъ человѣческія свойства измѣняются медленно потому, что находятся подъ вліяніемъ условій, которыя тянутъ ихъ въ противоположныя стороны. Воспитаніе, какое даетъ имъ общественная жизнь, развиваетъ въ нихъ симпатическія чувства, а потребность защищаться при покушеніяхъ на ихъ благосостояніе со стороны звѣрей, другихъ людей и цѣлыхъ обществъ питаетъ старыя чувства, убивающія симпатію. Но этому свойства человѣка совершенствуются только тогда, когда вліянія перваго рода преобладаютъ, и притомъ—лишь въ размѣрѣ такого преобладанія. Между племенами, которыя постоянной враждою поддерживаютъ въ своей средѣ антисоціальныя свойства, никакой прогрессъ невозможенъ. Но тамъ, гдѣ война людей между собою и съ низшими породами перестала быть постоянной или сдѣлалась назначеніемъ только части народа, тамъ общественная жизнь перевѣшиваетъ вліяніе стимуловъ, приводящихъ къ одичанію, и появляется прогрессъ.

При такомъ взглядѣ на дѣло цивилизація уже не будетъ представляться намъ правильнымъ процессомъ, дѣйствующимъ по опредѣленному плану; мы увидимъ въ ней скорѣе развитіе скрытыхъ въ человѣкѣ способностей, проявляющихся наружу подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, возникновеніе которыхъ отъ времени до времени, замѣтьте, неизбѣжно. Эти сложныя вліянія, на которыхъ основывается высшій порядокъ явленій природы—особенно въ мірѣ органическомъ—

дѣйствуютъ подчиняясь закону вѣроятностей. Растеніе производитъ тысячи сѣмянъ. Большая ихъ часть разрушается существами, питающимися растительною пищею, или падаетъ на мѣста, гдѣ они не могутъ развиваться. Молодыя растенія, которыя развились изъ принявшихся сѣмянъ, въ значительномъ числѣ заглушаются сосѣдями; другія гибнутъ отъ насѣкомыхъ или съѣдаются животными; въ среднемъ уровнѣ только одно изъ нихъ производитъ вполнѣ развившееся растеніе своего вида; избѣгнувъ всѣхъ опасностей, оно опять-таки разовьетъ въ себѣ достаточное количество зрѣлыхъ сѣмянъ для продолженія видовой жизни. То же самое мы найдемъ и у всякихъ другихъ созданій. Кетле доказалъ, что это явленіе повторяется и въ жизни человѣка. Наконецъ тѣмъ же путемъ зарождаются и растутъ общества. Сѣмена цивилизаціи, развившіяся въ первобытномъ человѣкѣ и разсѣваемыя по землѣ при его размноженіи, навѣрное со временемъ тамъ и сямъ попадутъ въ условія благопріятныя для дальнѣйшаго роста; несмотря ни на какія порчи и истребленія, случаевъ развитія будетъ довольно, чтобы наконецъ породить цивилизацію, которая переживетъ всѣ разрушительныя вліянія и достигнетъ совершенства.

§ 4. Прежній хищническій инстинктъ, продолжая существовать послѣ выполненія своего первоначальнаго назначенія, задерживаетъ цивилизацію, порождая условія, несогласныя съ общественной жизнью; но въ тоже время инстинктъ этотъ служитъ ей, очищая землю отъ низшихъ человѣческихъ расъ. Силы, которыя создаютъ великое дѣло совершеннаго счастья, не принимая въ расчетъ никакихъ случайныхъ страданій, истребляютъ тѣ части человѣчества, которыя стоятъ препятствіемъ на ихъ пути; эти силы совершаютъ свое дѣло съ той же непреклонностью, съ какой они истребляютъ хищныхъ животныхъ и стада безполезныхъ жвачныхъ. Препятствіе устраняется—все равно, въ чемъ бы оно ни состояло: въ людяхъ или животныхъ. Дикій человѣкъ заступилъ мѣсто животныхъ болѣе низкой породы; когда же онъ остается слишкомъ долго дикимъ, то долженъ въ свою очередь уступить формѣ болѣе совершенной. Въ большей части случаевъ дѣйствительно такъ и бываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія свойства нужны завоевательному племени?—Ему нужна или многочисленность, или усовершенствованное воен-

ное искусство: то и другое служитъ признакомъ прогресса. Многочисленность указываетъ на предшествующую цивилизацію; недостаточность пространства для охоты породила необходимость земледѣлія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность болѣе многочисленнаго населенія: отдаленность отъ другихъ племенъ сдѣлала войну менѣе частою и предупредила постоянное истребленіе родовъ; случайное превосходство надъ сосѣдними племенами привело къ ихъ окончательному подчиненію и порабощенію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мирныя отношенія между людьми принимаютъ большіе размѣры и начинается прогрессъ. Очевидно, что въ первыя времена завоеваній покореніе одного народа другимъ, въ сущности, заключало въ себѣ побѣду человѣка способнаго къ общественной жизни надъ неспособнымъ или, выражаясь точнѣе, человѣка болѣе приспособленнаго надъ менѣе приспособленнымъ.

Недостатокъ симпатическихъ чувствъ, непосредственно мѣшавшій развитію цивилизаціи, посредственно помогалъ этому развитію еще и въ другомъ отношеніи. Именно, помощь была оказана введеніемъ рабства. Утверждаютъ, что лишь такое сильное принужденіе, какое порождено было крѣпостнымъ владѣніемъ, могло развить въ человѣкѣ прилежаніе къ необходимыхъ для него размѣрахъ, и повидимому это мнѣніе близко къ истинѣ. Образъ жизни первобытнаго человѣка лишалъ его упомянутой способности, и, какъ видно изъ отдѣльныхъ случаевъ, только самая строгая дисциплина, подчинявшая себѣ человѣка въ теченіе многихъ поколѣній, была въ состояніи довести его до того, что онъ добровольно покорился условіямъ своего новаго существованія. Если это справедливо, то варварскій эгоизмъ, поддерживавшій эту дисциплину, долженъ былъ имѣть хорошее вліяніе, несмотря на сопряженное съ нимъ радикальное зло.

Пусть читатель не приходитъ въ ужасъ. Пусть онъ не опасается, что, согласившись съ такимъ положеніемъ, мы будемъ извинять новыя нарушенія человѣческихъ правъ, вновь появляющіяся притѣсненія. Человѣкъ, который вздумаетъ принять на себя роль природы въ этомъ дѣлѣ и захочетъ подвергнуть такой дисциплинѣ лѣнивыхъ негровъ и другихъ людей, не долженъ воображать, что примѣры подобныхъ дѣлъ въ прошедшемъ оправдываютъ его. При правильномъ пониманіи эти «примѣры» никакъ не могутъ служить

прецедентами. Существуетъ періодъ цивилизаціи, въ теченіе котораго сильный занимаетъ мѣсто слабаго путемъ насилія,— гдѣ такія явленія и принужденіе къ крѣпостному труду вообще полезны; но тогда подобныя жизненныя отношенія порождаются самородно и неизбѣжно. Покоряя и порабощая своихъ ближнихъ, люди не руководствовались въ этихъ случаяхъ холодно обдуманными выводами о намѣреніяхъ природы, они не подавляли своихъ хорошихъ чувствъ для того, чтобы служить дѣлу цивилизаціи. Они такъ были устроены, что мало заботились о страданіяхъ, которыя причиняли отыскивая для себя удовлетвореніе; напротивъ достиженіе господства и владѣніе людьми казалось имъ почетнымъ. Но разъ является у людей способность понимать, что порабощеніе и тиранія заключаютъ въ себѣ несправедливость, и какъ скоро чувства, которымъ они противны, будутъ достаточно сильны для ихъ уничтоженія,—всякое насиліе и рабство должны прекратиться. Вопросъ этотъ находится въ прямой зависимости отъ степени развитія въ людяхъ нравственнаго чувства, т. е. отъ степени ихъ приспособленія къ общественному состоянію. Неспособность понимать, что дурно истреблять и обращать въ рабство низшія породы, предполагаетъ грубое состояніе человѣческихъ симпатій и сознанія своихъ правъ. Притѣсненіе, какое люди въ этомъ случаѣ причиняютъ и какому сами подвергаются, не вредитъ ихъ свойствамъ, не замедляетъ ростъ чувствъ, необходимыхъ для общественной жизни, потому что чувства эти не достигли еще достаточнаго развитія и подобные поступки не въ состояніи ихъ оскорблять. Помощь, которая въ этомъ случаѣ оказывается цивилизаціи посредствомъ очищенія земли отъ наименѣе развитыхъ ея обитателей и принужденія остальныхъ къ привычкамъ трудолюбія, нисколько не замедляетъ нравственнаго развитія и приспособленія. Но совершенно другой оборотъ принимаетъ дѣло, когда начинаютъ понимать преступность этой грубѣйшей изъ несправедливостей. Такое пониманіе показываетъ, что старый порядокъ уже пересталъ быть годнымъ; и затѣмъ дальнѣйшій прогрессъ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока это впервые понятое зло не будетъ устранено или, по крайней мѣрѣ, уменьшено. При такомъ положеніи дѣлъ сохраненіе старинныхъ учрежденій и обычаевъ,—вещь, къ счастью, невозможная,—

дѣйствовало бы гибельно на человѣческое сознаніе. Чувства, безъ которыхъ болѣе совершенное общественное устройство немыслимо, постоянно подавлялись бы такимъ порядкомъ; они были бы вынуждены оставаться на одномъ уровнѣ съ прежней обстановкой и останавливали бы всякій дальнѣйшій прогрессъ. Люди, пережившіе первобытный періодъ культуры, прежде, чѣмъ дозволять себѣ вновь вводить подобныя учрежденія, должны подумать о низкой степени развитія, которая необходима для того, чтобы эти послѣднія представляли собою явленіе естественное. Прежде чѣмъ возможно было бы вновь ввести рабство для развитія трудолюбія въ восьми стахъ тысячъ ямайскихъ негровъ, нужно было бы тридцать милліоновъ англичанъ низвести во всѣхъ отношеніяхъ съ ихъ настоящаго уровня развитія: въ нихъ нужно было бы уничтожить благонадежность, вѣрность, великодушіе, честность; нужно было бы породить въ нихъ средѣ упадокъ благосостоянія; ослабить же въ людяхъ нравственное чувство значитъ уменьшить въ нихъ способность дѣйствовать сообща и сдѣлать непримѣнимыми лучшія организаціи для производства и распредѣленія. Итакъ — вотъ еще примѣръ совершенства, до котораго природа доводитъ экономію. Въ то время, когда несправедливость завоеванія и порабощенія не замѣчается, и то и другое оказывается благодѣтельнымъ; но какъ скоро люди способны почувствовать, что насиліе и рабство несогласны съ нравственнымъ закономъ, то дальнѣйшее существованіе такого порядка будетъ уже болѣе замедлять приспособленіе въ одномъ отношеніи, чѣмъ поощрять его въ другомъ. На этотъ фактъ слѣдовало бы обратить вниманіе нашимъ новымъ проповѣдникамъ стараго ученія, что кто силенъ, тотъ и правъ.

§ 5. Такъ какъ недѣлимыя, изъ которыхъ состоятъ первобытныя общины, рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которыя составляютъ общины развитыя, то и самыя общины должны имѣть въ основаніи своего устройства принципы совершенно различные. Общественный организмъ, точно такъ же, какъ и всякій другой, въ теченіе своего развитія долженъ проходить черезъ временныя формы. При этимъ переходномъ состояніи многія изъ общественныхъ отправленій совершаются орудіями, которыя должны исчезнуть, когда настоящія, предназначенныя для этихъ отправленій, орудія пріобрѣтутъ спо-

собность дѣйствовать. Человѣческія общества могутъ, точно такъ же какъ и отдѣльные люди, имѣть способности въ зародышѣ. У обыкновеннаго тритона, встрѣчающагося въ нашихъ прудахъ, внѣшнія легкія или жабры исчезаютъ, когда внутреннія достигаютъ достаточнаго развитія; у высшихъ позвоночныхъ въ зародышномъ состояніи являются временные органы, которые въ теченіе опредѣленнаго времени служатъ для извѣстнаго отправленія, потомъ снова абсорбируются и оставляютъ только признаки своего существованія;— точно такимъ же образомъ въ политическомъ тѣлѣ существуютъ учрежденія, которыя въ теченіе извѣстнаго времени исполняютъ свое назначеніе, а затѣмъ теряютъ свою силу и уничтожаются.

Переходныя учрежденія предполагаютъ существованіе переходныхъ чувствъ. Такъ какъ политическія учрежденія зависятъ отъ свойствъ народа, то не могутъ прекратить своего существованія до тѣхъ поръ, пока чувства, на которыхъ они основываются, не исчезнутъ. Слѣдовательно, пока человѣкъ приготовляется къ общественной жизни, въ немъ должны преобладать извѣстные стимулы, соотвѣтствующіе требующимся учрежденіямъ; стимулы эти ослабляются по мѣрѣ того, какъ временныя организаціи, созданныя ими, перерождаются въ другія, окончательныя. На природу и дѣятельность этихъ стимуловъ мы обратимъ теперь наше вниманіе.

§ 6. «Я чувствовалъ такое глубокое уваженіе къ памяти Генриха IV, — говорилъ знаменитый французскій разбойникъ и убійца Картушъ,—что если бы жертва, которую я преслѣдовалъ, укрылась подъ его статую на Новомъ мосту, я бы пощадилъ ея жизнь». Вотъ образецъ, какимъ образомъ обожаніе героевъ соединяется съ крайней дикостью и какія средства даются этимъ чувствомъ для дисциплинированія дикаго человѣка. Выше была разъяснена необходимость подобнаго чувства для соединенія людей, лишенныхъ симпатическихъ ощущеній. Для того, чтобы первобытный человѣкъ превратился въ существо, способное для общественной жизни, онъ долженъ жить въ обществѣ. Но какимъ же образомъ можетъ существовать общество, когда оно постоянно разрушается притязательными стремленіями? Ясно, что его члены должны обладать извѣстною наклонностью, которая со-

ставляла бы противовѣсъ этимъ чувствамъ, удерживала бы въ обществѣ несмотря на ихъ неспособность къ такой жизни, заставляла бы ихъ подчиняться условіямъ подобнаго существованія и уменьшалась бы по мѣрѣ того, какъ приспособленіе къ новымъ обстоятельствамъ уничтожало бы потребность въ ограниченіи. Такое чувство, служащее противовѣсомъ антиобщественности, заключается въ обожаніи героевъ; это чувство заставляетъ людей преклоняться передъ проявленіями силы и подчиняться ей, въ комъ бы она ни проявлялась—въ родоначальникѣ, феодальномъ владѣльцѣ, королѣ или конституціонномъ правительствѣ.

Мы уже приводили факты, доказывающіе какъ соотношеніе между силой обожанія героевъ и силой притязательныхъ стремленій, такъ и одновременное уменьшеніе обѣихъ наклонностей (гл. XVIII, § 3). Теперь мы подробнѣе разсмотримъ это явленіе. Мы положили, что уваженіе къ авторитету пропорціонально варварству членовъ общины и соразмѣрно съ недостаткомъ нравственнаго чувства, съ стремленіемъ искать для себя удовлетворенія насчетъ ближняго. Но какимъ признакамъ узнаемъ мы недостатокъ нравственнаго чувства? На первомъ мѣстѣ тутъ стоитъ невниманіе къ человѣческой жизни; затѣмъ частыя покушенія на человѣческую свободу; далѣе — воровство и однородная съ нимъ безчестность. Если наше ученіе вѣрно, то мы должны встрѣчать всѣ эти явленія въ самыхъ значительныхъ размѣрахъ именно тамъ, гдѣ уваженіе къ власти наиболѣе глубоко.

И чтожъ? — Не видимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ, что низкопоклонное подчиненіе деспотическому правленію процвѣтаетъ бокъ-о-бокъ съ обычаемъ человѣческихъ жертвъ, дѣтоубійствомъ и частыми покушеніями на человѣческую жизнь? Сожиганіе вдовъ, тайныя религіозныя убійства (такъ-называемыя «туги») мы видимъ среди племени, которое всегда состояло изъ жалкихъ рабовъ. На нѣкоторыхъ островахъ Тихаго океана дѣти приносятся въ жертву идоламъ, а родители погребаются живыми: въ то же время тамъ существуетъ такое уваженіе къ наслѣдственнымъ начальникамъ, что имъ часто приписывается божественная власть. Среди людоѣдовъ всюдѣ господствуетъ неограниченная власть. Намъ повѣствуютъ о человѣческихъ жертвахъ въ связи съ крайнимъ раболѣпіемъ подданныхъ передъ правителями. На

островѣ Мадагаскарѣ, гдѣ людей убиваютъ по самымъ ничтожнымъ случаямъ, гдѣ берегъ установленъ черепами, воткнутыми на палки, — народъ управляется на основаніяхъ самаго суроваго феодальнаго права владѣльцами съ неограниченной властью, которые въ свою очередь подчинены неограниченному же государю. Охотящіеся за головами діаки острова Борнео управляются маленькими тиранами. Самые кровожадные изъ монгольскихъ племенъ находятся подъ неограниченнымъ управленіемъ. У Грота мы находимъ и положительное и отрицательное доказательство этой связи; вотъ что онъ говоритъ: «Ни въ одномъ изъ городовъ Греціи въ историческія времена не было обычая человѣческихъ жертвъ и умышленнаго изуродованія, въ родѣ обрѣзыванія носовъ, ушей, рукъ, ногъ и т. п., кастраціи, продажи дѣтей въ рабство, полигаміи, *или чувства безграничнаго повиновенія по отношенію къ одному человѣку*; напротивъ того всѣ эти явленія можно было встрѣтить у ихъ современниковъ—карѳагенянъ, египтянъ, персіянъ, фракійцевъ и т. д.». Если мы обратимся къ средневѣковой исторіи, то найдемъ тамъ одновременно и самыя сильныя проявленія преданности, и судебные поединки, право частныхъ войнъ, постоянное ношеніе оружія, мучениковъ за вѣру, избіеніе людей по религіознымъ причинамъ и т. д.; все это—доказательства, что жизнь тогда цѣнилась гораздо менѣе, чѣмъ теперь. Ту же самую связь мы можемъ замѣтить и въ современной Европѣ, если вспомнимъ убійства, встрѣчавшіяся въ Италіи, жестокости кроатовъ и чеховъ и австрійскія бойни. Въ нашей средѣ уменьшеніе благоговѣнія передъ властью происходило одновременно съ уменьшеніемъ жестокости нашихъ уголовныхъ законовъ.

Что нарушенія свободы должны достигать наибольшихъ размѣровъ тамъ, гдѣ уваженіе къ власти всего значительнѣе, это само собою разумѣется, такъ какъ рабство,—учрежденіе, подающее поводъ къ наибольшимъ нарушеніямъ человѣческой свободы, — невозможно въ средѣ, въ которой обожаніе власти недостаточно сильно. Если бы вліяніе этого чувства не было крайне могущественно, то древніе персіяне не могли бы считать себя частною собственностью своего государя. Всѣмъ извѣстно, что готовность подчиняться всегда сопровождается страстью тиранизировать, и эта признанная истина

служитъ лучшимъ доказательствомъ связи раболѣпія съ недостаткомъ нравственнаго чувства. Сатрапы такъ же господствовали надъ народомъ, какъ ихъ царь господствовалъ надъ ними. Спартанцы обращались со своими илотами съ тою же суровостью, съ какою ихъ олигархи обращались съ ними. Про раболѣпныхъ азіатскихъ индійцевъ разсказываютъ, что «за свое безмолвное подчиненіе властителямъ они вознаграждаютъ себя тираніею, жестокостью и насиліемъ по отношенію къ людямъ, находящимся въ ихъ зависимости». Въ феодальныя времена народъ былъ въ рабствѣ у дворянства, дворяне были вассалами королей, а короли зависѣли отъ папы. Если мы къ этимъ фактамъ присовокупимъ знаменательныя данныя (гл. XVI, § 4 и гл. XVII, § 3) на счетъ суровости обращенія мужей съ женами и родителей съ дѣтьми, пропорціональной раболѣпію въ отношеніи къ правителямъ, то наше положеніе, что обожаніе героевъ всего значительнѣе тамъ, гдѣ наименѣе обращается вниманія на человѣческую свободу, должно считаться доказаннымъ.

Столь же многочисленны факты, убѣждающіе въ томъ, что наклонность къ воровству всегда связана съ преобладаніемъ чувства личной преданности.

Записки путешественниковъ показываютъ, что у племенъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи, безчестность и воровство существуютъ рядомъ съ безотчетною властью начальниковъ. Среди болѣе развитыхъ народовъ встрѣчается та же самая связь между безчестностью и раболѣпіемъ. Явленіе это мы видимъ у индусовъ, у цейлонцевъ и у жителей Мадагаскара. Пиратство малайцевъ и китайцевъ, издавна существующія хищническія привычки арабскихъ племенъ, которыя грабятъ и на морѣ и на сушѣ, существуютъ совмѣстно съ безусловной покорностью деспотическимъ правителямъ. «Латыши—говоритъ Коль—обнаруживаютъ свойство, общее всѣмъ порабощеннымъ племенамъ: они очень склонны къ воровству». Русскіе, чувствующіе какъ бы потребность обожать своего императора, въ то же время откровенно признаются, что они мошенники, и смѣются надъ такимъ признаніемъ. Поляки менѣе всего могутъ похвалиться честностью; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ раболѣпіе ясно видно изъ употребительнаго у нихъ привѣтствія: «падаю къ вашимъ ногамъ»; евреи и среднее сословіе тамъ преклоняются пе-

редъ дворянами, а народъ передъ евреями и среднимъ сословіемъ. Если мы обратимся къ болѣе совершеннымъ народностямъ, то увидимъ, что всѣ онѣ прошли чрезъ ту же рѣзко обозначающуюся цѣпь свойствъ. Время, когда низкопоклонство рабовъ по отношенію къ феодальнымъ баронамъ достигло высшей своей степени, было временемъ всеобщихъ грабежей. «Въ Германіи значительная часть сельскаго дворянства жила грабежомъ», ихъ замки были спеціально приспособлены къ такому занятію и подобные замки встрѣчаются даже у духовенства *). Обираніе гражданъ, разореніе отъ времени до времени городовъ и пытки жидовъ для вымогательства отъ нихъ денегъ—были дѣломъ обыкновеннымъ. Короли были такими же ворами, какъ и всѣ прочіе. Подобно Іоанну англійскому и Филиппу-Августу французскому, они силою обирали имущество у своихъ вассаловъ; обманывали своихъ кредиторовъ, поддѣлывая монету; безплатно отбирали чужихъ лошадей; захватывали товары купцовъ, продавали ихъ и большую часть денегъ брали себѣ. Въ то время, какъ на сушѣ грабили мародеры, пираты рыскали по морямъ: такъ-называемые «пять портовъ» и С.-Мало были главнымъ пристанищемъ морскихъ разбойниковъ, свирѣпствовавшихъ въ Британскомъ каналѣ.

Съ того времени и до нашихъ дней чувство преданности постоянно уменьшалось; этотъ упадокъ проявлялся въ томъ, что феодальныя отношенія прекратились, ученіе о божественномъ правѣ королей было оставлено, монархическая власть ограничена, наказанія за измѣну сдѣлались болѣе мягкими;—въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ возрастали честность и вниманіе къ жизни и свободѣ людей. И въ настоящее время люди настолько же проникнуты уваженіемъ къ авторитету, насколько въ нихъ не достаетъ уваженія къ правамъ другихъ людей. Въ существующихъ нынѣ партіяхъ мы можемъ различить черты, указывающія на постоянную связь между этими характеристическими свойствами. Самый низкій разрядъ чернорабочихъ въ столицѣ не только не отличается

*) Одинъ кельнскій архіепископъ выстроилъ замокъ подобнаго рода, и когда его управитель спросилъ, на какія средства станетъ онъ жить — такъ какъ на этотъ предметъ не ассигновано никакихъ суммъ—то прелатъ ограничился замѣчаніемъ, что замокъ лежитъ не вдалекѣ отъ соединенія четырехъ пересѣкающихся дорогъ. Hallam, «Middle Ages».

крайними демократическими мнѣніями, но повидимому не имѣетъ вовсе никакихъ политическихъ убѣжденій: если имъ приходится разсуждать о политикѣ, то они всего скорѣе склоняются къ консервативнымъ взглядамъ и желаютъ сохранить современный порядокъ. Часть изъ нихъ, носильщики каменнаго угля, гордятся тѣмъ, что 10-го апрѣля 1848 года вдругъ появились на свѣтъ Божій всѣ до единаго и въ день великой демонстраціи чартистовъ сдѣланы были спеціальными констеблями для «охраненія закона и порядка»: оказывается, что эти рабочіе составляютъ самый безнравственный классъ столичнаго населенія: изъ уголовной статистики мы видимъ, что по сравненію съ остальнымъ населеніемъ они въ девять разъ безчестнѣе, въ пять разъ болѣе преданы пьянству и въ девять разъ болѣе дики (судя по количеству совершенныхъ ими насилій). То же самое видно изъ наблюденій надъ преступниками. Капитанъ Маконохи замѣчаетъ, что «хорошій узникъ (т. е. легко подчиняющійся) — обыкновенно дурной человѣкъ». Если мы обратимся къ газетамъ, которыя читаются въ придворной средѣ и отражаютъ въ себѣ жизнь высшаго тона, то найдемъ, что тамъ народныя бѣдствія приписываются пропуску въ королевскомъ титулѣ, сдѣланному на вновь отчеканенной монетѣ: въ тѣхъ же органахъ восхваляются европейскіе деспоты, извиняются война и постоянныя арміи, смѣются надъ миротворцами, отстаивается смертная казнь, осуждаются народныя права, проповѣдуютъ противъ свободы мнѣнія, радуются похищенію территорій, защищаютъ захваты изъ церковныхъ сборовъ. Все это ясно показываетъ, что гдѣ всего долѣе коренится вѣра въ святость власти, тамъ всего менѣе развивается убѣжденіе въ святости человѣческой жизни, свободы и собственности.

§ 7. При развитіи цивилизаціи обожаніе «героизма» и нравственное чувство измѣняются въ противоположныхъ направленіяхъ и обществу возможно лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать подобный ходъ дѣлъ. Тамъ, гдѣ уваженіе къ божественному закону недостаточно, оно должно быть замѣнено уваженіемъ къ закону человѣческому, иначе водворится совершенное беззаконіе и варварство. Если люди должны жить вмѣстѣ несмотря на недостатокъ внутренней силы для сохраненія справедливости во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ, то должна быть внѣшняя сила, которая бы

принуждала ихъ вести себя такимъ образомъ и дѣлала бы жизнь въ обществѣ сносною. Подобная внѣшняя сила можетъ имѣть дѣйствительное вліяніе только тогда, когда ее почитаютъ. Дикія племена, у которыхъ не достаетъ такого чувства благоговѣнія, вовсе не могутъ достигать цивилизаціи и должны уступать свое мѣсто обладающимъ такими чувствами. Если въ обществѣ чувство преданности уменьшается быстрѣе, чѣмъ растетъ чувство справедливости, то является наклонность къ общественному распаденію: населеніе Парижа готовится дать намъ примѣръ такого состоянія.

Постоянно можно наблюдать, какъ для дикаго эгоизма необходимъ соотвѣтствующій размѣръ обожанія силы. Прислушайтесь къ дѣловымъ разговорамъ людей, разберите пріемы торговцевъ и промышленниковъ, перечитайте дѣловую корреспонденцію, заставьте адвоката разсказать свои разговоры съ кліентами,—и вы найдете, что въ своихъ поступкахъ люди большею частью руководствуются не вопросомъ о справедливости, а вопросомъ о законности. Большинство людей мало стѣсняется соблюденіемъ строгой правдивости, лишь бы вѣтеръ закона надувалъ ихъ паруса. Свѣтскій человѣкъ не спрашиваетъ: можно ли по справедливости предъявлять мнѣ такое-то требованіе?—Онъ спрашиваетъ: что сказано въ обязательствѣ? — И коль скоро дѣло дойдетъ до взысканія, подобный человѣкъ будетъ стараться получить и то, чего ему по справедливости не слѣдуетъ. Какъ скоро законъ будетъ на его сторонѣ и судъ рѣшитъ въ его пользу, онъ не стѣснится положить въ карманъ все, что возможно было добыть такимъ образомъ. Подобные поступки мы встрѣчаемъ постоянно и люди, которые ихъ совершаютъ, считаются достойными уваженія;—отсюда мы видимъ, что множество людей способны поступать справедливо со своими ближними только вслѣдствіе принужденія. Послѣ этого не трудно понять, какъ необходимо то чувство, которое дастъ силу орудію принужденія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что упомянутое чувство породило много гигантскаго зла и до сихъ поръ продолжаетъ плодить его. Ему мы обязаны различными предразсудками, которые господствуютъ до настоящаго времени. Къ вреднымъ послѣдствіямъ изъ этого источника принадлежитъ убѣжденіе, что законодательство способно совершать великія дѣла, и гибель-

ное вмѣшательство властей, сопровождающее это убѣжденіе. Уваженіе, изъ котораго выходитъ покорность правительству, непремѣнно украшаетъ это правительство соотвѣтствующими собственнымъ своимъ размѣрамъ высокими качествами; такъ какъ оно въ существѣ своемъ есть обожаніе силы, то можетъ значительно развиться только тогда, когда его предметъ дѣйствительно обладаетъ большой силой или когда сила эта приписывается ему по предразсудку. Отсюда выходятъ старинныя иллюзіи, что правители могутъ установлять цѣнность монеты, размѣръ заработной платы и стоимость жизненныхъ потребностей. Отсюда господствующія нынѣ убѣжденія, что правительства могутъ облегчить нищету, уменьшить страданія денежнаго рынка, излечить закономъ отъ чрезмѣрно густого населенія. Отсюда чудовищное, хотя общераспространенное убѣжденіе, что законодательство можетъ, не нарушая справедливости, отбирать собственность народа въ такихъ размѣрахъ и для такихъ цѣлей, какія ему заблагоразсудится, напр. для поддержанія государственной церкви, для содержанія бѣдныхъ, на жалованье учителямъ, на основаніе колоній и т. п. Отсюда поразительное мнѣніе, что актомъ парламента можно отмѣнять предписанія природы,—можно напримѣръ сдѣлать преступленіе изъ поступка купца, который покупаетъ товаръ во Франціи и привозитъ его для продажи къ намъ, между тѣмъ какъ на основаніи нравственнаго закона, напротивъ, преступно мѣшать ему дѣйствовать такимъ образомъ! Точно рѣшеніе нѣсколькихъ человѣкъ, засѣдающихъ въ одной изъ комнатъ Вестминстера, можетъ сдѣлать поступки какого-либо рода справедливыми или несправедливыми! Несмотря однако на все это, несмотря на всѣ ложныя ученія и ошибочные взгляды, на безчисленныя притѣсненія, бѣдствія и страданія, которыми обожаніе силы такъ или иначе надѣляетъ и надѣляло міръ, мы все-таки должны согласиться, что чувство это выполнило и до сихъ поръ выполняетъ очень важную задачу; пусть же оно продолжаетъ свое существованіе до тѣхъ поръ, пока это для него возможно.

§ 8. Не трудно доказать, что чувство, о которомъ идетъ рѣчь, не можетъ существовать долѣе, чѣмъ необходимо. Какъ скоро можно обходиться безъ него, оно ослабляется путемъ настолько же простымъ, насколько и совершеннымъ въ своемъ родѣ. Оно разрушается тѣмъ чувствомъ, младенчество котораго

даетъ ему возможность управлять людьми. Между временнымъ и окончательнымъ законнымъ руководителемъ нашихъ дѣйствій происходитъ непрерывная борьба, во время которой постоянно уменьшающееся вліяніе одной стороны даетъ ростъ другой.

Выше было разъяснено (гл. V, § 5), что чувство справедливости, симпатическое возбужденіе котораго заставляетъ людей поступать должнымъ образомъ по отношенію къ другимъ, есть то же самое чувство, которое заставляетъ ихъ настаивать на своихъ собственныхъ справедливыхъ требованіяхъ; оно побуждаетъ ихъ требовать свободы дѣятельности, свободы упражнять свои способности и понуждаетъ ихъ сопротивляться всякому нарушенію въ этомъ отношеніи. Этотъ стимулъ не терпитъ никакихъ ограниченій за исключеніемъ тѣхъ, которыя налагаются сочувственными побужденіями: онъ оспариваетъ всякое притязаніе на излишнее преимущество, съ какой бы стороны это послѣднее ни появлялось. Поэтому онъ находится въ постоянной враждѣ съ чувствомъ, обусловливающимъ раболѣпіе. «Уважайте эту власть», говоритъ обожаніе силы.—«За что мнѣ ее уважать? Кто поставилъ ее надо мною?» спрашиваетъ инстинктъ свободы.—«Повинуйся», нашептываетъ обожаніе. — «Возмущайся», ворчитъ инстинктъ.—«Я исполню все, что ваше величіе изволите приказывать», говоритъ одинъ замирающимъ голосомъ.—«Позвольте, сэръ,—возражаетъ другой:—на какомъ основаніи вы изволите мнѣ приказывать, кто вы такой!» — «Этотъ человѣкъ назначенъ Богомъ, чтобы управлять нами, и мы должны ему подчиняться», утверждаетъ обожаніе.—«Неправда,—возражаетъ инстинктъ:—мы имѣемъ Богомъ установленныя права на свободу и наша обязанность охранять ихъ». Въ этомъ родѣ производится споръ и въ теченіе каждаго фазиса цивилизаціи исходъ его опредѣляется относительной силой обоихъ чувствъ. Когда нравственное чувство слишкомъ слабо и не въ состояніи создать ограниченій, необходимыхъ для общественной жизни, тогда его протестъ едва слышенъ и не мѣшаетъ преобладающему обожанію силы установлять самый суровый деспотизмъ. Мало по малу, когда нравственное чувство окрѣпнетъ до того, что станетъ препятствовать людямъ совершать самое грубое насиліе, оно будетъ уже достаточно могущественно для успѣшной борьбы съ излишними теперь

крайностями принужденія. Если оно наконецъ достигнетъ такой силы, что чрезъ посредство своего рефлективнаго отправленія внушитъ людямъ самое полное уваженіе къ правамъ другихъ и сдѣлаетъ правительство излишнимъ, тогда непосредственная его дѣятельность породитъ столь бдительную ревность къ охраненію своихъ правъ, что правительство сдѣлается невозможнымъ. Вотъ и еще одинъ примѣръ удивительной простоты въ устройствѣ природы: мы дѣлаемся свободными посредствомъ того же самаго чувства, которое приспособляетъ насъ къ свободѣ.

Учрежденія каждой эпохи представляютъ компромиссъ между этими борющимися нравственными силами, подписанный ими во время послѣдняго перемирія. Между обществомъ съ неограниченнымъ правительствомъ, которое порождается господствомъ одного чувства, и обществомъ безъ всякаго правительства, создаваемымъ преобладаніемъ другого, существуетъ цѣлый рядъ среднихъ формъ общественной организаціи. Формы эти начинаются съ «деспотизма, умѣряемаго убійствомъ», и кончаются высшимъ развитіемъ представительнаго управленія, гдѣ вполнѣ признано право избирателей давать инструкціи своимъ депутатамъ, гдѣ такимъ образомъ весь народъ обращенъ въ собраніе, обсуждающее законодательныя мѣры, а изъ законодательнаго собранія сдѣлана исполнительная организація,—форма, при которой самоуправленіе достигаетъ наибольшихъ размѣровъ, возможныхъ при существованіи управляющей власти. Смѣшанныя конституціи, которыми характеризуется этотъ переходный періодъ, должны, съ отвлеченной точки зрѣнія, неизбѣжно казаться нелѣпыми. Два чувства, соотвѣтствующія—одно народнымъ, другое—монархическимъ взглядамъ, по природѣ свое противоположны, а потому рождаютъ противоположныя идеи. Предполагать, что между ними возможно логически послѣдовательное соединеніе, такъ же нелѣпо, какъ предполагать возможность примиренія между *да* и *нѣтъ*. Монархическое ученіе доказываетъ, что народъ *обязанъ* подчиниться одному человѣку съ полнымъ смиреніемъ, долженъ быть ему вѣренъ, показывать ему преданность и свою волю подчинять его волѣ. Напротивъ, демократическая теорія утверждаетъ, что народъ *не* обязанъ подчиняться волѣ одной личности, а долженъ выполнять свою собственную волю; этотъ взглядъ выражается и въ нашей

конституціи въ формѣ права отказывать въ податяхъ и въ юридической фикціи, на основаніи которой предполагается, что гражданинъ изъявилъ свое согласіе на законы, которымъ онъ повинуется. Эти взгляды до такой степени прямо противорѣчатъ другъ другу, что никакая логика не можетъ привести ихъ въ гармонію. Если король имѣетъ справедливое право на повиновеніе, то повиновеніе это должно быть полное; иначе является вопросъ, почему повиновеніе должно быть оказано въ одномъ случаѣ и не должно имѣть мѣста въ другомъ? Если же, напротивъ того, люди должны сами управлять собою, то имъ слѣдуетъ управлять собою вполнѣ. Въ противномъ случаѣ опять возбуждается вопросъ, почему имъ дается самостоятельность въ извѣстныхъ отношеніяхъ и отказывается въ этомъ въ другихъ?

Несмотря на то, что въ смѣшанныхъ правленіяхъ соединяются два взаимно исключающихъ другъ друга начала и что такія системы поэтому совершенно нераціональны въ принципѣ, однако же онѣ необходимо должны существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ въ гармоніи съ сложнымъ устройствомъ только отчасти приспособленнаго человѣка. Люди, повидимому, неспособны даже понять радикальную несообразность подобныхъ учрежденій, потому что въ ихъ собственной природѣ существуетъ такая же несообразность. Это очень хорошій примѣръ для объясненія закона, на основаніи котораго мнѣнія людей окончательно установляются ихъ чувствами, а не интеллектуальными силами.

§ 9. Понятія людей о справедливомъ и несправедливомъ въ этихъ отношеніяхъ вполнѣ зависятъ отъ соразмѣрности существующихъ въ нихъ стимуловъ. Этотъ предметъ стоитъ того, чтобы обратить на него вниманіе. Прежде всего мы замѣтимъ, что окончательные результаты поступка—дурные или хорошіе—сами по себѣ не въ состояніи породить его одобреніе или порицаніе. Если бы это было такъ, то степень совершенства нравственнаго кодекса людей зависѣла бы отъ свойствъ ихъ анализа и сообразовалась бы съ ихъ интеллектуальной проницательностью. Отсюда бы слѣдовало, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ люди съ одинаковыми интеллектуальными способностями имѣли бы и одинаковые взгляды на нравственность; въ то же время современники отличались бы различными взглядами, какъ скоро ихъ ум-

ственныя силы были бы различны. Но такое предположеніе не соотвѣтствуетъ тому, что мы видимъ въ дѣйствительности; напротивъ, факты указываютъ на изъясненный выше законъ. Исторія и ежедневный опытъ убѣждаютъ насъ, что понятія людей о справедливости соотвѣтствуютъ преобладающимъ въ нихъ чувствамъ и инстинктамъ (Уч. о нр. ч., § 5; гл. XVI, § 3; гл. XXVI, § 9). Мы постоянно читаемъ о тиранахъ которые свое право на неограниченную власть оправдываютъ божественнымъ, будто бы, полномочіемъ. «Права» соперничествующихъ между собою владѣльцевъ постоянно защищались ихъ приверженцами, и до сихъ поръ защищаются современными легитимистами съ такимъ же жаромъ, съ какимъ самый горячій демократъ защищаетъ права личности. Для людей, жившихъ въ феодальныя времена, обязанность рабовъ повиноваться своимъ господамъ казалась столь несомнѣнною, что Лютеръ убѣждалъ бароновъ отомстить взбунтовавшимся крестьянамъ: онъ призывалъ всѣхъ и каждаго обращаться съ «этими людьми какъ съ бѣшеными собаками, разбивать имъ черепъ, колотить и уничтожать ихъ». Онъ безъ всякаго сомнѣнія дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ совершенно добросовѣстно. Сверхъ того мы находимъ, что отсутствіе нравственнаго чувства дѣлаетъ людей совершенно неспособными понимать отвлеченное право человѣка на свободу. Несмотря на всю интеллектуальную силу Платона, лучшій идеалъ республики, какой былъ для него доступенъ, состоялъ въ системѣ деспотизма одного класса общества; въ предшествовавшее ему время и еще долго послѣ него не существовало людей, которые видѣли бы въ рабствѣ несправедливость. Про полковника Одея, перваго губернатора Ямайки, разсказываютъ, что онъ издалъ приказъ «о раздачѣ войскамъ экземпляра Библіи», а черезъ нѣсколько дней подписалъ другой приказъ—«объ уплатѣ изъ податныхъ суммъ двадцати фунтовъ за пятнадцать собакъ, доставленныхъ Джономъ Гоемъ для охоты за неграми». Соотвѣтствующее этому явленіе мы видимъ въ американскихъ священникахъ, владѣющихъ рабами. Китайцы не могутъ понять, почему съ европейскими женщинами обращаются съ уваженіемъ; увѣряютъ, что они это обстоятельство приписываютъ колдовству, которымъ женщины приворожили мужчинъ. Въ нашей средѣ можно тамъ и сямъ открыть подобныя же явленія. Напримѣръ мистеръ

Моберли, изъ винчестерскаго университета, написалъ книгу въ защиту тѣлесныхъ наказаній въ школахъ; онъ увѣряетъ, что эта система «обезпечиваетъ скорѣе всякой другой наибольшую доброкачественность дѣтей». Въ одномъ недавнемъ памфлетѣ, подписанномъ «сельскій священникъ», говорится, что «людей, зараженныхъ духомъ чартизма, нужно обращать на путь истинный точно такъ же, какъ и зараженныхъ духомъ пьянства,—доказывая, что это—возмущеніе противъ божескихъ законовъ». Но самая странная особенность людей, недостаточно одаренныхъ чувствомъ справедливости, заключается въ ихъ неспособности понимать свои собственныя права. Лейтенантъ Бернаръ *), напримѣръ, разсказываетъ намъ, что въ португальскихъ поселеніяхъ на берегахъ Африки «рабы смѣются надъ свободными неграми, попрекая ихъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ бѣлаго человѣка, который бы смотрѣлъ за ними; они возвышаются въ собственныхъ глазахъ, когда ихъ притѣсняютъ». Говорятъ, что въ Америкѣ рабы смотрятъ на свободныхъ бѣлыхъ сверху внизъ и называютъ ихъ «соромъ». Этотъ повидимому ненормальный фактъ намъ легко будетъ понять, если мы вспомнимъ, что здѣсь у насъ, въ Англіи, въ девятнадцатомъ столѣтіи, множество женщинъ защищаютъ то рабское положеніе, въ которомъ ихъ держатъ мужчины.

Едва ли возможно объяснить какою-нибо изъ ходячихъ гипотезъ многочисленность и разнообразіе взглядовъ людей на справедливость и неправду, чему мы здѣсь привели нѣсколько примѣровъ. Но смыслъ такого явленія объяснится самъ собою, если считать эти взгляды произведеніемъ нравственныхъ силъ, равновѣсіе между которыми различно у каждаго племени и въ каждую эпоху, т. е. измѣняется съ каждымъ фазисомъ приспособленія. При ближайшемъ анализѣ окажется, что общество непремѣнно бы распалось, если бы его взгляды не были въ такой зависимости отъ равновѣсія его чувствъ. Будь это иначе, племена, нуждающіяся въ принудительномъ управленіи, могли бы точно такъ же дойти до убѣжденія, что такое управленіе дурно, какъ до него доходятъ народы развитые. Русскіе могли бы понимать такъ же ясно, какъ и мы, несправедливость деспотизма и справедливость свободныхъ учрежденій. Если бы они это поняли, то это при-

*) Three year's cruise in the Mozambique Channel.

вело бы у нихъ къ общественному разложенію, потому что нельзя себѣ представить, чтобы они послѣ этого довольствовались суровымъ управленіемъ, которое необходимо, чтобы удерживать ихъ въ состояніи общества

§ 10. Когда несообразность между политическими учрежденіями и народными свойствами сдѣлается достаточна велика, тогда происходитъ перемѣна: процессъ такого измѣненія, съ своей стороны, долженъ быть въ гармоніи съ этими свойствами и, смотря по качествамъ народа, будетъ имѣть или насильственный характеръ или мирный. Нерѣдко слышны возгласы противъ революцій, произведенныхъ силою оружія: но порицатели забываютъ въ этомъ случаѣ, что характеръ революцій, точно такъ же какъ и характеръ всѣхъ другихъ учрежденій, опредѣляется свойствами людей, которые ихъ производятъ. Нравственное убѣжденіе—вещь прекрасная; оно хорошо для насъ, хорошо для всѣхъ тѣхъ, кого можно до него довести. Но предполагать, что на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія можно употреблять нравственное убѣжденіе и достигнуть такимъ образомъ цѣли, значитъ не понимать условій положенія. Выражаясь языкомъ механики, мы можемъ сказать, что чѣмъ неспособнѣе люди къ общественной жизни, тѣмъ сильнѣе долженъ быть механизмъ, сдерживающій ихъ въ обществѣ, и тѣмъ значительнѣе и конвульсивнѣе должно быть усиліе необходимое для того, чтобы его сломить, какъ скоро онъ приходитъ въ негодность. Существованіе правительства, не подчиняющагося народной волѣ, т. е. правительства деспотическаго, предполагаетъ такую обстановку, при которой возможна одна насильственная перемѣна. Для того, чтобы принудительное управленіе могло имѣть практическое примѣненіе, въ народѣ должно преобладать обожаніе силы, а это всегда указываетъ на сохранившуюся еще дикость. Когда чувство обожанія силы могущественно, то дѣятельность его можетъ прекратиться лишь послѣ того, какъ зло дурного управленія породитъ большое ожесточеніе. Излишняя сила чувства, обезпечивающаго внѣшнее управленіе, указываетъ на недостатокъ чувства, порождающаго управленіе внутреннее: при такомъ положеніи нѣтъ того вниманія къ жизни и правамъ людей, которое не допускаетъ до крайностей. А гдѣ разрушительныя наклонности сравнительно дѣятельнѣе, раздраженіе достигаетъ крайнихъ предѣловъ и чувство само-

обладанія недостаточно, тамъ насилія неизбѣжны. Мирныя революціи производятся при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Подобныя революціи возможны только тогда, когда общество не состоитъ болѣе изъ рѣзко враждебныхъ членовъ,—когда оно начинаетъ сливаться и въ немъ порождается внутренняя организація,—когда нѣтъ болѣе надобности сдерживать его посредствомъ могущественнаго внѣшняго стѣсненія и когда, слѣдовательно, нужно несравненно менѣе силы, чтобы произвести перемѣну. Подобные перевороты возможны лишь при условіи достиженія людьми болѣе значительной степени приспособленія къ общественной жизни, при которой они уже неспособны ни причинять, ни переносить крайняго притѣсненія, вслѣдствіе чего размѣры народнаго негодованія будутъ значительно уменьшены. Они возможны лишь тогда, когда симпатическія чувства настолько развиты, что отчасти нейтрализируютъ наклонность къ жестокой мести. Для того только, чтобы привилась идея, что реформы могутъ и должны происходить мирнымъ путемъ, нужно уже въ значительной степени обладать нравственнымъ чувствомъ. При недостаткѣ этого послѣдняго подобная идея не только невыполнима, но недоступна даже пониманію; но зато съ его развитіемъ дѣлается возможнымъ и то, и другое.

Такимъ образомъ мы должны смотрѣть на судорожные общественные перевороты тѣми же глазами, что и на всѣ другія естественныя явленія: они вырабатываются неизбѣжно и идутъ неизмѣннымъ путемъ. Мы можемъ сожалѣть о пролитіи крови, мы можемъ желать, чтобы кровопролитія не было, но безразсудно предполагать, что при тѣхъ же народныхъ свойствахъ дѣла могли бы пойти иначе. Не случись такихъ-то или хоть этихъ обстоятельствъ, говорятъ намъ, то результатъ былъ бы совершенно иной; если бы живъ былъ такой-то человѣкъ, то онъ предупредилъ бы катострофу. Но не слѣдуетъ поддаваться подобнымъ заблужденіямъ. Перемѣны эти производятся силой, не зависящей отъ отдѣльной воли. Личности, кажущіяся въ этомъ случаѣ главными двигателями, въ сущности не болѣе какъ орудія этой силы; если бы ихъ не было, то на ихъ мѣстѣ явились бы другіе. Несообразность между свойствами и учрежденіями—вотъ сила, производящая волненіе; революція есть процессъ, приводящій къ равновѣсію. Процессъ этотъ видоизмѣняется случайными обстоя-

тельствами, но окончательный результатъ выходитъ почти одинъ и тотъ же. Можно ускорить или замедлить движеніе, усилить волненіе или облегчить и улучшить исходъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ дѣло придетъ къ тому же результату и происшествія переходнаго времени не имѣютъ тутъ никакого значенія.

Совершенно справедливо, что насильственные перевороты, низвергающіе старый порядокъ, не осуществляютъ надеждъ тѣхъ, кѣмъ они производятся, и въ окончательномъ результатѣ порождаютъ учрежденія, превосходящія лишь немногимъ только-что уничтоженныя (гл. XX, § 2). Но такъ же справедливо, что произведенныя измѣненія не могли произойти никакимъ инымъ путемъ. Недостатокъ приспособленности обусловливаетъ какъ дурной процессъ перемѣны, такъ и несовершенную политическую организацію. Не только вызванное имъ постоянное управленіе будетъ отличаться суровостью, но даже самыя незначительныя улучшенія будутъ достигнуты не иначе, какъ съ большими страданіями. Наоборотъ, тѣ же самыя причины, которыя дѣлаютъ возможнымъ лучшее общественное состояніе, облегчаютъ и совершеніе послѣдующихъ измѣненій. Измѣненія совершаются чаще при меньшемъ давленіи и сопровождаются не столь значительнымъ волненіемъ: мало по малу постепенное уменьшеніе размѣровъ перемѣнъ и разстоянія между ними приводитъ къ процессу непрерывнаго роста.

§ 11. Можно разсматривать цивилизацію еще съ другой точки зрѣнія. Это процессъ, которымъ вырабатывается устройство человѣка и общества, необходимое для полнаго проявленія каждой индивидуальности. Для полнаго счастья каждаго, а слѣдовательно и для полнаго счастья всѣхъ необходимо, чтобы человѣкъ могъ слѣдовать всякому являющемуся въ немъ желанію,—чтобы онъ всегда былъ тѣмъ, чѣмъ его создала природа. Въ силу закона приспособленія мы должны подвигаться къ такому состоянію, при которомъ возможно полное удовлетвореніе всякаго желанія, всестороннее выполненіе всѣхъ задачъ индивидуальной жизни. Сначала такое положеніе невозможно. Предоставленныя на произволъ стремленія первобытнаго человѣка приводятъ къ анархіи. Если его индивидуальная жизнь не будетъ стѣснена, то общество должно разложиться. Даже въ нашей средѣ необхо-

димо стѣсненіе, но отдѣльная воля гражданина имѣетъ уже болѣе простора, потому что не дѣйствуетъ такъ разрушительно на порядокъ. Дальнѣйшій прогрессъ долженъ состоять въ возрастающемъ уваженіи къ священнымъ правамъ индивида и въ упадкѣ всего, что ихъ ограничиваетъ.

Можно привести безчисленное множество фактовъ въ доказательство того, что при первобытныхъ правительствахъ личность стѣсняется всего болѣе и что стѣсненіе это уменьшается по мѣрѣ развитія общества. Сравнивая народы Египта, Ассиріи, Китая и Индостана съ греками, Гротъ говоритъ: «Религіозныя и политическія постановленія, то въ совокупности, то отдѣльно, опредѣляли образъ жизни каждаго человѣка, его вѣру, обязанности и положеніе въ обществѣ; они не оставляли никакого простора для дѣятельности воли и разсудка индивидуума». Начиная отъ самой чистой формы права собственности правителя надъ народомъ, какую мы видимъ напр. въ царствованіи Дарія, и проходя по всѣмъ его разнообразнымъ видоизмѣненіямъ до того времени, когда говорилось «государство это я», и даже до типическаго современнаго выраженія «мои подданные»—мы видимъ постоянное сліяніе и болѣе или менѣе совершенное поглощеніе многихъ личностей одною. Параллельныя этому отношенія рабовъ и зависимыхъ людей къ своему господину и домочадцевъ къ главѣ семейства носили тотъ же характеръ. Словомъ, всякій деспотизмъ, будетъ ли онъ политическій, религіозный или обычный,—будетъ ли онъ состоять во власти одного пола надъ другимъ, или одной касты надъ другою,—заключаетъ въ себѣ стѣсненіе индивидуума, и цивилизація по самой своей природѣ должна его устранять.

Удаляясь отъ одной крайности, гдѣ государство все, а личность ничто, общество должно проходить чрезъ множество видоизмѣненій. Аристократія и демократія неправильно назывались различными и противоположными принципами. Они и комбинаціи, составляющіяся изъ нихъ, вмѣстѣ съ монархіею, суть не болѣе, какъ различныя степени прогресса на пути къ полной индивидуальности. Возрастаніе частныхъ правъ, по сравненію съ публичными, можно видѣть не только при сравненіи усовершенствованій въ формахъ управленія. То же обнаруживается и въ измѣнимости добровольныхъ союзовъ, напр. политическихъ партій: онѣ постоянно идутъ

къ разложенію вслѣдствіе внутреннихъ разъединеній, недостатка власти надъ своими членами: дѣло въ томъ, что при постоянно возрастающей разнородности мнѣній распространяется гибельная для нихъ личная независимость. Законъ этотъ еще яснѣе обнаруживается въ религіозныхъ организаціяхъ. Количество сектъ въ послѣднее время постоянно возрастало съ увеличивающеюся быстротою; примѣры раздѣленій безчисленны: господствующая церковь раздѣлилась на Евангелическую, Высокую и Пюзеитовъ; отъ нея отдѣлилась Свободная церковь; явился расколъ Методистовъ, Унитаріанъ; размножились безчисленныя мѣстныя согласія, для которыхъ классификація невозможна; наконецъ проповѣдуется, что однородность мнѣній еще не должна служить основаніемъ для связи. Обнаруживающаяся такимъ образомъ всеобщая наклонность разъединенія есть не что иное какъ путь, которымъ проявляется возрастаніе требованій индивидуальности. Въ окончательномъ результатѣ должны исчезнуть эти постоянныя подраздѣленія, которыя мы называемъ сектами. На мѣсто искусственнаго единообразія, какое создается путемъ выкраиванія людей по извѣстнымъ признанымъ образцамъ, явится одно изъ тѣхъ единообразій, какія встрѣчаются нами въ природѣ: общее сходство съ безконечнымъ количествомъ безконечно малыхъ различій.

§ 12. Съ точки зрѣнія, до которой мы теперь дошли, намъ уже нетрудно видѣть, что рядъ истинъ, называемыхъ при нашей искусственной классификаціи *ученіемъ о нравственности*, въ существѣ своемъ однороденъ съ истинами міра физическаго: это родъ трансцендентальной физіологіи. Порядокъ вещей, предписываемый закономъ равной свободы,—порядокъ, при которомъ каждый индивидуумъ можетъ развивать свои личныя особенности неограниченно, съ однимъ лишь условіемъ равномѣрнаго, взаимнаго развитія индивидуальности со стороны другихъ,—порядокъ, къ которому (какъ видно изъ предыдущаго) стремится человѣчество, это тотъ же самый порядокъ, къ какому направляется и вся природа. Мы показали, что только полное примѣненіе нравственнаго закона можетъ дѣлать жизнь полною (гл. XVII, § 1); теперь мы увидимъ, что высшее проявленіе всякаго рода жизни состоитъ въ способности къ выполненію того же закона.

Путь къ этому обобщенію указанъ ученіемъ Кольриджа «Подъ словомъ жизнь—говоритъ онъ—я разумѣю истинную идею жизни, самую общую форму, въ которой она проявляется и которая заключаетъ въ себѣ всѣ другія формы. Я доказалъ, что такое общее проявленіе заключается въ наклонности къ индивидуальности; степени существованія или различная сила проявленія жизни состоятъ въ прогрессивномъ осуществленіи этого стремленія». Чтобы сдѣлать понятнымъ такое опредѣленіе, нужно привести нѣкоторые изъ фактовъ, которымъ оно старалось дать общее выраженіе, и объяснить такимъ образомъ контрастъ между низкими и высокими типами органическаго строенія, и между низкими и высокими степенями жизненности.

Примѣры наши мы будемъ брать изъ одного животнаго царства и начнемъ съ формъ, въ которыхъ проявленія жизни наиболѣе незначительны. Возьмемъ для примѣра родъ Porifera. Эти существа состоятъ только изъ полужидкой слизи, сдерживаемой посредствомъ роговой ткани (губки). Слизь эта не обладаетъ никакой чувствительностью, не имѣетъ никакихъ органовъ; пищу же всасываетъ изъ воды, которая проникаетъ въ ея массу. Если ее раздѣлить на части, то каждая часть продолжаетъ жить, какъ жило прежде цѣлое. Такимъ образомъ эта такъ-называемая «студенистая оболочка» обнаруживаетъ индивидуальности немногимъ болѣе, чѣмъ безформенный кусокъ неодушевленной матеріи; подобно такому куску, она не имѣетъ отдѣльныхъ частей, и отдѣльное цѣлое составляютъ только частички, изъ которыхъ сложилась вся масса, подобно тому, какъ это бываетъ въ тѣлахъ неорганическихъ. Въ сложныхъ полипахъ, съ которыхъ начинаетъ Кольриджъ, проявляется первый шагъ къ индивидуальной жизни; въ нихъ мы уже различаемъ части. Кромѣ первоначальнаго, единообразнаго студенистаго вещества съ прорѣзывающими ихъ каналами, мы видимъ у Alcyonidae прибавочные къ нимъ пищеварительные мѣшки съ ртами и щупальцами. Тутъ уже есть отчасти раздѣленіе на индивидуумы, прогрессъ къ сепаратизму. Питаніе остается общимъ; между тѣмъ каждый полипъ имѣетъ до извѣстной степени независимую способность ощущенія и движенія. Возвышаясь съ этой ступени, можно идти различными путями. Corallidae будутъ ближайшей ступенью на одномъ изъ этихъ путей:

тутъ масса, образующая полиповъ, окружаетъ известковую ось; этимъ путемъ мы доходимъ до Tubiporidae, гдѣ уже полипы не соединены вмѣстѣ, а каждый имѣетъ свою ячейку, помѣщенную въ общей известковой массѣ. Проходя по этимъ ступенямъ, Кольриджъ упустилъ изъ виду гидръ или прѣсноводныхъ полиповъ, встрѣчающихся въ нашихъ прудахъ; тутъ мы видимъ замѣчательную переходную форму, посредствомъ которой эти коммунистическіе полипы связываются съ высшими индивидуальными организаціями. Эти созданія по устройству своему похожи на отдѣльные члены вышеописаннаго сложнаго животнаго. Они размножаются посредствомъ почекъ: новыя особи выростаютъ изъ тѣла родителей. «Въ первомъ періодѣ своего образованія молодые полипы соединены съ общимъ организмомъ, изъ котораго они выростаютъ; даже по достиженіи ими извѣстнаго развитія, когда они имѣютъ уже внутреннюю полость и щупальца, желудокъ ихъ все-таки состоитъ въ свободной связи съ желудкомъ родителей... Какъ скоро вновь образовавшаяся гидра способна хватать добычу, она начинаетъ способствовать содержанію своихъ родителей. Пища, которую она захватываетъ, проходитъ черезъ отверстіе, находящееся у ея основанія, и входитъ въ тѣло первоначальнаго полипа. По мѣрѣ того, какъ молодое животное развивается и дѣлается способнымъ къ отдѣльному существованію, соединеніе между полипами уменьшается и наконецъ дѣлается столь незначительнымъ, что достаточно легкаго движенія со стороны одного изъ нихъ для того, чтобы произвести отдѣленіе. Этимъ и заканчивается процессъ... Иногда шесть или семь ростковъ выходятъ одновременно изъ одной гидры. Весь процессъ оканчивается въ двадцать четыре часа; но нерѣдко прежде, чѣмъ вновь образовавшіеся полипы отдѣлятся отъ своихъ родителей, на нихъ является уже третье поколѣніе. Такимъ образомъ наблюдаемо было до восемнадцати штукъ, соединенныхъ въ одну группу» *). Вотъ созданіе, которое нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать ни индивидуальнымъ, ни сложнымъ; номинально это особь, на дѣлѣ же оно никогда имъ не бываетъ. У этого полипа постоянно нѣсколько индивидуумовъ соединены вмѣстѣ.

*) «A General Outline of the Animal Kingdom». By Professor T. R. Jones F. G. S.

Если каждые два полипа разсматривать отдѣльно, то они соединены между собою лишь *временно*, но соединеніе *нѣсколькихъ* особей тутъ *постоянно*: мы всегда видимъ группу, хотя недѣлимыя этой группы постоянно перемѣняются. Здѣсь уже рѣзко обозначается стремленіе къ индивидуальности. Гидры постоянно, хотя безуспѣшно, стремятся стать настоящими недѣлимыми. Стремленіе къ индивидуальности обнаруживается далѣе въ томъ, что размноженіе путемъ почкованія постепенно утрачиваетъ свое значеніе и рядомъ съ нимъ является болѣе совершенный способъ воспроизведенія—посредствомъ яйца. Bryozoa представляетъ намъ подобный примѣръ,—гдѣ размноженіе яйцами существуетъ одновременно съ сравнительно слабымъ почкованіемъ.

Послѣ того, какъ достигнута полная отдѣльность организмовъ, законъ этотъ обнаруживается въ послѣдовательныхъ усовершенствованіяхъ органическаго строенія. Всѣ высшія созданія отличаются отъ низшихъ большею индивидуальностью частей, большею опредѣленностью ихъ природы и ихъ отправленій. Гидры, о которыхъ мы только-что говорили, суть простые мѣшки со щупальцами около внѣшняго отверстія, ихъ совершенно безопасно можно вывороти́ть на изнанку; желудокъ дѣлается тогда кожей, а кожа желудкомъ. Тутъ явное отсутствіе спеціальныхъ особенностей: обязанности желудка и кожи исполняются одною и тою же тканью, которая не *индивидуализирована* раздѣленіемъ на двѣ части, съ приспособленіемъ каждой къ достиженію особой цѣли. Контрастъ между такимъ состояніемъ и тѣмъ, при которомъ существуетъ подобное различіе, достаточно объяснитъ значеніе индивидуализаціи органовъ. Эту послѣднюю можно отчетливо прослѣдить чрезъ всю область животной жизни, наблюдая постепенное развитіе формъ нервной системы. Acrita, классъ, къ которому относятся всѣ вышеупомянутыя животныя, «не имѣютъ ни нервныхъ массъ, ни нитей, и предполагаютъ, что нервное вещество распространено у нихъ въ мельчайшихъ частицахъ по всему тѣлу *). Въ слѣдующемъ классѣ Xenatoneura мы видимъ первую попытку индивидуализаціи въ нервной системѣ. Нервное вещество ясно скопляется въ нити *). У Homogangliata оно сосредо-

*) Jones.

чивается въ извѣстномъ числѣ небольшихъ, равныхъ массъ—ganglia. У Heterogangliata нѣкоторыя изъ этихъ небольшихъ массъ собраны вмѣстѣ и составляютъ массы большаго объема. Наконецъ у Vertebrata большая часть нервныхъ центровъ соединена и составляетъ мозгъ. Остальныя составныя части организма тѣмъ же самымъ путемъ соединяются въ опредѣленныя системы: мускульную, дыхательную, пищеприемную, для выдѣленія и всасыванія, для обращенія соковъ и т. д. Всѣ эти системы опять раздѣлены на части, имѣющія спеціальныя отправленія.

Точно такой же смыслъ имѣютъ и измѣненія въ жизненныхъ проявленіяхъ, сопряженныя съ этими измѣненіями въ устройствѣ. Обладать большимъ разнообразіемъ чувствъ, инстинктовъ, силъ и способностей; имѣть болѣе сложное устройство своихъ особенностей и принадлежностей—значитъ болѣе рѣзко отличаться отъ созданій всякаго иного рода, обнаруживать болѣе опредѣленную индивидуальность. Всѣ существа органическія и неорганическія имѣютъ извѣстныя общія свойства, вѣсъ, подвижность инерцію и т. д.; затѣмъ есть добавочныя свойства, которыми обладаютъ только одни органическія существа, именно способность расти и способность размножаться; далѣе есть свойства, которыми обладаютъ одни только высшія органическія существа, напр. слухъ, зрѣніе и т. п. Итакъ, эти высшія органическія существа, обладая характеристическими особенностями, которыхъ не имѣютъ остальныя, отличаются чрезъ это отъ большаго числа созданій, чѣмъ всѣ прочія, и отличаются въ большемъ числѣ отношеній; отдѣльность, индивидуальность въ нихъ сильнѣе. Въ то же время у существъ болѣе высокаго типа замѣчается большая сила самосохраненія и эта способность принадлежитъ тому же самому стремленію къ индивидуальности. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ больше его зависимость отъ внѣшнихъ условій. Ему постоянно грозитъ разрушеніе со стороны стихій, отъ недостатка пищи, отъ враговъ; онъ почти во всѣхъ случаяхъ кончаетъ тѣмъ, что подвергается разрушенію. Все это показываетъ, что въ немъ недостаточна сила для охраненія своей индивидуальности: онъ ее теряетъ возвращаясь къ неорганической формѣ или абсорбируется другимъ индивидуумомъ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ есть сила, проницательность и быстрота—всѣ признаки высшаго

устройства,—тамъ существуетъ и соотвѣтствующая этимъ качествамъ способность охранять свою жизнь; недѣлимое уже не такъ легко разрушить, потому что со стороны его предпринимается многое, чтобы предупредить разрушеніе; индивидуализація проявляется тутъ въ болѣе совершенномъ видѣ.

Самое сильное проявленіе этой наклонности мы видимъ у человѣка. По сложности своего устройства онъ отстоитъ всего далѣе отъ неорганическаго міра, наименѣе отличающагося индивидуальностью. Его умъ и приспособляемость обыкновенно даютъ ему возможность сохранить свою жизнь до старости, закончить весь циклъ своего существованія, то есть осуществить и расширить свою индивидуальность до крайнихъ ея предѣловъ. Кромѣ того онъ обладаетъ сознаніемъ, онъ способенъ понять свою индивидуальность. Мало этого, мы только-что разъяснили, что и всѣ преобразованія въ человѣческихъ дѣлахъ ведутъ къ дальнѣйшему развитію той же способности: ихъ можно назвать стремленіями къ индивидуализаціи.

Наконецъ мы должны обратить вниманіе на тотъ существенный фактъ, для котораго предыдущій очеркъ служитъ введеніемъ. Означенный фактъ состоитъ въ томъ, что то, что мы называемъ нравственнымъ закономъ — законъ равной свободы,—есть именно такой законъ, при которомъ индивидуализація достигаетъ своего совершенства, и что способность понимать и дѣйствовать на основаніи этого закона— самое совершенное свойство человѣчества, свойство, которое теперь вырабатывается. Возрастающее требованіе личныхъ правъ заключаетъ въ себѣ возрастающую претензію на уваженіе внѣшнихъ условій, необходимыхъ для полнаго развитія индивидуальности. Въ этомъ заключается не только сознаніе этой послѣдней и пониманіе средствъ, которыми она можетъ охраняться, но еще убѣжденіе въ томъ, что можно требовать для себя сферу дѣятельности, необходимую для надлежащаго развитія индивидуальности, и соотвѣтствующее такому убѣжденію желаніе дѣлать такое требованіе. Какъ скоро довершится происходящая теперь перемѣна, какъ только каждый будетъ обладать дѣятельнымъ инстинктомъ свободы и соотвѣтствующей ему симпатіей, — тотчасъ уничтожатся всѣ теперь существующія ограниченія индивидуальности: и пра-

нительственныя стѣсненія, и притязательность однихъ людей по отношенію къ другимъ. Никто не будетъ встрѣчать препятствія при развитіи и упражненіи своихъ способностей; ибо, охраняя собственныя права, каждый будетъ въ то же время уважать равныя права другихъ. Не будетъ болѣе ни законодательныхъ ограниченій, ни законодательныхъ тягостей: одинъ и тотъ же процессъ сдѣлаетъ ихъ и ненужными, и невозможными. Тогда въ первый разъ въ исторіи міра будутъ жить существа, личныя особенности которыхъ будутъ въ состояніи находить себѣ полное удовлетвореніе во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ уже сказано было выше, окончательно развившійся человѣкъ осуществитъ одновременно: совершенную нравственность, совершенную индивидуализацію и совершенную жизнь.

§ 13. Эта высшая индивидуализація должна быть связана съ наибольшей взаимной зависимостью. Несмотря на кажущуюся парадоксальность такого взгляда, прогрессъ ведетъ къ одно и то же время и къ полному сепаратизму, и къ полному объединенію. Сепаратизмъ тутъ такого рода, что онъ вполнѣ согласенъ съ самыми сложными комбинаціями для удовлетворенія общественныхъ нуждъ; объединеніе въ свою очередь таково, что ни въ чемъ не мѣшаетъ полному развитію каждой личности. Цивилизація порождаетъ состояніе и свойства, въ которыхъ примиряются противоположныя, повидимому, требованія. Для выполненія цѣли творенія, т. е. для созданія наибольшой суммы счастья, должно существовать населеніе настолько значительное, что оно могло бы содержаться лишь при системѣ, ведущей къ наибольшему производству, т. е. при наибольшемъ раздѣленіи труда, другими словами— при наибольшей взаимной зависимости. Въ то же время, каждый индивидуумъ долженъ имѣть возможность дѣлать все, къ чему его побуждаютъ его желанія. Эти два условія могутъ быть приведены въ гармонію только процессомъ приспособленія, которому подвергается человѣчество. Въ теченіе сказаннаго процесса всѣ желанія, несогласныя съ самой совершенной общественной организаціей, уничтожатся и разовьются другія, соотвѣтственныя этой послѣдней. Можетъ быть не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ такой процессъ долженъ когда-нибудь привести къ совершенной индивидуализаціи и полной взаимной зависимости?

Но это можно объяснить примѣромъ. Мы имѣемъ извѣст-

ныя семейныя склонности, которыя могутъ быть удовлетворены только близостью другихъ существъ и извѣстною съ ними связью. Въ отсутствіи этихъ существъ—когда, слѣдовательно, относящіяся сюда чувства бездѣйствуютъ — индивидуальность не можетъ получить надлежащихъ своихъ размѣровъ; итакъ нормальное развитіе супружескихъ и родительскихъ элементовъ зависитъ отъ обладанія семействомъ. Точно такимъ же образомъ нормальное развитіе всѣмъ другихъ элементовъ индивидуальности, при высшей степени цивилизаціи, будетъ зависѣть отъ существованія цивилизованнаго общества. Личностью будетъ пріобрѣтенъ именно тотъ родъ индивидуальности, который находитъ самую удобную сферу для своихъ проявленій въ обществѣ съ самой совершенной организаціей; каждое общественное учрежденіе будетъ составлять условіе, соотвѣтствующее какой-либо изъ его способностей — при другихъ обстоятельствахъ существо это будетъ лишено всякой возможности проявить себя. Окончательно развитой человѣкъ есть такой, у котораго частныя потребности совпадаютъ съ общественными. Онъ будетъ принадлежать къ тому роду людей, которые, удовлетворяя требованіямъ собственной своей природы, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняютъ и отправленія общественной единицы; онъ будетъ способенъ вполнѣ удовлетворить себя только тогда, когда и всѣ остальные будутъ дѣлать то же самое.

§ 14. Слѣдуетъ объяснить подробнѣе, какимъ образомъ прогрессъ ведетъ людей одновременно и къ большей взаимной зависимости, и къ большей индивидуализаціи,—какимъ образомъ благосостояніе каждаго съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе соединяется съ благосостояніемъ всѣхъ и почему, слѣдовательно, интересъ каждаго заключается въ томъ, чтобы уважать интересы всѣхъ. Многимъ фактъ этотъ къ несчастію совершенно неизвѣстенъ. А между тѣмъ люди не могутъ нарушать жизненный законъ общественнаго организма—законъ равной свободы—безъ того, чтобы тѣмъ или другимъ путемъ не навлечь на себя наказаній. Такъ какъ они сами члены общества, то все, что дѣйствуетъ на общество, отражается на нихъ. Отъ хорошаго или дурного состоянія общества зависитъ степень, въ которой они могутъ удовлетворять своимъ потребностямъ, и большее или меньшее количество зла, какое имъ будетъ причинено. Дурныя учрежденія, ежечасно вно-

ящія горечь въ ихъ жизнь, суть не что иное, какъ соединенный результатъ всѣхъ прегрѣшеній противъ соціальнаго закона, включая сюда и ихъ собственные грѣхи. За эти грѣхи они отвѣчаютъ не только тѣмъ, что переносятъ излишнія стѣсненія и непріятности, но и тѣмъ, что для достиженія своихъ цѣлей должны употреблять излишнюю работу и излишнія издержки.

Во всѣ времена обнаруживался съ большей или меньшей ясностью тотъ фактъ, что всякое нарушеніе закона приводитъ къ реакціи общей или частной; реакція же тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше нарушеніе. Уже во времена Өалеса сдѣлано было наблюденіе, что тираны рѣдко умираютъ естественной смертью. Съ того времени и до нашихъ дней престолы на Востокѣ постоянно обагрялись кровью тѣхъ, которые занимали ихъ одинъ за другимъ. Тотъ же самый фактъ виденъ въ прежней исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ.

Люди, владѣющіе неограниченной властью, могутъ повидимому дѣлать все, что пожелаютъ; въ дѣйствительности они однако же не въ состояніи поступать такимъ образомъ. Они ограничиваютъ собственную свою свободу, ограничивая свободу другихъ; ихъ деспотизмъ отражается на нихъ самихъ и держитъ ихъ въ рабствѣ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что римскіе императоры были игрушками своихъ солдатъ. «Въ византійскомъ дворцѣ»—говоритъ Гиббонъ—«императоръ былъ первый рабъ церемоній, имъ самимъ установленныхъ». Говоря о скучныхъ церемоніяхъ этикета временъ «Людовика Великаго», м-мъ де-Ментенонъ замѣчаетъ: «послѣ лицъ, занимавшихъ самыя высшія мѣста, самыми несчастными были тѣ, которые имъ завидовали. Право, вы и понятія не можете себѣ составить объ этомъ положеніи!» То же самое отраженіе на себѣ собственныхъ дѣйствій ощущаютъ рабовладѣльцы. Многіе плантаторы Вестъ-Индіи сознавались, что до освобожденія негровъ они были рабами изъ рабовъ въ своихъ владѣніяхъ. Американцы во многихъ отношеніяхъ скованы были ихъ собственною несправедливостью. На югѣ бѣлые сами стѣсняютъ себя для того, чтобы быть въ состояніи притѣснять черныхъ. Бракъ съ смѣшанными расами запрещенъ; для того, чтобы быть сенаторомъ, нужно владѣть извѣстнымъ количествомъ рабовъ; никто не можетъ освобождать своихъ рабовъ безъ особаго дозволенія; лишь подъ страхомъ суда

Линча можно осмѣлиться сказать слово въ пользу освобожденія.

Для многихъ ясно, что подобныя великія нарушенія человѣческихъ правъ обращаются на нарушителей: — «безпристрастная справедливость подноситъ отравленную чашу къ губамъ тѣхъ, кто самъ ее приготовилъ». Но лишь немногіе понимаютъ, что то же самое правило можно примѣнить къ меньшимъ нарушеніямъ, въ которыхъ люди оказываются виновными. Вѣроятно современные защитники власти одного класса надъ другимъ понимаютъ ясно, что ихъ предки, феодалы, нѣсколько дорого платили за порабощеніе массъ. Они видятъ, что бароны пользовались за это весьма некомфортабельной жизнью въ своемъ вооруженіи и скрытыхъ кольчугахъ, со своими потаенными помѣщеніями, тайными проходами, полусвѣтомъ въ комнатахъ, съ предосторожностями противъ отравы, среди постояннаго страха сдѣлаться жертвою нечаянныхъ нападеній или измѣны. Они понимаютъ, какъ велика была иллюзія людей, полагавшихъ, будто порабощая народъ можно пріобрѣсти всего болѣе богатства. Жакерія, галиційскія убійства, гдѣ рабы насыщали свою месть, сжигая замки и избивая ихъ обитателей, убѣждаютъ ихъ, что бываютъ дни гибельной расплаты за давнишніе долги. И все же эти люди не въ состояніи понять, что и х ъ собственныя неправыя дѣла — тѣмъ или другимъ путемъ — обращаются на и х ъ голову. Благородные феодалы не могли понять причину зла, которое переносили вслѣдствіе неизмѣнныхъ законовъ природы: имъ никогда и во снѣ не снилось, что эти страданія были рефлективными результатами тиранніи. Потомки этихъ феодаловъ не понимаютъ, что многіе изъ источниковъ ихъ несчастій порождены тѣмъ же путемъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти невозможно угадать тайные пути, которыми наши дурные поступки относительно другихъ обращаются на насъ самихъ; но есть также случаи, гдѣ эта реакція очевидна. Зрители кидаются изъ загорѣвшагося театра, они торопятся обогнать другъ друга и запружаютъ дверь такъ, что никто не можетъ сквозь нее пройти— вотъ хорошій примѣръ несправедливаго эгоизма, который вредитъ самому себѣ. Аналогическій результатъ представляютъ американскіе дешевые общіе обѣды, гдѣ жадные посѣтители пытаются съѣсть болѣе, чѣмъ имъ слѣдуетъ по справедли-

ности: является конкуренція скорой ѣды, которая не только дѣлаетъ эти попытки безполезными, но лишаетъ всѣхъ удовольствія и порождаетъ болѣзни. Тутъ довольно ясно, что люди, нарушая права другихъ, вредятъ самимъ себѣ. Реакція тутъ прямая и непосредственная. Во всѣхъ другихъ случаяхъ существованіе обратнаго дѣйствія точно такъ же вѣрно: оно придетъ или какимъ-нибудь окольнымъ путемъ, или послѣ истеченія значительнаго времени, или въ такомъ видѣ, что его трудно будетъ узнать. Сельскій сквайръ считаетъ освобожденіе своихъ земель отъ жилищъ рабочихъ дальновиднымъ политическимъ расчетомъ; онъ полагаетъ, что сваливаетъ этимъ путемъ содержаніе своихъ бѣдныхъ на другихъ. Нашъ политикъ забываетъ, что землевладѣльцы сосѣднихъ приходовъ уничтожаютъ его расчеты, поступая съ нимъ точно такъ же; если же его земля—въ такой мѣстности, что онъ можетъ поселить своихъ рабочихъ въ городѣ, то, заставляя работника пройти лишнее пространство отправляясь на работу и возвращаясь обратно, онъ тѣмъ самымъ уменьшаетъ результатъ его дневного труда, т. е. возвышаетъ издержки производства,—уменьшаетъ ренту. Онъ не понимаетъ также, что переполненныя спальныя рабочихъ, пренебреженіе сухостью и поправками въ ихъ жилищахъ,—эти послѣдствія его политики, — порождаютъ слабость и болѣзни, т. е. возвышаютъ подать для бѣдныхъ однимъ путемъ, въ то время, какъ уменьшаютъ ее другимъ. Дорсетширскій фермеръ, который платитъ за работу остатками пшеницы и выставляетъ за нее базарныя цѣны, воображаетъ, что соблюдаетъ экономію. Ему и въ голову не приходитъ, что при этомъ онъ теряетъ болѣе, чѣмъ выигрываетъ, ибо прямыми послѣдствіями его дѣйствій являются: мелкое воровство, разрушеніе его оградъ для топлива и порожденная этимъ необходимость держать скотъ постоянно запертымъ въ хлѣвахъ, увеличеніе земскихъ сборовъ, въ силу необходимости преслѣдовать разбойниковъ и браконьеровъ. Для торговца кажется очевиднымъ, что всякій излишній барышъ, который онъ получаетъ посредствомъ ухудшенія достоинства товара, есть чистая выгода. Временно это можетъ быть и справедливо. Скоро однако же его конкуренты будутъ поступать точно такъ же, какъ и онъ; они въ извѣстной степени даже *будутъ вынуждены* поступать такимъ образомъ—и барышъ придетъ къ прежнему

уровню. Между тѣмъ этимъ дано поощреніе всеобщему обычаю ухудшать достоинство товаровъ: онъ распространяется и на другія отрасли, ухудшаетъ произведенія, которыми торгуютъ въ лавкахъ; и вотъ въ качествѣ потребителя фальсификаторъ самъ страдаетъ отъ образа дѣйствій, развившагося съ его помощью. Пока продолжалось временно-обязанное состояніе негровъ въ Вестъ-Индіи, были случаи, что рабы желали выкупиться до дня «королевскаго освобожденія»: для этой цѣли плантаторы должны были опредѣлять стоимость этихъ рабовъ и они полагали, что поступаютъ очень хитро, показывая подъ пріемною большую противъ дѣйствительнаго цѣнность дня. Черезъ нѣсколько времени, когда трудъ обратился въ вольнонаемный, негры ссылались на собственную же ихъ оцѣнку рабочаго дня и никакъ не хотѣли брать менѣе: тогда они вѣроятно раскаялись въ своей безчестности. Часто проходитъ много времени прежде, чѣмъ появится возмездіе; но оно все-таки явится. Посмотрите на ирландскихъ землевладѣльцевъ— какъ жестоко они наконецъ наказаны за свои ренты, за отобраніе собственности, за поощреніе кулаковъ, снимавшихъ землю въ большихъ размѣрахъ и отдававшихъ ее въ аренду по частямъ, за крайнее свое равнодушіе къ народному благу. Посмотрите, какъ наказана Англія за то, что она поощрила людей, обижавшихъ природныхъ ирландцевъ: она вынуждена дѣлать ссуды, которыя не возвращаются; она наполняется толпами нищихъ переселенцевъ изъ Ирландіи, которые стремятся низвести до собственнаго уровня населеніе своего новаго отечества. Нарушенія естественной справедливости постоянно гибельны для нарушителей, — все равно, будутъ ли они произведены многими или немногими, будутъ ли они заключать въ себѣ усилія ограбить иностранцевъ посредствомъ воспретительныхъ тарифовъ или мошенничество купца. Пока люди будутъ оставаться общественными единицами, до тѣхъ поръ они не могутъ нарушать жизненныхъ принциповъ общества безъ тѣхъ или другихъ зловредныхъ послѣдствій для самихъ себя.

§ 15. Для достиженія полнаго счастья гражданинъ не только долженъ самъ сообразоваться съ нравственнымъ закономъ, но для него чрезвычайно важно, чтобы и всякій другой поступалъ точно такъ же. Эта взаимная зависимость, необходимо порождаемая общественнымъ состояніемъ, болѣе или

менѣе посредственнымъ путемъ приводитъ къ тому, что всякій человѣкъ получаетъ личный интересъ въ дѣлахъ всѣхъ остальныхъ людей. Глазамъ, которые не видятъ далѣе своихъ счетныхъ книгъ, кажется, что для нихъ все равно, какъ бы ни шли дѣла человѣчества. Эти люди полагаютъ, что гораздо умнѣе не мѣшаться въ общественныя дѣла, не дѣлать себѣ этимъ враговъ и не вредить своей торговлѣ. Если они до того эгоистичны, что вовсе не заботятся о своихъ ближнихъ, такъ какъ ихъ собственный горшокъ съ мясомъ достаточно полонъ, то пусть же они знаютъ, что въ этомъ дѣлѣ у нихъ есть интересъ, который приноситъ фунты, шиллинги и пенсы. Если они не имѣютъ высшихъ побудительныхъ причинъ, чтобы заботиться о дальнѣйшемъ развитіи человѣческаго благосостоянія, то къ этому должно побуждать ихъ благоразуміе, охраняющее собственный свой карманъ. Водвореніе большей справедливости въ человѣческихъ дѣлахъ вознаграждаетъ тѣхъ, которые за это берутся. Распространеніе здравыхъ принциповъ и улучшенія въ общественной нравственности приводятъ наконецъ къ тому, что уменьшаютъ домашнія издержки. Развѣ эти господа не видятъ, что покупая мясо, хлѣбъ и лакомства, они должны вмѣстѣ съ тѣмъ расходоваться и на содержаніе тюремъ и полиціи? Покупая платье, они должны дорого платить, чтобы вознаградить портного за убытки, причиняемые ему безчестными должниками. Всякій оборотъ въ ихъ жизни до извѣстной степени затрудняется общей безнравственностью. Они чувствуютъ это въ процентѣ, который требуется съ капитала: отвлекаясь отъ временныхъ измѣненій, мы найдемъ, что онъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ хуже люди *). Имъ даютъ это почувствовать счеты ходатаевъ по дѣламъ: они вынуждены молча подвергаться грабежу для того, чтобы законъ не подвергнулъ ихъ грабежу еще большему. Имъ даетъ это почувствовать приходящаяся на нихъ часть въ двухъ съ половиною милліонахъ ежегодной траты на металлическіе денежные знаки. Они чувствуютъ это и при упадкѣ торговли, который слѣдуетъ за

*) Тамъ, гдѣ безчестность и непредусмотрительность достигаютъ крайнихъ предѣловъ, деньги можно получать не менѣе какъ за тридцать-сорокъ процентовъ, напр. въ Бирманской имперіи или въ Англіи во времена короля Джона.—См. Милля «Политическую Экономію».

чрезмѣрно страстными спекуляціями. Этимъ господамъ кажется, что распространять между людьми чувство независимости есть нелѣпая трата времени; но имъ слѣдовало бы вспомнить объ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя были куплены ими съ премією и затѣмъ упали до разорительной для нихъ цифры, потому что директоры раболѣпствовали передъ богатымъ самодуромъ; они бы научились изъ этого, что преобладаніе мужества можетъ имѣть для нихъ денежную цѣну. Они полагаютъ, что ссоры сосѣднихъ націй вовсе до нихъ не касаются; но, разсмотрѣвъ дѣло ближе, окажется, что подобныя вещи будутъ отзываться болѣе или менѣе чувствительно на ихъ барышахъ, даже если бы они жили въ самомъ отдаленномъ углу Англіи: венгерская война напр.—посредствомъ займовъ, которые ею вызваны, датская блокада—посредствомъ своего вліянія на нашу торговлю. По ихъ мнѣнію, имъ нѣтъ никакого интереса въ хорошемъ управленіи Индіею; но самое непродолжительное размышленіе убѣдитъ ихъ, что они постоянно страдаютъ отъ неправильностей въ торговлѣ, для которыхъ источникомъ служитъ невѣрное и недостаточное снабженіе рынковъ хлопкомъ изъ Америки; а эта неправильная торговля вѣроятно прекратилась бы, не будь Индія истощена расточительностью своихъ правителей. Есть ли возможность сказать послѣ этого, что они тутъ не заинтересованы? Для нихъ важны даже улучшенія въ китайскомъ воспитаніи—китайскіе предразсудки преграждаютъ путь англійскимъ купцамъ. Кто же скажетъ, что они не заинтересованы? Они заинтересованы и въ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ, потому что въ окончательномъ своемъ результатѣ эти работы имѣютъ вліяніе на цѣну хлѣба въ Англіи. Что же, и это для нихъ пустяки?—Да ихъ касаются размѣры благосостоянія каждаго народа на земной поверхности! Законъ капитала заставляетъ его постоянно переходить изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ въ изобиліи, туда, гдѣ въ немъ чувствуется недостатокъ; поэтому богатые народы никогда не будутъ въ состояніи вполнѣ наслаждаться плодами своего труда до тѣхъ поръ, пока всѣ другія націи не будутъ столь же богаты. Хорошіе порядки въ самыхъ отдаленныхъ и незначительныхъ общинахъ полезны для *всѣхъ* людей, а дурные на *всѣхъ* накликаютъ бѣдствія. Каждое дурное и хорошее вліяніе, дѣйствующее въ данной средѣ, мо-

жетъ лишь слегка касаться отдѣльной личности; еще легче касается ея то, что происходитъ въ другихъ обществахъ; вліяніе на нее въ обоихъ случаяхъ можетъ равняться безконечно малой величинѣ: — но сложный результатъ міріадъ этихъ безконечно малыхъ вліяній составляетъ именно то, отчего зависитъ и ея счастье, и ея бѣдствія.

§ 16. Окончательная тожественность личныхъ и общественныхъ интересовъ сдѣлается для насъ еще яснѣе, если мы раскроемъ, какая существенная жизненная связь находится между каждымъ лицомъ и обществомъ, къ которому оно принадлежитъ. Мы обыкновенно сравниваемъ націю съ живымъ организмомъ. Мы говоримъ о «политическомъ тѣлѣ», объ отправленіяхъ различныхъ его частей, о его ростѣ, болѣзняхъ, — точно будто это какое-нибудь созданіе. Но мы обыкновенно смотримъ на эти выраженія какъ на метафоры; мы мало обращаемъ вниманія на то, до какой степени тутъ близка аналогія и въ какой мѣрѣ она можетъ найдти свое осуществленіе въ дѣйствительности. Сходство между организаціею общества и индивидуума до такой степени полно, что въ подобныхъ выраженіяхъ заключается нѣчто большее, чѣмъ простая аналогія. Посмотримъ на факты.

Раціональность этого сравненія значительно выиграетъ, если мы обратимъ вниманіе на несомнѣнный фактъ, что человѣческое тѣло также состоитъ изъ безчисленнаго множества микроскопическихъ организмовъ, которые имѣютъ извѣстнаго рода самостоятельную жизнь: они растутъ, питаясь изъ окружающихъ ихъ жидкостей, они множатся, подобно инфузоріямъ-монадамъ, чрезъ самопроизвольное дѣленіе. Весь процессъ человѣческаго развитія, начиная отъ первыхъ перемѣнъ въ яйцѣ и кончая вполнѣ развитымъ человѣкомъ, въ существѣ своемъ есть только размноженіе этихъ клѣточекъ посредствомъ такого рода зарожденій. Съ другой стороны постоянный упадокъ съ наступленіемъ старости заключается, по своему существу, лишь въ прекращеніи такого размноженія. Въ здоровомъ состояніи жизнь этихъ клѣточекъ подчинена жизненному процессу всей системы,—существованіе клѣточекъ, не подчиняющихся этому условію, составляетъ болѣзнь. Такъ оспа происходитъ отъ появленія особаго рода клѣточекъ, отличныхъ отъ тѣхъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло. Клѣточки эти поглощаютъ питательное вещество крови

и быстро размножаются посредствомъ дѣленія до тѣхъ поръ, пока не распространяется по тканямъ. Если тѣло не обладаетъ достаточной энергіей, чтобы освободиться отъ этихъ чуждыхъ ему элементовъ, то является смерть. При извѣстныхъ состояніяхъ тѣла правильно устроенныя клѣточки принимаютъ новыя формы жизни и, порождая себѣ подобныхъ, приводятъ къ паразитнымъ наростамъ: такъ происходитъ ракъ. Подъ микроскопомъ ракъ можно распознать по особому элементу, извѣстному подъ названіемъ раковой клѣточки. Кромѣ подобныхъ целюллярныхъ измѣненій, производящихъ тяжкія болѣзни, мы встрѣчаемся еще съ другими: клѣточки, не измѣняясь въ своемъ существѣ, перестаютъ подчиняться силѣ, управляющей всей системой. Вмѣсто того, чтобы прекратить свой ростъ и оставаться незамѣтными для простого глаза, онѣ значительно развиваются, и иногда достигаютъ въ своемъ діаметрѣ размѣра нѣсколькихъ дюймовъ. Такія клѣточки носятъ названіе серозныхъ пузырьковъ или гидатидъ и Acephalocystis *); ихъ до послѣдняго времени принимали за внутреннихъ паразитовъ (глисты entozoa). Тѣсная связь между целюллярными тканями и низшими независимыми организмами сдѣлается для насъ еще болѣе ясною, если мы обратимъ вниманіе на грегаринъ. Эти существа, по устройству

*) Первоначальная форма тканей состоитъ изъ свободныхъ клѣточекъ, которыя растутъ посредствомъ всасыванія и развиваютъ себѣ подобныхъ изъ стекловиднаго ядра (nucleus). Всѣ животныя ткани составляются путемъ преобразованій въ этихъ клѣточкахъ. Acephalocystis въ своихъ физическихъ, химическихъ и жизненныхъ свойствахъ совершенно аналогичны съ такими клѣточками. Едва ли мы удалимся отъ истины, если скажемъ, что человѣческое тѣло первоначально составляется изъ Acephalocystis; въ естественномъ и здоровомъ состояніи они имѣютъ микроскопическіе размѣры и преобразуются въ хрящи, кости, нервы, мускулы и т. д. Если, вмѣсто этого, клѣточка разростается до того, что ее можно различать простымъ глазомъ, то ее уже называютъ Acephalocystis, и развитіе это обыкновенно сопровождается ослабленіемъ производительной силы, управляющей въ человѣкѣ образованіемъ тканей: на слабыхъ пунктахъ механизма, она уже не въ состояніи болѣе управлять метаморфозой первоначальныхъ клѣточекъ и направлять по истинному пути, такъ, чтобы изъ нихъ выходили тѣ ткани, для которыхъ онѣ предназначены; она дозволяетъ имъ сохранять свое зародышное состояніе и расти посредствомъ всасыванія изъ окружающихъ жидкостей. Эти клѣточки начинаютъ вредно и разрушительно дѣйствовать на ткани, которыя должны были бы поддерживать и полезнодѣйствовать. Поэтому я считаю различные роды Acephalocystis просто болѣзненными формами и водяночными видоизмѣненіями клѣточекъ. Professor Owen's Hunterian Lectures.

своему, весьма похожи на гидатидъ, а между тѣмъ причисляются къ entozoa. Они состоятъ изъ клѣтчатной оболочки, заключающей жидкость, и ядра или nucleus. Они размножаются посредствомъ раздвоенія ядра и послѣдовательныхъ раздѣленій стѣнокъ клѣточки. Грегарины отличаются отъ клѣточекъ тканей исключительно своей величиной и тѣмъ, что онѣ не составляютъ часть того организма, въ которомъ находятся *). Въ одномъ и томъ жѣ организмѣ могутъ существовать рядомъ клѣточки, составляющія его субстанцію, клѣточки, которыя способствовали его построенію, но вовсе не входятъ въ организацію или отчасти имѣютъ отдѣльное существованіе, наконецъ—клѣточки совершенно отдѣльныя, самостоятельныя и лишь помѣщающіяся въ его полостяхъ. На основаніи всего вышеизложеннаго мы имѣемъ право разсматривать тѣло человѣческое какъ общество монадъ, изъ которыхъ каждая живетъ, растетъ и воспроизводится независимо,—изъ которыхъ каждая соединяется съ извѣстнымъ числомъ другихъ для извѣстнаго отправленія, необходимаго для обезпеченія какъ ея собственнаго существованія, такъ и

*) Шлейденъ считаетъ грегаринъ, по существу своему, отдѣльными органическими клѣточками и относитъ ихъ къ самому низкому разряду растеній. Эти существа представляютъ собою прекрасный примѣръ существеннаго единства въ органическомъ дѣленіи матеріи. Грегарины признаны животными только потому, что ихъ ткани способны произвольно сжиматься и разлагаются въ уксусной кислотѣ. Ротъ и желудокъ обыкновенно считались самой характеристической чертой животнаго,—грегарины не имѣютъ ни того ни другого.

Въ 1846 году Генле и другіе ученые оспаривали правильность причисленія грегаринъ къ органическимъ существамъ и даже вовсе не признавали ихъ недѣлимыми: они считали грегарину просто огромной клѣточкой. Такимъ образомъ они примѣняли къ ней мою идею объ истинной природѣ индивидуума, опубликованную въ 1843 году.

Въ 1848 г. Кёлликеръ написалъ объ этомъ предметѣ мемуаръ и доказалъ основательнымъ и убѣдительнымъ образомъ, что грегарина не только похожа на клѣточку, но есть нѣчто иное, какъ одушевленная клѣточка. Она принадлежитъ къ самой низкой ступени животныхъ существъ и должна быть сопоставлена съ одно-клѣтчатыми особями растительнаго царства. Шлейденъ и другіе правильно разъяснили, что грегарина состоитъ изъ клѣтчатной оболочки, изъ жидкаго и зернистаго содержимаго и ядра nucleus иногда содержащаго еще ядрышки (nucleoli). Ядро (nucleus) составляетъ самую твердую часть и представляетъ наиболѣе сопротивленія при давленіи, подобно ядру Polygastrian'a. Оно раздѣляется и за раздѣленіемъ слѣдуетъ самопроизвольное отдѣленіе. Professor Owen's Hunterian Lectures.

существованія всѣхъ остальныхъ и каждая изъ которыхъ получаетъ свою долю питанія изъ крови. Съ этой точки зрѣнія аналогія между отдѣльнымъ человѣкомъ и цѣлымъ обществомъ совершенно понятна. Въ обществѣ каждый человѣкъ точно такъ же помогаетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ и за это потребляетъ выпадающую на его долю часть изъ произведеній, которыя обращаются въ общественномъ организмѣ.

Аналогія эта представится намъ еще болѣе замѣчательною, если мы обратимъ вниманіе на то, что различные роды организаціи, встрѣчающіеся въ обществѣ въ то время, когда оно прогрессируетъ отъ самаго низшаго до самаго высшаго фазиса своего развитія, совершенно схожи съ различными видоизмѣненіями животной организаціи. Созданія низшаго типа представляютъ не болѣе, какъ собраніе многихъ равныхъ частей; по выраженію профессора Оуена, они соединены между собою по принципу повторяющихся растительныхъ формъ. Если мы затѣмъ будемъ постепенно восходить къ болѣе совершеннымъ формамъ, то замѣтимъ постоянное уменьшеніе симметричныхъ частей и размноженіе несимметричныхъ. Одна крайность отличается тѣмъ, что у нея мало отправленій и много однородныхъ агентовъ для каждаго отправленія; другая имѣетъ много отправленій и мало однородныхъ исполнителей для каждаго дѣла. Зрительный аппаратъ мухи состоитъ изъ двухъ группъ неподвижныхъ хрусталиковъ, насчитывающихъ до 20.000 однородныхъ частей. Каждый изъ этихъ двадцати тысячъ хрусталиковъ воспроизводитъ образъ, но его поле зрѣнія чрезвычайно ограниченно и самъ онъ не имѣетъ никакого приспособленія къ различнымъ разстояніямъ; поэтому образы, полученные при такихъ условіяхъ, должны быть очень не совершенны. Въ то же время млекопитающее имѣетъ всего два глаза, но каждый изъ нихъ обладаетъ многочисленными принадлежностями. Онъ снабженъ хрусталикомъ, составленнымъ изъ соединенныхъ вмѣстѣ разнородныхъ слоевъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особую форму и особое отправленіе. Эти слои способны измѣнять фокусъ зрѣнія. Существуютъ мускулы, которые способны направлять глаза направо и налѣво, опускать внизъ и поднимать вверхъ. Существуетъ занавѣска (раекъ или радужная оболочка), соразмѣряющая количество свѣта, какое слѣдуетъ впускать въ

глазъ. Существуетъ железа для отдѣленія слезъ. Существуетъ каналъ, слезный мѣшокъ и слезные протоки для орошенія глаза смягчающей жидкостью и для истока слезъ. Существуетъ вѣко для обтиранія глаза и рѣсницы—для его защиты при приближеніи посторонняго тѣла. Контрастъ этихъ двухъ родовъ зрительнаго аппарата указываетъ на различіе между высшимъ и низшимъ типомъ организаціи. Если мы разсмотримъ тотъ остовъ, какой необходимъ для поддержанія тканей организма, то найдемъ, что Annelida (напр., обыкновенный червякъ) имѣетъ для этого многочисленный рядъ колецъ. Myriapoda, слѣдующія непосредственно за Annelida, имѣютъ кольца менѣе многочисленныя и болѣе твердыя. У Myriapoda высшихъ разрядовъ они составляютъ уже небольшое число твердыхъ сегментовъ. У насѣкомыхъ сліяніе это пошло еще далѣе. Подобныя же измѣненія можно замѣтить въ черепокожныхъ: низшія ихъ формы устроены по типу стоножки; высшія (крабъ) покрыты почти одной сплошной массой. Говоря объ этихъ перемѣнахъ, профессоръ Джонсъ прибавляетъ: «Если мы будемъ разсматривать прогрессивное развитіе этого класса, то найдемъ тутъ повидимому повтореніе даже тѣхъ переходныхъ формъ—скорпіона и паука—которыя составляли звенья между Annelida и Myriapoda, и между этими послѣдними и насѣкомыми». Такія измѣненія внѣшняго скелета совершенно параллельны измѣненіямъ скелета внутренняго. Позвонки многочисленны у рыбъ и змѣеобразныхъ пресмыкающихся. Ихъ менѣе у высшихъ пресмыкающихся, еще менѣе у четвероногихъ и всего менѣе у человѣка. Въ то время, какъ число позвонковъ уменьшается, ихъ отправленія и принадлежности дѣлаются болѣе разнообразными; тогда какъ у угря напр. они приблизительно всѣ равны. То же самое можно сказать объ органахъ перемѣщенія. Оконечности у морского ежа и присоски морской звѣзды многочисленны, точно такъ же, какъ и оконечности стоножки. У ракообразныхъ число ногъ уменьшается до четырнадцати, двѣнадцати и десяти; у паукообразныхъ и насѣкомыхъ до восьми и шести; у низшихъ млекопитающихся оно доходитъ до четырехъ и наконецъ у человѣка—до двухъ. Аналогическія свойства имѣетъ и постепенное измѣненіе пищеварительной полости. На самыхъ низшихъ ступеняхъ она представляетъ простой мѣшокъ съ однимъ отверстіемъ. Затѣмъ слѣ-

дуетъ форма трубки съ двумя отверстіями, имѣющими различное назначеніе. У низшихъ животныхъ эта трубка состоитъ отъ начала до конца изъ одного всасывающаго аппарата, это—соединеніе равныхъ частей; у болѣе высшихъ она видоизмѣняется и состоитъ уже изъ частей неодинаковыхъ; отправленіе пищеваренія подраздѣлено здѣсь на нѣсколько степеней и части пищеварительнаго аппарата имѣютъ уже разное устройство, приспособленное къ различнымъ, встрѣчающимся при этомъ, отправленіямъ. Даже классификація, на основаніи которой человѣкъ составляетъ отрядъ двурукихъ и отличается отъ ближайшихъ къ нему четырерукихъ—указываетъ на такое уменьшеніе числа органовъ съ одинаковыми формами и отправленіями.

Въ развитіи общества мы видимъ точно такой же переходъ отъ соединенія однородныхъ частей къ подраздѣленіямъ на разнородныя, точно такое же постоянное возрастаніе въ распредѣленіи отправленій. Первобытный общественный организмъ весь состоитъ изъ повторенія одного и того же элемента. Каждый человѣкъ въ одно и то же время и воинъ и охотникъ, и рыбакъ, и строитель, и земледѣлецъ, и ремесленникъ. Каждая часть общества несетъ тѣ же самыя обязанности, что и всякая другая; тутъ дѣла идутъ точно такъ же, какъ въ тѣлѣ полипа, гдѣ каждая часть есть въ одно и то же время и желудокъ, и кожа, и легкія. Даже начальники, у которыхъ впервые является наклонность къ раздѣленію занятій, въ экономическомъ отношеніи сохраняютъ свое сходство съ прочими. На слѣдующей степени соціальныя единицы раздѣляются на незначительное число классовъ—солдатъ, священниковъ и земледѣльцевъ. Дальнѣйшій прогрессъ раздѣляетъ земледѣльцевъ на различныя касты съ разнородными занятіями, какъ у индійцевъ. Едва ли есть надобность въ дальнѣйшихъ примѣрахъ: читателю самому извѣстно, что переходъ отъ этихъ низшихъ типовъ общества къ нашему болѣе сложному и совершенному типу носитъ на себѣ тотъ же самый характеръ. Читатель такъ же самъ замѣтитъ, какъ до сихъ поръ продолжается собраніе однородныхъ частей въ извѣстныхъ центрахъ—напр. извѣстнаго рода производства въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, какъ размножаются агенты съ отдѣльными отправленіями и все дальше и дальше идетъ раздѣленіе труда.

Знаменательный для этой аналогіи фактъ представляетъ то обстоятельство, что общества низшаго и высшаго устройства точно такъ же различаются другъ отъ друга степенью своей чувствительности, какъ и животныя, отличающіяся большимъ или меньшимъ совершенствомъ организаціи. Отличительная способность низшихъ организмовъ, дающая имъ возможность жить послѣ того, какъ они разрѣзаны на части, вытекаетъ именно изъ единообразія и несложности ихъ состава. Если полипа разрѣзать на нѣсколько частей, то каждая часть разрастается снова въ цѣлаго полипа. Этимъ очевидно доказывается, что каждая изъ этихъ частей имѣетъ всѣ органы, необходимые для жизни; подобное же устройство каждой части возможно лишь подъ условіемъ воспроизводимости такихъ органовъ во всѣхъ мѣстахъ первоначальнаго организма. Наоборотъ, отдѣльный членъ болѣе высшаго существа не можетъ жить, потому что не заключаетъ въ себѣ всѣхъ условій, необходимыхъ для жизни. Онъ по отношенію къ питанію, къ нервной энергіи, къ окисленію и т. п. зависитъ отъ всѣхъ прочихъ частей того тѣла, отъ котораго его отдѣлили. Первобытныя и позднѣйшія формы общества точно такъ же отличаются другъ отъ друга какъ въ своемъ устройствѣ, такъ и въ отношеніи чувствительности къ поврежденіямъ. Дикое племя можетъ раздѣляться и подраздѣляться съ незначительными неудобствами или даже вовсе безъ всякихъ неудобствъ для каждой отдѣльной части. Каждая изъ этихъ частей, заключая въ себѣ всѣ элементы цѣлаго, можетъ точно такъ же вполнѣ удовлетворять своимъ потребностямъ и очень скоро принимаетъ простую организацію независимаго племени. Напротивъ, въ обществѣ, подобномъ нашему, ни одна часть не можетъ быть отрѣзана или повреждена безъ того, чтобы отъ этого не пострадали всѣ остальныя. Уничтожьте органъ, назначенный для распредѣленія предметовъ потребленія,—и значительная часть остальныхъ подвергнется смерти прежде, чѣмъ другой подобный же органъ будетъ въ состояніи развиться. Отдѣлите внезапно фабричное населеніе отъ земледѣльческаго, одно тотчасъ же погибнетъ, а другое будетъ долго влачить бѣдственное существованіе. Эту взаимную зависимость можно видѣть каждый день въ коммерческихъ оборотахъ: тяжелое положеніе фабричныхъ рабочихъ, хотя и временное, тотчасъ же от-

зывается стѣсненіями на торговомъ рынкѣ колоніальныхъ произведеній въ Лондонѣ и Ливерпулѣ: торговля лавочниковъ дѣлается тихою или оживленною, смотря по урожаю пшеницы; болѣзнь картофеля можетъ разорить извѣстныя отрасли промышленности.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ убѣжденію, что аналогіи между обществомъ и живымъ существомъ не только вполнѣ оправдываются, но къ нимъ примѣняется одинъ и тотъ же законъ жизни. Соединеніе многихъ людей въ одно общество,—постоянно возрастающая взаимная зависимость отдѣльныхъ членовъ, которые сначала были совершенно самостоятельны,—постепенное раздѣленіе гражданъ на отдѣльныя части, съ различными помогающими другъ другу отправленіями,—составленіе одного цѣлаго, со многими существенными для его жизненной дѣятельности частями,—развитіе организма, въ которомъ нельзя повредить одной части безъ того, чтобы не нанести чувствительнаго удара всѣмъ остальнымъ,—вотъ явленія закона индивидуализаціи. Развитіе общества, точно такъ же, какъ и развитіе человѣка и всякаго рода живыхъ созданій, направляется къ индивидуализаціи,—къ тому, чтобы представлять нѣчто цѣлое, отдѣльное и законченное. При правильномъ пониманіи разнородныхъ формъ совершающагося кругомъ насъ прогресса, мы увидимъ, что онъ единообразно характеризуется этимъ именно направленіемъ.

Если мы снова обратимся къ нашей исходной точкѣ,—къ положенію, что общественные и частные интересы по существу своему однородны, то должны, придти къ слѣдующему убѣжденію: они только тогда могутъ найти для себя наиболѣе полное удовлетвореніе, когда существуетъ самая тѣсная жизненная связь между обществомъ и его членами. Если бы заключенія относительно этой аналогіи, построенныя на только-что изложенныхъ основаніяхъ, показались неудовлетворительными, то ихъ можно подкрѣпить указаніями на гармонію, въ которой они находятся съ заключеніями, выведенными изъ ежедневнаго опыта. Если человѣкъ станетъ наблюдать реакціи, которыми сопровождаются нарушенія справедливости, и затѣмъ обдумаетъ отношенія, въ которыхъ онъ находится къ политическому тѣлу;—если онъ пойметъ, что тѣло это имѣетъ извѣстнаго рода жизнь и подвергается та-

кимъ же законамъ роста, организаціи и чувствительности, какъ и всякіе другіе организмы;—если онъ убѣдится, что одно и то же жизненное начало проникаетъ какъ его существо такъ и существо общества, что съ одной стороны здоровье общества зависитъ отъ того, какъ онъ выполняетъ свои отправленія, а съ другой—его личное счастье находится въ зависимости отъ правильности, съ которою дѣйствуетъ каждый органъ соціальнаго тѣла,—къ такомъ случаѣ, говоримъ мы, человѣкъ неизбѣжно долженъ убѣдиться, что его собственное благосостояніе и благосостояніе всѣхъ вообще людей—нераздѣльны. Онъ тогда увидитъ, что все то, что доводитъ до болѣзненнаго состоянія одну какую-либо составную часть общества, неизбѣжно вредитъ всѣмъ другимъ частямъ. Онъ пойметъ, что его собственная жизнь сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ей слѣдуетъ быть, только тогда, когда все общество придетъ къ нормальному устройству. Онъ проникнется благотворной истиной, что никто не можетъ пользоваться полной свободой до тѣхъ поръ, пока не будутъ свободны всѣ,—никто не можетъ быть вполнѣ нравственнымъ, пока всѣ не будутъ нравственны, и что ни для кого недоступно полное счастье до тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ счастливы.

ГЛАВА XXXI.

Общій итогъ.

§ 1. Подведя итогъ тѣмъ доводамъ, какіе приведены въ этомъ сочиненіи въ пользу нашего ученія о естественной справедливости, читатель будетъ въ состояніи придти къ окончательному заключенію.

Съ какой бы стороны мы ни начали наше изслѣдованіе, всѣми путями, мы приходимъ къ тому принципу, изъ котораго развито настоящее ученіе;—этотъ фактъ имѣетъ первенствующее значеніе и всего болѣе говоритъ въ пользу нашей теоріи. Если мы обратимся къ апріорическому изслѣдованію единственныхъ условій, при которыхъ возможно осуществленіе божественной идеи наибольшаго счастья, то найдемъ, что первое изъ нихъ состоитъ въ необходимости сообразоваться съ закономъ равной свободы (гл. III). Обращаясь къ устройству человѣка и разсматривая средства, которыми онъ можетъ достигнуть наибольшаго счастья, мы скоро придемъ къ тому же самому условію: пользуясь этими средствами, человѣкъ не можетъ достигнуть своей цѣли, пока не будетъ соблюдать закона равной свободы (гл. IV). При дальнѣйшемъ анализѣ мы находимъ, что выполненіе закона равной свободы обезпечивается извѣстными способностями, предназначенными именно для этой цѣли (гл. V). Наконецъ, вникая въ явленія цивилизаціи, мы видимъ, что она заключается въ процессѣ приспособленія, который можетъ прекратиться только тогда, когда люди будутъ инстинктивно слѣдовать закону равной свободы (гл. II). Къ этимъ положительнымъ доказательствамъ присоединяются отрицательныя: отрицать законъ равной свободы значитъ впадать въ нелѣпости (гл. VI).

§ 2. Далѣе нашъ взглядъ подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что прежнія теоріи, оказывающіяся несостоятельными, поглощаются этимъ ученіемъ, такъ какъ часть истины, которая въ нихъ заключалась, входитъ въ настоящее наше воззрѣніе. Достиженіе наибольшаго счастья, хотя и не можетъ почитаться руководительнымъ началомъ для человѣческой дѣятельности, но все-таки составляетъ настоящую цѣль нравственности, если ее разсматривать съ божеской точки зрѣнія. Въ такомъ видѣ истина эта вошла въ нашу систему (гл. III). Принципъ нравственнаго чувства также основанъ на явленіи дѣйствительности, хотя тѣ, которые его защищали, и не умѣли сдѣлать изъ него надлежащаго примѣненія; онъ, при правильномъ истолкованіи, приводитъ въ гармонію повидимому противоположныя убѣжденія и соединяется съ ними для произведенія полнаго цѣлаго. Прибавьте къ этому, что философія, излагаемая въ настоящемъ трактатѣ, принимаетъ въ себя и даетъ дальнѣйшее приложеніе ученію Адама Смита о симпатіи (гл. V, § 5) и наконецъ вполнѣ развиваетъ ученіе кольриджа объ «Идеѣ жизни» (гл. XXX, § 12).

§ 3. Въ пользу этого ученія говоритъ также то обстоятельство, что оно придаетъ научный видъ различнымъ руководительнымъ принципамъ ходячей морали и обобщаетъ ихъ со многими менѣе распространенными ученіями въ одно общее цѣлое. Мы должны руководиться несомнѣнными выводами изъ доказаннаго основного принципа, а не разсужденіями о томъ, производитъ ли убійство вообще несчастье или нѣтъ? Полезно или вредно воровство? Какое вліяніе на общественное благосостояніе имѣетъ рабство? Мы не можемъ довольствоваться результатами такихъ сложныхъ и неточныхъ изслѣдованій, какъ не можемъ руководиться спорными рѣшеніями нравственнаго чувства, предоставленнаго самому себѣ. Такими выводами изъ основного принципа установляются не только главныя правила справедливаго порядка и надлежащаго поведенія въ отношеніяхъ супружескихъ и родительскихъ: основной принципъ даетъ косвеннымъ образомъ ясные отвѣты относительно надлежащаго устройства правительства, его обязанностей и предѣловъ его дѣятельности. Онъ указываетъ на кратчайшіе и легко распознаваемые пути для выхода изъ безконечнаго лабиринта спорныхъ вопросовъ.

касающихся политики и различныхъ общественныхъ мѣръ. Заключенія, къ которымъ онъ приводитъ, подтверждаются обильными данными, взятыми изъ опыта. Опытъ этотъ доказываетъ ошибочность рѣшеній, основанныхъ на утилитарныхъ соображеніяхъ, а многочисленные аргументы, подтверждающіе выводы изъ основного принципа по поводу каждаго отдѣльнаго вопроса, показываютъ его превосходство. Система этики, синтетическимъ путемъ развитая изъ этого основного принципа, имѣетъ всѣ свойства точной науки. Она примѣняется къ обширному кругу человѣческихъ обязанностей, причемъ употребляетъ процессъ измѣренія весьма схожій съ геометрическимъ: процессъ этотъ состоитъ въ опредѣленіи равенства и неравенства нравственныхъ величинъ (гл. VII, § 1 и 2). Такая точность даетъ ей еще большее право на наше довѣріе.

§ 4. Предписанія нравственнаго закона, которыя здѣсь разъяснены, совпадаютъ съ законами политической экономіи и предвосхищаютъ ихъ. Политическая экономія учитъ насъ, что всякія ограниченія вредны для промышленности; нравственный законъ объявляетъ ихъ несправедливыми (гл. XXIII). Политическая экономія объясняетъ намъ, что насильственная торговля съ колоніями приводитъ къ убытку; нравственный законъ не дозволяетъ такой торговли (гл. XXVII). Политическая экономія утверждаетъ, что спекулиторамъ слѣдуетъ давать полную свободу дѣйствія на рынкѣ, гдѣ производится торгъ предметами первой необходимости; законъ равной свободы точно такъ же вооружается противъ ходячаго мнѣнія о необходимости въ этомъ случаѣ ограниченій, утверждая, что они въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію, и признаетъ всякое вмѣшательство въ ихъ дѣйствія несправедливымъ. Политическая экономія считаетъ вреднымъ наказывать ростовщиковъ; законъ равной свободы признаетъ подобныя наказанія нарушеніемъ правъ и воспрещаетъ ихъ. Политическая экономія доказываетъ, что машины приносятъ народу болѣе пользы, чѣмъ вреда; законъ равной свободы воспрещаетъ всякія покушенія къ ограниченію ихъ употребленія. Политическая экономія приходитъ къ положительному выводу, что заработную плату и цѣны на товары нельзя регулировать искусственнымъ образомъ; изъ закона равной свободы выводится прямое заключеніе, что всякая искус-

ственная регламентація въ этомъ отношеніи недозволительна съ нравственной точки зрѣнія. Политическая экономія учитъ насъ, что наименѣе вредная подать есть прямая; вмѣстѣ съ тѣмъ законъ равной свободы не протестуетъ безусловно противъ однихъ только прямыхъ налоговъ (гл. XIX, § 2). Заключеніе политической экономіи совпадаютъ съ предписаніями этого закона и во многихъ другихъ случаяхъ; напр. относительно вреда всякаго вмѣшательства въ обращеніе денежныхъ знаковъ, относительно безполезности попытокъ постояннаго поощренія какого-либо занятія насчетъ другихъ, относительно неумѣстности законодательнаго вмѣшательства въ способы и пріемы фабричнаго производства. Болѣе простые выводы изъ основныхъ началъ нравственности предупредили и сдѣлали излишними для практическихъ цѣлей тщательно выработанные аргументы Адама Смита и его послѣдователей. Фактъ этотъ намъ невозможно будетъ оцѣнить надлежащимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдимся, что выводы политической экономіи справедливы только потому, что заключаютъ въ себѣ предписанія нравственнаго закона, до которыхъ ученые дошли окольнымъ путемъ.

§ 5. Наше ученіе, сверхъ того, заключаетъ въ себѣ еще философію цивилизаціи. Съ научно-нравственной точки зрѣнія оно игнорируетъ зло, но съ психологической оно показываетъ путь исчезновенія зла. Постановляя отвлеченныя правила человѣческаго поведенія, оно предполагаетъ людей совершенными,—оно заключаетъ въ себѣ законъ этого совершенства; въ то же время, разъясняя смыслъ нравственныхъ явленій, это ученіе показываетъ, почему люди ведутъ себя именно такъ, какъ мы это видимъ въ дѣйствительности, и почему процессъ, чрезъ который прошло человѣчество, былъ необходимъ.

Мы показали, что если бы первобытный человѣкъ по устройству своему былъ способенъ оцѣнить принципы истинной справедливости и сообразоваться съ ними, то способность эта не только принесла бы вредъ, но даже оказалась бы гибельною (гл. XXX, § 2). Мы разъяснили, что, въ силу закона приспособленія, способности, соотвѣтствующія этимъ принципамъ, начинаютъ развиваться тотчасъ, какъ только вызываются условіями существованія. Самыя выдающіяся явленія прогресса указываютъ на постоянное развитіе та-

кихъ способностей. Во многихъ мѣстахъ мы показали, что господство этихъ послѣднихъ должно предшествовать осуществленію совершеннаго состоянія общества. Указано было такъ же вліяніе, которое обезпечитъ за ними окончательное господство (гл. II).

Одна сторона ученія выясняетъ единственныя условія, при которыхъ возможно осуществленіе божественной идеи и не обращаетъ вниманія на недостатки человѣчества; другая— указываетъ на душевныя способности, необходимыя для выполненія этихъ условій, объясняетъ, въ чемъ заключается существо цивилизаціи, почему она была необходима и приводитъ самыя крупныя ея черты.

§ 6. Въ заключеніе были приведены доказательства того, что нравственная истина лишь дальнѣйшее развитіе истины физіологической, и нравственный законъ—просто законъ всесторонней, совершенной жизни. Неоднократно было указано, что смерть есть окончательное прекращеніе упражненія способностей; все, что прекращаетъ ихъ дѣятельность о т ч а с т и, производитъ с т р а д а н і е и л и ч а с т н у ю с м е р т ь; только просторъ для полной дѣятельности дѣлаетъ жизнь полною. Такимъ образомъ первое условіе жизни есть свобода упражнять свои способности; развитіе этой свободы до крайнихъ предѣловъ возможнаго представляетъ условіе наибольшей жизни; отсюда слѣдуетъ, что свобода каждаго, ограниченная т о л ь к о равной свободой всѣхъ остальныхъ, есть условіе полной жизни въ примѣненіи ко всему человѣчеству.

Все это справедливо не только по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, изъ которыхъ состоитъ родъ человѣческій, но и по отношенію къ цѣлымъ обществамъ. Жизненная сила, какая обнаруживается въ обществѣ, носитъ на себѣ высокій или низкій типъ, смотря по тому, насколько въ немъ выполняются только-что упомянутыя условія. Читатель могъ изъ нашего послѣдняго анализа самъ вывести заключеніе, что высшіе типы соціальной организаціи, которые характеризуются взаимной зависимостью отдѣльныхъ частей, возможны только въ томъ случаѣ, когда между этими послѣдними существуетъ взаимное довѣріе; они возможны, слѣдовательно, только тогда, когда люди поступаютъ другъ съ другомъ справедливо, т. е. когда они повинуются закону равной свободы.

При широкомъ обобщеніи, законъ равной свободы можно признать существеннымъ закономъ природы, основнымъ требованіемъ для существованія личнаго и общественнаго; это законъ, при которомъ отдѣльный гражданинъ можетъ достигнуть полной жизни и въ то же время жизненная основа общественнаго организма въ буквальномъ, а не въ иносказательномъ смыслѣ этого слова: это законъ, которымъ завершается индивидуализація человѣка и общества, законъ того состоянія, къ которому стремится міръ.

§ 7. Припомнивъ весь ходъ аргументаціи, читатель соберетъ въ одномъ фокусѣ тѣ лучи, которые должны разъяснить ему настоящій видъ дѣла и разсѣять всѣ сомнѣнія, сохранившіяся въ его душѣ. До нашего основного принципа мы доходимъ различными, независимыми другъ отъ друга путями. Принципъ этотъ создастъ одну систему и соединяетъ въ одно цѣлое теоріи, повидимому противоположныя или независимыя другъ отъ друга. Онъ не только придастъ научное значеніе руководящимъ началамъ нравственности, но соединяетъ ихъ въ одномъ обобщеніи съ законами о государственныхъ обязанностяхъ. Его предписанія оказываются согласными съ ученіями политической экономіи. Цивилизація представляется съ этой точки зрѣнія развитіемъ существа, способнаго сообразоваться съ нашимъ принципомъ. Въ качествѣ закона совершенной жизни, онъ связанъ съ тѣми физическими законами, высшимъ проявленіемъ которыхъ служитъ жизнь. Наконецъ оказывается, что онъ отличается такимъ многосложнымъ средствомъ *именно потому*, что лежитъ въ основаніи жизненныхъ проявленій.

ГЛАВА XXXII.

Заключеніе.

§ 1. Необходимо сказать еще нѣсколько словъ для того, чтобы пояснить то положеніе, въ которое намъ слѣдуетъ стать по отношенію къ изложенному ученію. Найдется вѣроятно не мало людей, которые будутъ усердно изыскивать «уважительныя причины» для избѣжанія стѣсненій, постановляемыхъ нашимъ нравственнымъ закономъ. Старинная привычка возвращаться къ утилитарнымъ соображеніямъ покажетъ свое вліяніе. Привычка эта существовала у людей задолго до хвалебныхъ ей гимновъ Паллея. Мы доказали, что въ поступкахъ своихъ нельзя руководствоваться расчетомъ могущихъ изъ нихъ произойдти послѣдствій; мы объяснили всю ничтожность увѣреній, будто всякое правило, какъ бы оно хорошо ни было, должно имѣть случайныя исключенія (лемма II); а все-таки можно ожидать дальнѣйшаго восхваленія неповиновенія основному закону съ точки зрѣнія «политики». Въ числѣ другихъ предлоговъ для сложенія съ себя нравственныхъ обязанностей, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ приводиться и то обстоятельство, что совершенный нравственный кодексъ, по нашему собственному сознанію, невыполнимъ для несовершеннаго человѣка, и что, слѣдовательно, въ настоящее время нужно руководиться какимъ-нибудь другимъ кодексомъ. Но всей вѣроятности будутъ утверждать, что въ настоящее время нужно направлять свою дѣятельность не къ тому, что справедливо съ теоретической точки зрѣнія, но къ тому, что при современной обстановкѣ наиболѣе удобоисполнимо. Не обойдется и безъ такихъ увѣреній, что поведеніе, которое при настоящихъ обстоятель-

ствахъ производитъ всего болѣе добра, правильно, если не безусловно, то, по крайней мѣрѣ, относительно, и, стало быть, съ этой точки зрѣнія для нашего времени такъ же обязательно, какъ и выполненіе отвлеченнаго закона. Можетъ быть скажутъ еще, что внезапное преобразованіе общества на основаніи принциповъ чистой этики должно породить бѣдственные результаты, пока природа человѣка такова, какою мы ее видимъ теперь; и что, слѣдовательно, нужно соблюдать нѣкоторую осторожность въ примѣненіи нравственныхъ правилъ. Этимъ путемъ утилитарные взгляды возвратятся, если не въ качествѣ безусловнаго основного закона, то, по крайней мѣрѣ, какъ временныя руководящія правила. Разсмотримъ все это подробнѣе.

§ 2. Повидимому вполнѣ основательно утверждать, что для несовершеннаго человѣка необходимъ нравственный кодексъ, который бы признавалъ его несовершенства. На дѣлѣ это однако же не такъ. Вѣдь такой кодексъ долженъ отличаться отъ совершеннаго только тѣмъ, что предписанія его будутъ менѣе строги. Цѣль заключается въ измѣненіи совершенныхъ правилъ такимъ образомъ, чтобы выполненіе ихъ сдѣлалось возможнымъ для существующихъ людей; другими словами — нужно выпустить самыя строгія предписанія. Вмѣсто того, чтобы говорить: «не нарушайте вовсе закона», предполагается примѣниться къ человѣческой слабости и сказать: «нарушайте его только въ такихъ-то и такихъ-то случаяхъ». Въ такомъ видѣ это предложеніе осуждаетъ само себя: оно хочетъ сдѣлать нравственными поступки, которые по его собственному сознанію безнравственны.

Оставляя это въ сторонѣ, разсмотримъ преимущества, которыя могли бы произойдти отъ такого послабленія. Можно ли предполагать, что люди будутъ вполнѣ придерживаться своихъ обязанностей, если мы отбросимъ самую трудную ихъ часть? Едва ли. Обыкновенно никакое выполненіе не доходитъ до предположенной цѣли. Слѣдовательно, поставить цѣль на одинъ уровень съ возможностью значитъ сдѣлать дѣйствительное выполненіе ниже возможнаго. Развѣ можетъ произойти зло отъ усилій достигнуть вполнѣ той нравственности, которая въ настоящее время доступна намъ только отчасти? Конечно, нѣтъ; вѣдь и самый прогрессъ есть только результатъ постоянныхъ усилій къ достиженію того, что лежитъ

за предѣлами нашей возможности. Гдѣ необходимость предлагаемыхъ измѣненій? Наша неспособность сама дастъ о себѣ знать, и въ дѣйствительной жизни нашъ нравственный кодексъ будетъ ослабленъ именно настолько, насколько велика эта неспособность. Если люди въ настоящее время не могутъ слѣдовать закону, то, значитъ, они не въ силахъ такъ поступать—вотъ и все тутъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, будто мы должны сдѣлать сколокъ съ ихъ неспособности и опредѣлить, что для нихъ возможно и что нѣтъ. Мы не были бы въ состояніи сдѣлать ничего подобнаго даже и тогда, когда бы это было желательно. Только опытъ можетъ показать, въ какой степени каждая личность въ состояніи сообразоваться съ закономъ. Степень возможности въ этомъ случаѣ для каждаго человѣка иная и опредѣленія, сдѣланныя для одного, не будутъ годиться для всѣхъ вообще. Если бы можно было установить средній уровень для извѣстнаго времени, то онъ оказался бы негоднымъ для времени, непосредственно за тѣмъ слѣдующаго. Ясно, что невозможно создать систему нравственности, которая принимала бы въ соображеніе современное несовершенство: а если бы такая возможность и представлялась, то подобная система была бы безполезна.

§ 3. Люди, которые въ видахъ «политики» дозволяютъ себѣ небольшое отступленіе отъ закона, нерѣдко утверждаютъ, что ихъ побудило къ тому желаніе дѣйствовать практично. Такимъ людямъ слѣдовало бы внимательнѣе взвѣшивать свои слова. Подъ словомъ «практично» нужно подразумѣвать образъ дѣйствія, который приводитъ къ полезнымъ результатамъ: предполагается, что планъ, который характеризуется этимъ словомъ, вообще по своимъ послѣдствіямъ болѣе полезенъ, чѣмъ тѣ, которымъ онъ противополагается. Но вѣдь то, что мы называемъ нравственнымъ закономъ, заключаетъ въ себѣ постановленіе условій для полезныхъ дѣйствій. Законъ этотъ вытекаетъ изъ основной сущности вещей: онъ указываетъ рядъ тѣхъ ограниченій, съ которыми необходимо сообразоваться для достиженія наибольшаго счастья. Переступать за эти границы значитъ не обращать вниманія на естественную необходимость,—значитъ бороться противъ устройства природы. Предположеніе, будто возможно нарушать нравственный законъ, для того чтобы

слѣдовать практическому образу дѣйствія, — равносильно утвержденію, что ради пользы мы должны переступать за тѣ предѣлы, въ которыхъ исключительно возможно достиженіе этой пользы.

Предполагать, будто мы въ состояніи что-нибудь основательно придумать, устроить или и вовсе передѣлать, не понимая существенныхъ условій успѣха,—или пренебрегая этими послѣдними, когда они намъ извѣстны,—это такая нелѣпая мысль, что хуже трудно что-нибудь себѣ представить! Въ полѣ и мастерской мы обнаруживаемъ гораздо болѣе здраваго смысла. Въ этого рода дѣлахъ мы не игнорируемъ свойства предметовъ, съ которыми имѣемъ дѣло. Вѣсъ, подвижность, инерція, сцѣпленіе—все это силы, всѣми признанныя: онѣ признаются существенными принадлежностями матеріи и въ тѣхъ случаяхъ, когда о нихъ не имѣютъ научнаго понятія. Пренебрегать ими способенъ только самый безнадежный дуракъ. Въ области же нравственности и законодательства мы дѣйствуемъ такъ, какъ будто вещи не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ свойствъ и принадлежностей. Мы не стараемся обобщить разнородныя явленія человѣческой природы и опредѣлить законы, по которымъ она дѣйствуетъ, и мы не пытаемся примѣняться къ нимъ въ своихъ поступкахъ. Мы не спрашиваемъ о томъ, въ чемъ заключается жизнь, изъ чего собственно должно состоять счастье, и не стараемся направить наши мѣры согласно съ правильными взглядами на эти предметы. А между тѣмъ развѣ можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что существуютъ касательно человѣка, его жизни и счастья извѣстныя элементарныя истины, которыя, само собою разумѣется, должны лечь въ основаніе всякаго справедливаго образа дѣйствія? Развѣ мы не видимъ, что надлежащее отправленіе всякой способности постоянно доставляетъ удовлетвореніе? Развѣ каждая способность не развивается отъ упражненія и не чахнетъ отъ бездѣятельности? Развѣ результатъ всякаго законодательства и всякой культуры не зависитъ прежде всего отъ степени вниманія, которое обращается на эти факты? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нужно сперва узнать, изъ чего состоитъ общество, и потомъ уже предлагать мѣры для его блага. Этого требуетъ благоразуміе. Природа человѣка постоянна или нѣтъ? Почему она постоянна или почему не постоянна? Всегда ли

она одинакова въ своемъ существѣ? Если такъ, то въ чемъ заключаются ея постоянныя свойства? Или, быть можетъ, она измѣнчива? Въ такомъ случаѣ, въ чемъ заключается существо измѣненій, которымъ она подвергается? Что изъ нихъ выходитъ и почему? Ясно, что прежде, чѣмъ мы примемъ какую-либо практическую мѣру, слѣдуетъ дать себѣ опредѣленные отвѣты на эти вопросы. Результатъ такихъ мѣръ не можетъ быть дѣломъ случайности. Ихъ успѣхъ или неуспѣхъ будетъ зависѣть отъ степени ихъ согласія съ извѣстными постоянными законами существованія. Не безуміе ли послѣ этого игнорировать эти законы? Начать съ двѣнадцатой книги, еще не познакомившись съ аксіомами, неужели это «практично»?

§ 4. Но вѣдь мы въ настоящее время неспособны вполнѣ выполнять совершенный законъ, наша неспособность порождаетъ необходимость извѣстныхъ добавочныхъ правилъ; не оправдываются ли эти добавочныя правила съ нравственной точки зрѣнія, во имя ихъ благодѣтельнаго вліянія? Отмѣнить эти правила на томъ основаніи, что они несогласны съ отвлеченной нравственностью, было бы вредно; не слѣдуетъ ли имъ поэтому придавать въ настоящее время болѣе значенія, чѣмъ самому нравственному закону?—Не слѣдуетъ ли предпочитать *относительную* справедливость *безусловной*?

Вопросы эти самоувѣренно требуютъ для себя утвердительныхъ отвѣтовъ,—требованіе не лишенное дерзости. Совершенно несправедливо, будто наибольшая приспособленность учрежденій къ извѣстному времени придаетъ имъ авторитетность во имя этого приспособленія. Авторитетность такихъ учрежденій не самостоятельная, а случайная и зависимая. Если имъ слѣдуетъ оказывать какое-либо уваженіе, то уваженіемъ этимъ они обязаны только тому, что отчасти выражаютъ собою нравственный законъ. Всю пользу, какую они приносятъ, слѣдуетъ приписать тому, что они, хотя далеко не въ надлежащемъ размѣрѣ, но все же вынуждаютъ выполненіе нравственнаго закона. Разсмотрите въ существѣ преимущества, доставляемыя подобнымъ учрежденіемъ. Польза каждаго установленія состоитъ въ томъ, что оно помогаетъ людямъ достигать счастья. Счастье состоитъ въ надлежащей дѣятельности способностей. Слѣдовательно, установленіе, при-

направленное къ извѣстному времени, должно тѣмъ или другимъ путемъ обезпечивать людямъ возможно большія удобства при упражненіи своихъ способностей, давать имъ возможно большую свободу въ этомъ отношеніи,—т. е. такое преимущество, какого невозможно было бы достигнуть безъ подобнаго учрежденія. Если, напримѣръ, говорится, что для извѣстнаго народа деспотизмъ въ данное время представляетъ лучшую политическую форму, то это значитъ, что при деспотическомъ правительствѣ дѣятельность его способностей менѣе ограничена, чѣмъ она была бы при анархическомъ состояніи, порожденномъ всякимъ другимъ образомъ правленія. Слѣдовательно, деспотизмъ дастъ такому народу большую свободу для упражненія способностей, чѣмъ какая могла бы существовать въ его средѣ безъ такого начала. На томъ же самомъ предположеніи основаны всѣ похвалы, расточаемыя ограниченіямъ по отношенію къ праву на подачу голоса, учрежденію цензуры, установленію паспортовъ и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣло сводится къ тому, что ограниченія эти необходимы для сохраненія общественнаго порядка; что съ ихъ уничтоженіемъ начнется разложеніе общества и всеобщее нарушеніе всякихъ человѣческихъ правъ; словомъ—къ убѣжденію, что законъ равной свободы менѣе нарушается при этихъ ограниченіяхъ, чѣмъ онъ нарушался бы безъ нихъ.

Итакъ, если единственнымъ извиненіемъ для всѣхъ этихъ временно-полезныхъ мѣръ служитъ то обстоятельство, что онѣ болѣе всякихъ другихъ способствуютъ выполненію нравственнаго закона, то мѣры эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены выше такого закона; авторитетъ этого послѣдняго относится къ ихъ авторитету точно такъ же, какъ авторитетъ господина къ авторитету слуги. Учрежденіе, которое служитъ цѣлямъ извѣстнаго закона, настолько же должно быть ниже его, насколько проводникъ силы ниже источника этой послѣдней, насколько орудіе ниже того, кто имъ управляетъ. Учрежденіе это должно покоряться закону точно такъ же, какъ агентъ своему довѣрителю.

Здѣсь мы должны замѣтить, что избѣгнемъ многихъ недоразумѣній, если станемъ употреблять слова «такъ слѣдуетъ», «справедливо» только въ настоящемъ ихъ смыслѣ, т. е. лишь для обозначенія поведенія, согласнаго съ чистой

нравственностью. Справедливость, прямота по отношенію къ поступкамъ—то же, что прямизна по отношенію къ линіямъ: не можетъ быть двухъ родовъ справедливыхъ поступковъ, какъ не можетъ быть двухъ родовъ прямыхъ линій. Если мы хотимъ избѣгнуть двусмысленности въ нашихъ заключеніяхъ, то должны употреблять терминъ, обозначающій абсолютную нравственную состоятельность только въ одномъ этомъ смыслѣ. Если же мы хотимъ говорить о несовершенныхъ, хотя и полезныхъ учрежденіяхъ, то не должны называть ихъ «относительно справедливыми» или «справедливыми для настоящаго времени», но должны сказать, что это учрежденія наименѣе несправедливыя изъ возможныхъ при нашей обстановкѣ.

§ 5. Такъ какъ мы допустили, что соціальныя учрежденія могутъ сообразоваться съ нравственнымъ закономъ только въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ нравственность распространена среди народа, то иной на этомъ основаніи быть можетъ сочтетъ въ правѣ рѣшать, насколько нравственный законъ можетъ получить безопасное примѣненіе. Коль скоро между политической организаціей и народными свойствами должна быть сообразность, то политическій строй долженъ постепенно измѣняться, чтобы приноспособляться къ обстоятельствамъ времени. Процессъ такого приспособленія необходимо сопровождается неудобствами и даже страданіями. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что для избѣжанія такихъ золъ мы должны стараться примѣнить организацію къ требованіямъ времени; другими словами—благоразумныя соображенія должны ограничивать честолюбивыя стремленія людей къ осуществленію идеальнаго совершенства.

«Прогрессъ и въ то же время противодѣйствіе ему»—вотъ знаменитое изреченіе Гизо, которое по существу своему тожественно съ вышеприведеннымъ положеніемъ. Въ этихъ словахъ заключается несомнѣнная истина, но вовсе не та, какую въ нихъ предполагаютъ. Смотрѣть на общество издалека и указывать принципы его развитія—дѣло совсѣмъ другого рода, чѣмъ примѣнять эти принципы къ ежедневной жизни и управленію. Въ этомъ убѣдитъ ближайшее разсмотрѣніе. Мы видѣли, что достиженіе наибольшаго счастья слѣдуетъ съ извѣстной точки зрѣнія признавать цѣлью нравственности, но что вмѣстѣ съ тѣмъ это правило вовсе не

можетъ быть нашимъ руководителемъ (гл. III): точно въ такомъ же смыслѣ «прогрессъ и въ то же время противодѣйствіе ему» есть законъ общественной жизни; но вовсе не такой законъ, которымъ отдѣльные граждане могли бы руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ.

Мы вполнѣ согласны, что стремленіе къ тому, чему слѣдуетъ быть, должно быть ограничено *привязанностью къ современному состоянію*. Эти два чувства соотвѣтствуютъ двумъ сторонамъ нашей сложной теперь природы: съ одной стороны въ насъ еще существуетъ приспособленіе къ прежнимъ условіямъ существованія, а съ другой — мы приспособляемся къ новымъ. *Консерватизмъ* защищаетъ принудительныя учрежденія, которыя требуются еще живущей въ насъ дикостью. *Радикализмъ* стремится осуществить состояніе болѣе гармонирующее съ свойствами идеальнаго человѣка. Сила этихъ чувствъ пропорціональна необходимости тѣхъ учрежденій, для осуществленія которыхъ они существуютъ. Соціальная организація, удовлетворяющая данный народъ въ данное время, будетъ носить на себѣ печать подобныхъ чувствъ въ тѣхъ самыхъ размѣрахъ, въ какихъ они преобладаютъ въ это время въ народѣ. Отсюда проистекаетъ необходимость энергическаго и постояннаго проявленія обоего рода стремленій. Насъ должна радовать любовь къ отвлеченной справедливости, негодованіе противъ всякаго рода притязательности, энтузіазмъ въ стремленіи къ реформамъ; но въ то же время мы должны терпѣть проявленія противоположнаго направленія, потому что они необходимы. Мы должны терпѣть ихъ, все равно, какъ бы ни обнаружились эти проявленія: будутъ ли они состоять въ частной оппозиціи противъ каждаго улучшенія, или въ дѣтской сантиментальности Молодой Англіи, или въ отчаянныхъ попыткахъ возвратиться къ временамъ обожанія героевъ. До тѣхъ поръ, пока эти силы искренни въ своихъ убѣжденіяхъ, онѣ необходимы по естественному ходу вещей. Отъ времени до времени борьба приводитъ къ перемѣнѣ; дѣйствіе противоположныхъ силъ приводитъ къ движенію въ надлежащихъ размѣрахъ. Въ этомъ *смыслѣ* ученіе о прогрессѣ, соединенномъ съ противодѣйствіемъ, справедливо.

Подобное сопротивленіе можетъ быть дѣйствительно полезно лишь въ томъ случаѣ, когда оно исходитъ изъ среды

людей, убѣжденныхъ въ томъ, что учрежденія, защищаемыя ими, лучше всякихъ другихъ, и что предложенныя нововведенія абсолютно вредны. Но за это дѣло отнюдь не должны браться люди, втайнѣ одобряющіе перемѣну и лишь полагающіе, что нѣкоторое сопротивленіе въ этомъ случаѣ полезно. Истинная цѣль борьбы состоитъ въ томъ, чтобы создать гармонію между соціальными учрежденіями и народными свойствами, и такъ какъ за исключеніемъ извѣстнаго рода переходящихъ мнѣній, создаваемыхъ въ разгарѣ революціонныхъ страстей, всякое *честное* мнѣніе объ извѣстномъ общественномъ порядкѣ создается не интеллектуальной случайностью, а указываетъ на приспособленность или неприспособленность этого порядка къ нравственному настроенію того, кому принадлежитъ мнѣніе (гл. XX, § 10 и гл. XXX, § 7), то ясно, что гармонія между соціальными учрежденіями и народными свойствами можетъ установиться только тогда, когда всѣми заявляются *честныя* мнѣнія. Если какая-нибудь часть партіи движенія будетъ скрывать истинныя свои симпатіи и присоединится къ партіи застоя, единственно съ тою цѣлью, чтобы предупредить слишкомъ быстрый прогрессъ, то, поступая такимъ образомъ, она неизбѣжно должна разрушить правильное отношеніе между обществомъ и его учрежденіями. Дѣла идутъ правильно лишь до тѣхъ поръ, пока прогрессивныя стремленія ограничиваются *естественнымъ* консерватизмомъ, всегда присущимъ обществу. Но едва къ нему присоединяется консерватизмъ *искусственный*,—не тотъ, который основанъ на искренней любви къ старому, дѣйствующій во имя теоріи, что чувство это необходимо,—какъ правильное отношеніе между силами нарушается: результатъ борьбы не поведетъ болѣе по истинной дорогѣ, ея вліяніе на народную жизнь будетъ искажено. «Прогрессъ и въ то же время противодѣйствіе ему» есть законъ общественныхъ перемѣнъ и въ *этомъ смыслѣ* заключаетъ въ себѣ несомнѣнную истину; но выводъ, будто противодѣйствіе слѣдуетъ создавать *искусственно*, есть гибельная ошибка. Ошибочно предполагать, что сопротивленіе должно быть вызываемо искусственнымъ образомъ, и собственный опытъ Гизо показываетъ, что никто не можетъ сказать, до какихъ предѣловъ должно доходить консервативное сопротивленіе.

Для нравственнаго человѣка нѣтъ надобности входить въ по-

добнаго рода изслѣдованіе; ему и безъ того будетъ совершенно ясно, что такое поведеніе, противорѣчащее самому себѣ, не можетъ привести ни къ какимъ хорошимъ результатамъ. Извѣстный образъ дѣйствія можетъ привести къ дѣйствительному успѣху только тогда, когда онъ естественный, искренній. Міровыя дѣла не дѣлаются по системѣ великодушной двуличности. Въ природѣ всякая вещь обнаруживаетъ истинныя свои свойства; вліяніе, которое она производитъ, вытекаетъ изъ дѣйствительнаго ея существа. Ясно, что небесное тѣло, котораго часть состояла бы изъ призрачнаго, а не изъ реальнаго вещества, недолго оставалось бы по эту сторону хаоса: точно такъ же непрочно и общество, которое состоитъ изъ людей, не дѣйствующихъ согласно съ искренними своими убѣжденіями. Если мы чувствуемъ въ нашемъ сердцѣ, что извѣстная мѣра въ существѣ своемъ справедлива, а поступаемъ такъ, какъ будто считаемъ ее несправедливою, то никогда не сможемъ принести истинную пользу. Общество не можетъ процвѣтать путемъ лжи.

§ 6. Несмотря на все это, будетъ все-таки казаться неблагоразумнымъ отрицать необходимость осторожности въ этомъ дѣлѣ; конечно пренебреженіе «соображеніями благоразумія» съ цѣлью установить общество на чисто справедливомъ основаніи будетъ объявлено невозможнымъ; нельзя, скажутъ намъ, не обращать вниманія на обсужденіе этого вопроса съ точки зрѣнія каждой отдѣльной личности. Надобно сознаться, что здѣсь дѣйствительно отрицается такое обсужденіе. Но тотъ, кто дѣлаетъ подобное возраженіе, долженъ сначала спросить себя, какую цѣну можетъ имѣть взглядъ на подобное дѣло съ этой частной точки зрѣнія?

Какой вопросъ предлагается тутъ на разрѣшеніе?—Вопросъ: наступило ли время для произведенія извѣстной перемѣны? Способенъ или неспособенъ народъ къ болѣе совершенной формѣ, по сравненію съ тою, при которой онъ живетъ? Теперь спрашивается, можетъ ли частный человѣкъ считаться способнымъ отвѣтить на эти вопросы?—Видѣлъ ли онъ когда-нибудь эти милліоны, за которые хочетъ отвѣчать?—Хорошо, если онъ видѣлъ какую-нибудь десятую ихъ часть. Многихъ ли изъ нихъ онъ знаетъ?—Едва ли онъ въ состояніи назвать какихъ-нибудь двѣ тысячи именъ и обозначить ихъ занятія. Со сколькими изъ нихъ онъ ближе

знакомъ?—Быть можетъ съ нѣсколькими сотнями. Сколькихъ онъ знаетъ такъ хорошо, чтобы опредѣлить ихъ личный характеръ?—Такихъ не болѣе нѣсколькихъ десятковъ. Ему остается, слѣдовательно, судить по тому, что онъ читаетъ въ книгахъ и газетахъ, видитъ на митингахъ или слышитъ въ разговорахъ. По выдающимся чертамъ характера которыя такимъ образомъ доходятъ до его свѣдѣнія, онъ судитъ объ остальномъ. Неужели же онъ признаетъ такія заключенія достойными довѣрія?—Стоитъ ему очутиться среди людей, о которыхъ онъ читалъ или слышалъ, онъ долженъ убѣдиться, что получилъ ихъ самое ложное понятіе. Приводитъ ли источникъ, изъ котораго онъ почерпаетъ свои сужденія, всѣхъ къ одинаковымъ убѣжденіямъ?—Нисколько; на основаніи тѣхъ же данныхъ другіе люди составляютъ себѣ о народѣ совершенно иныя понятія. Неизмѣнны ли его собственныя убѣжденія?—Вовсе нѣтъ: онъ постоянно встрѣчается съ фактами, которые убѣждаютъ его, что обобщенія сдѣланы имъ на основаніи недостаточныхъ данныхъ, и это заставляетъ его повѣрять свои сужденія. Но, можетъ статься, онъ можетъ составить себѣ сносно правильное понятіе о людяхъ ему незнакомыхъ по среднему уровню характеровъ, съ которыми знакомъ лично?—Едва ли: потому что объ этихъ личныхъ своихъ знакомыхъ онъ имѣетъ вообще невѣрное понятіе. Самые близкіе друзья при случаѣ удивляютъ его совершенно неожиданнымъ поведеніемъ. То же самое случается даже съ тѣми, съ кѣмъ онъ находится въ наиближайшихъ сношеніяхъ: съ братьями, сестрами, дѣтьми. Мало этого, онъ имѣетъ лишь весьма ограниченныя понятія о самомъ себѣ. Часто человѣкъ совершенно ясно представляетъ себѣ, какъ онъ будетъ поступать при извѣстныхъ новыхъ обстоятельствахъ; обыкновенно однако случается, что когда такія обстоятельства возникнутъ, то онъ начинаетъ дѣйствовать вовсе не такъ, какъ предполагалъ.

Какую же цѣну можетъ имѣть сужденіе такого ограниченнаго ума по вопросу: способна или неспособна нація къ произведенію извѣстныхъ реформъ?—Вотъ человѣкъ, который утверждаетъ, что можетъ сказать, какъ поведутъ себя тридцать милліоновъ людей при учрежденіяхъ нѣсколько болѣе свободныхъ, чѣмъ современныя. Девять десятыхъ изъ нихъ онъ даже не видалъ; признать можетъ онъ изъ нихъ

лишь нѣсколько тысячъ; лично знакомъ онъ только съ безконечно малой частью, да и эту часть знаетъ такъ недостаточно, что почти относительно каждаго изъ нихъ ошибается либо въ томъ, либо въ другомъ отношеніи; этотъ человѣкъ не можетъ угадать, какъ будетъ поступать *самъ* подъ вліяніемъ неиспытанныхъ еще обстоятельствъ,—а предлагаетъ, что можетъ сказать, какъ при такихъ условіяхъ поступитъ *цѣлая нація*!—Что же это, если не самая нелѣпая несообразность между претензіями и способностями?

Если разница между современными и предполагаемыми учрежденіями слишкомъ велика, если предполагается напр. отъ чистаго деспотизма перейти къ совершенной свободѣ, то мы можемъ предсказать навѣрное, что результатъ не будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ. Успѣхъ учрежденій зависитъ отъ ихъ приспособленности къ народнымъ свойствамъ, а эти послѣднія не могутъ вдругъ сильно измѣниться; поэтому внезапная замѣна существующихъ учрежденій учрежденіями совершенно противоположными необходимо породитъ несоотвѣтствіе порядковъ жизни и характера и приведетъ къ неудачѣ. Но вопросъ о возможности произносить въ этихъ случаяхъ свое сужденіе вовсе не касается такихъ исключительныхъ обстоятельствъ. Здѣсь говорится о томъ, слѣдуетъ ли гражданину опасаться защищать реформы въ то время, когда онѣ производятся посредствомъ мирнаго выраженія своего мнѣнія; а выше было показано (гл. XXX, § 10), что такія крайнія измѣненія никогда не производятся мирнымъ путемъ. Это результаты революціонныхъ страстей, стоящихъ внѣ предѣловъ какихъ бы то ни было политическихъ соображеній. О предполагаемой осторожности можно говорить только тогда, когда усовершенствованіе обсуждается и пропагандируется мирнымъ путемъ, т. е. когда время для наступленія перемѣны опредѣляется обстоятельствами. Надлежащее употребленіе осторожности возможно въ этихъ случаяхъ лишь при такомъ точномъ знакомствѣ съ народомъ, чтобы можно было прямо сказать: «онъ еще не созрѣлъ»—или «теперь онъ созрѣлъ». Но предполагать въ себѣ такое знакомство нелѣпо: для этого нужно обладать всевѣдѣніемъ.

Какимъ же образомъ можемъ мы опредѣлить, когда наступило время для извѣстной перемѣны? Мы не имѣемъ для этого никакихъ средствъ,—оно само опредѣлитъ себя. Зану-

тываться въ подобныхъ вопросахъ для насъ безполезно и нелѣпо. Безъ насъ приняты мѣры, чтобы каждая истина появилась въ свое надлежащее время. Та же самая перемѣна въ человѣческой природѣ, которая приспособляетъ ее къ болѣе совершеннымъ соціальнымъ формамъ, производитъ и убѣжденіе въ справедливости этихъ формъ (гл. XXX, § 8), а порождая такое убѣжденіе, она вызываетъ къ жизни и самыя формы. Мнѣнія людей порождаются ихъ свойствами (Уч. о пр. ч. § 5; гл. XVI, § 3) и слѣдовательно должны быть въ гармоніи съ этими послѣдними. Вслѣдствіе этого, учрежденія, гармонирующія съ мнѣніями, должны соотвѣтствовать и свойствамъ.

§ 7. Чистосердечный читатель теперь самъ видитъ путь для выхода изъ затрудненія, въ которое онъ былъ поставленъ съ одной стороны убѣжденіемъ, что совершенный законъ есть единственный вѣрный руководитель, а съ другой—сознаніемъ, что совершенный законъ не можетъ быть выполняемъ несовершеннымъ человѣкомъ. Пусть онъ надлежащимъ образомъ проникнется убѣжденіемъ, что мнѣнія представляютъ орудіе, посредствомъ котораго человѣкъ приспособляетъ внѣшнія обстоятельства къ своимъ свойствамъ,—что его, читателя, мнѣнія въ частности по справедливости составляютъ часть этого орудія, единицу той силы, которая вмѣстѣ съ другими единицами производитъ соціальныя перемѣны. Тогда онъ пойметъ, что ему нужно вполнѣ проявить свои искреннія убѣжденія и затѣмъ предоставить на произволъ судьбы то вліяніе, которое они произведутъ. Недаромъ онъ обладаетъ симпатіями къ извѣстнымъ принципамъ и отвращеніемъ къ другимъ. Со всѣми своими способностями, желаніями и убѣжденіями, онъ не составляетъ въ природѣ случайность, но произведеніе своего времени. Для того, чтобы сдѣлать изъ него то, что онъ есть, нужны были вліянія, дѣйствовавшія на предыдущія поколѣнія, вліянія, развивавшія его самого; нужны были—воспитаніе, которое онъ получилъ въ дѣтствѣ, и обстоятельства, среди которыхъ онъ жилъ потомъ. Результатъ, къ которому все это въ немъ привело, имѣетъ свою цѣль. Читатель не долженъ забывать, что онъ настолько же дитя прошедшаго, насколько отецъ будущаго. Развитое въ немъ нравственное чувство должно быть орудіемъ для произведенія дальнѣйшаго прогресса. Мѣшать его проявленію,

скрывать тѣ мысли, которыя это чувство въ немъ порождаетъ, значитъ противодѣйствовать намѣреніямъ творческой міровой силы. Онъ долженъ считать себя, на равнѣ со всякимъ другимъ человѣкомъ, однимъ изъ орудій, посредствомъ которыхъ дѣйствуетъ природа. Если природа порождаетъ въ немъ какое-либо убѣжденіе, то она чрезъ это уполномочиваетъ его открыто признавать и дѣйствовать на основаніи такого убѣжденія. «Природу мы не можемъ улучшить никакими средствами,—средства эти въ ея же рукахъ: выше искусства, которое мы прилагаемъ къ природѣ, стоитъ искусство, рожденное самою же природой».

Поэтому разсудительный человѣкъ не станетъ смотрѣть на поселенныя въ немъ убѣжденія какъ на случайность; не взглянетъ на нихъ какъ на вещь, которую можно презирать и подчинять политическимъ расчетамъ; онъ будетъ смотрѣть на нихъ какъ на высшій авторитетъ, которому онъ долженъ подчинять всѣ свои поступки. Онъ станетъ безстрашно высказывать самую глубокую истину, до которой только былъ въ состояніи додуматься, и будетъ стремиться обратить въ дѣйствительность самый чистый изъ своихъ идеаловъ. Какова бы ни была судьба его мысли, онъ знаетъ, что сдѣлалъ свое дѣло въ жизни: а тамъ — достигнетъ онъ своей цѣли—прекрасно;—нѣтъ—и то хорошо, хотя, конечно не настолько хорошо, какъ первое.

§ 8. Проповѣдуя единообразное, безусловное повиновеніе, чисто отвлеченная философія совпадаетъ со всякой истинной религіей. Будьте вѣрны своей совѣсти — вотъ чему учатъ и та, и другая. Мы безусловно должны подчиняться тому, что считаемъ предписаннымъ для насъ закономъ, безъ колебаній, безъ уклоненій подъ предлогомъ вѣроятныхъ результатовъ. Мы не должны проповѣдывать принциповъ, которые добровольно нарушаются нашимъ поведеніемъ. Мы не должны слѣдовать примѣру тѣхъ, которые объявляютъ своимъ девизомъ: «Боже, управляй нами» и затѣмъ пренебрегаютъ тѣмъ направленіемъ, которое имъ дается, а стараются сами направлять себя. Мы не должны впадать въ тотъ практическій атеизмъ, который признаетъ въ человѣческихъ дѣлахъ одного руководителя—свою собственную ограниченную предусмотрительность и старается разыгрывать роль Бога, принимая на себя рѣшеніе вопроса, что хорошо или дурно для человѣче-

ства. Напротивъ, мы съ искреннимъ смиреніемъ должны отыскивать правила, предписанныя для насъ; мы безъ всякаго колебанія должны слѣдовать тому, чего они требуютъ, не разсуждая о послѣдствіяхъ; мы должны поступать такимъ образомъ въ томъ убѣжденіи, что только тогда повсюду разовьется процвѣтаніе, когда всякій будетъ поступать совершенно искренно, всегда останется вѣренъ самому себѣ и постарается осуществить то, что считаетъ идеаломъ справедливости.

№11684 Областная

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе къ американскому изданію 3
Предисловіе къ изданію 1850 года 5

ВВЕДЕНІЕ.

Утилитарная философія 7
Ученіе о нравственномъ чувствѣ 24
Лемма первая 41
Лемма вторая 49

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.—Опредѣленіе нравственности 67
II.—Исчезновеніе зла 72
III.—Божественная идея и условія ея осуществленія . 80

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.—Первоначальный источникъ основного начала . 90
V.—Второстепенный источникъ основного начала . 107
VI.—Основное начало 121
VII.—Примѣненіе основного начала 128
VIII.—Права на жизнь и на личную свободу 131
IX.—Право пользованія землею 133
X.—Право собственности 146
XI.—Право собственности на идею 157
XII.—Право собственности на репутацію 165
XIII.—Право мѣны 169
XIV.—Право свободнаго слова 171
XV.—Дальнѣйшія права 177
XVI.—Права женщинъ 178
XVII.—Права дѣтей 197

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Стр.

ГЛАВА XVIII.—Политическія права 223
XIX.—Право игнорировать государство 235
XX.—Устройство государства 248
XXI.—Обязанности государства 286
XXII.—Предѣлы обязанностей государства . . . 313
XXIII.—Регламентація торговли и промышленности 338
XXIV.—Религіозныя учрежденія 348
XXV.—Законы о бѣдныхъ 355
XXVI.—Народное образованіе 375
XXVII.—Правительственная колонизація 405
XXVIII.—Санитарная полиція 421
XXIX.—Монетная система, почтовыя учрежденія и пр. 448

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XXX.—Общія соображенія 463
XXXI.—Общій итогъ 514
XXXII.—Заключеніе 520